

Г. Гаррисон

Крыса из
нержавеющей
стали

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

14/1

Гарри Гаррисон

**КРЫСА
ИЗ
НЕРЖАВЕЮЩЕЙ
СТАЛИ**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

КИШИНЕВ
1992

Составитель *В. П. Кирчев*

Г. Гаррисон.

Г 21 Крыса из нержавеющей стали, сб. науч.-фантаст. произведений./пер. с англ.; сост. В. П. Кирчев — К., «ЭЯ», 1992 — 528 стр.

ISBN 5~85268~047~8

В сборник включены первые четыре произведения, «Крыса из нержавеющей стали»

ISBN 5~85268~047~8

© Составитель В. П. Кирчев

© Художник М. Нихалев

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ ПОЯВЛЯЕТСЯ НА СВЕТ

Как только я подошел к парадной двери центрального банка Бит О'Хэвен, она почувствовала мое присутствие и приветливо распахнулась, приглашая войти. Я проворно шагнул внутрь и остановился, оказавшись все же не так близко к двери, чтобы она не смогла закрыться позади меня. Пока ее створки скользили друг к другу, я вытащил из сумки многофункциональный аппарат и провел им по периметру дверного проема, когда они полностью закрылись. Я засекал время по табло, когда наведывался в банк в прошлый раз, так что точно знал, что у меня имеется 1,67 секунды, чтобы сделать все необходимое. Времени достаточно. Аппарат зажужжал и засветился ярким пламенем, надежно заварив двери по всему периметру. После этого дверь только и могла, что беспомощно жужжать, не двигаясь с места, пока что-то там в ее механизме не замкнуло, и она, затрещав и заискрившись, совсем не затихла.

— Порча банковской собственности — преступление. Вы арестованы.

Как и полагается, банковский робот-охранник вытянул вперед свои огромные, механические руки, попытавшись схватить меня и удержать до прибытия полиции.

— Как-нибудь в другой раз, говорящая развалюха, — огрызнулся я, втыкая ему в грудь иглу свинобраза мощностью триста вольт и множество ампер. Достаточно, чтобы организовать небольшое короткое замыкание. Дым повалил из всех стыков робота, и он рухнул на пол с подобающим его массе грохотом. Рухнул он позади меня, так как я в это время уже проскочил вперед, отстранив плечом пожилую даму, которая стояла перед окошком кассира. Я вытащил из своей сумки огромный автомат и, выставив его на кассира, прорычал свое приказание.

— Жизнь или кошелек, сестрица. Наполни-ка эту сумочку зелеными.

Очень выразительно, хотя мой голос дрогнул слегка, и последние слова прозвучали немного пискляво. Кассир заулыбалась в ответ на это и самым наглым образом попыталась увернуться от ответа.

— Проваливай отсюда, сынок. Это тебе не...

Я нажал на курок, и безоткатный автомат прогудел у нее над самым ухом. Я не убил ее, хотя вполне мог бы. Она, закатив глаза, медленно соскользнула под кассу.

Вам не так-то просто будет одержать вверх над Джимми ди Гризом! Одним прыжком я оказался на стойке и, раз-

махивая автоматом, крикнул оставшимся служащим, которые смотрели на меня широко открытыми глазами:

— Отступите назад — все вы! Быстро! Мне не хочется, чтобы кто-нибудь из вас нажал на беззвучную сигнальную кнопку. Вот так-то. Ты, ластивый колобок, — я махнул толстому кассиру, который всегда игнорировал меня в прошлом. Сейчас он был весь внимание. — Наполни эту сумочку зелеными, крупными купюрами, и прямо СЕЙЧАС.

Он делал все так быстро, как только мог, неумело шаря руками и покрываясь холодным потом. Клиенты и персонал стояли вокруг в нелепых позах, парализованные страхом. Дверь в контору директора оставалась закрытой, это значило, что его скорее всего нет на месте. Пухлый набил сумку банкнотами и протянул мне. Полиция не появлялась. У меня был прекрасный шанс успешно завершить дело. Я шепотом пробормотал какое-то грязное ругательство и ткнул пальцем в один из мешков, заполненных монетами.

— Выгружай мелочь и заполняй сумку, — приказал я насмешливым и в то же время ворчливым голосом.

Он с готовностью повиновался, и вскоре сумка была заполнена. И снова никаких признаков полиции. Могло ли так быть, чтоб ни один из этих служащих при деньгах идиотов не нажал на сигнальную кнопку. Наверное, могло. Нужно было срочно что-то предпринять.

Я потянулся и сгреб еще один мешок с медью.

— Давай, клади сюда зеленые тоже, — приказал я, бросая мешок кассиру.

Сделав это, я все же дотянулся локтем до сигнальной кнопки. Бывают в жизни дни, когда все приходится делать самому. Это произвело желаемый эффект. К тому времени, когда третий мешок был наполнен купюрами и я, шатаясь под их тяжестью, зашагал к двери, появилась полиция. Одна полицейская машина врезалась в другую (внезапное появление полиции редко в этих краях), но в конечном итоге они рассортировались по местам и выстроились снаружи, с автоматами наготове.

— Не стреляйте, — пропихал я. С неподдельным страхом, потому что вид большинства из них не вызывал никакого веселья. Они не могли меня слышать через стекло, но видеть могли прекрасно.

— Это холостые патроны, — выкрикнул я. — Смотрите!

Я приставил дуло автомата к виску и нажал курок. Из дымового генератора повалили подходящие ситуации клубы дыма, и звукового эффекта от выстрела было достаточно, чтобы у меня загудело в ушах. Я повалился на пол позади стойки, подальше от их устрашающего взгляда. По крайней мере теперь не должно быть пальбы. Я терпеливо подождал, пока они накричатся и наругаются вдосталь и в конце концов выломают дверь.

Если вы находите, что все мною рассказанное сбивает вас с толку — если это так, вашей вины здесь нет. Одно дело

взять банк, и совсем другое — сделать это так, чтобы быть уверенным, что тебя поймут. Зачем, спросите вы, зачем нужно было совершать такую глупость? Буду счастлив вам обо всем рассказать. Чтобы понять, что мною двигало, вам нужно понять, что из себя представляет жизнь на этой планете — и какова была здесь МОЯ жизнь. Позвольте мне объяснить.

Бит О'Хэвен была основана несколько тысячелетий назад какой-то экзотической религиозной сектой, которая с тех пор успела, к счастью, кануть в Лету. Они прибыли сюда с другой планеты. Говорят, что это была Земля, которая, по слухам, является родиной всего человечества, но я сомневаюсь в этом. Во всяком случае, дела у них шли не так уж хорошо. Может быть, бесконечный труд был слишком непосилен для них — надо думать, что и в прежние времена жизнь не была сплошным праздником. Об этом нам постоянно напоминают наши учителя, особенно когда хотят подчеркнуть, насколько испорчена нынешняя молодежь. А нам удается не рассказывать им о том, что и они должны быть испорчены, ведь за последнее тысячелетие жизнь здесь практически не изменилась. Для людей планета была непригодна, даже более того, опасна для жизни. Весь растительный мир представлял собой чистейшую отраву для человеческого организма, и нужно было полностью очистить планету от него, чтобы можно было выращивать съедобные культуры. Местная фауна тоже была непригодна для пищи, да к тому же имела безобразнейшие когти и зубы, царапающие и кусающие всех подряд. Звери были ужасно упрямые. Они так плохо приручались, что обычным коровам и овцам не оставалось никакой надежды на долгую жизнь. Но в конце концов тщательный отбор селекционеров сделал свое дело, в результате чего появился свинообраз. Если сможете, представьте себе — огромный свирепый боров весом с тонну, с острыми клыками и подлым несговорчивым нравом. Картину завершают длинные острые иглы, покрывающие создание сплошь, словно какого-то безумного дикобраза. Как ни странно, но замысел заработал; раз уж фермы до сих пор продолжают выращивать свинообразов в таком количестве, он просто обязан работать. И Копченые Окороча Свинообразов с Бит О'Хэвен прославились на всю вселенную. Но вы не встретите гостей из Галактики, спешащих посетить нашу планету. Я вырос здесь, я знаю. Наше обиталище настолько скучно и однообразно, что нагоняет тоску даже на свинообразов. Но самое смешное, что, как мне кажется, только я один это и замечаю. А на остальных просто забавно было смотреть. Моя мамочка всегда думала, что это возрастные переживания, и сжигала в моей спальне иглу свинообраза, народное средство от вышеупомянутого. Папочка всегда опасался, что это признаки начинающейся шизофрении и повадился ежегодно таскать меня к доктору. Доктор не смог найти никаких нарушений, и по его теории выходило, что я скорей всего потомок первых поселенцев, атавизм на теле современного общества.

Но все это было много лет назад. С тех пор как папаша выкинул меня из дома в пятнадцать лет, я не был больше замучен родительским вниманием. Это случилось после того, как он проверил как-то ночью мои карманы и обнаружил, что денег у меня гораздо больше, чем у него. Мамочка полностью согласилась с ним и даже открыла мне дверь пошире. Думаю, что они были рады видеть меня в последний раз. Я, разумеется, был главным раздражающим фактором в их размеренной коровьей жизни.

Что я думаю по этому поводу? Думаю, что быть изгнанником не очень-то приятно и чертовски одиноко временами. Но я не думаю, что мне мог бы быть уготован иной путь. Он порождает свои определённые трудности, но из любого безвыходного положения всегда можно найти выход. Например, одна проблема, с которой мне удалось справиться, — это то, что меня вначале все время били ребята постарше. Это началось сразу же, как только я стал ходить в школу. Я совершил ошибку поначалу, дав им понять, что намного сообразительнее их. А раз так, получай синяк под глазом. Школьным драчунам это так понравилось, что они вставали в очередь, чтобы поколотить меня. И мне удалось разорвать этот порочный круг, только подкупив университетского учителя физкультуры, который научил меня рукопашному бою. Я ждал, пока по-настоящему не овладею всеми приемами, и лишь тогда нанес ответный удар. Затем я уложил своего главного соперника и продолжал молотить еще троих или даже больше головорезов, одного за другим. Стоит ли говорить, что после этого вся малышня превратилась в моих друзей, и они не уставали повторять, как потрясающе выглядело мое преследование шести самых отъявленных негодяев во всем квартале. Как я уже говорил, из любого безвыходного положения найдется достойный выход, а иногда и весьма приятный.

А где я взял денег, чтобы подкупить учителя? Не у отца, могу вас заверить в этом. Три доллара в неделю — вот и все мои карманные деньги, их хватало только на то, чтобы купить два Гаспо-физа или небольшую плитку шоколада с наполнителем. Нужда, не жадность, преподнесла мне первые уроки экономики. Покупай задешево и продавай задорого, а прибыль оставляй себе. Конечно же, я ничего не смог бы купить, не имея никакого капитала, поэтому для накопления основного продукта мне пришлось прибегнуть к его бесплатному приобретению. Все дети стягивают в магазинах мелочевку. Все проходят через эту стадию, и обычно тяга к мелкому воровству выбивается навсегда, как только воришка оказывается пойманным. Я видел невеселые и плачевные результаты их провалов и решил провести сначала обследование рынка, изучить хронометраж и способы телодвижений, прежде чем вступить на путь мелкого жульничества. Самое главное не связываться с мелкими коммерсантами. Они знают весь

свой ассортимент и крайне заинтересованы в том, чтобы он оставался в целостности и сохранности. Лучше идти за покупками в большие универмаги. В таком случае вам придется опасаться только лишь местных сыщиков и сигнальных систем. Внимательное изучение того, как они работают, поможет вам придумать средство, чтобы обойти их. Одно из моих самых ранних и примитивных средств — мне просто стыдно раскрывать всю его простоту — я бы назвал его книга-ловушка. Я сконструировал коробочку, которая выглядела точно как книга. Только у нее дно было снабжено пружиной и легко поворачивалось внутрь. Все, что мне нужно было сделать, это просто положить книгу на ничего не подозревающую плитку шоколада, и она мигом исчезала из поля зрения. Это был довольно грубый и непродуманный прием, но я успешно применял его достаточно продолжительное время. Я уж было совсем собирался бросить его, придумав более совершенное приспособление, но вдруг осознал, что мне представляется весьма удобный случай покончить с ним самим благоприятнейшим образом. Нужно было проучить Смелли*. Звали его Бедфорд Смиллингэм, но мы всегда называли его не иначе, как Вонючка. Как некоторые бывают прирожденными танцорами или художниками, другие рождаются для более скромных дел. Смелли был прирожденным доносчиком. Единственным удовольствием в его жизни было доноительство на своих одноклассников. Он подглядывал и следил и ябедничал. Ни один пустячный проступок его сверстника не был пустяковым для него и не был обойден его вниманием и не доведен до сведения администрации. Они любили его за это — что может дать вам представление о том, что за учителя нас воспитывали. И никто не мог поколотить его как следует без вреда для себя. Ему всегда верили на слово, и попадало в основном самим драчунам. Смелли сделал мне какую-то мелкую пакость, я уж и не помню, что конкретно, но этого было достаточно, чтобы возбудить во мне темные мысли и даже заставить разработать план действий. Хвастовство доставляет удовольствие всем мальчишкам, и я приобрел очень важный статус, притащив в свою компанию ловушку для сластей в виде книжки. Последовали охи и ахи, которые стали еще громче, когда я выделил часть содержимого книжки для угощения. Но я сделал это не только для того, чтобы поднять свой рейтинг, но и для того, чтобы удостовериться, что Смелли подслушивает нас. Мне до сих пор кажется, что все это произошло только вчера, и мне стало тепло от нахлынувших на меня вдруг воспоминаний.

— Это не только срабатывает — но я покажу вам, как это происходит. Пойдемте со мной в универмаг Мигс Мультисто!

— Неужели это возможно, Джимми?

— Возможно, возможно. Но только не всем табуном сразу.

* Смелли (Smelly) — зловонный (англ.).

Двигайтесь по несколько человек к магазину и стойте там где-нибудь, чтобы вам был виден прилавок со сладкими плитками. Будьте там ровно в 15.00, и вы что-нибудь да увидите!

После этого я разогнал ватагу и стал наблюдать за кабинетом директора. Как только Смелли исчез за дверь, я со всех ног помчался в раздевалку и отпер его кабинку.

Сработано превосходно. Я даже горжусь собой, потому что это был мой первый преступный сценарий, который я приготавил для других. Они об этом и не подозревали. В назначенное время я подрулил к прилавку со сладостями у Мингса, старательно не замечая своих заговорщиков, которые тоже изо всех сил старались делать вид, что не обращают на меня внимания. Совершенно расслабленным движением (ненапряженным жестом) я положил книгу на прилавок поверх конфет и нагнулся, чтобы завязать шнурок на ботинке.

Попался! — закричал самый большой и сильный из них, хватая меня за воротник пальто.

— Держи его! — радостно вопил другой, сграбастав книгу.

— Что ты делаешь? — хрипло прокаркал я — мне оставалось только хрипеть, потому что пальто тесно сдавило мне горло, так как я оказался почти подвешенным на воротнике. — Вор — отдай мою книжку по истории, она стоит целых семь долларов, ее купила мне моя мамочка на деньги, которые она заработала, вытряхивая иглы свинообразов из их подстилок!

— Книжку? — здоровый хулиган ухмыльнулся. — Мы знаем, что это за книжка. — Он схватил обе обложки и рванул их. Книга открылась, и надо было видеть выражение его лица, когда из нее посыпались страницы.

— На меня наговорили, — пропищал я, расстегнув пальто и выпав из него, растирая одновременно ноющую шею. — И наговорил тот, кто хвастал, что использует данное приспособление для своих собственных гнусных целей. Он стоит вон там, его зовут Смелли. Хватайте его, ребята, покуда он не убежал!

Смелли только и оставалось, что стоять и изумленно таращить глаза, когда проворные руки его ровесников тесно сомкнулись вокруг него. Учебники рассыпались по полу, и коробка, имитированная под книжку, раскрылась, извергая из себя содержимое из сладких плиток с наполнителем. Это было просто замечательно. Слезы, и взаимные обвинения, и крики. А также прекрасный способ отвлечь внимание. Потому что в этот день я провел полевые испытания своего нового приспособления — Поглотителя Конфет Номер Два. Я долго и упорно работал над его изобретением, взяв за основу бесшумный вакуумный насос, камера которого находилась в моем рукаве. Я поднес руку к сахарным плиткам — фьють! — и первая из них исчезла из виду. Она осела где-то в моих штанах, или лучше сказать внутри отвратительнейших брюк-гольф, которые мы обязаны носить в качестве школьной формы. Они висели на мне мешком и были прихвачены чуть выше лодыжки тугой эластичной резинкой. Сладкая плитка благополучно

провалилась в них, за ней последовала другая, потом третья. Если бы я только мог остановить этот насос. Но слава богу, Смелли продолжал вопить и сопротивляться. Все внимание было приковано к нему, а не ко мне в этот момент, когда я никак не мог справиться с выключателем. Тем временем насос продолжал засасывать конфетки с наполнителем, и они, едва успевая проскакивать по рукаву, падали мне в штаны. В конце концов мне удалось выключить его, но если хоть кто-нибудь удосужился бы посмотреть в мою сторону! Пустой прилавок и разбухшие формы моих ног могли бы вызвать определенное подозрение. Но, к счастью, никто не удосужился. Я выскочил на улицу через вращающиеся ворота со всей быстротой, на которую был способен. Как я уже говорил, мне всегда приятно вспоминать об этом. Это, конечно, не объясняет, почему я сегодня, в день своего рождения, принял такое важное решение, как сорвать банк. И быть пойманным. Полиция наконец выломала двери и толпой ввалилась в помещение. Я поднял руки вверх над головой и приготовился встретить их с самой приветливой улыбкой.

День моего рождения,— вот главная причина. Мой семнадцатый день рождения. Семнадцатилетие здесь на Бит О'Хэвен — это очень важный момент в жизни молодого человека.

Судья наклонился вперед и пристально посмотрел на меня, взгляд его не был злым и враждебным.

— Ну, а теперь, Джимми, давай расскажи мне, зачем тебе понадобилось разыгрывать эту глупую шутку.

Судья Никсон имел летний домик на реке, недалеко от нашей фермы, и я очень часто приходил к его младшему сыну, поэтому судья был со мной прекрасно знаком.

— Мое имя Джеймс ди Гриз, судья. Не нужно фамильярностей.

Можете себе представить, какая густая краска залила все его лицо. Огромный красный нос торчал, словно лыжный трамплин, и ноздри бешено раздувались.

— Тебе следует быть более почтительным в зале суда! Тебе предъявлены серьезные обвинения, мой мальчик, и лучше было бы, если бы ты держался в рамках приличия. Я назначаю Арнольда Фортескью, общественного защитника, твоим адвокатом...

— Мне не нужен адвокат — и уж в особенности я не нуждаюсь в услугах старика Скью, который так давно не может жить без спиртного, что на свете не осталось ни одного человека, который бы видел его хоть раз трезвым...

С галерки послышался чей-то серебристый смех, приведший судью в крайнюю ярость.

— Тишина в зале! — заревел он, ударив молоточком с такой силой, что отломилась ручка. Он бросил обломок через весь зал и сердито посмотрел на меня.— Ты испытываешь терпение суда. Адвокат Фортескью уже назначен...

— Только не мной. отошлите его обратно в Муниз Бар.

Я признаю себя виновным по всем статьям и верю свою судьбу самому гуманному и справедливому суду на свете.

Он глубоко вздохнул, заметно вздрогнув при этом, и я решил его немного успокоить, пока его не хватил удар, и он не упал в обморок; тогда получится, что в ходе судебного разбирательства были допущены нарушения процессуальных норм, а это отнимет еще бог знает сколько времени.

— Прошу прощения, судья,— я опустил голову, чтобы скрыть едва сдерживаемую улыбку.— Но я совершил проступок и должен понести наказание.

— Ну, вот, так-то лучше, Джимми. Ты всегда был смысленным парнем, и мне просто не хотелось бы видеть, как пропадают зря все твои способности. Ты отправишься в исправительную колонию для подростков сроком не более, чем...

— Простите, ваша честь,— прервал его я.— Это невозможно. О, если бы я совершил мои преступления на прошлой неделе или даже в прошлом месяце! Закон очень строг в этом отношении, и мне не уйти от наказания. Сегодня день моего рождения. Мне уже семнадцать.

Я здорово сумел осадить его. Охрана терпеливо ждала, пока он набивал вопросы на своем терминале. Репортер местной газеты «Голос» в это время тоже усердно работал над своим портативным терминалом, загоняя в компьютер, наверное, целую историю. Судье не пришлось долго ждать ответов. Он глубоко вздохнул.

— Да, действительно. Твои данные говорят о том, что тебе сегодня семнадцать лет, ты достиг совершеннолетия. Теперь ты уже не малолетка и должен отвечать за все, как взрослый. Это безусловно предполагает тюремное заключение — если я не буду принимать во внимание смягчающие обстоятельства. Преступление совершено подзащитным впервые, он еще слишком молод и полностью осознает, что поступил неправильно. В наших силах сделать небольшое исключение, смягчить приговор или ограничить срок. Таково мое решение...

Меньше всего на свете мне хотелось бы сейчас услышать его решение. Дело обернулось совсем не так, как я планировал, совсем не так. Необходимо было что-то предпринять. И я предпринял. Мой вопль заглушил последние слова судьи. Продолжая вопить, я нырнул со скамьи подсудимых и, перекачиваясь по полу, очутился на другом конце зала, прежде чем ошарашенная аудитория двинулась со своих мест.

— Ты не будешь больше писать обо мне всякие непристойности, ты — писака наемный,— закричал я. Затем я вырвал терминал из рук репортера и грохнул его об пол. Топча ногами шестисотдолларовую машину, я превращал ее в никому не нужный хлам. Я ловко уворачивался от него, прыгая вокруг, но ему все же удалось меня схватить и отшвырнуть к двери. Стоявший там полицейский попытался удержать меня — но тут же согнулся пополам, когда я двинул ему ногой в живот. Я мог бы наверняка сбежать, но побег вовсе не входил в мои планы. Я задержался у двери, неуклюже дергая ручку,

пока кто-то не сгрел меня, и продолжал сопротивляться до тех пор, пока не был повален на пол. На этот раз на меня надели наручники, посадив на скамью подсудимых, и судья больше не называл меня «Джимми, мой мальчик». Кто-то на-шел ему новый молоточек, и он размахивал им в моем на-правлении, словно желая размоzzить им мою голову. Я рычал и старался выглядеть очень грубым и агрессивным.

— Джеймс Боливар ди Гриз,— нараспев произнес он.— Я приговариваю вас к максимальному сроку за то преступле-ние, которое вы совершили. Исправительные работы в город-ской тюрьме до прибытия следующего корабля Лиги, после чего вы будете отосланы в ближайший лагерь для коррек-ции преступников.— Молоточек грохнул по столу.— Уведите!

Это мне понравилось больше. Я пытался вырваться из кандалов и изрыгал на судью проклятия, чтобы он не дай бог не проявил слабость в самый последний момент. Этого не случилось. Два дородных полицейских сгребли меня и как есть выволокли из зала суда, не слишком нежно впихивая меня в черный воронок. Только когда дверь за мною захлопну-лась, я откинулся на сиденье, расслабился и позволил себе наконец-то победно улыбнуться. Да, победно, я это и имел в виду. Смысл всей операции как раз и заключался в том, чтобы быть арестованным и помещенным в тюрьму. Мне необходима была кое-какая профессиональная подготовка. В моем безрас-судстве присутствовала стройная система. Очень рано в своей жизни, может с тех самых пор, когда я так успешно таскал из магазина сладкие плитки, я начал серьезно задумываться о карьере преступника. По многим причинам — хотя немало-важно было и то, что мне доставляло удовольствие быть преступником. Денежное вознаграждение было достаточно велико: никакая другая работа не оплачивалась так щедро за меньший труд. И, должен признаться, что я просто наслаж-дался чувством превосходства, когда мне удавалось превратить всех остальных окружающих меня людей в болванов. Кто-то скажет, что это все мальчишеские эмоции. Возможно — но от этого они не становятся менее приятными. В то же самое время передо мной стояли серьезные проблемы. Как я должен был готовить себя для будущего? Существовало много кое-чего получше шоколада с наполнителем, что можно было ста-щить. На некоторые вопросы я видел ясные ответы. Деньги, вот что мне было нужно. Деньги других людей. Деньги хра-нились взаперти, так что чем больше я узнаю о замках и запорах, тем больше у меня появится возможностей добраться до этих денег. Впервые в своей школьной жизни я энергично принялся за работу. Мои отметки взлетели так высоко, что учителя стали подумывать, что я не совсем безнадежен. Я делал такие успехи, что когда я выбрал профессию слесаря, они не переставали радоваться. Курс был рассчитан на три года, но я изучил все, что нужно было знать, за три месяца. Я попросил разрешения для сдачи итоговых экзаменов. И получил отказ. Так не делается, объяснили мне. Я должен

развиваться с такой же определенной последовательностью, как и все остальные, и через два года и девять месяцев получу свой диплом, покидая школу. И пополню ряды подневольных наемных работяг. Не очень-то заманчиво. Я попытался сменить курс обучения, но мне сообщили, что это невозможно. СЛЕСАРЬ — было высечено у меня на лбу, образно выражаясь, и это клеймо останется на мне на всю жизнь. Так они думали. Тогда я начал пропускать уроки и отсутствовал иногда по нескольку дней. Они ничего не могли с этим поделать, несмотря на строгие выговоры администрации, потому что я всегда появлялся на экзаменах и получал высшие отметки. Я просто обязан был их получать, потому что большинство навыков я приобрел, применяя их на практике. Моими заботами была охвачена довольно обширная территория, поэтому благодушные жители города и не подозревали, что их потихоньку обворовывают. Торговый автомат проглотит несколько серебряных монет сегодня, завтра заест кассу на стоянке машин. Практическая деятельность не только совершенствовала мои таланты, но и оплачивала мое образование. Не школьное образование, конечно, — по закону я мог оставаться здесь до семнадцати лет — я учился в свободное от занятий время. Так как я не мог найти учебников, которые ввели бы меня в мир преступлений, я изучал все, что могло пригодиться в работе. Я нашел в словаре слово ПОДЛОГ, что подвигло меня на то, чтобы заняться фотографией и печатанием. Так как искусство рукопашного боя уже сослужило мне хорошую службу, я продолжал заниматься до тех пор, пока не заработал Черный Пояс. Я не упускал из виду и техническую сторону выбранной мной профессии, и к шестнадцати годам я уже знал все, что можно было узнать о компьютерах — к тому времени я стал профессиональным инженером-микроэлектронщиком. Но все это очень хорошо само по себе. Что же дальше? Я и в самом деле не знал. Вот почему я решил преподнести себе на совершеннолетие небольшой подарочек. Тюремный срок. Хитро? Хитрее не бывает! Мне нужно было найти каких-нибудь уголовников — и где же их еще искать, как не в тюрьме? Уважительная причина, скажете вы. Попасть в тюрьму — это все равно что прийти домой, встретить наконец равных себе. Я буду слушать и учиться, а когда почувствую, что узнал достаточно, отмычка, спрятанная у меня в подметке, поможет мне выбраться оттуда. А сейчас я улыбался и ликовал от радости.

Вот дурачок — это был совсем не тот путь, который был мне нужен.

Мне обрили волосы, вымыли в ванне с дезинфицирующим раствором, надели на меня тюремную форму и ботинки — совершенно непрофессионально, потому что у меня хватило времени переложить отмычку и запас монет — затем у меня были взяты отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза, и я, наконец, был отправлен в свою камеру. Смотрите-ка, к моей великой радости, у меня был сосед. Теперь-то уж начнется

мое образование. Это был первый день моей криминальной карьеры.

— Добрый день, сэр,— сказал я.— Меня зовут Джим ди Гриз.

Он посмотрел на меня и сердито проворчал:

— Чтоб ты пропал, щенок,— он продолжал ковырять пальцы на ноге, занятие, от которого я оторвал его своим приходом.

Это был мой первый урок. Вежливый обмен приветствиями, принятый снаружи, не был в чести за этими стенами. Жизнь была слишком груба — таков же был и язык. Мои губы искривились в усмешке, и я снова заговорил. Более резко на этот раз.

— Чтоб тебе самому пропасть, болван. Меня кличут Джимом. А тебя?

Я не был уверен насчет сленга, я почерпнул из его старых и не очень хороших видео, но тон я, очевидно, выбрал верно, потому что на этот раз он все же обратил на меня внимание. Он медленно поднял глаза, они были полны жгучей ненависти.

— Никто — говорю тебе еще раз, НИКТО — не разговаривает с Вилли Клинком таким образом. Я тебя порежу за это, щенок, и порежу очень здорово. Я вырежу свои инициалы на твоём лице. Выйдет прекрасная „V“.

— Не „V“, „W“, — поправил я, — Вилли пишется через „W“.

Это еще больше вывело его из себя.

— Я знаю, как это пишется, я не идиот! — он просто закипел от ярости, шаря рукой у себя под матрацем. Он извлек оттуда кусок слесарной ножовки, и я успел заметить, что ее край был аккуратно заточен. Симпатичное орудие убийства. Он несколько раз подбросил его в руке, усмехаясь прощальной усмешкой, затем внезапно ринулся ко мне. Думаю, нет необходимости напоминать, что это не самый лучший способ подойти к Черному Поясу. Я отошел в сторону, поймал его за запястье, когда он пролетал мимо — затем подхватил его лодыжку и подбросил его кверху, так что он полетел прямо головой в стенку. Он потерял сознание. Когда же он пришел в себя, я сидел на своей койке и чистил ногти его ножом.

— Мое имя Джим, — произнес я, скривив губы в мерзкой ухмылке. — А теперь ты попробуй произнести его. Джим.

Он смотрел на меня, лицо его задергалось — и тут он вдруг заплакал! Я просто ужаснулся. Могло ли это быть на самом деле?

— Мне всегда доставалось от других. И ты не лучше. Превратил меня в посмешище. И отобрал у меня мой нож. Я целый месяц работал над этим ножом, пришлось заплатить десять долларов за сломанное лезвие...

Вспомнив о всех своих бедах, он вновь принялся всхлипать. И тогда я увидел, что он старше меня на год-два, не больше — да к тому же намного беззащитнее меня самого. Таким образом, мое вхождение в уголовный мир началось с того, что я стал утешать его, подавать ему влажное поло-

тенце, чтобы он утер свое лицо, вернув ему его любимый нож — и даже дав ему пятидолларовый золотой, чтобы он прекратил свое нытье. Я начал подумывать, что преступный мир вовсе не такой, каким я его представлял себе.

Нетрудно было выудить историю его жизни, наоборот, практически невозможно было заткнуть ему рот, когда он принялся изливать мне свою душу. Его переполняла жалость к самому себе, и он наслаждался возможностью раскрыться перед слушателем.

— Жалкий подлец, — думал я, но сохранял молчание, когда на меня полились его воспоминания. Отставал в школе, терпел постоянные насмешки, получал самые низкие отметки. Был слабым и часто попадал под руку местным драчунам, приобрел небольшой авторитет, только когда обнаружил — совершенно случайно, конечно, разбив бутылку — что тоже может быть хулиганом, если вооружится. Приобретя кое-какой статус, если не уважение, он стал использовать угрозу насилия и понемногу задирается. Все это подкреплялось демонстрацией вскрытия живых птичек и других мелких и беззащитных созданий. Затем быстрое падение авторитета, когда он порезал какого-то мальчишку и был пойман. Осужден и отправлен в подростковую колонию, освобожден, затем новые неприятности и опять колония. И вот наконец он здесь, в зените своей славы уличного бродяги с ножом, заключенный в тюрьму за вымогательство под угрозой насилия. Он выбивал деньги. Из ребенка, конечно же. Он никогда бы не решился запугивать взрослых. Разумеется, он не рассказывал мне всего этого, но все становилось очевидным само по себе после его бесконечных бессвязных жалоб. Я перестал его слушать и начал обдумывать, что делать дальше. Мне не повезло, в этом все дело. Должно быть, меня специально поместили с ним в одну камеру, чтобы держать меня в стороне от более матерых преступников, наполняющих эту тюрьму. Выключили свет, и я растянулся на своей койке. Завтра настанет мой день. Я встречу других заключенных, составлю о них свое мнение, найду среди них настоящих уголовников. Подружусь с ними и начну посещать курсы по преступной деятельности. Будьте уверены, я это сделаю. Я заснул счастливым сном, убаюканный хныканьем и поскуливанием, раздающимися с соседней койки. Надо же было попасть с ним в одну камеру. Вилли был здесь исключением. Мой сосед просто проигравший и ничего больше. Утром все будет совершенно по-другому. Я надеялся на это. Небольшое беспокойство все же не давало мне уснуть еще некоторое время, но в конце концов, я отбросил его. Завтра все будет прекрасно, да так и будет. Прекрасно. И никаких сомнений по этому поводу. Прекрасно...

Завтрак был не лучше и не хуже тех, что я сам готовил для себя. Я ел автоматически, прихлебывая слабенький кактусовый чай и упорно жуя какую-то размазю, поглядывая в то же время на другие столики. В помещении находилось

около тридцати заключенных, и я неторопливо переводил взгляд с одного лица на другое со все растущим чувством разочарования.

Во-первых, большинство из них имело тот же бессмысленный взгляд, выражающий полнейшую тупость, что и мой сокамерник. Ну, хорошо, я допускал, что стены уголовного мира состоят из умственно отсталых и функционально расстроенных элементов. Но должно же здесь быть и что-то другое. Я не терял надежду.

Во-вторых, все они были достаточно молоды, не старше двадцати. Неужели здесь не было преступников постарше? Или склонность к совершению преступления чисто молодежная болезнь, которая выправляется очень скоро с помощью запущенной обществом корректирующей машины? В этом что-то должно было быть. Просто обаяно. Я немного повеселел от этой мысли. Все эти заключенные — неудачники, это очевидно, проигравшие непрофессионалы. Это становится ясным, как только вы об этом начинаете думать. Если бы они были мастерами своего дела, они никогда бы не попали сюда! От них не было никакой пользы ни обществу, ни им самим. Но они были полезны мне. Если они и не могли помочь мне собрать незаконную информацию, они, вполне вероятно, могли свести меня с теми, кто мог это сделать. Через них я мог бы отыскать нити, ведущие к профессионалам на свободе, не пойманным до сих пор. Это именно то, что мне нужно было сделать. Подружиться с ними и выудить из них необходимую мне информацию. Еще не все потеряно. У меня не заняло много времени отобрать наилучшего кандидата из всей этой презренной толпы. Небольшая группа образовалась вокруг неповоротливого молодого человека, который шеголял со сломанным носом и изуродованным шрамами лицом. Даже его телохранители держались от него на некотором расстоянии. Он прогуливался с важным напыщенным видом, и все остальные мигом освобождали пространство вокруг него, когда он выходил на тренировочную площадку после ланча.

— Кто это такой? — спросил я Вилли, который приземлился на скамейку рядом со мной, усердно потирая свой нос. Он быстро заморгал, пока наконец до него не дошло, что за субъект привлек мое внимание, затем безнадежно замахал руками.

— Остерегайся его, обходи его подальше, он получил по заслугам. Стингер — убийца, так о нем говорят, и я в это верю. Да к тому же он чемпион по mudslugging*. Вряд ли тебе стоит сходить с ним.

Довольно интригующее начало. Я слышал кое-что об этом виде „спорта“, но я всегда жил слишком близко к городу, чтобы увидеть его в действии. Я ни разу не слышал, чтобы что-то подобное происходило в округе, у нас всегда было полно полиции.

Очень жестокий спорт — и запрещенный — поэтому им

* Кулачный бой в грязи. (Прим. перев.).

могли наслаждаться только жители отдаленных фермерских городков. Зимой, когда свинообразы находятся в своих свинарниках, а зерновые убранны в закрома, им некуда девать свои крестьянские руки. Тогда-то и начинаются соревнования по mudslugging. Появляется какой-нибудь чужак и вызывает на бой местного чемпиона, обычного крестьянского парня с огромными мускулами. Их тайная встреча организовывается в каком-нибудь безлюдном месте — отдаленном амбаре или заброшенном коровнике, куда не допускаются женщины и куда приносят самогон в пластиковых бутылках, делаются ставки — и начинается сражение на кулаках. Заканчивается бой тогда, когда один из борцов не может подняться с земли. Спорт, не терпящий брезгливых слабаков и здравомыслящих трезвенников. Забава для веселых, крепких и подвыпивших здоровяков. И Стингер был одним из этих дюжих парней. Я должен был познакомиться с ним поближе. Это было довольно просто сделать. Я считал, что можно просто подойти к нему и поговорить, но заготовленные мною фразы были почерпнуты из отвратительных видео, которых я просмотрел великое множество за свою жизнь. Большинство из них посвящалось преступникам, каковые попадают в тюрьму, получив по заслугам. Вероятней всего, именно оттуда я и позаимствовал идею своей шальной выходки. Тем не менее, эта идея все еще казалась мне здоровой. И я мог доказать это, проговорив со Стингером.

Обойдя двор кругом, я оказался совсем близко от него и его сопровождающих. Один из них сердито посмотрел на меня, и я поспешил ретироваться. Чтобы вернуться снова, когда тот повернулся ко мне спиной.

— Ты Стингер? — прошептал я краешком рта, отвернув от него голову. Должно быть, он насмотрелся тех же самых видеофильмов, потому что ответил мне в точно такой же манере:

— Да. Кто мною интересуется?

— Я. Я только что попал в это заведение. У меня есть что передать тебе с воли.

— Так говори.

— Только не там, где могут подслушать эти болваны. Мы должны остаться наедине.

Он взглянул на меня очень подозрительно из-под нависших бровей. Но все же мне удалось разжечь его любопытство. Он пробормотал что-то своим сопровождающим и зашагал прочь. Они остались позади, но продолжали метать в меня убийственные взгляды, когда я последовал за ним. Он прошел через двор к скамейкам — сидящую на одной из них парочку моментально сдуло, как только он подошел ближе. Я сел рядом с ним, и он пренебрежительно осмотрел меня с ног до головы.

— Говори, что собирался сказать, малыш, — и лучше что-нибудь хорошее.

— Это тебе, — сказал я, пододвигая к нему по лавке двадцатидолларовую монету. — Послание исходит от меня и ни от кого больше. Мне нужна кое-какая помощь, и я готов

заплатить за нее. Это первый взнос. Получишь намного больше, если договоримся.

Он презрительно фыркнул — но сгреб своими толстыми пальцами монетку и опустил в свой карман.

— Я не занимаюсь благотворительностью, малыш. Единственный чужак на свете, которому я помогаю — это я сам. А теперь убирайся...

— Послушай сначала, что я хочу сказать. Все, что мне надо — это компаньона, чтобы сбежать из тюрьмы вместе со мной. Через неделю. Интересное предложение?

На этот раз я сумел привлечь его внимание. Он повернулся и посмотрел мне прямо в глаза, холодно и самоуверенно.

— Я не люблю шутить, — сказал он, схватив меня за руку и вывернув ее. Было больно. Я мог легко освободиться из его тисков, но не стал этого делать. Если ему хотелось немного похвастать своей силой, пусть его.

— Это не шутка. Через восемь дней я буду на свободе. Ты тоже можешь там оказаться, если захочешь. Это твое решение.

Он пристально смотрел на меня еще некоторое время — затем отпустил мою руку. Растирая ее, я ждал, что он ответит. Я видел, что он размышляет над моими словами, пытаюсь прийти к какому-нибудь решению.

— Ты знаешь, почему я нахожусь здесь? — спросил он наконец.

— До меня доходили кое-какие слухи.

— Если это слух о том, что я убил одного чудака, тогда это правда. Это был несчастный случай. У него была слишком слабая голова. И она разбилась, когда я по ней ударил. Они совсем уж было собрались замять это дело, но другой чужак проиграл мне кругленькую сумму в этом матче. Он должен был отдать мне деньги на следующий день, но он пошел в полицию вместо этого, посчитав, наверное, что это будет намного дешевле. Теперь они хотят отправить меня в дурдом и поработать над моей головой. Мне тут сказали, что после этого мне не захочется больше драться. Это мне не нравится.

Огромные кулаки сжимались и разжимались, когда он это говорил, и я вдруг понял, что борьба — это его жизнь, единственное, что у него хорошо получается. Именно это и восхищает в нем остальных, и за это его и хвалят. Если у него отнимут его способности — они могут с таким же успехом отнять и его жизнь. Я вдруг почувствовал внезапный прилив жалости, но не дал чувствам выплеснуться наружу.

— Ты можешь вытащить меня отсюда? — вопрос был очень серьезным.

— Могу.

— Тогда я в полном твоём распоряжении. Тебе что-то нужно от меня, я это знаю, в этом мире никто не делает ничего за просто так. Я сделаю все, что ты от меня потребуешь. Они прикончат меня, и от них нигде невозможно укрыться, если уж они действительно охотятся за тобой. Но я попробую.

Мне нужно достать того парня, который засадил меня сюда. Я воздам ему должное. Одна прощальная встреча. Чтобы убить его, как он хотел убить меня.

Я не мог не вздрогнуть от его слов, настолько очевидным было то, что он говорил. Ясно до боли.

— Я вытащу тебя отсюда, — сказал я. И добавил к этому мысленное обещание, что прослежу за ним, чтобы не дай бог он не очутился слишком близко к объекту своего мщения. Я не собирался начинать свою новую преступную карьеру как соучастник в убийстве.

Стингер тут же взял меня под свое покровительственное крыло. Он потряс мне руку, чуть не раздавив пальцы своей мертвой хваткой, затем подвел к своим сотоварищам.

— Это Джим, — сказал он. — Обращайтесь с ним по-хорошему. Все, кто обидит его хоть раз, будут иметь дело со мной. Они расплылись в лицемерных улыбках, выражая тем самым свою любовь и преданность. Но мне было на это наплевать, по крайней мере, они не будут мне теперь надоедать. Я был под защитой этих мощных кулаков. Его рука опустилась на мое плечо, когда мы пошли прочь.

— Как ты думаешь проверить это? — спросил он.

— Я расскажу тебе обо всем утром. А сейчас я доделываю последние приготовления, — соврал я. — Ну, пока. — И я отправился на осмотр окрестностей, сгорая желанием поскорей выбраться отсюда. Но совсем по другой причине, чем он. Он страдал жаждой мести, а я впал в уныние. Все они здесь были побежденными, абсолютно все, а мне хотелось бы думать о себе, как о победителе. И мне ужасно хотелось сбежать от них подальше, назад на вольный воздух. Следующие двадцать четыре часа я потратил на то, чтобы отыскать наилучший путь для побега из тюрьмы. Я мог открыть любые запоры внутри тюрьмы достаточно легко; моя отмычка прекрасно отпирала дверь нашей камеры. Единственной проблемой были электронные ворота, которые открывались во внешний двор. Будь у меня время и необходимые приспособления — я бы и их открыл. Но только не под пристальными взглядами охраны, которая стояла на смотровой вышке прямо под часами. Это был самый очевидный путь наружу, поэтому он был неприемлем. Мне нужно было иметь наиболее полное представление о планировке тюремного здания — поэтому необходима была более тщательная разведка.

Была уже глубокая ночь, когда я соскользнул со своей кровати. Никаких ботинок, мне нужно двигаться максимально тихо, три пары носков сделают свое дело. Работая бесшумно, я подложил под одеяло все имеющееся белье, чтобы кровать выглядела так, будто на ней кто-то спит, если кому-нибудь из охранников вздумается заглянуть в нашу камеру через решетку в двери. Вилии крепко спал, похрапывая во сне, когда я открыл запор и проскользнул в коридор. Похоже, не только он один наслаждался своим постельным часом, тюремные стены просто содрогались от сипения и храпа звуков. Ночные фонари

были включены, и я был совершенно один на лестничной клетке. Осторожно посмотрев за угол, я увидел, что часовой на нижнем этаже занят своей тренировочной формой. Прекрасно, быть ему чемпионом. Бесшумно, словно тень, я прошмыгнул к лестнице и поднялся по ней на верхний этаж, который представлял собой ту же тягостную картину, что и нижний; камеры и ничего больше. И на следующем этаже то же самое, и еще выше. Это был последний этаж, и я не мог подняться выше. Я уж было собрался повернуть назад, когда мой взгляд уловил яркий металлический отблеск света в дальнем конце темного коридора. Кто не рискует, тот не пьет шампанского, как говорится! Я торопливо пробежал мимо зарешеченных дверей и спящих за ними арестантов — к самой отдаленной стене. Ну, ну, что там у нас? Железные ступени, ведущие в темную бездну. Я ступил на первую из них и пропал в темноте. Последняя ступень находилась под самым потолком. Там же была и дверь, которая вела скорее всего на крышу. Металлическая, с металлическим каркасом и надежно закрытая, как я обнаружил, когда несколько раз как следует толкнул ее. Где-то должен был быть замок, но его не было видно в темноте. А мне необходимо было найти его. Обвив рукой железную ступеньку, я попытался нащупать пальцами замочную скважину в двери, но ее не было на обычном месте. Там вообще ничего не было. Я сделал еще одну попытку обнаружить запор, поменяв руки, потому что одна из них, казалось, уже выскочила из сустава — и с тем же результатом. Но ведь в двери ДОЛЖЕН быть замок. Я запаниковал и перестал соображать. Загнав все свои страхи обратно внутрь, я заставил работать свои мозговые клетки. Здесь должен быть какой-то замок или запор, или что-то в этом роде. Но на двери его не было. Тогда он мог быть на косяке. Я медленно протянул руку и пробежал пальцами по дверному проему. И сразу же нашел его. Какими же простыми бывают ответы, когда задаешь правильные вопросы! Я достал отмычку из кармана и вставил ее в замочную скважину. Несколько секунд, и она открылась. Еще через несколько секунд дверь люка оказалась откинутой, я вскарабкался наверх и закрыл ее за собой — с наслаждением втягивая прохладный ночной воздух. Я оказался на свободе! Стоя на крыше, да, конечно, но свободный духом по крайней мере. Звезды ярко светили у меня над головой, и их света хватало, чтобы осмотреть темную поверхность крыши. Она была плоская и широкая, с заградительными перилами на высоте колена, и сплошь усеянная вентиляционными и другими трубами. Что-то большое и громоздкое закрывало полнеба, и, когда я подошел поближе, я услышал звуки капающей воды. Цистерна с водой, прекрасно, а что же у нас внизу? Я заглянул сначала во внутренний двор, он был хорошо освещен и надежно охраняем. А что у нас позади? Это было намного интереснее, могу вас заверить. До внешнего двора было ровно пять этажей вниз, он был слабо освещен одним-единственным фонарем. Там валялись какие-то ненужные ведра, мешки и бочки, а во внешней

стене находились тяжелые ворота. Запертые на замок, вне всякого сомнения. Но то, что закрыто человеком, человеком же может быть и открыто. Точнее сказать, мной. Вот и выход. Конечно, нужно было еще преодолеть спуск в пять этажей, но и тут можно было что-то придумать. Или, может, я нашел бы другой способ попасть во внешний двор. Времени для поисков было достаточно, еще шесть дней. Ноги мои замерзли, я весь продрог и захотел спать. За сегодняшнюю ночь я проделал довольно много. Даже жесткая тюремная койка казалась мне в этот момент очень притягательной. Осторожно и бесшумно я возвратился по своим следам назад. Опустил дверь и проверил, закрыта ли она, и спустился по ступеням на свой этаж... И услышал голоса впереди. Громкие и ясные. А самый громкий из всех принадлежал моему сокамернику Вилли. Я с ужасом взглянул на свою распахнутую дверь, тяжелые сапоги охраны, и рванул обратно, быстро поднявшись по ступенькам вверх. В моих ушах звенели, словно набатный колокол, слова Вилли.

— Я проснулся, а его нет! Я был совсем один! Его съели чудовища! Тогда я закричал. Спасите меня, пожалуйста! Тот, кто утащил его, пришел через закрытую дверь! В следующий раз он придет за мной!

Я вскипел от ярости к своему соседу-кретину, но близкая возможность быть пойманным тут же остудила мой пыл. Не раздумывая, я понесся прочь от голосов и суматохи. Вверх по лестнице, один пролет, другой... Повсюду вспыхнул свет, и завывли сирены. Заключенные проснулись и перекликались в своих камерах. Через мгновение они все окажутся у своих дверей, увидят меня, начнут кричать, и прибежит охрана. Скрыться некуда. Я это прекрасно знал, и мне не оставалось ничего больше, как бежать без оглядки. На самый верхний этаж — затем мимо тюремных клеток. Все они теперь были ярко освещены. И любой из арестантов мог меня заметить, и я знал наверняка, что они тут же донесут на меня, кто бы из этих малолеток меня ни обнаружил. На этом все и кончится. Высоко подняв голову, я прошмыгнул мимо первой камеры, мельком заглянув внутрь. Она была пуста. Так же как и все остальные камеры на этом этаже. Значит, у меня еще был шанс! Как обезумевшая обезьяна, я вскарабкался по металлическим ступеням и неуклюже вставил отмычку в замок. Внизу послышались голоса, они становились все громче, а также шаги двух караульных, поднимающихся по лестнице в противоположном от меня направлении. Но стоило только одному из них повернуть голову, и он тотчас бы увидел меня. Хотя все равно они меня увидят, как только дойдут до верхнего этажа.

Замок, щелкнув, открылся, и я выбрался через отверстие наружу. Растянувшись на крыше, я тихонько опустил дверь. Успев заметить двух толстых караульных, повернувших в мою сторону, когда люк закрылся. Видели ли они это? Сердце стучало у меня в груди, словно сумасшедший ударный инструмент, а я, глотнув воздух, стал ждать крики „тревога“. Но их

все не было. Я все еще находился на свободе. Глоток свободы! На меня вдруг напала тоска. Я мог свободно лежать на крыше, дрожа от страха и от холода, свободно сидеть, съежившись, и ждать, пока меня найдут. Поэтому я лежал и дрожал, испытывая жалость к самому себе целую минуту. Затем встал, встряхнулся, как собачонка, и почувствовал, как во мне начинается подниматься злость.

— Великий комбинатор! — вслух прошептал я, чтобы было слышно самому себе. — Карьера преступника. И самая первая твоя серьезная работа начинается с того, что ты позволяешь какому-то крестину с ножом загнать тебя в ловушку. Это тебе урок на будущее. Может, ты когда-нибудь окажешься на свободе, тогда он тебе пригодится. Всегда надежно защищай фланги и тылы. Подумай обо всех случайностях. Подумай о том, что какой-нибудь идиот может проснуться. Двинь ему как следует тяжелой дубиной или чем-нибудь еще, чтобы быть уверенным в том, что он спит крепким здоровым сном. Запомни урок хорошенько, а сейчас оглянись вокруг и постарайся найти наилучший способ спасти разваливающийся план побега.

Выбор был ограничен. Если патруль откроет люк и выйдет на крышу, они сразу же обнаружат здесь меня. Есть ли тут где спрятаться? Крышка резервуара с водой могла бы подойти в качестве временного убежища, но если они зайдут так далеко, то уж наверняка заглянут и сюда. И при невозможности спуститься вниз по отвесным стенам, единственным местом, дающим хоть какую-то надежду, было именно это. Итак, вперед. Это было не так-то легко. Цистерна была сделана из гладкого металла, а до ее верха я просто не мог достать. Но я должен был это сделать. Я отошел на несколько шагов, разбежался, подпрыгнул и почувствовал, что мои пальцы ухватились за край цистерны. Я попытался вскарабкаться вверх, но они вдруг разжались, и я тяжело грохнулся на крышу. Если кто-либо находился в это время внизу, он бы обязательно услышал это. Оставалось надеяться, что я находился над незанятой камерой, а не над холлом.

— Хватит надеяться на лучшее, а вот прыгать не хватит, Джим, — сказал я, прибавив к этому несколько ругательств для поднятия духа, как мне хотелось бы думать. Я должен был взобраться вверх!

На этот раз я отошел еще дальше, упершись икрами в перила, и сделал несколько глубоких вдохов. Вперед! Подбежать, быстро оттолкнуться от нужного места — прыгнуть! Моя рука с размаху шлепнулась на край бака. Я ухватился за него, подтянулся, перекинул вторую руку, яростно толкая свое тело вверх и получая синяки и царапины о грубую металлическую поверхность, пока мне все же не удалось влезть на самый верх цистерны. Лежа там наверху и тяжело дыша, я смотрел на мертвую птицу, лежавшую тут же совсем близко к моему лицу и тарашившую на меня свои остекленевшие глаза. Я уж было собирался стблкнуть ее, как услышал звук тяжело опускавшейся на крышу дверцы люка.

— Подтолкни меня немного, а? Я застрял!

По хриплому дыханию и ворчанию, которое за этим последовало, я догадался, что это должен был быть один из тех двух толстых караульных, которых я видел на нижнем этаже. Еще более громкое сопение и дыхтение возвестило о том, что появился и его тучный сотоварищ.

— Не понимаю, ради чего мы сюда забрались,— захныкал первый прибывший.

— Я знаю,— довольно строго произнес его товарищ.— Мы должны выполнять приказы, что еще никому не повредило.

— Но ведь люк был закрыт.

— Закрыта была и дверь камеры, через которую он прошел. Давай посмотрим вокруг.

Тяжелые шаги обошли крышу и вернулись обратно.

— Здесь нет. Да и спрятаться-то негде. Даже не висит нигде на краю крыши, я смотрел.

— Осталось одно место, которое мы еще не осмотрели.

Я почувствовал их испепеляющие взгляды через толщу металла. Сердце мое снова бешено заколотилось. Я вжался в ржавую металлическую крышу и ничего, кроме отчаяния, не ощущал, когда скрип шагов стал раздаваться совсем близко.

— Он не смог бы забраться сюда. Слишком высоко. Я не достаю даже до крыши.

— Ты не сможешь достать и до шнурков на ботинках, если бы нагнулся. Давай посади-ка меня. Если ты поддержишь меня за ногу, я смогу дотянуться до верха и ухватиться за что-нибудь. Только и надо-то, что взглянуть разок.

Как же он был прав. Просто разок взглянуть. И я ничего не мог с этим поделать. Мне стало совершенно безразлично мое поражение. Я лежал, прислушиваясь к скрипу и проклятиям, тяжелому пыхтению и царапанию по железу. Звуки становились все ближе, и наконец прямо перед моим лицом появилась огромная лапища, уцепившаяся за край цистерны. Тут, наверное, сработало мое подсознание, так как, клянусь вам, никаких логических размышлений с моей стороны здесь не было задействовано. Моя рука высунулась вперед и подтолкнула мертвую птицу на самый край, прямо под его пальцы. Они опустились точно на нужное место и сгребли бедное создание. Результат был просто потрясающим! Птица исчезла, а вместе с нею и рука, последовали вопли и крики, а за ними два тяжелых удара.

— Зачем ты это сделал?

— Я схватил ее, аах — ооуу! Я сломал лодыжку.

— Проверь, можешь ли ты встать на ногу. Вот так, держись за мое плечо. Опирайся на вторую ногу, пойдём сюда...

Через открытую дверцу люка были слышны крики, раздающиеся там и тут, а я с облегчением поздравил себя с короткой передышкой. Они могли вскоре вернуться, и это было вполне вероятно, но по крайней мере первый раунд оставался за мной.

Секунды, а затем и минуты, текли очень медленно, и я наконец понял, что выиграл и второй раунд. Поиски перенесли далеко от крыши. Во всяком случае, на некоторое время. Сирены замолчали, и суматоха охватила теперь нижний этаж. Внизу раздавались крики и хлопанье дверей, рев выезжающих из тюремного двора в ночь машин. А через некоторое время — вот уж чудо из чудес — огни стали выключаться один за одним. Предварительные поиски были завершены. Меня охватила дремота — и я резко поднялся, чтобы стряхнуть ее.

— Чучело! Ты все еще в затруднительном положении. Разведка произведена, но это место еще как следует не осмотрено. Можно поставить на кон последнюю монету, что начини они с первым лучом солнца новый осмотр, они не пропустят ни одного уголка или закуточка. И снова поднимутся сюда, на этот раз с лестницей. Помня об этом, нужно что-то предпринимать.

И я знал, куда мне нужно было сейчас двигаться. Это было последнее место, где им бы вздумалось меня искать этой ночью. Вниз через люк и дальше по темному коридору. Кое-кто из заключенных все еще обсуждал события этой ночи, но похоже, что все они уже лежали на своих койках. Бесшумно я спустился по лестнице и пробрался в камеру 567Б. Отворив дверь в абсолютной тишине и точно так же закрыв ее за собой. Мимо своей разобранной кровати к кровати моего приятеля-доносчика Вилли, похрапывающего в неправедном сне. Моя рука крепко сжала его рот, и он тут же широко открыл глаза, в то время как я с каким-то первобытным садистским наслаждением прошептал ему в ухо:

— Считаю, что ты мертв, крыса позорная. Ты позвал охрану и сейчас получишь то, что заслуживаешь...

Он сделал гигантское усилие приподнять свое тело и потерял сознание. Глаза тут же закрылись. Уж не убил ли я его? Мне вдруг стало совестно своей дурно пахнувшей маленькой шуточки. Нет, не убил, он просто без сознания, легко и размеренно дышит. Я пошел за полотенцем, намочил его в холодной воде — затем дал ему почувствовать всю свою доброту. Его вопль превратился в бульканье, так как я успел заткнуть ему рот полотенцем.

— Я благородный человек, Вилли, так что тебе повезло. Я не собираюсь тебя убивать. — Мой шепот, казалось, немного успокоил его, потому что я почувствовал, что его тело перестало трястись от страха. — Ты мне поможешь. Если ты это сделаешь, я ни причиню тебе никакого вреда. Вот тебе мое слово. Приготовься ответить на мой вопрос. Подумай хорошенько над ним. Тебе нужно будет прошептать только одно. Ты должен мне сказать, в какой камере сидит Стингер. Кивни головой, если ты готов ответить. Хорошо. Я вытаскиваю полотенце. Но если ты вздумаеть шутить или скажешь что-либо другое, тогда можешь распрощаться с жизнью. Итак...

— ...231Б...

На нашем этаже, прекрасно. Полотенце возвратилось на

место. Затем я крепко придавил вену за его правым ухом, перекрывая поток крови, снабжающий кислородом мозг. Шесть секунд — потерял сознания, десять — смерть. Он задергался, потом снова затих. Я отпустил палец, досчитав до семи. У меня и в самом деле была великодушная натура. Я вытер полотенцем лицо и руки, затем наклонился за башмаками и надел их. Затем еще одну рубашку и куртку. После этого я залпом выпил, наверное, целый литр воды и был готов вновь предстать перед миром. Я сорвал с кровати одеяла, намотал их на руку и вышел из камеры. На цыпочках, стараясь ступать совершенно бесшумно, я прокрался к камере Стингера. Мне показалось, что я свободен и невосприимчив ни к чему вокруг. В то же время я понимал, что это глупо и опасно. Но после полученных за этот вечер травм и переживаний я словно исчерпал весь свой запас страхов. Дверь камеры открылась от одного моего нежного прикосновения, и глаза Стингера тоже моментально открылись, стоило мне только тронуть его за плечо.

— Одевайся, — тихо сказал я. — Мы бежим прямо сейчас.

Моих слов было для него достаточно — он не стал задавать лишних вопросов. Просто натянул на себя одежду, пока я брал одеяло с его койки.

— Нам понадобится по крайней мере еще два.

— Я возьму у Эдди.

— Он проснется.

— Я прослежу, чтобы он снова уснул.

За вопросительным бормотанием последовал глухой удар. Эдди продолжал досматривать свои сны, а Стингер забрал оставшиеся одеяла.

— Вот что мы сделаем, — сказал я ему. — Я нашел выход на крышу. Мы пойдем туда и свяжем эти одеяла вместе. Затем спустимся по ним вниз и удерем. О'кей?

О'кей! Никогда в жизни я не слышал более безумного плана. Но Стингер ответил:

— О'кей! Пойдем!

Еще раз вверх по лестнице — я уже устал взбираться по ней — и вообще устал за ночь. Я вскарабкался по железным ступеням, отпер дверцу люка и вытолкнул одеяла наружу, когда он передал их мне. Мы не проронили ни слова, пока я не опустил люк и не запер его на замок.

— Что случилось? Я слышал, что ты сбежал, и собрался уж было убить тебя, если бы они вновь поймали тебя.

— Это не так-то просто. Я расскажу обо всем после, когда мы смоемся отсюда. А сейчас давай вязать узлы. Бери за противоположные углы; мы должны извлечь из того, что имеем, наибольшую длину. Вяжи двойным узлом, как тебя учили в подростковом клубе. Вот так.

Он вязал и вязал, как безумный, пока все углы не были соединены, затем потянул за концы и удовлетворенно хмыкнул. Я привязал один конец к солидно выглядевшей трубе и сбросил одеяла вниз.

— Не хватает по крайней мере двадцати футов, — сказал

Стингер, хмуро посмотрев на землю.— Иди первым, ты легче. Если это все оборвется подо мной, хотя бы ты будешь иметь шанс уцелеть. Давай двигай.

С его логичным рассуждением невозможно было спорить. Я взобрался на перила и ухватился за верхнее одеяло. Стингер стиснул мою руку в неожиданном порыве чувств. И я полез вниз. Это было не так уж легко. Руки мои устали, и одеяла подо мной стали потрескивать. Я спустился так быстро, как это было возможно, потому что ясно понимал, что силы покидают меня. Мои ноги забарахтались в воздухе — я дополз до последнего угла. Твердое покрытие двора казалось еще совсем далеко. Мне было нелегко отпустить руки. Или наоборот, очень легко. Я не мог уже дольше держаться. Пальцы мои разжались, и я упал... стукнулся, покатился и сел на землю, едва переводя дух. Я все же сделал это. Высоко наверху я видел темную фигуру Стингера, карабкающуюся вниз по веревке. Через несколько секунд он был уже на земле, легко приземлившись рядом со мной и помогая мне встать на ноги. С трудом я доковылял к воротам. Пальцы мои дрожали, и я никак не мог открыть замок. Мы были до неприятности заметны здесь, прямо под фонарем, и если бы хоть один часовой удвусужился выглянуть в окошко над нами, мы бы оказались в ловушке... Я глубоко вздохнул и передернул плечами, затем снова поковырял в двери отмычкой, неторопливо и тщательно, прочувствовав все выпуклости и пазы внутренних запоров. Он шелкнул и открылся, и мы бросились бежать. Стингер успел бесшумно затворить ворота, затем повернулся и помчался в ночь, я не отставал от него ни на шаг.

Мы были свободны!

— Подожди! — окликнул я, когда Стингер помчался в сторону дороги.— Не сюда. У меня есть план получше. Я разработал его еще до того, как меня посадили.

Он замедлил ход и задумался над моими словами, затем, видно, принял в уме какое-то решение.

— До сих пор ты не ошибался. Так что мы будем делать?

— Для начинающих — оставляя след, по которому они пустят роботов-ищеек. Бежим сюда.

Мы свернули с дороги и помчались по траве к ближайшему ручью. Он был мелким, но холодным, и я не мог сдержать дрожь, когда мы побрели по нему. Главная магистраль проходила совсем близко, и мы пробирались в том же направлении, пригибаясь к самой воде, когда по дороге проезжало какое-нибудь транспортное средство. Некоторое время дорога оставалась совсем безлюдной.

— Самое время! — выкрикнул я.— Бегом к магистрали, а затем обратно, ступая в свои же собственные следы.

Стингер сделал так, как было сказано, возвратившись по своим следам вместе со мной в ледяной ручей.

— Здорово придумано,— сказал он.— Ищейки найдут то место, где мы якобы вышли из воды, и пойдут по следам до

дороги. Тогда они подумают, что нас подобрала какая-нибудь проезжающая мимо машина. Что дальше?

— Мы пойдем вверх по течению — не выходя из воды — до ближайшей фермы. Которая наверняка окажется свинофермой...

— Только не это. Я их ненавижу до смерти. Мне как-то досталось от одного свинобраза, когда я был еще ребенком.

— У нас нет другого выхода. Если мы станем делать что-либо другое, легавые загребут нас на рассвете. Я тоже не могу сказать, что очень уж люблю этих свинок. Но я вырос на ферме и знаю, как с ними обращаться. А теперь пошли, пока я не отморозил себе ноги.

Это было довольно долгое путешествие, я продрог и никак не мог остановить начавшуюся дрожь. Но нам абсолютно ничего не оставалось больше делать, как продвигаться вперед. Зубы стучали у меня во рту, словно кастаньеты, когда мы наконец-то добрались до ручейка, который, извиваясь по полям, впадал в широкий поток, по которому мы брели. Звезды стали понемногу тускнеть; приближался рассвет.

— Вот оно, — сказал я. — Тот самый ручеек, который нам нужен. Это срубленное дерево — моя заметка. Не отставай — мы уже совсем близко. — Я потянулся и обломил старую ветку, нависшую над ручьем, показывая путь. Мы брели дальше, пока не дошли до высокого электрифицированного забора, который перекрывал ручей. Он был отчетливо виден в предрассветных сумерках. С помощью сучка я приподнял нижний край изгороди, чтобы Стингер смог подлезть под ней; затем он проделал то же самое для меня. Когда же я встал, то услышал знакомое шуршание огромных игл, доносящееся из-за растущего неподалеку дуба. Большая темная тень отделилась от деревьев и направилась к нам. Я забрал ветку у Стингера и тихонько позвал:

— Суу-ии, суу-ии... Сюда, хрюша, хрюша...

Боров подходя к нам, мерно похрюкивал. Стингер что-то шептал себе под нос, наверное, ругался или молился — а может, и то, и другое. Я снова позвал, и массивное создание подошло ближе. Настоящий красавец, весом с тонну, смотрел на меня своими маленькими красными глазками. Боров даже не пошевелился, когда я шагнул к нему и медленно поднял ветку, услышав стон Стингера позади себя. Я вставил палку свинье за ухо, расправил длинные иголки — и принялся усердно чесать его шкуру.

— Что ты делаешь? Он же нас убьет! — воскликнул Стингер.

— Разумеется, нет, — ответил я, еще сильнее царапая борова за ухом. — Послушай-ка. — Свинообраз полуприкрыл глаза и счастливо похрюкивал. — Я хорошо знаю этих больших хрюшек. У них под иголками много всяких паразитов, и они не могут сами добраться до них. Поэтому они любят, когда им чешут за ухом. Подставляй-ка второе, тут самое чувствительное место — и мы продолжим свой путь.

Я продолжал скрести, боров постанывал от счастья, и рас-

свет незаметно подкрадывался к нам. В доме фермера включили свет, и мы присели позади свинобраза. Дверь открылась, кто-то выплеснул из ведра воду, и она снова закрылась.

— Побежали в сарай,— сказал я.— Сюда!

Боров недовольно заворчал, когда я прекратил его чесать, и засеменил позади нас, в надежде получить еще, в то время как мы тайком пробирались к сараю через всю ферму. Это было очень даже кстати, как как вокруг бегало большое количество свиней, усеянных острыми шипами. Но все они мгновенно разбежались, как только появился вожак, и мы с поистине королевскими почестями проследовали к сараю.

— До встречи, приятель,— выдохнул Стингер.— Я этого никогда не забуду.

— Нужна сноровка,— скромно произнес я.— В конце концов, ты здорово управляешься со своими кулаками...

— ... А ты здорово управляешься со свиньями!

— Я бы не стал говорить так КАТЕГОРИЧНО,— пробормотал я.— А теперь полезли на сеновал, там теплее, и нас там не увидят. Впереди долгий день, и я бы хотел использовать его, чтобы как следует выспаться.

В следующий момент я ощутил, что Стингер трясет меня за плечо, а сквозь дощатые стены сарая пробиваются яркие лучи солнца.

— Здесь полиция,— прошептал он.

Я смахнул с глаз остатки сна и выглянул в дырочку. Белозеленый полицейский фургон стоял неподалеку от фермерского дома, и два легавых в форме показывали какой-то листок хозяину. Он отрицательно качал головой, и мы ясно слышали его голос сквозь гомон крестьянского двора.

— Нет. Никогда в жизни их не видел. Если честно, я уже неделю не видел никого из посторонних. Это правда, так что очень приятно было с вами пообщаться. А эти парни на самом деле выглядят отвратительно. Преступники, вы говорите...

— Папаша, мы не собираемся торчать тут целый день. Если ты не видел их, они могли тем не менее спрятаться у тебя на ферме. Может, вон в том сарае?

— Они бы не смогли туда забраться. Я специально выпускаю свинобразов. Самые злобные создания на свете.

— Мы все же посмотрим. Приказ был обыскать каждое здание в округе.

Полицейский направился в нашу сторону, но тут раздался безумный визг, и послышался топот острых копыт. Из-за угла сарая, гремя своими иглами, выскочил наш ночной знакомец. Он приготовился к нападению, и полиция миглом нырнула в свой фургон. Боров с размаху врезался в него, раскачивая его из стороны в сторону своими огромными клыками. Фермер довольно закивал.

— Я же говорил вам, что здесь не может никого быть. Раз уж тут ходит Крошка Лэрри, он не потерпит на своей территории чужаков. Так что заезжайте, как будете поблизости, ребята...

Ему пришлось выкрикивать последние слова, потому что фургон взревел, держа курс на запад, по пятам преследуемый Крошкой Лэрри.

— Вот это здорово,— сказал Стингер с благоговением в голосе. Я молча кивнул в знак согласия. Даже в самой унылой и безрадостной жизни бывают моменты полнейшего триумфа.

Ну хвátит развлекаться, пора за работу. Я вставил соломинку в рот и растянулся на теплом сене.

— Свинообразы очень приятны, когда знаешь их нравы.

— Полиция, кажется, так не думает,— сказал он.

— Да уж, догадываюсь. Никогда не видел ничего лучше.

Мне бы не хотелось вновь встретиться с полицией.

— А кому хотелось бы? За что тебя посадили?

— Ограбление банка. Ты когда-нибудь брал банк?

Он присвистнул от удивления и отрицательно покачал головой.

— Это не мой стиль. Я бы и не знал, что нужно делать. Кулачные бои — вот мой стиль. Я не знал поражения целых девять лет.

— Шатаюсь тут и там по окрестностям, ты, должно быть, встречал много людей. Никогда не сталкивался со Смелли Шмаком? — сымпровизировал я. — Мы вместе брали как-то банк в Грэм Стейт.

— Никогда не встречал его. И никогда не слышал о нем. Ты первый грабитель банков, которого я видел в своей жизни.

— Правда, что ли? Ну, да, нас теперь мало осталось. Но ты же должен знать каких-нибудь медвежатников. Или автомобильных воров?

Все, чего я добился, это еще одно его отрицательное покачивание головой.

— Я только в тюрьме и мог встретить таких парней, как ты. Я знаю нескольких аферистов; они появляются иногда на наших боях. Но у всех у них ветер в карманах, они неудачники. Я знавал одного, могу спорить, что ты его знаешь — Слон, но это было много лет назад.

— Слон? — повторил я, быстро моргая и стараясь, припомнить названия шахматных фигур. — Я давно не играл в шахматы.

— Да не тот слон. Я имел в виду одного чудака, который занимался тем, что чистил банки и наши карманы. Я думал, ты его знаешь, или хотя бы слышал о нем.

— Наверное это было не в мое время.

— И ни в чье другое. Это было многие годы назад. Полиции так и не удалось его поймать, как я слышал. Один аферист говорил, что хорошо знал его, и говорил также, что он давно уже отошел от дел, и залег на дно. Хороший был человек.

Стингер не знал ничего больше, и бесполезно было выведывать у него еще что-то. Разговор наш помаленьку затих, и мы оба продремали до темноты. Нас мучила жажда и голод, но мы знали, что днем нам все равно придется прятаться. Я

жевал свою соломинку и старался не думать об огромных бутылках с пивом или холодной водой, а думать лучше о Слоне. Это очень слабая зацепка, но большего я не имел. К заходу солнца я просто ужасно проголодался и хотел пить, а также впал в совершеннейшее уныние. Мое веселое тюремное приключение обернулось полнейшим фиаско. Тюремьы предназначались для неудачников — вот и все, что я успел выяснить. И для того, чтобы это узнать, я рисковал жизнью и всеми своими членами. Никогда больше. Я поклялся сам себе, что буду впредь держаться от тюрем подальше и от полицейских тоже. Настоящие преступники не позволяют себя поймать. Как Слон, кем бы он ни был. Когда последний луч света скрылся за горизонтом, мы осторожно приоткрыли дверь сарая. До наших ушей донеслось мерное похрюкивание, и огромная фигура загородила нам выход. Стингер раскрыл рот от изумления, и я втащил его обратно, пока он не бросился наутек.

— Возьми палку, она может пригодиться, — сказал я. — Я научу тебя новому ремеслу.

Мы скребли шкуру животного, как сумасшедшие, и оно тихонько похрюкивало от удовольствия. Когда же мы наконец отправились в путь, боров побежал за нами, словно собачонка.

— Мы приобрели друга на всю жизнь, — произнес я, когда мы выскользнули за ворота и помахали на прощанье нашему свиноподобному приятелю.

— Такого друга мне и даром не надо. Ты представляешь себе, что нам необходимо теперь сделать?

Естественно. Я славлюсь тем, что всегда все планирую заранее. Здесь ниже проходит железнодорожная ветка, по которой гоняют грузовые платформы, перегружая на них товары с проходящих мимо рейсовых поездов. Нам нужно держаться от нее подальше, потому что там наверняка полно полиции. Параллельно ветке идет дорога, по ней ездят грузовики, и она ведет к магистрали, где осуществляется световой контроль. Машины должны останавливаться, пока дорожный компьютер не засечет их и не разрешит двигаться дальше. Вот туда мы и пойдем...

— И вломимся в кузов какого-нибудь грузовика!

— Ты делаешь успехи. Нам надо только выбрать правильное направление, удостовериться, что грузовик следует на запад. Иначе мы снова попадем в прекрасный город Пёли Гейтс (Жемчужные Ворота), а вместе с тем и в нашу любимую тюрьму, из которой мы с таким трудом выбрались.

— Показывай дорогу, Джим. Ты самый смекалистый парень из всех, кого я встречал в своей жизни. Ты далеко пойдешь.

Я именно этого и добивался и кивнул ему в знак согласия. Жаль только, что он не пойдет так далеко. А я ведь не собирался провести свою жизнь на какой-нибудь ферме, это он мог удовлетвориться сельской жизнью. Но похоже, что Стингер планировал что-то более грандиозное. Я не хотел становиться соучастником убийства.

Мы нашли дорогу и притаились в кустах. Рядом остановились два грузовика — за ними появились огни еще одного. Мы оставались вне поля зрения. Сначала один, а за ним и второй, тронулись с места и направились на восток. Когда третий замедлил ход и остановился, в свою очередь вспыхнули огни. На запад! Мы рванули вперед. Пока я возился с замком, Стингер страховал меня сбоку. Он потянул ручку вниз, и дверь распахнулась. Грузовик тронулся, и он подтолкнул меня внутрь. Ему пришлось догонять отъехавший фургон — он схватился за нижнюю перегородку и втащил себя в кузов одним резким движением своих мощных рук.

— Мы все-таки сделали это! — торжествующе произнес он.

— Конечно, сделали. Грузовик едет в нужном тебе направлении, а мне придется выйти и вернуться в Пёли Гейтс, как только спадет жара. Примерно через час мы будем проезжать мимо Билльвилля. Там мы с тобой и прощаемся.

Путешествие длилось недолго. Я спрыгнул на первой же остановке для светового контроля, и он пожал мне руку на прощанье.

— Удачи тебе, малыш! — выкрикнул он, когда машина тронулась. Я не мог пожелать ему того же самого. Поэтому взял на заметку регистрационный номер грузовика и вытащил монетку, как только заурчал мотор. Как только он скрылся из виду, я повернулся к ярко освещенному телефонному аппарату. Я чувствовал себя подлым предателем, нажимая кнопку вызова полиции.

Но, у меня действительно не было никакого выбора.

В отличие от незадачливого Стингера, я разработал тщательный план побега. И его частью был замысел дать совершенно ложное направление своему партнеру. Он был не так глуп, и ему не составило бы большого труда вычислить, кто же донес на него. Поэтому, если он заговорит и расскажет полиции, что я вернулся в прекрасный город Пёли Гейтс, это будет даже лучше. У меня не было желания покидать Билльвилль, хотя бы на некоторое время.

Эту контору арендовало какое-то агентство, и все дело-производство велось здесь компьютером. Я бывал тут раньше, еще до моего банковского грабежа, и тогда же оставил здесь кое-какие припасы. Сейчас они могли очень даже пригодиться.

Я вошел в полностью автоматизированное здание через служебный вход — выключив предварительно сигнальную систему, используя потайную кнопку, которую у меня хватило соображения тут вставить. По встроенному таймеру я заметил, что мне потребовалось целых десять долгих минут, чтобы наконец войти в контору. Я зевнул, ковыряясь отмычкой в замке, и еще раз, закрывая за собой дверь и ковыляя вверх по лестнице три пролета. Мимо бессмысленных глаз отключенных видеокамер и невидимых — и тоже отключенных — лучей ин-

фракрасного света. Я потратил еще две минуты, подбирая ключ к двери самой конторы. Затемнив окна и включив свет, я направился к бару. Холодное пиво никогда еще не казалось мне таким вкусным. Содержимое первой бутылки нисколько не задержалось у меня в глотке и зашипело уже где-то на дне живота. Потягивая из второй бутылки, я разорвал упаковку с жареными на вертеле ребрышками свинобраза и достал самое большое ребро. Ам! Приняв душ, перекусив и занявшись третьей бутылкой пива, я почувствовал себя намного лучше.

— Ох, за работу,— сказал я терминалу, нажимая на клавиатуру. Мои инструкции были просты: все газетные сообщения на планете за последние пятьдесят лет, все, что касается преступника по имени Слон, и все разговоры вокруг этого, и без повторов. Печатай.

Еще до того момента, когда я достал свое пиво, из принтера стали появляться первые листы. Верхний лист сообщал о самом последнем упоминании — всего десять лет назад. Не очень интересное происшествие в городке, расположенном на другом конце планеты, в Декалоге. Полиция задержала в какой-то забегаловке пожилого гражданина, который заверял всех, что он и есть Слон. Позже выяснилось, что он страдает манией величия, и подозреваемый был отправлен в сумасшедший дом, откуда он, оказывается, и сбежал. Я подобрал следующее сообщение.

Так я трудился до изнеможения до самого утра и немного вздремнул прямо здесь же на картотеке, которая легко превращалась в кровать, стоило ей только дать команду. В предрассветных сумерках, взбодрив себя чашечкой черного кофе, я закончил наконец раскладывать на полу листы с информацией. По ним пробежались розовые лучи восходящего солнца. Я выключил свет и, постукивая стилографом по зубам, принялся изучать систематизированные сообщения.

Интересно. Преступник, который бравирует своими преступлениями. Который оставлял после себя небольшой рисунок со слоном, скрываясь вместе с добычей с места преступления. Очень простой рисунок — легко скопировать. Что я и сделал. Затем вытянул руку и полюбовался на него со стороны.

Первый слон был найден в пустой кассе автоматизированного магазинчика по продаже спиртных напитков шестьдесят восемь лет назад. Даже если Слон начал свою карьеру подростком, как я, ему сейчас должно было быть больше восьмидесяти. Очень приятный возраст, учитывая, что продолжительность жизни увеличилась теперь до полутора веков. Но что могло случиться такого, что заставило его надолго замолчать?

Прошло уже более пятнадцати лет с момента его последнего появления на страницах газет. Я посчитал на пальцах все возможные варианты.

— Номер один, и этот вариант нельзя скидывать со счетов, — он мог умереть. В этом случае ничего не поделаешь, и нам придется забыть обо всем.

— Два — он мог улететь на другую планету и продолжать заниматься своей преступной деятельностью где-нибудь среди звезд. Если так, забудем об этом, как и в первом случае. Мне нужно будет добыть немалое количество золотых монет и побольше опыта, прежде чем приниматься за другие миры.

— Три — он отошел от дел и отдыхает, проживая полученные несправедливым путем доходы — тогда есть надежда. Или он сменил род деятельности — четыре — и не оставляет теперь следов после каждой вылазки.

Я сел, довольный собой, потихоньку потягивая кофе. Если третий или четвертый варианты были верными, я имею шанс найти его.

Он вел довольно деятельный образ жизни, я со знанием дела посмотрел на список его преступлений. Кражи в самолетах, в автомобилях, опустошение касс и банков. И еще и еще.

Все преступления заключались в перекачивании долларов из чужих карманов в его собственный. И он ни разу не был пойман, это было самое лучшее из всего. Вот человек, который мог бы стать моим учителем, моим репетитором, моим университетом в мире преступлений — который бы в один прекрасный день выдал мне диплом черной магии, открывающий для меня двери в золотые владения, в которые я так страстно желаю попасть.

Но как же я мог разыскать его, если уж объединенные силы полиции всего мира, в течение десятилетий, ни разу не могли поймать его за руку? Интересный вопрос. Такой интересный, что я не видел на него ответа. Я решил предоставить это своему подсознанию, поэтому я еще раз кратко пробежался по всем полученным фактам, чтобы информация закрепилась в подкорке.

Улица постепенно заполнялась покупателями, и я подумал, что и мне самому неплохо было бы прогуляться до магазина. Все продовольствие, которое у меня здесь имелось, было либо замороженным, либо упакованным и готовым к употреблению, а после отвратной тюремной пищи мне вдруг захотелось чего-нибудь поджаристого и хрустящего.

Я открыл шкафчик с гримом и стал готовиться к выходу в свет.

Взрослые не осознают — или забывают — как трудно быть подростком. Они забывают, что это переход во взрослую жизнь.

Беззаботные детские забавы уже позади, а ответственность и исполнение взрослых обязанностей еще впереди. Помимо прилива крови к голове, а также ко всем другим частям тела, когда там начинают появляться мысли о противоположном поле, существует еще масса проблем.

От незадачливого подростка ждут взрослых поступков —

а он не имеет от этого хваленного зрелого состояния никаких преимуществ. Что касается меня, я избежал мучительного давления переходного возраста тем, что просто перепрыгнул через него.

Перестав празднично шататься и трепать языком в школе и во время профессиональной подготовки, я превратился во взрослого человека. А так как я считал себя намного умнее их — взрослых, я имею в виду, по крайней мере, я так считал — мне оставалось только напустить на себя побольше важности. Сначала накладываем морщинки в уголки глаз и на лоб. С помощью бесцветного вещества мой возраст продвинулся сразу на несколько лет вперед. Кое-какой макияж на шее, и последним штрихом будут мерзкие крохотные усики. Когда я натянул на себя бесформенную конторскую куртку, моя мама не узнала бы меня, встретив случайно на улице. На самом деле так однажды, и случилось, это было около года назад — я спросил у нее который час, и она ответила, и в ее коровьих глазах не мелькнуло никакого признака того, что она меня узнала.

Я вышел из конторы и отправился в ближайший магазинчик. Должен сказать, что мое подсознание работало очень продуктивно в этот день. Это я вскоре обнаружил. Даже после всего выпитого пива меня мучила жажда. Проведенное в сарае время без воды давало о себе знать. Поэтому я завернул под платиновые своды Максвиниз и зашагал к роботу-официанту, встроенному в стойку бара. Его пластиковая голова с изображенным на ней исчезающим оскалом повернулась ко мне, и он произнес слащавым и чувственным голосом:

— Чем могу служить, сэр или мадам? — они могли бы потратить несколько долларов на различающую пол программу, подумал я, изучая список названий прохладительных напитков на стене.

— Я возьму, наверное, двойной вишневый сироп с большим количеством льда.

— Будет сделано, сэр или мадам. Все это стоит три доллара, если вам угодно.

Я опустил монеты в монетоприемник, и крышка автоматического раздатчика, щелкнув, отворилась, и появились заказанные мною напитки. Протянув за ними руку, я вынужден был прослушать рекламный призыв робота-официанта.

— Максвиниз счастливы обслужить вас сегодня. Выбрав напиток по вашему вкусу, мы уверены, что вам захочется отведать поджаренный на вертеле бургер из мяса свинообраза с фирменным соусом и украшенный сахаристыми фаршированными бататами...

Голос робота постепенно исчез из моего сознания, когда оно вновь взялось за решение моей небольшой задачки. Ответ, который должен быть простым и ясным, что было само по себе очевидно, как дважды два...

— Давай, пьянчуга. Заказывай или отходи, не будешь же ты стоять тут целый день.

Над самым моим ухом раздался чей-то голос. Я пробормотал какие-то извинения и, отойдя к ближайшему столику, уселся на стул. Теперь я знал, что нужно сделать. Просто нужно поставить все с ног на голову. Вместо того, чтобы самому искать Слона, мне придется заставить его поискать меня. Я пил холодный сироп, пока у меня не заболело горло, бессмысленно глядя в одно место и по крупичкам собирая кусочки плана действий. У меня не было абсолютно никаких шансов найти Слона — было глупо и бессмысленно даже тратить время на попытки. Поэтому мне оставалось только совершить какое-нибудь суперскандальное преступление, чтобы оно оказалось во всех сводках новостей на всех каналах планеты. Оно должно быть настолько экзотическим, чтобы ни один человек на свете, умеющий читать — или в крайнем случае, способный ткнуть пальцем в кнопку и включить информационный канал — не остался в неведении относительно него. Весь мир должен узнать о моем преступлении. Они должны будут также узнать, что его совершил Слон, потому что я оставляю на месте совершения преступления вызывающую визитную карточку, шахматного слона.

Я втянул остатки напитка через соломинку, вновь сосредоточил взгляд на окружающих предметах и медленно вернулся в яркую реальность Максвиниз. Прямо передо мной висел плакат. Я уже смотрел на него некоторое время невидящими глазами. Теперь я его заметил. Смеющиеся клоуны и визжащие дети. Все увлечены весельем, а над их головами красовалась простая надпись светящимися буквами:

**ПОБЕРЕГИТЕ СВОИ КУПОНЫ!
ПОЛУЧИТЕ ИХ В КАЧЕСТВЕ ВЫИГРЫША!!
СВОБОДНЫЙ ВХОД В ЛУНА-ПАРК!!!**

Я бывал в этих парках несколько лет назад — и мне они ужасно не нравились, даже когда я был ребенком. Устрашающие гонки, способные напугать лишь наивных простаков. Взлеты и падения, головокружительные карусели — все это предназначается для закаленного желудка и крепкой головы. Фасованные обеды, сахарная карамель, пьяные клоуны, все это вперемежку с бурным весельем — развлечения на любой вкус. Тысячи людей приходят в луна-парки каждый день, и десятки тысяч заполняют их по выходным, принося с собой сотни тысяч долларов. Долларовое изобилие! Все, что мне нужно сделать — очистить его — и сделать это таким удивительным способом, чтобы попасть на передовицы всех газет на планете. Но как мне это сделать? Пойти туда, конечно, и хорошенько посмотреть на все их меры предосторожности. Самое время было расслабиться.

Для этого небольшого похода в разведку было бы намного естественнее вести себя соответственно своему возрасту. Смыв с себя всю косметику, я снова превратился в семнадцатилетнего подростка со свежим здоровым лицом. Мне необходимо было совершенствовать свои навыки; недаром же я прошел очень дорогие курсы театрального макияжа. Набив щеки мягкими прокладками, я стал похож на херувимчика, особенно тогда, когда чуть-чуть подрумянил их. Я надел пару темных очков, украшенных пластиковыми цветами — из них брызнули струйки воды, когда я нажал на маленький баллончик в кармане. Дешевая забава! Стиль одежды переменялся, слава богу, и это означало, что брюки-гольф вышли из моды, а вернулись шорты. А точнее, какой-то предосудительный стиль под названием шорт-лонг, когда одна штанина была выше колена, а другая ниже. Я купил пару таких штанов, изготовленных из отталкивающего пурпурного вельвета с декоративными розовыми заплатами. Я с трудом заставил себя взглянуть в зеркало. То, что смотрело на меня оттуда, я бы не решился описать, единственно, что это было совершенно не похоже на сбсжавшего грабителя банка. На шею я повесил дешевый фотоаппарат, от которого только и толку-то было, что он дешевый или что он просто фотоаппарат.

Придя на место, я чуть было не потерялся в потоке подобных себе, несущемся к главному входу в луна-парк. Визжа, истерически-хохоча и обливая друг друга из наших пластиковых цветов, мы коротали время до открытия. Когда же двери наконец распахнулись, я пропустил вперед всю эту разноцветную толпу и нетерпеливо последовал за ней. Теперь за работу. Туда, где имеются деньги. Впечатления о моем первом посещении этого заведения совершенно стерлись в моей памяти — и слава богу! — но я хорошо запомнил, что за различные аттракционы нужно было платить жетончиками. Мой отец выдавал мне ограниченное и очень небольшое количество этих жетонов, которые растрчивались за какие-нибудь несколько минут, и уж конечно, пополнения ждать было неоткуда. Моей первоначальной задачей сейчас было найти источник с этими жетонами. Это было довольно легко сделать, так как данное здание являлось объектом внимания каждого посетителя. Оно представляло из себя остроконечное сооружение, словно перевернутый вафельный стаканчик от мороженого, украшенное флагами и механическими клоунами и увенчанное позолоченным громкоговорителем, из которого неслась оглушительная музыка. Вокруг здания у самого его основания располагались пластиковые клоуны, раскачивающиеся, смеющиеся и гримасничающие. Несмотря на свой вызывающий отвращение вид, они исполняли очень важную функцию выживания из посетителей их денег. Нетерпеливые руки подростков всовывали монеты в загребущие лапы пластиковых полишинелей. Монеты исчезали — и клоунский рот изрыгал целый поток пластмассовых жетонов. Омерзительно — но, очевидно, только я один так думал. Деньги текли рекой в

это здание. Теперь нужно было найти, где они из него вытекали. Я обошел его кругом и обнаружил, что раздаточное устройство, возвращающее долларовый поток в обращение, располагается позади здания, под прикрытием деревьев и кустарников. Пробравшись под их ветвями к пристройке, я столкнулся лицом к лицу с полицейским, стоявшим у безымянной двери.

— Исчезни, крошка,— ласково попросил он.— Здесь служебный вход

Увернувшись от него, я толкнул дверь, успев ее сфотографировать.

— Мне нужен туалет,— наобум ляпнул я. — Мне сказали, что он здесь.

Крепкая рука отшвырнула меня назад к кустарнику.

— Не здесь. В другом месте. Иди откуда пришел.

Я пошел. Очень интересно. Никакой электронной сигнализации, а замки системы Глабб — надежные, но устаревшие. Мне начали нравиться луна-парки. Последовало мучительное ожидание темноты, когда парк должен был закрываться. От нечего делать я прокатился в Ледяную страну, где нужно было пробираться через пещеру из искусственного льда со всевозможными вещами, замороженными в стены — которые иногда отваливались и падали прямо на экскурсантов. Атракцион „Морские пираты“ был не лучше этого, а уж про бурное веселье Леденцовой страны или Чудища на болоте мне и вовсе не хотелось бы говорить, чтобы соблюсти приличия. Достаточно сказать, что я все же дождался своего времени. Автомат с жетонами прекратил работу за час до закрытия парка. Со своего пункта наблюдения я с интересом следил за тем, как бронированный фургон увозил большое количество солидных контейнеров. Но самое интересное было то, что вместе с деньгами испарилась и охрана. Думаю, что по их логическому рассуждению выходило, что никому в здравом уме не придет в голову вламываться сюда ночью, чтобы стащить жетоны. Но я был не в здравом уме. Как только на землю опустились сумерки, я присоединился к изможденной праздной толпе, бредущей к выходу. Но до него я, конечно же, не дошел. Запертая дверь тыльной стороны Горы вампиров легко поддавалась, и я проскользнул в темноту служебного помещения. Высоко надо мной слабо светились клыки с намазанной на них запекшейся кровью; я чувствовал себя очень уютно, спрятавшись позади заполненного пылью гроба. Нужно было подождать еще час, не более. Служащие уже наверняка разошлись, но на улице еще было полно народу, и они могли бы заметить мою отвратительную экипировку, когда я выйду наружу.

Кругом были предохранительные устройства, но их легко было обойти. Как я и предполагал. Глабб без труда открылся, и я быстро проскользнул внутрь. В комнате не было окон, что было очень даже кстати, так как мой фонарик не был в этом случае замечен с улицы. Я включил его и с восхищением

оглядел оборудование. Простая и ясная конструкция — я высоко ценил эти качества в механизмах. Стены опоясаны автоматическими раздатчиками. Они сейчас молчали, но наверняка оставались в рабочем состоянии. Когда в них попадали монеты или банкноты, они пересчитывали их и отправляли дальше. Верхние автоматы отмеряли и выбрасывали определенное количество жетонов в подающие желобки. Рядом с ними из пола торчали трубы, заканчивающиеся где-то наверху в бункере. Вне всякого сомнения они наполнялись с помощью подземного транспортера, который возвращал готовые к употреблению жетоны и автоматы. Доллары, к которым больше не прикасались человеческие руки, перемещались по закрытому трубопроводу к месту сбора, где монеты попадали в специальные закрытые ящики. Они мне были не нужны, их не очень-то легко было отсюда вывезти. Но банкноты, да, они были легче и обладали большей стоимостью. Они скользили по желобкам, пока не падали грациозно в открытый верх сейфа. Эта операция надежно предохраняла от нечистого на руку обслуживающего персонала. Прекрасно. Я был просто очарован оборудованием и размышлял о нем, делая себе пометки. Автоматы были изготовлены фирмой по заказу биржевиков, и я срисовал ее торговую марку себе в блокнот. Сейф был тоже надежно и качественно сработан, но при моем содействии легко и просто открылся. Он был, конечно, пуст, но я этого и ждал. Я взял на заметку код, затем открыл и закрыл дверцу несколько раз, пока не научился делать это с закрытыми глазами. План в моей голове приобретал определенные формы, и это было его составной частью. Закончив наконец все дела, я незаметно выскользнул из помещения. Никем не замеченный, я выбрался наружу и присоединился к толпе прогуливающихся пешеходов. Они мало чем отличались от меня, и мне только и нужно было надеть во второй раз свои очки-брызгалки. Мне трудно описать, с каким облегчением я вошел в дверь «своей» конторы, сбросив с себя маскарадный костюм и погрузившись вместе с носом в холодное пиво. Затем, образно выражаясь, мне пришлось немного пошевелить мозгами.

Последующие недели принесли много хлопот. Пока я готовил необходимое снаряжение, я не забывал просматривать информационные сообщения. Один из бежавших заключенных, после яростного сопротивления, был схвачен. Его сообщник найден не был, несмотря на ту помощь, которую оказал пойманный полиции. Бедный ~~Стингор~~ ^{у него} жизнь не будет его радовать как прежде, если ^{у него} отнимут возможность драться. Зато для того парня, которого он замыслил убить, жизнь на некоторое время останется прежней. Поэтому мне было не очень-то жаль Стингера. Да и работы было полно. Нужно было сделать две вещи — спланировать ограбление и расставить ловушку для Слона. Могу с гордостью признаться, что легко справился с этими двумя задачами. Теперь нужно было дожждаться темной и дождливой ночи, чтобы посетить луна-парк еще разок. Я вошел и вышел так быстро, как это только

было возможно, и все же это заняло несколько часов, ведь необходимо было проделать огромную подготовительную работу. Теперь все заключалось в выборе подходящего времени. Лучше всего было сделать это в выходные, когда автоматы переполнены. Частью моего плана была совершенно законная аренда небольшого гаража, но зато я абсолютно незаконным путем стащил маленький фургончик. Ожидая подходящего момента операции, я перекрасил его — если честно, он стал выглядеть намного лучше — подрисовал другие номера и прилепил на дверцы фирменные таблички. Когда наступила суббота, я еле сдерживал себя от нетерпения. Чтобы как-то скоротать время, я, загримированный и с усами, сидел в кафе, наслаждаясь легким и приятным обедом, потому что мне нужно было дождаться конца дня, когда автоматы будут полны монет. И вот я нахожусь совсем рядом со служебным входом в луна-парк в строго запланированное время. Надевая тонкие, обтягивающие кожу перчатки, я почувствовал некоторое опасение, но предвкушение успеха было сильнее. С улыбкой на губах я потянулся к небольшому аппарату и включил его. Невидимый радиосигнал полетел в сторону парка, и я постарался представить, что там сейчас творится. Сигнал достиг приемника и передал его дальше по проводам — цель поражена. Раздался взрыв, совсем небольшой, но способный вывести из строя запирающее устройство. Трубопровод не должен быть поврежден. Теперь автомат выдает разноцветные пластмассовые жетоны, они льются из него непрерывным потоком. Вот какой я благодетель! Представляю, как благодарна была бы мне детвора, если бы знала, кто все это устроил. Но это еще не все. Теперь каждую минуту из строя выходил все новый автомат. С каждым новым радиосигналом на землю падало все большее количество разноцветных жетонов. В нужный момент я завел свой фургончик и подкатил к служебным воротам луна-парка. Открыв окно и свесившись из него, я крикнул охраннику:

— Я получил вызов по радио. Какие у вас тут проблемы?

— Никаких проблем, — сказал сторож, открывая ворота. — Это больше похоже на мятеж. Вы знаете, где находится здание?

— Разумеется. Подмога уже в пути!

Хотя я и рисовал себе картину последующего за моим щедрым подарком хаоса, я мигом осознал, что действительность превзошла самые невероятные ожидания. Визжащая, радостная детвора толкалась вокруг автоматов с жетонами, в то время как другие бились за место у игровых аппаратов. От их счастливых криков лопались барабанные перепонки, и служащие ничего не могли поделать с захлестнувшей всех волной веселья. На дороге народу было меньше, но все равно мне пришлось двигаться очень медленно, не отрывая руки от сигнального гудка. Двое полицейских оттеснили ребятишек к кустам, когда я подъехал к зданию.

— Проблемы с раздатчиками? — ласково спросил я. Сер-

дитый ответ полицейского потонул в криках восторга, что, возможно, было к лучшему. Он отпер замок и почти втолкнул меня вместе с ящиком для инструментов внутрь. Четыре человека безрезультатно сражались с машинами, которые невозможно было остановить, если уж я позволил себе небольшое короткое замыкание выключателя. Лысый мужичок пытался перекусить кабель плоскогубцами. Я покрутил у виска.

— Верный способ покончить с собой, — сказал я. — Тут 400-вольт.

— Ты можешь предложить что-нибудь получше? — сердито прорывал он. — Это все ваши чертовы машины. Давай исправляй!

— Исправлю — нет ничего проще.

Я открыл свой ящик, в котором не было ничего, кроме сверкающего металлического тубика, и вытащил его оттуда.

— Вот это сделает всю работу! — сказал я, открывая колпачок и направляя струю от себя. Последнее, что я увидел, это их выпученные глаза, затем черный дым заполнил помещение, полностью уничтожая всякую видимость. Я ожидал такого поворота событий; они нет. С ящиком в руке, я в четыре прыжка преодолел отмеренное заранее расстояние и очутился рядом с сейфом. Любой шум, исходящий от меня, тонул в их криках и воплях и в непрерывном пыхтении раздатчиков. Сейф открылся без труда, и крышка моего ящика для инструментов прекрасно подошла к его нижнему краю. Я наклонился, нащупал пачки банкнот и смел их в приготовленную тару. Она быстро наполнилась, и я захлопнул крышку. Следующей задачей было проследить, чтобы ответственность за содеянное легла на того, кого надо. Визитка с рисунком находилась у меня в кармане. Я выудил ее оттуда и аккуратно положил в сейф, который я вновь закрыл на замок, чтобы быть уверенным, что моя записочка не потеряется в этой суматохе. Только теперь я подхватил ставший тяжелым ящичек и попытался сориентироваться, стоя спиной к сейфу. Я знал, что выход находится в девяти шагах от него. Я преодолел пять из них, когда вдруг столкнулся с кем-то в темноте, и чьи-то сильные руки схватили меня, в то время как кто-то прокричал мне в самое ухо:

— Я поймал его! Помогите мне!

Я уронил ящик и оказал ему ту самую помощь, в которой он так нуждался, нащупав руками его шею и сделав все, как надо. Он захрипел и потерял сознание. Я подобрал свой ящик — и вдруг потерял ориентировку... Я осознал, что во время инцидента потерял правильное направление. Меня охватила паника, и я задрожал так, что чуть не уронил опять свой ящик. Семнадцати годов отроду и совершенно один в этом взрослом и чужом мне мире, сжимающемся вокруг меня. Все кончено. Я не знаю, как долго продолжался кризис, скорей всего каких-нибудь несколько секунд, но казалось, что целую вечность. Поэтому я мысленно сгреб себя за загривок и хорошенько встряхнул.

— Ты сам этого хотел — помнишь? Быть одному, и чтобы никто тебя не трогал. Так что давай — начинай думать. Быстрее!

Я подумал. Кричащие и вопящие вокруг люди не могли мне ни помочь, ни навредить — они были в таком же замешательстве, что и я. Ну, хорошо, руки вперед и в путь. В любую сторону. Доберись до чего-нибудь, что можно опознать на ощупь. Когда ты это сделаешь, тогда поймешь, где находишься. Впереди послышался грохот, и в лицо мне хлынул свежий поток воздуха, знакомый голос прокричал совсем близко:

— Что тут у вас происходит?

Охранник! И он открыл дверь. Очень мило с его стороны. Я двинулся вдоль стены, ловко увернувшись от него, пока он продолжал кричать в темноту. Выбравшись на свет божий, я был ослеплен его яркостью и заморгал при виде преградившего мне дорогу второго охранника.

— Стой на месте. И не двигайся.

Нет ничего хуже, чем хватать Черный Пояс таким образом. Я так осторожно опустил его на землю, что он даже не почувствовал, как он там оказался, и нисколько не ударился. Забросив ящик в фургон и оглядевшись, не видел ли кто меня, я завел мотор и неторопливо поехал прочь от полного веселья и забав луна-парка.

— Все улажено, теперь все в порядке, — крикнул я сторожу, и он кивнул мне, открывая ворота. Я покатиł по направлению к городу, плавно минув крутой поворот. Затем резко свернул с магистрали на проселочную дорогу. Мое отступление было так же тщательно спланировано, как и само ограбление. Украсть деньги — это одно; а вот сохранить их — совсем другое. В наше время электронных коммуникаций описание моей внешности и фургона облетит планету за какие-нибудь доли секунды. Каждый полицейский пост и машина будут иметь ксерокопию и словесный портрет. Так сколько же времени у меня было в запасе? Оба охранника были без сознания. Но они вскоре могут прийти в себя, передадут информацию, вызовут по телефону подкрепление и разошлют повсюду предупреждение. Я подсчитал, что все это займет не меньше пяти минут. Что было очень даже хорошо, потому что мне требовалось не больше трех. Дорога вилась среди деревьев, делала последний поворот и заканчивалась у заброшенного карьера. Сердце мое тревожно застучало, так как в этом деле был небольшой риск. Но все сработало отлично — взятый напрокат автомобиль стоял на том самом месте, где я оставил его за день до этого! Разумеется, я снял с него некоторые существенные детали, но какой-нибудь настырный воришка мог просто отбуксировать его. Слава богу, что в округе орудовал только один чересчур настырный вор. Я открыл машину, вынул оттуда коробку с бакалейными товарами и перенес ее в фургон. Из коробки торчали уголки упаковок, склеенные вместе. Очень остроумно, сказал я сам себе. Сам себя не похвалишь. никто

не похвалит, ведь никто не подозревал об этой операции. Деньги в коробку, закрываем, кладем в машину. Снимаем рабочую одежду, слегка вздрогнув от прохладного ветерка, и бросаем ее в фургон. Избавляемся от усов. Надеваем спортивную одежду, запускаем таймер термозаряда, закрываем фургон, садимся в машину. И просто уезжаем. Никто меня не видел, поэтому я мог со спокойной душой завершить свое маленькое приключение. Я приостановился на подъезде к главной магистрали и пропустил вперед вереницу полицейских машин, с ревом пронесшихся в сторону луна-парка. Я вот он, но похоже, что они очень спешили. Я выехал на магистраль и неторопливо покатиł по направлению к Билльвиллю. К тому времени фургон уже должен был полыхать, потихоньку превращаясь в горку шлака. И никаких улик! Фургон был застрахован в законном порядке, поэтому его владелец получит компенсацию. Огонь не распространится далеко — он не вырвется из каменного сердца каменоломни — и никто не пострадает. Все просто замечательно получилось, просто замечательно. Очувшись снова в своей конторе, я глубоко и с облегчением вздохнул, открыл пиво и долго, с наслаждением пил, затем достал из бара бутылку виски и налил себе глоток покрепче. Отхлебнув немного, я сморщил нос от ужасного вкуса и выплеснул остатки напитка в раковину. Какая отвратительная гадость! Может быть, если бы я пробовал спиртное почаще, я бы привык к его запаху и вкусу, но я сомневаюсь, что овчинка стоила выделки.

Наверняка уже прошло достаточно времени, чтобы до места происшествия добрались вездесущие писаки.

— За работу, — сказал я своему компьютеру. — Отпечатай самый последний номер газеты.

Факс загудел вкрадчиво, и листок бумаги скользнул на поднос. На первой странице была изображена красочная картина долларового фонтана, работающего на полную мощь. Я прочел репортаж не без удовольствия, затем перевернул страницу и увидел рисунок. Тот самый рисунок, который они нашли, когда в конце концов сумели открыть сейф. С изображением слона и короткой строкой шахматных значков под ним.

R — Kt 4×B.

Что значило на языке шахмат, что Ладья взамен Коня 4 берет Слона. Когда я это прочитал, волна радости и удовлетворения сменилась некоторым беспокойством. Не отдал ли я сам себя в руки полиции? Вдруг они разберутся в этой задачке и поймут меня в ловушку?

— Нет! — крикнул я вслух. — Полиция слишком ленива, и у них без этого полно забот. Они могут, конечно, поразмышлять над этим, но никогда не догадаются, что все это значит, пока не будет слишком поздно. Но Слон должен суметь разгадать мою загадку. Он догадается, что это послание предназначается только ему, и поработает над ним. Надеюсь на это.

Я отхлебнул еще глоток пива и серьезно призадумался.

Мне понадобилось несколько утомительных часов, чтобы составить эту головоломку. То, что Слон использовал шахматную символику для своей визитной карточки, заставило меня покопаться в книгах о шахматах. Допустим, что он — или она, ведь никто и никогда не определял пол Слона, хотя обычно предполагается, что преступник мужчина — питает интерес к шахматам. Если бы ему понадобилась дополнительная информация, он бы обратился к тем же самым книгам, что и я. Стоит чуть постараться, и вы увидите, что существует два способа обозначения шахматных ходов. Самый старый из них, который использовал я, называет клетку по вертикали и ту шахматную фигуру, по имени которой эта вертикаль названа. (Как вы должны знать, «разряды» — это ряды клеток, которые располагаются от одной до другой стороны шахматного поля, «вертикали» — это ряды клеток, которые тянутся от одного игрока к другому.) Таким образом, клетка, на которой стоит белый Король, обозначается как Король 1. Король 2 будет клетка выше. Если вы находите это слишком уж заумным — не играйте в шахматы, потому что это самое простое в этой игре! Тем не менее существует второй способ обозначения ходов. Вся доска делится на 64 клетки, и Конь 4 может стоять либо на 21, либо на 8 или 22 или 45. Запутанно? Я тоже так думаю. Надеюсь, что и полиция не догадается о том, что это код, и не будет ломать над ним голову. А в этой маленькой шахматной задачке была спрятана дата моего следующего преступления, когда я собирался взять «слона», то есть использовать его визитную карточку. Что значило, что я собираюсь убедить всех в том, что я Слон. Что также значило, что я высоко ценю Слона, как хорошего медвежатника. Я ясно представлял себе весь сценарий. Полиция призадумается над этим шахматным ходом — потом бросит. Но Слон в своем укромном убежище не должен. Он наверняка рассердится. Совершено преступление, и в этом вина его. Деньги украдены — а ему ничего не досталось! Я надеялся, что он станет размышлять над ходом, поймет, что это код, и разгадает его. Сообразит, что Конь — это омоним слову ночь*. Ночь 4 — что это может значить? Четвертая ночь Фестиваля современной музыки в Пёли Гейтс, вот что. И эта четвертая ночь является в то же время сорок пятым днем в году, то есть 45 клеткой на шахматной доске, одной из возможных диспозиций Коня 4. Эта проверка не оставит у Слона сомнений, что преступление произойдет в четвертую ночь Фестиваля. Преступление, затрагивающее массу денег, конечно. Я мысленно плюнул три раза через левое плечо, в надежде, что ему гораздо интереснее будет встретиться со мной, чем предупредить полицию о готовящемся преступлении. Я все же надеялся, что правильно провел всю комбинацию. Слишком сложно для полиции, но вполне приемлемо для Слона. Ему оставалась еще целая неделя для решения задачи и подготовки к фестивалю.

* Конь (knight) и ночь (night) по-английски звучат одинаково.

Это значило, что у меня тоже оставалась неделя, чтобы немного успокоиться, хорошенько выспаться и получать удовольствие от разработки планов и различных приспособлений для грабительского набега на общественный карман.

В назначенный день шел дождь — что прекрасно сочеталось с моими планами. Я поднял воротник своего черного пальто, натянул на голову черную шляпу, достал черный чемоданчик, в котором хранился музыкальный инструмент. Духовой музыкальный инструмент: Это каждому было ясно, так как чемоданчик имел характерную выпуклость с одного конца. Общественный транспорт доставил меня к главному входу в театр. Шагая по тротуару, я вдруг обнаружил, что слился с толпой похожих на меня музыкантов, облаченных в черное и с инструментами в руках. Я приготовил пропуск, но швейцар замахал нам, чтобы мы быстрее проходили внутрь с дождя. Маловероятно было то, что кто-то начнет выяснять мою личность, потому что я был одним из 230. Сегодня должна была состояться премьера чего-то такого, что называлось музыкальным произведением и что невозможно было слушать, под названием «Столкновение Галактик», в которой участвовал 201 духовой инструмент и 29 ударных. Композитор, Мой-Вуфтер Гийо, была известна своими не слишком нежными, нестройными композициями. Выбор этого музыкального произведения предопределил и выбор подходящего для моей операции вечера; одно только чтение партитуры доставит вам головную боль.

Такому множеству музыкантов не хватало имеющихся в театре гримерных, и они кружили повсюду, создавая массу шума. Никто не заметил, как я ушел, не прощаясь, и пробрался наверх по черному ходу. Обслуживающий персонал давно покинул помещение, так что я знал, что меня никто не потревожит. Разве что эта дурацкая музыка. Я спрятался в подсобном помещении, закрыв за собой дверь снаружи. Услышав первые звуки прелюдии, я вытащил свой экземпляр партитуры «Столкновения». Все начиналось очень спокойно — по крайней мере Галактикам нужно сперва представиться публике, прежде чем столкнуться. Я следил за ходом концерта по нотам, пока мелодия не подошла к красной отметке, которую я в них поставил. Аккуратно сложив партитуру, я засунул ее в карман, осторожно приоткрыл дверь и огляделся вокруг. Коридор был пуст, как и должно было быть. Рывком поступью я зашагал вдоль коридора, пол которого уже начинал дрожать от надвигающегося галактического разрушения.

На двери висела табличка «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Я вытащил из кармана черную маску, снял шляпу и, выудив ключи от двери из другого кармана, надел маску на себя. Мне не хотелось тратить время на возню с отмычкой, поэтому мне пришлось сделать ключ, когда я изучал окрестности. Вставляя его в дверной замок, я мурлыкал про себя несущуюся из зала мелодию — если это вообще можно себе представить. В самый момент гибельного столкновения я открыл

дверь и вошел в кабинет. Никто не слышал, как я вошел, но мои движения были замечены пожилым человеком. Он обернулся и уставился на меня, уронив карандаш, который он держал в руках до моего появления. Его руки взмыли вверх к потолку, когда я вытащил внушительный — и ненастоящий — револьвер из внутреннего кармана. Его товарищ помоложе, похоже, не очень-то испугался и ринулся в атаку. И тут же свалился без сознания на пол, получив удар и сломав по ходу падения стул. Все это произошло без единого звука. Или лучше сказать, что звуков было очень много, но ни один из них не мог быть услышан сквозь музыку, которая, набирая бешеный темп, изображала теперь чей-то трубный глас. Мне нужно было пошевеливаться, потому что приближалась самая громкая часть произведения. Я достал из кармана пальто две пары наручников и прицепил пожилого человека за ногу к его столу, опустив ему руки, чтобы они не устали. Затем продолжал то же самое с его спящим приятелем. Время почти подошло. Я достал из другого кармана пластиковую взрывчатку — в моем одеянии было полно карманов — и прилепил ее к передней дверце сейфа. Они, видно, чувствовали себя здесь в безопасности, приняв кое-какие меры предосторожности. Весь обильный вечерний доход запирался в сейф в присутствии вооруженной охраны. И оставался запертым до того, как его открывали утром под присмотром другой вооруженной охраны. Вставив во взрывное устройство радиовзрыватель, я отошел в другой конец комнаты, где меня и других не мог бы достать огонь. Каждый незакрепленный предмет в кабинете подпрыгивал в такт музыке, и с потолка стала осыпаться штукатурка. Но нужный момент еще не настал. Это дало мне возможность оборвать пока провода телефонов, чтобы до окончания концерта никто из них не смог поговорить по ним.

Ну вот — еще немного! Перед моими глазами стояла картина, и я мысленно следил за ходом мелодии, и в тот самый момент, когда Галактики должны были наконец столкнуться, я нажал на кнопку радиопривода. Передняя стенка сейфа бесшумно отлетела в сторону. Я чуть не оглох от прогремевшей музыкальной развязки — а вовсе не от взрыва — оставалось только удивляться, какое великое множество людей готовы оглохнуть во имя искусства. Мое изумление не мешало мне сгрести банкноты из сейфа в мой чемоданчик для музыкального инструмента. Когда он наполнился, я помахал шляпой своим арестантам, одному с широко открытыми глазами, другому в бессознательном состоянии, и удалился. Черная маска возвратилась в карман, и я вышел из театра через скрытый от посторонних глаз запасной выход. Я быстро пробежал два квартала до входа на станцию, не привлекая внимания к себе в толпе таких же спешащих по дождю прохожих. Вниз по лестнице и дальше по коридору, за поворотом. Пригородные поезда только что отъехали от платформы, и коридор был пуст. Я вошел в кабинку с телефоном-автоматом

и ровно за двадцать две секунды — строго отрепетированное время — переменял свою внешность. Сорвав черное покрытие с чемоданчика, я превратил его в белый кейс. Характерная выпуклость тоже исчезла. Я вывернул шляпу, и она стала белой, черные усы и борода исчезли в предназначенном для них кармане. Теперь я мог вывернуть пальто, и оно, совершенно верно, тоже стало белым. Переодетый таким образом, я зашагал на станцию и, выйдя вместе с прибывшими пассажирами на улицу, очутился на остановке такси. Недолгое ожидание; подъехал кэб, и его двери приветливо распахнулись. Я взобрался внутрь и улыбнулся в ответ на широкий оскал робота-водителя.

— Мой дарагой, атвези меня в Арболаст Атель,— очень похоже симитировал я зурингарский акцент — так как в это самое время на станцию прибыл поезд из Зурингара.

— Сообщение не принято,— заявила машина.

— Ар-бо-ласт А-тель, металлический идиот! — выкрикнул я.— Ар-боу-бо-ласт!

— Понятно,— сказала она, и кэб двинулся вперед.

Просто здорово. Все разговоры сохраняются в молекулярной памяти кэбов в течение месяца. Если они нападут на мой след, они обнаружат эту запись. А я забронировал место в отеле со своего терминала в Зурингии. Может, я был чересчур осторожен — но моим девизом была НЕВОЗМОЖНОСТЬ. Быть чересчур осторожным, имеется в виду. Отель был очень дорогим и со вкусом украшенным искусственным арболастом*, присутствующим в отделке коридоров и комнат. Я с подобострастием был сопровожден в свой номер, где арболаст служил торшером — и робот-портье заскользил прочь с пятидолларовой монеткой в пазу для чаевых. Я положил чемодан в спальню, снял с себя промокшее пальто, достал из холодильника пиво — и тут раздался стук в дверь. Так скоро! Если это Слон, то он просто замечательный сыщик, потому что я совершенно не чувствовал за собой хвоста. Но кто же еще это мог быть? Я колебался, но потом понял, что существует только один способ выяснить это. С улыбкой на лице, в случае, если окажется, что пришел Слон, я открыл дверь. Улыбка тут же исчезла.

— Вы арестованы,— сказал агент сыскной полиции, выставляя вперед свой драгоценный значок. Его помощник нацелил на меня огромный револьвер, чтобы удостовериться, что я понял, о чем речь.

— Что... Что... — пробормотал я что-то в этом роде. Но офицер, казалось, не был поражен моим остроумием.

— Наденьте пальто. И пройдемте с нами.

Совершенно ошеломленный, я проковылял через комнату и выполнил его приказание. Было бы лучше оставить пальто здесь, но у меня не было желания перечить. Когда они начнут обыскивать его, то найдут маску и ключи и все остальное,

* Отделочный материал.

что с головой выдаст меня. А что же с деньгами? Они не упомянули о чемодане.

Как только я вдел руку в рукав, полицейский защелкнул на моем запястье наручник, прицепив второй к своей собственной руке. И мне некуда было деться. Я ничего или почти ничего не мог сделать — под дулом револьвера в руках стоявшего в трех шагах позади нас конвоира. Мы вышли за дверь, прошли по коридору к лифту и вниз в холл. Слава богу, у полицейского хватило любезности не отходить от меня на большое расстояние, и я не ощущал наручников. Огромная черная и зловещая машина стояла посреди запрещенной для парковки зоны. Водитель даже не удосужился взглянуть в нашу сторону. Хотя, как только мы забрались внутрь и двери за нами закрылись, он тронулся в путь. Я не смел произнести ни слова — мои попутчики, видно, тоже не были расположены для беседы. В полной тишине мы катили по дождливым улицам, мимо полицейских участков, что было совершенно неожиданно, и вдруг остановились у здания Федеральных властей. Так это служба безопасности! Сердце мое оборвалось. Я был, конечно, прав, рассудив, что решение головоломки и мой арест не по зубам местной полиции. Но я не подумал о всепланетном бюро расследований. С явным неудовольствием я понял свою ошибку. После долгих лет молчания Слон вдруг появляется на поверхности. Почему? И что значит эта шахматная ерунда? Подключается криптографист. Ого, браво, разгадана дата и место действия следующего преступления. Дело передается федеральным властям от некомпетентной в этих вопросах полиции. Наблюдение за кассой ведется новейшим электронным оборудованием. Преступник преследуется по пятам, чтобы проверить, не замешан ли здесь еще кто-нибудь. Затем внезапный захват. Я настолько впал в уныние, что мог с трудом передвигать ноги. Я чуть не упал, когда наша небольшая процессия остановилась перед тяжелой дверью с табличкой «ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ», где чуть ниже более мелкими буквами было приписано «ДИРЕКТОР ФЛИНН». Мы гуськом пробрались внутрь.

— Вот он, сэр.

— Прекрасно. Привяжите его к стулу.

Говоривший это массивно возвышался над массивным столом. Грузный человек с прилизанными черными волосами, которому большое количество жира, окружавшее его со всех сторон, придавало еще большую тучность. Подбородок, точнее подбородки, свисали до самой груди, массивной горой возвышающейся над поверхностью стола, на которой толстыми колбасками лежали пальцы его сцепленных рук. В ответ на мой беглый растерянный взгляд, он строго и холодно посмотрел на меня. Я не протестовал, когда меня проводили к стулу, усадили в него, и я почувствовал, как наручники защелкнулись вокруг спинки, затем посыпались удаляющиеся шаги и хлопанье закрывающейся двери.

— Ты попал в очень неприятную историю, — заявил он.

— Я не знаю, что вы имеете в виду, — сказал я в порыве невинности, но писклявость и дрожь в моем голосе приуменьшили этот порыв.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Ты совершил грабеж сегодня вечером, очистив общественный кошелек от средств, дарованных совершенно глухими поклонниками музыки. Но это не самое главное в твоей глупой выходке, молодой человек. К твоему сведению, могу сообщить, что ты похитил также доброе имя другого человека. Слона. Ты разгрыбаешь из себя того, кем на самом деле не являешься. На-ка, лови!

Похитил доброе имя? О чем он, черт возьми, говорит? Я по инерции поймал ключи в воздухе. Изумленно уставился на них, затем еще более изумленно на него, неуклюже пытаясь расстегнуть наручники.

— Так вы не... То есть арест, этот кабинет, полиция... Вы...

Он терпеливо ждал моих последующих слов с блаженной улыбкой на лице.

Вы... Вы и есть Слон!

— Точно так. Как я понял из спрятанной в твоём примитивном коде записки, ты хотел меня видеть. Зачем?

Я приподнялся на стуле, и в его руках появился чудовищно громадный револьвер, нацеленный мне прямо в лоб. Я опустился на место. Улыбка, как и теплота в его голосе, тут же исчезли.

— Я не хотел бы, чтобы мне подражали, и вовсе не хотел бы, что бы со мной шутили шутки. Мне это не по вкусу, я рассержен. У тебя имеется три минуты, чтобы объяснить мне, в чем дело, прежде чем я убью тебя и пойду в твой номер в отеле, чтобы забрать деньги, которые ты сегодня стащил. Но первое, что ты должен сделать, это открыть мне место, где ты хранишь остальную сумму, украденную от моего имени. Говори!

Я заговорил — или, вернее, попытался это сделать, но мог только беспомощно что-то лопотать. Это отрезвило меня немного. Он мог убить меня, но он не собирался стереть меня в порошок прямо на месте.

Я прокашлялся и попытался начать.

— Не думаю, что вы очень уж спешите убить меня — как и не думаю, что смогу уложиться в отведенный вами отрезок времени. Если бы вы немного отложили расправу надо мной, я бы постарался точно и ясно объяснить вам мотивы своего поступка. Вы согласны?

Заговорив таким образом, я шел на определенный риск — но Слон был честным игроком, я понимал это теперь. Выражение его лица не изменилось, но он слегка кивнул, словно уступая мне пешку. Точно зная, что мой Король от него никуда не денется.

— Благодарю. Я никогда не допускал мысли, что вы окажетесь жестоким человеком. На самом деле, когда я узнал о вашем существовании, я выбрал вас в качестве примера

для подражания, образца профессионализма. То, что вы сумели сделать, чего вы сумели добиться, не знает аналогов за всю историю мирового развития. Если я оскорбил вас, возвращая деньги от вашего имени, прошу вас меня простить. Я верну вам все эти деньги по первому требованию. Но если хорошо подумать, у меня просто не было другого способа найти вас. Поэтому мне пришлось подстроить все так, чтобы вы сами нашли меня, что вы и сделали. Я рассчитывал на ваше любопытство — и на ваше милосердие — и на то, что вы не станете открывать полиции, кто я такой, пока лично со мной не встретитесь.

Следующим кивком он уступил мне еще одну пешку. Неподвижное дуло его револьвера говорило мне о том, что я все еще на прицеле.

— Ты единственный человек на свете, кто установил мою личность, — сказал он. — Ну, и скажи, чего это ради я не должен тебя убивать. Зачем тебе понадобилось искать со мной встречи?

— Я же уже объяснил — из чувства восхищения. Я решил, что карьера преступника наиболее полно раскроет все мои таланты. Но я самоучка и очень уязвим. Я бы очень хотел быть вашим учеником. И начать обучение с самого начала. Поступить в высшую криминальную академию, чтобы изучить эту совершенно неизвестную мне часть общественного бытия. Я буду оплачивать уроки, какую бы плату вы с меня ни потребовали за привилегию находиться рядом с вами. Хотя мне потребуется теперь некоторое время, чтобы восстановить свои денежные запасы, если доходы от моих двух последних операций перейдут к вам. Вот и все. Вот кто я такой. И, если я буду усердно работать, мне хотелось бы стать таким, как вы.

Его смягчившийся взгляд и пальцы, задумчиво почесывающие подбородок, говорили о том, что на какое-то время он снимает с меня осаду. Но партию нельзя было еще считать выигранной — да я и не хотел выигрывать. Мне достаточно было ничьей.

— Почему я должен верить твоим словам? — наконец спросил он.

— А почему вы должны сомневаться? Какую еще уважительную причину я мог иметь?

— Меня волнуют вовсе не твои мотивы. Я раздумываю над возможностью существования чьих-то других интересов в этом деле, скорее всего интересов ответственного полицейского чина, который использовал тебя словно пешку, чтобы найти меня. Человек, которому удастся арестовать Слона, поднимется на самый верх выбранного им пути.

Я кивнул в знак согласия, яростно соображая, что сказать. Затем улыбнулся, облегченно вздохнув.

— Вы совершенно правы — это самое первое, что могло бы прийти вам в голову. Ваш кабинет в этом здании также означает, что вы занимаете немалый чин в сфере насаждения законности, такой чин, который позволяет вам проверить, так

ли это. Или — что еще более доказывает вашу гениальность — вы смогли использовать свои каналы и средства, чтобы проникнуть в информационную сеть полиции на любом уровне и, одурачив их, с их же помощью арестовать меня. Поздравляю вас, сэр! Я знал, что вы гениальны в своем деле — но то, что вам удалось совершить, находится на грани фантастики!

Он медленно кивнул головой, принимая мои похвалы как должное. Мои ли слова заставили его опустить револьвер? Показался ли на горизонте ничейный исход игры? Я бросился в атаку.

— Мое имя Джеймс ди Гриз, я родился чуть более семнадцати лет назад в этом самом городе в госпитале для безработных пастухов свинообразов. Терминал, который я вижу перед вами, наверняка содержит официальные документы такого уровня. Найдите мои данные! И проверьте сами, что то, что я вам сказал — истинная правда.

Я поудобнее устроился на стуле, пока он набивал команды на клавиатуре. Я ничем не отвлекал его, пока он внимательно читал. Я все еще нервничал, но старался выглядеть спокойным. Наконец он закончил. Он наклонился вперед и умнотворенно посмотрел на меня. Я не заметил, чтобы его руки двинулись с места, но револьвер исчез из них. Ничья! Но фигуры все еще оставались на доске, и начиналась новая игра.

— Я верю тебе, Джим, и благодарю за теплые слова. Но я работаю один, и мне не нужны подмастерья. Я приготовился убить тебя, чтобы сохранить в секрете свой настоящий облик. Но теперь я вижу, что в этом нет необходимости. Я просто возьму с тебя слово, что ты никогда больше не возьмешься меня разыскивать — или не будешь больше использовать мое имя для своих преступлений.

— Я немедленно исполню все ваши просьбы. Я стал на некоторое время Слоном, только чтобы привлечь ваше внимание. Но умоляю вас, перемените свое решение и примите меня в члены своей высшей криминальной академии!

— Такого учебного заведения не существует, — сказал он, с трудом поднимаясь на ноги. — Прием закрыт.

— Тогда позвольте мне изложить свою просьбу другими словами, — поспешно проговорил я, ясно ощущая, что мне осталось немного времени. — Разрешите мне коснуться личного и простите, если я причиню вам этим какое-нибудь беспокойство. Я молод, мне нет еще двадцати, а вы прожили на этой планете уже более восьмидесяти лет. Я всего несколько лет занимаюсь выбранной профессией. И за это короткое время я обнаружил, что совершенно одинок. Что я делаю, мне приходится делать самому и для самого себя. У меня нет друзей среди криминальных элементов, потому что все, кого я встречал в своей жизни, абсолютные непрофессионалы. Поэтому мне пришлось оставить их. А если я одинок — тогда осмелюсь предположить, что и вы одиноки в своей жизни?

Он все еще стоял неподвижно, опираясь одной рукой на стол, уставив взгляд в глухую стену, словно в окно, на что-то

невидимое. Затем он громко вздохнул и, словно выпустив со вздохом часть удерживающей его на ногах силы, тяжело опустился на стул.

— Ты говоришь правду и только правду, мой мальчик. У меня нет желания обсуждать этот вопрос, но твоё колкое замечание попало прямо в точку. Но несмотря на это, все останется так, как есть. Я слишком стар, чтобы менять свои привычки. Я прощаюсь с тобой и благодарю за очень интересную неделю. Как в старые добрые времена.

— Подумайте, пожалуйста!

— Не могу.

— Дайте мне свой адрес, я пришлю вам деньги.

— Оставь их себе — ты их заработал. Но в будущем добывай их под другим именем. Дай возможность Слону спокойно наслаждаться старостью. Я добавлю к этому только одно — небольшой совет. Пересмотри цель своей жизни. Заставь свои недюжинные таланты работать в более социально приемлемой сфере. Тогда тебе удастся избежать того бескрайнего одиночества, о котором ты уже упомянул.

— Никогда! — громко закричал я. — Никогда. Я лучше буду гнить в тюрьме весь остаток своей жизни, чем приму на себя роль добропорядочного члена общества — от которой я так давно и полностью отказался.

— Ты ещё можешь передумать.

— Это просто невозможно, — крикнул я в пустоту. Дверь за ним закрылась, и он исчез.

Ну вот и все. Ни с чем не сравнимое гнетущее уныние, овладевшее мной, спустило меня с высот энтузиазма. Я сделал все, что намеревался сделать. Мой запутанный план сработал превосходно. Я вытащил из небытия Слона и сделал ему предложение, от которого он не должен был отказаться. Но в том-то и дело, что он отказался. Даже удовлетворение от славного удавшегося ограбления не приносило теперь радости. Доллары исчезали из моих рук, словно пепел. Я сидел в своей комнате в отеле, всматриваясь в своё будущее, и не видел ничего, кроме бесконечной пустоты. Я считал деньги, пока суммы не перестали иметь для меня значение. Составляя свои планы, я подумал обо всем, кроме одного, — о том, что Слон откажет мне. Это нелегко было пережить.

Когда я на следующий день вернулся в Билльвилль, я все еще находился в крайне подавленном состоянии и был погружен в самосожаление, которое я не мог больше выносить. Я посмотрел на себя в зеркало и увидел там убитое горем лицо с пустыми глазами, тогда я показал отражению высунутый язык.

— Мямля! — сказал я. — Маменькин сынок, плакса, потакающий своим капризам, — и добавил еще кучу оскорблений, каких только у меня хватило сил выдумать. Освежив воздух, я сделал себе бутерброд и чашку кофе — никакого алкоголя, чтобы не засорять извилины, и сел поразмышлять о будущем. Что дальше? Ничего. По крайней мере ничего конструктивного

в тот момент я придумать не мог. Все мои размышления оставались перед глухой стеной, которую я не мог ни обойти, ни преодолеть. Я упал в кресло и шелкнул пальцами, включая 3V. На экране появился коммерческий канал, и прежде чем я успел переключить программу, нарисовалась диктор во всех трех измерениях и в цвете. Я не стал ее выключать, потому что она была довольно мила в своем легком тонюсеньком купальном костюме.

— Спешите туда, где дует нежный морской ветерок, — заманивала она. — Присоединяйтесь ко мне на серебристых берегах прекрасного песчаного Пляжа Ватикано, где солнце и волны освежат вашу душу...

Я выключил аппарат. Моя душа была в прекрасной форме, и прекрасные формы дикторши только добавили мне горестных размышлений. Сначала будущее, затем уж разнополая любовь. Но коммерческий канал все же подкинул мне начало идеи. Отпуск? Небольшая передышка? Почему бы и нет — последнее время я работал побольше любого бизнесмена, которым мне так не хотелось становиться. Преступление оплачивается, и довольно прилично, так почему же мне не потратить небольшое количество заработанного тяжелым трудом? Все равно мне не уйти от всех моих проблем. Я уже знал по опыту, что физическая разрядка не приносит облегчения. Мои неприятности всегда сопровождали меня, как вездесущая и ноющая зубная боль. Но я мог взять их с собой в какое-нибудь место, где, возможно, нашел бы время на досуге и способ отделаться от них. Куда? Терминал выдал мне путеводитель выходного дня, и я быстро пробежался по нему глазами. Ничего привлекательного. Пляж? Только если ради того, чтобы встретить там ту девочку из коммерческого канала, что казалось маловероятным. Шикарные отели, дорогие круизы, музейные экскурсии, все это представляло собой то же самое, что и восхитительный уикэнд на ранчо со свинобразами. Может, это и было то, что надо, — мне необходим был глоток свежего воздуха. Как мальчишка с фермы я повидал в своей жизни большое количество веселых пикников на открытом воздухе, побольше, чем куча свиного сами знаете чего. Вот с такой подноготной я ринулся в широко распростертые объятия большого города — да так и остался в нем.

Должно быть, в этом и заключался ответ на мой вопрос. Конечно, не назад на ранчо, но в какую-нибудь дикую местность. Подальше от людей и вещей, поближе к матушке-природе. Чем больше я об этом думал, тем больше мне нравилась эта идея. И я знал, куда бы мне хотелось поехать, стремление попасть туда появилось у меня, когда я едва дорос до загровка поросенка. Кафедральные горы. Их покрытые снегом вершины были устремлены в небо, словно гигантские церковные башни, во всяком случае такое впечатление они оставили в моих детских мечтах. Замечательно, разве не так? Пришло время сделать мечты явью.

Покупка рюкзака, спальника, утепленной палатки, котелков,

фонариков — всего необходимого снаряжения — была частью забавного приключения. Экипировавшись таким образом, я не стал тратить время на ожидание следующего пассажирского лайнера, а вылетел на самолете до Рафаэля. Когда мы приземлились, я долго таращил глаза на высокие горы, ожидая своей поклажи. Я изучил все карты и знал, что тропа на перевал пересекает дорогу у подножья горы к северу от аэропорта. Мне нужно было подождать специального автобуса, который бы доставил меня туда, вместо того, чтобы обращать на себя внимание поездкой в такси, но мне не терпелось.

— Очень опасно, паренек, я имею в виду выходить на тропу в одиночку, — пожилой водитель такси причмокнул губами, начав с жаром описывать мне всевозможные последствия данного шага. — Легко потеряться. Если тебя не съедят голодные волки. Оползни и снежные обвалы. И...

— ...и встреча с друзьями. С двадцатью. Из команды подросткового туристского клуба в Нижнем Арммпите. Мы собирались славно повеселиться, — не долго думая, сочинил я.

— Не видел никаких подростков здесь уже давно, — пробормотал он с идиотской подозрительностью в голосе.

— Вы и не могли их видеть, — продолжал врать я, усаживаясь на заднее сиденье и быстро пробежав глазами по картам. — Потому что они проехали на поезде до Босконе, вышли там, на самой ближней к тому месту, где пересекается тропа и рельсы, станции. Они будут ждать меня вместе с проводником и остальными. Я бы побоялся остаться в горах один, сэр.

Он проворчал еще что-то, а когда я забыл дать ему на чай, он заворчал еще громче, но потом захихикал от радости, потому что я, дурачась, намного переплатил ему, еле сдерживая желание подсунуть ему фальшивые долларовые монеты. Звук мотора затих вдаль, и я взглянул на хорошо заметную тропу, извивающуюся вверх по склону — и осознал, что это все же было неплохой идеей. Не имеет смысла проявлять чересчур много энтузиазма насчет Грандиозных Пикников. Это как катание на лыжах — вы катитесь, вам это нравится и незачем говорить об этом. Так обычно и происходит. Нос мой обгорел, муравьи забрались в мой бекон. Звезды были невероятно яркие и близки по ночам, а чистый воздух был очень полезен моим легким. Я бродил по тропам и взбирался наверх, охлаждаясь в ледяных горных потоках — и мне удалось полностью забыть о всех своих неприятностях. Они были совсем не к месту в этом наружном мире. Обновленный, свежий, усталый и счастливый, а также немного похудевший, я спустился с гор через десять дней и прошел, спотыкаясь, в свою нору, где я забронировал себе местечко. Горячая ванна была истинным благословением, и не меньшим благословением было холодное пиво. Я вновь включил ЗВ и захватил обрывок информационного сообщения, уселся поудобнее и вполуха слушал, что они говорили, поленившись переключить канал.

— ...сообщают об увеличении экспорта ветчины на четыре

процента в первом полугодии. Торговля иглами свинообразов явно буксует, и правительство очутилось лицом к лицу с горой игл, которая уже сейчас вызывает большую критику.

— И последнее, компьютерный разбойник, который проник в информационную сеть ФБР, отправится завтра на судебные слушания. Федеральные обвинители рассматривают это как наиболее серьезное преступление и требуют от суда высшей меры наказания. Тем не менее...

Как только лицо диктора исчезло с экрана и на его месте возникла фигура самого преступника, взятого под стражу рядом полиции, его голос перестал доходить до меня. Это был очень массивный человек и очень тучный, с гривой белых волос. У меня перехватило в груди, как раз в том месте, где, как я предполагал, должно было находиться сердце. Цвет волос другой — но волосы тут были не самыми главными. Невозможно было обознаться.

Это был Слон!

Я выскочил из ванны и, пробежав по комнате, стал бить по кондиционерам. Удивляюсь, как меня не стукнуло током. Дрожь от холода и вряд ли ощущая это, я прокрутил новости назад, подробно останавливаясь на деталях. Я поймал кадр, где он повернулся через плечо на мгновение, и увеличил его. Это был он — без всякого сомнения. К тому времени, когда я вытер с себя пену и воду и оделся, то уже ясно представлял себе дальнейший план действий. Мне нужно вернуться в город, выяснить, что с ним случилось, и посмотреть, что можно сделать, чтобы помочь ему. Я справился с вылетах самолетов; сразу после полуночи будет один почтовый рейс. Я заказал себе место, немного подкрепился и отдохнул, оплатил все счета и в числе первых очутился на борту самолета.

На рассвете я вошел в «свою» контору в Билльвилле. Пока компьютер распечатывал для меня последние новости и подробности ареста, я приготовил чашечку кофе. Понемногу отхлебывая и читая, я чувствовал, что мое первоначальное воодушевление сходит на нет. Это и в самом деле был тот человек, которого я знал, как Слона, хотя здесь он выступал под именем Билл Вэйфис. И он был задержан в здании Федерального Бюро, где у него имелся встроенный в информационную сеть компьютер-перехватчик, который он использовал для включения в сверхсекретный поток документов. Все это произошло на следующий день после того, как я отправился в свой бегущий от действительности вояж. До меня вдруг дошло, что все это значило. Чувство вины захватило меня, потому что именно я был тем человеком, который отправил его в тюрьму. Если бы я не начал претворять в жизнь свой безумный план, он никогда и не стал бы связываться с Федеральными документами. Он сделал это только ради того, чтобы проверить, не являются ли мои грабежи частью хорошо отработанного плана операции полицейских чинов.

— Я засадил его за решетку — поэтому я должен вытаскивать его оттуда! — крикнул я, вскакивая на ноги и про-

ливая кофе на пол. Подтирая пролитое, я немного успокоился. Да, мне хотелось бы вытащить его оттуда. Но смогу ли я сделать это? Почему бы и нет? У меня уже был некоторый опыт организации побега из тюрьмы. И, наверное, было бы намного легче пробраться внутрь снаружи, чем наоборот. Но, подумав еще немного, я решил, что мне не следует слишком близко подходить к тюрьме, пусть полиция сама выведет его ко мне. Его должны были привезти в суд, используя какие-то средства передвижения. Но очень скоро я понял, что все не так уж просто. Это был первый за многие последние годы крупный преступник, которого удалось поймать, и вокруг этого дела было слишком много суеты. Вместо того, чтобы посадить его в городскую или региональную тюрьму, Слон был заключен в камеру в самом здании Федерального Бюро. Я не мог подойти к нему даже на небольшое расстояние. И меры предосторожности, когда его доставляли в зал заседаний, были просто невероятными. Вооруженные фурунги, патруль, мотоциклы, полицейские суда на воздушной подушке и вертолеты. Я не мог к нему подобраться и здесь. Это значило, что все мои планы моментально расстроились. Я был заинтересован в этом деле, так же как и полиция — но совсем по другой причине. После долгого расследования они обнаружили, что настоящий Билл Вэйфис покинул планету двадцать лет назад. Все официальные записи этого факта исчезли из компьютерного файла — и осталась лишь коротенькая записка, которую сам Вэйфис чиркнул своему родственнику, что и обнаружило исчезновение его самого. Итак, если арестованный — не Вэйфис, тогда кто же он? Когда же их пленник подвергся допросу, согласно докладу, переданному прессе: «Он ответил на вопрос только молчанием и сдержанной улыбкой». Теперь они называли заключенного не иначе, как мистер Х. Никто не знал, кто он такой — а он предпочитал не распространяться по этому поводу. Был назначен день суда — не раньше, чем через восемь дней. Это стало возможным благодаря тому факту, что мистер Х отказался признать себя либо виновным, либо невиновным, не будет защищать себя, потому как отказался от общественного защитника. Обвинение, жаждущее вынесения приговора, заявило, что дело завершено, и попросило как можно раньше совершить правосудие. Судья, тоже желающий побыстрее оказаться в центре внимания, пошел навстречу этой просьбе и назначил заседание на следующую неделю.

Я ничего не мог поделать! Прижатый к стенке, я признал свое поражение, но только на некоторое время. Я подожду до завершения судебного разбирательства. Тогда Слон будет просто одним из заключенных, и его наконец-то выведут из здания Федерального Бюро. Когда он будет надежно спрятан за решетку, я сумею организовать его побег. Как раз перед прибытием следующего космического корабля, который и увезет его отсюда для освежения мозгов и очищения духа. Они, конечно же, станут применять все возможные чудеса современной науки, чтобы обратить его в честного и добро-

порядочного гражданина, но, зная его, я был уверен в том, что он скорее умрет, чем это случится. Я должен вмешаться. Но это было очень трудно для меня сделать. Я не мог найти способ, как пробраться в зал суда во время слушаний. Поэтому я, как и другие жители планеты, наблюдал за ними по телевидению, когда они начались. И закончились подозрительно быстро. Все утро первого дня ушло на зачитывание хорошо задокументированного списка всех его преступлений. Это было просто ужасно. Должностное преступление, повреждение банка, данных, вторжение в информационную сеть, вероломство, сокрытие важных документов — это был просто кошмар. Свидетель за свидетелем читали свои заявления, которые сразу же принимались к сведению и вносились в обвинение. Но Слон, казалось, не видел и не слышал всего этого. Он смотрел куда-то вдаль, будто разглядывал что-то более интересное, чем то простое действие, которое происходило здесь, в зале суда. Когда все свидетели дали показания, судья ударил своим молоточком и объявил, что суд удаляется на обед. Когда суд возобновил работу — после перерыва, которого бы хватило на солидный банкет из семнадцати блюд с последующими танцами и девочками — судья был в веселом расположении духа. Он все время кивал головой в знак согласия, когда зачитывалось обвинение, и поблагодарил всю толпу юристов за отлично проделанную работу, и они удалились. Затем он посмотрел на присутствующих взглядом Римского папы и заговорил с большими промежутками в речи для удобства репортеров.

— Это дело настолько ясно, что оно просто очевидно. Государственному преступнику предъявлено столько обвинений, что их не выдержала бы ни одна защита. То, что защитник не был востребован, только подтверждает правильность моих слов. А правда заключается в том, что подсудимый совершил преднамеренно, с особой жестокостью и продуманностью, все те преступления, в которых он был обвинен. В этом не приходится сомневаться. Но несмотря на это, я продолжу обсуждение этого вопроса весь сегодняшний день и вечер. Он получает шанс показать себя с наилучшей стороны, от чего он отказался раньше. Я не вынесу окончательного приговора до завтрашнего утра, когда мы все здесь соберемся вновь. Тогда я объявлю приговор. Правосудие свершится, и вы в этом убедитесь.

— Да, немного справедливости, — процедил я сквозь зубы и собирался уж было выключить телевизор. Но судья еще не закончил.

— У меня есть информация, что этим делом очень заинтересовалась Галактическая Лига. Космический корабль уже стартовал и через пару дней будет здесь. Заключенный выйдет из-под нашей опеки, и мы, поймите правильно мои эмоции и простите, избавимся от него.

У меня отвисла челюсть, и я тупо уставился на экран. Все кончено. Только два дня. Что я могу сделать за два дня?

Могло ли это быть крахом для Слона — и крахом моей едва начавшейся криминальной карьеры?

Я не собирался сдаваться. Я должен был по крайней мере попытаться, даже если потерплю неудачу и буду сам пойман. По моей вине он оказался в таком глупом положении. И я поклялся себе, что предприму все возможное для его спасения. Но что я мог сделать? Подобраться к нему поближе в здании Федерального Бюро было просто невозможно, так же как и по пути в зал заседаний и в самом зале суда. Суд. Суд? Суд. Суд! Суд — почему же я не подумал о суде? Что было в нем такого, что задело мой интерес, что скреблось в моем продолговатом мозгу, стараясь подкинуть мне идею? Ну конечно же! Ура! Я вскочил от восторга и забегал по комнате кругами, размахивая руками и издавая горлом громкие звуки, подражая — как это всем нравится на пикниках — впадшему в охоту свинообразу.

— Так что же суд? — спросил я себя, и на этот вопрос у меня уже был ответ. — Я тебе скажу, что же суд. Это старое здание, с претензией на древнюю архитектуру, находится под охраной государства. Возможно, в полуподвале находятся какие-нибудь архивные помещения, и вне всякого сомнения, полно летучих мышей на чердаке. Днем оно охраняется, как монетный двор — но оно пусто ночью!

Я полез в шкаф для снаряжения и стал вываливать необходимые вещи на пол. Набор инструментов, отмычки, фонарики, проволока, диктофоны и жучки — все те приспособления, которые могли понадобиться в работе. Теперь автомобиль — или лучше фургон — был бы очень даже кстати, так как мне скорее всего понадобится средство передвижения для двоих. Я позаботился об этом тоже. У меня было несколько мест, которые я приметил на крайний случай. И он наступил. Хотя день еще был в разгаре, грузовики и фургоны Крамб-Бэйкери находились в своих гаражах, где их готовили к пред-рассветной суматохе следующего утра. Случилось так, что один из фургонов стоял на улице неподалеку от ворот. Я вскочил в него, выехал на дорогу и помчался навстречу городским огням. Когда спустились сумерки, я был уже на проселочной дороге, въехав в Пёли Гейтс с наступлением темноты, а немного погодя я уже входил с черного входа в здание суда. Сигнализация против взломщиков была очень древней, способная противостоять лишь детям или умственно дефективным — скорее всего из-за того, что в здании не было ничего стоящего, что можно было бы стянуть. Вооруженный схемой, которую я изготовил сам во время процесса, я прошел прямо в зал. Комната шесть. Я стоял у порога и оглядывал темное помещение. Оранжевые огни с улицы пробивались сюда через высокие окна. Я молча вошел внутрь, уселся на место судьи и уставил взгляд на ложе для свидетелей. Затем я отыскал глазами скамью подсудимых, на которой во время слушаний сидел Слон и где он будет сидеть по их окончании — и это то самое место, где он встанет, чтобы услышать свой приговор.

Его огромные руки схватят перила вот в этом месте. Как раз в этом. Я посмотрел вниз на деревянный пол и ухмыльнулся. Затем простучал его. Потом достал дрель, и мой план начал претворяться в жизнь.

О, это была чересчур беспокойная ночь! Мне пришлось очистить подвал под залом суда от всевозможных коробок и ящиков, пилить и стучать молотком, и покрываться испариной, и даже на продолжительное время отлучаться из здания, чтобы найти какой-нибудь спортивный магазинчик и пробраться туда. Но самое решающее — я должен был разработать и подготовить план отступления. Сам побег не должен быть чересчур поспешным — но он должен быть безопасным и застрахованным от любых неожиданностей. Если б у меня было время, я бы проделал небольшой туннель. Но времени не было. Поэтому вместо ручной работы нужно было использовать работу головы. Устроившись поудобнее, я стал размышлять и чуть не уснул. Никогда! Я снова выбрался из здания, отыскал круглосуточный ресторан, оборудованный угрюмыми роботами, и выпил две чашки кофе с повышенной концентрацией кофенна. Это помогло для выработки идей и учащенного сердцебиения. Я вышел, шатаюсь, из ресторана, и отправился в магазин верхней одежды. Когда же я вновь добрался до зала заседаний, я просто валился с ног от усталости. Трясущимися руками я запер все двери, чтобы скрыть следы своего присутствия. С первым лучом восходящего солнца я завершил всю работу. Неуклюже действуя уставшими пальцами, я запер подвал снаружи, проковылял через комнату к брезентовой подстилке, завел будильник — и, улегшись на пол, тут же погрузился в дремоту. Я проснулся в крошечной темноте, разбуженный комариным писком своего будильника. На мгновение меня охватила паника, но я вовремя вспомнил, что подвал не имел окон. А снаружи день должен был быть в полном разгаре. Сейчас посмотрим. Я зажег фонарик, установил его поудобнее — затем включил телемонитор. Прекрасно! На экране появилась цветная картинка зала суда, проецируемая на монитор через специальное устройство для наблюдения, которое я установил прошлой ночью наверху. Несколько служащих вытирали пыль с мебели и подметали пол. Заседание начнется через час. Телевизор продолжал работать, а я в последний раз проверил, не напрасно ли я трудился всю предыдущую ночь. Нет, все в порядке, все функционирует... мне оставалось только ждать. Что именно я и делал, прихлебывая холодный кофе и с трудом разжевывая засохший бутерброд из запасов предыдущего дня. Тревога ожидания кончилась, когда двери зала распахнулись и веселая публика и пресса хлынули внутрь. Я мог прекрасно их видеть на экране монитора, прислушиваясь к шарканью ног над головой. Раздавался приглушенный шум голосов, стихший только тогда, когда прибыл суд. Все глаза были прикованы к судье, и все уши насторожились, когда он прочистил горло и начал говорить. Сначала он утомил всех до смерти, подробно оста-

навливаясь на свидетельских показаниях предыдущего дня, затем добавил полнейшее свое согласие со всеми обвинениями и наблюдениями. Я перестал обращать внимание на его бубнящий голос и посмотрел на Слона, который сидел с высоко поднятой головой. Они так ничего от него и не добились. Черты лица его были неподвижны, он выглядел даже скучающим. Но в его глазах я заметил проблеск ненависти, граничившей с презрением. Гигант, поверженный муравьями. Твердая линия его подбородка говорила о том, что они могли подвергнуть заключению его тело, но душа его оставалась свободной. Правда ненадолго, если судья будет действовать в том же духе. Тут что-то в голосе судьи привлекло мое внимание. Он наконец закончил свою длинную преамбулу. Он снова прочистил горло и указал на Слона.

— Подсудимый, встаньте для вынесения приговора.

Все глаза обратились к заключенному. Он продолжал сидеть, не двигаясь. В зале поднялся негромкий ропот. Судья начал заливать краской, ударяя своим молоточком.

— Я заставляю вас подчиняться суду,— прогремел его голос.— Подсудимый либо встанет, либо его силой заставят сделать это. Это должно быть понятно?

Я покрылся испариной. Если бы я только мог подсказать ему не вызывать дополнительных трудностей. Что я смогу сделать, если его будут держать здоровенные безобразные полицейские? Два из них уже направились к нему по сигналу судьи. Только тогда Слон неспешно поднял взгляд. Его глаза были полны нескрываемого презрения, способного напугать любого достопочтенного джентльмена, а не только тупого судью; в них было столько отвращения, что оно могло уничтожить низшие существа. Но он вставал! Полицейские остановились на полу, когда он вытянул вперед огромные руки и ухватился ими за перегородку. Она скрипнула, когда он оперся на нее и приподнял свои массивные формы, выпрямившись во весь рост. Он высоко держал голову, отпустив перила и уронив руки. Пора! Я со всей силы надавил на кнопку. Разрывы не были громкими. Но эффект был драматическим. Они выбили два болта, которые удерживали угол люка на месте. Под неимоверной тяжестью Слона люк распахнулся, и он рухнул вниз словно бомба. Я мигом вскарабкался по приставной лестнице, как только он упал позади меня,— успев все же в последний момент взглянуть на зал суда на экране. Там воцарилась тишина, когда он исчез из поля зрения. Пружины захлопнули дверцу люка, и я втолкнул тяжелые стальные запирающие болты в отверстия под ними. Все это произошло так быстро, что горизонтальная фигура Слона все еще подпрыгивала вверх и вниз на брезенте, когда я обернулся и посмотрел на него. Я спустился по лестнице к нему в тот момент, когда он остановился и, взглянув на меня своими бесстрастными глазами, заговорил.

— А, Джим, мой мальчик. Как приятно видеть тебя снова,— он ухватился за мою протянутую руку, и я помог ему

опуститься на пол. Над нами началось столпотворение, раздавались крики и визг, которые были ясно слышны сквозь пол. Я позволил себе один торжествующий взгляд на экран, на судью с выпученными глазами, на суетящихся вокруг полицейских.

— Очень впечатляюще, Джим, очень, — сказал Слон, тоже восхищаясь изображенной на экране сценой.

— Направо! — скомандовал я. — Взгляни-ка на это, когда будешь снимать свои одежды. У нас очень мало времени, потом все объясню.

Он не колебался ни секунды и сдернул с себя все, прежде чем я произнес последние слова. Его массивная фигура осталась облаченной в довольно привлекательное белье пурпурного цвета. Он поднял руки по моей команде, и я, взобравшись на лестницу, набросил на него безразмерное плащье.

— Вот пальто, — сказал я. — Надень теперь его. Платье доходит до земли, поэтому можно не переодевать туфли. Теперь большую шляпу, вот так, зеркало и губную помаду, пока я отпираю двери.

Он сделал все так, как я сказал, не проронив ни слова в знак протеста. Слон исчез, и появилась леди поистине гигантских размеров. Над ее головой раздавался стук и грохот, но она полностью игнорировала его.

— Пойдем! — позвал я, и он засеменял через комнату в совершенно женской манере. Я держал дверь закрытой, пока он не подошел ко мне, используя эти секунды для того, чтобы кое-что объяснить ему.

— Они сейчас находятся где-нибудь на лестнице, ведущей в подвал — но они заблокированы. Мы пойдем по другому пути, — я натянул полицейский шлем в соответствии с формой, которая была на мне. — Ты заключенный под моим арестом. Выходим — давай!

Я взял его за руку, и мы повернули налево по пыльному коридору. Позади нас слышался треск и крики из-за заблокированной лестничной клетки. Мы поспешили дальше, в котельную, и через нее по короткому лестничному пролету к тяжелой входной двери. С обильно смазанными жиром петлями и замочной скважиной. Она открылась от одного моего прикосновения, и мы шагнули из нее на дорожку аллен. Чуть не у самой спины полицейского, который стоял тут на страже. Он был один. Изучение обстановки заняло у меня не больше мгновения. Узкая аллея была открыта в самом конце. Позади нас был тупик. Люди — и спасение — были на улице, за спиной полицейского. Тут Слон споткнулся позади меня, и что-то скрипнуло у него под ногой. Полицейский повернул голову, чтобы посмотреть. Я видел, как расширились его глаза — так и должно было случиться, потому что леди позади меня выглядела впечатляюще. Я воспользовался его отвлеченным вниманием, прыгнул вперед и протянул руку, пытаясь удержать его голову в том же повернутом положении. Он схватил меня своими сильными руками — которые тут же беспомощно по-

висли, как только я тонгозским приемом заломил ему шею на сорок шесть градусов назад, и он потерял сознание. Я опустил его на землю и поднятой ладонью остановил Слона, размашисто шагающего вдоль по аллее.

— Не сюда.

На двери здания напротив — это был магазин — было написано «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД», и она была закрыта. Я отворил ее с помощью приготовленных заранее ключей. Помахав своему приятелю, я в то же время снял шлем с головы и швырнул его в сторону полицейского. Я изнутри закрыл дверь и сбросил форменную куртку. На шее появился шейный платок, и я оказался одетым в широкие штаны и простую рубашку. Я положил свои усики в карман, и мы присоединились к толпе покупателей. Рассеянно поглядывая на прилавки, но, конечно же, не тратя зря времени на покупки. Я заметил несколько удивленных взглядом, брошенных на мою спутницу, но это был очень приличный магазин, и никто бы здесь не позволил себе грубость пялить на нее глаза. Я первым подошел к выходу, придерживая дверь и пропуская ее вперед, и мы влились в проходящую мимо толпу. Позади нас, становясь все глуше по мере того, как мы удалялись, слышались крики и сигнальные сирены. Я позволил себе слабую улыбку. Бросив быстрый взгляд назад, я заметил, что моя спутница сделала то же самое. Она даже имела нахальство позволить себе подмигнуть мне. Я мигом повернулся назад, — я не мог поощрять такие вещи — затем свернул за угол на боковую улочку, где нас ждал хлебный фургон.

— Стой здесь и смотри в зеркальце, — сказал я, отпирая дверцу. Я забрался внутрь, едва успев подвинуться, когда мощная фигура вошла в фургон вслед за мной.

— Никого не видно... — с трудом выдохнул он.

— Прекрасно.

Я выпрыгнул наружу, надежно задраил дверь, прошел на сиденье водителя, вскарабкался на него и завел мотор. Фургон двинулся вперед, медленно пробираясь через толпу пешеходов, и, переждав светофор, вырулил на улицу. Я подумал было проехать мимо здания суда, но это было чересчур опасное бахвальство. Лучше просто тихонько ускользнуть. Когда улица опустела, я повернул в обратном направлении и помчался в сторону городской окраины. Я хорошо знал все объездные дороги, поэтому мы наверняка успеем скрыться, прежде чем они будут перекрыты. Мы все еще не были в полной безопасности, но все же я почувствовал некоторое самодовольство. А почему бы и нет! Я сделал это! Организовал побег века для спасения преступника века! Теперь нас ничто не остановит!

Все оставшееся утро и почти весь день я вел машину, стараясь подальше отъехать от города, избегая крупных магистралей и оставаясь на второстепенных дорогах. Хотя наш путь по необходимости претерпевал кое-какие изменения направления, мы все же неизменно продвигались на юг, ста-

раясь сделать все возможное, чтобы внести немного чувств и эмоций в Пи-Эр Квадрат. Знакомо? Да уж, наверняка, ведь это, должно быть, единственная теорема, которую все помнят со школьной скамьи. Площадь круга равна квадрату радиуса, умноженному на Пи. Поэтому с каждым оборотом колеса хлебного фургона увеличивалась площадь пространства, которое нужно было тщательно обыскать, чтобы найти беглеца. Еще четыре часа спустя мы были уже далеко от своих преследователей. Принимая во внимание тот факт, что все это время Слон сидел взаперти в кузове фургона и абсолютно ничего не знал о моих дальнейших планах, было бы вполне уместно кое-что разъяснить, а также пообедать. Я проголодался, и, учитывая его размеры, он должен был чувствовать то же самое. Помня об этом, я свернул к пригородному торговому центру, замечая по дороге наименования ресторанов быстрого обслуживания, и припарковался в дальнем углу автостоянки. Задней частью к глухой стене. Слон благодушно заморгал, когда я открыл дверцу, выпуская свежий воздух и свет.

— Пора обедать, — сказал я. — Вы предпочитаете...

Я замолчал, повинаясь жесту его поднятой руки.

— Разреши мне, Джим, сказать сначала несколько слов. Благодарю тебя. От всего сердца я благодарю тебя за все, что ты сделал. Я обязан тебе жизнью, не больше — не меньше. Спасибо.

Я стоял с опущенными глазами — клянусь, что я вспыхнул, как девчонка! — описывая круги на земле большим пальцем ноги. Затем я наконец прокашлялся и снова смог говорить.

— Я сделал то, что должно было быть сделано. Но, может, мы поговорим об этом позже? — Он почувствовал мое смущение и кивнул, величественная фигура, несмотря на то неслепое одеяние, в которое он был облачен. Я показал на коробку, где он сидел. — Там одежда. Пока ты переодеваешься, я пойду принесу еды. Ты не против отбросов из Максвиниз?

— Не против? После отвратительной тюремной баланды, один из них зажаренных на вертеле бургеров будет просто райской пищей. С большой порцией сахаристых бататов, если тебе не трудно.

— Превосходно!

Я с облегчением захлопнул дверь фургона и вприпрыжку побежал под манящие своды Максвиниз. Восторженность Слона по поводу быстрой еды обнадежила меня больше, чем он сам мог это предполагать. Громкое чавканье и стук посуды раздавались со всех столиков, когда я проходил мимо них к стойке обслуживания. Я быстро протараторил заказ роботу-официанту с пластиковой головой, набил автомат купюрами — и сгреб пакет с едой и напитками, как только они появились из раздатчика.

Мы уселись на коробках в кузове фургона и с иступлением поглощали принесенные бургеры и напитки. Я оставил заднюю дверцу приоткрытой, чтобы было немного посветлее.

Пока я отсутствовал, Слон избавился от своего платья и был одет сейчас в более мужское одеяние — самого большого размера, какой я только мог найти. Он с жадностью откусил половину бутерброда, набил рот еще несколькими бататами и улыбнулся мне.

— Твой план побега был просто гениален, мой мальчик. Я заметил изменения в покрытии пола, когда сел на стул в зале заседаний, и долго размышлял над тем, что бы они могли значить. Я надеялся, что это именно то, что могло быть, и я должен признаться, что почувствовал несравнимое ни с чем удовольствие, когда земля, так сказать, разверзлась у меня под ногами. Никогда не забуду, как исчезло из виду презренное лицо судьи с идиотским выражением.

Широко улыбаясь, он расправился с остатками бутерброда, затем аккуратно вытер губы, прежде чем снова заговорить.

— Так как мне не хочется ввергать тебя в еще большее смущение своими похвалами, может, лучше было бы спросить тебя относительно планов, которые ты разработал, чтобы и дальше прятать меня от рук правосудия? Потому что, зная тебя так, как я знаю теперь, я могу быть уверенным, что ты спланировал все заранее.

Похвала Слона что-то да значила для меня, и от нее мне вновь стало тепло на душе, и сквозь мои зубы сорвалось довольное хрюканье.

— Конечно, спланировал, спасибо. Хлебный фургон — это наша возможность оставаться неузнанными, так как он, как и его братья, в огромном количестве катят по всем магистралям и прилегающим дорогам каждый день. — По какой-то непонятной причине я обнаружил, что начинаю сам говорить в манере Слона. — Мы останемся здесь до темноты, тем не менее медленно приближаясь к цели нашего путешествия.

— И, конечно же, случайные полицейские патрули не будут нас беспокоить в пути, так как номерные знаки этого транспортного средства имеют совершенно другие цифры, чем те, которые были на нем до того, как оно попало в наше распоряжение.

— Точно так. Угон будет зарегистрирован, и местная полиция проинформирована. Но поиски не распространятся слишком далеко, потому что этот фургон будет найден недалеко от своего гаража в Билльвилле рано утром. Новые номера, растрованные в специальном веществе, будут сведены, одометр возвращен в такое положение, в котором он будет показывать лишь недалекую прогулку воришек. Если такой же фургончик будет замечен в каком-нибудь отдаленном городке планеты, никто и не подумает связывать его с тем фургончиком. Суд просто упадет в обморок, как и все остальные.

Он переварил полученную информацию, вместе с последними бататами, и задумчиво облизал пальцы.

— Превосходно. Я бы и сам лучше не придумал. Так как дальнейшее движение будет опасным — полиция вскоре рас-

ставит сети по всей стране — смею допустить, что Билльвилль и есть цель нашего путешествия?

— Так и есть. У меня там учреждение, а также одно безопасное место для тебя. Когда я спрашивал о твоих кулинарных пристрастиях, я имел в виду и это. Тебе придется поселиться в автоматическом отсеке Максвиниз, до тех пор пока горячка погони немного не поостынет.

Он высоко поднял брови, и я заметил, что он смотрит на выброшенные упаковки с некоторым опасением, но он был настолько любезен, что не стал выражать своих сомнений вслух.

Я поспешил ободрить его.

— Я сам там прятался — поэтому не беспокойся. Конечно, существуют некоторые неудобства...

— Но ни одно из них не сравнится с неудобствами в федеральной тюрьме! Прошу прощения за неподобающие случайные мысли. Не обижайся.

— Не обижаясь. Все произошло совершенно случайно. Однажды вечером полиция шла за мной по пятам. Я отпер служебную дверь местного ресторана Максвиниз, который тебе придется посетить, и мои преследователи потеряли мой след. Пока я дожидался безопасного момента, я изучил все их владения. Бесподобно! Машины, работавшие вокруг меня со страшной скоростью, решали очень просто ту единственную проблему, которая стоит перед всеми линиями быстрого обслуживания. Стоимость содержания самого низкоквалифицированного и малооплачиваемого персонала. Живые люди умны, равно как и жадны. Они стремятся стать профессионалами и затем требуют большую плату за свою работу. Наилучшим выходом может быть полное избавление от живых работников.

— Замечательный выход! Если ты закончил со своими пышками, тогда, может, я погрызу еще одну-две, пока слушаю твой очаровательный документальный рассказ.

Я пододвинул пропитавшийся жиром пакет к нему и продолжал.

— Все механизировано. Когда посетитель делает свой заказ, необходимое количество пищи подается из склада глубокой заморозки в супермощную печь, где она тут же продувается раскаленным паром до вполне приемлемой температуры. Эти печи такие мощные, что совершенно замороженный свинообраз может быть разделан на дымящиеся паром и растопленные кусочки за какие-нибудь доли секунды.

— Бесподобно!

— Напитки подаются с той же молниеносной быстротой. К тому времени, как посетитель заканчивает заказывать блюда, они полностью готовы к употреблению, уже ждут его. За стальными дверями, естественно. Пока он не заплатит. Все оборудование целиком автоматизировано и надежно работает, к нему редко прикасаются человеческие руки. Его проверяют раз в неделю, и так же раз в неделю пополняют запасы мо-

розильника. Это происходит не в один и тот же день, чтобы фургончики не мешали друг другу.

— Совершенно ясно! — громко выкрикнул он. — Располагаясь как дома, так сказать, в машинном отделении. Когда будут пополнять морозильник, вероятнее всего это будет делаться снаружи, и мой кабинет никто не потревожит. А в тот день, когда придут проверять оборудование, я буду спокойно отсиживаться в морозильной камере, до тех пор пока не уйдет техник. Смеем предположить, что между ними существует общая дверь, которую легко найти. Ах, да, морозильник — это объясняет то безразмерное и теплое одеяние, которое я обнаружил сложенным вместе с остальными вещами. А если случится какая-нибудь авария?..

— Сигнал тревоги зазвучит на центральной ремонтной базе, и оттуда пошлют механика. Я устроил так, чтобы этот сигнал был услышан и в нашей комнате, чтобы иметь возможность вовремя скрыться. Я также сделал небольшой запас провианта на случай непредвиденного посещения инженерным составом. Тревога зазвучит, если во внешнюю замочную скважину вставят ключ, сработает запирающее устройство, время действия которого ровно шестьдесят секунд. Вопросы?

— Откуда им взяться? — он засмеялся и тронул меня за плечо. — Ты подумал обо всем. Можно мне спросить о времени препровождения и, как бы это поприличнее выразиться, о санитарных удобствах?

— Портативный видеоскоп и библиотечка вместе с кроватью на колесиках. А все необходимые удобства уже установлены для приходящего персонала.

— Больше мне не о чем спрашивать.

— Но... у меня есть вопрос, — я опустил взгляд, затем поднял его и заставил себя произнести: — Ты как-то сказал мне, что не занимаешься благотворительной деятельностью. И не ищешь себе замену. Осмелюсь спросить, ты все еще склонен так думать? Или ты бы не отказался скоротать время, преподнеся несколько уроков по части криминальных знаний. Просто чтобы убить время, так сказать.

Теперь была его очередь опустить глаза. Он вздохнул, потом произнес:

— У меня была уважительная причина отклонить твою просьбу. Подходящая для того момента, как мне тогда казалось. Сейчас я изменил свое мнение. В знак благодарности за мое спасение я приму тебя в свою школу Альтернативного Стиля Жизни лет на десять, а может, больше. Но я не думаю, что тебе хотелось простой благодарности. Это не вяжется с твоим характером, если я не ошибаюсь. Не думаю, что ты выручил меня только для того, чтобы получить мою благодарность. Тем не менее я говорю тебе, со всей откровенностью, что мне не терпится преподать тебе некоторые вещи, которые я усвоил в своей жизни за многие годы. Я также сгораю желанием продолжать нашу дружбу.

Я был просто ошеломлен. Мы одновременно поднялись на

ноги и пожали друг другу руки, смеясь от души. Он сдал мне руку своей железной хваткой, но я нисколько не возражал. Я первым обернулся и посмотрел на часы.

— Мы находимся здесь уже довольно продолжительное время и не должны больше привлекать внимание. Я поеду потихоньку, и следующая остановка будет последней, потому что мы прибудем на место. Пожалуйста, выходи побыстрее, сразу же входи в служебную дверь и запирай ее после себя. Я вернусь, как только поставлю фургон в нужное место, так что следующим человеком, который откроет эту дверь, буду я.

— Слушаю и повинуюсь, Джим. Только прикажи, и я все сделаю.

Это была очень утомительная поездка, но необходимая. Я, правда, не очень скучал, потому что был полон планов и мыслей о будущем. Я проезжал улицу за улицей, остановившись лишь раз, чтобы перезарядить батареи на автоматизированной станции техобслуживания. Затем снова двинулся вперед, обреченный всю жизнь трястись по глухим проселочным дорогам Бит О'Хэвен, наблюдая, как солнце встает над горизонтом. Наконец мы вырулили на служебную подъездную дорогу торгового центра Билльвилля, свободного от движения до утра. Никого в поле зрения. Слон быстро проскользнул мимо меня, и дверь за ним захлопнулась. Операция все еще шла успешно, и я торопился ее поскорее завершить, ясно понимая, что спешка сейчас ни к чему. Никто меня не видел, когда я заносил в контору коробки и снаряжение. Я, конечно же, рисковал, но это нужно было сделать. Шансы, что фургон был кем-то замечен, были ничтожны. Прежде чем уехать, я обрызгал внутренности фургона растворителем, чтобы смыть все отпечатки пальцев, что, должно быть, использовалось всеми уголовниками. Даже воришками хлебных фургонов. Вот и все. Большого я не мог сделать. Я оставил машину в конце какой-то окраинной улочки и зашагал обратно в город. Ночь была теплой, и я наслаждался ходьбой. Когда я проходил мимо пруда в Билльвилль-парке, я услышал зов какой-то водяной птицы. Я присел на скамейку и стал смотреть на тихую гладь воды. И думать о будущем и своем месте в нем. Действительно ли мне удалось распрощаться со своей прошлой жизнью? Сумею ли я преуспеть в жизни криминальной, к которой я так стремился? Слон обещал помочь мне — и он был единственным человеком на планете, который мог это сделать.

Насвистывая что-то, я шагал по улице к торговому центру, видя перед собой блестящее и захватывающее будущее. Настолько погруженный в свои мысли, что даже не обратил внимания на случайную наземную автомашину, проехавшую мимо, едва сообразив, что она остановилась позади меня.

— Эй ты, парень, погоди минутку.

Без всякой задней мысли я обернулся, будучи настолько рассеянным, что не заметил, что стою под уличным фонарем. Но было уже поздно. В машине сидел полицейский и смотрел прямо на меня. Я не знаю, почему он остановился, что он

хотел мне сказать, наверное, это произошло спонтанно. Я мог видеть, как глаза его стали расширяться от удивления, когда он узнал меня. В своих заботах о Слопе я совсем забыл, что сам являюсь беглецом, которого разыскивает полиция, и что все патрули имеют мою фотографию и описание. А я шатаюсь по лицам безо всякой маскировки и даже не пытаюсь подстраховаться. Все эти мысли промелькнули у меня в голове, и я мгновенно догадался, что он меня узнал. У меня не было даже времени хоть что-нибудь придумать.

— Ты Джимми ди Гриз!

Казалось, он был так же удивлен, как и я. Но не настолько, чтобы реакция его замедлилась. Пока я включал позднее зажигание, его уже работало на полную мощность. Должно быть, он каждый день репетировал дома перед зеркалом, потому что его выпад был слишком скор. Как только я повернулся, чтобы удрать, в открытом окне появилось дуло безоткатного автомата семьдесят пятого калибра.

— Попался! — сказал он. С гадкой, во весь рот, дьявольской улыбкой стража порядка.

— Это не я — кто-то другой — вы обознались! — едва дыша проговорил я, в то же время вскидывая руки вверх. — Вы же не будете стрелять в беззащитного ребенка только по подозрению?

Дуло не дрогнуло, а я струхнул, перемещаясь потихоньку боком к передку машины.

— Остановись и подойди сюда, — крикнул он, но я продолжал нервно двигаться вперед. Я сомневался или надеялся, что он не станет хладнокровно расстреливать меня. Насколько я помнил, это было противозаконно. Я хотел, чтобы он последовал за мной, потому что для этого ему потребовалось бы вытащить автомат из окна. Не было никакой возможности целиться в меня и открывать дверь в то же самое время. Пулемет исчез — и я тоже! В то мгновение, когда он опустил дуло, я повернулся и побежал, — наклонив голову и изо всех сил перебирая ногами. Он закричал мне вслед — и выстрелил! Автомат затрещал, словно артиллерийское орудие, и пуля, просвистев у меня над ухом, вонзилась в дерево рядом. Этот полицейский безумец.

— Вот так-то лучше, — произнес он, опираясь дулом на открытую теперь дверцу машины и нацелив его на меня. — Я стрелял мимо. Но только на первый раз. В следующий раз я буду стрелять на поражение. У меня золотая медаль по стрельбе из этого оружия. Поэтому не искушай меня показывать тебе, как здорово я умею обращаться с этой штукой.

— Ты просто сумасшедший, так и знай, — сказал я, осознавая, насколько пискливо это звучит. — Ты не можешь стрелять в людей по первому подозрению.

— Могу-могу, — ответил он, подходя ко мне со все еще нацеленным на меня автоматом. — Это не подозрение, а опознание. Ты сам прекрасно знаешь, кто ты такой. Преступник, которого разыскивает полиция. И знаешь, что я тебе скажу?

Я скажу, что этот преступник схватил мой автомат, он сработал, и тот был застрелен. Ну, каково? Хочешь потрогать мой автомат?

Он был психом, это точно, да к тому же полицейским. Было видно, что он и в самом деле хочет, чтобы я совершил какое-нибудь неосторожное движение и дал ему возможность застрелить меня. Как ему удалось избежать всех тестов, которые должны были отсеивать таких типов, как он, из стражей порядка, мне так и не дано было узнать. Но ему как-то удалось. Он получил разрешение носить при себе оружие и всеми способами искал повод, чтобы применить его. Такого повода я ему не дал. Я неторопливо вытянул руки перед собой, запястья вместе.

— Я не сопротивляюсь, лейтенант, смотрите. Вы совершили ошибку, но я подчиняюсь. Наденьте на меня наручники и посадите в машину.

Он не был счастлив это услышать и нахмурил брови. Но я больше не шевелился, и он в конце концов сдался, вытащил наручники из-за ремня и протянул их мне.

— Надевай.

Я защелкнул их на запястье, очень слабо, так что я мог свободно вытащить из них руку, затем на втором. Я смотрел вниз и не видел его движений. Пока он не взял меня за обе руки и не затянул наручники так, что они врезались мне в кожу. Он улыбнулся мне, вкручивая металл в мои мышцы с садистским ликованием.

— Теперь попался, ди Гриз. Ты арестован.

Я посмотрел на него, он был на голову выше меня и весил, наверное, в два раза больше, — и расхохотался. Он должен был спрятать свой автомат, чтобы схватить меня — что он и сделал. Солидный мужчина хватает маленького мальчика. Он не мог понять, почему я смеюсь, и я не дал ему возможности сделать это. Я сделал самое легкое, быстрое и наилучшее, что только было возможно в данных обстоятельствах. И самое гнусное. Я со всей силы двинул ему в пах, и он отпустил мои руки, сложившись пополам. Я сделал ему одолжение, бедному малому, видимо, было больно, и двинул ему по шее моими сцепленными руками. Он потерял сознание, еще не долетев до земли. Я нагнулся и стал шарить в поисках ключа от наручников.

— Что здесь происходит? — спросил чей-то голос, и на тротуар пролился свет из открывшейся в доме напротив двери. Звук выстрела, должно быть, перебудил всю улицу. Придется позаботиться о наручниках позже. А сейчас нужно замечать следы.

— Человек ушибся! — крикнул я. — Я ему помогу, — последнее я бросил через плечо, рысью проносясь вдоль по улице и сворачивая за угол. В дверном проеме появилась женщина и окликнула меня, но я не стал останавливаться, чтобы послушать ее. Мне нужно было бежать, удирать подальше от этого места, пока не забили тревогу и не начали поиски. Наши планы, похоже, рушились. А мои запястья ужасно болели. Я

взглянул на них, пробегая мимо уличного фонаря, и увидел, что они стали совершенно белыми. И начали неметь. Наручники были такими тугими, что нарушали кровообращение в руках. Слабое чувство вины за не очень честное сражение тут же исчезло. Нужно было избавиться от этих штуквин — и побыстрее. В контору, и только туда. Я добрался до нее, избегая главных улиц и держась в стороне от людей. Но когда я подошел к черному ходу, руки мои совсем онемели и не двигались. Я ничего ими не чувствовал. Чтобы выудить из кармана ключи, мне потребовалось невыносимо много времени. Когда же мне это удалось, я неожиданно выронил их из рук. И никак не мог поднять. Пальцы не сжимались. Я только и мог, что бороздить своими безжизненными руками вокруг ключей. В жизни бывают скверные моменты — думаю, что этот был одним из самых скверных, которые только у меня когда-либо были. Я совсем обессилел, был разбит, повержен, побежден. Я не мог пробраться в здание. И никто не мог мне помочь.

И не нужно было никакого медицинского образования, чтобы понять, что если я не избавлюсь от наручников как можно скорее, мне придется всю оставшуюся жизнь ходить с пластиковыми руками. Это точно.

— Нет, этого не будет! — услышал я свой голос. — Выбей дверь, сделай что-нибудь, открой дверь пальцами ног.

Нет, не ногами! Я пошарил негнущимися пальцами по земле, отделил в связке нужный ключ. Затем наклонился, прикоснувшись высунутым языком, нащупал его местоположение, не обращая внимания на пыль и грязь, попавшие в рот вместе с ним. Потом я втянул губы и поймал ключ зубами. Пока все хорошо. Если у вас когда-нибудь возникнет желание открывать дверной замок зубами, в то время как ваши руки скованы наручниками, единственное, что я могу вам посоветовать в этом случае — не пытайтесь! Смотрите, вам нужно будет вертеть головой туда-сюда, чтобы попасть ключом в замочную скважину. Затем крутить ей, чтобы повернуть ключ, и долбить дверь головой, пытаясь ее открыть... В конце концов это работало, и я упал лицом вниз на пол своей конторы. Зная, что мне еще предстоит та же самая работа наверху. И я проделал ее и ввалился наконец в кабинет, будучи обязанным больше своей настойчивости, упрямству и грубой силе, чем сообразительности. Я был так измучен, что не мог шевелить мозгами. Я мог только сопротивляться. Я закрыл дверь локтем и проковылял к своему верстаку, вывалил ящик с инструментами на пол, перетряхивая его до тех пор, пока не нашел вибропилу. Подобрав ее зубами, я с трудом примостил ее в щели открытого ящика шкафа, прижимая ящик локтем. Вместе с губой, из которой тут же хлынул фонтан крови, которого я не заметил. Запастья горели — но руки этого не чувствовали. На них было страшно смотреть. Времени совсем не осталось. С помощью локтя я включил пилу. Выставив руки вперед, к лезвию, я развел их как можно дальше, чтобы натянуть цепь.

Лезвие пронзительно завизжало и разрезало цепь. Теперь предстояла более ювелирная работа — разрезать наручники так, чтобы не зацепить мясо. Это уж слишком. Перемазав все вокруг кровью, я все же сделал это. Наручников больше не было, и я увидел, что руки вновь порозовели, когда возобновилась циркуляция крови. После всего этого мне только и оставалось, что бухнуться без движения на стул и тупо смотреть, как капает кровь. Я сидел так около минуты, пока не прошло онемение и не пришла боль. С огромным усилием я поднялся на ноги и побрел к аптечке. Она тоже вымазалась кровью, пока я вытряхивал из нее болеутоляющие капсулы и проглотил две из них. Раз уж я стоял с ней рядом, я вытащил из нее антисептик и бинты и обработал порезы. Они были скорее рваные, не очень глубокие и не очень опасные. Я перевязал их, затем взглянул на себя в зеркало и вздрогнул, надо было что-то делать с губой.

На боковой улице просигналила полицейская сирена, и я понял, что пришло время как следует поразмыслить и что-нибудь придумать.

Я очутился в затруднительном положении. Билльвилль небольшой городок, и все выходы из него будут тут же перекрыты. Именно это я бы и сделал в первую очередь, если бы искал беглеца. И даже самый тупой из полицейских, я думаю, догадался бы это сделать. Баррикады на дорогах, в небе вертолеты с приборами ночного видения для наблюдения на открытых площадках, полиция на вокзале. Все щели законопачены. Обложили как крысу. Что еще? Улицы патрулируются вездеходами. И последнее, чем меньше на улице народу, тем опаснее по ней бродить.

Итак, ждем до утра, что потом? Я знал, что потом. Они обыщут каждую камеру в каждом здании, пока не найдут меня. Я почувствовал, как у меня на лбу появилась испарина от этой мысли. Неужели я в ловушке?

— Не сдаваться! — громко выкрикнул я, — вскочив на ноги и забегав взад и вперед. — Джимми ди Гриз слишком увертлив, чтобы попадаться в неуклюжие лапы местных тюремщиков. Вспомни, как здорово ты ускользнул от этого одержимого жаждой убийства легавого. Неуловимый Джимми ди Гриз, вот кто я! И я снова смогу ускользнуть от них. Но как? Действительно, как? Я открыл пиво, залпом осушил бутылку и вновь опустился на стул. Затем посмотрел на часы. Было уже слишком поздно появляться на улице. Рестораны уже опустели, кинотеатры выпроводили последних зрителей, и парочки одна за другой расходились по домам. Любая одинокая фигура тут же бы привлекла внимание правоохранительных органов. Тогда до утра. Я бы осмелился выйти на свет божий лучше днем, а еще лучше под дождь! Я справился о прогнозе погоды моментально — и тут же опустился на стул. 99% ясной погоды. Я бы, наверное, с большей радостью предпочел землетрясение или ураган.

В конторе был ужасный беспорядок; все в ней выглядело

так, словно отражало последствия взрыва на бойне. Нужно было все прибрать.

— Нет, Джим, тебе не нужно ничего убирать. Потому что полиция рано или поздно найдет твою контору, и скорее всего рано. Отпечатки твоих пальцев присутствуют тут повсюду, и им известна твоя группа крови. У них будет достаточно времени, чтобы сообразить, что с тобой произошло.

Это по крайней мере даст им пищу для размышлений. А может, обернется неприятностями для какого-нибудь чересчур горячего полицейского. Я развернулся на стуле, повернувшись лицом к терминалу, и набрал на мониторе записку. Зашелестел принтер, и я вытащил из него листок бумаги. Замечательно!

ДЛЯ ПОЛИЦИИ. Я БЫЛ ЗАСТРЕЛЕН ВАШИМ
ОФИЦЕРОМ-УБИЙЦЕЙ, КОТОРОГО ВЫ НАШЛИ
БЕЗ СОЗНАНИЯ. ОН ПОПАЛ В МЕНЯ. Я ИСТЕКАЮ
КРОВЬЮ И СКОРО УМРУ. ПРОЩАЙ, ЖЕСТОКИЙ
МИР. Я ПОЙДУ И БРОШУ МОЕ ТЕЛО В РЕКУ.

Я очень сомневался, что эта уловка сработает, но, может, она поставит этого сумасшедшего полицейского в неприятное положение. А остальных привлечет к перекапыванию речного русла. На записку капнула капля крови, и я намазал на нее еще со своих бинтов. Затем аккуратно положил ее на стол.

Это небольшая шалость немного взбодрила меня. Я уселся на стул и, прикончив пиво, стал составлять план. Не оставил ли я чего лишнего? Нет, все документы, которые здесь хранились, не понадобятся мне в будущем. Я отыскал одному мне известную клавишу и нажал ее, запуская разрушающую программу. В один миг память компьютера превратилась в бессмысленный набор символов. Все остальное — инструменты, снаряжение, оборудование — я оставлял здесь, надеясь перенести в другое место, если потребуется. Но я не собирался оставлять здесь денег. Все это очень утомляло, но я не мог позволить себе отдых, пока не будут сделаны последние приготовления. Я натянул на забинтованные руки тонкие пластиковые перчатки и сел за работу. Деньги находились в сейфе, так как я грабил банки и не думал поддерживать их открытием там своего счета. Я сложил их все в портфель обыкновенного делового человека. Он оказался только наполовину заполненным, поэтому я доложил его микроинструментами, которые мне могли понадобиться. И в оставшееся свободным место я запихнул столько одежды, сколько смог, затем встал на него коленом и, поднажав чуть-чуть, закрыл его и зашелкнул на замок. Теперь переодевание и маскировка. Черный костюм-четверка делового человека, ткань которого была украшена крошечным узором белых долларовых купюр. Оранжевый шейный платок, который носят все молодые банкиры, а также характерные сапоги из кожи свинобраза с хваленными каблук-

ками. Что прибавит мне роста — это кстати. Когда я выйду, на мне будут усы и очки в золотой оправе. А сейчас мне нужно было покрасить волосы в темный цвет и добавить лицу загара. Закончив все приготовления, накачанный пивом, обезболивающим и смертельной усталостью, я раскрыл свою кровать-архив, завел будильник и провалился в вечность.

Вокруг моей головы роились гигантские комары, все больше и больше комаров, жаждущих моей крови...

Я открыл глаза и отогнал остатки сна. Будильник, который я до сих пор не отключил, жужжал голосами тысяч насекомых, они становились все громче и громче и наконец зазвучали, как целое полчище, готовое к атаке. Я надавил на кнопку, облизал сухие губы и, шатаясь, заковылял за стаканом воды. За окном было уже совсем светло, и стали появляться первые ранние птички.

Все было готово. Я тщательно умылся и оделся. Шегольские оранжевые перчатки очень подходили к моему шейному платку и скрывали забинтованные руки. Дождавшись часа пик, когда улицы были заполнены народом, я подхватил свой портфель и, убедившись, что в холле никого нет, вышел из кабинета и, не оглядываясь, закрыл за собой дверь. Эта часть моей жизни закончена. Сегодня первый день моей новой жизни. Я надеялся на это. Я прошел к лестничной клетке очень похожей, как мне казалось, на деловую походкой, мимо первых посетителей, вниз, на улицу. И увидел на повороте полицейского, внимательно разглядывающего каждого прохожего. Я не смотрел на него и обнаружил впереди себя привлекательную девушку с очень милыми ножками. Я наблюдал за их семенящими движениями и попытался забыть о присутствии стража закона. Подошел к нему, прошел мимо, зашагал прочь от него. Ожидая, что он окликнет меня, опознав. Но он не окликнул. Может, он тоже засмотрелся на очаровательные ножки. Один есть — но скольких мне еще предстоит миновать?

Это была самая долгая прогулка, которую я когда-либо предпринимал в своей жизни. Или так по крайней мере мне казалось. Не слишком торопливая, но и не очень медленная. Я старался слиться с толпой, просто один из этих подневольных трудяг, спешащих на работу и думающих только о доходах и расходах, а также об акциях своей компании. Что бы эти акции из себя ни представляли. Еще одна улица — пока все в порядке.

Вот поворот. Служебный подъездной путь к торговому центру. Здесь не место такому бизнесмену, как ты. Поэтому пошевеливайся и не околачивайся тут зря. Скорее за угол, и ты спасен. Спасен? Я остановился как вкопанный. У входа стоял служебный фургон Максвинниз, и неуклюжий скотина-механик входил в помещение.

Я посмотрел на часы, щелкнул пальцами, затем повернул прочь со служебной дорожки на случай, если за мной наблю-

дали. И быстро зашагал по улице до первого Спидидайн*. Словно в довершение сегодняшнего дня, под первым же грибом сидели двое полицейских. И конечно же, глазели на меня. Я прошел мимо, глядя строго перед собой, и сел на самый дальний от них столик. У меня вдруг ужасно зачесалось между лопатками, но я не смел двинуться. Я не видел их, но прекрасно знал, что они делают. Они смотрят на меня, что-то говорят друг другу, решив, наверное, что я совсем не тот, за кого себя выдаю. Лучше проверить и выяснить это. Встают, идут ко мне, наклоняются к моему грибку... Я увидел ноги в голубых брюках краешком глаза, и мое сердце вдруг начало громко стучать в груди, так что я был уверен, что его стук слышен всему ресторану. Я ждал обвинительных слов. Подождал... пробежал глазами по голубым штанам и выше... Я увидел, что напротив меня усаживается водитель воздушного лайнера, одетый в форму.

— Кофе,— сказал он в микрофон, развернул газету и углубился в чтение.

Стук моего сердца поутих и стал напоминать нормальный, и я беззвучно отругал себя за излишнюю подозрительность и трусость. Затем произнес вслух в свой микрофон самым низким голосом, на который были способны мои голосовые связки:

— Черный кофе и малигатони** с клецками.

— Опустите шесть долларов, если вам не трудно.

Я сбросил монетки. Сбоку от меня послышалось гromыхание оборудования, и на стол выскользнул заказанный завтрак. Я ел неторопливо, поглядывая на часы, затем принялся потихоньку цедить кофе. Я хорошо знал, отсиживаясь как-то в морозильной камере, что на профилактику у механика уйдет не меньше тридцати минут. Я просидел за столиком сорок, и только потом вышел из-за него. Я старался не думать о том, что обнаружу, когда наконец попаду в подсобное помещение Максвиниз. Я хорошо помнил свои прощальные слова — я буду следующим человеком, который войдет в эту дверь. Хо-хо. Следующим человеком оказался механик. Поймал ли он Слона? Я вспотел от одной мысли. Скоро я сам это узнал. Я прошел мимо того грибка, где сидели полицейские. Их не было — ушли обыскивать другую часть улицы — меня, наверное, ищут. Я снова направился к торговому центру. И повстречался с отъезжающим от служебного входа славным фургончиком Максвиниз.

Я держал ключи наготове. Когда я подходил к двери, дорожка была пуста — затем я услышал позади себя чьи-то шаги. Полиция? Все с той же заученной настойчивостью мое сердце заколотилось вновь. Я замедлил шаги, подходя к двери. Остановившись и наклонившись вперед, я мял ключи в ладони, словно выбирая нужный мне. Рассматривая ключ, я слышал,

* Спидидайн — ресторан (кафе) быстрого обслуживания.

** Малигатони — (инд.) густой острый суп с пряностями.

как кто-то прошел мимо меня. Молодой человек, который не обратил ни малейшего внимания на мое присутствие. Он продолжал вышагивать по дороге и вошел в дальние ворота рынка. Я оглянулся через плечо — затем прыгнул к двери, пока не появился еще кто-нибудь. Повернул ключ, толкнул дверь — и она, конечно же, не открылась. Запирающий механизм, который я туда вставил, сработал отлично. Он разблокируется через минуту. Шестьдесят коротких секунд. Шестьдесят невыносимо долго тянувшихся секунд. Я стоял у двери в своем прекрасном деловом костюме, который был здесь так же неуместен, как и соски на брюхе борова-свинобраза, как было принято говорить у нас на ранчо. Стоял и покрывался испариной, и ждал появления полиции или опять какого-нибудь прохожего. Ждал и терпел. Пока наконец ключ не повернулся, дверь не открылась — и я ввалился внутрь. Пусто! На дальней стене стучало и визжало автоматическое оборудование. Булькал раздатчик напитков, наполняющий контейнер провистел вниз и исчез. Зато появился дымящийся паром поджаристый бургер. И это продолжалось день и ночь. Но среди всего этого механического движения не появлялась никакая человеческая фигура. Они схватили его — полиция нашла Слюна. А теперь они схватят меня.

— Ах, мой мальчик, должно быть, на этот раз это ты...

Из морозильника возник Слон, необъятный в своих изолационных одеждах, держа в руке все свои пожитки и прижимаемая под мышкой раскладушку. Он захлопнул за собой дверь, и тут силы покинули меня, и я сел на пол, прислонившись к стене спиной.

— С тобой все в порядке? — спросил он с тревогой в голосе. Я помахал слабой рукой.

— В порядке, в порядке — дай мне только перевести дух. Я испугался, что тебя забрали.

— Тебе не стоило беспокоиться. Когда ты не появился через определенное время, я рассудил, что в нашем плане, наверное, появились кое-какие дополнения. Или небольшая заминка. Поэтому я отрепетировал свой отход на случай, если сегодня объявятся законные пользователи. И они и вправду объявились. А там действительно холодно. Не могу сказать с уверенностью, сколько они тут пробыли, но я был уверен, что ты придумал какой-нибудь способ, чтобы узнать, когда они уйдут...

— Я же хотел тебе сказать!

— В этом нет необходимости. Я нашел спрятанный громкоговоритель и включил его, и слушал, как кто-то бормотал свои проклятия, пока ковырялся с машинами. Через некоторое время стук захлопнувшейся двери и тишина сообщили мне все, что требовалось. А теперь расскажи о себе. Были какие-то проблемы?

— Проблемы! — я рассмеялся от облегчения. Перестав только тогда, когда услышал в своем смехе истерические нотки. Я рассказал ему все, опуская кое-какие самые отвратительные

моменты. Он шумно реагировал в нужных местах и внимательно слушал меня до самого конца.

— Ты слишком строг к себе, Джим. Одно маленькое упущение после такого напряженного дня нельзя считать слишком уж неожиданным.

— Зато непростительным! Я был настолько глуп, что чуть не обрек нас двоих на провал. Этого больше не повторится.

— А вот в этом ты неправ,— сказал он, покачав толстым пальцем.— Это может случиться в любое время — пока ты не обрешь навыков в работе. Тебе нужно тренироваться и тренироваться с пользой для дела...

— Конечно!

— ...пока оплошность вроде этой не станет невозможной. Ты сделал все невероятно хорошо для человека с твоим опытом. Теперь нужно только совершенствоваться.

— А ты будешь учить меня как — как стать таким преуспевающим жуликом, как ты!

В ответ на мои слова он сдвинул брови и помрачнел. Что я сказал такого неподходящего? Я с беспокойством жевал свою больную губу, пока он молча раскладывал кровать на колесиках, а затем уселся на ней, скрестив ноги. Когда же он снова заговорил, я хватал на лету каждое его слово.

— Вот твой первый урок, Джим. Я не жулик. Ты не жулик. Мы не хотим быть преступниками, потому что все они глупы и неквалифицированы. Очень важно понимать и принимать во внимание, что мы стоим в стороне от общества и следуем своим строгим правилам, некоторые из них даже строже, чем те, что существуют в обществе, которое мы отвергаем. Эта жизнь может оказаться одинокой — но ты должен сам выбрать свою дорогу и идти по ней с открытыми глазами. А раз уж путь выбран, ты должен быть верным ему. Ты должен быть более высоконравственным человеком, чем они, потому что тебе придется жить по более строгим моральным законам. И его нормы не содержат слово «жулик». Это слово из их мира, и ты не должен употреблять его.

— Но я хочу быть преступником...

— Оставь эту мысль — как и название. Это, и ты должен простить меня за такие слова, просто юношеские амбиции. Это только твое эмоциональное неприятие мира, в котором ты живешь и который тебе не нравится. Ты отвергаешь его — но вместе с тем принимаешь его описание того, кто ты есть — «жулик». Но ты не жулик, и я не жулик.

— Тогда — кто же мы? — спросил я с необычайной прилежностью. Слон сложил пальцы пирамидой, нараспев произнося слова.

— Мы — граждане Объективной Реальности. Мы отвергаем упрощенные, скучные, строго регламентированные, бюрократические, нравственные и даже древние библейские истины, по которым они живут. На их место мы ставим свои собственные и гораздо более качественные правила. Мы можем физически двигаться среди них — но мы не они. Там, где они

ленивы — мы трудолюбивы. Там, где они безнравственны — мы сама добродетель. Там, где они лгут — мы говорим правду. И может быть, мы являемся главной силой добра в том обществе, от которого мы отказались.

Я не совсем понял, о чем он говорит, но терпеливо ждал, потому что знал, что вскоре все прояснится. И он пояснил.

— Что это за галактика, в которой мы живем? Посмотри вокруг себя. Жители этой планеты, как и жители других планет, входящих в неопределенную организацию, известную под названием Галактической Лиги, это жители обеспеченного, богатого союза миров, в котором слово «преступление» уже почти забыто. Ты был в тюрьме и видел этих угрюмых недоделанных, которых они считают преступниками. И это называется прогрессивным миром! На других планетах, населенных нашими поселенцами, уже почти не осталось недовольных, а уж социально опасных и того меньше. Из этого следует, что как только появится человек, доставляющий обществу беспокойство, а они все еще рождаются, несмотря на строгий генетический отбор, его тут же ловят и исправляют все его отклонения от нормы. Я как-то летал в космос единственный раз в жизни, путешествие к недалеким мирам. Это было ужасно! Жизнь там похожа на разноцветный и удивительный кусок мокрого картона. И я поспешил назад на Бит О'Хэвен, так как по сравнению с другими планетами Бит О'Хэвен, обратительная по временам, все-таки райский уголок.

— Когда-нибудь — мне бы тоже хотелось посмотреть на эти миры.

— Посмотришь, дорогой мой мальчик, вполне достойное стремление. Но изучи сначала досконально этот мир. И скажи спасибо, что у них нет здесь до сих пор полного генетического контроля — или машин для умственного регулирования, которые борются с обществом. На других планетах дети точно такие же, как и у нас. Кроткие, мягкие и социально приспособленные. Конечно, некоторые из них не проявляют своих генетических недостатков — или преимуществ, как мы бы сказали — пока не станут взрослыми. Эти бедняжки преуспели по части мелких правонарушений — ночные кражи со взломом, ограбления магазинов, кража скота и тому подобное. Они могут избавить их от дурных наклонностей за неделю или две, ну, может, за месяц или два, в зависимости от степени умственного развития той или иной цивилизации. И то, что полиция их в конце концов достанет и засадит за решетку, так же нестерпимо, как и распад атомов или осенний листопад.

Я переварил эту информацию, затем задал очевидный в таких случаях вопрос.

— Но если преступление заключается именно в этом — в протесте против системы — куда это нас заведет?

— Ты не должен задавать таких вопросов. Те отверженные, которых я тебе обрисовал и которых ты встречал в тюрьме, составляют 99,9% уголовного мира в нашем хорошо организованном и принаряженном обществе. И только оставшаяся

и самая значительная 0,1%, которую мы представляем, является самой существенной в структуре того же общества. Без нас начнется гибель населения от перегрева. Без нас жизнь этого овечьего стада будет настолько пуста, что начнется массовое самоубийство. Вместо того, чтобы преследовать нас и называть нас преступниками, они должны почитать нас, как своих благодетелей!

Когда он говорил, глаза его возбужденно искрились. Мне не хотелось прерывать его взволнованную речь, но у меня появились кое-какие вопросы.

— Извини, пожалуйста, — но будь добр, объясни мне, почему это так?

— Потому что мы задаем полиции работу, им же надо кого-нибудь преследовать, иметь какой-нибудь повод, чтобы рыскать повсюду в своих дорогих машинах. Ну а публика — как они смотрят новости и слушают сообщения о наших последних подвигах, как они рассказывают об этом друг другу и смакуют каждую деталь! Ну а какова же цена этого представления и его общественная польза? Да никакой. Бесплатное обслуживание, даже если мы рискуем своей жизнью, головой и свободой, чтобы доставить им удовольствие. А что мы получаем от них? Да ничего. Просто деньги — бумагу и металлические символы. Все это застраховано. Если мы выпотрошим банк, деньги им вернет страховая контора, которая в конце года недосчитается в своем ежегодном доходе микроскопической суммы. Каждый вкладчик недополучит миллионную долю своей прибыли. Никаких убытков, абсолютно никаких. Благодетели, мой мальчик, мы просто благодетели и никто больше. Но для того, чтобы мы могли совершать для них это благо, мы должны действовать вопреки тем барьерам и правилам, которые они нам выставляют. Мы должны быть такими же скрытными и бесшумными, как и крысы за деревянной перегородкой. Конечно, в прежние времена это было гораздо легче сделать, и в обществе было намного больше крыс, когда правила были не так строги. Так же как в старых деревянных зданиях больше крыс, чем в бетонных. Но и сейчас крысы приживаются в домах. Теперь, когда общество сплошь состоит из железобетона и нержавеющей стали, между стыками остается совсем немного щелей. И только очень смелые крысы могут отыскать эти лазейки. Только крыса из нержавеющей стали может чувствовать себя как дома в такой окружающей среде.

Я захлопал в порыве восхищения в ладоши, пока они не заболели, и он кивал головой, с грациозным достоинством принимая мои похвалы.

— Вот кто мы такие, — выпалил я. — Крысы из нержавеющей стали! Какая же это честь быть одинокой нержавеющей стальной крысой!

Он опустил голову, соглашаясь с моими словами, затем снова заговорил.

— Не спорю. А теперь — мое горло совсем пересохло от

этих длинных речей, и мне интересно было бы знать, сможешь ли ты помочь мне разобраться со всеми этими сложными приспособлениями вокруг нас. Существует ли какой-нибудь способ извлечь из них двойной вишневый сироп?

Я повернулся к лабиринту стучащего и визжащего оборудования, покрывающего внутреннюю стену.

— Конечно, существует. Буду счастлив показать его тебе. У каждой из этих машин есть контрольный выключатель. Вот этот, если ты помотришь поближе, предназначен для раздатчика напитков. Сначала ты должен нажать на кнопку, затем привести в действие раздатчик, который и выдаст напиток сюда, вместо того, чтобы отдать его посетителю снаружи. Все подписано — смотри, вот здесь вишневый сироп. Легкое прикосновение и... пожалуйста!

С присвистом стакан вывалился из раздатчика, и Слон едва успел поймать его. Сделав несколько глотков, он застыл и прощелтал уголками губ:

— До меня только дошло, что здесь имеется окошко, и какая-то молодая леди смотрит на меня через него!

— Не пугайся, — успокоил я его. — Оно сделано из одностороннего стекла. Она просто любит себя своим лицом. Это сделано для того, чтобы контролеры могли наблюдать за посетителями.

— Правда? А, теперь я и сам вижу. А они действительно обжоры. Их чавканье вызывает ропот в моем собственном животе, должен тебе признаться.

— Нет ничего проще. Вот здесь контрольная кнопка раздатчика пищи. Самый ближайший выдает Макбаннибургер, если он тебе нравится.

— Обожаю до смерти.

— Тогда прошу.

Он схватил дымящийся пакет, традиционно украшенный глазами-бусинками и хвостом с кисточкой, и принялся жевать. Было приятно наблюдать за тем, как он ест. Но я заставил себя оторваться от зрелища, чтобы не забыть бросить монеты в щель позади бронированной кассы.

Слон выпучил глаза от удивления. Проглотив кусок, он произнес:

— Ты платишь! А я думал, что мы попали в гастрономический рай, где бесплатно выдается еда и питье по первому нашему требованию день и ночь.

— Так и есть — так как все эти деньги украдены, и я просто запускаю их в обращение, чтобы поддерживать экономику здоровой. Максвиниз работает без перерыва. И каждый кусочек мяса свинообраза, каждый осколок льда находится на учете. Когда механик проверяет машины, он отвечает за каждую статью расхода. Магазинный компьютер хранит в памяти следы каждой покупки, чтобы запасы, хранящиеся в морозильнике, пополнялись строго в соответствии с нормой. И все собранные деньги каждый день убираются из сейфа на внешней стене — который тоже автоматизирован. Бронирован-

ный фургон справляется со всем этим, когда приходит время. Применяется какой-то код, и деньги из сейфа перегружаются в фургон. А если мы просто, не церемонясь, будем питаться, записи откроют факт воровства. Будет проведено тщательное расследование. Мы должны платить, чтобы сумма соответствовала количеству оприходованных продуктов. Но так как мы больше не собираемся сюда возвращаться, мы стащим все эти деньги в день нашего ухода.

— Прекрасно, мой мальчик, прекрасно. А то я уж было обеспокоился твоей вынужденной честностью. Ну а раз уж ты стоишь рядом с контрольной кнопкой, нажми, пожалуйста, и подай мне еще один кусочек жареных ребрышек, пока я плачу.

Полагаю, бывают и более странные места для проведения школьных занятий, но я не мог выдумать более необыкновенного. В определенное время суток ничего нельзя было услышать сквозь стук, скрежет и визг работающего оборудования. Ланч и обед были самыми напряженными часами, но еще один пик приходился на то время, когда заканчивались занятия в школах. Нам приходилось есть самим в это время, потому что разговаривать было просто невозможно, и мы каждый раз проходили по всему списку, имеющемуся в распоряжении Максвиниз. Мы сбились со счета, сколько же Макбанибургеров провалилось у нас в горло, и сколько мороженных вишен за ними последовало. Мне нравились Доббиндоги, пока я ими не объелся, включал также кнопку со студнем из ножек свинобраза и с оладьями. Слон был всеяден, ему нравилось все, стоящее в меню. Затем, когда толпы редели, после того, как мы смахивали последние крошки с наших губ, мы садились, удобно развалиясь на наших креслах, и мое обучение продолжалось. Когда мы начали изучать компьютеры, я обнаружил, что Слон замышлял в последние два десятилетия.

— Дай мне терминал, и я смогу управлять миром,— сказал он, и голос его прозвучал настолько авторитетно, что я поверил, он сможет.— Когда я был молодым, мне доставляло невиданное удовольствие делать жителям этой планеты приятное. Просто дух захватывало, когда я перехватывал движение наличной массы или заменял свою кредитную карточку пачками банкнот. Они так и не догадались, как я это делал...

— А как ты это делал?

— Мы говорим о компьютерах.

— Ну давай отклонимся от темы на этот раз, я прошу тебя. Обещаю использовать этот прием во благо. И может быть, если ты позволишь, даже оставлю им одну из твоих карточек.

— А что, это превосходная идея! Сбить с толку нынешнее молодое поколение полицейских, как я ловко продлевал это с их предшественниками. Я опишу тебе, что произошло, и может быть, ты сам догадаешься, как это было сделано. На центральном монетном дворе, хорошо охраняемом древнем

здании с каменными стенами двухметровой толщины, расположены гигантские сейфы, набитые миллиардами долларов. Когда нужно отправлять наличную массу, охрана и официальные лица наполняют специальную коробку, которую потом закрывают и опечатывают под присмотром всех присутствующих. Снаружи здания ожидает конвой полицейских, сопровождающих одну-единственную бронированную машину. По определенному сигналу машина подкатывает задом к обитой броней двери подающего отсека. Внутри здания открывается внутренняя стальная дверь, и коробка помещается в бронированную камеру. Дверь опечатывается до того, как может быть открыта внешняя. Затем коробка совершает путешествие в бронированной машине к специальному поезду, который имеет бронированный вагон. Он имеет только одну дверь, которая запирается, опечатывается и обматывается колючей проволокой с сигнализацией. Его постоянно сопровождает охрана, и таким образом доставляется в город, который нуждается в наличности, огромная масса долларов. Там их ждет другая бронированная машина, коробка перемещается в нее — все еще опечатанная — и доставляется в банк. Там ее вскрывают — и обнаруживают, что в ней содержится только лишь моя визитная карточка.

— Потрясающе!

— Желаете объяснить, как это было сделано?

— Ты был одним из охранников в поезде...

— Нет.

— Или вел бронированную машину...

— Нет.

Я ломал над этим голову целый час, потом наконец сдался, и он мне все объяснил.

— Все твои предположения заслуживают внимания, но все они опасны. Ты более физически развит, чем я когда бы то ни было. Но я в своих операциях предпочитал мозги мускулам. А причина в том, что я никогда и не вскрывал коробку, чтобы вытащить оттуда деньги, она была пуста еще тогда, когда покидала здание. Или лучше сказать, она была наполнена для веса кирпичами вместе с моей карточкой. Теперь ты сможешь догадаться, как все это произошло?

— Никогда не покидали здание, — пробормотал я, пытаюсь заставить мозги работать. — Но ведь коробка была погружена в машину, и в ней что-то было...

— Ты забываешь еще кое о чем.

Я шелкнул пальцами и подпрыгнул.

— Стена, конечно, это должна была быть стена. Ты дал мне все ключи к разгадке, это я оказался таким тупым. Старая, каменная, двухметровой толщины!

— Точно так. Мне понадобилось четыре месяца, чтобы пробить ее. Я истратил на нее трех роботов, но в конце концов я победил. Для начала я приобрел здание напротив монетного двора через дорогу, и мы пробили тоннель под ней. Киркой и лопатой. Очень медленно, очень тихо. Через фундамент

здания и стену. Которая, как оказалось, была двойной, и как водится, между внешней и внутренней оболочкой имелось пространство, заполненное булыжниками и щебенкой. Никто не услышал, как мы открыли стенку подвала, соединявшего внутренний двор здания с внешним, при помощи алмазной пилы. Механизм, который я вмонтировал там, мог поменять коробки за 0,5 секунды. Когда внутренняя дверь закрывалась, немедленно приводился в действие блокирующий затвор, и внешняя дверь не могла быть открыта в это время. Это длилось примерно три секунды, и этого было для меня достаточно. Я включал свой механизм и заменял коробки. Они никак не могли выяснить, как я это делаю. Механизм все еще там. Но вся операция проводится теперь по-другому, да и они перерыли там все вокруг. Компьютерное пиратство — это совсем другое дело. По существу, это просто интеллектуальное упражнение для мозгов.

— Но разве компьютерное пиратство еще возможно в наше время? Со всеми этими шифрами, паролями и блокирующими устройствами.

— Что может быть зашифровано и заблокировано человеком, человеком же может быть и расшифровано, и разблокировано. Не оставляя никаких следов. Приведу несколько примеров. Начнем с проказы под названием округление цифр. Смотри, как это делается. Допустим, у тебя в банке имеется восемь тысяч долларов с заранее оговоренным годовым процентом. Допустим, он равен восьми. Твой банк увеличивает твой счет еженедельно, чтобы ты получал от этого выгоду. Это значит, что в конце первой недели банк умножает твой баланс на 0,0015384 процента и прибавляет эту сумму к твоему счету. Он увеличивается на 12,30 долларов. Правильно? Проверь по своему калькулятору.

Я подсчитал сумму по калькулятору и пришел к тому же самому ответу.

— Точно двенадцать долларов и тридцать центов прибыли.

— Не точно,— возразил он.— Прибыль составит 12,3072 доллара, не так ли?

— Ну да, конечно, но ты ведь не можешь прибавить семьдесят две тысячных цента к чьему-нибудь счету, правда?

— Не так все просто. Во всех финансовых расчетах производятся округления до сотых единиц. У банка в этом случае имеется два варианта поведения. Он может округлять все цифры после 0,005 до одной сотой, а те, что меньше 0,0049, до нуля. В конце рабочего дня округления в ту и в другую сторону сравниваются, и банк не окажется внакладе. Или, и это общепринятая практика, банк может просто не принимать во внимание все десятичные знаки кроме, первых двух, таким образом имея хоть и небольшую, но постоянную прибыль. Небольшую по банковским масштабам — но очень солидную, как посчитал бы любой простой гражданин. Если банковский компьютер настроить так, чтобы он переводил все эти отброшенные единицы на специальный счет, то почему бы не сделать

так, чтобы к концу дня компьютер выдал только текущие счета банка и его клиентов. Никто не пострадает, и все будет довольны.

Я яростно давил клавиши калькулятора, затем довольно рассмеялся, глядя на полученные результаты.

— Точно так. Все довольны — включая держателя этого счета, который составляют теперь все эти тысячные и десятитысячные, отброшенные за ненадобностью доли долларов. Даже если из десятитысячных счетов вычесть половину одной тысячной доли, прибыль банка составит пятьдесят долларов в день!

— Точно. Но большой банк будет иметь выгоду в сотни раз большую, чем твой результат. Эта доля составит, насколько я знаю по собственному опыту, еженедельный доход в пять тысяч долларов.

— И это, это и есть самая простенькая и самая маленькая твоя компьютерная шуточка? — спросил я притихшим голосом.

— Она и есть. Когда корпорации начинают объединять компьютеры в одну сеть, цифры становятся просто неправдоподобными. Очень приятно работать на высоком уровне. Потому что, если ты аккуратен и не оставляешь следов, корпорации даже не подозревают, что их надувают! Они и не хотят ничего знать об этом, и не поверят в это, даже если столкнутся с таким фактом лицом к лицу. Очень непросто выявить компьютерного пирата и признать его виновным. Это отличное хобби для такого пожилого и солидного гражданина, как я. Оно сохраняет мою деловую активность и пополняет мои богатства. И я ни разу не был пойман. Ах, да, кроме одного раза...

Он тяжело вздохнул, и в его вздохе послышалась обида.

— Это моя вина! — крикнул я. — Если бы я не пытался найти тебя, тогда ты бы никогда не навлек на себя федеральных ищеек.

— Нет, Джим, не чувствуй за собой вины. Я недооценил их систему контроля, более строгую, чем те, с которыми я имел дело раньше. Это была моя ошибка — и мне пришлось за нее заплатить. Я и до сих пор расплачиваюсь. Не хочу сказать ничего плохого о надежности нашего нынешнего убежища, но эта упакованная еда начинает слегка раздражать. Или ты этого не замечаешь?

— Мое поколение считает это хлебом насущным.

— Разумеется. Об этом я не подумал. Как лошадь никогда не устает от сена, или свинообраз будет жадно набрасываться на свое пойло до скончания веков.

— Или ты, должно быть, до конца дней будешь с жадностью влипать в омара и залпом выпивать бокал шампанского.

— Тонко и правильно подмечено, мой мальчик. Как долго ты предполагаешь здесь оставаться? — спросил он, отодвигая прочь полпорции зачерствевших пышек.

— Я бы сказал, что не меньше двух недель,— по его телу пробежала дрожь.

— У меня будет хорошая возможность похудеть.

— За это время горячка погони немного поостынет. Но нам все же придется избегать общественного транспорта, хотя бы некоторое время. Однако я приготовил путь отступления, который очень скоро надежно укроет нас от преследования.

— Осмелюсь спросить — что это будет?

— Лодка, или лучше сказать небольшой катер на Стикс Ривер. Я купил его не так давно от имени компании, он находится в заливе неподалеку от Билльвилля.

— Отлично! — он радостно потер руки.— Конец лета, южный круиз, жаренная на костре форель по вечерам, охлажденное в ручье вино, бифштекс в ресторанчиках на берегу.

— И изменение моего пола.

Он удивленно заморгал, но вздохнул с облегчением, когда я объяснил.

— Я надену девичье платье, когда мы взойдем на палубу и нас можно будет видеть с берега. По крайней мере до тех пор, пока мы не отплывем подальше отсюда.

— Грандиозно. Я немного сброшу вес — здесь не будет больших трудностей с диетой. Отпущу усы, затем бороду, покрашу волосы снова в черный цвет. Это уже кое-что. Так, может, лучше мы останемся здесь еще на месяц, а не на две недели? Я могу продлить свое заключение в этом гастрономическом гетто до тех пор, пока смогу не есть. Фигура моя будет приведена в порядок за эти дополнительные недели, а волосы и борода станут длиннее.

— Можем и остаться, если ты выдержишь.

— Тогда решено. И мы можем полностью посвятить свое время продолжению твоего образования.

Я был слишком поглощен нашими занятиями, чтобы обращать внимание на постоянное присутствие аромата жареных бургеров из свинообраза. Кроме всего прочего, я все еще мог их есть. По мере того как продвигалось мое постижение всевозможных способов обхождения закона в нашем обществе, фигура Слона с таким же успехом понемногу таяла. Мне хотелось покинуть это заведение раньше, но Слон, приняв однажды решение, был непоколебим.

— Раз план утвержден, ему нужно следовать буквально. Его следует изменять, только если меняются внешние обстоятельства. Человек — существо нерациональное, и нужно время и тренировка, чтобы он стал другим. А причины для изменения операции всегда найдутся.— Он вздрогнул от внезапно загромыхавших на большой скорости машин; закончились школьные занятия. Затем перевернул еще один листок своего календаря.— Тщательно спланированная операция обязательно сработает. А будешь вмешиваться в процесс — и все разрушишь. Наш план очень хорош. И мы будем его придерживаться.

Он выглядел намного стройней и крепче, когда настал

день нашего исхода. Он прошел горнило гастрономического изобилия и закалился в нем. А я прибавил в весе. Мы выработали план действий, сложили свои немногочисленные пожитки, вычистили все доллары из сейфа — а также уничтожили все следы нашего здесь пребывания. И в конце концов нам оставалось только сидеть и молчливо поглядывать на наши часы. Когда зазвенел будильник, возвещающий о том, что кто-то вставил ключ в замок входной двери, мы были уже на ногах, радостно улыбаясь друг другу. Я отключил будильник, а Слон отворил дверь морозильника. Как только во входной двери повернулся ключ, мы закрыли за собой нашу дверь. Стоя и дрожа от холода в мавзолее Максвиниз, мы прислушивались к шагам механика, входящего в комнату, которую мы только что покинули.

— Слышал? — спросил я. — Он проверяет подачу льда в раздатчике вишневого сиропа. Вот смехота.

— Я бы предпочел не обсуждать содержимое этой ужасной галереи для гурманов. Не пора ли нам идти?

— Пора, — я легко отворил входную дверь и прищурился на яркий солнечный свет, так давно не виденный нами. Теперь дверь служебного фургона, пока на улице никого нет.

— Сюда.

Воздух был свеж и приятен, и наполнен чудесным ароматом. Хотя он пропитался насквозь запахом кухни, я все же уловил это. Я заклинил входную дверь, ведущую в нашу комнату кулинарных ужасов, чтобы задержать немного механика, если он решит покинуть помещение раньше положенного времени. Нам и нужно-то было каких-нибудь пятнадцать минут. Слон набил руку с моей отмычкой и широко распахнул дверцу фургона передо мной, когда я подошел к нему. Он нырнул в кузов, а я неторопливо завел мотор. Все было очень просто. Я высадил его недалеко от залива, где он сидел на скамеечке, греясь на солнышке и приглядывая за нашими пожитками. Теперь не было ничего проще, чем припарковать угнанный фургон где-нибудь рядом с винным магазином. Когда же я ровным шагом, не бегом, вернулся на берег, я махнул рукой в сторону реки.

— Белая лодка, вон та, — второй рукой я дотронулся до усов, проверяя, на месте ли они. — Причал полностью автоматизирован. Я пойду заберу лодку и пригоню ее сюда.

— Начинается наш водный круиз, — сказал он, и в его глазах засверкали веселые искорки.

Я оставил его на солнцепеке и направился к причалу, чтобы предъявить роботу документы на лодку.

— Доброе утро, — пропел он приятным голоском. — Вы хотите забрать пассажирский катер «Джентльмены удачи». Батареи в нем заменены, с вас двенадцать долларов. Продукты загружены...

Он продолжал в том же духе, произнося вслух все расходы и издержки, о которых можно было прочитать на экране — наверное, для тех, кто не умел читать, — и я ничего

не мог с этим, поделаться. Я переминался с ноги на ногу, пока он наконец не закончил, и я не смог опустить необходимое количество монет. В машине что-то булькнуло, и она проглотила их, выдав мне квитанцию. Неспешно я подошел к лодке, предъявил квитанцию и подождал, пока не щелкнет замок цепи. Приглашая меня войти. Секунды спустя, я уже вырубывал на середину реки, направляя лодку к одинокой фигуре на берегу. Точнее, больше не одинокой. Рядом с ним сидела девушка. Я сделал круг, за ним другой. Она не уходила. Слон сидел, сутуло сгорбившись, и не подавал мне никакого знака, что делать. Я сделал еще один круг, но появление патрульной полицейской машины заставило меня грести к берегу. Девушка встала и замахала мне рукой, затем окликнула меня.

— Малыш Джимми ди Гриз, если я не ошибаюсь. Какой приятный сюрприз!

Слишком часто в последнее время в моей жизни стали появляться такие моменты. Причалив к берегу, я взглянул на девушку поближе. Она знала меня, я тоже, должно быть, знал ее; сногшибательная красавица, само совершенство. Эти алые губы — она! — предмет моих необузданных желаний.

— Это ты, Бет? Бет Нэрэтин?

— Как приятно, что ты меня узнал!

Я спрыгнул на берег со швартовками наготове, но она вырвала их у меня из рук и сама обвязала вокруг тумбы. Через плечо я заметил полицейский катер, быстро проплывающий мимо нас. Затем бросил взгляд на Слона, который просто поднял глаза к небу, когда она заговорила.

— Я сказала себе, Бет, не может быть, чтобы это был Джимми ди Гриз с маленькими прелестными усиками, выпрыгивающий из этого старого фургона Максвиниз. Тот Джимми, которым были полны все информационные выпуски последнего времени. А если это он, то почему бы не последовать за ним, ради наших старых добрых школьных лет. Когда же я увидела, что ты разговариваешь с этим милым джентльменом, я решила подождать тебя здесь, когда ты вернешься с лодкой. Собираетесь в путешествие?

— Нет, не в путешествие, просто однодневная прогулка вверх по реке и обратно. Было бы приятно увидеться с тобой еще раз.

Было бы совсем неплохо. Увидеться с ней, я имею в виду. Предмет моих детских мечтаний. Она покинула школу вскоре после того, как я туда поступил. Но ее было трудно забыть. На четыре года старше меня, совсем зрелая женщина. Сейчас ей около двадцати одного. Она всегда была заводилой в классе, победительница конкурса красоты — Королева Года. И по праву. Сейчас, повзрослев, она стала еще сногшибательней. Ее голос пробивался через мои воспоминания.

— Не думаю, что ты был со мной откровенен, Джимми. Потому что, глядя на все эти сумки и вещи, я могу поспорить, что вы отправляетесь надолго. На вашем месте я предпочла бы длинный и долгий круиз. Это неплохая идея.

Произнесла ли она последние слова с каким-то другим выражением? Что ей было нужно? Мы не могли здесь больше задерживаться. Ее намерения стали понятны, когда она прыгнула в лодку.

— Всегда найдется место для еще одного человека! — весело выкрикнула она и прошла на сиденье на корме. Я подхватил наши пожитки и прошептал Слону на ухо:

— Она знает меня. Что нам делать?

Он вздохнул в ответ.

— Что мы можем сделать? Я могу сказать только то, что мы теперь имеем пассажира. Предлагаю отложить решение этого вопроса до того, как отплывем. Все равно у нас нет выбора.

И он был прав. Я передал ему наши вещи и принялся развязывать морской узел, который она завязала на веревке. Подтолкнув «Джентльменов удачи» ногой и прыгнув в лодку, я взялся за руль. Слон отнес поклажу вниз, а я включил двигатель и направил лодку вниз по реке. Прочь от Билльвилля, Максвиниз и полиции. Но не от Бет. Она растянулась на палубе передо мной, подогнув юбку, так что я мог любоваться ее великолепными длинными ногами. Что я и делал. Она обернулась и улыбнулась мне, ясно прочитав мои мысли. Я совсем забыл, что хотел переодеться в женское платье — представляю, сколько насмешек бы это вызвало теперь. Я начинал сердиться.

— Ну ладно, Бет, давай-ка разберемся с тобой, — сказал я, с трудом переводя взгляд на чистые воды реки.

— Смотря что ты имеешь в виду.

— Не придируйся. Ты смотрела новости, сама говорила. Так что ты все обо мне знаешь.

— Конечно, знаю. Знаю, что ты грабишь банки и что ты сбежал из тюрьмы. Это меня ничуть не смущает. У меня у самой неприятности подобного рода. Поэтому, когда я увидела тебя, а затем и эту лодку, я поняла, что у тебя водятся кое-какие деньги. А может, даже много денег. Было бы грешно упустить возможность попутешествовать с тобой. Как ты считаешь?

— Нет, — я старался думать о полиции, а не о ногах. Вот наказание. — У меня и в самом деле есть немного денег. Если я дам тебе сколько-нибудь, высажу тебя на берег...

— Деньги — да, на берег — нет. Я распрошаюсь с НИМ и с Билльвиллем. Теперь я собираюсь посмотреть мир. А ты оплатишь мою дорогу.

Она уютно устроилась на подушке, закинув руки за голову, и улыбалась, наслаждаясь теплыми солнечными лучами. Я мрачно смотрел вперед и думал о трех-четырех ударах, которые сломали бы ее нежную шею... Это не просто шутка. Эту проблему надо было как-то решать, причем без излишней грубости. Мотор гудел, мы продвигались вперед, разрезая носом речную гладь и оставляя позади себя белую пену, и любимый нами Билльвилль, вперед, к открывающимся за поворотом зеленым полям. Слон поднялся на палубу и сел рядом со мной. В ее присутствии мы мало о чем могли поговорить. Мы продолжали

свой путь в полном молчании еще около часа, пока впереди не показалась пристань, а на ней небольшой универсам. Бет зашевелилась и села, проводя рукой по великолепным белокурым волосам.

— Знаете что — я проголодалась. Могу поспорить, что вы тоже. Почему бы нам не причалить к берегу вот в этом месте? Я бы сбегала в магазин за едой и пивом. Как вам моя идея?

— Великолепно! — согласился я. Она бежит в магазин, а мы включаем полный вперед и ту-ту

— Меня ободрали, как липку улынулась она. — Не оставили и гроша за душой. Если вы дадите мне немного денег, я смогу купить ланч. Думаю, тысячи будет достаточно.

Она произнесла это все с той же очаровательной невинной улыбкой, и мне вдруг стало интересно знать, в какие именно передраги она могла попасть. Вымогательство и шантаж — не иначе; было видно, что она на этом уже собаку съела. Я полез в кошелек.

— Вот и прекрасно, — сказала она, пересчитывая пачку денег с сияющими глазами. — Я недолго. И я ЗНАЮ, что вы будете, здесь, Джимми, вместе со своим другом. Не могла ли я его видеть в тех же информационных выпусках?

Я сердито смотрел вслед восхитительным движениям ее задницы, когда она мерной рысью направлялась к магазину.

— Ловко она прижала наши шкуры к стене, — мрачно произнес Слон.

— Пригвоздила, ободрала, исполосовала. Что будем делать?

— Только то, что она только что сказала. Кроме как убить ее, у нас нет другого выхода. Но я не сторонник убийства.

— Да и я тоже. Хотя первый раз в жизни я чуть не поддавался искушению.

— Что ты о ней знаешь?

— Ничего — последний раз я видел ее в школе. Она сказала, что попала в какую-то неприятную историю, но я понятия не имею, что бы это могло значить.

Он задумчиво кивнул.

— Когда мы от нее избавимся, я справлюсь по своему терминалу. Если ее имя встречается в полицейских докладах, я сам вырою ей могилу.

— Какая нам от этого будет польза?

— Вот уж не знаю, мой мальчик. Нужно что-то делать. По крайней мере мы должны попытаться наилучшим образом выйти из ситуации. Мы так здорово избавились от ужасов свиного заточения и надежно укрылись от наших преследователей. Пока это создание получает от нас деньги, мы в безопасности. До какого-то момента. И ты не можешь не признать, что она дело знает туго.

Я не знал, что ответить на его слова, оставалось только хмуро сидеть и ждать, когда вернется наш непрошенный пассажир.

После ланча мы продолжили наш вояж вниз по реке. Утомившись от принятия утренних солнечных ванн, Бет спусти

дась в каюту вздремнуть. Слон захотел сменить меня у руля, и я показал ему простую систему контроля и разъяснил кое-какие навигационные знаки. Многого мы не могли сказать друг другу. Но мы о многом думали. В полдень объект наших болезненных раздумий резво проскакала по палубе.

— Какой милый уютный кораблик,— нахваливала она.— Прелестнейшая маленькая уборная, крохотная кухонька, и все остальное. Но только две кровати. Как же мы будем все вместе спать?

— По очереди,— порывал я — ее голос стал мне уже надоедать.

— Ты всегда был таким грубияном, Джимми. Я думаю, будет лучше всего, если я буду спать внизу. А вы обойдетесь.

— Обойдемся, молодая леди, мы обойдемся? Чем человек такого преклонного возраста, как я, может обойтись на палубе, когда на землю спустится густой ночной туман? — гневу Слона не было предела, но, судя по ее веселой улыбке, он был ей до лампочки.

— Я уверена, что вы найдете выход из положения,— сказала она.— А теперь, мне бы хотелось сделать небольшую остановку в следующем городке. Я так торопилась успеть на ваше судно, что забыла все свои вещи. Одежду, косметику, ну вы понимаете.

— Думаю, тебе не потребуется много денег, чтобы купить все это? — спросил я в шутку. Но она проигнорировала мой немощный юмор.

— Тышонки хватит, надеюсь.

— Я иду вниз,— сказал Слон и не появлялся на палубе до тех пор, пока она не исчезла. Он принес два пива, и я с жадностью набросился на питье.

— Убийство исключается,— твердо произнес он.

— Убийство исключается,— согласился я.— Но это не значит, что мы не имеем права думать об этом. Так что же мы будем делать?

— Мы не можем просто сняться с якоря и уплыть. Она тут же поднимет на ноги полицию и получит вознаграждение. Мы должны это учитывать и соображать быстрее, чем она. Совершенно очевидно, что она отважилась на путешествие с нами, повинувшись внезапному импульсу. Учитывая ее жадность, необходимо продолжать давать ей деньги. Но рано или поздно она решит, что взяла с нас достаточно, и выдаст нас ради вознаграждения. У нас на борту есть такая вещица, как карта?

Его могучий ум славно потрудился, должен вам сказать. Я не стал задавать лишних вопросов и отыскал карту. Он стал водить по ней пальцем.

— Мы сейчас здесь, мне думается, да, вот в этом самом месте. А ниже по течению, вот тут, находится славный город Вэлс Хэлла. Когда мы там окажемся?

Я глянул на шкалу и замерил расстояние большим пальцем.

— Можем добраться дотуда к завтрашнему полудню, если пораньше тронемся.

Лицо его вдруг расплылось в такой широкой улыбке, что глаза превратились в узкие щелочки.

— Блестяще, просто блестяще! Это нам очень даже подойдет.

— К чему подойдет?

— К моим планам. Я пока придержу их при себе до выяснения кое-каких деталей, которые еще нужно хорошенько продумать. Когда она вернется, ты должен соглашаться со мной во всем, что бы я ни говорил. Это все, что ты должен делать. А теперь другой вопрос. Где мы будем спать ночью?

— На берегу реки,— сказал я, кивнув вниз.— Наша подруга вытянула из меня все деньги, что я взял с собой. Поэтому придется пополнить запасы из тайника. Затем я пойду на берег и куплю палатку, спальные мешки и остальные принадлежности для комфортабельной стоянки.

— Превосходно. А я пока выберу место для лагеря и подработаю свои планы до твоего возвращения.

Я купил также несколько бифштексов вместе с целой коллекцией сказочных вин. Нам нужно было что-то совершенно отличное от кухни Максимилиана. Когда солнце уже совсем склонилось к горизонту, я привязал лодку к деревьям на берегу зеленой долины, там, где мы могли пристроить нашу палатку. Слон, чмокая губами над мясом, объявил, что будет сам готовить обед. Я отбил куски мяса и, пока Слон занимался обедом, а Бет занималась своими ногтями, разложил и приготовил постели. Солнце огромным апельсином горело на горизонте, когда мы с жадностью набросились на еду. Это было потрясюще. Никто не проронил ни слова, пока мы с ней не разделались. Когда исчез последний кусочек, Слон вздохнул, поднял свой стакан, отхлебнул вина и снова вздохнул.

— Хотя я готовил обед сам, должен вам сказать, что это был просто праздник.

— И он уничтожил наконец привкус свинообразного мяса на губах,— согласился я.

— Мне не нравится вино. Гадость какая-то,— в темноте был виден только ее силуэт. Без привычного аккомпанемента ее совершенных телесных форм, ее голос, как и слова, которые она произносила, оставлял желать много лучшего. Тем не менее густой бас Слона, когда он снова заговорил, был лишен враждебности.

— Бет — ведь я могу называть тебя просто Бет, не так ли? Благодарю, Бет, завтра мы прибываем в город Вэлс Хэлла, где я должен буду сойти на берег и посетить мой банк. Наши фонды немного поредели. Тебе бы не хотелось, чтобы наши денежки вдруг кончились?

— Нет, не хотелось бы.

— Я так и думал. А тебе хотелось бы, чтобы я сходил в банк и принес тебе сто тысяч долларов мелкими купюрами?

Она чуть не задохнулась. Затем она направила выключатель, и над нашим тесным кружком вспыхнули импровизированные огни. Она сдвинула брови, глядя на Слона, и, кажется, в первый раз, потеряла невозмутимость.

— Ты что стараешься надуть меня, старина?

— Вовсе нет, девочка моя. Я просто плачу за нашу безопасность. Ты находишься в курсе определенных вещей, о которых, скажем так, лучше не рассуждать вслух. Я думаю, что эта сумма вполне приемлема для того, чтобы хранить молчание. Ты так не думаешь?

Она колебалась — затем вдруг разразилась смехом.

— Конечно, я тоже так считаю. Дай мне только взглянуть на цвет этих бумажек, и я подумаю, не разрешить ли вам продолжать свой путь без меня, бедной.

— Как скажешь, моя дорогая, как скажешь.

Он не сказал больше ни слова на эту тему. Вскоре после этого мы отправились на покой, так как для всех для нас день выдался чересчур хлопотный. Бет расположилась на лодке, а мы устроились в палатке. Когда я вернулся в нее после того, как подключил сирену, чтобы быть уверенным в том, что утром мы пойдем лодку на месте, Слон уже вовсю храпел. Прежде чем я уснул сам, я вдруг понял, что бы ни замышлял Слон, он отвоевал у нее еще один день свободы, пока она не додумалась настучать в полицию. Соблазн получить такую огромную сумму обеспечит нам ее молчание. До меня наконец дошло, что Слон несомненно так и планировал.

Спустя час после рассвета мы уже бороздили течение реки, несмотря на все протесты Бет. Она появилась позже, но гнев ее тут же растаял, когда Слон принялся описывать ей ту выгоду, которую она сможет извлекать из вложенной в банк суммы, не растрачивая попусту капитал, а тратя лишь небольшие деньги на текущие покупки, и заморозил ее, словно удав кролика. Я не имел никакого понятия о его дальнейших планах, но мне безумно нравилось каждое мгновение его хитрой игры.

К полудню я отдал швартовы на причале Вэлс Хэлла. Центр города располагался неподалеку, и Слон, причесав бороду и подкрутив усы, выглядел необычайно аккуратно и по-деловому.

— Это не займет много времени, — сказал он, уходя. Бет глядела ему вслед, заранее радуясь своему счастью.

— Это действительно тот, которого они называют «Слон», — сказала она, когда он ушел.

— С чего ты это взяла?

— Только не надо мне заливать. Я видела кадры по 3V каналу, о том, как кто-то вызволил его из заключения. Не-высокий парень с усиками. Должно быть, это был ты.

— В мире сколько угодно парней с усами.

— Никогда бы не подумала в школе, что ты кончишь этим.

— Могу то же самое сказать и о тебе. Тогда я восхищался тобой издалека.

— Так делали все достигшие половой зрелости мальчишки в нашей школе. Не думай, что я не знала об этом. Мы посмеивались над вами, я вместе с нашим учителем и другими...

Она замолчала и сердито посмотрела на меня, а я раз-

улыбался и пошел вниз мыть посуду, которую она так добросовестно игнорировала. Я почти покончил с этим занятием, когда с берега кто-то прокричал.

— На судне! Разрешите подняться на борт?

На причале стоял Слон, сияя во всем своем великолепии. Его новый костюм, должно быть, стоил скромного состояния. А чемодан, который он держал, должно быть, был изготовлен из натуральной кожи какого-то животного, с которой прекрасно гармонировала золотая отделка. Глаза Бет превратились в два блюдца. Слон взобрался на борт и заговорщически подмигнул нам.

— Лучше пойти вниз, где я мог бы показать вам, что в этом чемодане. Это не для посторонних глаз.

Бет шла впереди, а он прижимал чемодан к груди, пока я не закрыл и не запер дверь. Затем он смахнул бумаги со стола, положил на середину чемодан и, с томительной аккуратностью, расстегнул и открыл его. Даже я был потрясен. Там было намного больше, чем сотня тысяч. Бет смотрела во все глаза. Затем протянула руку и распаковала пачку тысячедолларовых купюр.

— Настоящие? Они настоящие? — спросила она.

— С гарантией монетного двора. Я сам проследил за этим, — пока она сконцентрировала все свое внимание на деньгах, он повернулся ко мне. — А теперь, Джим, не окажешь ли ты мне небольшую услугу? Ты не мог бы найти какую-нибудь веревку или шпагат, я уверен, что ты сам сообразишь что лучше сойдет. Мне бы также хотелось, чтобы была полнейшая тишина, когда ты свяжешь эту девчонку так, чтобы она не могла пошевелиться.

Я, конечно, ждал какого-нибудь подвоха с его стороны. Но только не этого. Она уж было собиралась открыть рот в громком вопле, но я дотянулся до ее прелестной шейки и с силой надавил сразу за ушами.

С какой-то первобытной радостью я разорвал одно из одеял на длинные полоски и связал ими ее нежные запястья и элегантные лодыжки. Я едва успел завязать ей рот, как она пришла в себя и попыталась вскрикнуть. Но вместо громкого вопля послышалось приглушенное хныканье.

— Она может дышать нормально? — спросил Слон.

— Она прекрасно дышит. Только взгляни, как свирепо сверкают ее глаза и сердито вздымается ее великолепная грудь. Она просто замечательно дышит через ноздри. А теперь — не объяснишь ли ты мне, что все это значит?

— На палубе, если ты так этого хочешь.

Он подождал, пока дверь за нами плотно закроется, и заговорил, потирая руки от радости.

— Наши мучения окончены, мой мальчик. Я понял это, как только взглянул на карту. Мой выбор пал на этот прекрасный город по двум причинам. Во-первых, здесь находится отделение Галактического Кредитного Банка, чем я не преминул воспользоваться — и довольно успешно, как ты уже видел.

И второй очень полезный для нас факт — в этом городе есть космодром.

Несколько секунд я ломал голову над его словами, пока до моих тугоумных мозгов не дошел наконец их смысл. От изумления я широко открыл рот и не мог произнести ни слова.

— Ты хотел сказать, что нам... мы... мы покидаем планету?

Он кивнул и усмехнулся.

— Точно так. В этом маленьком мире для нас настало, скажем так, горячее время. Оно станет еще жарче, когда наша подруга будет освобождена. Но к этому моменту, мы страхнем пыль Бит О'Хэвен с наших сапог и будем отсюда на расстоянии многих световых лет. Ты как-то говорил мне, что хотел бы попутешествовать?

— Я говорил, конечно, но разве не существует никакого контроля, досмотра, полиции и прочего?

— Существует. Но таможенные и иммиграционные службы можно обойти, если знать, как это сделать. Я знаю. И прежде чем сделать подобный шаг, я проверил, какие корабли находятся сейчас в порту. Прости, что не имел возможности предупредить тебя — но я был уверен, что твои изумительные рефлексy легко отреагируют на данное предложение. Покидая вас, я и не предполагал, что именно этот день будет началом нашей операции. Я собирался лишь добыть денег, чтобы избавиться от этой девчонки. Одновременно следя за движением кораблей. Но судьба благоволил нам. В порту загружается грузовой космический корабль с Вении — он отправляется рано утром. Замечательно, не правда ли?

— Думаю, да. Но я чувствовал бы себя более уверенно, если бы знал, почему именно Вения.

— Джим, в твоём образовании имеются огорчительные пробелы. Я думал, что каждому школьнику известно, насколько продажны венийцы. Они приносят постоянные хлопоты и огорчения Галактической Лиге, Девиз Вении — *La regloj ĉiam ŝansiligas*. Что переводится примерно так «Твердых правил не бывает». То есть, можно сказать, что на все случаи жизни существуют свои законы, но взятка может внести в них свои поправки. Я бы не сказал, что это планета уголовников, лучше будет назвать их ловкачами.

— Здорово сказано, — признал я. — Итак, что ты уже организовал?

— Пока ничего. Но мне думается, что такая возможность мне представится, как только мы прибудем в порт.

— Да, конечно, — безо всякого восторга ответил я. Было видно, что это сплошная импровизация, и весь план шит белыми нитками. Но выбора у меня не было. — А что с девчонкой?

— Мы оставим полиции записку на электронной почте, которую они получают, когда нас здесь уже не будет. И укажем в ней то место, где они могут ее найти.

— Только не здесь — слишкомлюдно. Ниже по течению есть автоматизированная пристань. Я мог бы пришвартоваться у одного из отдаленных причалов.

— Замечательное решение. Если ты объяснишь мне, как ее найти, я поспешу на космодром, чтобы подготовить там кое-что. Давай встретимся там в 23.00?

— Договорились.

Я наблюдал, как его величественная фигура исчезает в нарастающей темноте, затем завел мотор и медленно вырулил в сторону канала. Когда я добрался до пристани, уже стемнело. Но она была ярко освещена, и канал был прекрасно виден. Большинство лодок было пришвартовано близко к берегу, что было очень даже неплохо. Я выбрал самое дальнее место для причала. Спустившись вниз и включив свет, я наткнулся на свирепый взгляд прекрасных глаз. Я запер дверь за собой и сел на койку напротив Бет.

— Я хочу поговорить с тобой. Если я сниму повязку, обещаешь не кричать? Мы находимся довольно далеко от города, и тебя все равно никто не услышит. Ну как?

Она нехотя кивнула, все еще глядя на меня с нескрываемой ненавистью. Я снял повязку — и отдернул пальцы как раз вовремя, ее чудесные зубки шелкнули совсем рядом.

— Я могла бы убить тебя, растерзать тебя, зарезать, как последнюю скотину...

— Достаточно, — сказал я. — Я тот человек, который может все это сделать, а вовсе не ты. Поэтому лучше помолчи.

Она замолчала. Вероятно, до нее таки дошло, в каком положении она находится; теперь в ее глазах было больше страха, чем злобы. Мне не хотелось нагонять ужас на беззащитную девушку — но она сама запросилась на подобные разговоры. Она приготовилась слушать.

— Тебе, наверное, неудобно так лежать. Поэтому успокойся и не дергайся, а я тебя развяжу.

Она подождала, пока я освобожу ей руки, и чуть было не вонзила свои ногти мне в лицо, когда я развязывал ей лодыжки. Я ждал этого, поэтому все закончилось тем, что она вновь отлетела на свою койку, потеряв на несколько мгновений сознание.

— Веди себя здраво, — сказал я ей. — А то я быстренько свяжу тебя и всуну клип в рот. И, пожалуйста, не забывай, что ты сама запросилась к нам.

— Ты уголовник, вор. Подожди, вот доберется до тебя полиция...

— А ты шантажистка. Может, перестанем обзывать друг друга и дурачиться? А теперь слушай, что будет дальше. Мы оставляем тебя на этой лодке, а когда мы окажемся далеко отсюда, полиции будет доложено, где тебя найти. Уверен, что ты им расскажешь сногшибательную историю. Но здесь останавливаются пассажирские экспрессы, да и много скоростных магистралей. Так что ты никогда не увидишь нас больше, так же как и полиция. — Немного приврать и пустить по ложному следу никогда не повредит.

— Я хочу пить.

— Сейчас принесу чего-нибудь.

Разумеется, она тут же рванула к двери, когда я повернулся к ней спиной, и снова нацелилась мне в глаза, когда я оттолкнул ее. Я мог понять ее чувства — мне было ее даже жаль. После этого время тянулось очень медленно. Она не говорила ничего, что бы мне хотелось услышать — как, впрочем и наоборот. Так проходил час за часом, пока лодка не качнулась, когда кто-то ступил на борт. Я кинулся к ее койке, но она все же успела громко вскрикнуть, прежде чем я заставил ее замолчать. Ручка двери повернулась и шумно захлопала.

— Кто там? — окликнул я, нагнувшись и приготовившись к нападению.

— Свои, можешь мне поверить, — ответил знакомый голос. Я отпер и открыл дверь с величайшим облегчением.

— Она может меня услышать? — спросил он, глядя на лежащее на койке бесчувственное тело.

— Вполне. Дай-ка я свяжу ее для большей надежности, и тогда пройдем на палубу.

Он вышел первым, и, когда я закрывал за собой дверь, внезапная вспышка света осветила ночное небо и превратилась в огромную горящую дугу, устремленную в самую высь.

— Хорошая примета, — сказал Слон. — Настоящий космический корабль. Все готово. Дорога каждая минута, поэтому я предлагаю сейчас же хватать наши пожитки и отправляться в путь.

— На чем?

— На арендованном вездеходе.

— Можно будет проследить за его движением?

— Надеюсь, что да. Пункт проката расположен на железнодорожной станции. Я купил билеты на пассажирский экспресс, для нас двоих, думаю, ты счастлив это слышать.

— Я говорил об экспрессах нашей подруге, которая сидит взаперти.

— Два великих ума работают, как один. Думаю, мне удастся выронить билеты так, чтобы она смогла их рассмотреть, пока мы собираемся.

Мы поспешно вошли внутрь и так же быстро вышли — и я по-настоящему восхитился тем, как искусно сумел выронить Слон легко узнаваемые голубые билеты на экспресс. Они упали на одеяло из его кармана, в то время как его руки были заняты чем-то другим. Мастерски! Закрывая дверь, я не мог удержаться от соблазна послать Бет воздушный поцелуй. И получил в ответ ее сердитый взгляд и глухое рычание, которое я, конечно же, заслужил. Тем не менее, у нее оставалось еще несколько тысяч наших долларов, поэтому ей нечего было жаловаться.

Вернув вездеход и дождавшись, когда мы останемся одни на станции, мы продолжили свой путь к космодрому. До сих пор все проходило в ужасной спешке, и, только тогда, когда впереди замаячил ярко освещенный борт настоящего космического корабля, до меня наконец дошло, что же я собираюсь сделать. Я собираюсь лететь в космос! Одно дело смотреть по телевизору космические оперы — и совсем другое, отважиться

полететь туда. Я почувствовал, как по моему телу побежали мурашки. Новая жизнь обещала быть очень интересной!

— За перегородку, — приказал Слон. — Наш человек уже там.

Худой высокий человек в промасленных космических одеждах собирался выходить, но вернулся назад в кабину, когда увидел Слона.

— *Vi estas malgrua!* — сердито проворчал он.

— *Ĉu sed me havas la monon,* — ответил Слон, и в его руке мелькнула огромная пачка долларов, которая тут же успокоила его собеседника. Деньги перекечевали к нему и, после непродолжительных переговоров, за первой пачкой последовала вторая. Утолив жадность, космонавт провел нас в служебный фургончик, и мы взобрались наверх. Дверца захлопнулась, и мы погрузились в полнейшую темноту. Вот это приключение! Невидимые летательные аппараты пронеслись мимо нас, затем послышались незнакомые звуки каких-то странных ударов, за которыми последовало громкое шипение гигантской змеи. Мы тут же остановились, наш проводник вышел и открыл заднюю дверцу. Я выпрыгнул первым и оказался стоящим у подножья трапа, ведущего внутрь чего-то, что могло быть только помывочным фюзеляжем огромного космического корабля. Рядом с трапом стоял вооруженный часовой и во все глаза смотрел на меня. Все конечно, приключение завершилось, едва успев начаться. Что я мог сделать? Бежать, нет — я не мог оставить Слона. Он шагнул из-за моей спины и осторожно направился к часовому, пока я перебирал в голове различные варианты. И протянул ему еще одну пачку денег. Часовой все еще пересчитывал бумажки, а мы уже торопливо поднялись по трапу за нашим провожатым, стараясь не растерять по пути свои пожитки.

— *Eniru, rapide!* — приказал космонавт, открывая дверь каюты. Мы протиснулись внутрь и очутились в полной темноте, дверь за нами закрылась и защелкнулась на замок.

— Надежное прибежище! — Слон вздохнул с облегчением, шаря по стене рукой и отыскав в конце концов выключатель. Зажегся свет. Мы стояли в крошечной тесной каюте. В ней было две узкие кровати и совсем малюсенькая ванная комната позади. Мрачная картина. Слон благожелательно улыбался, оглядываясь вокруг.

— Нам придется остаться здесь дня на два. Поэтому давай спрячем подальше наши вещи и не будем высовываться. Иначе капитан пригрозит вернуть нас домой, и цена взятки возрастет во много раз. Я уверен, что мы сможем этого избежать.

— А я не уверен, что понимаю в этом хоть что-нибудь. Разве ты еще не отдал взятку?

— Это только первоначальные взносы. Взяткой невозможно подкупиться, это твой первый урок. Космонавт получил свое за то, что незаметно провел нас на корабль и устроил так, чтобы у трапа нас встретил милый часовой, который про-

пустил бы нас за определенную плату. Теперь это в прошлом. Наше присутствие на корабле неизвестно офицерам — и в особенности капитану, для которого потребуются очень солидные вознаграждения. Посмотрим.

— Да, хотелось бы посмотреть. Взятничество — и в самом деле точная наука.

— Так и есть.

— Как хорошо, что ты можешь говорить на их языке.

Его брови удивленно выгнулись, и он наклонился ближе ко мне.

— Ты нас не понимал? — спросил он.

— Я не изучал иностранные языки в школе.

— Иностранные! — он казался шокированным. — Из какой же глуши этой свинообразной планеты ты должен был появиться? Это не иностранный язык, дорогой мой мальчик. Это эсперанто, межгалактический язык, простой и ясный, каждый начинает изучать его с самого раннего возраста и разговаривает на нем не хуже, чем на родном. В твоём образовании большие пробелы, но это очень просто исправить. Еще до нашего следующего приземления ты сможешь разговаривать на нем. А для начала, все глаголы в настоящем времени и во всех лицах имеют окончание *as*. Сама простота...

Он замолчал, услышав, как кто-то пытается отворить дверь нашей каюты. Он прикоснулся пальцем к губам и показал на ванную комнату. Я нырнул туда и зажег свет в тот самый момент, когда Слон выключал его в каюте. Он поспешно прошмыгнул в ванную и пристроился рядом со мной. Я потушил лампу, а он захлопнул дверь в тот миг, когда отворилась дверь из коридора.

По каюте прогромыхали чьи-то шаги, и слышалось негромкое посвистывание. Обычный осмотр, ничего подозрительного не выявлено, через несколько секунд он уйдет... Но тут дверь ванной комнаты распахнулась, и вспыхнул свет. Офицер в расшитом золотом мундире посмотрел на втиснувшегося в душевую Слона, затем на меня, пригнувшегося к унитазу, и расплылся в отвратительнейшей улыбке.

— Не думал, что в нижнем отсеке будет столько работы. Безбилетники, — в его руке появился небольшой револьвер. — Выходите. Вы двое сходите на землю, а я вызываю местную полицию.

Я наклонился вперед, переложив всю тяжесть тела на ноги, и напряг мышцы, приготовившись атаковать, как только Слон сумеет отвлечь внимание офицера. Мне почему-то не очень хотелось идти против оружия с голыми руками — но еще больше мне не хотелось идти назад в тюрьму. Слон, должно быть, тоже отлично понимал это. Он протянул руку, пытаясь меня удержать.

— Постой, давай не будем спешить, Джеймс. Отдохни, пока я поговорю с этим добрым офицером.

Его рука медленно опустилась в карман, револьвер следовал за каждым ее движением. Он глубоко запустил пальцы и выудил из кармана большую пачку банкнот.

— Это аванс за небольшую услугу,— сказал он, протягивая ее офицеру, который сгреб бумажки обеими руками. Ему нетрудно было это сделать теперь, так как револьвер исчез так же быстро, как и появился. Он принялся считать, а Слон продолжал.

— Услуга, о которой мы покорно просим, заключается в том, что вы не находите нас в течение двух дней. Вы получите эту же сумму завтра, и еще через день, когда вы наконец нас обнаружите и отведете к капитану.

Деньги исчезли, зато вновь появился револьвер — рука его даже не дрогнула. Это было выполнено так виртуозно, что я подумал, что он вполне мог бы стать фокусником.

— Нет,— сказал он.— Думаю, лучше будет, если я заберу у вас все деньги, что вы спрятали у себя и в ваших сумках. Возьму их и тогда уж отведу к капитану.

— Очень даже неразумно,— строго сказал Слон.— Я скажу капитану, сколько именно вы взяли, и он облегчит ваши карманы, так что у вас ничего не останется. Я скажу ему также, кто из членов экипажа был подкуплен, и они тоже лишатся своих денег, а вы станете самым непопулярным офицером на корабле. Ведь так?

— В том, что вы сказали, есть доля правды,— задумчиво произнес он, потирая челюсть, в руках у него вновь ничего не было.— Если вознаграждение будет увеличено, возможно...

— На десять процентов, не больше,— сказал Слон и отсчитал нужную сумму.— До завтра. Пожалуйста, закройте дверь за собой.

— Разумеется. Приятного полета.

Когда он ушел, я слез наконец с унитаза и протянул Слону руку.

— Поздравляю, сэр. Вы великолепно продемонстрировали на примере науку, о существовании которой я даже не подозревал.

— Спасибо, мой мальчик. Это поможет тебе освоить азы. У него никогда не было намерения высаживать нас с корабля. Он подал заявку на торги. Я принял ее, он увеличил ставку, я согласился, и тур завершился. Он понимал, что не может запросить больше, потому что мне понадобится крупная сумма для капитана. Этого не было сказано, но тем не менее это подразумевалось. Игра шла правилам...

Его слова оборвал громкий звук сирены в коридоре, и над дверью замигал красный огонек.

— Что-то случилось? — выкрикнул я.

— Случилось то, что и должно случиться. Мы готовы к отлету. Предлагаю лечь на койки, потому что некоторые из этих старых развалин увеличивают и без того растущую силу тяжести, когда взлетают. Еще несколько минут, и мы стряхнем пыль Бит О'Хэвен с наших ног. Лучше бы навсегда. Эта тюрьма, просто ужас, а пища...

Его слова потонули в нарастающем реве, и койки начали вибрировать. Навалившаяся тяжесть сдавила мне грудь.

Совсем как в фильме, только намного более волнующе. Свершилось! Летим! Какие радости нас ждут впереди?

Радости по-прежнему далеко впереди. Матрац был совсем тонким, и от давления у меня заболела спина. Затем мы несколько раз погружались в невесомость, пока наконец не была отрегулирована искусственная сила тяжести. Или почти отрегулирована. Она действовала так, словно немного заикалась. Так же действовал и мой живот. Икота нападала на меня так часто, что в течение следующих дней я ни разу не вспомнил о еде. Зато воды с железным привкусом у нас было достаточно. Офицер продолжал получать взятки, а я продолжал лежать на койке большую часть времени и сосредоточился на занятиях эсперанто, чтобы забыть мои мучения. После двух дней тяготение выровнялось, и ко мне вернулся аппетит. Я с нетерпением ждал нашего освобождения, еще одной небольшой взяточки — и какой-нибудь еды.

— Безбилетники! — раздался голос офицера, открывшего дверь и изображавшего крайнее удивление. Специально для девушки, которая его сопровождала. — Ужасно, неслыханно! Встать, вы двое, и за мной. Капитан Гарт захочет на вас посмотреть.

Представление выглядело очень правдоподобно и было испорчено лишь его рукой, с готовностью потянувшейся за деньгами, как только девушка повернулась к нам спиной. Казалось, что ее чрезвычайно раздражало все происшествие, а может быть, она сама была частью розыгрыша. Мы долго шли по гулкому коридору, затем поднялись на три пролета вверх по металлическим ступеням к мостику. Капитан, увидев нас, остолбенел. Должно быть, он оставался единственным человеком на корабле, который ничего не знал о нашем здесь присутствии.

— Черт побери — откуда они взялись?

— Из одной из пустующих кают в отсеке С.

— Но ведь ты должен был проверить эти каюты.

— Я проверял, мой капитан, в бортовом журнале все записано. За час до старта. После этого я был на мостике с вами. Должно быть, они забрались туда позже.

— Кого вы подкупили? — спросил капитан Гарт, поворачиваясь в нашу сторону, сидящая космическая лиса с кротким выражением глаз.

— Никого, капитан, — сказал Слон, и в его голосе прозвучала искренность. — Я знаю эти старые грузовые корабли очень хорошо. Перед самым стартом охрана у трапа покидает свой пост. Мы незаметно прошли за ними на корабль и спрятались в этой каюте. Вот и все.

— Я не верю ни единому вашему слову. Говорите, кого вы подкупили, иначе вы попадете под стражу и вам грозят большие неприятности.

— Дорогой капитан, ваши честные члены экипажа никогда не взяли бы денег! — Слон не обратил внимания на чье-то громкое фырканье. — У меня есть доказательства. Все мои скромные сбережения при мне и в моем кошельке.

— Вон, — приказал капитан всем находящимся в контрольном отсеке. — Говорю всем. Я побуду на вахте. Мне нужно расспросить этих двух более подробно.

Офицеры и члены экипажа покинули помещение, их лица стали непроницаемы под его взглядом. Когда все вышли, капитан запер дверь и повернулся к нам.

— Ну, давайте, выкладывайте, — приказал он. Слон протянул невероятно огромную пачку долларов, капитан быстро пересчитал ее и покачал головой. — Маловато.

— Естественно, — согласился Слон. — Это только аванс. Полный расчет будет тогда, когда вы высадите нас на какой-нибудь подходящей планете со сговорчивыми таможенными офицерами.

— Вы просите чересчур о многом. У меня нет желания навлекать на себя неприятности со стороны местных властей за контрабанду незаконными иммигрантами. Намного легче будет встряхнуть ваши карманы прямо сейчас и распорядиться вами по своему усмотрению.

Эта уловка не произвела на Слона никакого впечатления. Он похлопал себя по карману и покачал головой.

— Вы не можете этого сделать. В моем кармане лежит чек Галактического Кредитного и Биржевого банка на сумму двести тысяч долларов. Он недействителен до тех пор, пока я не подпишу его второй раз. Вы можете делать с нами что угодно, но никогда не заставляйте меня поставить вторую подпись! Пока мы не будем стоять на твердой почве.

Капитан пожал плечами в раздумье, затем повернулся к приборам, что-то там подкорректировал, прежде чем снова обратиться к нам.

— Дело в том, что вам придется заплатить за обеды, — спокойно сказал он. — Да и на горячее мне никто не подает.

— Так точно. Давайте определимся с тарифами.

На этом дело и кончилось — но Слон прошептал мне в ухо предупреждение, когда мы шли с ним по коридору.

— Нет никаких сомнений в том, что в нашей каюте установили подслушивающее устройство. И обыскали все наши вещички. Все наши средства находятся при мне. Держись ближе ко мне, чтобы не было каких-нибудь эксцессов. Из этого офицера, например, вышел бы отличный вор-карманник. А теперь — что ты скажешь, если мы немного перекусим? Раз уж мы заплатили, пора прекратить наш вынужденный пост и устроить себе роскошный праздник.

В моем желудке что-то громко заурчало, соглашаясь с данным предложением, и мы направились к камбузу. Так как на корабле не было пассажиров, толстый небритый кок готовил только лишь простую пищу венийских крестьян. Прекрасную для местных жителей, но для других требовалось немного попривыкнуть. Вы когда-нибудь пробовали зажимать свой нос и есть одновременно? Я не стал спрашивать повара, что мы едим — побоялся, что он мне расскажет. Слон глубоко вздохнул и принялся работать вилкой над своей порцией.

— Единственное, что не вспомнилось мне насчет Венин, — мрачно произнес он, — это пища. Все-таки память избирательна. Да и кому же захочется вспоминать подобный праздник?

Я не ответил, так как в этот самый момент припал к своей чашке с теплой водичкой, чтобы хоть каким-то образом избавиться от оставшегося во рту непонятного привкуса.

— Какое блаженство, — наконец выговорил я. — По крайней мере вода здесь не такая, как из крана в нашей каюте.

Слон снова вздохнул.

— То, что ты пьешь — это кофе.

Наше путешествие нельзя было назвать забавным. Мы оба похудели, так как чаще всего проще было отказаться от еды, чем употребить ее. Я продолжал свои занятия, изучая все тонкости растрат, хищений, дачи и получения взяток, двойной и тройной бухгалтерии — все это было выдано мне на эсперанто, и в конце концов я стал говорить на нем так же свободно, как и на своем родном языке.

Во время первой посадки мы оставались на корабле, тогда как офицеры и солдаты таможенной службы наводнили его палубы.

— Не здесь, — сказал нам капитан, рассматривая на экране очертания планеты. — Очень богатое население, они не любят чужаков. А следующая планета в этой системе как раз подойдет вам, сельскохозяйственная, малонаселенная, они принимают иммигрантов, и что самое главное, у них нет таможенной службы.

— Ее название? — спросил Слон.

— Эмфисбиония.

— Никогда не слышал о такой.

— Разве это обязательно? Из тридцати тысяч населенных планет.

— Вы правы. Но все же...

Слон, казалось, был чем-то озадачен, и я не мог понять почему. Если нам не понравится эта планета, мы всегда можем скопить необходимую сумму, чтобы двинуться дальше. Но какой-то неведомый мне инстинкт заставлял Слона быть настороже. В конце концов он подкупил эконома, чтобы воспользоваться бортовым компьютером. Когда мыковыряли вилками наш обед, он рассказал мне об этом.

— Дело приобретает дурной запах — еще хуже, чем запах этой пищи, — меня ужаснули его слова. — Я не нашел в галактическом справочнике никаких данных о планете под названием Эмфисбиония. А справочник обновляется автоматически каждый раз, когда корабль приземляется в какое-нибудь обжитое цивилизацией местечко и включается в коммуникационную сеть. Добавлю к этому то, что пункт нашего дальнейшего назначения зашифрован. Только капитан знает код для получения доступа к информации.

— Что мы можем сделать?

— Ничего — до тех самых пор, пока не приземлимся. Тогда и узнаем, что он задумал.

— А ты не можешь подкупить какого-нибудь офицера?

— Уже подкупил — иначе как бы я узнал, что только капитану ведомо, куда мы движемся. Разумеется, он не сказал бы мне этого, не заплати я ему. Как это все гадко. Но я бы поступил точно так же на его месте.

Я постарался подбодрить его, но это было бесполезно. Думаю, что обед окончательно подорвал его боевой дух. Лучше всего было бы высадиться на этой планете, какой бы она ни была. Хороший вор может заработать на жизнь в любом обществе. И еще один несомненный факт. Еда просто обязана быть лучше той размазни, которую мы сейчас с трудом записывали в рот.

Мы лежали на кроватях, пока корабль не коснулся поверхности планеты и не зажглись зеленые огни. Наши скудные пожитки были уже собраны, и мы снесли их вниз в тамбур. Капитан сам следил за приборами. Он что-то бормотал, в то время как автоматический анализатор атмосферы производил свои контрольные замеры; внутренняя дверь не откроется, пока с этим не будет покончено и не будут получены результаты. Наконец прибор загудел и выдал справку, капитан удовлетворенно хмыкнул, взглянув на экран. Огромный люк со скрипом открылся, впуская струю теплого и едкого воздуха. Мы дружно потянули носами.

— Стилограф к вашим услугам, — сказал капитан Гарт. Слон только улыбнулся в ответ.

Капитан вышел первым, указывая нам дорогу, и мы последовали за ним с нашими сумками. Была ночь, над нами ярко светились звезды, из-за темной полосы деревьев неподалеку слышались крики каких-то невидимых существ. Единственным источником света был освещенный тамбур корабля.

— Ну вот и все, — сказал капитан, остановившись на последней ступеньке трапа. Слон покачал головой, указывая на металлическую поверхность площадки.

— Мы все еще на корабле. Спустимся на землю, если вас это не затруднит.

Они выбрали подходящий клочок земли неподалеку от трапа — но все же не так близко, чтобы попытаться влечь нас обратно в корабль. Слон вынул чек, взяв-таки в руки стилограф капитана, и аккуратно вывел свою подпись. Капитан — какая подозрительность! — долго сравнивал ее с верхней подписью, затем кивнул. Он торопливо зашагал к трапу, пока мы подбирали свои пожитки — затем обернулся и выкрикнул в темноту:

— Теперь они ваши!

Как только трап взмыл вверх, мощные прожекторы, прорвав темноту, ослепили нас, пригвоздив, словно мотыльков, к тому пятачку, где мы стояли. Вооруженные люди бежали к нам со всех сторон, а мы крутились на одном месте, словно зверьки в западне, совершенно растерявшись.

— Я же говорил, что здесь что-то не так, — сказал Слон.

Он уронил сумки и мрачно наблюдал за приближающимися к нам воинами.

Из темноты появилась великолепная фигура в красной униформе и остановилась перед нами, покручивая огромные и элегантные усы. Как в каком-нибудь историческом боевике, человек нес меч, плотно прижав его к бедру.

— Я заберу у вас все, что вы имеете. Все! Быстро!

Два человека в форме подбежали к нам, чтобы проследить, как мы выполним то, что нам было сказано. Они были вооружены какими-то странными ружьями с огромными стволами и деревянными прикладами. Позади я услышал скрип, это с корабля вновь опустили трап с капитаном Гартон, стоящим на последней ступеньке. Я наклонился, чтобы подобрать сумки, и, ловко извернувшись, нырнул к капитану, пытаясь его схватить. Раздался громкий выстрел, и что-то со свистом пронеслось мимо моей головы и врезалось в фюзеляж корабля. Капитан чертыхнулся и замахнулся на меня кулаком. Лучшего и не придумаешь. Я шагнул в сторону, уворачиваясь от удара, перехватил его руку и двинул ему как следует в поясницу. Он взвизгнул от боли, приятно послушать.

— Отпусти его,— сказал чей-то голос, и я глянул поверх дрожащего плеча капитана, чтобы увидеть Слона, лежащего на земле, и офицера, наступившего ему на грудь сапогом. Судя по всему, меч служил вовсе не для украшения — потому как его острее было прижато теперь к горлу Слона. Похоже, день обещал быть занятным. Я слегка сдавил шею капитана свободной рукой, прежде чем отпустить его. Он изящно соскользнул вниз, и его бесчувственная голова аккуратно приземлилась на ступеньку трапа. Я отошел от него на несколько шагов, и Слон с трудом поднялся на нетвердые ноги, отряхивая с себя пыль и поворачиваясь к человеку, пленившему нас.

— Простите меня, великодушный господин, могу ли я спросить у вас, как называется планета, на чьей поверхности мы стоим?

— Спировенте,— прозвучал сердитый ответ.

— Спасибо. Если вы позволите, я помогу своему приятелю капитану Гарту подняться на ноги, так как мне хотелось бы извиниться перед ним за запальчивость моего юного друга.

Никто не остановил его, когда он повернулся к капитану, который только что пришел в сознание и в тот же миг вновь потерял его, так как Слон хорошенько двинул ему в ухо.

— Я в общем-то человек не мстительный,— сказал он, отходя от капитана и вытаскивая кошелек. Он протянул его офицеру и сказал:

— Но на этот раз мне захотелось выразить свои чувства, прежде чем я вернусь в свое привычное дружелюбное состояние. Вы понимаете, конечно, почему я так поступил?

— Я сам сделал бы то же самое,— сказал офицер, подсчитывая деньги.— Но шутки в сторону. Больше ни слова, иначе вам придется туго.

Он отвернулся, и из темноты появился еще один человек с двумя черными металлическими скобами в руках. Слон стоял, словно оцепенев, и не сопротивлялся, когда человек наклонился и защелкнул одну из них на его лодыжке. Я не имел представления, что это за штукавина / но она мне не нравилась. На меня ее так просто не паденут. Впрочем, надели. Ружейное дуло вонзилось в мою спину, и я не выразил никакого протеста, когда вещица защелкнулась на положенном месте. Тот, кто проделал все это, наконец встал и посмотрел мне прямо в лицо. Он был так близко, что я чувствовал его влажное дыхание. Он был, в придачу ко всему, ужасно безобразен, с глубоким шрамом через все лицо, что вовсе не прибавляло привлекательности его облику. Он ткнул острым пальцем мне в грудь и заговорил:

— Я Тарс Тукас, слуга нашего могущественного властелина Кано Доссия. Но никогда не называй меня по имени; зови меня всегда хозяин.

Я назвал его как-то, как-то получше, чем просто хозяин, но тут он нажал кнопку на металлической коробке, которая висела у него на ремне. В тот же миг я очутился на земле, пытаюсь стряхнуть красную пелену, заслонившую мне от боли белый свет. Первое, что я увидел после этого, был Слон, лежащий передо мной и стонущий в предсмертной агонии. Я помог ему подняться. Тарс Тукас не должен был этого делать, по крайней мере с человеком его возраста. Когда я повернулся, он ухмыльнулся, и лицо его перекосилось в уродливой гримасе.

— Так кто я? — спросил он. Я подавил в себе искушение, если не ради себя, то ради Слона.

— Хозяин.

/ Помни об этом и не пытайся сбежать. По всей стране имеются нервные ретрансляторы. Если я включу эту штуку надолго, твои нервы перестанут работать. Навсегда. Понятно?

— Понятно, хозяин.

Доставай все, что у тебя есть.

Я достал. Деньги, бумаги, монетки, ключи, часы, какие-то детали. Он бегло обыскал меня и, казалось, был на какое-то время удовлетворен.

Пошли.

Быстро приближался тропический рассвет, и огни гасли один за одним. Мы, не оглядываясь, шли за своим новым хозяином. Слону было нелегко поспевать за ним, и мне пришлось помогать ему. Тарс Тукас привел нас к потрепанной повозке, которая стояла неподалеку. Нам указали на место сзади. Мы сидели на дощатом сиденье и наблюдали, как из грузового отсека корабля спускают на землю большие упаковочные ящики.

— Как здорово ты поддел капитана, — сказал я. — Ты, очевидно, знаешь об этой планете что-то такое, чего я не знаю. Как она называется?

— Спировенте, — он произнес это слово как грязное ругательство. Камень на шее Лиги. Капитан продал нас в рабство

со всеми потрохами. Да и сам он тоже контрабандист. Существует полнейшее эмбарго на торговлю с этим вонючим миром. А в особенности оружием — которым, я уверен, полны эти ящики. Спиовенте!

Это не много добавило к тому, о чем я уже догадался сам — ничего хорошего ждать здесь не приходится.

— Ты не мог бы быть хоть чуть-чуть посодержательней относительно этого камня на шее?

— Вина за то, что я вовлек тебя в это дело, полностью лежит на мне. Но капитан Гарт поплатится за это. Если нам ничего больше не удастся сделать, мы отдадим его на суд справедливости. Мы должны сообщить об этом Лиге каким-то образом

Это КАКИМ-ТО ОБРАЗОМ повергло его в еще большее уныние, и он обессиленно уронил голову на руки. Я сидел и молча ждал, когда он захочет продолжить разговор. И он наконец заговорил, и в отраженном свете я заметил, что в его глазах вновь появилась живая искорка.

— Nil desperandum*, Джим. Не позволяй ублюдкам сломить тебя. Мы подоспели сюда как раз вовремя. Лига впервые столкнулась с этой планетой около десяти лет назад. Она была изолирована многие тысячелетия, и дела здесь шли плохо. Это то место, где Преступление показывает себя не с лучшей стороны — потому как уголовники здесь правят бал. Сумасшедший дом, захваченный умалишенными. Сплошная анархия — нет, не совсем так — на Спиовенте анархия выглядит так, словно вся жизнь — сплошной пикник, увеселительные игрища бойскаутов. Я довольно подробно изучал систему управления на этой планете, когда разрабатывал свою собственную философскую теорию. Здесь происходит то, что соответствует канувшим в Лету мрачным векам развития человечества. Оно достойно презрения, с какой бы стороны мы ни посмотрели — но Лига ничего не может с этим поделать, кроме как пуститься на прямое вторжение. Что абсолютно не согласуется с философией Лиги. Сила Лиги оборачивается в данном случае ее слабостью. Никакая планета или планеты не могут напасть на другую планету. А если все же нападет, то будет разрушена другими, так как война в наши дни признана всеми вне закона. Лига может только лишь помочь вновь открывающимся планетам, предложить гуманитарную и техническую помощь. Ходят слухи, что существуют тайные организации в Лиге, которые работают над свержением подобных отталкивающих цивилизаций — но, конечно, это не выставляется для широкой публики. Поэтому то, что нас здесь ожидает — это неприятности и большие неприятности. Ведь Спиовенте — это кривое зеркало, в котором отражаются все современные цивилизации. Здесь нет определенных порядков — только сила. Банды уголовников управляются Капо, человек с мечом в живописной униформе, Капо Доссия, один из них. Каждый

* Nil desperandum (лат.) — никогда не отчаиваться.

Капо контролирует такую большую территорию, какую только может. Его последователи кормятся дележом добычи, выбитой из местного крестьянства или в результате удачной войны. И на самом дне этой уголовной пирамиды находятся рабы. То есть мы.

Он кивнул на наши кандалы, вызывающие болевой шок, и подавленно замолчал. Я тоже.

— Но все же мы можем с оптимизмом глянуть на вещи,— в отчаянии проговорил я.

— С каким оптимизмом?

Я и сам удивился своим словам, бешено размышляя вслух.

— С оптимизмом, да, нужно всегда смотреть на жизнь с оптимизмом. Ну например — мы теперь далеко от Бит О'Хэвен и от всех наших тамошних проблем. И готовы к новому старту.

— Со дна навозной кучи? В качестве рабов?

— Правильно! Отсюда единственное, куда мы можем двигаться — это вверх!

Его губы дернулись в слабой улыбке, отвечая на мою отчаянную реплику, и я торопливо продолжал.

— Например — они обыскали нас и забрали все вещи, что у нас были. Все, да не все. У меня сохранился маленький сувенир в ботинке, еще с моего путешествия в тюрьму. Вот этот,— я достал отмычку, и его улыбка стала заметней.— И он работает — смотри,— я открыл свой болевой обруч и показал его Слону, затем пристегнул его на место.— Итак, когда мы будем готовы бежать — мы сбежим!

Теперь усмешка на его лице превратилась в широкую улыбку. Он протянул руку и тронул меня за плечо в порыве настоящих дружеских чувств.

— Как же ты прав,— просиял он.— Мы будем очень примерными рабами — какое-то время. Достаточное для того, чтобы изучить все ходы и выходы в этом обществе, цепочку управления и возможности проникновения в нее, источники доходов и способы добраться до них. Как только я обнаружу трещины в структуре данного общества, мы вновь станем крысами. Не стальными нержавеющими, боюсь признаться, а с серой шерсткой и маленькими зубками.

— Крыса — как не назови, а звучит благородно. Мы все вынесем!

Нам пришлось подвинуться, когда первый ящик забросили на задок повозки, она затрещала и застонала под его тяжестью. Закинув последний ящик, грузчики забрались к нам сами. Я был рад, что в повозку попадало мало света — мне совсем не хотелось разглядывать их поближе. Трое неряшливых, грязных мужиков, небритых и одетых в лохмотья. И к тому же немытых, насколько мог это определить мой подергивающийся нос. Тут наверх забрался четвертый, крупнее и кошмарнее тех трех, хотя и вид его одежды был немного попрличнее. Он взглянул на нас сверху вниз, и я сразу понял, что дело дрянь.

— Вы знаете, кто я такой? Я — Бугор. Это мое стадо, и вы будете делать то, что я скажу. Для начала я скажу, чтобы ты, старикашка, снял свою курточку. На мне она будет выглядеть симпатичней, чем на тебе.

— Спасибо за намек, сэр, — очень вежливо ответил Слон. — Но думаю, что я все же оставлю ее себе.

Я знал, что он делает, и надеялся не оплошать. Здесь было не слишком много места для размаха, а этот голово-рез весил в два раза больше меня. У меня было время только для одного удара, не более, и этот удар должен быть очень хорошим и точным. Грубиян взревел от ярости и бросился к нам, карабкаясь через ящики. Охваченные ужасом рабы поспешили убраться с дороги. Я тоже отпрянул в сторону, и он, не обратив на меня внимания, прошел мимо. Прекрасно. Он почти уже добрался до Слона, когда я ударил его по загривку сцепленными вместе кулаками. Раздался глухой стук, и он свалился замертво на крышку ближайшего ящика. Я повернулся к рабам, которые наблюдали за происходящим, выпучив глаза в немом оцепенении.

— Теперь у вас новый Бугор, — сказал я им, и они торопливо закивали в знак согласия. Я ткнул пальцем в ближайшего раба. — Так как меня зовут?

— Бугор, — тотчас же ответил он. — Только не поворачивайся спиной к этому, когда он придет в себя.

— Вы поможете мне?

Усмешка обнажила его почерневшие сломанные зубы.

— Драться помогать мы не будем. Но будем предупреждать тебя, если ты не будешь бить нас, как он

— Я не собираюсь вас бить. Все поможете?

Они дружно закивали.

— Хорошо. Тогда вот вам первое задание — выбросите своего старого Бугра из повозки. Мне не хотелось бы на-ходиться с ним рядом, когда он очухается.

Они выполнили задание с большим энтузиазмом, добавив к нему несколько линков по собственной инициативе.

— Спасибо, Джеймс, ценю твою помощь, — сказал Слон. — Я предполагал, что рано или поздно тебе придется с ним сразиться, так почему бы не сделать это пораньше, использо-вав меня, как отвлекающий маневр. Ну вот, наше восхождение в данном обществе началось — раз уж тебе удалось выбраться наверх из самой низшей категории рабов. Боже праведный — а это что такое?

Я посмотрел туда, куда он показывал, и глаза мои, так же как и его, полезли на лоб. Наверное, это можно было бы назвать машиной, вероятней всего так оно и было. Оно приближалось к нам очень медленно, громящая и лязгая железом и извергая на ходу клубы вонючего дыма. Оператор развернулся перед нашей повозкой, а его помощник выпрыгнул на землю и соединил ее с тягачом. Повозка, подпрыгнув на месте, двинулась в путь.

— Посмотри внимательней, Джим, и запомни, — сказал

Слон.— Ты видишь кое-то, существовавшее на заре технологической революции, давно забытое и потерянное в глубине веков. Этот тягач приводится в движение ПАРОМ. Это паровая машина, как пить дать. Знаешь, а мне начинает здесь нравиться.

Я не был очарован этими допотопными механизмами в отличие от Слона. Мои мысли больше занимал поверженный голово-рез, и я пытался представить, что произойдет, когда он придет за мной. Я должен был поподробнее разузнать местные правила игры — побыстрее. Я пододвинулся ближе к остальным, но прежде чем мне удалось начать разговор, мы въехали на мост и, грохоча на всю округу, промчались через ворота в высокой стене. Водитель нашей паровой колесницы остановился и крикнул:

— Разгружайте здесь.

В своей новой роли Бугра я наблюдал за разгрузкой и не пытался им помочь. Последний ящик был опущен на землю, когда один из моих рабов окликнул меня.

— Вон он идет — через ворота позади тебя!

Я быстро повернулся. Он был прав. Экс-Бугор двигался на меня, готовый к бою, с горящим от бешенства лицом и налитыми кровью глазами. Взревев, как разъяренный зверь, он ринулся в атаку.

Первое, что я сделал — дал деру от нападавшего, который рычал позади меня, чуть не наступая мне на пятки. Вовсе не со страху, хотя бояться было чего, а просто потому, что мне нужно было место, где бы я мог как следует развернуться. Как только я отбежал на приличное расстояние от повозки, я повернулся и подставил ему подножку, так что он растянулся во всю длину на навозной куче. Это вызвало у зрителей бурю восторга; я мельком окинул взглядом двор, пока он поднимался на ноги. Вокруг стояли вооруженные воины, еще несколько рабов — и человек в сверкающем красном одеянии, Капо Доссия, который вычистил наши карманы. В моей голове начала появляться кое-какая идея, но прежде чем она могла приобрести определенные формы, мне нужно было двигаться, чтобы сохранить себе жизнь. Головорез кое-чему научился. Он больше не бросался на меня, как дикий зверь. Вместо этого он стал медленно подбираться ко мне, раскинув руки и растопырив пальцы. Если бы я позволил ему нежно приобнять меня, я бы не выбрался из его тисков живым. Я неспешно отступал, поворачиваясь лицом к Капо Доссия, затем отошел в одну сторону и быстро шагнул вперед. Схватив одну из протянутых рук моего соперника обеими руками, я со всей силы рванул ее на себя и вниз. Моего веса оказалось достаточно, чтобы заставить его перелететь через мое плечо и вновь растянуться во весь рост на земле. Я мигом вскочил на ноги — держа в голове ясно очерченный план действий. Показательные выступления.

— Это была правая рука, — громко выкрикнул я.

Шатаясь из стороны в сторону, он попытался возобновить атаку, и я использовал удобный момент для очередного удара.

— Правое колено.

Используя ловкий прием, я пул его по коленной чашечке. Это было довольно болезненно, и он вскрикнул, падая на землю. На этот раз он не так скоро поднялся на ноги, но его глаза были все еще полны ненависти. Он не собирался прекращать борьбу до того момента, пока не лишится сознания. Ну хорошо. Это даже лучше для демонстрации моего искусства.

— Левая рука.

Я схватил ее и заломил ему за спину, с силой толкая вперед. Он был силен — и все еще продолжал сопротивляться, пытаясь достать меня правой рукой и подставить мне подножку. Но я опередил его.

— Левая нога, — крикнул я, со всей силы двинув ему под коленку, и он рухнул на землю снова. Я шагнул назад и посмотрел на Капо Доссия. Он с пристальным вниманием наблюдал за боем.

— Можешь убить так же легко, как и плясать свой танец смерти?

Могу. Но предпочитаю не делать этого, — я почувствовал, что мой противник встал на ноги, раскачиваясь из стороны в сторону. Я слегка повернулся, чтобы краешком глаза видеть его движения. — Что я предпочитаю, так это выбить из него сознание. В этом случае я выиграю поединок — а вы не лишитесь своего раба.

Руки головореза сомкнулись у меня на шее, и он неистово загоготал. Я рисовался и прекрасно это понимал. Должен же я был продемонстрировать аудитории настоящее представление. Поэтому, совершенно не глядя в его сторону, я нанес удар согнутой рукой, вонзая свой локоть в его кишки, в самую середину под ребра, прямо в нервный узел, известный как солнечное сплетение. Он разжал руки, и я шагнул вперед, услышав позади себя глухой удар, когда он всей тяжестью своего тела повалился наземь. Без чувств.

Капо Доссия знаком подозвал меня к себе и заговорил, когда я подошел ближе.

— Это новый для нас способ борьбы, пришелец из другого мира. Мы устраиваем здесь бои среди головорезов и ставим на них деньги. Они дерутся на кулаках, молотя друг друга до тех пор, пока кровь не хлынет рекой и один из них не сможет продолжать бой.

— Такие сражения жестоки и расточительны. Знать, куда ударить и как ударить — вот это искусство.

— Но твое искусство теряет ценность против острого стального клинка, — сказал он, наполовину вытаскивая свой меч из ножен. Теперь мне нужно было действовать осторожно, а то ему вздумается покрошить меня на мелкие кусочки, чтобы посмотреть, что я буду делать.

— Конечно, с голыми руками бесполезно идти против такого мастера клинка, как вы, — насколько я понял, мечом он пользуется лишь за столом, когда нужно отрезать жаркое, но лезть могла мне здесь помочь. — Тем не менее против неумелого фехтовальщика или воина с ножом мое искусство можно применять.

Он переварил сказанное мной, затем подозвал стоявшего рядом воина.

— Ты, доставай свой нож.

Это уже не лезло ни в какие-ворота — но я не видел никакой возможности избежать схватки. Воин улыбнулся и, вытащив длинный сверкающий кинжал из ножен, горделиво двинулся ко мне. Я улыбнулся ему в ответ. Он занес кинжал над головой, пытаясь вонзить его в меня сверху — а не держа его прямо перед собой, как сделал бы опытный боец. Я дал ему возможность начать первым и не шевельнулся до тех пор, пока он не ударил. Стандартная защита. Я уклонился от удара в сторону, подставив под его запястье свое предплечье. Схватил руку с кинжалом обеими руками, повернул, вывернул и готово. Все было сделано очень быстро. Нож полетел в одну сторону, он — в другую. Я должен был прекратить демонстрацию как можно быстрее, пока в меня не полетели дубинки, ружья и прочие виды оружия, испробовать которые на мне могло прийти в голову главному головорезу. Я шагнул ближе к Капо Доссия и заговорил негромким голосом.

— Это секретные способы защиты — и убийства — принятые в нашем мире и неизвестные здесь, на Спировенте. Мне не хотелось бы показывать еще что-то. Уверен, что вы не очень-то желаете, чтобы ваши рабы овладели подобными опасными приемами. Позвольте мне продемонстрировать вам, что я умею, без этой ободранной толпы. Я могу обучать своему искусству ваших телохранителей. Ведь есть люди, которые хотят вас убить. Подумайте сначала о своей собственной безопасности.

Для меня это прозвучало, как лекция по безопасности дорожного движения, но похоже, что она имела смысл для него. Но все же я не окончательно убедил его.

— Я не люблю новых вещей, новых способов. Мне нравится настоящее положение дел.

Разумеется, когда он наверху, а остальные в цепях внизу. Я торопливо проговорил:

— То, что я делаю — не новое. Оно старо, как мир. Секреты, которые тайно передавались из поколения в поколение с незапамятных времен. А теперь эти секреты могут стать вашими. Грядут перемены, вы это знаете, а знание — сила. Когда кто-нибудь придет отобрать у вас все, что вы имеете, любое оружие пойдет в дело, чтобы разбить их.

Я нес какую-то белиберду — но надеялся, что это звучит убедительно для него. Судя по тому, что рассказал мне Слон об этом гнилом мирке, наше единственное спасение было в силе — паранойя окупала все сполна. По крайней мере это заставило его задуматься, что было, по всей видимости, весьма затруднительно для его узкого лба. Он развернулся на каблуках и зашагал прочь.

Вежливость, как и мыло, были незнакомы этой планете. Никаких «увидимся позже» или «дай мне подумать над этим». Мне потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что публика

исчезла. Разоруженный воин сердито смотрел на меня, потирая руку. Но все же он спрятал свой клинок подальше. Раз я разговаривал с самим Капо Доссия, я приобрел в его глазах определенный статус, и он не мог зарезать меня безо всякой причины. Зато запросто мог это сделать мой первый соперник, экс-Бугор. Он сидел совершенно ошеломленный, когда я подошел к нему, и смотрел на меня, прищурившись. Я постарался выглядеть скромно и застенчиво.

— Ты уже два раза подбирался ко мне. Думаю, третьего раза не будет. А если будет, то он будет последним. Ты просто умрешь, если попытаешься выкинуть что-нибудь подобное.

На его лице все еще была написана ненависть, но теперь к ней примешивался страх. Я шагнул вперед, и он съежился от страха. Вот теперь хорошо. Только не надо поворачиваться к нему спиной слишком часто. На этот раз я повернулся и гордо зашагал прочь. Он неуклюже последовал за мной и присоединился к группе ожидающих нас рабов. Казалось, он смирился со своим свержением так же, как и все остальные. В его сторону полетело несколько злобных взглядов, но насилия не последовало. Мне это нравилось. Одно дело упражняться в гимнастическом зале, и совсем другое — связываться с этими злодеями, которые и в самом деле пытаются меня убить. Слон засиял от радости, поздравляя меня.

— Молодчина, Джим, просто молодчина!

— Я устал до смерти. Что дальше?

— Из того, что мне удалось узнать, я понял, что эта группа выходная, так сказать, они отработали ночью.

— Тогда не мешало бы отдохнуть и подкрепиться.

Полагаю, что это можно было назвать едой. Единственное, что в ней было положительного — она не была настолько отвратительна, как та, что готовилась на борту венийского корабля. Огромный и чрезвычайно грязный котел бурлил над огнем у дальней стены здания. Шеф-повар, если можно назвать таким образом отвратительного вида индивидуума, такого же грязного, как и его котел — размешивал его содержимое длинной деревянной ложкой. Каждый взял себе плошку из мокрой кучи, стоявшей на столе, и повар наполнил их до краев. Нечего было беспокоиться о потерянной или сломавшейся вилке или ноже, их здесь просто не было. Все макали пальцы в чашки и засовывали пищу себе в рот, поэтому я сделал то же самое. Это была какая-то овощная размазня, почти безвкусная, но сытная. Слон сел рядом со мной на землю, прислонившись спиной к стене, и не спеша ел свою порцию. Я, закончил первым, и без труда преодолел желание сбегать за добавкой.

— Сколько нам еще оставаться рабами? — спросил я.

— Пока я не разужаю, как у них тут организована жизнь. Ты всю свою жизнь прожил на одной планете, поэтому сознательно или бессознательно ты воспринимаешь все через призму того общества, которое ты знаешь, и только его. Но это далеко не так. Культура — такое же изобретение чело-

вещества, как и компьютер или вилка? Хотя существует и разница. В то время как мы проявляем желание изменить компьютеры или есть с помощью инструментов, носители данной культуры не терпят никаких перемен. Они верят, что их образ жизни единственно верный и уникальный — и их не собьешь с пути праведного.

— Глупости какие-то.

— Так и есть. Но так как ты знаешь об этом, а они нет, ты можешь действовать, не обращая внимания на общие правила, или использовать их для своей собственной пользы. Как раз сейчас я и занимаюсь тем, что пытаюсь понять, по каким правилам живет здешнее общество.

— Постарайся, чтобы это не заняло слишком много времени.

— Обещаю, так как я и сам чувствую себя тут неуютно. Я должен определить, существует ли вертикальное движение и как оно организовано. Если вертикальной мобильности нет, мы должны будем изобрести ее.

— Ты меня совсем сбил с толку. Вертикальная что?

— Мобильность. Относительно классов и культуры. Например, эти рабы и воины снаружи. Если раб стремится стать воином и имеет такую возможность, значит вертикальная мобильность существует. Если это невозможно, значит общество состоит из неподвижных слоев, и все, чего мы можем добиться — это горизонтальное продвижение.

— Как, например, стать во главе всех рабов и лупить их направо и налево?

Он кивнул.

— Этого ты уже добился, Джим. Мы останемся рабами до тех пор, пока я не выясню, каковы наши возможности. А теперь нам надо как следует отдохнуть. Взгляни-ка, все уже давно уснуло на соломе у стен этого здания. Предлагаю присоединиться к ним.

— Согласен...

— Эй ты, поди сюда.

Это был Тарс Тукас. И, конечно же, он показывал на меня. Похоже, что сегодняшний день обещал быть долгим.

Во всяком случае мне удастся взглянуть на местные достопримечательности. Мы прошли через весь двор, арену моих славных побед, и поднялись по высоким каменным ступеням. Здесь нас встретил вооруженный стражник, а два других стояли внутри здания, лениво облокотясь на деревянную скамью, которая была тут одним из предметов роскоши. Полы были застланы плетеными циновками, на стульях и столах лежали вышитые рогожки, стены были увешаны безобразными портретами, некоторые из них отдаленно напоминали Капо Доссия. Меня втолкнули в огромную комнату с окнами, выходящими на городскую стену. За ней виднелись поля, деревья и холмы. Капо Доссия сидел в окружении небольшой компании людей, пьющих из металлических кубков. Они были довольно прилично одеты, если в ваше представление о приличной одежде входят разноцветные кожаные брюки и широкие рубахи

навыпуск. Капо Доссия махнул мне рукой.

— Ты, подойди сюда, дай нам взглянуть на тебя поближе.

Остальные повернулись в мою сторону и с интересом пялили на меня глаза, как на породистую лошадь на аукционе.

— Он и в самом деле свалил с ног того верзилу, даже не пустив в ход кулаки? — спросил один из них. — А с виду он такой хилый и щедушный, если не сказать уроден.

Бывают моменты, когда рот нужно открывать только лишь для того, чтобы положить туда еду. Наверное, это был тот самый момент. Но я так устал и был сыт по горло поворотами судьбы, да к тому же настроение было настолько препоганейшее, что меня прорвало.

— Да уж не щедушнее и уродливее тебя, свинья задница.

Тут уж я достал его как следует. Он взвыл от ярости, весь залившись краской — выхватил длинную стальную саблю и бросился ко мне. Времени на размышление не было, нужно было действовать. Один из этих франтов стоял рядом со мной, вытянув перед собой кубок с вином. Я выхватил его у него из рук, развернулся и выплеснул содержимое в лицо ринувшемуся в атаку. Большая его часть пролетела мимо, но все же несколько капель попало ему на одежду, что привело его в еще сильнейшую ярость. Размахнувшись, он полоснул саблей воздух, и я поймал удар металлическим кубком, отводя его в сторону. Скользя кубком по лезвию до самых пальцев воина, я схватил и резко заломил его руку. Он издал изумительный вопль и выронил саблю на пол. После этого он изогнулся в одну сторону, подставив на прощанье под удар спину. Но тут кто-то сзади подставил мне подножку, и я растянулся на полу во весь рост.

Они посчитали это забавным происшествием, по всей видимости, потому что все, что я услышал, был их веселый смех. Когда же я потянулся за упавшим клинком, один из них пнул его в сторону. Дела мои, похоже, были плохи. Я не мог сражаться сразу со всеми. Нужно было найти какой-то выход. Но было поздно. Какие-то двое сбили меня с ног, напав сзади, а третий пнул в бок. Прежде чем я успел подняться, мой сабленосец прыгнул мне на грудь, прижав меня коленом к полу и размахивая надо мной безобразной формы кинжалом.

— Это что еще за тварь, Капо Доссия? — выкрикнул он, держа меня за подбородок свободной рукой и приставляя кинжал совсем близко к моему горлу.

— Пришелец из другого мира, — ответил Капо Доссия. — Они сбросили его с корабля.

— Он представляет для тебя какую-нибудь ценность?

— Не знаю, — сказал Капо Доссия, глядя на меня несколько растерянно. — Может быть. Но мне не очень-то нравятся его инопланетные штучки. Да прирежь ты его, и дело с концом.

Я не шевельнулся ни разу во время их занимательной беседы, потому как мне самому было интересно узнать, чем она завершится. Но теперь надо было шевелиться. Человек с кинжалом вскрикнул от боли, когда я круто вывернул его руку, наверное, даже сломал ее — и схватил клинок, как только

он разжал пальцы. Все еще держась за него, я вскочил на ноги, а затем швырнул его в толпу сотоварищей. Они попытались наброситься на меня сзади, но тут же отпрянули, когда я размахнулся и провел кинжалом по кругу. Теперь вперед, бежать со всех ног, пока они не повтыскивали свое собственное оружие. Спасать свою шкуру.

Единственное направление, которое я знал, вниз по ступеням. Врезавшись на ходу в Тарса Тукаса, я мимоходом двинул ему, и он упал на пол без чувств. Позади меня раздавались яростные крики и рев, и я, не теряя зря времени, понесся вниз. Вниз, перепрыгивая через три ступени, вниз, к стоявшим у входа стражникам. Не успели они вскочить на ноги, как я налетел на них, и мы все повалились на пол. Одного я прижал коленом у самого горла, выхватывая у него из рук ружье. Второй пытался прицелиться в меня из своего оружия, но я как следует врезал ему в ухо прикладом захваченного мной обрезка. Громкий топот несся мне вслед, когда я прорвался через дверь наружу и очутился лицом к лицу с удивленным стражником. Он выхватил из ножен свой меч, но прежде чем смог воспользоваться им, рухнул без сознания на землю. Я бросил кинжал и подхватил его более смертоносное оружие. Вперед, к воротам, через которые мы въехали в замок. Они были прямо впереди. Широко распахнутые и надежно охраняемые вооруженными людьми, которые уже вскинули свои ружья. Я резко свернул к барaku для рабов, когда они открыли огонь. Я не знаю, куда летели их пули, но, завернув за угол, я все еще оставался жив. Один меч, одно ружье и некто Джимми ди Гриз, уставший до смерти. Который и не подумал останавливаться или замедлить ход. Стена была совсем рядом — обстроенная лесами и со свешивающейся до земли веревочной лестницей, на которой каменщики производили какие-то ремонтные работы. Я хрипло крикнул и замахал оружием, и рабочие бросились врассыпную. Со всех ног я помчался к лестнице, успев заметить, как пули отскакивают от стены со всех сторон и осколки камня разлетаются вокруг. Затем я взобрался на самый верх стены и, переводя дыхание, в первый раз рискнул взглянуть на то, что делается позади меня. Прямо мне в лицо посыпался град пуль, которые просвистели у меня над головой. Капо Дессия и его придворные прекратили погоню, предоставив это стражникам, и стояли теперь позади них, сыпля проклятиями и размахивая оружием. Очень впечатляюще. Я втянул голову в плечи, когда они снова открыли огонь.

Несколько стражников карабкались по городской стене и приближались ко мне. Что, конечно, ограничивало мои возможности. Я глянул со стены вниз и увидел коричневую поверхность воды, простиравшуюся у самого подножья замка. Вот тебе и выбор!

— Джим, ты должен научиться держать язык за зубами, — сказал я себе, затем сделал глубокий вдох и прыгнул вниз.

Бултыхнувшись в воду, я завяз в ней по самую шею. Жидкая коричневая грязь испортила мой прыжок, и теперь

мне приходилось бороться с ней, вытаскивая с трудом то одну ногу, то другую из липкой жижи, пока я наконец не добрался до дальнего берега. Мои преследователи все еще не показывались — но должны были вот-вот нагнать меня. Все, что я мог сделать в этой ситуации, это двигаться дальше. Ползком по травянистому берегу пруда, сжимая в руках лохищенное оружие, я скрылся наконец под сенью деревьев. Стражников все еще не было. Должно быть, они пошли в обход по мосту и только затем вышли на мой след. Я не мог поверить в свою удачу, пока не грохнулся плашмя на землю, вскрикнув от переполнявшей меня боли. Боли невероятной, затмевающей белый свет, волю, разум. Потом она прекратилась, и я смахнул слезы с глаз. Кандалы — я совсем забыл про них. Тарс Тукас, должно быть, пришел в сознание и теперь нажимал свою чертову кнопку. Что он про нее сказал? Оставь он ее надолго включенной, и она прекратит работу всех моих нервных окончаний, просто убьет меня. Я дотянулся до своего ботинка и спрятанной в нем отмычки, но тут боль вновь пронзила меня. Когда она прекратилась на этот раз, я был так слаб, что едва мог пошевелить пальцами. Неужелюбе ковыряя в замке отмычкой, я подумал, какие же они все-таки садисты. При нажатой кнопке я был фактически мертв. Но кому-то, скорее всего Капо Доссия, хотелось заставить меня страдать и в то же время дать мне понять, что у меня нет никакого выхода. Отмычка была наконец вставлена в замок, когда боль охватила меня еще раз. Когда она отошла, я лежал без движения на боку, отмычка выпала из моих рук, и пальцы совершенно не слушались.

Но я должен был ими шевелить. Еще одна волна мучений, и для меня все будет кончено. Я буду лежать в этом лесу, пока не умру. Пальцы мои дрожали, но слегка шевельнулись. Отмычка вновь скрежетнула по замочной скважине, слабо повернулась...

Потребовалось невероятно много времени, чтобы красная пелена спала с моих глаз и муки предсмертной агонии оставили мое тело. Я не мог двигаться, и мне казалось, что я никогда не сумею подняться. Пришлось моргнуть несколько раз, чтобы смахнуть из глаз слезы и увидеть... Увидеть самую прекрасную картину в мире! Отстегнутый болевой обруч валялся передо мной на пожухлых листьях! Только уверенность нашего завоевателя в том, что болевая машина ведет к неминуемой гибели, спасла мне жизнь. Преследователи не спешили; я мог слышать их разговор, когда они пробирались через лес в мою сторону.

— ...где-то здесь. Почему они не оставили его в живых?

— Оставить отличного стрелка и фехтовальщика? Об этом не могло быть и речи. Капо Доссия пожелал повесить его тело во дворе замка, чтобы оно висело там, пока не сгниет. Никогда не видел его в таком гневе.

Жизнь медленно возвращалась в мое онемевшее тело. Я отполз со звериной тропы, по которой я до этого пробирался

по лесу, и спрятался под сенью низкорослого кустарника, расправляя за собой примятую траву. И как раз вовремя.

— Смотри — он вышел из воды вот в этом месте. И пошел по этой тропе.

Тяжелые шаги приблизились ко мне и прошагали мимо. Я стиснул в руках оружие и сделал единственно возможное в этой ситуации. Затих, лежа на траве, и ждал, когда силы окончательно вернутся ко мне. Должен признаться, что это был довольно скверный момент в моей жизни. Один, без друзей, трясущийся от боли, смертельно усталый, преследуемый вооруженными людьми, посланными убить меня, мучимый жаждой... Можно еще перечислять. Единственное, чего мне не доставало, так это вымокнуть до нитки под дождем.

И дождь пошел!

В жизни бывают взлеты и падения, прекрасные и отвратительные моменты, возвышенные и подавленные состояния души, но чувства никогда не могут переполнить вас до предела. Если вы кого-нибудь любите очень сильно, вы не сможете любить его еще сильнее. Я так думаю. Никогда не имел личного опыта на этот счет. Зато у меня было предостаточно опыта насчет попадания в волчьи ямы. Где я и находился сейчас. Дальше опускаться было некуда, и ничто не могло ввергнуть меня в еще большее уныние. Разве что дождю это удалось. Я начал потихоньку хихикать — затем мне пришлось прикрыть рот рукой, чтобы не расхохотаться вслух. Когда же смех утих, во мне поднялась ярость. Так не обращаются со скромной, но разозлившейся крысой из нержавеющей стали!

Которая к тому же опасается заржаветь. Я выпрямил ноги и с трудом подавил вырвавшийся стон. Боль все еще не отпускала, но злость начала ее заглушать. Я зажал в руке ружье и воткнул меч в землю и, ухватившись за ветви деревьев свободной рукой, заставил себя подняться на ноги. Опершись на меч, я стоял, раскачиваясь из стороны в сторону. Но не падал. Наконец я смог сделать один нетвердый шаг, за ним другой, и зашагал, еле передвигая ноги, прочь от своих преследователей и углового окружения Капо Доеся. Лес был довольно густой, и я пробирался по невидимым тропам неизмеримо долгое время. Я оставил погоню далеко позади, я был в этом уверен. Поэтому, когда лес начал редеть, а затем и совсем кончился, я прислонился к дереву, переводя дух, и оглядел вспаханные поля. Настало время вернуться в логовище человека. Там, где есть пахота, должны быть и пахари. Их трудно было найти. Когда ко мне вернулись силы, я побрел, спотыкаясь, вдоль кромки поля, готовый в любую минуту скрыться в лесу при виде вооруженного человека. И тут я очень обрадовался, увидев небольшой фермерский домик. Он словно врос в землю и был покрыт соломой, и в нем не было окон. По крайней мере с этой стороны. Зато был дымоход, из которого тонкой струйкой поднимался дымок. Топить печь в таком знойном климате не было необходимости, значит это был кухонный очаг. Еда. При мысли о еде мой желудок начал бурлить и

урчать, и выражать недовольство. Я чувствовал то же самое. Не мешало бы подкрепиться и промочить горло. Нельзя было найти лучшего места для этого, чем эта заброшенная богом и людьми ферма. Это правда. Я зашагал по борозде к дому и, обойдя его кругом, очутился перед входом. Никого. Но через открытую дверь неслись чьи-то голоса, даже смех — и запах стряпни! Ура! Я медленно прошел в открытую дверь, через прихожую.

— Привет, народ. Смотрите-ка, кто пришел к вам на обед.

Вокруг отдраенного скребком деревянного стола их собралось не меньше, чем с полдюжины, молодых и старых, толстых и худых. С одинаковым выражением крайнего удивления на лицах. Даже ребенок перестал плакать и, подражая взрослым, уставился на меня. Седой старикан нарушил всеобщее оцепенение, вскочив с такой поспешностью, что его табурет о трех ногах перевернулся на пол.

— Добро пожаловать, ваша честь, добро пожаловать, — он изо всех сил дернул себя за чуб, низко кланяясь в знак того, что он очень обрадован моим визитом. — Чем мы можем помочь вам, достопочтенный господин?

— Если бы вы могли поделиться своей трапезой..

— Проходите! Садитесь! Обедайте! У нас, правда, очень скромный стол, но мы с радостью разделим его с вами. Сюда!

Он поставил на место свой стул и пригласил меня сесть. Остальные стремглавы вылетели из-за стола, чтобы не беспокоить меня. Видимо, они без труда умели распознавать человеческую натуру и поняли, что я надежный парень — а может, они просто увидели мой меч и ружье. Деревянная плочка была наполнена из котла, висящего над огнем, и поставлена передо мной. Уровень жизни здесь был немного выше, чем в загоне для рабов, так как меня снабдили деревянной ложкой. Я набросился на еду с нескрываемым удовольствием. Это было овощное рагу, в котором иногда попадались кусочки мяса, все было свежесорванное и имело чудесный вкус. В глиняной чашке подали ледяную воду, и мне ничего больше не было нужно. Пока я уплетал свой обед, сбившиеся в кучку фермеры тихонько о чем-то перешептывались в дальнем углу комнаты. Сомневаюсь, что они затевали что-нибудь невероятное. Тем не менее, я приглядывал за ними одним глазком и держал руку рядом с рукояткой меча, лежавшего на столе. Когда я разделался с рагу и громко отрыгнул — они дружно загудели на этот мой благоприятный отзыв о их кулинарном искусстве, — старик отделился от толпы и вышел вперед. Он толкал перед собой растерянного юношу, который выглядел ничуть не старше меня.

— Достопочтенный господин, могу ли я говорить с вами? — я махнул рукой в знак согласия и вновь отрыгнул. Он улыбнулся в ответ и кивнул. — О, вы льстите моим кулинарным способностям. Вы, как видно, человек большого ума и с хорошим чувством юмора, образованный и красивый, а также великолепный воин, позвольте предложить вам одно небольшое дело.

Я снова кивнул: лезть откроет перед вами любые двери.

— Это мой третий сын, Дренг. Он силен и прилежен, очень хороший работник. Но наше хозяйство небольшое, а голодных ртов много, нам трудно прокормить их, тем более, что половину того, что мы выращиваем, приходится отдавать нашему дорогому Капо Доссия ради его покровительства над нами.

Говоря это, он опустил голову, но в его голосе наравне с покорностью звучала жгучая ненависть. Мне подумалось, что единственно, от кого Капо Доссия мог защищать этих бедных людей — это от самого Капо Доссия. Он подтолкнул Дренга вперед и сдвинул его бицепс.

— Как камень, сэр, он очень сильный. Он всегда стремился стать наемным воином, как ваша честь. Воином, вооруженным и уверенным в своих силах, состоящим на службе у какого-нибудь достойного господина. Благородное занятие. Которое к тому же даст ему возможность прикоснуться своей бедной семье несколько гроутов*.

— Я не занимаюсь набором солдат.

— Разумеется, достойный господин! Если он пойдет копьеносцем к Капо Доссия, он не заработает ни денег, ни славы, только скорую смерть.

— Правда, правда, — согласился я, хотя слышал об этом впервые в жизни. Ход мыслей старика несколько озадачил меня, но это было полезно для изучения образа жизни на Сливенте. Его рассуждения мне не очень понравились. Я отпил еще немного воды и попытался выдавить из себя очередную отрывку, чтобы убажить повара, но не смог. А старик тем временем продолжал.

— У каждого воина, такого как вы, должен быть слуга-оруженосец. Осмелюсь спросить — мы посмотрели вокруг и обнаружили, что вы один — что случилось с вашим оруженосцем?

— Убит в сражении, — симпровизировал я. Он, казалось, был этим просто ошарашен, и я сообразил, что оруженосцы, видно, не должны принимать участие в битве. — Когда враг неожиданно напал на наш лагерь. — Это было уже лучше, он кивнул понимающе. — Я, конечно, отомстил за бедного Смелли. Но на то она и война. Суровая штука.

Моя аудитория понимающе забормотала что-то в углу, так что я спорил, наверное, не очень большую глупость. Я пододвинул юношу.

— Поди сюда, Дренг, и Расскажи мне о себе. Сколько тебе лет?

Он посмотрел на меня из-под длинной пряди волос и, запинаясь, проговорил.

— Скою четыре, как раз на Праздник Земляного Червя.

Я не стал уточнять детали насчет этого праздника с отталкивающим названием. А он был довольно взрослым

* Гроут (истор.) — монета в 4 пенса.

для своего возраста. Или на этой планете был слишком длинный год. Я кивнул.

— Хороший возраст для оруженосца. А теперь скажи-ка мне, ты знаешь свои будущие обязанности? — да уж, конечно, получше меня, так как я совсем не знал. Он энергично закивал в ответ.

— Это я знаю, сэр, хорошо знаю. Старик Кветчи был когда-то солдатом и рассказывал мне об этом много раз. Чистить и полировать меч и ружье, приносить пищу из общего котла, наполнять фляжку водой, давить вшей камнями...

— Прекрасно, достаточно. Вижу, что ты все отлично знаешь. Даже насчет последней не очень приятной процедуры. Ну а за свои труды ты рассчитываешь получить от меня уроки воинской профессии, — он быстро закивал в знак согласия. В комнате все притихли, пока я обдумывал свое решение.

— Ну ладно, так и сделаем.

Радостные крики эхом отражались от соломенной крыши, и старик вытащил откуда-то глиняный кувшин, наполненный не чем иным, как домашним пивом. Похоже, дела мои пошли на лад, хоть чуточку, но уж точно на лад.

В связи с новым назначением Дренга работы в тот день прекратились. Домашнее пиво было сущей гадостью, но оно содержало немалую долю алкоголя. А это было как нельзя кстати. Я выпил немного, чтобы притупилась боль, но не слишком усердствуя, чтобы не свалиться пьяным под стол, как все остальные. Я подождал, пока старик дойдет до кондиции, и стал потихоньку выведывать у него информацию.

— Я пришел сюда издалека и не имею представления о местных событиях, — сказал я ему. — Слышал, однако, что у вас тут свирепствует здешний забияка, Капо Доссия, грубиян и хвостун.

— Грубиян! — прорычал он и добавил к этому множество красочных эпитетов. — Ядовитые змеи расползаются во все стороны от страха, когда он приближается. И всем хорошо известно, что его взгляд может убить младенца.

Похоже, что так оно и было, но это не представляло для меня большого интереса. Видно, я не рассчитал продолжительность попойки, и теперь бесполезно было ждать от него чего-нибудь вразумительного. Я поискал глазами Дренга и обнаружил, что он с жадностью прильнул к огромному глиняному кувшину с пивом. Я отобрал у него напиток и стал трясти его до тех пор, пока он немного не очухался.

— Пойдем. Нам уже пора прощаться...

— Уходим?.. — он быстро заморгал, стараясь сосредоточить свой взгляд. Без особого успеха.

— Мы. Уходим. Сейчас. Е поход.

— А-а, в поход. Я возьму свое одеяло, — он стоял, раскачиваясь из стороны в сторону и не переставая быстро моргать. — А где ваше одеяло, я понесу его?

— Враги отобрали, как и все остальное, что у меня было, кроме меча и ружья, которые я не выпущу из рук, пока в моей груди бьется сердце.

✓ Сердце в груди... Здорово! Я возьму одеяла.

Он покопался в дальнем углу комнаты и появился с двумя пуховыми одеялами, не обращая внимания на причитания хозяйки по поводу зимних холодов. Даже самые необходимые вещи нелегко доставались здешнему крестьянину. Я должен буду со временем добыть для Дренга хоть немного гроутов. Он стоял теперь с висящими через плечо одеялами и большой кожаной сумкой, набитой до отказа — с пристегнутым к ремню угрожающего вида ножом в деревянных ножнах. Я подождал снаружи, не пожелав наблюдать за традиционной сценой расставания, полной слез и прощальных напутствий. Наконец он вышел, немного протрезвившись, но все еще слегка покачиваясь на ногах.

— Ведите, хозяин.

— Ты будешь показывать мне дорогу. Я хочу посетить замок Капо Доссия.

Нет! Неужели вы и вправду хотите сразиться с ним?

— Когда-нибудь, когда придет время. А пока все дело в том, что там у него взаперти сидит мой друг. Мне нужно послать ему небольшое сообщение.

— Очень опасно даже просто близко подходить к замку.

— Я это знаю, но я ничего не боюсь. И мне нужно связаться со своим другом. Показывай дорогу — и лучше через лес, если ты не против. Мне не хотелось бы, чтобы нас заметил Капо Доссия или его люди.

Очевидно, Дренгу тоже не хотелось этого. Он совсем протрезвел, ведя меня по едва заметным лесным тропам к противоположному концу леса. Я осторожно выглянул на дорогу, ведущую к подъемному мосту и ко входу в замок.

— Еще чуть-чуть, и они увидят нас, прошептал он. Я посмотрел вверх на полуденное солнце и кивнул в знак согласия.

— Ну и денек. Мы заляжем здесь в лесу, а дальше двинемся под утро.

— Нельзя двигаться дальше! Это смерть! — он застучал зубами, хотя день был жаркий. Он торопливо повел меня назад в лесную чащу, в неглубокую ложбину, покрытую травой и с бегущим по ней быстрым ручейком. Он достал из сумки глиняную чашку, наполнил ее водой и принес мне. Я припал к ней и подумал, что иметь оруженосца — это не так уж плохо. Сделав свое дело, он расстелил одеяла на траве и тотчас же уснул на них. Я сел, прислонившись спиной к дереву и в первый раз осмотрел ружье. Оно было совершенно новое и блестяло на солнце и никак не сочеталось с этим вывихнутым миром. Вне всякого сомнения, оно попало сюда с венийского корабля. Слон говорил, что они, должно быть, промышляют контрабандой оружия. И вот это оружие я держал сейчас в своих руках. Я стал рассматривать его более внимательно. Никаких отличительных знаков, ни номера, ни серии — никаких отметок, где оно было изготовлено. Это и понятно. Если хоть одно ружье попадет в руки представителю Галактической Лиги, невозможно будет отследить, как оно попало на эту

планету и откуда. Ружье было небольшого размера, что-то среднее между стандартной винтовкой и пистолетом. Могу похвастаться, что немного знаком со стрелковым оружием — являясь почетным членом Стрелкового Клуба Пёли Гейтс, так как я довольно метко стреляю и не раз помогал им выигрывать призы — но ничего подобного я раньше не видел. Я заглянул в ствол. Тридцатый калибр, непривычно для гладкоствольного оружия. С жестким прицелом, спусковым крючком с предохранителем, с небольшим рычажком на стволе. Я повернул его, и ружье переломилось пополам. По земле рассыпалась целая пригоршня маленьких патрончиков. Я внимательно разглядел один из них и начал наконец понимать, как же обращаться с этим ружьем.

— Ловко. Никаких канавок и пазов, поэтому нечего беспокоиться, чтобы ствол был чист. И чтобы не делать лишних выстрелов, пули снабжены крохотными плавничками, чтобы они летели прямо и никуда не сворачивали. И, ха-ха, продавали бы славную дырочку в теле того, в кого попали бы. Да тут и гильзы нет — никаких забот об использованных медяшках, — я заглянул в патронник. — Все очень рационально и понятно любому дураку. Вложи патроны в углубление в стволе. Когда ты это сделаешь, вложи еще один в патронник. Закрой и защелкни. Небольшой фотоэлемент, чтобы подзаряжать батареи. Нажимай на курок, экран в патроннике накаляется добела, и от него загорается заряд. Газ в патроне от температуры расширяется и вырывается из него наружу, вместе с пулей — а какая-то его часть вталкивает следующий патрон в патронник. Примитивно, безопасно для неумелого стрелка, просто в обращении. И смертоносно.

Подавленный и уставший, я положил ружье рядом с собой, пристроил меч поближе, лег на одеяло и последовал хорошему примеру Дренга.

К восходу солнца мы выпались и немного проголодались. Дренг принес мне воды и протянул полоску чего-то, что напоминало вяленую кожу. Он взял такую же себе и принялся усердно жевать ее. Завтрак в постели — просто замечательно! Я надкусил свой кусочек и чуть не сломал себе зуб. Это не только напоминало вяленую кожу, но и имело точно такой же вкус.

К тому времени, когда мост, лязгая цепями, опустился вниз, мы лежали в рощице на холме совсем рядом с замком. Это было самое близкое укрытие, которое мы смогли найти. По понятным причинам, все деревья и кусты на подступах к воротам были вырублены. Оно располагалось не так близко, как мне бы того хотелось, но приходилось с этим мириться. Но для Дренга оно находилось слишком близко, судя по тому, как он дрожал всем телом, прижавшись ко мне. Первым из ворот вышел невысокий вооруженный человек, за которым следовали четыре раба, волоча за собой повозку.

— Что сейчас будет? — спросил я.

— Сбор налогов. Идут получать свою долю урожая.

— Мы видим, кто выходит из ворот — а ваши фермеры когда-нибудь входят в замок?

— Боже упаси! Никогда!

— А разве вы не продаете им продовольствие?

— Они сами берут у нас все, что им нужно.

— И дрова вы им тоже не продаете?

— Они тащат у нас все.

Да, у них какая-то односторонняя экономика, мрачно размышлял я. Но я должен был на что-то решиться, ведь не мог же я оставить Слона в качестве раба в этом проклятом богом месте. Мои размышления были прерваны возникшим за воротами переполохом. И тут, словно мои мысли смешались с действительностью, из ворот выскочила тучная фигура, сбив на ходу стражника, и со всех ног помчалась прочь. Слон! Бегущий во весь опор. Но ему вдогонку уже неслись вооруженные стражники.

— Возьми вот это и беги за мной! — крикнул я, пытаюсь всучить Дренгу рукоятку меча. Я помчался вниз по склону так быстро, как только мог, крича на ходу, чтобы привлечь их внимание. Но они даже не смотрели в мою сторону, пока я не выстрелил поверх их голов.

И тут началось. Стражники замедлили бег, один из них даже припал к земле, прикрыв голову руками. Слон продолжал удирать — но один из его преследователей оказался совсем рядом за его спиной, размахивая длинным копьём. Он достал-таки им Слона и сбил его с ног. Я выстрелил на бегу еще раз, перепрыгивая через Слона и свалив копыеносца прикладом своего ружья.

— Вверх, на холм! — выкрикнул я, когда увидел, что Слон пытается подняться на ноги; кровь заливала всю его спину. Я бабахнул еще раза два и повернулся, чтобы помочь ему. И увидел, что Дренг сжимал рукой меч — но лежал, не двигаясь, на вершине холма.

— Спускайся вниз и помоги ему, а то я сам тебя убью! — крикнул я, оборачиваясь и открывая огонь по врагу. Я никого не задел, но не давал им поднять головы. Слон, спотыкаясь, карабкался наверх, и Дренг, в котором заговорила совесть — или страх, что я и в самом деле убью его — спустился вниз к нам на помощь. Над нами свистели пули, поэтому я, крутясь как волчок, палил во все стороны.

Мы добрались до вершины невысокого холма и помчались в сторону спасительного леса. Нам пришлось наполовину тащить на себе грузное тело Слона, потому что он еле волочил ноги, спотыкаясь на каждом шагу. Я мельком взглянул на его спину — и убедился, что рана неглубокая, ничего страшного. наших преследователей все еще не было видно, когда мы на полном ходу врезались в густые заросли кустарника и скрылись под сенью деревьев.

— Дренг, выводите нас отсюда! Они не должны нас теперь поймать!

К нашему великому удивлению, не поймали. Деревенский

парень, должно быть, озорничал в этих лесах всю свою молодую жизнь, потому что знал здесь все тропинки и дорожки. Но все же нам пришлось нелегко. Валясь с ног от усталости, мы взобрались на невысокий травянистый склон с редкими жалкими кустиками. Дренг раздвинул ветви в одном месте и открыл перед нами вход в неглубокую пещеру.

— Я как-то загнал сюда пушного зверька. Никто больше не знает об этой пещере.

Вход был очень узким, и нам стоило больших трудов протолкнуть Слона внутрь. Но внутри пещера расширялась, и мы могли свободно сидеть, хотя стоять места было уже маловато. Я взял одно из одеял, расстелил его на земле и завернул Слона, положив его на бок. Он застонал. Все его лицо было покрыто грязью и синяками. Ему досталось больше всех. Но, взглянув на меня, он нашел в себе силы улыбнуться.

— Спасибо тебе, мой мальчик. Я знал, что ты будешь там.

— Ты знал? Я и сам этого не знал до последнего момента.

— Ерунда. Но давай быстрее, пожалуйста...

Он скорчился от боли и застонал, выгнув тело от невыносимых му́к. Болевой обруч — я совсем забыл про него! А он все еще продолжал принимать сигнал, несущий неминуемую гибель. Поспешишь — людей насмешишь. Поэтому я, немного поумерив пыл, неторопливо снял с ноги ботинок, открыл заветный тайничок и достал из него свою отмычку. Наклонился, вставил ее в замочек — и обруч, щелкнув, разомкнулся. Боль пронзила мою руку, пальцы стали неметь, и я с силой отбросил эту штуку в сторону.

Слон лежал без чувств и тяжело дышал. Ничего не оставалось делать, кроме как сидеть и ждать.

— Ваш меч, — сказал Дренг, протягивая его мне.

— Займись им пока сам. Если ты думаешь, что можешь с ним справиться.

Он опустил глаза и с дрожью в голосе произнес:

— Я хочу быть храбрым воином, но я такой трусливый. Я не мог двинуться с места, чтобы помочь вам.

— Но ведь в конце концов ты смог. Запомни вот что. На свете нет такого человека, который бы не испугался чего-нибудь в тот или иной момент. Смел не тот, кто ничего не боится, а тот, кто умеет преодолеть свой страх и идти вперед.

— Превосходная мысль, молодой человек, — раздался низкий голос. — Которую всегда следует помнить.

Слон пришел в себя, и на его измученном лице появилась слабая улыбка.

— Так вот, Джим, я говорил, прежде чем они включили свою адскую машинку, что я знал, что ты будешь сегодня там. Ты на свободе — и я знал, что ты не оставишь меня в этом проклятом богом месте. Твой побег произвел громадный переполох и много шума, беготню взад и вперед до самого вечера, пока ворота не закрыли на ночь. Было совершенно очевидно, что тебе не удастся пробраться внутрь в это время. Но на

рассвете ворота вновь открываются, и у меня не было ни малейшего сомнения, что ты будешь где-нибудь поблизости, стараясь найти какой-нибудь способ вытащить меня. Простая логика. Я еще упростил твою задачу, выйдя к тебе навстречу.

— Очень просто! Но ведь тебя чуть не убили!

— Но не убили же. И теперь мы вдвоем, в надежном месте, далеко от них. Плюс ко всему я вижу, что ты сумел привлечь на нашу сторону союзника. Хорошо потрудились за день. А теперь один очень важный вопрос. Что мы будем делать дальше?

Действительно, что?

— Что касается того, что нам делать дальше — ответ предельно ясен, — сказал я. — Мы остаемся здесь, пока не улягутся страсти. Что должно произойти довольно быстро, потому как мертвый раб не представляет для них никакой ценности.

— Но я прекрасно себя чувствую.

— Да, но ты забываешь о том, что болевой обруч может убить, если его оставить включенным продолжительное время. Поэтому, как только наш путь будет свободен, мы отправимся к ближайшему человеческому жилью и переведем тебе рану.

— Думаю, это не более чем царапина, хотя и сильно кровоточит.

— Заражение крови и инфекция. Перво-наперво нужно позаботиться о твоей ране, — я повернулся к Дренгу. — Ты знаешь каких-нибудь фермеров, что живут поблизости?

— Нет, но здесь живет вдова Апфельтри, сразу за холмом, позади мертвого дерева, на краю болота...

— Отлично. Показывай дорогу и не болтай лишнего, — я вновь повернулся к Слону. — А вот когда мы управимся с твоей спиной, что потом?

— А после этого мы поступим на службу в армию. Раз уж ты теперь вошел в роль наемного воина, лучшего и не придумаешь. Армии располагаются внутри замков, где обязательно должна быть какая-нибудь потайная комната за семью замками, где они хранят все свои трофеи. И, пока ты совершенствуешь свое военное искусство, я, как принято говорить, изучу обстановку. А поможет нам в этом благородном деле одна армия, которая, как мне кажется, очень подойдет в данном случае. Армия, состоящая на службе у Капо Димона.

— Только не Капо Димон! — воскликнул Дренг, хватая себя за волосы. — Это дьявол во плоти, он ест младенцев на завтрак, пьет из черепа своей первой жены, обивает мебель человеческой кожей...

— Достаточно, — приказал Слон, и Дренг умолк. — Понятно, что он не пользуется популярностью здесь, во владениях Капо Доссия. А все потому, что он является его заклятым врагом и периодически приходит сюда с войной. Но я уверен, что он ничем не хуже — или лучше — чем любой другой Капо. Но у него есть одно преимущество. Он — враг нашего врага.

— Почти наш друг. Все правильно. Я остался в долгу перед стариком Доссием, и мне не терпится вернуть ему все сполна.

— Тебе не следует точить на него зуб, Джим. Это притупляет проницательность и влияет на твою карьеру. Нашей целью сейчас должно быть добывание грунтов, а не мародерство.

Я утвердительно кивнул.

— Разумеется. Но пока ты разрабатываешь план ограбления, почему бы мне не утолить немного жажду мести.

Я видел, что он не одобряет моих эмоций — но я не мог принять его олимпийского спокойствия. Возможно, что это всего лишь издержки молодости. И я переменял тему разговора.

— После того, как мы выгребем драгоценности, что потом?

— Мы разузнаем, как местные жители общаются с внешним миром, с контрабандистами, хоть с той же Венин. С единственной целью поскорее покинуть этот отсталый и ужасный мир. А для того, чтобы сделать это, нам придется стать верующими, — он захихикал, увидев мое потрясение. — Как и ты, мой мальчик, я разбираюсь в гуманитарных науках и не чувствую необходимости верить в сверхъестественное. Но здесь, на Спиовенте, вся прогрессивная технология, как мне кажется, сосредоточена в руках монашеского ордена, известного под названием Бенедиктинцы...

— Нет! Подождите! — воскликнул Дренг; вот уж поистине источник дурных новостей. — Они владеют такими вещами, которые Сводят Людей с Ума. Из их мастерских льются сплошным потоком необычные и странные приспособления. Машины, которые могут издавать вопли и рычание, говорить сквозь небеса, ну и те же болевые обручи! Не связывайтесь с ними, хозяин, умоляю вас!

— То, о чем поведал нам наш юный друг, правда, — сказал Слон. — За исключением страха перед неизведанным. В результате определенного процесса, который не имеет для нас никакого значения, вся технология в этом мире оказалась сконцентрированной в руках этого ордена Бенедиктинцев. Не имею ни малейшего представления, к какой религии они относятся, если относятся вообще к какой-нибудь, но они снабжают остальных машинами, которые мы видели. Это дает им возможность находиться под постоянным покровительством. Если одному из Капо вздумается напасть на них, другие тут же примчатся на помощь, чтобы обеспечить себе постоянный доступ к плодам новейшей технологии. Только благодаря им мы сможем приблизиться к нашему спасению и исходу из этого мира.

— Поддерживаю предложение, и оно принято единогласно. Вступаем в армию, хватаем как можно больше грунтов, связываемся с контрабандистами — и покупаем билет на обратную дорогу.

Дренг широко открыл рот в изумлении, слушая наши длинные речи. Было видно, что он мало что понимает из того, что было сказано. Его стихией было действие. Он бесшумно вышел на разведку и еще более незаметно вернулся. Вокруг

никого не было, путь был чист. Слон теперь мог с нашей незначительной помощью самостоятельно передвигаться, да и домик вдовы был не так далеко. Даже несмотря на заверения Дренга, вдова тряслась от страха, пропуская нас внутрь своей обители.

— Ружья и мечи. Убийство и смерть. Я обречена, обречена.

Не обращая внимания на причитания, исходящие из беззубого старушечьего рта, мы принялись за дело. Старушка, выслушав мои наставления, повесила котелок с водой на огонь. Я оторвал длинную ленту от одеяла, прокипятил ее и промыл рану Слона. Она была неглубокая, но серьезная. Мы вынудили вдову поделиться своими запасами самогона, и Слон передернулся, когда я влил его в рану. Надеюсь, что в нем содержится достаточно алкоголя, чтобы подействовать как антисептик. Оставшуюся часть прокипяченного одеяла я употребил, чтобы перевязать рану — и это было все, что я мог сделать в данной ситуации.

— Отлично, Джеймс, отлично, — сказал он, осторожно надевая на плечи свою куртку. — Годы, проведенные тобой в подростковом Клубе юных следопытов, не прошли даром. А теперь давайте поблагодарим добрую вдову и покинем ее гостеприимный дом, так как, судя по всему, наше присутствие очень уж ее огорчает.

Так мы и сделали, и зашагали прочь по открытой, хорошо наезженной дороге, с каждым шагом все дальше и дальше от славного Капо Доссия. Дренг оказался хорошим проводником, то заводя нас во фруктовый сад, то вырывая на ходу съедобные клубни на полях, по которым мы шли, прямо на глазах у их законных владельцев, которые тут же прикладывали руку ко лбу, едва заведя мое вооружение. В этом мерзком мире только вооруженные до зубов бандиты пользовались почетом и уважением. Первый раз в жизни я начал ценить мораль и нравы, существующие среди миров Галактической Лиги:

День приближался к вечеру, когда впереди замаячили стены замка. В его очертаниях присутствовало больше вкуса, чем во владениях Капо Доссия, или так, по крайней мере, казалось на расстоянии. Замок располагался на острове посреди озера. С берегом его соединяла насыпная дамба и подъемный мост. Дренга опять затрясло от страха, и он был рад остаться со Слоном на берегу, когда я храбро отправился к замку навстречу опасности. Я воинственно прошагал по каменной дамбе и ступил на мост. Два стражника смотрели на меня во все глаза с нескрываемой подозрительностью.

— Доброе утро, братцы, — окликнул я бодро, ружье на плече, меч в руке, живот назад, грудь вперед. — Это владения Капо Димона, известного далеко и широко по всей округе своей добротой и силой оружия?

— А кто спрашивает?

— Я спрашиваю. Вооруженный и полный сил и энергии солдат, который желает записаться на службу к вашему благородному рыцарю.

— Твое дело, братец, твое дело,— мрачно произнес один из них.— Через ворота, потом через весь двор, третья дверь направо, спросишь Папашу Шранка.— Он наклонился и прошептал: — За три гроута я дам тебе небольшой совет.

— Идет.

— Тогда плати.

— Немного погода. Сейчас я гол, как сокол.

— Оно и видно — раз ты пришел наниматься на такую работу. Ну, ладно, тогда пять через пять дней,— я кивнул.— Он предложит тебе очень мало, но ты не соглашайся на меньше, чем два гроута в день.

— Спасибо за доверие. Я отплачу тем же.

Я с важным видом прошагал мимо ворот и нашел нужную мне дверь. Она была открыта и слабо освещена заходящим солнцем, и толстый человек с лысой головой чиркал что-то на каких-то бумажках. Он поднял глаза, когда моя тень упала ему на стол.

— Иди отсюда,— крикнул он, тряхнув головой так яростно, что посыпавшийся с нее фонтан перхоти засверкал в солнечных лучах.— Я же сказал вам всем, что до послезавтрашнего утра никаких гроутов.

— Я еще не поступил к вам на службу — и не стану этого делать, если вы таким вот образом платите войску.

— Прости, добрый чужеземец, солнце прямо в глаза. Заходи, заходи. Хочешь поступить на службу? Разумеется. Ружье и меч — а еще какое снаряжение?

— Кое-что есть.

— Прекрасно,— он потер руки так, что они затрещали,— Паек для тебя и твоего оруженосца и один гроут в день.

— Два в день и замена всего нашего снаряжения.

Он нахмурился — затем пожал плечами и, нацарапав что-то на бумаге, подsunул ее мне.

— Годичный контракт, полный расчет в конце срока. Раз уж ты не умеешь читать и писать, думаю, постарайся и на-карябаешь вот здесь свой неразборчивый крестик.

— Я умею читать, да так хорошо, что вижу тут цифру четыре, которую и исправлю, прежде чем подписать,— что я и сделал, поставив на линии подпись судьи Никсона, прекрасно зная, что покину это место еще до того, как завершится срок моей службы.— Пойду позову своего оруженосца, который ожидает за воротами вместе с моим престарелым отцом.

— Никакой дополнительной еды для бедных родственников! Поделитесь своим.

— Согласен,— сказал я.— Вы сама доброта.

Я подошел к воротам и махнул рукой своим товарищам.

— Ты мне должен,— сказал стражник.

— Я отдам — как только эта жаба золотушная мне заплатит.

Он одобрительно хрюкнул.

— Если тебе кажется, что он не очень хорош,— подожди своей встречи с Капо Димоном. Я бы не ошивался вокруг

этой вонючей свалки, если бы не премия из боевых трофеев.

Они медленно приближались к нам, Слон почти силком тащил упирающегося Дренга.

— Боевые трофеи? Скоро будут выдавать?

— Сразу после сражения. Мы выступаем завтра.

— Против Капо Доссия?

— Вряд ли. Говорят, что у него полно всяких драгоценностей и золотых гроутов, и еще всякой всячины. Было бы здорово собрать такой улов. Но не в этот раз. Все, что мы знаем, это то, что придется идти на север. Мы должны совершенно неожиданно напасть на кого-то, может, даже на какого-нибудь нашего союзника, поэтому они не хотят, чтобы кто-нибудь из наших проговорился. Неплохо придумано. Застать их врасплох, когда подъемный мост опущен, и можно считать, что половина сражения выиграна.

Я обдумывал эту небольшую военную хитрость, шагая во главе своей малочисленной банды в указанном направлении. Солдатские казармы, хотя их и не станешь вписывать в красочный буклет для туристов, все же намного приятнее скотского загона для рабов. Деревянные нары для бойцов с соломенными матрицами — немного соломы рядом с нарами для оруженосцев. Мне, наверное, стоило позаботиться об устройстве Слона. Но я был уверен, что небольшой подхалимаж сделает свое дело. Мы сели вместе с ним на нары, а Дренг отправился разыскивать кухню.

— Как спина? — спросил я.

— Болит, но совсем немного. Я чуточку отдохну, а затем примусь за исследование плана местности...

— Утром у тебя будет достаточно времени для этого. Должно быть, мне придется отлучиться на пару дней.

— Я тоже так думаю. А вот и наш оруженосец с провиантом!

Это было горячее овощное рагу с плавающими на поверхности кусочками какой-то безымянной птицы. Наверняка птицы — так как из мяса торчали птичьи перья. Мы разделили рагу на три равные порции и с жадностью набросились на еду. Свежий воздух и долгая прогулка разбудили в нас зверский аппетит. В рацион входила также кружка кислого вина, но ни мой желудок, ни желудок Слона его не принимали. Чего нельзя было сказать о Дренге, который залпом осушил обе наши порции. Затем свернулся калачиком под нарами и сладко захрапел.

— Я пойду осмотрюсь немного, — сказал я. — А ты пока отдохни на моей койке до моего возвращения...

Меня прервал громкий и фальшивый рев сигнальной трубы. Я поднял глаза и увидел, что в дверном проеме стоял трубач, злорадно оглядывая казарму. Затем извлек из своего инструмента еще один совершенно не музыкальный звук. Я был готов схватить его за горло, если он попытается дунуть в него еще раз, но он отошел в сторону и поклонился. А его место заняла тонкая фигурка в голубой униформе. Все солдаты, наблюдавшие за этим, слегка наклонили головы и встряхнули оружием,

салютуя вошедшему, и я сделал то же самое. Это был не кто иной, как Капо Димон собственной персоной. Он был такой тощий, что казалось, будто живот прирос у него к спине. К тому же у него, наверное, было нарушено кровообращение или он родился с такой голубой кожей. Маленькие красные глазки пристально смотрели из глубоких голубых впадин, в то время как пальцы, прозрачные как небо, осторожно ощупывали острую челюсть.

Он подозрительно оглядел казарму и заговорил; несмотря на свою худобу, голос его был сильным и густым.

— Мои воины, у меня для вас хорошие новости. Готовьтесь сами и приготовьте свое оружие, мы выступаем сегодня в полночь. Это будет марш-бросок, нам нужно дойти к рассвету до Пинетта Вудз. Пойдут только солдаты — и налегке. Ваши оруженосцы останутся здесь и присмотрят за вашими вещами. Мы заляжем в лесу на день, а с темнотой двинемся дальше. Ночью мы встретим наших союзников и на рассвете совместными усилиями ударами по врагу.

— Один вопрос, Капо,— окликнул его один из солдат. Убеленный сединой и весь в шрамах, должно быть побывавший во многих переделках.— Против кого мы выступаем?

— Вы узнаете об этом перед самой атакой. Мы сможем добиться победы, только благодаря внезапному нападению.

Вокруг раздавалось недовольное бормотание, когда ветеран вновь выступил вперед.

— Пусть наш враг останется в секрете — но по крайней мере скажи, кто наши союзники.

Капо Димону не понравился вопрос. Он задумчиво потер щеку и принялся вертеть в руках рукоятку меча, в то время как аудитория молча ждала. Само собой разумеется, что ему нужно было наше добровольное и сознательное участие в этом деле, поэтому в конце концов он заговорил.

— Вам будет очень приятно услышать, что наши союзники обладают огромной волей и силой. У них также имеется на вооружении машина, способная пробивать городские стены. При их содействии мы можем взять любой замок, победить любую армию. Мы счастливы сражаться на их стороне,— он сжал губы, борясь с нежеланием продолжать дальше и осознавая в то же время, что он должен это сделать.— Победа нам гарантирована, так как наши союзники, не кто иные, как... монахи из ордена Бенедиктинцев.

Наступило долгое молчание,— настолько все были потрясены услышанным,— за которым немедленно последовали возмущенные крики. Я не понимал до конца, что все это могло значить, единственное, что я знал наверняка, это то, что ничего хорошего ждать не приходится.

Как только Капо Димон произнес последние слова, он удалился, и дверь захлопнулась за ним с громким стуком. Со всех сторон неслись гневные и возмущенные возгласы — но один человек возмущался и кричал громче всех. Это был израильтянин. Он вскочил на стол и заставил всех замолчать.

— Здесь все знают меня, знают старого Таскера. Я резал головы в то время, когда большинство из вас еще сажали на горшок. Поэтому я сейчас буду говорить, а вы будете меня слушать, и может, потом я дам вам возможность сказать что-нибудь в ответ. Есть кто-нибудь здесь, кто не согласен с этим?

Он сжал огромный кулак и выставил его перед собой, нахмурившись и сердито оглядывая притихшую аудиторию. Кое-где еще раздавалось недовольное бормотание, но не такое громкое, чтобы его можно было принять за несогласие.

— Хорошо. Тогда слушайте. Я знаю этих педерастов в черных рясах и я им не верю. Они не думают ни о чем больше, кроме как о своих собственных шкурах. Если они хотят, чтобы мы сражались на их стороне, значит они попали в весьма затруднительное положение и предпочитают увидеть мертвыми нас, а не своих «братьев». Мне это совершенно не нравится.

— Мне это тоже нисколько не нравится,— выкрикнул еще один солдат.— Но разве у нас есть какой-нибудь выбор?

— Никакого,— сердито прорычал Таскер.— И это именно то, что я собирался вам сказать. Думаю, мы повязаны с ними одной веревкой,— он вытащил свой меч и потряс им над головой.— Все оружие, что у нас есть, особенно новые ружья и пистолеты, достаются нам от них, Бенедиктинцев. Если бы они не снабжали нас оружием, нам нечем было бы драться, а раз нам нечем было бы драться, мы все сдохли бы в первом бою или вернулись назад к своим фермам. Это не по мне. Думаю, что и вам это не очень подходит. Мы все — одна семья. И будем драться все — или никто не будет драться. А если уж мы будем драться и кто-то из вас вздумает улизнуть с поля боя перед началом атаки, мой меч всегда отыщет его и проткнет насквозь его печеньку.

Он взмахнул над головой сверкающим клинком, и все замерли, уставившись на него во все глаза.

— Веский довод,— прошептал Слон.— Железная логика. Жаль только, что все это пропадает даром ради таких низменных целей. Тебе и твоим товарищам не остается ничего иного, как просто согласиться.

Слон был прав. Они еще немного покричали и поспорили, но в конце концов согласились с предложенным планом действий. Они выступят на стороне Бенедиктинцев. Но никто из них, включая меня самого, не был особенно счастлив по этому поводу. Они могли возмущаться и спорить до самой ночи, но я так устал, что решил потратить оставшиеся часы на то, чтобы немного соснуть. Слон отправился побродить и собрать кое-какую информацию, а я свернулся на нарах и погрузился в тревожный сон.

Громкие окрики разбудили меня, и я почувствовал себя еще более уставшим, чем перед сном. Никто не испытывал большой радости в связи с ночным марш-броском или с нашими боевыми товарищами; меня повсюду окружали хмурые взгляды и отборнейшая брань. Они произносили даже такие ругательства, которые я ни разу не слышал в своей жизни, мне они так по-

правились, что я решил запомнить их, чтобы применять потом в будущем. Я вышел на улицу к примитивному умывальнику и побрызгал холодной водой на лицо. Мне показалось, что это немного помогло. Когда я вернулся, Слон сидел на моей койке. Он поднял и протянул ко мне свою огромную руку.

— Ты должен побережь себя, Джим. Это очень жестокий и смертоносный мир, здесь все против тебя. Помни об этом.

— Это стиль моей жизни — поэтому не беспокойся обо мне.

— Но я беспокоюсь, — он тяжело вздохнул. — У меня нет ничего кроме презрения по отношению ко всем этим предрассудкам, астрологам и хиромантам, поэтому ты поймешь, почему я чувствую отвращение к себе за мрачное уныние, которое охватило меня. Но я не вижу впереди ничего, кроме безнадежной пустоты. Наша дружба продолжается недолго, и мне не хотелось бы, чтобы она так скоро кончилась. И все же, прости меня, прости, если можешь, но я не в состоянии преодолеть в себе чувство опасности и отчаяния.

— На это есть веские причины, — крикнул я, стараясь придать своим словам хоть немного энтузиазма. — Тогда оторвали от тихого спокойного образа жизни, посадили в тюрьму, освободили, помогли сбежать, спрятали, посадили на диету, снова помогли удрать, вынудили давать взятки, потом надули, избili, продали в рабство, ранили — и ты еще удивляешься, почему на тебя напала депрессия?

Его губы вновь тронула слабая улыбка, и он взял мою ладонь в свою руку.

— Ты прав, Джим, конечно, прав. В крови появились токсины, и в коре головного мозга наступил застой. Береги свои тылы и возвращайся живым. Ну а пока ты этим занимаешься, я выясню, как можно выпотрошить из нашего Капо немного гроутов.

Он выглядел немного старше своего возраста — впервые с того момента, когда мы встретились. Покидая казарму, я видел, как он устало вытянулся на нарах. Он должен чувствовать себя лучше, когда я вернусь. Дренг будет приносить ему пищу и присмотрит за ним. А я должен полностью сконцентрироваться на том, чтобы остаться в живых, чтобы я смог вернуться назад.

Это было ужасно тоскливый и изматывающий марш-бросок. День был жарким, и ночь была ничуть не прохладней. Мы еле волочили ноги, обливаясь потом и отбиваясь от мошкар, вылетевшей к нам навстречу из темноты. Мы шагали по разбитой дороге, и в наши ноздри забивалась грязь и пыль. Но мы шли все дальше и дальше, еле поспевая за громяющей и посвистывающей странной повозкой, возглавляющей наше кошмарное ночное шествие. Одна из допотопных паровых машин тащила походный фургон Капо Димона, в котором он относительно комфортно расположился вместе со своими офицерами. Мы шагали вперед, и с каждым шагом проклятия и возмущенные возгласы в наших рядах становились все тише и тише. Когда же мы наконец укрылись под сенью деревьев Пинетта Вудз, мы на-

столько вымотались, что слов для возмущения у нас просто не было. Я сделал то же самое, что и большинство остальных — упал без сил под дерево, на мягкую и приятно пахнущую постель из хвои, и застонал от наслаждения. В это время славные воины, во главе со стариной Таскером, прильнули к положенной им кружке кислого вина, прежде чем лечь отдыхать. Я закрыл глаза, еще раз глубоко вздохнул и заснул крепким сном.

Мы провели здесь целый день, радуясь возможности отдохнуть. К полудню нам наконец выдали сухой паек. Теплую воющую воду, в которой нужно было размачивать какие-то каменные кусочки, видимо считавшиеся у них хлебными сухарями. После этого мне удалось еще немного поспать, до самых сумерек, когда мы вновь построились в шеренги и продолжили свой ночной марш-бросок.

Через несколько часов мы вышли к перекрестку дорог и повернули направо. По рядам прокатился недовольный ропот, поднятый теми, кто, очевидно, хорошо знал здешние места.

— Что они говорят? — спросил я шагающего рядом со мной и до сих пор молчавшего воина.

— Капо Динобли. Вот против кого мы идем. Никого другого быть не может. В этом направлении больше нет никаких замков, до которых можно добраться за один-два дня.

— Ты что-нибудь знаешь о нем?

Он хмыкнул и долго не отвечал, но позади него кто-то сказал:

— Я служил у него, правда давно. Старикашка, да к тому же голубой, теперь и подавно древняя развалина. Просто еще один Капо.

С каждым шагом я чувствовал все большую и уже невыносимую усталость. Нет уж, на свете существуют более интересные способы зарабатывать себе на жизнь. Это будет моей первой и последней кампанией. Как только мы вернемся, я и Слон стацим у них все их сокровища и сбежим, унося с собой столько, сколько сможем унести. Замечательная мысль. Я чуть не натолкнулся на идущего впереди меня человека, но вовремя остановился. Мы сделали привал в том месте, где к дороге примыкала кромка леса. На темном фоне деревьев выделялись еще более темные тени. Я попытался разглядеть, что это такое, но тут по рядам прошел один из офицеров.

— Мне нужны добровольцы, — прошептал он. — Ты, ты, ты, ты и ты.

Он дотронулся до моей руки, и я оказался одним из добровольцев. Нас было около двадцати человек, выдернув из шеренги, нас погнали куда-то по направлению к лесу. Небо очистилось от туч, и света звезд нам хватило для того, чтобы разглядеть, что черные громадины — это нечто иное, как какие-то странные приспособления на колесах. Я слышал свист вырывающегося наружу пара. Темная фигура вышла нам навстречу и остановила нас.

— Слушайте меня, я скажу вам, что вы должны будете делать, — сказал он.

Когда он говорил, в ближайшей к нам машине открылась дверца. Из нее вырвалась яркая вспышка огня — это в топку подбросили дров. В этом мимолетном мерцающем свете я сумел разглядеть говорившего. Он был одет в черную робу, голова была прикрыта капюшоном, скрывавшим его лицо. Он показал на машину.

— Эту штуку нужно протащить через лес — в полной тишине. Я всажу нож в бок любому из вас, кто издаст хотя бы один звук. Днем тут была прорублена просека и выложена тропа, так что это будет нетрудно сделать. Постройтесь в линию и делайте то, что вам будут говорить.

Еще несколько человек в черных рясах дали нам в руки веревки и поставили нас в цепочку. По сигналу мы начали тянуть. Штуковина довольно легко покатилась по тропе, и мы твердым шагом шли по лесу, все прибавляя скорость и следуя едва слышным инструкциям наших провожатых, пока не добрались до противоположного конца чащи, где и остановились. После этого мы бросили веревки и, напрягаясь из последних сил и обливаясь потом, тянули и толкали эту громадину, пока наши шефы не были удовлетворены. За этим последовало долгое перешептывание насчет установки прицела и определения расстояния до цели, и я никак не мог понять, о чем собственно разговор. На некоторое время про нас забыли, и я воспользовался моментом, чтобы потихоньку ускользнуть и сквозь заросли кустарника поглазеть на открывающийся впереди пейзаж. Очень интересно. Злаковое поле протянулось вниз по некрутому склону до самого замка, в ясном свете звезд были отчетливо видны его темные башни. Их силуэты отражались в мерцающих водах пруда у подножья стены, который предохранял замок от внезапного нападения. Я стоял там, пока небо не начало светлеть от первых лучей восходящего солнца, а затем вернулся, чтобы осмотреть предмет наших ночных трудов. Хотя из темноты теперь ясно вырисовывался его силуэт, я все еще не имел ни малейшего представления, что это такое. Огонь и пар, его тонкая белая струйка была ясно видна в сумеречном свете. А на крыше торчала какая-то непонятная стрела. Свист пара слышался все громче, и один из черных монахов принялся регулировать какие-то приборы. Я подошел поближе, чтобы взглянуть на металлическую манжету — и мое любопытство было вознаграждено тем, что меня привлекли к передвижению огромного камня на отведенное ему место. Вдвоем мы подкатали его к машине, но нам потребовалась помощь еще двоих парик, чтобы поднять его на манжету. Загадка за загадкой. Я отошел вместе со всеми с дороги, потому что появился Капо Димон, сопровождаемый высоким человеком в такой же черной рясе как и остальные.

— Эта штука будет работать, Брат Фавел? — спросил Димон. — Я ничего не слышал о подобных машинах.

— Зато я знаю, Капо, вот увидишь. Моя машина разрушит ворота, разобьет вдребезги.

— Неужели она может это сделать?! Эти стены такие

высокие — и такими же огромными будут наши потери, если у нас не будет возможности прорваться через ворота.

Брат Фавел повернулся к нему спиной и выдал кое-какие инструкции оператору. В топку подкинули еще дров, и свист пара усилился. Стало совсем светло. На раскинувшемся впереди нас поле не было ни души, все было тихо и спокойно. Но позади нас в лесу притаилась армия и воинственные машины. Очевидно, сражение должно было начаться в тот самый миг, когда опустят мост.

Нам было приказано лечь, чтобы никто не заметил нас. И вот уже солнце высоко поднялось над горизонтом — и ничего не происходило по-прежнему. Я незаметно прокрался к самой машине, поближе к наблюдающему за приборами оператору в нахлобученном капюшоне.

— Мост не опускается! — вдруг выкрикнул Брат Фавел. — А давно должен был, они всегда открывают ворота в это время. Наверное, что-то случилось.

— А они не могут узнать, что мы здесь? — спросил Капо Димон.

— ДА! — прогремел невероятно громкий голос откуда-то с верхушек деревьев. — МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ВЫ ЗДЕСЬ. ВАШЕ НАСТУПЛЕНИЕ ОБРЕЧЕНО НА ПРОВАЛ — ТАК ЖЕ, КАК И ВЫ ВСЕ! ПРИГОТОВЬТЕСЬ ВСТРЕТИТЬ СВОЮ СМЕРТЬ!

Взревевший в безмолвии лесной чащи голос настолько поразили меня своей неожиданностью, что я вскочил от испуга. И не только я один. Монах, наблюдавший за приборами, казался, напугался еще больше. Его рука сама потянулась к рычагу управления, и из машины вырвался ужасающий рев. Стрела на крыше взвилась в небо, описав в воздухе огромную дугу, затем с шумом хлопнула по крышке машины, так что вся она затряслась от удара, и приняла первоначальное положение. Стрела затихла на своем месте — но камень, помещенный в манжету, продолжал свой полет, все выше и выше взмывая в небо. Я помчался вперед посмотреть, как камень с громким плеском упадет прямо перед закрытым подъемным мостом. Отличный выстрел — он, без всякого сомнения, разрушил бы мост, если бы тот был опущен. Вдруг все вокруг меня пришло в невообразимое оживление. Брат Фавел одним ударом сбил оператора с его места за приборами и лупил его, рыча и завывая от злости. Из ножен были вытащены мечи, солдаты ошалело забегали вокруг, Капо Димон раздавал приказы направо и налево, которые мало кто слушал и выполнял. Я прислонился спиной к дереву и приготовился атаковать. Но атаки не последовало. Вместо этого усиленный репродуктором голос громогласно заявил:

— УБИРАЙТЕСЬ ОТСЮДА. УХОДИТЕ ТУДА, ОТКУДА ПРИШЛИ, ИНАЧЕ ВЫ ПРОПАДЕТЕ. Я ГОВОРЮ С ТОБОЙ, КАПО ДИМОН, ТЫ СОВЕРШАЕШЬ ОШИБКУ. ТЕБЯ ИСПОЛЬЗОВАЛИ БЕНЕДИКТИНЦЫ. ВЫ ПРОПАДЕТЕ ЗРЯ. ВОЗВРАЩАЙСЯ В СВОЙ ЗАМОК, ТАК КАК ТОЛЬКО СМЕРТЬ ЖДЕТ ТЕБЯ ЗДЕСЬ!

— Она вон там, я ее вижу! — крикнул Брат Фавел, показывая на верхушки деревьев. Он покрутился на месте и заметил меня, схватил мою руку, больно стиснув ее, и вновь показал на деревья. — Там, вон на той ветке, сидит эта дьявольская штуковина. Заставь ее замолчать!

Почему бы и нет. Я тоже теперь ее хорошо видел и даже мог угадать в ней громкоговоритель. Я выстрелил из ружья, и оно с силой отдало мне в плечо. Я пальнул еще раз, громкоговоритель разлетелся вдребезги, и на меня посыпался дождь пластиковых осколков.

— Ну и штука, — выкрикнул Брат Фавел, втаптывая в землю то, что от него осталось. — Начинайте наступление — посылай своих солдат вперед. А мои метатели смерти поддержат вас. Они пробьют для вас стену.

У Капо не было другого выхода. Он пожевал губы, но затем поздравил себя горниста. Он просигналил три раза, и медные звуки трубы были подхвачены другими горнистами с обоих флангов и в тылу. Когда из-за деревьев появились первые шеренги, он поднял свой меч и приказал нам следовать за ним. С величайшей неохотой я шагнул вперед. Наше наступление нельзя было назвать стремительным. Скорее это было похоже на прогулку. Мы немного продвинулись по полю и остановились, чтобы подождать, пока метательные машины займут выгодную позицию. Они были доставлены на линию паровыми машинами, установлены напротив городской стены и тут наконец были пущены в дело. Камни свистели над нашей головой, ударяясь в мощную стену и отскакивая от нее, как горох. Иногда перелетали через верх и падали во внутреннем дворе замка.

— Вперед! — скомандовал Капо Димон, снова вмахнув своим мечом, как только начался ответный огонь.

Вдруг из-за городской стены вылетели серебристые шары, поднялись высоко в небо, описывая над нами огромную дугу, упали на землю и с треском разломились. Один из них приземлился совсем рядом, и я увидел, что это небольшая емкость, наполненная какой-то жидкостью, которая, испаряясь на воздухе, превращалась в газ. Ядовитый газ! Я отшатнулся в сторону и побежал, стараясь не дышать. Но серебристые шары валялись теперь повсюду, и воздух был наполнен испарениями с сильным запахом. Я бежал, чувствуя, как начинает колоть у меня в боку, мне пришлось вздохнуть, и я не мог больше выдержать. Как только воздух попал в мои легкие, я повалился на землю лицом вниз, и на меня тут же навалилась черная густая мгла. Я лежал на земле, я это чувствовал, но тела своего не ощущал, потому что дикая головная боль полностью захватила меня. Едва я поворачивал голову, огненные обручи с силой сдавливали мои виски. Когда я с трудом приоткрыл одно веко, в глаза мне ударила яркая вспышка красного света. Я застонал и улышал, как мой стон эхом разнесся по всей округе. Это была невыносимая, всепоглощающая, нечеловеческая головная боль, перед которой меркли все предыдущие головные боли. Я вспомнил про те головные боли, которые я испытывал прежде, и мне

стало смешно. Что это за головные боли! Вот эта была настоящая головная боль. Кто-то простонал рядом со мной, и я, как и все остальные, сочувственно застонал в ответ. Но мало-помалу боль стихала, и я наконец смог приоткрыть один глаз, затем другой. Надо мной было все то же голубое небо, а вокруг мирно шелестело на ветру злаковое поле. Поколебавшись немного, я приподнялся на локте и оглядел поле брани. По всему полю были в беспорядке разбросаны распростертые тела воинов. Некоторые из них сидели, сжимая руками головы, в то время как некоторые, наверное самые сильные — или самые безмозглые — пытались подняться на нетвердые ноги. Неподалеку лежали серебристые осколки разорвавшегося снаряда, которые выглядели теперь довольно безобидно. В голове моей пульсировала кровь, но я не обращал на это внимания. Мы были живы. Газ не убил нас — видимо, он предназначался для того, чтобы вывести нас из строя. Мощная штука. Я взглянул на свою тень, не рискуя посмотреть на солнце; и увидел, что она заметно укоротилась. Близился полдень. Мы проспали несколько часов. Так почему же мы не были мертвы? Почему люди Капо Динобли не набросились на нас и не перерезали нам глотки? Или хотя бы не обезоружили нас? Ружье лежало рядом со мной, я переломил его и увидел, что патроны на месте. Загадки, загадки. И вдруг раздался душераздирающий крик — я подскочил от испуга и тут же пожалел об этом, потому что в голове моей загудела сотня труб. Я попытался сесть и осмотреться вокруг. Интересно. Это был некто иной, как Брат Фавел собственной персоной, который кричал и ругался, и рвал на себе волосы. Это было совсем необычно. Я никогда еще такого не видел. Я нерешительно поднялся на ноги, чтобы разглядеть, из-за чего это он так убивается. Да уж, конечно, я мог понять его состояние. Он стоял позади одной из своих метательных машин, которой, как видно, пришла погибель. Она была разбита вдребезги, и повсюду валялись оторванные дымящиеся осколки. Длинная стрела разломилась на три части, и даже колеса были оторваны от корпуса. Машина превратилась в грудку хлама, неподдающуюся никакому ремонту. Брат Фавел бегал вокруг нее, выкрикивая громкие ругательства, и вырванные им из головы волосы разлетались за ним по ветру. Остальные монахи тоже кричали и стонали от боли, когда Брат Фавел, спотыкаясь, подошел к ним и к сидящему на земле Капо Динору

— Они разрушены, все разрушены! — ревели Бенедиктинцы, и Капо Динору плотно зажал уши руками. — Наш многолетний труд разрушен, сломан, уничтожен. Все наши метательные машины, паровые котлы и гидравлические тараны — все погбло. И это сделал он, Капо Динобли. Собирай людей, атакуй его замок, он сам должен поплатиться за то кошмарное преступление, которое он совершил.

Капо повернулся и посмотрел на замок противника, тот выглядел совершенно так же, как и на рассвете, тихий и спокойный, мост был поднят, словно у горожан не было никаких

дневных забот. Димон снова взглянул на Брата Фавела, лицо его вытянулось и было холодно-вежливо.

— Нет. Я не поведу своих людей против этих стен. Это самоубийство, а о самоубийстве мы не договаривались. Это ваш довод, но не мой. Я согласился вам помочь взять замок. Вы должны были пробить вход в город с помощью своих машин. Только тогда я бы стал атаковать. Эти условия не выполнены.

— Ты не можешь взять назад свое слово...

— Я и не беру. Пробейте стену, и я пойду в наступление. Это то, что вы обещали. Давайте, вперед.

Брат Фавел покраснел от гнева, сжал кулаки и наклонился вперед. Но Капо стоял на своем — но на всякий случай поднял меч и выставил его вперед.

— Посмотри-ка сюда,— сказал он.— Оружие при мне — да и все мои воины вооружены. Я понял, что бы это могло значить. Люди Динобли запросто могли отобрать все наши мечи и ружья и перерезать нам глотки, пока мы тут валялись. Но они этого не сделали. Значит, они не хотят со мной воевать. Да и я бы не стал с ними воевать. Это вы с ними воюете — вот и воюйте,— он поддел ногой лежащего рядом на земле полкового горниста.— Труби сбор.

Мы были очень рады оставить Бенедиктинцев там, посреди поля, где они собирали остатки разбитых машин и надежд. По рядам пронеслась радостная весть, и страдальческие гримасы на лицах солдат сменились веселыми улыбками, а страшная головная боль — вздохами облегчения. Не будет ни сражения, ни потерь. Всю эту заваруху устроили Бенедиктинцы — пусть сами и расхлебывают. Я и сам улыбался во весь рот, потому что у меня появились хорошие новости для Слона. Я теперь знал, как нам исчезнуть с этой вызывающей отвращение планеты под названием Спировенте. Оглядываясь в прошлое и пораскинув мозгами, я наконец понял, что же произошло прошлой ночью. Продвижение наших войск в темноте было замечено. За нами внимательно наблюдали. С помощью каких-то новейших приборов. Спрятавшиеся за деревьями наблюдатели не могли не заметить и вырубку и построенную в чаще тропу для метательных машин, как не могли и не понять, что значат все эти приготовления. Громкоговоритель был установлен на дереве непосредственно под участком для адской машины — и запускался с помощью радио. Сваливший нас с ног газ имел, видимо, непростой состав и был спущен на нас с поразительной точностью. Все это никак не состыковывалось со способом существования на этой заброшенной планете. Это могло значить только одно. В замке Капо Динобли присутствовали инопланетяне. Они пользовались определенным влиянием и, вероятно, что-то замыслили. И это что-то вызывало ярость Бенедиктинцев, да такую, что они решились на подобное нападение, которое подчистую проиграли. Хорошо. Еще один враг моего врага. Монахи захватили в свои руки всю мало-мальски передовую технологию, существующую на Спировенте — и, насколько я мог это видеть, вся эта технология касалась военной техники

и вооружений. Я поднапряг мозги, пытаясь вспомнить длинные лекции Слона по экономике и геополитике. И в голове моей уж было мелькнула мысль, решающая все наши проблемы, когда в передних рядах послышались дикие крики. Я подался вперед, как и многие другие, и увидел растянувшегося на траве у дороги обессиленного гонца. Капо Димон стоял над ним и сотрясал кулаками воздух от ярости.

— Нападение — за моей спиной — на наш замок! И это сделал некто иной, как этот ползучий змей, гаденыш вонючий, Доссия, вот кто! Назад, сформированным марш-броском, домой!

Это был переход, о котором мне бы не хотелось вспоминать никогда в жизни. Мы остановились отдохнуть только тогда, когда силы покинули нас и мы в изнеможении попадали на землю. Глотнули немного воды, поднялись на нетвердые ноги и двинулись дальше. Не было никакой необходимости подгонять нас, так как все мы были заинтересованы в скорейшем возвращении. Семья Капо, его богатства, все это оставалось в замке. Охраняемое только небольшой кучкой солдат. Мы беспокоились об этом не меньше, чем он сам, так как наши немногочисленные пожитки тоже оставались там. За ними присматривали наши оруженосцы. Дренг, которого я едва знал, очень ответственно относился к своим обязанностям. А Слон? Если замок захвачен, что с ним может случиться? Ничего, он старый, безобидный человек, не делающий никому зла. Я прекрасно знал, что это не так, даже если я изо всех сил старался убедить себя в обратном. Он был рабом, и не просто рабом, а сбежавшим. И я знал, что они делают здесь, на Спиевенте, со сбежавшими рабами. Еще немного воды, твердых сухарей на закате и дальше, дальше в ночь. На рассвете я увидел, что наше войско растянулось на многие мили, двигаясь вперед в полном беспорядке. Я был молод и силен и оказался в передних рядах. Поэтому теперь я мог прилечь отдохнуть и хоть немного перевести дух. Но тут прямо по дороге я увидел двух человек, выпрыгнувших из-за кустов и скрывшихся за вершиной холма.

— Вон там! — закричал я. — Наблюдатели — они нас видят!

Капо выскочил из своего фургончика и подбежал ко мне. Я ткнул пальцем в кусты.

— Два человека. Прятались здесь. Они побежали по направлению к замку.

Он бешено заскрежетал зубами от ярости.

— Мы их уже не поймем, при наших-то условиях. Доссия будет предупрежден и успеет удрать.

Он оглянулся назад на беспорядочно тянущееся войско и подозревал офицеров.

— Ты, Баркус, останешься здесь вместе с остальными, подождете, когда подтянутся тылы, и последуете за нами. А я беру с собой тех, кто уже здесь, и мы двигаемся дальше. Они могут по очереди ехать в моем фургоне.

Я взобрался на крышу фургона, и он покатился вперед.

По сторонам бежали солдаты, придерживаясь за повозку. Паровая машина пыхтела и выбрасывала клубы дыма, взбираясь вверх по склону и гроыхая и звякая железом. Вдали показались башни замка, окутанные дымом. Обогнув косогор, мы заметили небольшую колонну, быстро удаляющуюся по дороге, паля на ходу из ружей. Это нас не остановило. Паровая машина взвизгнула на повороте, и мы взревели в ответ, устремляясь в атаку. Но враг успел улизнуть. Это была всего лишь замыкающая колонна. Мы видели, как они садились в свои гребные суда и уплывали от нас прочь. Когда мы ступили на дамбу, то увидели совершенно безжизненную картину. Ворота замка сломаны, и над ними висел дымок. Я шел следом за Капо, не отставая ни на шаг. Длинные доски лежали на месте моста, а сам он был до половины поднят и висел на цепях, проломленный в нескольких местах. В проломе показался один из воинов, поднимая меч и приветствуя нас вымученным салютом.

— Мы остановили их, Капо,— сказал он и вышел к нам через деревянные обломки моста.— Они прорвались во внутренний двор, но мы задержали их у башни. Они уже принялись поджигать входную дверь; когда им пришлось быстро ретироваться.

— Леди Димон, дети?..

— Целы и невредимы. Сокровища нетронуты.

Но солдатские казармы находились позади внутреннего двора и уж подавно не в башне. Я помчался туда вместе с остальными, которые это тоже поняли, взбираясь по обломкам разбитых ворот. Во дворе лежали тела мертвых, их было много. Безоружные оруженосцы, порубленные во время атаки. Защитники по одному выходили из башни — Дренг был среди них, медленно вышагивая по двору. Его одежда пропиталась кровью, кровь была и на секире, которую он держал в руках, но он был жив и, кажется, даже не ранен. Я взглянул на его лицо и прочитал в нем глубокую скорбь. Я все понял без слов. Его Голос казался мне далеким и чужим.

— Прости меня. Я не смог остановить их. Он мертв, наш старик. Мертв.

Он лежал на нарах с закрытыми глазами и казался спящим. Но он был мертв. Дренг натянул на него мое одеяло, до самого подбородка, причесал волосы и умыл лицо.

— Я не мог перетащить его, когда началось наступление,— сказал Дренг.— Он был таким тяжелым, таким больным. Рана на его спине была просто ужасная, черная, кожа горячая. Он сказал мне, чтобы я его оставил, что он в любом случае умрет. Он сказал, что если не они, так «фекция» убьет его. Но все же они не должны были нападать на беззащитного...

Мой друг и учитель. Убит этими животными. Он стоял больше, чем половина всего населения этого ужасного мира. Дренг взял меня за руку, но я сердито оттолкнул его. Он протягивал мне небольшой пакет.

— Я украл для него кусочек бумаги,— сказал Дренг.— Он хотел написать тебе кое-что. И я украл.

Что я мог сказать. Я развернул пакет, и из него на пол выпал вырезанный из дерева ключик. Я подобрал его и взглянул на бумагу. Это был подземный план замка, со стрелой, указывающий на комнату, аккуратно подписанную «КЛАДОВАЯ». Под ним была короткая записка, и я прочел то, что было написано на листе мелким аккуратным почерком.

МНЕ НЕЗДОРОВИЛОСЬ ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ, ПОЭТОМУ Я БОЮСЬ, ЧТО НЕ СМОГУ ПЕРЕДАТЬ ЭТО ТЕБЕ ЛИЧНО. СДЕЛАЙ МЕТАЛЛИЧЕСКУЮ КОПИЮ КЛЮЧА — С ЕГО ПОМОЩЬЮ ТЫ ОТКРОЕШЬ КЛАДОВУЮ. УДАЧИ ТЕБЕ, ДЖИМ, БЫЛО ОЧЕНЬ ПРИЯТНО С ТОБОЙ ПОЗНАКОМИТЬСЯ. БУДЬ ХОРОШЕЙ КРЫСОЙ.

Под этим красовалась его подпись. Я прочитал имя — затем еще раз. Ничего похожего на Слона или какие-либо другие имена, которыми он пользовался в течение жизни. Он доверил мне нечто, что только я мог оценить по достоинству. Свое настоящее имя. Я вышел и сел на солнышке снаружи, вдрызг почувствовав, как я устал. Дренг принес ему чашку воды. Я не понимал, насколько мне хотелось пить; я залпом осушил ее и послал Дренга за еще одной. Вот и пришел конец. Он почувствовал приближение конца — но все же беспокоился обо мне. Думал обо мне, когда смерть уже шла за ним по пятам и маячила на горизонте.

Что же дальше? Что мне теперь делать?

Измученный, усталый, раздираемый болью утраты и угрызениями совести, я уснул, прислонившись спиной к стене и уже не соображая, что я делаю. Когда же я проснулся, день клонился к вечеру. Дренг сложил свое одеяло и подложил его мне под голову, а сам сидел рядом со мной. Говорить было не о чем. Мы положили Слона на одну из маленьких повозок и покатали ее вдоль дамбы к берегу озера. Мы были не одни, кто делал то же самое. Там у дороги был небольшой склон, покрытый деревьями и травой, с которого открывался великолепный вид на озеро и замок. Мы похоронили его там, хорошо утрамбовав землю и не оставив никаких опознавательных знаков. Только не этому отвратительному миру. Они взяли его тело, этого достаточно. Если я поставлю ему когда-нибудь памятник, это будет за много световых лет дальше отсюда. Однажды я сделаю что-нибудь в его честь, когда наступит подходящий момент.

— А теперь, Дренг, нам нужно позаботиться о Капо Доссия и его головорезах. Мой лучший друг никогда не одобрял мести, и я тоже не одобряю. Поэтому мы назовем это просто справедливостью. Они заслуживают, чтобы их посадили на кол. Но как нам это сделать?

— Я могу вам помочь, хозяин. Я теперь могу сражаться. Я боялся, но потом я рассердился и рубанул секирой. Теперь я готов стать таким же отважным воином, как и вы.

Я покачал головой. Ко мне вернулась ясность мысли.

— Эта совсем неподходящая работа для фермера с будущим. Но ты должен всегда помнить, что ты столкнулся лицом к лицу со страхом и преодолел его. Это всегда будет тебе помогать в дальнейшей жизни. Но Джим ди Гриз привык платить свои долги — поэтому ты вернешься к себе на ферму. Сколько гроутов стоит ферма?

Он удивленно разинул рот и принялся усиленно напрягать память.

— Я никогда не покупал ферму.

— Не сомневаюсь в этом. Но кто-то, кого ты знаешь, должен был это сделать.

— Старик Кветчи пришел с войны и заплатил вдове Роследе двести двенадцать гроутов, чтобы разделить с ней ферму пополам.

— Великолепно. Учитывая инфляцию, можно сказать, что ферма теперь стоит примерно пятьсот гроутов. Держись меня и ты будешь полноправным владельцем собственной фермы. А пока сходи на кухню и принеси немного еды, в то время как я приведу в исполнение пункт первый моего плана.

Я вновь мысленно играл в шахматы. Ясно представляя себе, какими будут дебютные ходы, я прикидывал, каковой может оказаться дальнейшая игра. Если все пойдет по-моему, за миттельшпилем и эндшпилем последует красивый мат. Я сделал первый ход.

Капо Димон восседал на своем троне и выглядел таким же уставшим, как и все остальные, держа в руке бутылку с вином. Я прорвался через его офицеров и встал напротив трона. Он сердито посмотрел на меня и хлопнул в ладоши.

— Поди прочь, солдат. Ты получишь свои трофеи. Ты славно потрудился сегодня, я это видел. Но оставь нас сейчас, мне нужно разработать план действий...

Именно поэтому я здесь, Капо. Пришел рассказать тебе, как можно победить Капо Доссия. Я служил у него и знаю его секреты.

— Говори!

— Наедине. Отошли всех отсюда.

Он размышлял минуту, затем махнул рукой, чтобы все вышли. Недовольно ворча, офицеры покинули помещение, а он пригубил вино и цедил его, пока за последним из них не захлопнулась дверь.

— Что ты знаешь? — проговорил он. — Рассказывай быстрее, а то у меня просто скверное настроение.

— Как и у всех у нас. То, что я хотел сказать тебе наедине, касается не только Капо Доссия. Ты сразишься с ним, я в этом уверен. Но для того, чтобы успех был гарантированным, я собираюсь привлечь Капо Динобли и его секреты на нашу сторону. Думаю, что наступление будет более успешным, если все внутри будет спать, когда мы пройдем через городскую стену.

Динобли знает об этом не больше, чем я — так что

не надо мне врать. Он еле держится на ногах и сляжет в могилу через год-другой.

— Я это знаю,— я врал очень убедительно.— Но те, кто использует его замок для своих собственных целей и заставили Бенедиктинцев пойти на них войной, именно они помогут тебе.

Он поразмыслил немного, и я заметил в его глазах слабую искорку.

— Тогда пойди к ним. Пообещай им разделить пополам добычу — и ты тоже получишь свою долю, если сумеешь сделать это. Пойди от моего имени и пообещай им все, что хочешь. Еще до конца месяца голова Доссия будет поджарена над моим костром, его тело разорвано на горячие полоски и...

Он еще долго продолжал в том же духе, но мне это было неинтересно. Дебют начался с пешки. Теперь мне следовало бы пустить в ход более крупные фигуры. Я поклонился и вышел, оставив его сидящим на троне, бормочущим себе что-то под нос и разливающим повсюду вино из бутылки, так он при этом отчаянно размахивал руками. У этих людей чересчур бурный темперамент.

Дренг упаковал то немного, что у нас было, и мы тотчас же покинули замок. Я показывал дорогу, и мы шли довольно долго, пока наконец перед нами ясно не замаячили башни замка. Тогда мы свернули к протекавшему неподалеку ручью. На его берегу была небольшая травянистая полянка, и я показал на нее пальцем.

— Мы останемся здесь до утра. Мне нужно обдумать наши планы, да и отдохнуть не помешает. Хочу, чтобы мой мозг ясно работал, когда я постучу в ворота старого Капо Динобли.

Ночной отдых освежил мою голову, и все стало мне совершенно ясно.

— Дренг,— сказал я.— На это дело нужно идти одному. Я не знаю, как меня там примут, и может статься, что я буду настолько занят собственными делами, что у меня не будет времени позаботиться о тебе. Так что иди обратно в замок и жди меня там.

Не было никаких ворот, в которые бы я мог постучаться, просто у входа в замок стояли два стражника. Я спустился вниз по полю, миновав груды разбитых машин Бенедиктинцев, уже слегка подернутые красной ржавчиной, и взошел на мост. Подойдя ближе к стражникам, я опустил ружье и произнес:

— Мне нужно передать одно очень важное сообщение для владельца здешних стен.

— Поворачивай назад и шагай откуда пришел,— сказал тот, что повыше ростом, выставляя на меня свое ружье.— Капо Динобли никого не принимает.

— Мне нет никакого дела до вашего Капо,— сказал я, заглядывая ему через плечо во внутренний двор. По двору проходил в это время какой-то высокий человек в лохмотьях. Но под изодранными манжетами его брюк я успел разглядеть начищенные до блеска модные сапоги.

— Я желаю Капо доброго здоровья,— выкрикнул я громко.—

И надеюсь, что он регулярно советуется с геронтологом и прогнозирует свою жизнь.

Стражник нахмурился, призадумавшись над моими словами — но, видно, они не укладывались в систему его взглядов. Но человек, которого я увидел во дворе, вдруг остановился. Затем неторопливо развернулся. И направился к воротам, заговорив со стражей — и в то же самое время не спуская с меня взгляд своих пронизательных голубых глаз.

— Что это за тревога?

— Никакой, ваша честь. Просто отсылаем этого парня туда, откуда пришел.

— Впустите его. Я хочу задать ему несколько вопросов.

Нацеленный на меня ствол был поднят в салюте, и я с почестями прошествовал мимо ворот. Когда мы отошли на достаточное расстояние, высокий человек обернулся и оглядел меня с ног до головы с откровенным любопытством.

— Иди за мной, — сказал он. — Я хочу поговорить с тобой наедине.

Я не услышал от него больше ни слова, пока мы не оказались в замке и дверь небольшого кабинета не закрылась за нами.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Знаете — я только что собирался спросить у вас то же самое. Знает ли о вашем присутствии здесь Лига?

— Конечно же, они знают об этом! Я здесь вполне легально... — он осекся на полуслове и разулыбался. — Это по крайней мере доказывает, что ты тоже инопланетянин. Никто и в мыслях не допускает, что я мог прилететь сюда из другого мира — и не знает того, что знаешь теперь ты. Садись и расскажи мне, кто ты такой. После этого я смогу определить, стоит ли посвящать тебя в нашу работу.

— Все очень просто, — сказал я, плюхнувшись в кресло и положив ружье на пол. — Зовут меня Джим. Я был членом команды на грузовом корабле из Вении — до тех пор, пока у меня не произошли кое-какие разногласия с капитаном. Он высадил меня на этой планете. Вот и все, что я могу о себе рассказать.

Он вытащил блокнот и стал делать заметки.

— Итак, твое имя Джим. А фамилия... — я молчал. Он нахмурился. — Ну, хорошо, об этом мы узнаем позже. А как звали капитана?

— Думаю, что приберегу эту информацию на потом. После того, как вы скажете, кто вы есть на самом деле.

Он отодвинул блокнот и откинулся на спинку стула.

— Я не удовлетворен. Не выяснив твою личность, я не могу тебе ничего рассказать. Откуда ты прибыл на Вению? Назови столицу своей планеты и имя председателя всеобщего совета.

— Это было так давно, что я не помню.

— Ты лжешь. Ты такой же вениец, как и я. Только я знаю гораздо больше...

— А что, собственно, вы хотите знать? Я житель Лиги, а не уроженец этого звериного мира. Я смотрел телеканал 3V,

питался в системе ресторанов Максвиниз — филиалы которых известны по всей вселенной, оборот в сорок два миллиарда в год — изучал микроэлектронику и получил Черный Пояс дэюдонста. Это вас удовлетворяет?

— Может быть. Но ты сказал мне, что был высажен на эту планету с венийского грузового корабля, что не может быть правдой. Все несанкционированные контакты со Спиовенте запрещены.

— Наш контакт не был санкционирован. Они доставляют контрабандным способом оружие на планету — вот такое, как мое ружье.

Это сразу же привлекло его внимание. Он схватил свой блокнот.

— Имя капитана...

Я молча покачал головой.

— Вы получите эту информацию, только если устроите так, чтобы я смог покинуть планету. Вы можете это сделать, так как сами только что сказали, что находитесь здесь с разрешения лиги. Поэтому давайте заключим взаимовыгодное соглашение. Вы организуете мой обратный билет — у меня есть достаточно золотых гроутов, чтобы заплатить за него, — или будет, что в принципе одно и то же. Вы также поможете мне в одном деле здесь на месте — тогда я и скажу вам имя капитана.

Ему это не понравилось. Он надолго задумался, пытаясь выкрутиться из данной ситуации, но не мог придумать подходящего способа.

— Пока вы размышляете над моим предложением, — сказал я, — вы можете рассказать мне о себе и о том, что вы здесь делаете.

— Ты должен пообещать мне, что наши подлинные имена останутся неизвестны местным жителям. Наше присутствие здесь хорошо известно за пределами Спиовенте, но наш успех будет обеспечен только если наши замыслы останутся нераскрытыми.

— Обещаю, обещаю. Клянусь, что местные жители ничего не узнают.

Он построил из пальцев пирамиду и откинулся назад, словно собираясь прочитать мне лекцию. Так оно и было — первые же его слова подтвердили мою догадку.

— Я профессор Люстиг из университета в Элленбогене, где я занимаю пост председателя ученого совета. Я являюсь также деканом факультета прикладной социэкономике и должен сказать, что сам создал этот факультет, так как считаю прикладную социэкономику совершенно новой дисциплиной, молодой и имеющей свои корни в теоретической социэкономике, что, впрочем, очевидно само по себе...

Я сморгнул несколько раз, заставляя себя сосредоточиться на прослушивании лекции, а не пялить глаза в потолок. Именно такие учителя, как профессор Люстиг, вынудили меня сбежать из школы.

— ...годы трудов и тщательных типологических исследо-

ваний, чтобы претворить в жизнь самые несбыточные наши мечты. Практическое применение наших теорий. Самое трудное в нашей работе — это иметь дело с бюрократическим аппаратом Лиги и с ее политикой невмешательства. Но в конце концов мы сумели их убедить, что при соответствующем контроле мы могли бы осуществить опытный проект переустройства общества здесь на Спировенте. Или, как кто-то грубо пошутил, нам было позволено поэкспериментировать, потому что сделать хуже, чем сейчас, мы все равно не смогли бы. Мы проводим наши действия на соответствующем уровне развития технологического процесса, который будет поддерживаться сам по себе, когда мы покинем планету.

— Что конкретно вы собираетесь делать? — спросил я.

Он удивленно заморгал.

— Разве непонятно — по-моему, я только тем и занимаюсь, что рассказываю тебе об этом.

— Вы рассказываете мне теорию, профессор. Не будете ли вы так любезны и не поведаете ли мне о том, чего конкретно вы надеетесь достичь своим экспериментом?

— Если ты настаиваешь, я объясню «популярно», мы собираемся сделать ни больше, ни меньше, как изменить всю структуру здешнего общества. Мы хотим вывести планету, подталкивая то с одной стороны, то с другой, из этого мрачного, доисторического периода. Сейчас она погружена в эпоху феодализма, самой примитивной формы. Или лучше сказать волордизма*. Обычно феодальное общество вынуждено обслуживать само себя и содержать большую армию в период дезинтеграции. Это поддерживает незываемые основы общественного строя в лице феодальных правителей, в то время как разрозненные населенные пункты должны заботиться о себе и защищать себя сами.

— Я не видел какой-нибудь особой заботы или защиты.

— Правильно. Вот почему эти военачальники должны уйти.

— Я помогу подстрелить пару-тройку из них.

— Насилие — не НАШ путь! Вдобавок к тому, что это противно само по себе, это еще и запрещено членам Лиги. Нашей целью является приведение к власти правительства, свободного от Капо. Ради нее мы поощряем развитие и подъем класса профессионалов, ремесленников. Это приведет к увеличению денежного обращения и к краху бартерного обмена. С увеличением массы денег у правительства появится возможность ввести институт налогообложения, чтобы оплачивать общественные услуги. Чтобы ускорить этот процесс, необходимо сформировать систему правосудия. Это будет способствовать развитию связей, централизации, развитию и росту общих идей.

Все это выглядело просто великолепно — правда, я не очень обрадовался введению налогов или налаживанию судебной практики. Но все же это было в любом случае цивилизованнее власти Капо.

* Волордизм — власть военных предводителей, warlord — военачальник (англ.)

— Теоретически все выглядит просто чудесно, — сказал я. — Но как вы собираетесь осуществить это на практике?

— Предоставлять более современные услуги по более низким ценам. Именно поэтому Бенедиктинцы попытались совершить на нас нападение. Они настолько же религиозны, как моя шляпа; орден — это только внешнее прикрытие для их безраздельного владения новинками технологии. Мы уничтожили их монополию, и им это не нравится.

— Прекрасно. Ваш план выглядит довольно мило, и я желаю вам удачи. Но мне нужно еще кое-что сделать, прежде чем я покину эту забытую богом дыру. Желая помочь вам в уничтожении монополии, мне хотелось бы приобрести у вас немного вашего усыпительного газа.

— Это невозможно. Фактически у нас нет никакой возможности предоставить тебе какую бы то ни было помощь. Как и у тебя возможности покинуть наш замок. Я предупредил стражу. Ты будешь находиться здесь до прибытия следующего корабля Лиги. Теперь ты знаешь слишком много, чтобы позволить тебе разгуливать на свободе.

Пока до меня доходил смысл этой неприемлемой для меня информации, тело само метнулось к столу. Он должен был помнить то, что я сообщил ему о Черном Поясе. Один прием, и он упал без чувств. Но еще до того, как его голова ударилась об стол, я отскочил от него и бросился к двери. И как раз вовремя — ставя на место запирающий болт, я увидел, что ручка двери поднимается и кто-то пытается ее отворить.

— А теперь действуй очень быстро, Джим, — посоветовал я сам себе. — Пока не подняли тревогу. Но сначала проверка, что полезного имеется у этого двуличного профессора.

На столе валялись документы, бумаги, книги, все то, что не представляло для меня в данный момент никакого интереса. Я рассыпал все это по полу вокруг себя, и как раз в этот момент в дверь затарабанили. Времени у меня не было. Теперь профессор. Я расстегнул его мантию и вывернул карманы. Там было еще меньше интересного. Разве что связка ключей. Которая тут же перекочевала в мой собственный карман; она мне могла понадобиться для ограбления. Подхватив свое ружье, я бросился к окну, а в дверь уже колотили со всей силы. Два этажа до земли, а двор был вымощен страшного вида булыжниками. Если бы я прыгнул, я наверняка сломал бы себе ноги. Я перегнулся через подоконник и с благодарностью подумал о недобросовестных каменщиках Спионенте. Между камнями внешней стены были достаточно большие зазоры. Как только я вылез в окно, дверь в кабинет треснула и разлетелась на части. Заткнув ружье за ремень и передвинув его на спину, я начал спускаться вниз. Это было довольно нетрудно. Соскочив с последнего выступа, я вывернул плечо, пытаюсь дотянуться до ружья, которое больно впилось мне в позвоночник, вытащил его и, спотыкаясь, забежал за угол здания, прежде чем кто-нибудь успел высунуться из окна. Я был свободен! Свободен ли? На меня тут же напало уныние. Свободен посредни

замка врага, где все и каждый против меня. Вот это свобода!

Да, свободен! — я самонадеянно стиснул зубы, расправил плечи и постарался придать важность и непринужденность походке. — Свободен, как может быть свободна только Крыса из нержавеющей стали! Так что потарапливайся, Джим, и посмотри, нет ли тут подходящих замков, которые можно открыть теми ключами, что у тебя в кармане.

Я всегда был для себя лучшим советчиком. Я зашагал во внутренний двор, нырнув под высокую арку. По двору тут и там расхаживали вооруженные войны, которые не обращали на меня никакого внимания. Но это не могло продолжаться долго. Как только поднимут тревогу, они тут же бросятся по моим следам.

Глядя прямо вперед, я направился к массивному зданию в дальнем углу двора. В нем были массивные ворота, а рядом располагалась небольшая дверь. Подойдя ближе, я увидел, что они были закрыты на очень современные замки. Это уже кое-что значило.

Интересно было знать, что находилось внутри. Теперь нужно было найти подходящий ключ. Стараясь не выглядеть посторонним, я остановился перед дверью поменьше и принялся изучать ключи. Их было не меньше двадцати. Но замок принадлежал фирме Болгер, моему натренированному глазу нетрудно было определить это, и я стал ошупывать ключи, отыскивая знакомую ромбовидную форму.

— Эй, ты, что ты здесь делаешь?

Передо мной стоял внушительных размеров головорез, грязный и небритый, с красными глазами. За пояс у него был заткнут длинный кинжал, рукоятку которого он многозначительно трогал рукой.

— Открываю дверь, что же еще, — был мой твердый ответ. — А ты тот, кого послали мне помочь? Тогда держи вот это.

Я протянул ему мое ружье. Этим я сумел отвоевать несколько секунд, пока он разглядывал оружие, и вставил в замочную скважину один из ключей. Не тот.

— Никто меня не посылал, — сказал он, изучая ружье, что отвлекло его внимание ровно настолько, чтобы я успел попробовать второй ключ. Не мог же я делать что-нибудь недозволенное, раз уж я отдал ему свое единственное ружье, правда? Я видел, что он напряженно о чем-то думал, медленно поворачивая ствол и шевеля при этом губами. Я прервал высокий полет его мыслей.

— Ну раз уж ты здесь, значит можешь мне помочь...

Фу, слава богу, второй ключ подошел, плавно повернувшись в замочной скважине. Дверь отворилась, и я повернулся также плавно, внезапно ткнув кулаком ему в грудь. Я подхватил ружье, когда он повалился на землю.

— Эй, ты, остановись!

Я проигнорировал этот грубый приказ, так как мне было глубоко наплевать, кто его отдал, а вместо этого проскользнул

за дверь и захлопнул ее за собой. Обернулся и огляделся во круг, и почувствовал внезапное острое разочарование. Не было никакой надежды. Это было довольно просторное помещение, слабо освещенное через отверстия высоко в стене. Это был гараж для паровых машин. Их было пять, аккуратно выстроенных в ряд. Было бы неплохо удрать на одной из них, просто здорово. Я видел их в работе.

Сначала нужно разжечь огонь, забросить туда дрова, дожидаться, когда начнет подниматься пар. Это все занимает обычно не меньше часа. Но как же я мог, скажите, проделать все это без помех, а затем открыть дверь и медленно выехать на свободу, понемногу прибавляя скорость?

Никак! Или был все же какой-нибудь способ? Когда мои глаза стали постепенно привыкать к тусклому свету, я начал понимать, что это были не совсем такие машины, которые мне доводилось видеть раньше с деревянными колесами, окочеванными железом. У этих были мягкие покрышки! Улучшенная технология? А не могла ли современная инопланетная технология быть замаскирована под здешние допотопные развалины?

Я поспешил к ближайшей машине и взобрался на место оператора. Там были знакомые ручки и штурвалы — но невидимы с земли были мягкое кресло оператора и соответствующие контрольные приборы вездехода. В этом не приходилось больше сомневаться!

Запихнув ружье под сиденье, я уселся на него. Сбоку висел ремень безопасности, очень мудро, но не сейчас. Я оттолкнул его в сторону и наклонился к приборам. Включатель мотора, переключатель скоростей, спидометр — а также какие-то незнакомые для меня приспособления. Стук в дверь убедил меня в том, что детальное ознакомление с приборами можно провести позже.

Я протянул руку и попытался завести мотор. Но он не заведся.

А произошло нечто совершенно неожиданное. Мотор молчал, зато прозвучал приятный девичий голосок над самым моим ухом:

— НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ЗАВЕСТИ МОТОР, НЕ ПРИСТЕГНУВ РЕМЕНЬ БЕЗОПАСНОСТИ!

— Ремень безопасности, правильно, спасибо,— я зашелкнул его и попытался включить мотор еще раз.

— ДВИГАТЕЛЬ НАЧНЕТ РАБОТАТЬ ТОЛЬКО ПРИ НЕЙТРАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЯ СКОРОСТЕЙ!

Стук в дверь становился все громче. Я выругался, стараясь отыскать в темноте нейтральное положение переключателя скоростей.

Дверь затрещала, и от нее полетели щепки. Ну, теперь включаем еще раз.

Мотор набирал обороты. Я переключил передачу. И голос опять произнес:

— НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ПОЕХАТЬ С ВКЛЮЧЕННЫМ РУЧНЫМ ТОРМОЗОМ!

Я громко чертыхнулся, маленькая дверь сломалась и с грохотом рухнула на землю, вокруг меня заработали поршни, машина дернулась и зашипела, Кто-то крикнул что-то, и стоящие в дверях, направились ко мне. Машина дернулась еще раз и тяжело и неуклюже двинулась вперед. Она и в самом деле двигалась вперед! Покрытая стальной броней и имитационными железяками, она должна была быть очень тяжелой.

Выход нашелся сам собой. Я нажал на газ, повернул руль и направил свое неповоротливое судно прямо в сторону большой двери. Прекрасно. Мотор взревел и выбросил струю пара, когда я еще поддал газу.

Мы с разгону врезались в дверь с таким грохотом, что я чуть не оглох. Но мой конь несколько не замедлил ход. Дерево заскрипело, подалось и разлетелось в щепки, осыпая меня с ног до головы осколками. Я бросил быстрый взгляд на разбегающихся во все стороны пешеходов, едва успев наклониться, чтобы не остаться без головы, чуть не задев торчащую из двери доску. Затем я сел и заулыбался от радости. Какое замечательное зрелище. Солдаты, разбегающиеся из-под колес и прячущиеся в укрытия. Я повернул руль и развернулся, оглядываясь вокруг в поисках выхода. В стальной борт ударились пули и отскочила назад.

А вот и ворота — прямо впереди. Я снова нажал на газ и дернул за шнурок свистка. Он пронзительно взвизнул, из него вырвалась струя пара, и машина стала набирать скорость. Что оказалось как нельзя кстати. Кто-то не потерял голову и попытался поднять мост. Два человека вставили рукоятку в топорного вида лебедку и неистово поворачивали ее, цепи зазвякали и натянулись. Я нацелился в самую середину ворот, свисток продолжал с визгом выбрасывать пар, пули начали без перерыва отскакивать от стальных бортов вокруг меня. Я вжался в сиденье и изо всех сил давил на газ. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Мост медленно поднимался, отрезая мне путь к отступлению, становясь все больше и больше передо мной. Вот он уже под углом в десять, двадцать, тридцать градусов. Похоже, что мне не прорваться.

Мы с грохотом ворвались на мост, я чуть было не вылетел из сиденья от удара, но ремень безопасности меня спас. Спасибо тебе, голосок. Передние колеса поднимались по мосту, выше и выше, до тех пор, пока нос машины не повис в воздухе. Если бы мы поднялись еще выше, она перевернулась бы на спину. И тут мне улыбнулась удача. Мотор сердито заурчал, и моя восхитительная телега встала на дыбы и подалась назад — и я услышал пронзительный визг и лязг цепей. Затем вся моя громадина накренилась вперед. Цепи, удерживающие мост, лопнули, не выдержав тяжести моей машины. Мы клонули носом в землю, и удар вновь

был таким резким, что чуть не оглушил меня. Но ноги мои все еще были на педалях, и колеса продолжали крутиться. Машина рванула вперед, прямо к воде. Я вывернул руль и выправил ее, сворачивая с моста на дорогу. Быстрее и быстрее, вверх по холму и за перевал — и на полной скорости по дороге, пока мы не опрокинулись в кювет. Я был в безопасности и далеко от преследователей. Я оглянулся назад, но никого позади себя не увидел. Но они скоро появятся, если не пешком, то на таких же замаскированных под паровые машины вездеходах. Я твердо поставил ногу на газ и плотно стиснул зубы, чтобы они не стучали всякий раз, когда мы насккивали на кочки.

Впереди был длинный склон, который немного замедлил наше продвижение. Я газовал изо всех сил, но и это не помогло, и мы кое-как тащились, с трудом перемещая грузное тело этой бестии. Появилась возможность проверить батареи — заряжены! Мне просто повезло с этим, потому что я никак не смог бы их перезарядить, если бы они вышли из строя. Сквозь лязг и громохание машины я услышал едва заметный отдаленный свист и бросил быстрый взгляд поверх плеча. Так и есть! Два вездехода мчались по моим горячим следам. Не было никаких сомнений, что они не догонят меня. На бездорожье эти машины были совершенно беспомощны и сразу застревали в грязи.

А в замок Капо Димона вела одна-единственная дорога. Я ехал по ней как раз в том направлении и собирался вести их за собой всю дорогу. Правда, если я приведу их туда, они будут знать, кто стащил их вездеход, и придут за ним позже со своим усыпительным газом. Ничего хорошего. Я оглянулся и увидел, что они приближаются. Но машины тут же начали отставать, как только поползли по склону. Я проскочил перевал, и скорость прибавилась — как и раздражающее слух дребезжание. Думаю, что они придумали эту машину, как один из способов наказания.

Тут показался перекресток, впереди меня из-под колес разбегались крестьяне. Вот и левый поворот, который должен привести меня прямо в замок Димона. Я пронесся мимо него. Я не знал этой дороги совершенно, и все, что я мог сделать, это двигаться вперед и ругать себя на чем свет стоит. Что-то нужно было предпринять — и как можно быстрее. Даже если я буду целый день держать их у себя на хвосте, я израсходую все батареи и все. Думай, Джим, шевели своими заскорузлыми мозгами.

За первым же поворотом мне представилась прекрасная возможность выпутаться из данной ситуации. Ухабистая деревенская дорога пролегла по полю и вела вниз к ручью. И тут, как это обычно и бывает с хорошими идеями, в моей голове выстроился красивый, продуманный до мелочей, хитрый план. Без колебаний я повернул руль и покатиł вниз в долину. Все замедляя и замедляя ход и чувствуя, как вязнут в мягкой почве колеса моей телеги. Если я застряну

сейчас здесь, это будет конец. Или по крайней мере конец моему владению этой штуковиной. Которую мне бы хотелось еще придержать на некоторое время. Так что, давай вперед, Джим, но очень осторожно. На самой низкой скорости, на первой передаче, я продвигался вперед, пока мои передние колеса не въехали в ручей. Они сразу же погрузились в жидкую грязь, но тут я остановился и включил задний ход. Глядя назад через плечо, я старался двигаться строго по колес, которую я сам проделал, спускаясь вниз.

Наконец я выбрался на твердую дорогу. Переключив скорости, я позволил себе взглянуть на свою работу. Отлично! Следы вели прямо к воде и в воду. На дороге позади себя я услышал не очень отдаленный свист. Я со всей силы надавил на газ и на полной скорости вылетел за поворот, скрывшись за деревьями. Там я остановился, заглушил мотор, поставил машину на ручной тормоз и выпрыгнул на землю. Теперь предстояло самое опасное. Мне нужно было убедить их двинуться по моим следам. Если они мне не поверят, у меня будет совсем мало шансов скрыться.

Но деваться было некуда, надо рисковать. Я стянул на бегу куртку, спотыкаясь, вывернул ее на другую сторону. Накинув ее на плечи, завернул рукава и наклонился, чтобы закатать брюки. Не очень-то приличная маскировка, но в данном случае и она могла помочь. Я надеялся, что преследователи не успели меня как следует рассмотреть — если они вообще меня видели.

Я встал на том месте, где свернул к ручью, и еще успел зачерпнуть немного грязи и вымазать ею лицо, когда первая из псевдопаровых машин выползла из-за поворота. Они замедлили ход, когда я вышел на дорогу и показал рукой в сторону ручья. И крикнул:

— Он поехал туда!

Водитель и стрелок повернулись к полю и долго рассматривали мой следы. Мотор замедлил обороты, а потом и совсем заглох.

— Плюхнулся прямо в воду и продолжал гнать по полю. Этот парень — ваш приятель?

Наступил решающий момент. Он тянулся неимоверно долго, и тут показался второй вездеход, который, замедлив ход, тоже остановился. Что если они начнут расспрашивать меня — или просто взглянут на меня поближе?

Мне захотелось поскорее убежать — но если я сделаю это, все провалится.

— За ним! — выкрикнул кто-то, и водитель, вывернув руль, свернул в поле.

Я помчался назад к деревьям и наблюдал за ними с величайшим интересом. Просто красота. Я был горд за себя, да, горд. И мне не стыдно было в этом признаться. Когда художник создает величайшее произведение искусства, он это знает и не пытается принизить его значение своей ложной скромностью. А это было настоящее произведение искусства. Пер-

вая машина прогромыхала по полю, подпрыгивая и неуклюже приседая на кочках, и на полном ходу врезалась в воду, поднимая гору брызг.

Все произошло так быстро, что задние колеса очутились в воде еще до того, как заглох мотор. И машина стала медленно погружаться в жидкую грязь. Она тут же полностью покрыла колеса, и они окончательно завязли в ней. По всему полю полетели страшные крики и ругательства — а что самое замечательное, кто-то вытащил трос и сцепил вездеходы вместе. Чудесно! Второй вездеход взрыл колесами землю, погружаясь все глубже и глубже в мягкую почву, пока и сам не застрял в ней.

Я радостно захлопал в ладоши и зашагал назад к своей машине.

Мне не следовало этого делать, я это знал. Но бывают в жизни моменты, когда просто невозможно удержаться от желания порисоваться.

Я сел в машину, пристегнул ремень безопасности и, двигаясь назад и вперед, вывернув ее на дорогу, после чего включил полную скорость. Проезжая злосчастный поворот, я с силой нажал на гудок. Он громко завизжал, и все повернулось в мою сторону, все смотрели на меня во все глаза. Я помaxed им ручкой и рассмеялся. И прекрасное зрелище, мелькнув за деревьями, исчезло из виду.

Это был победный марш. Я громко смеялся, пел и весело насвистывал.

Когда первые восторги улеглись, я двинул вперед ферзя в своей мысленной шахматной партии. И стал обдумывать, каким может быть ответный ход. Шипение пара и бряцание железа отвлекало, и я, изучив внимательно приборы, обнаружил, что все эти спецэффекты просто записаны и их можно выключить. Что я и сделал, продолжая свой путь к замку Капо Димона в тишине и спокойствии.

День был уже в разгаре, когда я наконец добрался до него — и к этому времени я ясно представлял дальнейшее развитие событий. Когда я повернул за последний поворот и выехал на дамбу, мне пришлось вновь запустить спецэффекты, и я, гроыхая и свистя во все пары, подкатил к воротам. Я не торопился, чтобы стража успела меня заметить и поднять частично отремонтированный мост задолго до того, как я окажусь у ворот.

Остановившись перед ущельем, я заметил, что они с подозрительным любопытством выглядывают на меня из-за моста.

— Не стреляйте! Я — друг! — выкрикнул я. — Я солдат вашей армии и приближенный Капо Димона. Пошлите за ним немедленно, так как я знаю, что ему не терпится посмотреть на новую паровую машину.

Ему и впрямь не терпелось. Как только мост опустился, он важно прошагал по нему и подошел ко мне.

— Где ты это взял? — спросил он.

— Стащил. Залезай ко мне и я покажу тебе кое-что интересное.

— А где усыпительный газ? спросил он, взбираясь по ступеням

— Я не стал с ним связываться. С этой телегой я разработал план, еще получше прежнего. Это не обычная паровая машина, как надеюсь, ты успел заметить. Современная и усовершенствованная модель, с кое-какими дополнениями, которые привлекут твоё внимание.

— Ты идиот! О чем ты говоришь? — Он нервно задвигал своим мечом; что за невыдержанный характер.

— Я продемонстрирую, ваше величество, ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Предлагаю тебе сесть и пристегнуть вот этот ремень безопасности, как у меня. Гарантирую, что то, что ты увидишь, произведет на тебя большое впечатление.

Это возбудило в нем некоторое любопытство. Он уселся рядом со мной, и я медленно прокатил его по дамбе до самого берега. Со всеми соответствующими шумовыми эффектами. Тут я остановился и повернулся к нему.

— Что ты можешь сказать о скорости движения этой машины? Какова она обычно?

— Скорость? Ты имеешь в виду то, как быстро она движется? Это отличная упряжка и идет намного быстрее, чем моя собственная.

— Но ты еще ничего не видел, Капо. Во-первых, взгляни сюда.

Я выключил шумовое сопровождение, и он понимающе кивнул.

— Ты выключил зажигание, и она замолчала и не двигается

— Как раз наоборот. Я просто заставил ее замолчать, чтобы никто не услышал ее приближения. Но она поедет, да еще как! После того, как ты ответишь мне на один вопрос. Если бы эта телега принадлежала врагу и появилась здесь — успели бы твои солдаты поднять мост, прежде чем она въехала бы на него?

Он насмешливо фыркнул.

— За какого дурака ты меня принимаешь, что задаешь такие глупые вопросы? Пока эта развалина будет грохотать по дамбе, мост можно поднять и опустить не один раз.

— Да ну? Тогда держись, и мы посмотрим, что эта малютка может сделать.

Я нажал на газ, и вездеход рванул с места почти в полной тишине. Слышалось только негромкое гудение мотора и шуршание шин по гладкой мостовой. Быстрее и быстрее к воротам, которые приближались к нам с пугающей скоростью. Стража, стоявшая в проеме, едва успела отскочить в сторону, а мы на полном ходу въехали на неотесанные доски моста, подпрыгнули на нем и плавно вкатили в замок через городские ворота. Остановившись посреди двора, я заметил, что Капо сидит в машине с выпученными глазами и ловит ртом

воздух. Но немного оправившись, он выдернул свой меч из ножен.

— Ты — предатель! Твоя попытка убить меня не удалась...

— Послушай, Капо, это была всего лишь демонстрация. Я показал тебе, как я собираюсь провезти тебя и твоих солдат через ворота замка Капо Доссия. Прямо через открытые ворота во внутренний двор, где ты можешь убивать, грабить, громять, калечить, разрушать...

Это его успокоило. Меч отправился обратно в ножны, и он наконец заметил, какой переполох и удивление вызвал наш прорыв.

— Ты прав, — сказал он, часто моргая и приходя в свое обычное состояние. — Ты подкинул мне очень интересную мысль, солдат, и мне бы хотелось послушать, что ты еще скажешь обо всем этом, за чашкой вина — так как наша прогулка оказалась чем-то таким, что я не испытывал раньше никогда.

— Слушаюсь. Но позволь сначала убрать с глаз эту телегу. Нападение будет успешным только в том случае, если оно будет неожиданным.

— Правильно говоришь. Поставь эту штуковину в сарай, а я пошлю туда охрану.

Вино, которое он дал мне отведать, было довольно приятным по сравнению с той кислятиной, которую выдавали войску, и я с удовольствием пригубил его. Совсем немножко, потому что мне нужна была ясная голова, если партия будет развиваться соответственно плану. Мне нужно было найти причины, которые бы показались ему разумными, чтобы убедить его не откладывать наступление. Потому что, если мы не будем торопиться, профессор Люстиг забросает нас своими газовыми бомбами. Я был уверен, что он не очень обрадовался тому, что я украл его гоночный автомобиль. А в округе не так уж много замков, где его можно спрятать.

Пришло время действовать. Я мысленно выставил вперед ладью и сказал:

— Замок подлеца Доссии находится отсюда не больше, чем в пяти часах ходьбы — правильно?

— Пять часов, четыре часа для марш-броска.

— Хорошо. Тогда подумай вот над чем. Он напал на тебя, когда ты с большей частью армии отсутствовал. Его войска причинили большой урон мосту и самому зданию замка. Прежде чем ты отважишься предпринять новое наступление, ты должен починить мост, может, даже нанять новых солдат. Чтобы к тому времени, когда ты начнешь военные действия, никто не смог воспользоваться твоей отлучкой. Это правильно?

Он не спеша цедил вино и смотрел на меня поверх бокала.

— Да, черт тебя подери, думаю, что так оно и есть. Осторожность, мои офицеры всегда советуют мне быть осмотрительным, когда я собираюсь идти войной против этой бестии, вырвать у него кишки, содрать с него с живого кожу.

Так оно и будет на самом деле, перед тобой открыва-

ется прекрасное будущее. И в отличие от твоих офицеров я не стану советовать тебе чересчур осторожничать. Думаю, что этот дьявол во плоти должен быть уничтожен — и немедленно!

Это ему очень понравилось, и было видно, что он слушает меня с неотрывным вниманием, когда я докладывал ему свой план.

— Оставляем здесь все, как есть — берем с собой всех людей. Если все пойдет по намеченному, ты вернешься сюда со своим войском еще до того, как кто-либо узнает, что ты уходил. Мы выступим ночью, бесшумно, словно духи мщения, и на рассвете займем выгодные позиции как можно ближе к замку Капо Доссия. Я знаю место. Когда мост опустят на рассвете, я с помощью твоей новой машины прослежу за тем, чтобы он оставался открытым. Твои войска атакуют, захватывают замок — и победа у нас в кармане. Как только мы завоюем замок, мы пошлем самых сильных домой.

— Все так и могло бы произойти. Но как ты собираешься помешать им закрыть мост?

Когда я объяснил ему это, он вскрикнул от радости, и его лицо расплылось в озорной усмешке.

— Действуй! — крикнул он. — И я сделаю тебя богатым на всю жизнь. С помощью гроутов Доссии, разумеется, когда я захвачу его богатства.

— Ты слишком добр к своему бедному слуге. Могу ли я в таком случае посоветовать, чтобы ты отправил всех в замок отдыхать, так как ночь у нас будет не из легких?

— Да, будет сделано. Я отдам соответствующие приказы.

После этого я тихонько покинул Капо. Кроме естественного беспокойства по поводу уставших тел моих товарищей, у меня были и другие причины пожелать им спокойной ночи в своих кроватях.

Мне нужно было выполнить еще кое-какие важные задачи, прежде чем я смогу отдохнуть сам.

— Инструменты, — сказал я Дренгу, еле разбудив его. Напильники, молотки и тому подобное. Где их здесь можно найти?

Он запустил пальцы глубоко в спутанные волосы и усердно заскреб голову, наверное, пытаясь выцарапать оттуда какую-нибудь мысль.

Я с трудом поборол в себе желание схватить его и хорошенько встряхнуть и вместо этого я терпеливо дождался, когда он закончит свое замедленное действие. Возможно, что подобный массаж головы помогает ему расшевелить его тугодумные мозги. Поэтому я не стал вмешиваться в установившуюся практику.

И он наконец заговорил:

— У меня нет инструментов.

— Я знаю, дорогой мальчик, — я слышал, как заскрежатали мои зубы, но заставил себя сдержаться. — У тебя нет инструментов, но у кого-нибудь они должны быть. У кого, как ты думаешь?

— У кузнеца,— с гордостью произнес он.— У кузнеца всегда есть инструменты.

Молодчина. А теперь, не будешь ли ты так любезен и не покажешь ли, где можно его найти?

Тот, кого мы искали, оказался черным, как сажа, волосатым мужиком в прескверном настроении. Он дынул на нас перегаром.

— Ползи отсюда, малявка. Никто никогда не прикасается к инструментам Гранджа, никто.

Да, действительно малявка! Я не должен был вызывать его гнев и сердитое ворчание.

— Слушай ты, грязная свинья — это инструменты Капо, а вовсе не твои. И Капо послал меня за ними. А теперь либо я возьму их, либо мой оруженосец приведет сюда Капо. Тебе этого хочется?

Он сжал кулаки и нахмурился, затем отошел в нерешительности. Как и все остальные, он видел, как мы с Капо въехали в замок, и знал, что я пользуюсь его доверием. Он не мог позволить себе вызвать гнев своего босса. Он принялся подпрыгивать, кланяться и расшаркиваться.

— Разумеется, хозяин. Грандж знает свое место. Инструменты, конечно, возьми мои инструменты. Вот здесь все, что вам угодно.

Я протиснулся мимо его раскланивающейся фигуры к верстаку с примитивными приспособлениями. До чего же умиротворительно!

Мне пришлось перебрать кучу всякого хлама, пока я наконец не нашел подходящий напильник, молоток и какие-то необработанные металлические обломки, которые должны были пригодиться. Я всучил все это Дренгу.

— Возьми-ка это. А ты, Грандж, сможешь забрать свои инструменты завтра утром в гараже.

Дренг последовал за мной и с благоговейным страхом устался на паровую машину.

— Закрой рот, а то муха залетит,— сказал я ему, забирая инструменты.— Теперь мне нужна солидная сумка или какой-нибудь мешок, вот такого размера. Отыщи где-нибудь все это и принеси мне. А потом отправляйся спать, потому что нам не удастся выспаться этой ночью.

С настоящими инструментами я бы справился с работой в считанные минуты. Но у меня было такое чувство, что здесь не очень-то придерживались точных допусков, и если я хоть отдаленно приближусь к модели, все будет в порядке. Металлическая обшивка борта была примерно такой же толщины, как и мой деревянный ключ. Я отрезал кусок и пилил, и стучал, и делал зарубки, придавая ему нужную форму. Должно подойти.

Дренг — как и все остальные — уже давно спал, и я мог приступить к операции под названием Великий Гроут. С ключом в кармане, с засунутой за пояс сумкой, бесшумно, словно тень, я пробрался в самые дебри замка. Я запомнил карту Сло-

на, и его дух должен был хранить меня, во всяком случае, я отыскал сокровища безо всякого труда. Я вставил ключ в замочную скважину, плюнул три раза на всякий случай и повернул его. Скрежетнув по металлу, ключ повернулся, и замок открылся.

Мое сердце, как обычно, заколотилось в груди, а я словно прирос к месту. Шум могли услышать. Но, к счастью, не слышали. Дверь негромко скрипнула, когда я ее отворил, но в следующий момент я был уже внутри сводчатого склепа и тихонько захлопнул ее за собой. Прекрасно. Высокие зарешеченные окна впускали достаточно света, и я увидел огромные сундуки в дальнем углу склепа.

Я отлично провел свои финансовые исследования, оглядывая богатства этого хвастуна, и я знал, что мне здесь было нужно. Первый сундук был наполнен медными гроутами, я мог определить это на ощупь по их толщине. В логической последовательности я обнаружил серебряные гроуты в следующем сундуке и набил ими половину сумки. Продавая это, я заметил сундучок поменьше, неприметно стоявший поодаль. Я улыбнулся в темноте, запустив туда руку и почувствовав угловатые формы. Золотые гроуты — и много. Похоже, операцию можно было считать успешной. Я закончил набирать монеты и почувствовал, что сумка стала неподъемной. Берегитесь жадности! Прислушавшись к этому своему совету, я взвалил сумку на плечо и тем же самым путем вышел наружу.

Во дворе расхаживали вооруженные стражники, но они не заметили, как я осторожно проскользнул в сарай. Включив фары вездехода, света которых было достаточно, чтобы оглядеться, я открыл нижнее отделение для аккумуляторных батарей и пристроил там сумку с деньгами. Закрыв его, я почувствовал величайшее облегчение. И мысленно выдвинул вторую ладью вслед за первой.

Партия шла точно в том направлении, которое я ей задал, и впереди уже ясно был виден мат.

— А теперь, Джим,— подумал я.— Приклони куда-нибудь свою голову и поспи. Завтра будет невероятно хлопотный день.

Я что-то бормотал, отбивался и отворачивался, но какой-то раздражитель не давал мне покоя.

Наконец я приоткрыл глаза и сердито зарычал на Дренга, который не переставал трясти меня за плечо. Он тут же в испуге отскочил.

— Не бейте меня, хозяин,— я делаю то, что мне было приказано. Пора просыпаться, войско уже строится во дворе.

Я проворчал что-то невнятное, которое вдруг перешло в кашель. Передо мной тут же появилась чашка, и я с наслаждением прильнул к прохладной воде, затем вновь откинулся на койку.

Уже не в первый раз я оценил систему, в которой у каждого воина должен быть оруженосец. Но сейчас я чувствовал

себя побитым, измочаленным, измученным. Все эти беды и напасти способны подорвать выносливость даже молодого и полного сил и энергии организма. Я потрянул головой, и приподнялся на локте, рассердившись на себя за мимолетную слабость.

— Хорошо, иду, Дренг,— сказал я.— Принеси мне чего-нибудь поесть, чтобы насытить мои внутренности перед дальней дорогой. И еще воды, если можно, а то похоже, что кроме алкоголя у этих хозяев ничего не подают.

Я побрызгал холодной водой на голову, фыркая и отплеываясь на весь двор. Промокнув лицо, я увидел в ясном свете звезд, как солдаты выстраиваются в шеренги, получив амунизию.

Скоро начнется самая великая авантюра в моей жизни.

Когда я вернулся в казарму, Дренг уже поджидал меня там. Я сел на нарах и принялся за завтрак, состоящий из совершенно отвратительных жареных бобов, вымоченных в какой-то отраве, которая здесь называлась вином. В промежутках между закидыванием пищи в рот мне приходилось говорить, потому что это был последний момент, когда я мог поговорить со своим оруженосцем наедине.

— Дренг, твоя военная карьера заканчивается.

— Не убивайте меня, хозяин!

— Военная карьера, идиот, я же не сказал, твоя жизнь. Сегодня последняя ночь твоей службы, и утром ты будешь отпущен домой с волным расчетом. Где твой старый отец прячет деньги?

— Мы так бедны, что у нас нет гроутов.

— Да, я тоже так думаю. Но ЕСЛИ БЫ у него было немного — куда бы он их положил?

Наверное, это был сложный вопрос, потому что он надолго задумался, пока я жевал и глотал свой завтрак. Наконец он ответил.

— Закопал бы их под очагом в доме! Помню, он как-то это делал. Все закапывают свои деньги под очагом, чтобы их никто не нашел.

— Прекрасно. В таком случае их обязательно найдут. Ты должен поступить со своим богатством совершенно по-другому.

— У Дренга нет богатства.

— У Дренга будет богатство еще до восхода солнца. Я тебя полностью рассчитаю. Придешь домой и отыщешь возле хижины два дерева. Натянешь между ними веревку. Выкопаешь яму прямо под ней, поделив веревку пополам. Зароешь деньги там — тогда ты сможешь легко найти их, когда они понадобятся. Но доставай по нескольку монет, не все сразу. Понял меня?

Он радостно закивал.

— Два дерева, середина веревки. Никогда не слышал ничего подобного!

— Очень важно это знать,— я вздохнул. На свете было много чего, о чем он никогда в жизни не слышал. — Ну, пойдем. Я хочу, чтобы ты был кочегаром на моей огненной колеснице.

Я, шатаясь, поднялся на ноги и направился к сараю. В то время как солдаты уже построились в шеренги и были готовы к походу, офицеры только появились, потягиваясь и зевая, во главе с Капо.

Времени оставалось немного. Дренг забрался в машину позади меня и взвизгнул от страха, когда я включил освещение приборов.

— Дьявольский свет! Это фонари привидений! Всрный признак гибели!

Он скрестил руки на груди, приготовившись к смерти, пока я его хорошенько не растолкал.

— Батареи! — крикнул я. — Подарок науки, отрицаемой в вашем кошмарном мире. А теперь перестань скулить и открывай свою сумку.

Все мысли о смерти мигом исчезли, и он вылупил глаза, когда я начал набивать его кожаную сумку серебряными и золотыми гроутами. Это было настоящее богатство, которое должно было переменить его жизнь полностью, по крайней мере это единственное доброе дело, совершенное мной на этой планете.

— Что вы там делаете?

Это был Капо Димон, подозрительно оглядывающий нас снизу.

— Разогреваем мотор, только и всего, ваше превосходительство.

— Убери прочь своего оруженосца, я сажусь в машину.

Я махнул ошарашенному Дренгу, чтобы он пересел на заднее сиденье, и Капо взобрался на борт.

— Вы делаете мне одолжение своим присутствием, Капо.

— Ты чертовски прав. Я поеду в машине, в то время как войско пойдет пешком. Давай, заводи эту штуковину

Разведчики уже давно были отправлены вперед, когда мы прогрохотали по мосту и выехали на дамбу. Основная часть войска шла за нами, и, несмотря на поздний час, походка их была довольно бодрой. Все они потеряли ценные вещи — а кто-то и оруженосцев — во время вражеского набега. И все пылали теперь жаждой мести и наживы.

— Капо Доссия должен быть захвачен живым,— сказал вдруг Капо Димон. Я уж было приготовился ответить, но вовремя сообразил, что он разговаривает сам с собой. — Связанный и беспомощный, он должен быть доставлен в мой замок. Сначала я сдеру с него кожу, совсем немного, чтобы только хватило на ленту к шляпе. Затем, наверное, выколю ему глаза. Нет — не сразу — он должен видеть, что с ним происходит...

Он говорил еще что-то в этом же духе, но я перестал слушать. У меня было о чем подумать — и даже пожалеть. Когда

Слон был убит, ярость переполнила меня и завладела мной настолько, что я не понимал, что делаю. Теперь все оправдания исчезли — я пустился в это предприятие исключительно ради мести. И я не мог провозгласить, что делаю это ради памяти Слона, потому что знал, насколько он был всегда против подобных насильственных актов. Но отступить было поздно. Кампания была уже развернута, и мы быстро приближались к цели.

— Остановись-ка! — неожиданно скомандовал Капо, и я нажал на тормоза.

Впереди нас на дороге стояла в ожидании небольшая кучка людей — наши отправленные вперед разведчики. Капо прыгнул на землю, а я наклонился, чтобы рассмотреть, что там у них случилось. Они вели человека со связанными за спиной руками.

— Что произошло? — спросил Капо.

— Мы обнаружили, что он наблюдает за дорогой, ваше превосходительство. И поймали его, прежде чем он смог удрать.

— Кто он такой?

— Солдат по имени Палек. Я знаю его, служили вместе во время южной кампании.

Капо подошел к арестованному, приблизив к нему свое лицо и сердито прорывав:

— Ты теперь мой, Палек. Скрученный и связанный.

— Ну.

— Ты человек Капо Доссии?

— Ну, я служу у него. Получил от него гроут.

— Ты давно пропил его, наверное. А будешь ли ты служить у меня и получать мои гроуты?

— Ну.

— Развяжите его. Баркус — дай этому человеку серебряный гроут.

Наемники славно воевали, но они так же легко переходили то на одну, то на другую сторону.

А почему нет? Они не были привязаны к казармам ни одного из Капо. Как только Палек согласился принять монету, ему вернули его оружие.

— Скажи, Палек, — скомандовал Капо. — Ты теперь мой слуга, который получает мои гроуты. Но ты служил у Капо Доссии. Расскажи мне о его планах.

— Ну. Это не секрет. Он знает, что твоя армия осталась целой и невредимой и что ты рано или поздно пойдешь на него войной. Несколько человек послали понаблюдать за дорогами, но он не предполагает, что вы придете так скоро. Он не перестает пьянствовать, а это значит, что он не ждет нападения.

— Я проткну ему мечом живот и выпущу оттуда вино и кишки! — Капо с трудом заставил себя прервать свои мечтания и вернуться к действительности. — Ну, а войска? Они будут сражаться?

— Ну, им только что заплатили. Но они его не очень лю-

бят и перейдут на сторону противника, как только битва будет проиграна.

Это уже лучше. Вставай в строй, разведчики вперед, заводи машину

Последнее предназначалось мне, и он быстро вскарабкался наверх.

Я нажал на газ, и мы продолжили продвижение. Больше нас ничто и никто не останавливал, и мы, сделав небольшой привал, подошли к замку врага задолго до восхода солнца. Разведчики ждали нас у дороги в том самом месте, которое я выбрал заранее. Замок Капо Доссия находился за следующим поворотом.

— Я расставляю дозорных,— сказал Капо.

— Согласен. Мой оруженосец покажет им точное место, где они смогут, укрывшись из виду, наблюдать за воротами,— я подождал, пока он отойдет подальше и прошептал Дренгу на ухо:

— Бери свою сумку и все, что у тебя есть с собой, — ты сюда больше не вернешься.

— Я не понимаю, хозяин...

— Поймешь, если закроешь рот и будешь слушать, вместо того, чтобы болтать. Отведи солдат к тем кустам, где мы прятались, когда пришли сюда выручать Слона. Ты помнишь это место?

— Это сразу за сожженным деревом, стоящим над живой изгородью...

— Отлично, отлично — мне не нужны твои описания. Отведи солдат туда, как я сказал, покажи им, где спрятаться, и сам спрячься позади них. Когда взойдет солнце, здесь начнется настоящая заварушка. В это время ты не делаешь абсолютно ничего, понял меня — не говори, просто кивни?

Он кивнул.

— Прекрасно. Ты остаешься лежать, пока все не умчатся вперед. Как только все разбегутся и никто не будет на тебя смотреть — беги прочь. Назад в лес и домой, и сиди там тихо, пока не улягутся страсти. Затем посчитай свои деньги и живи счастливо.

— Получается — что я не буду больше вашим оруженосцем?

— Правильно. Демобилизован из армии с почестями.

Он упал передо мной на колени и схватил мою руку, но прежде чем он успел произнести хоть слово, я прижал палец к его губам.

— Ты был хорошим оруженосцем. Теперь будь хорошим фермером. Беги!

Я смотрел ему вслед, пока он не растворился в темноте. Глуповатый — но преданный. И единственный друг на этой жалкой планете. Единственный друг, который был мне так необходим! Особенно теперь, когда Слон... Слава богу, мои грустные мысли были прерваны Капо, который снова забрался на свое сиденье. За ним последовали вооруженные сол-

даты, и вскоре их набилось в машину под самую завязку. Капо украдкой взглянул на небо.

Уже показался первый лучик. Скоро рассвет. И тогда начнется.

Теперь нам оставалось только ждать. Казалось, в воздухе было столько напряжения, что было трудно дышать. Светало, из темноты стали появляться неясные очертания солдатских лиц с одинаковым мрачным выражением. Я сосредоточил все свое внимание на том, что происходило за поворотом, вспоминая, как это было, когда мы с Дренгом прятались там. Ждали и наблюдали. За закрытыми воротами замка, за поднятым мостом, за тем, как они с каждой минутой становились все отчетливей.

Солнце поднималось все выше, и из-за толстых городских стен показался дымок от костра, на котором готовили завтрак. Затем в казармах прозвучал сигнал к подъему, смена караула.

Наконец ворота отворились, мост опустили. Что потом? Последуют ли они заведенному порядку? Если нет, наши силы вскоре будут замечены...

— Сигнал! — сказал Капо, с силой пихнув меня в бок локтем.

Это было лишнее. Я и сам увидел солдата, который замаял нам рукой, как только появился из-за поворота. Нога уже давила на газ, и мы быстро набирали скорость. Обогнув поворот, мы помчались прямо ко входу в замок, подпрыгивая и раскачиваясь на кочках. Стража удивленно уставилась на нас и замерла в изумлении, в то время как мы стремительно приближались к ним. Рабы, толкавшие повозку, остановились как вкопанные и тоже во все глаза смотрели на нас. Затем поднялся страшный крик. Мост заскрипел, когда они попытались поднять его, но повозка и раб все еще стояли на нем. Посыпались пинки и визгливые приказы, но каждая потерянная секунда неумолимо приближала нас к воротам. Они принялись впихивать повозку обратно во двор — но было уже поздно. Мы их опередили. Передние колеса коснулись моста, мы подпрыгнули в воздух и приземлились с громким треском, на всем ходу врезавшись в повозку. Я затормозил, рабы и стража нырнули в ров с водой, боясь быть задавленными, а мы юзом прокатились по мосту и застряли в городских воротах.

— За Капо Димона, за гроуты, за господу Бога! — кричал Капо, выпрыгивая из машины и бросаясь в атаку.

Остальные тоже бросились за ним, а я немного сдал назад. За моей спиной слышались крики и топот наступающей армии. Я видел, как Капо со своими людьми захватил механизм, поднимающий мост. Хотя его все равно невозможно было поднять, потому что на него всей своей тяжестью навалилась моя машина. В этом и заключалась вся прелесть и простота моего плана. Раз уж я въехал на мост, он останется опущенным, пока я тут. Ну а теперь я мог прокатиться вперед, чтобы пропустить в ворота остальное войско.

Завязался бой за замок Капо Доссия.

Это было неожиданное нападение, которое и в самом деле застало их врасплох. Наши силы оккупировали подъемный мост и постепенно заполняли внутренний двор замка, в то время как из казарм стали выскакивать солдаты Капо Доссия. Стражники на городских стенах сражались яростно и отважно, но мы явно превосходили их по численности. В придачу к общей неразберихе я включил шумовые спецэффекты и выпустил пар из свистка, врезаясь в кучу защитников замка, преградивших мне путь. В мою сторону раздалось даже несколько выстрелов, но большинство солдат, увернувшись из-под колес, побежали прочь.

Колеса взвизгнули, когда я резко притормозил и огляделся вокруг, залюбовавшись картиной боя. Защитники на стенах капитулировали один за одним, поднимая руки в воздух. Уступая нам по численности с самого начала и не имея особых причин быть преданными Капо, как нам и было сказано, они теперь рады были спасти свои жизни. У входа в главное здание группа офицеров показывала чудеса отваги, и главное сражение разгорелось там. Но и они друг за другом выходили из боя, кто пораженный вражеским мечом, кто вовремя признавший себя побежденным. Двое из их команды попытались скрыться в здании, но обнаружили, что дверь захлопнулась у них перед самым носом.

— Принесите факелы! — крикнул Капо Димон. — Сейчас мы выкурим их из замка!

Сражение закончилось так же быстро, как и началось. Ворота, стены и внутренний двор были в наших руках. Сваленные в кучу трупы говорили о жестокости этого недолгого боя. Рабы дрожали от страха, прижавшись к стенам, в то время как сдавшиеся солдаты были отведены с исходных позиций. Только центральное здание оставалось до сих пор в руках защитников. Капо Димон, похоже, твердо знал, что нужно делать. Он помахал над головой дымящимся факелом и крикнул:

— Эй, Доссия, толстобрюхая жаба, пришел твой конец. Выходи и сражайся, как честный воин, ты червяк, или я выкурю тебя оттуда. Я сожгу тебя заживо вместе со всеми, с мужчинами, женщинами, детьми, собаками, крысами, голубями, которые находятся там с тобой. Выходи и дерись, ты, грязный подонок — или оставайся там и я поджарю тебя, как свинью на вертеле!

Изнутри раздался выстрел, и пуля отскочила от булыжника у самых ног Капо. Он взмахнул своим окровавленным мечом, и в ответ прозвучал залп из наших ружей. Пули со свистом ударялись в каменные стены, застревали в обшивке двери, залетали в окна. Когда огонь прекратился, мы услышали дикие крики, доносящиеся из здания.

— Последнее предупреждение! — выкрикнул Капо Димон. — Я не воюю с женщинами и теми солдатами, которые сдаются. Сложите оружие и вы будете свободны. Будете сопротивляться — и сгорите заживо. Мне не нужен никто больше,

только эта свинья, Доссия. Ты слышишь это, Доссия, мерзкая тварь, свинья, гадина..

И все в том же духе, так он увлекся. Факел потрескивал и дымился в его руке, а внутри здания по-прежнему слышалась приглушенная возня и крики.

Вдруг дверь распахнулась, и Капо Доссия скатился вниз по ступенькам. Он был бос и полуодет — но держал в руках меч. При виде своего врага Капо Димон совсем потерял то немногое самообладание, которое у него еще оставалось. Он зарычал от ярости и бросился вперед. Доссия вскочил на ноги, лицо его было все в крови, и поднял меч для защиты. Это было незабываемое зрелище — и каждый наслаждался им. Наступило никем не объявленное перемирие, когда оба лидера вступили в бой.

Солдаты опустили оружие, а в окнах над их головами показались любопытные лица. Я тоже вылез из водительского кресла и встал на передок машины, где мне были прекрасно видны оба бойца.

Они стояли друг друга — не превосходя один другого ни в гневе, ни в ловкости. Меч Димона с силой обрушился на поднятый клинок Доссии. Он ловко отпарировал и сделал бросок — но Димон вовремя отступил назад. Вслед за этим последовали непрерывные удары сталью о сталь, перемежающиеся громкими проклятиями. Они крутились на булыжной мостовой, размахивая мечами, будто от этого зависели их жизни. Хотя, конечно, зависели. Это было довольно примитивное бряцание оружием, выпад — ответный удар, но в нем присутствовало столько энергии.

Раздался крик — Димон первым пустил кровь своему врагу, и рубашка вокруг раны на боку у Доссии быстро промокла. Это было начало конца.

Димон был сильнее и свирепее и наиболее близок к победе. Если Доссия и впрямь пьянствовал все это время, как нам сказали, то можно считать, что он так же яростно боролся с похмельем, как и со своим врагом. Димон теснил его все больше и больше, безжалостно атакуя и преследуя по всему двору. Пока он наконец не был прижат к стене, и ему некуда было дальше отступать. Димон прорвался через оборонительную стойку противника и двинул ему в челюсть рукояткой своего меча — затем выбил оружие у него из рук резким ударом стального клинка. Все его планы относительно садистской расправы улетучились в пылу сражения. Он размахнулся — и рубанул что было сил.

Ничего привлекательного в том, как острый клинок перерезал горло Капо Доссии, не было. Меня стошнило, и я отвернулся. В тот самый момент огромная тень закрыла солнце.

Люди один за одним поднимали головы вверх — и вокруг стали раздаваться изумленные вздохи. Я тоже посмотрел вверх. Но в отличие от всех остальных, я точно знал, что вижу перед собой. Необъятная сверкающая на солнце модель космического корабля класса Д на воздушной подушке. Массивная

громадина проплывала над двором легко, словно птичье перышко. И, как видно, собирается остановиться. Наконец она зависла над нашими головами, тая в себе неизведанную опасность.

Я повернулся и бросился к приборам. Но скрываться было уже поздно, да и некуда. Я полез в отсек для батарей, когда из корабля выпали первые серебристые шары. Я с ужасом поглядел на них — затем глубоко вздохнул и задержал дыхание, открывая дверцу отсека и запуская туда руку. Вытащив оттуда кожаную сумку, я снова уселся на водительское кресло.

Вокруг меня на мостовую падали шары и, ударяясь о камни, разбивались, выпуская содержащийся в них газ. Я пристроил сумку на коленях и увидел, что один из солдат согнулся пополам и рухнул на землю. Я с трудом застегнул ремень безопасности трясущимися пальцами, когда Капо Димон зашатался и свалился на мертвое тело своего врага. В ноздри мне ударил обжигающий воздух, тогда как я зачихнул сумку под ремень, плотно затянув его на спине. Это было все, что я мог сделать.

Легким вдруг пронзила острая боль, и я в последний раз окинул взглядом двор замка. У меня было очень сильное чувство, что я вижу этот кусочек безумного мира Спиевенте в последний раз.

— Скатертью дорога! — крикнул я молчаливой громадине, выпуская воздух из легких. Затем вдохнул снова...

Я был в сознании, я это сразу понял. Я чувствовал под собой что-то мягкое, и в мои закрытые веки бил откуда-то сверху яркий свет. Я побоялся их открыть — вспомнив все-разрушающую головную боль, сопровождавшую последнюю газовую атаку. При одной мысли об этом я съежился от страха и чуть повернул голову. И ничего не почувствовал. Ободренный этим маленьким экспериментом, я приоткрыл один глаз. Опять ничего. Я сощурился от яркого света, но боли не было, совершенно никакой боли.

— Наверное, другой газ, спасибо большое, — сказал я, обращаясь неизвестно к кому и широко открывая глаза.

Небольшая комната, вогнутые металлические стены, узкая кровать подо мной. Даже если космический корабль не был бы последним, что я видел перед тем, как упасть в обморок, я все равно бы смог определить, где нахожусь. Значит, они взяли меня на борт. Но где же все мои гроуты? Я быстро огляделся, но их, конечно же, нигде не было. От резких движений в голове моей что-то зашумело, и я упал на кровать и громко застонал от жалости к себе.

— Выней вот это. Чтобы уничтожить побочные явления газа.

Я вновь открыл глаза и посмотрел на большого человека, который как раз закрывал за собой дверь. На нем было нечто подобное униформе со множеством золотых пуговиц и нашивок, напоминающее военную.

Он протягивал мне пластиковую мензурку, которую я робко взял в руки и пригубил.

— У нас было достаточно времени, чтобы отравить тебя или убить, пока ты находился без сознания, — сказал он. Логично. Я проглотил горькую жидкость и сразу почувствовал себя лучше.

— Вы украли мои деньги, — выпалил я, не успев он рта раскрыть.

— Твои деньги в целости и сохранности...

— Они будут в сохранности только в том случае, когда я буду держать их в руках. Как это было, когда вы нашли меня, привязанные к моему телу. Кто бы ни был тот, кто их взял — он вор.

— Только не надо говорить мне о воровстве! — оборвал он. — Ты и сам их, должно быть, украл.

— Докажи! А я говорю, что я заработал их честным и тяжелым трудом и не желаю, чтобы их употребили для какого-нибудь фонда помощи вдовам погибших в звездных войнах...

— Ну хватит. Я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать с тобой вопрос о твоих несчастных гроутах. Они будут сданы на хранение в Галактический Банк...

— По какому курсу обмена? И какие проценты мне по нему пойдут?

Было видно, что он рассердился.

— Ну все. Ты находишься в весьма затруднительном положении — и должен многое объяснить. Профессор Люстиг сказал мне, что тебя зовут Джим. Как твое полное имя и откуда ты прибыл?

— Меня зовут Джим Никсон и прибыл я с Вении.

— Мы не сдвинемся с места, если ты будешь продолжать врать. Тебя зовут Джимми ди Гриз, ты был осужден, но сбежал из тюрьмы с планеты Бит О'Хэвен.

Вот это да, можете себе представить, я чуть не обалдел от подобной информированности. Кто бы ни был этот парень, но он славно поработал, чтобы это узнать. Теперь было ясно, что игра в любительской команде профессора окончена. Они привлекли к этому делу профессионалов. И он послал мне крученный мяч, чтобы сразу сбить меня с ног, заставить занервничать и разговориться. Но у них ничего не вышло со мной.

Я мысленно нажал на газ, сел на кровати, глядя ему прямо в глаза, и спокойно проговорил:

— Нас не представили друг другу.

Его гнев тут же исчез, и он стал таким же спокойным, как и я.

Он повернулся, нажал какую-то кнопку на стене, после чего она раскрылась и из нее появился металлический стул. Он сел, скрестив ноги.

— Капитан Варод из Космического флота Лиги. Сле-

циализируюсь на последствиях военных действий в масштабе вселенной. Теперь ты готов отвечать на вопросы?

— Да — если мы будем делать это по очереди. Где мы находимся?

— На расстоянии тринадцати световых лет от Спиовенте, думаю, что ты рад будешь это услышать.

— Я рад.

— Моя очередь. Как ты попал на ту планету?

— На борту венийского грузового корабля, который снабжал оружием поверженного Капо Доссия.

Это сразу привлекло его внимание. Он наклонился вперед, заговорив с большим энтузиазмом.

— Кто был капитаном корабля?

— Не твоя очередь. Что вы собираетесь со мной делать?

— Ты сбежавший преступник и вернешься на Бит О'Хэвен досиживать свой срок.

— Неужели? — вымученно улыбнулся я. — Ну что ж, теперь я готов ответить на твой вопрос — только вот беда, я совершенно забыл имя капитана. Вы собираетесь меня пытаться?

— Не дури, Джим. Ты находишься в незавидном положении. Будь умницей, и я сделаю для тебя все, что в моих силах.

— Хорошо. Я вспомню имя капитана, вы высаживаете меня на нейтральной планете, я называю его и будем считать, что мы квиты.

— Это невозможно. Мы уже доложили о тебе, к тому же я офицер, слуга закона. Я обязан вернуть тебя на Бит О'Хэвен.

— Спасибо. У меня наступила временная потеря памяти. Но прежде чем уйти, скажи, что произойдет со Спиовенте? Он сидел на стуле и совсем не собирался уходить.

— Первое, что произойдет, это конец опасной интервенции профессора Люстига. Мы были вынуждены это сделать под давлением Межгалактической Ассоциации Прикладной Социозкономики. Им удалось уговорить некоторые солидные фонды помочь им в претворении в жизнь своих теорий. Множество планет субсидировали их замыслы, и было легче дать им волю и возможность опростоволоситься, чем уговорить остановиться.

— А теперь они оттуда уходят?

— Полностью. Они все погрузились на корабли и очень рады поскорее покинуть планету. Придумывать экономические и политические теории — это одно дело. А применять их в реальности — порой очень опасное занятие. В прошлом были попытки это сделать — и всегда с гибельными результатами. Мы теперь не знаем подробностей, они затерялись во тьме веков, но существовала сумасшедшая доктрина под названием монетаризм, которая предположительно уничтожила целые цивилизации, целые планеты. Теперь вот новый эксперимент зашел в тупик, поэтому туда должны приехать специалисты, как это было и в первом случае.

— Вторжение?

— Ты слишком много смотрел канал 3V. Война запрещена. Ты должен это знать. У нас есть люди, которые будут работать с существующим обществом Спиевенте. Возможно, с Капо Димоном, так как он уже удвоил свои владения. Ему будет оказана помощь и поддержка в аннексировании все большего количества территории.

— И в убийстве все большего количества людей?

— Нет, мы будем за этим следить. И очень скоро он не сможет управлять без помощи, и наши бюрократы уж будут тут как тут. Помогут ему создать централизованное управление...

— Рост правовой системы, налоги, я знаю эту модель. Совсем как у профессора Люстига.

— Не совсем. Наши приемы опробованы. И они работают. В течение жизни одного поколения, максимум двух, Спиевенте будет с удовольствием принята в семью цивилизованных планет.

— Поздравляю. А теперь, пожалуйста, оставь меня, чтобы я мог посидеть и поразмышлять о своем будущем заключении в тюрьму.

— Но ты все еще не назвал мне имя капитана. Он будет продолжать торговать оружием — а ты будешь нести моральную ответственность за новые смерти.

Да, и я в том числе. Должен ли я отвечать также и за смерть во дворе замка Капо Доссия? Ведь наступление было моей идеей. Но Димон пошел бы в атаку в любом случае, и тогда убитых было бы намного больше. Да, нелегко брать на себя ответственность.

Капитан Варод словно прочитал мои мысли.

— У тебя есть чувство ответственности? — спросил он.

— Да, есть. Я очень ценю жизнь и верю в ее святость, и не являюсь сторонником убийства. Все мы живем только раз, и я не хочу нести ответственность за чью-то безвременную оборвавшуюся жизнь. Думаю, что я совершил ряд ошибок, и надеюсь, что они меня кое-чему научили. Имя торговца оружием капитан Га...

— Гарт, — сказал он. — Мы знаем о нем и наблюдали за ним. Это был его последний вояж.

В голове моей закрутились мысли.

— Зачем же ты тогда меня расспрашивал, если вы все знаете и без этого?

— Ради тебя, Джим, больше незачем. Я говорил тебе, что мы занимаемся реабилитацией. Ты принял очень правильное решение, и мне кажется, что ты будешь хорошим гражданином в будущем. Удачи тебе.

Он встал и собрался уж было уйти.

4 — Спасибо большое. Я буду вспоминать твои слова, когда мне придется дробить породу в каком-нибудь забое.

Он стоял в открытых дверях и улыбался мне в ответ.

— Я занимаюсь правосудием на очень высоком уровне. Да к тому же я не сторонник того, чтобы сажать в тюрьму неудачливого грабителя банка. Ты достоин большего и мо-

жешь большего добиться. Но тем не менее, мне нужно вернуть тебя в тюрьму. Ты будешь переведен на другой корабль, на другую планету, где посидишь взаперти до прибытия твоих тюремщиков.

Он вышел, затем вернулся на минутку.

— Принимая во внимание то, что ты мне сказал, я забываю, что в твоей подошве все еще хранится замечательная отмычка.

Теперь он ушел насовсем. Я долго смотрел на закрывшуюся за ним дверь и вдруг расхохотался. Все-таки мир прекрасен, полон замечательных вещей, оценить которые по достоинству способен лишь тот, кто знает свое дело. А я свое знал!

— Спасибо тебе, Слон, спасибо за все. Это ты направлял и учил меня моему делу. И только благодаря тебе Крыса из нержавеющей стали появляется на свет!

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ ПРИЗВАНА В АРМИЮ

Я слишком молод, чтобы умирать.. Мне всего-навсего восемнадцать. Но сейчас вы смело можете назвать меня покойником. Пальцы слабеют, ладони — скользкие от пота, а под ногами — километровая бездна. Я попал в беду, в нелепую ловушку, и винить меня в этом, кроме себя, некого. Как много мудрых советов я дал себе за всю жизнь, как много получил их от Слона, — а что толку? Опять, не зная броду, полез в воду. Наверное, я заслуживаю такого конца. Крыса из нержавеющей стали на поверку оказалась очень даже ржавеющей. Край металлической двери очень скользкий, необычайно трудно держаться за него кончиками пальцев. Носки ботинок едва зацепились за выступающий фланец, а каблуки висят над бездной. Стоять так долго на цыпочках — настоящая пытка, но боль в пальцах — ничто по сравнению с пламенем в кистях и предплечьях. А ведь план казался таким простым, четким и логичным. Но теперь-то я знаю, какой он сложный, путаный и бессмысленный!

— Джими ди Гриз, ты идиот, — бормочу я сквозь стиснутые зубы и только сейчас замечаю, что до крови прикусил губу. Я разжимаю зубы и сплевываю — тут правая рука срывается. Безумный страх придает мне сил, и я каким-то чудом ухитряюсь снова зацепиться за верхний край двери. Но силы уходят быстро, и я жду близкого конца. Отсюда не выбраться. Вскоре пальцы разожмутся, и я полечу вниз. С тем же успехом можно отцепиться сию секунду, не продлевая мучений.

«Нет, Джим! Не сдавайся!»

У меня шумит в ушах, в голове раздаются глухие удары, и кажется, что голос доносится издалека. И я не узнаю свой голос — он стал выше, богаче интонациями. Такое чувство, будто ко мне обращается сам Слон. Это его мысль, его слова. И я держусь, не зная толком, зачем. А снизу доносится далекий гул. Гул? В шахте темно, как в могиле. Неужели кто-то включил магнитный лифт? Я с трудом — окостеневшая — наклоняю голову и вглядываюсь во мрак. И спустя какое-то время вижу крошечный огонек. Кабина движется вверх. Что с того? В здании 233 этажа. Велики ли шансы, что кабина остановится как раз подо мной и я смогу легко и спокойно сойти на крышу? «Астрономически малы», — горько думаю я, а подсчитывать их точнее мне почему-то не хочется. А вдруг кабина поднимется на этаж выше, размазав меня по

стенке? Такое вполне возможно. Огонек приближается, мои зрачки с каждой секундой расширяются, гул двигателя нарастает, налетает ветер... Конец! Да, конец — подъему кабины. Она останавливается как раз подо мной. Я слышу, как раздвигаются створки двери, слышу голоса двух охранников.

— Я тебя прикрою. Но и ты не зевай, когда будешь осматривать холл.

— Он меня прикроет! Вот уж спасибо! Я вроде бы не вызывался добровольцем.

— Ты не вызывался — я тебя назначил. У меня два шеврона, а у тебя сколько? То-то. Выходит, тебе идти.

Охранник с одним шевроном невнятно выругался и вышел из кабины. В ту же секунду моя левая нога бесшумно ступила на крышу. Кабина покачнулась, но стоявший в ней человек ничего не заметил. Не так-то просто мне после всего было двигаться. Мускулы свело судорогой, скрюченные пальцы онемели. Стоя на одной дрожащей ноге, не в силах оторвать пальцы от края двери, я казался себе последним идиотом.

— В холле пусто, — донесся издали голос охранника.

— Проверь память монитора, не засек ли он кого постороннего.

Неразборчивые ругательства. Щелканье тумблеров. Оторвав-таки от двери правую руку, я попытался с ее помощью оторвать левую.

— С восемнадцати ста, когда последний служащий ушел домой, здесь никто не появлялся.

— М-да, загадка, — буркнул охранник с двумя шевронами. — Датчики зарегистрировали, что кабина поднялась на этот этаж. Мы спустили ее вниз. И никто, говоришь, здесь не выходил?

— Нет тут никакой загадки. Просто лифт поехал сам собой. Механизм сработал вхолостую.

— И не хочется с тобой соглашаться, но делать нечего. Поехали вниз, доиграем партию в картишки.

Охранник с одним шевроном вернулся, дверь лифта закрылась. На этаже, где находилась тюрьма, они вышли. Тем временем я пытался дрожащими пальцами распутать узлы, в которые превратились мои мускулы. Как только удалось это сделать, я открыл люк в крыше, проник в кабину и осторожно выглянул. Картежники скрылись в караулке. С бесконечной осторожностью я вернулся в камеру тем же путем, каким выбрался: медленно прокрался, прижимаясь к стене — будь у меня хвост, он бы обязательно поджался, — стараясь как можно меньше шуметь, отпер замки дверей в коридоре; открыл дверь своей камеры, заперся изнутри и спрятал отмычку в подметку. После чего завалился на кровать со вздохом, который мог слышать весь мир. В тюремном безмолвии я не решался заговорить, зато мысленно кричал во весь голос.

«Джим, ты самый безнадёжный идиот на свете! Никогда, повторяю, никогда не поступай так, как сегодня!»

«Не буду», — хмуро пообещал я себе. Эти слова накрепко

засели в моей подкорке. В том, что я безнадежный идиот, сомневаться не приходилось — пытаюсь удрать из тюрьмы, я совершил все возможные ошибки. Теперь предстояло разобраться, можно ли было их избежать. Я слишком торопился. А спешить не следует никогда. Капитан Варод из военной полиции Космической Лиги утверждал, что ему известно, где я прячу отмычку. Народ верит в закон и порядок, но не считает, что за мелкие проступки, совершенные мной на родной планете, так уж необходимо выдавать меня властям. С чем я сразу и полностью согласился. «А если я знаю, где твоя отмычка, но не отбираю ее,— продолжал капитан,— то и ты не должен пытаться убежать раньше, чем дождешься этапа». Дождаться этапа! Да мне ничего так не хотелось, как подольше посидеть в этой комфортабельной, больше напоминающей санаторий, тюрьме Лиги на планете Стерен-Гвандра, о которой я не знал ничего, кроме названия. Я наслаждался отдыхом после тягот и лишений, перенесенных на рабовладельческой Спировенте, и настоящей едой после помоев, которые там называют пищей. Да, я научился ценить такие вещи. Я радовался жизни и копил силы, готовясь к неминуемому освобождению. Так зачем, спрашивается, бежать отсюда? Да из-за нее, женщины, существа противоположного пола, которое я и видел-то один миг, но сразу узнал. Один быстрый взгляд — и куда девался весь мой здравый смысл? Мною завладели эмоции, и вот результат — я лежу на тюремной койке и кляню себя за неосторожность. Эх, осел я, осел! Вспомнив, с чего началось это идиотское приключение, я скривился от отвращения к себе. Это случилось во время прогулки, когда заключенных выпустили в огороженный бетонными стенами внутренний двор и позволили слоняться под ласковыми лучами двух солнц. Я бродил от стены к стене, стараясь не замечать своих товарищей по несчастью, не видеть их скошенных лбов, сросшихся бровей, слюнявых оттопыренных губ. Все они — отпетые уголовники, пробу негде ставить, и тем, что я оказался среди них, отнюдь не следовало гордиться. Внезапно их что-то взбудоражило, нечто особенное всколыхнуло дряблые мозги, и ребята с хриплыми возгласами и похабными жестами бросились к решетке, перегораживавшей двор пополам. Утомленный однообразием тюремной жизни, я заинтересовался причиной столь бурной реакции заключенных и вскоре определил ее: женщины. Только бабы да крепкая выпивка могли интересовать этих кретиннов. Среди женщин, слонявшихся по ту сторону ограды, были три новеньких. Две из них, слепленные из того же теста, что и мои «приятели», тоже хрипло орали и делали интересные жесты; третья молчала и недовольно отворачивалась от своих товарок. Ее походка показалась мне знакомой. С чего бы? Прежде я ни разу не был на этой планете, меня привезли сюда против моей воли. Я прошел вдоль изгороди до конца, ткнул суставом согнутого пальца в волосатую шею одного из уголовников, и когда бесчувственное тело съехало вниз, занял его место

Меньше чем в метре я увидел знакомое лицо. Никаких сомнений — я встречал эту женщину, я знаю ее имя! Бибз, девушка из экипажа капитана Гарта. Я сразу решил: необходимо с ней поговорить. Возможно, она знает, где находится Гарт. Ведь это он высадил нас на гнусной Спиковенте, это на его совести смерть Слона. А значит, его смерть будет на моей совести. Пусть только попадется мне, каналья! Вот так, не потрудившись хорошенько подумать, я совершил нелепую попытку к бегству. Лишь случайность уберегла меня от гибели и позволила благополучно вернуться в камеру. Я покраснел от стыда, вспоминая план побега. «Хоть бы чуть-чуть пошевелил мозгами, прежде чем хвататься за отмычку!» — упрекал я себя. Это же просто чудо, что система сигнализации на всех этажах оказалась одинаковой! Пока день за днем меня водили на прогулку и обратно, я убедился в примитивности замков на каждой двери, и действительно, справиться с ними не составило труда. И я поверил, что дальше все пойдет столь же просто. И прогадал. Когда кабина лифта пошла вверх, надзиратели встревожились. Как только двери лифта распахнулись, я заметил установленные в холле камеры мониторов. Вот почему я не пошел в холл, а выбрался через люк на крышу кабины. Там, над выходом из лифта, оказалась еще одна дверь. Как она открывалась, оставалось только догадываться, во всяком случае, не из шахты. Должно быть, о ней знали очень немногие люди. Пытаясь раскрыть эту тайну, я встал на нижний фланец двери, зацепился кончиками пальцев за верх и принялся ощупывать ее. Кончилось тем, что кабина умчалась вниз, а я остался висеть над бездной. Что и говорить, из этого идиотского приключения я выбрался незаслуженно легко. Но впредь не стоит рассчитывать на такое везение. Для побега необходимы прежде всего ясный ум и железная логика. Решив, что бранить себя, пожалуй, довольно, я стал искать способ встретиться с Бибз.

— А если попробовать законный путь? — спросил я себя и едва не подавился этими словами.

Законный путь? Для меня, Крысы из нержавеющей стали, рыскающей в потемках, никого не боясь, ни в чьей помощи не нуждаясь?

Да. Обидно это сознавать, но бывают случаи, когда честность — лучшая политика.

— Эй, вонючие тюремщики, слушайте меня! — заорал я, колотя по решетке. — Оторвите задницы от кушеток, очнитесь от эротических снов и отведите меня к капитану Вароду! Да поспешите, лежебоки!

Я перебудил не только надзирателей, но и своих соседей. Они пришли в неистовство и грозили мне всевозможными увечьями; я с воодушевлением отвечал им тем же. Вскоре появился надзиратель со злобещей гримасой на физиономии.

— Здорово, дружище, — приветствовал его я. — Счастлив видеть твое доброе лицо.

— Хочешь, чтобы тебе проломили черепушку, окаянка? — остроумнее он не уступал своим подопечным.

— Нет. Наоборот, хочу избавить тебя от неприятностей. Для этого от тебя требуется одно: немедленно отвести меня к капитану Вароду, поскольку я обладаю секретными сведениями военного значения. Я не шучу: если капитан узнает, что ты тянул резину, он тебя расстреляет.

Надзиратель выдал еще несколько угроз, но в его глазах появилась тревога. И то сказать: любому ослу на его месте было бы ясно, что с такими вещами, как военная тайна, лучше не связываться. Бормоча оскорбления в мой адрес, он отошел к телефону. Ждать пришлось недолго — вскоре появились двое охранников, явно перегруженных мускулами и салом. Они отомкнули замок моей камеры, отвели меня к лифту и доставили на сотый этаж. Там они пристегнули меня к тяжелому креслу и вышли за дверь. Появившийся несколькими минутами позже лейтенант зевал во весь рот и тер глаза — по нему нельзя было сказать, что он любит просыпаться среди ночи.

— Мне не о чем разговаривать с мелкой сошкой, — сообщил я. — Зовите сюда Варода.

— Заткнись, ди Гриз, если не хочешь неприятностей. Капитан в дальнем плавании, ему не до тебя. Я из его отдела. Выкладывай, в чем дело, а не желаешь — возвращайся в камеру.

Его слова показались мне убедительными. Да и выбор был невелик.

— Вам приходилось слышать о космической свинье, называющей себя капитаном Гартон?

— Нечего ходить вокруг да около, — буркнул лейтенант, зевая. — Я просматривал твоё досье, можешь говорить по существу. Если хочешь сообщить о нем что-нибудь новенькое, не стесняйся.

— Мне кое-что известно об этом парне, промышляющем незаконным ввозом оружия. Ведь вы прихватили его с грузом, кажется?

— По блеску в его глазах я предположил, что Гарт сумел ускользнуть от полиции.

— Сегодня на прогулке я видел девушку. Новенькую. Ее зовут Бибз.

— Ты вытащил меня из постели, чтобы поведать о своих сексуальных похождениях?

— Нет. Думаю, вам интересно будет узнать, что Бибз — из экипажа Гарта.

— Ты уверен?

— Можете проверить, чего проще.

Он так и сделал — уселся за стальной стол и нажал на несколько клавиш на терминале компьютера. Взглянул на экран и скривился.

— Сегодня к нам доставили трех женщин. Среди них нет девицы по имени Бибз.

— Да неужели? — с издевкой спросил я. — А нельзя ли предположить, что преступники иногда пользуются кличками?

Он не ответил, снова склонившись над клавиатурой. Факс

загудел и выдал три цветных портрета, два из них я уронил на пол, третий вернул лейтенанту.

— Вот она — Бибз.

Он нажал еще несколько клавиш, затем откинулся на спинку кресла и пробормотал:

— Вроде сходится. Мэрианни Гьюффрида, двадцати пяти лет, специальность — корабельный электротехник, имеет опыт работы в пространстве. При задержании у нее обнаружен наркотик. Утверждает, что он подброшен.

— Спросите ее о Гарте. Не захочет говорить — заставьте.

— Спасибо за помощь, ди Гриз. В твоем досье появится соответствующая запись. — Он набрал номер телефона. — Похоже, ты посмотрелся детективов. Мы не имеем права силой вытягивать из людей признание. Наши средства — наблюдательность, умело заданные вопросы, умозаключения. Сейчас тебя отведут в камеру.

— Вот уж спасибо! — хмыкнул я. — Спасибо за спасибо. То есть, ни за что. Хотя бы уж сказали, сколько мне еще торчать в вашей кутузке.

— Ну, это как раз несложно выяснить. — Он пробежал пальцами по клавиатуре и с досадой покачал головой. — После завтра мы с тобой простимся. Тебе предстоит возвращение на Бит О'Хэвен. Там тебя будут судить и дадут срок, надо полагать.

— Мою вину еще надо доказать, — усмехнулся я, стараясь не выдать охватившую меня радость. Мне бы только выбраться отсюда — а там я сумею найти путь к свободе. Не обращая внимания на тычки и ругательства конвоиров, я позволил отвести себя в камеру и решил до послезавтра быть паинькой.

Еще долго после разговора с лейтенантом я лежал на койке и глядел во тьму, размышляя о том, как бы добраться до Бибз и половчее вытянуть из нее нужные мне сведения.

— Подпишись вот здесь.

Я поставил подпись. Белобородый старикашка пододвинул мне пластиковый пакет с моими пожитками, отнятыми при аресте. Я протянул к нему руку, но стоявший рядом охранник оказался проворнее.

— Не спеши, заключенный, — процедил он сквозь зубы. — Вещдоки мы передадим кому следует.

— Но это мои вещи!

— Ничего с ними не случится. Все готово, Рэско?

— Меня зовут не Рэско!

— А меня — Рэско. Заткнись, — буркнул второй охранник, крепко сбитый, неприятный тип, чье правое запястье было соединено цепью наручников с моим левым. Он дернул за цепочку, и я едва не упал к нему на грудь. — Делай все, что я тебе скажу, и не вздумай зубы скалить.

— Слушаюсь, сэр. Простите.

Я с виноватым видом опустил голову, а Рэско самодовольно ухмыльнулся. Не знал он, недотепа, что я сделал это для

того, чтобы внимательно рассмотреть браслеты. Ага, «Бульдожья Хватка», знакомая система. Такие наручники можно встретить в любом уголке Галактики, фирма-изготовитель гарантирует «дуракоустойкость». Может, дурак и не сумеет сломать или отомкнуть их, а для меня это раз плюнуть. Я приободрился. Фэтсо шел справа от меня, здоровяк Рэско — слева. Я шагал с ними в ногу, горя желанием поскорее покинуть тюрьму и взглянуть на здание, окружающее базу Лиги. Дело в том, что меня сюда доставили в темном, без единого окошка, фургоне. Мои конвоиры тоже торопились — им не терпелось сбить меня с рук. Но о возвращении на любимую родину я мечтал меньше всего на свете. Выбраться из здания оказалось непростым делом, и я который раз мысленно дал себе пинка за мальчишескую попытку побега. В здании было всего три двери, все три запирались надежнее, чем воздушные шлюзы космических кораблей. Мы прошли мимо жужжащих и пощелкивающих сканнеров, трижды сенсоры роботов изучали отпечатки наших пальцев и сетчатки глаз, затем загудели механизмы раздвигающейся двери, и на нас хлынула волна теплого воздуха, запахов и звуков. На улице, куда мы спустились по длинной лестнице, я прямо-таки рот разинул. И было отчего, ведь эта планета — всего-навсего третья из тех, где мне довелось побывать. А жизнь на скотоводческих фермах Бит О'Хэвен и рабство в болотах Спировенты не подготовили меня к тому обилию впечатлений, которое я испытал, едва покинув тюрьму Лиги. Теплый пыльный воздух напоен пряными ароматами, над улицей разносится какофония непривычных звуков, мимо движется непрерывный поток людей, незнакомых экипажей и каких-то четвероногих существ. Одно из них шествовало мимо, неся на спине человека. Внезапно длинные ноги животного уперлись в мостовую, а глаза вытаращились в мою сторону. Оно разинуло рот, демонстрируя чудовищные желтые зубы, и визгливо заорало. Я попятился, а конвоиры захохотали.

— Не дрейфь, от мара мы тебя защитим, — пообещал Фэтсо.

Может, для местных жителей этот зверь и был маром, а для меня — конем. В школе я видел таких в учебных фильмах по истории. Первопоселенцы Бит О'Хэвен привезли с собой лошадей и первое время ездили на них, пахали, возили сено и так далее. Однако вскоре лошади вывелись — слишком уж много у меня на родной планете хищного зверья. Выжили только люди и свинообразы — к ним ни один хищник не подступится.

Я взглянул на зверя повнимательней, отметил, что при всей его огромной величине он, судя по зубам, травоядный, а значит, бояться нечего. Тут подскочили два его сородича, впряженные в какой-то ящик на колесах. Услышав свист Рэско, сидевший на ящике кучер натянул поводья.

— Залезай, — велел мне Фэтсо, распахивая дверцу.

Я с омерзением отшатнулся.

— Там грязно! Неужели Лига даже нормального транспорта не может...

Рэско дал мне такого пинка, что я птицей влетел в фургон. Следом забрались охранники.

— Лига старается по возможности пользоваться туземным транспортом, чтобы поддерживать местную экономику. Так что заткнись и радуйся.

Я заткнулся, но радоваться не стал. Устремив на улицу, по которой громыхали колеса нашего фургона, невидящий взор, я размышлял, как бы удрать от конвоя, при этом сделав какую-нибудь гадость паршивцу Рэско. Пожалуй, сейчас самое подходящее время. Два молниеносных удара — и они лежат без чувств, и я исчезаю в толпе... Нагнувшись, я с остервенением почесал лодыжку.

— Тут клопы! Меня укусили!

— А ты их тоже укуси,— с детской непосредственностью посоветовал Фэтсо, и оба надзирателя захохотали.

Вот и чудненько. Они не заметили, как я вытащил из подошвы и зажал в кулаке отмычку. Но едва я повернулся к Рэско, замышляя, как говорят судьи, нанесение побоев, фургон остановился, и Фэтсо отворил дверцу.

— Выходи,— велел он мне, а Рэско с силой дернул цепочку, отчего наручник больно впился мне в запястье.

Выбравшись из фургона, я в недоумении уставился на здание с мраморным фасадом.

— Но ведь это не космопорт,— пробормотал я.

— В самую точку попал,— ухмыльнулся Рэско и потащил меня за собой.— Это местный вариант пересылки.

Я решил, что дальше не пойду, хватит с меня этой мерзкой компании. И все-таки пришлось потащиться следом за надзирателями, всей душой желая, чтобы подвернулась какая-нибудь лазейка. Вскоре она подвернулась. Я заметил, что в дверь под красивой вывеской «ПИЧЕР ПИСА ГОРРИТ» входят и выходят одни мужчины. Проще простого было догадаться, что означает надпись. Я остановился и, показывая пальцем на дверь, занял:

— Я хочу туда! Ну, пожалуйста!

— Нельзя! — ухмыльнулся Рэско. Вот ведь садист!

Неожиданно за меня заступился его приятель.

— Ладно, отведи его. Ему здесь долго торчать.

Рэско выругался, но не стал спорить. Наверное, он был младше Фэтсо по званию. «Пичер писа» оказался самым примитивным сортиром — стенка, вдоль неё желоб на полу. Над желобом выстроились в ряд мужики. Расстегнув ширинку, я направился к свободному месту в дальнем углу. Рэско с недовольным видом топал следом.

— Будешь на меня паяльцца, я ничего не смогу сделать,— обернувшись, буркнул я.

Он на секунду поднял глаза к потолку. Этого времени оказалось достаточно, чтобы свободной рукой схватить его за шею. Во взгляде охранника вспыхнуло удивление, но тут же

угасло, едва я изо всех сил вдавил в шею большой палец. В тот самый миг, когда раздался приятный удар бесчувственного тела о пол, я освободился от «браслета». Рэско лишь похрапывал, пока я обыскивал его и доставал бумажник, чтобы оправдать свою репутацию вора. Угнездив бумажник в своем кармане, я выпрямился и оглянулся. Стоявшие вдоль желоба люди обернулись ко мне.

— Ему стало плохо,— объяснил я и, переводя взгляд с одного непонимающего лица на другое, добавил на эсперанто: — *Li svenas.*— Но и это не произвело на них впечатления. Тогда я показал на Рэско, на двери и на себя.— Пойду за помощью. Вы приглядите за ним, ребята. Я скоро вернусь.

Никто не попытался меня остановить. Я выскочил за дверь — и едва не угодил в лапы Фэтсо. Он заорал и бросился ко мне, но не тут-то было, я пулей вылетел из здания и затерялся в толпе прохожих. За мной раздавались вопли, но вскоре они затихли вдали. Я проскочил между двумя конями, перепрыгнул через скамейку и помчался по тенистой аллее. Вскоре я оказался на другой, такой же людной, улице и влился в поток пешеходов. Вольный, как птица, я брел, насвистывая и глаза на вывески, на женщин, носящих чадру, на расфранченных мужчин. Здравствуй, свобода! А может, рано ликовать? Один на варварской планете, не зная языка, преследуемый властями — с какой стати я так обрадовался? Тут же нахлынула черная тоска, но я ей не поддался. «Ты ли это, Джим? Встретив пустяковые трудности, падаешь духом? Стыдись! Что бы сказал Слон, если бы тебя сейчас увидел?»

«Ничего бы не сказал,— подумал я, ловя косые взгляды прохожих.— Не стал бы он распускать язык при всем честном народе, как я сейчас».

Беззаботно насвистывая, я свернул за угол и сразу наткнулся на столы, уставленные яствами, и людей, сидящих за ними и потягивающих аппетитные на вид напитки. Поверх всего этого красовалась вывеска: «СОСТЕН ХА ГВИРОС». Эти слова ровным счетом ничего мне не говорили, но под ними я прочитал знакомое: «*NI PAROLOS ESPERANTO, BON- VENUU*». Оставалось лишь надеяться, что на эсперанто здесь говорят лучше, чем пишут. Сев за столик у стены, я поманил пальцем официанта:

— Дхе г плагедоу,— сказал он.

— Плагедоу будешь с остальными, а со мной прошу говорить на эсперанто,— проворчал я.— Что можешь предложить из выпивки, папаша?

— Пиво, вино, даур-том-ис.

— Что-то нынче не тянет меня пить даур-том-ис. Тащи-ка побольше пива.

Пока он ходил за пивом, я достал бумажник Рэско. Если моих бывших тюремщиков заботит процветание здешней экономики, резонно предположить, что они носят с собой местную валюту. Бумажник оказался полон маленьких металлических

дисков. Я потряс один из них, подёрсился, поймал и перевернул. На одной стороне была отчеканена цифра «два», на другой — слово «аргхана».

— С вас один аргхан, — сказал официант, ставя передо мной запотевший глиняный кувшин.

— Возьми, добрый человек, и оставь себе сдачу, — сказал я, протягивая ему монету.

— Вы, инопланетники, все такие щедрые, — пробормотал он, пробуя монету на зуб. — Не то, что мои серые, злые, нелюбимые земляки. Хотите девочек? Или мальчика? Или кеварена покурить?

— Не сейчас. Если захочу — обращусь к тебе. Пока только пиво.

Он отошел, что-то бормоча, а я сделал здоровенный глоток и сразу пожалел об этом. Но было поздно — ядовитая пузырящаяся бурда уже текла по пищеводу. Я отодвинул кувшин и сплюнул. Хватит валять дурака. Мне удалось бежать, и это само по себе замечательно. Но что делать дальше? Ни одна стоящая мысль не приходила в голову. Превозмогая себя, я еще раз глотнул пива — но даже эта попытка не подстегнула воображение. От тщетных раздумий меня оторвал официант. Прикрывая рот ладонью и воровато косясь на посетителей, он прошептал мне на ухо:

— Есть свеженький каверган, только что с поля. Берите, не пожалеете — несколько дней стоять будет. Не хотите? А как насчет девочки с кнутом? Может, змеи? Или кожаные ремни и горячая грязь...

— Ничего мне не надо! — перебил я его. — Все у меня было, все я испытал. Единственное, чего бы мне хотелось, это найти базу Лиги.

— Как вы сказали? Не понимаю.

— Большое высокое здание, где живет много инопланетников.

— А, вы имеете в виду лиз. Пожалуйста, я могу отвести вас туда за один аргхан.

— За один аргхан ты расскажешь, как туда добраться. Я вовсе не хочу отрываться тебя от работы. — Кроме того, я не хотел, чтобы в пути он приставал ко мне, предлагая сомнительные удовольствия. В конце концов, официанту пришлось уступить. Дождавшись, когда он скроется на кухне, я глотнул пива и ушел.

По пути к зданию Лиги в моей голове начало складываться некое подобие плана. Мне очень хотелось добраться до Бибз. В том, что капитану Гарту удалось бежать, я не сомневался; но она могла знать, где он прячется. Бибз — единственная моя ниточка. Но как проникнуть в тюрьму? Я знал, что во время ареста Бибз носила имя Мэрианни Гьюффрида. Может, представится ее близким родственником, Хайзенпфером Гьюффрида, например? Подделать удостоверение личности, если таковые вообще существуют на этой планете? Наверняка это несложно, но вдруг компьютер у входа узнает во мне

бывшего арестанта? Или сведения обо мне уже стерли из его памяти? Это вполне возможно, как и то, что после доклада Фэтсо мое досье снова ввели в программу. С этими мыслями я свернул за угол и увидел перед собой здание базы. Как огромный крутой утес, высилось оно над приземистыми городскими строениями и выглядело таким же неприступным. Не отрываясь, глядел я на дверь, за которой то и дело исчезали поднявшиеся по знакомой лестнице люди; створки раздвигались, чтобы впустить посетителя, и тут же наглухо сдвигались, словно за ними хранился золотой запас Вселенной. Шло время, я безуспешно пытался сообразить, как туда проникнуть. Наверное, не следовало стоять под окнами «Лиги, прислонясь к кирпичной стене, ведь я не успел сменить тюремную одежду на что-нибудь более подходящее. Впрочем, в разношерстной толпе горожан мой наряд не должен был бросаться в глаза. Опустив голову, я ткнул время. Вернее, собирал силы для решительного штурма. Но штурмовать базу не пришлось. Благодаря счастливому случаю, тому самому единственному шансу из тысячи. Дверь снова раздвинулась, и на верхнюю площадку лестницы ступили три человека: двое блюстителей закона, что явствовало из огромного размера их сапог, и стройная фигурка между ними. От ее тонкого запястья к лапе охранника шла цепь наручников. Бибз! Внезапность ее появления ошеломила меня. Я стоял, привалясь к стене, словно в обмороке, и смотрел, как троица спускается по лестнице на тротуар. Один из конвоиров помахал рукой и свистнул. К ним наперегонки понеслись два конных экипажа, и один эффектно врезался в другой. Лошади заржали, вставая на дыбы, послышалась оглушительная брань кучеров. Вскоре суматоха улеглась, один фургон остался на месте, а другой двинулся дальше. Оставшийся фургон загораживал меня от Бибз и охранников, но я словно сквозь его стенки видел происходящее: вот распахивается дверь, арестантку втаскивают внутрь, дверь закрывается... Щелкнул бич кучера, и ящик на колесах тронулся с места. Но я уже мчался к нему. Не прошло и секунды, как я вскочил на подножку и рывком распахнул дверь.

— Куда! — рявкнул ближайший конвоир, поворачиваясь ко мне. — Не видишь — занято!

Это был ночной надзиратель. В следующую секунду он узнал меня и заревел от ярости. Силенками его бог не обидел, но я оказался ловчее. Уклонившись от его ручищ, я мельком взглянул на испуганное лицо Бибз — и хорошенько врезал надзирателю по горлу. Едва он обмяк, я приготовился к схватке с другим охранником, но тут выяснилось, что ему не до меня. Бибз умело схватила его за шею и душила. Бедняга ничего не мог поделать, как ни сопротивлялся.

— Погоди... сейчас я его тоже... прикончу, — с натугой произнесла Бибз.

Я не стал объяснять, что не убил, а лишь отключил надзирателя. Мой палец впился в нервный узел на локте девушки; ее рука онемела, а лицо побагровело от гнева. Но не успела

она раскрыть рта, как я уgomонил хрипевшего конвоира и снял с Бибз наручники. Она потерла запястье и улыбнулась.

— Не знаю, откуда ты взялся, но за помощь спасибо.— Приглядевшись ко мне, она спросила: — А мы с тобой, часом, не знакомы? Ну да, ты же наш ночной пассажир. Джимми, кажется?

— Ты не ошиблась, Бибз, Джим ди Гриз к твоим услугам.

Она громко засмеялась и быстро забрала ценности у бесчувственных конвоиров. И проворчала, глядя, как я пристегиваю полицейских друг к другу:

— Лучше бы их пришить.

— Не стоит. Если мы убьем охранников, Лига перетряхнет всю планету, но разыщет нас. А так — может, про нас скоро забудут.

— Пожалуй, ты прав, — неохотно согласилась Бибз, а затем дала каждому конвоиру хорошего пинка.

— Зачем? Они же ничего не чувствуют.

— Почувствуют, когда оклемаются. Итак, куда мы пойдем теперь, Джим?

— Откуда мне знать? На этой планете я впервые.

— Зато я здесь своя.

— Тогда — веди.

— Ладно.

Как только фургон замедлил ход, Бибз отворила дверь, и мы соскочили на мостовую.

В толпе Бибз взяла меня под руку — надо отметить, мне это было приятно. Возможно, в каком-нибудь другом городе наши серые робы, со вкусом украшенные бубновыми тузами, привлекали бы внимание, но только не в этом. Каких только франтов и модниц здесь не было: бородачей в костюмах из оленьей кожи с бахромой, женщин в платьях из разноцветного газа, вооруженных воинов в доспехах из стали и кожи... В глазах у меня рябило от пышных платьев, мантий, кольчуг, кирас и орденских лент. Иным нарядам и украшениям я даже названия не мог подыскать. На нас никто не смотрел.

— У тебя есть деньги? — спросила Бибз.

— Несколько аргханов, позаимствованных у конвоира. Я ведь тоже сбежал.

Ее очаровательные брови над столь же очаровательными глазами слегка приподнялись.

— Вот значит почему ты мне помог? А за что тебя держали в кутузке? Помнится, тебя и старикашку высадили на Спиовенте. Гарт продал вас в рабство.

— Да, и мой друг там погиб. Так что не буду скрывать — я слегка недоволен Гартом. Такого друга, как Слон, мне уже не найти. Он мне помог, многому научил, и я горжусь тем, что смог оказать ему несколько ответных услуг. В спешке покидая нашу родную планету, — ты это помнишь, наверное, — мы заплатили капитану Гарту кучу денег. Но ему этого показалось мало, и он продал нас работоторговцу. Я выжил, а вот Слон не перенес неволи. Понятное дело, его смерть не

привела меня в дикий восторг. На той планете со мной произошла масса неприятностей, а потом меня арестовала военная полиция Космической Лиги. Меня собирались отправить на родину под суд.

— За какие грехи? — с неподдельным интересом спросила Бибз.

— Ограбление банка, киднеппинг, побег из-под стражи. Ну, и так далее.

— Как здорово! Вот что я скажу тебе, Джим: выручив меня, ты оказал себе неоценимую услугу. Я хорошо знаю эту планету, мне известно, где можно раздобыть денег. Давай договоримся: ты будешь красть, а я — тратить деньги. Зато у тебя не возникнет никаких проблем. Потом, когда придет время, я позабочусь об отлете.

— Пожалуй, в этом есть резон, — кивнул я. — А нельзя ли нам потолковать о делах за едой?

— Ну конечно. Тут есть подходящее местечко.

Она привела меня в маленький ресторачик, затерявшийся среди домов. Заказанное ею блюдо на вкус оказалось вполне сносным, чего я никак не ожидал, услышав название: «фелион ха кук мог». Чтобы пища не застревала в глотках, Бибз велела принести кувшин рута — вполне приличного красного вина. На будущее я решил запомнить это слово. После еды я взял из глиняного блюда заостренную щепку и принялся выковыривать из зубов кусочки хряща.

— Можно задать тебе вопрос? — спросил я. Не отрываясь от кружки с вином, Бибз махнула рукой — валяй, мол. — Я рассказал, за что меня арестовали. Нельзя ли узнать, что послужило причиной твоего ареста?

Она с такой силой грохнула кружкой о стол, что та дала трещину. Лицо девушки перекосилось от ярости, и я услышал скрежет ее зубов.

— Все из-за мерзавца Гарта, — пояснила она. — Он знал, что за мной охотится Космическая Лига. Когда мы сюда прилетели, он списал меня с корабля, на другой день меня сцапала полиция. Гарт подбросил мне в сумочку каверген и настучал фараонам. Меня обвинили в контрабанде наркотиков. Ну, попадись он мне!

— Я тоже не прочь до него добраться. Но почему он тебя выдал?

— В отместку. Как-то раз полез ко мне в койку, а я его вытолкала. Слишком уж он волосат, не люблю таких.

Я поперхнулся вином и закашлялся, но Бибз не заметила этого. Дрожа от злости, она смотрела в пустоту.

— Я бы убила его, если бы только смогла попасть в его логово. Но, увы, это невозможно.

— Почему невозможно? — спросил я с некоторой тревогой. Мне не по нутру, когда хорошенькие девушки рассуждают о мести и убийстве.

— Почему? А что ты знаешь об этой планете, Джим? Ничего. Только название — Стерен-Гвандра.

— На языке туземцев это означает «планета». У них не сильно развито воображение, во всяком случае, у жителей Брастира. В годы упадка Стерен-Гвандра, как и многие другие планеты, утратила связь с галактической цивилизацией. Брастир — континент, на котором мы находимся, — не имеет минеральных ресурсов, и за несколько столетий промышленное оборудование износилось, а нового колонисты изготовить не смогли. Это невежественный, неграмотный народ, здесь даже эсперанто мало кто знает. Только торговцы, поддерживавшие сношения с островом, более или менее развиты. К тому времени, как Галактика вспомнила о существовании Стерен-Гвандры, на ней уже установилось нечто вроде сельскохозяйственного полуфеодализма.

— Как на Спировенте?

— Не совсем. Возле континента расположен огромный остров, в его недрах сосредоточены почти все запасы руд, угля и нефти этого полушария, поэтому первые поселения возникли на острове. Потом наступила эпоха диаспоры, и вновь прибывшие колонисты бросились заселять континент. Их не пускали на остров, да они и сами туда не стремились — на материке земли хватало всем. Так получилось, что жители Невенбека заняты в промышленности, а здешний народ — в сельском хозяйстве и добыче леса. Теперь понимаешь, почему нам не добраться до Гарта?

— Не совсем. При чем тут Гарт?

— Он на острове! — Вздохнув, она макнула палец в лужицу вина и стала рисовать круги на столе.

— Но ведь Гарт венец, как и ты, — удивился я. — Капитан венийского корабля. Какой смысл островитянам его укрывать?

— С чего ты взял, что он венец? Власти острова Невенкебда купили корабль, а Гарта назначили капитаном. Когда речь идет о хороших деньгах, мы, венийцы, становимся очень покладистыми. На острове правят военные. Мы вывезли отсюда уйму оружия. Да, хорошая была работа, денег у меня куры не клевали, и расплачивались с нами межпланетной валютой. А потом, когда о наших делах пронюхала Космическая Лига, военные свернули операцию, а нас уволили. Вот почему я говорю, что нам не добраться до Гарта.

— Я доберусь.

— Ну что ж, надеюсь. Я помогу тебе, чем сумею. Но прежде падо где-нибудь отсидеться, пока нас не перестанут разыскивать. А для этого потребуется много аргханов. Сколько их у тебя?

Она высыпала на стол монеты, отобранные у конвойных, а я добавил свои.

— Маловато. Не хватит, чтобы снять надежную берлогу. Правда, у меня есть связи, можно договориться...

— Нет. Никаких контактов с преступным миром. Это слишком дорого. К тому же, Лига первым делом обыщет воровские притоны. Здесь есть гостиницы?

— Нет, только остелиовы, постоянные дворы. Но инопланетники там не останавливаются.

— Тем лучше. Сможешь прикинуться туземкой?

— Запросто. Да и ты легко сойдешь за местного. Тут в ходу столько акцентов и диалектов, что никто не заподозрит в тебе чужака.

— Вот и отлично. Надо украсть побольше денег, купить роскошные тряпки и поселиться в лучшем постоянном дворе. Согласна?

— Согласна, — смеясь, она хлопнула в ладоши. — Да ты просто прелесть, Джим. На этой вонючей планете ты — глоток свежего воздуха. Но украсть большую сумму здесь не так-то просто. У туземцев нет банков. Правда, можно ограбить хога, ростовщика. Но жилища хого — настоящая крепость, там полно охраны из его родственников, их совсем не просто подкупить.

— Это интересно. Давай заглянем к какому-нибудь хогу, а ночью пошарим у него в кубышке.

— Знаешь, Джим, я не встречала такого парня, как ты. Ты смотришь на вещи с детской непосредственностью, но все же, видно, знаешь свое дело.

Я не люблю, когда меня называют ребенком, но на этот раз не обиделся. Бибз увлеченно придумывала план:

— Мы возьмем часть наших аргханов и обменяем их на деньги острова Невенкебла. При этом возникнет много поводов для споров с хогом, а у тебя будет время осмотреться. Говорить с ним буду я, а ты помалкивай. Тебе отводится роль моего телохранителя и носильщика кошелька. Телохранителю полагается дубинка.

— Не будем терять времени. Пойдем, купим ее.

Выполнить эту часть плана оказалось легче легкого. В лавочках, выстроившихся вдоль каждой улицы, чем только не торговали: всевозможными нарядами, фруктами, завернутыми в листья, лакомствами, ножами, седлами, шатрами и, наконец, дубинками. Пока лавочник расхваливал свой товар, я выбрал лучший экземпляр — метровую палку из прочного дерева со стальными кольцами.

— Вот это в самый раз, — сказал я Бибз. Торговец захватил и, схватив деньги, что-то пробормотал.

— Говорит, его товар продается с гарантией на год, — пояснила Бибз. — Предлагает испытать дубинку на прочность.

Испытательный стенд в глубине лавки оказался камнем, обтесанным под человеческую фигуру. Он был весь в выбоинах и царапинах — должно быть, не один год покупатели проверяли на нем надежность дубин. Нос и подбородок у каменного болвана были отбиты, от ушей тоже почти ничего не осталось. Я повертел дубинку в руках, сделал несколько пробных выпадов. Затем повернулся спиной к камню и, регулируя дыхание с помощью мантры и постепенно напрягая мышцы всего тела, стал ждать, когда наступит нужный момент. Перенапряжение мускулов и воли — и резкая разрядка.

Вот в чем секрет. Впрочем, тут нет никакого секрета — достаточно знания техники и некоторой привычки. Заревев, как спайовентский паровоз, я развернулся и вложил весь свой вес и всю свою силу в окованный железом конец дубинки. Описав полукруг, она обрушилась на каменную башку. Раздался громкий треск, и голова отлетела. Дубинка осталась целехонькой, только на стальном кольце появилась небольшая вмятина. Мой удар произвел на Бибз и торговца сильное впечатление. Да и я сам, честно говоря, не ожидал такого результата.

— И часто ты такое вытворяешь? — спросила Бибз сдавленным голосом.

— Когда приходится, — скромно ответил я. — Ладно, пошли к хогу.

Миновав несколько кварталов, мы увидели стальную балку, торчащую из стены дома. В клетке, подвешенной к ней, сидел скелет.

— Оригинально, — заметил я. — Должен сказать, я ожидал увидеть деревянный аргхан над дверью или изображение мешка с деньгами.

— Так практичнее. Это скелет последнего вора, проникнувшего в дом хог.

— Да? Очень мило.

— Не волнуйся, это всего лишь традиция.

Легко ей говорить, ведь грабить хог пойду я. Расстроенный, я двинулся следом за ней, но в дверях двое неприятных на вид верзил преградили нам путь, угрожаяще выставив копыя.

— Мне к хогу, — буркнула Бибз, смерив их презрительным взглядом.

Пробормотав что-то неслестное в наш адрес, стражники забарабанили кулачищами в обитую железом дверь. Та громко закричала и отворилась. Внутри мы встретили охранников с мечами, слепленных из того же теста, что и копейщики у входа. Посреди двора, над навесом, стоял огромный сундук, справа и слева от него — два телохранителя с пиками. На крышке сундука лежали пуховые подушки, а на них восседал хог.

— Похоже, на этом сундуке он днюет и ночует, — пошутил я, преодолевая тревогу.

— Разумеется, — кивнула Бибз, и мне стало еще тревожнее.

Ростовщик рассыпался перед нами мелким бесом, его голос был как патока, особенно после того, как Бибз позвенела монетами. Он хлопнул в ладоши, и помощники убрали подушки с сундука и подняли крышку. Внутри сундук оказался разделен перегородкой, и обе половины заполнены туго набитыми кошельками. Еще один хлопок хог, и крышка закрывается, а на нее ставится большой кошелёк. Забравшись со вздохом облегчения на свое место, ростовщик развязал бечевку и зачерпнул пригоршню блестящих монет. Обмен начался. Приняв скучающий вид, я стал осматривать внутренний двор. Смотреть, надо сказать, было почти не на что. Дверь, через которую мы сюда вошли, была загерта, возле нее выставлена стража. На крышу не по-

пасть — вдоль карниза торчат заостренные прутья, на лесенке стоит копейщик. Что же предпринять? Оглушить старикашку и схватить кошелек? Только затем, чтобы быть заколотым, зарубленным, забитым? Нет уж, дудки! Пожалуй, придется разработать новый план пополнения нашей казны. О том, чтобы пробраться сюда ночью, мне даже подумать было страшно — грубая сила отпугивает воров надежнее, чем самые современные защитные устройства. Допустим, мне удастся проникнуть в эту крепость — но как вынести добычу? Хотя, возможно, это не так трудно, как кажется... Тут в моей голове забрезжила некая идея, и я так поспешно ухватился за нее, что едва не сплугнул ее. Стараясь ничем не выдать своего волнения, я озираясь и время от времени рычал на стоящих рядом стражников. Они отвечали тем же. Тем временем обмен шел полным ходом под нитье и недовольное фырканье обеих сторон, но мне недосуг было прислушиваться к спору хога и Бибз — я обтачивал и шлифовал свой план. Потом мысленно попытался его осуществить и пришел к выводу, что все получится, если мне немного повезет.

— Эй, хозяйка! — крикнул я Бибз, помахивая дубинкой. — Хватит лясы точить, соглашайся, и пошли отсюда.

Бибз повернулась с безразличной гримасой и спросила:

— Что ты сказал?

— Что слышала. Вспомни, нанимая меня, ты обещала хорошую плату и укороченный рабочий день. Но плата не так уж хороша, а день не так уж короток.

Если бы хог не понимал эсперанто, моя затея закончилась бы пшиком. Но он сразу наострил уши и не пропустил ни единого слова. «Все, — решил я. — Жребий брошен. Бибз еще не знает о моем замысле, но она смышленная и должна сообразить, что от нее требуется».

— Ах ты, олух безмозглый! Да я за полцены найму лучшего телохранителя, чем ты! Он еще понукать меня смеет, малбонуло несчастный!

— Ах так! — взревел я. — Ну, это тебе даром не пройдет!

Моя дубинка свистнула в воздухе, но лишь слегка задела ее макушку. Бибз рухнула, как подкошенная. Следующим ударом я сломал одну из жердей, поддерживавших навес. Пока он падал, я шагнул к сундуку и треснул хога по шее.

«А теперь быстро, Джим!» — сказал я себе, хватая с его колен и опуская за пазуху кошелек. Стражники, истошно вопя, стаскивали с нас упавший навес. Выбравшись из-под него, я пошел прочь от сундука.

— Ладно, хозяйка, считай, что мы квиты! — крикнул я Бибз на ходу. — Поищи себе другого телохранителя. Будь я проклят, если еще раз свяжусь с тобой.

Два шага, три, четыре. Стражники стащили с бесчувственного хозяина навес, один из них визгливо закричал на незнакомом мне языке. Но я не нуждался в переводе. Едва взбешенные родственники хога бросились ко мне, я повернулся и помчался прочь, но совсем не в том направлении, где па-

ходился единственный выход, а к деревянной лестнице, ведущей на крышу. Там стоял один-единственный стражник с копьем. Я отбил копье и дал копейщику пинка, а когда он упал, перепрыгнул через него и понесся вверх. На верхней площадке я едва не напоролся на меч подоспевшего воина. Все же мне удалось увернуться, схватить его за лодыжки и повалить. Стукнув его по лбу рукоятью дубинки, я вскочил, звеня монетами, и увидел троих стражников, несущихся ко мне по крыше. Я подбежал к карнизу, поглядел вниз и выругался — высота была слишком велика, если прыгну, обязательно сломаю ногу. Повернувшись, я запустил своим оружием в ближайшего нападающего. Он упал; второй, споткнувшись о него, тоже не устоял на ногах. Спустя секунду я висел, держась за краешек карниза. Взглянув вверх, увидел третьего стражника с занесенным мечом — он явно вознамерился отрубить мне пальцы. Тогда я отпустил карниз. Упал на мостовую, но в последний момент успел сгруппироваться, превратив тело в подобие пружины, и отделался лишь ушибом. Но в ту минуту я его даже не почувствовал. Вокруг стучали о мостовую пики и палицы, но ни одна не задела меня, а вскоре я свернул за угол и оказался на многолюдной улице. Постепенно вопли разъяренных стражников стихли за спиной. В первом же баре я рухнул на стул и с неописуемым наслаждением выдул целый жбан преме́рзкого пива.

Таскать за пазухой кошелек было не очень удобно: он вдавливался в живот, и, кроме того, выпирающий «бубновый туз» не мог не бросаться в глаза. Возможно, хог уже разослал слуг во все концы города, и сейчас они высматривают меня среди прохожих. Им не составит труда найти старину ди Гриза, если он будет шляться по улицам, забыв об осторожности. От этой мысли меня прошиб пот. Я постучал по столу монеткой, подзывая официанта. При виде островной валюты у него заблестели глаза. Схватив трясущимися пальцами монету, он пулей вылетел из ресторанчика и вскоре вернулся с целой пригоршней аргханов. Меня, конечно, обсчитали, но я не стал скандалить, а вышел из ресторана и нырнул в первую же лавку, где торговали одеждой. Ее хозяин неважно знал эсперанто, но все же я сумел объяснить ему, что мне нужно. Из лавки я вышел в мешковатых штанах и накидке, с плетеной корзиной, в которой укрылся кошелек. С трудом переставляя отбитые ноги, я добрался многолюдными улицами до рынка, где обзавелся широкополой кожаной шляпой с шикарным пером. Мало-помалу я оделся с иголочки. Деньги перекочевали в элегантную наплечную сумку, а корзинку с арестантскими шмотками я выбросил. Наступил вечер. Я заблудился, и к тому же меня не оставляли тревожные мысли насчет Бибз. Я сделал все возможное, чтобы ее не заподозрили в сговоре со мной, но было ли этого достаточно? «Обязательно надо ее разыскать, — виновато подумал я. — Но как это сделать? Чего проще — найду здание Лиги, единственный ориентир, а там что-нибудь придумаю». Базу Лиги я нашел на

рассвете. Едва не ваяясь с ног от усталости, прошел по пути фургона, в котором мы ехали вместе с конвойными, до того места, где прыгнули. Затем разыскал знакомый ресторан и с облегчением уселся за столик. Оставалось надеяться, что Бибз не забыла это местечко и что у нее хватит ума прийти сюда. Я снял и бросил на стол шляпу. И как будто раскаленный обруч сдавил мое горло.

— Предатель! — прошипела мне на ухо Бибз.

Я хрипел и хватал руками воздух. Неужели конец?.. Я потерял сознание, а когда пришел в себя, боль исчезла, а проволока упала на пол. Пока я растирал шею, Бибз подвинула стул, уселась и заглянула в сумку с деньгами.

— А ведь я могла тебя придушить, — сообщила она. — Запросто — до того разозлилась. Решила, что меня оставили в дураках. Но теперь понимаю: ты тогда на месте придумал план. Ладно, считай, что мы квиты — видишь, как меня разукрасили по твоей милости?

Я полюбовался на ее разбитые губы, на синяк под глазом.

— Я же не хотел... — прохрипел я. — Для того и сбил тебя с ног, чтобы не подумали...

— И правильно сделал, иначе бы меня прикончили на месте. Но все-таки, пока я ваялась без чувств, мне намяли бока. Потом все погнались за тобой, а я улизнула. дождалась темноты, прячась по закоулкам и ненавидя тебя. У меня ведь ни гроша с собой нет. Вообще ничего, кроме фингала. Твое счастье, что я такая отходчивая.

— Спасибо, — буркнул я и единым духом ополовинил кувшин с вином, принесенный официантом. — Это был наш единственный шанс. Пока ты торговалась со старикашкой, я хорошенько рассмотрел его логово. Лезть туда ночью — док-лый номер. Поэтому я решил забрать денежки сразу.

Бибз усмехнулась и погладила сумку с монетами.

— Пожалуй, такой куш стоит нескольких ушибов. Ладно, я не сержусь. Пойдем отсюда. Ты сменил костюм, нужно и мне переодеться.

— А потом — в лучший остелиов города.

— Да, с горячей ванной и хорошей кухней. Вперед!

Вскоре мы нашли остелиов — приземистое здание с номерами, выходящими окнами во двор, — и выбрали самые роскошные апартаменты. На столе нас поджидал кувшин холодного вина — в жизни не пил ничего вкуснее. Слоняясь по комнатам, усталанным коврами, я грыз печенье, а Бибз тем временем плескалась в ванне. Наконец она вышла, закутанная в полотенце, пышущая румянцем и голодная, как волк. В остелиове не было столовой или ресторана, еду нам принесли прямо в номер. Когда тарелки опустели, я запер входную дверь на засов, потом заново наполнил вином хрустальный кубок Бибз.

— Вот это жизнь! — сказала она, блаженствуя.

— Что верно, то верно, — согласился я, вытягиваясь рядом с ней на подушках. — Ну, теперь вздремнем чуток, и я снова стану человеком.

Она взглянула на меня прищуренным глазом — второй, подбитый, был и вовсе закрыт — и улыбнулась.

— Все-таки ты удивительный парень, Джимми. Совсем мальчишка, но очень способный. Ты пережил рабство на Спировенте, а ведь это было не просто. Потом уложил несколько фараонов и сумел обчистить хога.

— Просто повезло, — ее слова (за исключением «мальчишки») пришлось мне по душе.

— Не думаю. Кроме того, ты меня здорово выручил. Вырвал из цепких лап закона и раздобыл деньги, которые помогут нам смыться отсюда. Пожалуй, надо тебя отблагодарить.

— Не за что. Поможешь мне разыскать Гарта, вот и будем квиты. Давай об этом завтра поговорим, утро вечера мудренее.

Бибз опять улыбнулась.

— Джимми, я хочу отблагодарить тебя иначе.

Как вы думаете, случайно ли в тот миг с нее соскользнуло полотенце? Бибз выглядела просто потрясаяще. Вот только подбитый глаз... но это пустяки. Как бы вы, читатель, поступили на моем месте? Думаю, как бы ни поступили — не стали бы рассказывать посторонним.

* * *

Казалось, никогда еще солнце Стерен-Гвандры не сияло так ярко. Переполненный блаженством, я валялся на тахте, жуя какой-то фрукт и запивая вином.

— Я не ослышалась? — спросила Бибз. — Ты решил остаться?

— Ну что ты! Конечно, я улечу отсюда. Но сначала разыщу Гарта.

— Скорее он сам найдет тебя и прикончит.

— Еще посмотрим, кто кого прикончит.

Она помолчала, склонив набок очаровательную головку, затем кивнула.

— Пожалуй, я бы посмеялась, услышав это от кого-нибудь другого. Но ты слов не ветер не бросаешь. Однако я здесь не останусь, — добавила она со вздохом. — Хватит с меня. Благодаря Гарту я оказалась за решеткой, благодаря тебе — снова на воле. И все, дело закрыто. Правда, ужасно хочется знать, чем все кончится. Будь другом, если останешься жив, пошли мне весточку через профсоюз венийских космонавтов. — Она протянула листок бумаги. — Держи. Здесь все, что я знаю о Гарте.

— Генерал Зеннор, — прочитал я. — Или Зеннар.

— Не знаю, как пишется. Похоже, это его настоящие фамилия и звание — однажды при мне к нему так обратился младший офицер.

— А что такое Мортстерторо?

— Большая военная база. Наверное, самая крупная на острове. Мы там садились и забирали груз. Нас не выпускали

из корабля, а за Гартон приезжал огромный, весь в звездах и флажках лимузин. И каждый начальник отдавал ему честь. Он — большая шишка, островитяне его высоко ценят. Извини, но мне больше ничего не известно.

— Спасибо, этого достаточно. — Я сложил листок и спрята-
л в карман. — Что еще?

— К вечеру, наверное, у нас будут документы. Я скоро улечу. Мне удалось устроиться на корабль, который на не-
сколько месяцев зафрахтован торговой делегацией. Я подку-
пила члена экипажа, и он сказался больным.

— Когда старт?

— В полночь, — голос Бибз дрогнул.

— Боже! Как скоро...

— Да, Джимми. Я все вижу, потому и расстаюсь с тобой.
Ни к чему нам слишком крепкие узы.

— О чем ты? Какие еще узы? Не понимаю.

— Вот и хорошо. Когда поймешь, я уже буду далеко.

Разговор действовал на меня угнетающе. До минувшей
ночи мои отношения со слабым полом были... скажем, не та-
кими близкими. Бибз молча смотрела на меня, я же, подав-
ленный и сбитый с толку, не знал, что сказать. Оказывается,
я совсем не знаю женщин.

— Ну, мои планы не столь конкретны... — промямлил я, но
она прижала к моим губам теплый палец.

— Конкретны, я же вижу. И ради меня ты не станешь их
менять. Утром ты твердо знал, чего хочешь.

— Я и сейчас знаю, — кивнул я, пытаюсь придать голосу
уверенность. — Ты уже поговорила с кем надо, чтобы меня
переправили на Невенкебла?

— Да, и пообещала двойную плату. Если опоздаешь —
пеняй на себя, старый Грбонджа не станет ждать. Он давно
мечтает осесть на берегу, но нужда заставляет его ходить в
море.

— Чем он занимается?

— Перевозит фрукты и овощи на остров. Он возьмет тебя
матросом. Если в гавани ты сбежишь с судна, у него отберут
лицензию на ввоз товара. Но Грбонджа готов пойти на это
ради денег.

— Где мы с ним встретимся?

— Вечером отведу тебя к нему на склад.

— А потом?

— Потом уйду. Ты не голоден?

— Мы же только что позавтракали.

— Я не это имела в виду, — хриплым голосом пояснила
Бибз.

* * *

Идти по темному городу, где фонари горели только на
перекрестках, было довольно бранно. Мы молчали — наверное,
просто говорить было не о чем. На поясе у меня висел кинжал,

а новая дубинка то и дело стучала по стенам, предупреждая ночных грабителей, что не стоит связываться с вооруженным Джимом ди Гризом. Наконец мы подошли к складу; на стук моей спутницы кто-то невидимый открыл дверь и впустил нас. В ноздри ударил сладковатый запах фруктов. В освещенном углу сидел в кресле седой старик с бородой, прикрывавшей чудовищных размеров пузо, которое уютно устроилось на ляжках. Один глаз старика скрывался под повязкой, второй — крошечный как бусинка — пыливо смотрел на меня.

— Это тот самый парень,— сказала ему Бибз.

— Он говорит на эсперанто?

— Не хуже любого местного,— буркнул я.

— Давай деньги,— он протянул пятерню.

— Чтоб ты ушел без него? Ну уж нет. Отвезешь Пловечи — получишь деньги.

— Дай хотя бы взглянуть на них,— глаза-бусинки снова уставились на меня, и я понял, что Пловечи — это я.

Зачерпнув пригоршню монет из сумки, я показал их Грбондже. Старик одобрительно хмыкнул. Сзади потянуло сквозняком, и я резко обернулся. Дверь закрылась. Бибз ушла.

— Можешь спать здесь,— Грбонджа показал на груды мешков у стены.— Утром погрузимся — и в путь.

Он ушел, забрав с собой лампу. Я постоял в темноте, глядя на дверь, потом уселся на мешки, прислонясь к стене и положив дубинку на колени. Делать было нечего, и я задумался о том, о сем, пытаясь разобраться в сумятице чувств и желаний. Наверное, слишком глубоко задумался — когда проснулся, в дверной проем хлынул солнечный свет. Снаружи шумел окутанный утренним туманом океан. У берега покачивался парусник, по сходням спускался Грбонджа.

— А ну-ка, Пловечи, пособи моим парням,— велел он мне.

Вслед за ним на склад ввалилась орава матросов. Таскать тяжелые мешки — работа, прямо скажем, утомительная и нудная. Я быстро умаялся, а еще раньше вспотел. От едкого запаха фруктов слезились глаза, щеكاتало в носу. А матросы работали, как ни в чем не бывало, с шуточками да прибауточками — должно быть, привыкли. Наконец мы до отказа набили трюм и улеглись в тени вокруг бадьи со слабым пивом. Мне удалось опередить кого-то, схватить грязный деревянный ковш на цепочке; я наполнил его и мигом опорожнил. Потом повторил эту приятную процедуру. Вскоре подошел Грбонджа и велел собираться. Моряки убрали сходни, отвязали швартовы и стали поднимать парус. Я старался не мешать им — стоял у борта, играя дубинкой. В конце концов Грбонджа осерчал и велел мне убираться в каюту. Но не успел я открыть дверь, а он — тут как тут.

— Ну, теперь давай деньги,— потребовал старик.

— Не спеши, дедуля. Заплачу, сходя на берег, как договаривались.

— Только не на глазах у моих ребят. Ни к чему им видеть это.

— Не бойся. Сделаем так: ты будешь стоять у трапа, а я натолкнусь на тебя, будто ненароком, и незаметно суну кошелек тебе за пояс. И все, хватит об этом. Лучше расскажи, что ждет меня на острове.

— Беда! — взвыл он, дергая себя за бороду. — Эх, Пловечи, зря я с тобой связался. Ведь тебя непременно поймают и шлепнут, а заодно и меня.

— Ну-ну, успокойся. Послушай-ка музыку, — я позвонел деньгами. — Она сулит заслуженный отдых, домик с садом, каждый день — бочку пива и гору свиных отбивных. Разве не стоит рискнуть ради этого?

Звон подействовал на Грбонджу успокаивающе, а когда я протянул ему пригоршню монет, он и вовсе развеселился.

— Задаток в знак нашей дружбы, — сказал я. — А сейчас расскажи об острове поподробнее. Чем больше я буду знать о нем, тем больше шансов, что не попадусь. А это в твоих интересах.

— Да я о нем почти ничего не знаю. Ну, причалы там, склады. За складами рынок. Дальше — высокая стена. За нее нас не пускают.

— А есть в стене ворота?

— Ага, есть. Но возле них стража.

— А рынок большой?

— Громадный. Как-никак, центр торговли целой страны.

— Ладно, спасибо и на этом.

Сопя и ворча, Грбонджа поднял крышку люка и исчез в трюме. Мне не сиделось в каюте, и я вернулся на палубу. Чтобы не путаться под ногами матросов, прошел на нос. Туман рассеялся, передо мной расстилалась безмятежная синь. Судно приближалось к огромной полуразрушенной башне, торчавшей из воды. Я сразу понял, что ее построили еще в ТЕ годы. Чтобы увидеть верхушку, пришлось запрокинуть голову. Башню венчал обломок моста, искореженные рельсы окунались в воду. Отовсюду выпирало ржавое железо, покачивались обрывки толстых тросов. Я ужаснулся, представив катастрофу, разрушившую мост. А может, это сделали островитяне, опасаясь вторжения с варварского, с каждым годом все более дичающего материка? Если это так, им не откажешь в осторожности. А значит, проникнуть в глубь острова будет совсем не просто. От этих мыслей меня отвлекло появление длинного серого корабля, ошестинившегося пушками. Он с ревом пронесся перед нашим бушпритом и развернулся справа по борту. Наши матросы бросились к мачте, спеша убрать парус. Я работал с ними плечом к плечу, стараясь не замечать пушечных жерл. Любое из них могло одним выстрелом разнести нашу посудину в щепки. «Все в порядке, — убеждал я себя. — Мы — мирные торговцы, за что в нас стрелять?» Видимо, командир канонерки рассуждал так же. Оглушительно взвыв сиренами, она развернулась и двинулась прежним курсом. Один из наших матросов потряс ей вслед кулаком и что-то выкрикнул. Впереди рос остров Невенкебла — утесы и зеленые

холмы, многоэтажные дома над круглой бухтой, за ними — фабричные корпуса, терриконы и дымящиеся трубы. Часть бухты отгорожена извилистой каменной стеной, по краям стены — форты с огромными орудийными стволами, торчащими из бойниц. Я кожей чувствовал подозрительные взгляды артиллеристов, видел, как медленно движутся нацеленные на нас жерла.

— Спокойно, Джимми! — бодро сказал я себе, крутя над головой дубинку. — Ты еще покажешь этим салагам, где раки зимуют. Куда им тягаться с Джимми ди Гризом!

— Спустить паруса! — заревел динамик. — Принять буксирный трос!

Тарахтя двигателями, к нам подрулил мощный буксир. Матросы-островитяне знали свое дело: мы не успели еще убрать парус, а нас уже тащили к пристани, где толпился народ. Бухта была забита судами, погрузка-разгрузка шла полным ходом. Мы направились к свободному доку.

— Кого тут только нет, — сказал нам Грбонджа. — Вот та лоханка — из Пенпилика, та — из Грампаунда, та — из Працан-Библи. Далеконько забрались, ничего не скажешь. Давай-ка денежки, а то на берегу опасно будет

— Нет, папаша. Придется потерпеть.

От волнения его аж пот прошиб. Не отрывая глаз от приближающегося берега, Грбонджа пробубнил:

— Я сойду первым, поговорю с таможенником. Он соберет наши документы и взамен выдаст специальные значки для работы в порту. Тогда и заплатишь, ладно?

— Ладно, только не потей. Думай о чем-нибудь приятном — о домике с садом, например.

Мы пришвартовались под присмотром двух вооруженных стражников, с помощью паровой лебедки спустили трап. Грбонджа сошел на пристань. «А вдруг выдаст? — мелькнула у меня в голове паническая мысль. — Может, надо было заплатить вперед?» Через несколько минут (мне они показались столетиями) Грбонджа вернулся на судно, чтобы дать наставления команде. Пока он орал на матросов, я побывал в каюте. Дубинку пришлось оставить, зато я спрятал за пазуху кинжал, отмычку и кошелек с частью денег, которые решил оставить про запас. Ну вот, все готово. Я возвратился на палубу. Ребята уже таскали мешки; с ношей на плечах я сошел на пристань. Каждый из сходящих держал в руках документы; офицер у трапа складывал их в коробку, а матросам прикалывал на рубахи бирки. Похоже, ему давным-давно наскучила работа таможенника. Приближаясь к офицеру с документом в протянутой руке, я старался ничем не выдать страха.

— Следующий! — рявкнул он, зверски уколов меня значком. Я дернулся всем телом и едва не выругался, а он с улыбочкой садиста толкнул меня в спину и буркнул: — Шевелись, дубина. Следующий!

Наконец-то я на берегу и, слава Богу, пока ни в чем не заподозрен. Вслед за согнувшимся под тяжестью мешка

матросом я venit в сумрак склада. Там у растущей горы фруктов стоял Грбонджа.

— Деньги! Давай! — прохрипел он, отведя меня в сторону. Получив плату, Грбонджа с облегчением вздохнул.

Я оглянулся — кругом бетон и стальные стены — и пошел за матросом к трапу. Таща третий мешок, я был близок к отчаянию. Еще несколько ходок, и выгрузать будет нечего. Ведь не для этого я заплатил Грбондже кучу денег, чтобы пройти под парусом да размять мускулы.

Как же выбраться из порта? Вот беда — даже спрятаться негде, все просматривается. Островитяне, по всему виду, не жалуют незваных гостей. Я решил, что необходимо посидеть и спокойно подумать.

— Вели сделать перерыв на кружку пива, — шепнул я Грбондже, поравнявшись с ним у трапа. Офицер-таможенник ушел, но двое стражников остались и не спускали с нас глаз.

— Да что ты! Мы тут всегда без передышки вкалываем. — А сегодня будет передышка. Ну, чего ждешь? Хочешь, чтобы я рассказал о нашей сделке охранникам?

Грбонджа застонал, но не стал упрямиться.

— Шабаш, ребята! Пивком освежимся.

Понятное дело, ребята не стали выяснять, какая муха его укусила. Радостно вопя, они столпились вокруг бадейки. Глотнув кислятины, я отошел и уселся возле трапа на планшир. Посмотрел вниз — и увидел полосу воды между промежуточными опорами. Вот он, мой единственный шанс. Стоявший рядом со мной охранник отошел. Грбонджа стал спиной ко мне, матросов интересовало только пиво. Похоже, они чего-то не поделили — кто-то завелся, кому-то даже дали по зубам.

Короче говоря, всем было не до меня. Я сбросил в воду лежащий на пристани канат и стал по нему спускаться. Коснувшись пятками воды, достал кинжал, полоснул по канату над головой и бесшумно погрузился в воду. Когда я добрался до ближайшей опоры, сколоченной из бревен и досок и покрытой водорослями, наверху забила крыльями и с клеточком умчалась прочь какая-то птица. Вокруг меня пузырилась темная вода; под пристанью ужасно воняло. Я уже почти жалел, что не остался с матросами.

— Выше голову, Джим, и не теряй времени. Охранники, когда хватятся тебя, первым делом заглянут сюда.

И я поплыл — правда, недалеко. Вскоре путь преградила деревянная стена, точнее, борт парусного судна. Я приуныл. Неужели придется отступить? Но отступать некуда — солдаты схватят меня, как только я вскарабкаюсь на пристань. Что же делать?

— Думай, Джим, — сказал я себе, — ищи выход. Вряд ли судно достает килем до дна. Может, нырнуть?

Хо-хо! Не так-то это просто, — переправиться на ту сторону. Сбросив ботинки, я вдохнул полной грудью и... не решился погрузиться. Страх перед лучиной заставлял меня снова и

снова хватать ртом воздух. Вскоре от избытка кислорода в крови стало мутиться в голове. Я собрал волю в кулак и ушел под воду. Темнота. Стук в висках. Боже, я задохнулся! Так и останусь под водой на веки вечные! Я плыл, касаясь ладонью днища корабля, обдирая кожу об острые ракушки. Все глубже, глубже... Вот он, киль, наконец-то. Теперь — вверх. Не выдержу! Какой огромный парусник! В легких — нестерпимое пламя, но тут, наконец, над головой появляется свет. Огромного труда стоит не хрипеть, хватая ртом живительный, пьянящий воздух. Отдышавшись, я поднял голову и увидел судно у причала напротив. У борта лицом ко мне стоял матрос. Я поспешно нырнул и добрался под водой до парусника. Собравшись с силами, повторил свой подвиг — проплыл под килем. Когда я уже выныривал, голова застряла между бортом и торцом опоры, и я едва не спятил от страха. К счастью, сумел высвободиться, в кровь разодрав затылок. На сей раз зловонный воздух показался мне восхитительным. Так начинался один из самых утомительных дней в моей жизни. Эти два парусника были первыми в длинном ряду судов, под которыми мне пришлось проплыть. К полудню я добрался до последнего причала. Начался отлив, палубы судов опустились ниже настила пристани. К тому времени я ужасно устал, но набрался опыта в подводном плавании. Еще один глубокий вдох, еще одно погружение — и вот я вынырываю возле руля последнего судна. Впереди — длинная стена из каменных блоков.

— Что скажешь, Джим? — спросил я себя. — Какие будут предложения? — Шло время, но ничего путного не приходило мне в голову. — Не отчаивайся. Думай.

Как тут не отчаиться. Возвращаться — бессмысленно и опасно. Укрыться под одним из причалов? Это нетрудно. Но доки обязательно обыщут, когда обнаружат пропажу. Подняться на пристань? Это уж совсем ни к чему. На складах не спрячешься, там полно охраны.

— Поверти проблему в голове, как советовал в таких случаях Слон.

В чем, собственно, проблема? В том, чтобы уйти от солдат. Ведь они, возможно, уже ищут меня. Но не могу же я прятаться в бухте вечно? Следовательно, нужно идти к солдатам. Рискованно? Еще бы. Но, с другой стороны, кому придет в голову искать среди своих? Куда плыть? Ну конечно, к форту, которым кончается стена.

— Самый безумный шаг в моей жизни, — укорял я себя, снова обводя взглядом стену.

Над моей головой перекликались, с грохотом топали по палубе матросы. Судно, похоже, скоро отчалил — где тогда спрашивается, прятаться? Под стеной, правда, плавают мусор, дерутся из-за отбросов птицы. Но пока я туда доплыву, кто-нибудь наверняка меня заметит... Наверху заскрипел такелаж. Матросы ставили парус. Значит, надо срочно что-то делать. И тут руль едва не вырвался из моих рук. Я ухватился покрепче и поспешил окунуться с головой, пока меня не заме-

тили. Когда терпеть стало невозможно, приподнял голову и чуть не закашлялся от пены, попавшей в горло. Корабль быстро удалялся. На краю пристани спиной ко мне стоял охранник. Вот и хорошо, можно дышать спокойно. Форт приближался. Возле него судно снова повернет, и я окажусь возле самой стены. Я терпеливо ждал, когда корма парусника приблизится к форту, чтобы нырнуть в последний раз. Цепляясь за щели и упираясь ногами в камень, когда била волна, я двинулся вдоль стены и мало-помалу достиг того места, где над водой нависали оружейные стволы. Что теперь? Может, рискнуть и взобраться на крышу? Вся морская гладь в симпатичных пятнышках яхт и прогулочных яликов, но они далеко, а щели между каменными блоками кое-где достаточно широки, чтобы просунуть пальцы. И я рискнул. Непросто карабкаться по отвесной стене, но у меня не было выбора. Дюйм за дюймом я поднимался все выше и наконец остановился между двумя амбразурами. Я приник, собираясь с силами, к стене, из которой торчали, поблескивая, два жутких ствола. В десяти метрах под ногами о камень бились волны. Пока ни один парусник или ялик не приблизился к форту, но сколько это продлится?

— Дай-ка мне, Джим, огоньку.

От неожиданности я едва не сорвался. Мимо пролетел окуроч сigarы. «Из амбразур», — догадался я. Никто из оружейной прислуги не мог меня видеть, то, что здесь прозвучало мое имя, — случайность. Артиллеристы совсем рядом, они курят на боевом посту, что вряд ли поощряется начальством, и любуются океаном. Я затаил дыхание, целиком обратясь в слух.

— Знаешь, дружище, этот новый капитан меня достал.

— Да, я тоже впервые вижу такого гада. Может, яду ему в кофе сыпануть?

— Свихнулся? Говорят, в одном полку на севере за такое каждого десятого поставили к стенке.

— Да что ты, я же пошутил.

— Тихо. Капитан идет!

В море упал окуроч, послышался удаляющийся топот. Я полез наверх, перекатился на плоскую крышу форта. Морская птица недовольно уставилась на меня одним глазом, противно заорала и упорхнула. Я улегся в центре нагретой солнцем, загаженной пометом крыши; отсюда видны были только небо и вершина далекого холма. Меня могли заметить с воздуха, но не стоило особенно беспокоиться по этому поводу — за весь день я увидел только один самолет, пролетевший вдалеке. Я закрыл глаза и неожиданно уснул. Проснулся я от холода — солнце скрылось за тучей, а одежда еще не успела высохнуть. Зато меня, похоже, до сих пор не обнаружили. День клонился к закату, и я решил дожидаться темноты на крыше. Очень хотелось есть, но с этим можно было и подождать. Сумерки сгустились не скоро. Я то и дело облизывал пересохшие губы, стараясь не замечать урчания в животе и утешая себя мыслью, что рано или поздно солнце все равно зай-

дет. Понемногу стемнело, заблестели звезды, в порту засветились прожектора. Я подкрался к краю крыши и поглядел вниз. Там вспыхивали и гасли фонарики, слышались хриплые крики командиров, строились в шеренги солдаты. Вскоре одно отделение вошло в крепостные ворота, другое двинулось по широкой, как проспект, стене и постепенно скрылось из виду. А потом погасли все огни. Я лежал, глядя в крошечную мглу и не веря своему счастью. Неужели свет погасили специально для того, чтобы я мог незамеченным проникнуть в город? Конечно, нет, просто внизу стоят часовые, и начальство не желает, чтобы прожектора слепили их. Разумно, друзья мои, разумно. Я смотрел на гавань; слабо освещенную звездами, и тщательно прорабатывал маршрут. Потом бесшумно спустился на известняковые плиты плаца. Ворота в стене форта были закрыты, и я на цыпочках затрусил прочь от них. Слева смутно виднелись яхты и весельные лодки, кое-где в каютах горел свет. Слышался приглушенный смех. Каменные плиты приятно холодили ступни. На душе у меня полегчало, я поймал себя на том, что насвистываю веселый мотивчик. Затем я наткнулся на проволочную сетку, натянутую поперек стены, и тут же повсюду — над головой, позади, впереди — вспыхнул свет. Прожектора высветили металлическую сеть и в ней — запертую калитку.

Отпрянув от сетки, я испуганно огляделся, затем распластался на стене и стал ждать стрельбы. Но все было тихо. Прожектора сразу погасли, никто не выбежал из форта ловить ночного нарушителя. Правда, с той стороны, куда я направлялся, ко мне приближались несколько огоньков. Патруль. Неужели меня заметили? Или, когда я наткнулся на сеть, сработала сигнализация? В любом случае, надо побыстрее отсюда убираться. Я быстро пополз к той стороне стены, что смотрела на океан, и, цепляясь за выступы на камнях, спустился к воде. Холодные брызги хлестали по ногам, смотреть на черную гладь океана, кажущегося бездонным, было жутко. Сапоги солдат бухали все громче. «Зачем я так рискую? — спросил я себя. — Кто-нибудь посветит фонариком, и меня сразу обнаружат. Так глупо засыплюсь — а все из-за чего? Из-за нежелания вымокнуть или попасть на ужин морским чудовищам? Чепуха — если бы здесь водились чудовища, люди не катались бы по заливу на лодках. Нырять, Джим, нырять», — пробормотал я и соскользнул в воду. Когда солдаты подошли к сетке, я успел отплыть довольно далеко и готов был погрузиться с головой, если кто-нибудь посветит в мою сторону. Нет, обошлось. Они отворили калитку, вошли в нее, заперли ее за собой, и двинулись к форту. А я поплыл к берегу. Ну и как же быть дальше? Что мне — мокрому, босому, ни черта не знающему об этой стране инопланетнику — делать на берегу? Где укрыться? М-да, положеньице. Внезапно что-то темное на миг заслонило от меня береговые огни. Яхта! Вот оно — мое спасение! Я медленно плыл между яхтами, стоявшими на якорях. Кое-где в каютах горел свет, другие яхты

были темны и безмолвны. Может быть, их хозяева улеглись спать? Вряд ли, рановато еще. Наверное, отправились на берег поразвлечься. Впереди на фоне темного неба возникла темная мачта. Парусная лодка, жаль — маловата. Я плыл, пока не наткнулся на судно покрупнее, без мачт. На правом борту оказался неубранный трап; по нему я вскарабкался на палубу, а затем пробрался на мостик. В свете звезд и береговых фонарей виднелись штурвал, сиденья и дверь, которая, возможно, вела в каюту. Я взялся за ручку, нажал — не подается.

— Хорошая новость, Джим. Если дверь заперта, значит, за ней что-то ценное. Ну-ка, поглядим.

Опытному взломщику темнота не помеха, да и замок оказался совсем простенький. Свет в каюте я включать не стал, но все катера имеют много общего, и сориентироваться на ощупь не составило труда. В носовой части я обнаружил койки, под ними — сундуки, над койками — полки. Хорошенько обшарив каюту и наставив себе уйму шишек, я собрал трофеи в одеяло, вытащил их на палубу. То, что в темноте я принял за бутылку с отвинчивающимся колпачком, таковой и оказалась. Я скovyрнул колпачок и понюхал содержимое, потом сунул в горлышко мизинец и облизал. Приторное вино. Не в моем вкусе, но все же лучше, чем морская вода, которой я вдосталь нахлебался. В жестяной коробке оказалось печенье, такое твердое, что я едва не сломал зубы. Пришлось облить печенье вином; когда оно размякло, я съел все до последней крошки. Затем я стал разбирать добычу. Книги, коробки разной величины и формы, одежда. Сорочку из прозрачной ткани я сразу отбросил, потом отобрал вещи, которые, вроде бы, не предназначались для прекрасного пола, и стал по очереди примерять их. Не простое дело для чужестранца, не имеющего понятия о туземных фасонах. Брюки оказались слишком велики, но не беда — я подпоясался веревочкой. Рубашка сидела на мне куда лучше, а куртка пришлась впору, если ее шили с тем расчетом, чтобы полы прикрывали колени. Чтобы сапоги не спадали, я обмотал ступни тряпками: Потом снова облачился в мокрую одежду, запихнул обновку в коробку из-под печенья, которую обернул куском синтетической ткани, показавшейся мне водонепроницаемой. Ветерок все свежел, пора было плыть к берегу. Приключения вытянули из меня все силы, голова была как ватная, хотелось спать. Я допил вино, бутылку вместе с вещами, которые мне не понадобились, бросил в каюту и запер дверь. Затем привязал к голове сверток и спустился в воду. На берегу не было видно ни души. Плыть, загребая одной рукой, а в другой держа светок — дело непростое, но я довольно быстро добрался до суши и метнулся под прикрытые валунов. Стуча зубами от холода, я сорвал с себя и закопал в песке одежду, быстро переоделся в сухое, мешочек с пожитками затолкал за пояс, а кинжал сунул за голенище. Ужасно хотелось найти укромное местечко, свернуться калачиком и уснуть. Но островитяне — народ серьез-

ный. караульная служба охраны у них поставлена четко, а берег они считают чуть ли не передним краем обороны. Нет, нельзя спать, надо побыстрее перебираться в город. Чуть подалее на берегу горели огни, звучали оживленные голоса. Вверх по пологому склону к асфальтированной улице вела лесенка. Я стал крадучись подниматься, но прыгнул на песок, едва заметил неподалеку двух вооруженных людей в военной форме. Сосчитав до двухсот, я поднял голову и огляделся. Патрульные ушли, лишь несколько пешеходов прогуливались вдоль берега. Я поднялся на тротуар и неторопливо побрел мимо уличных фонарей и домов с растворенными окнами и распахнутыми дверьми. Навстречу шествовала в обнимку парочка, но влюбленные даже не покосились на меня. Вот и прекрасно — мой наряд не бросился им в глаза. Вскоре я увидел бар с вывеской: «ЗАХОДИТЕ К НАМ, ЗАСРАНЦЫ, ЖДУТ ВАС ВЫПИВКА И ТАНЦЫ». Ну, разве можно пройти мимо, прочитав такое? Не колеблясь, я толкнул дверь и вошел. Да, кабак — он в любом уголке Вселенной кабак. У всех у них одна форма, одна функция. Форма: стулья (чтобы на них сидели люди), столы (чтобы на них стояли сосуды). Функция: располагать людей с опустошению сосудов со спиртным. Я придвинул стул к свободному столику и уселся. Посетителям было наплевать на меня, как и мне — на посетителей. Не обращая внимания на возгласы хамоватых юнцов, ловко уворачиваясь от шлепков и шипков, ко мне подошла пухленькая официантка в короткой юбочке.

— Чего изволите? — спросила она, презрительно глядя на юнцов, которые со смехом подняли в ее честь кружки с пивом.
— Пива.

Оно оказалось холодным и резким — как раз то, что нужно. Я рассыпал на столе несколько монет, официантка взяла две или три и отошла к стойке.

Я окунул нос в пену, но тут в бар вошел молодой человек и быстро направился к юнцам.

— Поркаходж! — хрипло воскликнул он. Услышав это, двое парней вскочили и выбежали из бара.

Я поставил кружку, сгреб со стола деньги и вышел на улицу. Я встревожился, и неспроста: поркаходж — это «грязные свиньи» в переводе с эсперанто. Никаких свиней поблизости не было, и я знал, что скотина здесь совершенно ни при чем. Просто во всей Вселенной так зовут полицейских. Мальчишки испугались, значит, и мне надо поостеречься. Внезапно взревела сирена, улицу осветил мигающий свет. Парни шарахнулись обратно в бар. Я поспешил за ними. Они пробежали между столиками к двери в противоположной стене, но не успели прикоснуться к ней, как она резко распахнулась.

— Что я вижу?! — насмешливо протянул сиплый голос. — Мальчишки пытаются убежать через черный ход! А ну-ка, сынки, предъявите документы офицеру патруля!

— Но ведь мы ничего плохого не сделали!

— Хорошего тоже. Документы, кому говорю!

Я ждал, не дыша, и изо всех сил надеялся, что «грязная свинья», которая наверняка стоит у парадной, не войдет в бар. Хриплый патрульный тем временем потешался:

— Да они же просроченные! Так-таки, ребята. Выходит уклоняетесь от призыва?

— Что вы! Это нисарь ошибся! — прохныкал один из юнцов.

— Что-то часто они стали ошибаться. А ну, пошли!

Шаги стихли за дверью, машина, ревя сиреной, умчалась. Я выждал некоторое время и выглянул за дверь. На улице — никого, «свиньи» уехали и увезли добычу. Я вышел из бара и зашагал прочь, едва удерживаясь, чтобы не побежать. Но вскоре спохватился. Куда я иду? После того как в баре побывал патруль, нет для меня места безопаснее. Отойдя в тень, я постоял, наблюдая за дверью бара. Никто не входил и не выходил. Я сосчитал до трехсот, затем на всякий случай от трехсот до нуля. Все спокойно. Готовый при малейшем шорохе удариться в бегство, я прокрался к двери и заглянул в бар. Полицейских не было. Я вошел в зал и сел на прежнее место. Четверо парней за соседним столиком посмотрели в мою сторону.

Мрачно покачав головой, я проворчал:

— Все. Сцапали их поркаходж.

— Говорил я Билу — заведи себе новую ксиву. Что-что, а ксива должна быть в порядке.

— А моя просрочена, — хмуро сообщил я и помахал официантке.

— Видать, ты из Пенсильдельфин, — заметил конопатый юнец в ядовито-зеленых штанах.

— С чего ты взял? — буркнул я.

Конопатый фыркнул.

— А акцент? Где еще так говорят?

Я тоже фыркнул. Чем дальше в лес — тем больше дров. Выходит, я автоматически подпадаю под закон о мобилизации. Очень мило. Я снова спрятал нос в кружке.

— Ты лучше не рискуй, заведи новую ксиву, — участливо посоветовал блондин.

— Легко сказать. Знаешь, как туго с этим в Пенсильдельфини?

— У нас с этим тоже непросто. Везде нужны связи.

Я встал.

— Ладно, мне пора. Счастливо, ребята.

Прежде чем выйти, я выглянул в коридор, убедился, что поблизости нет патрульных. Потом остановился у крыльца. Почти тотчас же появился блондин.

— Разумно. Чем меньше народу будет знать о твоих проблемах, тем лучше. Меня зовут Жак.

— А меня — Джим.

— Ничего, имя как имя. Сколько ты намерен заплатить?

— Немного. Больно уж год неудачный выдался.

— За три куса сахара могу свести тебя с кем нужно. Он запросит двадцать.

— Ксива тянет не больше десяти. Тебе — полтора.

— Хо, а вы, пенсильдельфские, не такие олухи, как говорят. Ладно, давай бабки, и пошли.

Я заплатил Жаку его долю. Как только он повернулся, кончик кинжала слегка проколол ему кожу под ухом. Он застыл, как вкопанный. Подержав у него перед глазами лезвие с капелькой крови, я сказал:

— Просто предупреждение. Со мной, браток, шуточки не проходят. Наколешь — под землей разыщу и пришью. Понял?

— Понял... — пролепетал он.

Я спрятал кинжал и треснул блондина по спине.

— Жак, ты мне нравишься. Схватываешь на лету.

Шагая рядом с Жаком по улице, я утешал себя надеждой, что урок пойдет ему на пользу. Не люблю угрожать, не люблю, когда мне угрожают. Когда меня запугивают, я из вредности делаю все наперекор. Но жуликам, насколько я знаю, нравится, когда с ними не церемонятся. Такой уж народ. По пути нам попало несколько баров, и Жак в каждый из них заглянул. В пятом заплатил за вход и махнул мне, чтобы я следовал за ним. Там было темно и накурено, надрывался духовой оркестр. Жак провел меня в дальний конец зала, в кабину, где музыка звучала потише. Во всяком случае, была не столь кричащей, как полосатый наряд на толстяке, который сидел там. Откинувшись на спинку грубого деревянного кресла, он потягивал из бокала ядовитого цвета жидкость.

— Привет, капитан, — сказал мой спутник.

— Выкладывай, Жак, в чем дело, и проваливай.

— Капитан, не смей так говорить даже в шутку. Я по делу пришел, можно сказать, подарок тебе принес. Этому корешу нужна новая ксива, не то его заберут в армию.

В меня впились крошечные глазки толстяка.

— Жак сказал: полторы — ему, десять — тебе. Он уже свое получил.

— Вечно он путает. Двадцать, и точка. А комиссионные я сам ему выплачу.

— Ладно, черт с тобой.

Я отдал деньги. Он тут же достал из кармана пластиковые корочки с фотографией паренька, которому никак нельзя было дать моего возраста. Год рождения, указанный рядом с фотографией, тоже не совпадал с моим.

— Но ему же всего пятнадцать! — возмутился я.

— Ничего, у тебя тоже мордашка, как у младенчика. Сойдет. Или сбрось несколько годков — или иди в армию.

— Ладно, беру. Я уже чувствую, что помолодел. Спасибо за помощь.

— Всегда к твоим услугам. Во всяком случае, пока у тебя есть сахар.

Я вышел из бара, перебежал улицу и юркнул в темную подворотню. Жак не заставил себя ждать. Несколько минут

я бесшумно шагал за ним, потом стал догонять. Ощувив за-
тылком мое дыхание, он резко обернулся.

— Это я. Не пугайся, Жак. Просто хотел тебя поблаго-
дарить.

— А-а! Да брось ты, не за что,— промямлил он, испу-
ганно обшаривая глазами пустынную улицу.

— Жак, окажи мне еще одну услугу. Дай взглянуть на
твою ксиву. Хочу убедиться, что Капитан меня не надул.

— Что ты! Он не такой!

— Верю, но все-таки хочу взглянуть.— В свете фонаря
блеснул мой кинжал. Жак мгновенно выхватил из кармана
и протянул корочки, очень похожи на мои. Я раскрыл их,
повернул к свету затем сложил и отдал Жаку. Но он оказался
подозрительным.

— Это не моя ксива! — пролепетал он, взглянув в удосто-
верение.— Это твоя!

— Верно. Я решил с тобой поменяться. Ты же сказал,
что моя ксива — годная, вот и бери ее себе.

Я повернулся и пошел прочь. Шум прибоя и возмущенные
вопли Жака постепенно стихли за спиной. Я был очень до-
волен собой. Если Капитан меня не надул — Жак ничего не
теряет. Если надул — тем хуже для Жака. Соломоново реше-
ние. Чем дальше на берег — тем выше здания, чище улицы,
ярче фонари. И тем сильнее меня одолевала усталость. Я
не удержался от искушения войти в первый же бар. Бархатные
гардины, свет, не режущий глаз, кожаные кресла, миловидная
официантка. Она равнодушно поставила передо мной пиво,
но, получив щедрые чаевые, стала куда как любезнее. Но
отдохнуть, потягивая пиво и заигрывая с официанткой, мне
не удалось. Очень уж много «грязных свиней» шастало по
этому городу, причем всегда по двое. Когда парочка этих
несимпатичных зверушек ввалилась в бар, сердце мое ушло
в пятки. «Чего ты боишься? — укорял я себя.— У тебя же
отменная ксива!» Полицейские обошли зал, проверив у посе-
тителей документы, и наконец остановились возле моего сто-
лика.

— Добрый вечер, начальники,— ухмыльнулся я.

— Нечего зубы скалить! Показывай!

Я протянул «корочки». У того, кто в них заглянул, аж
ноздри раздулись от радости.

— Ты только погляди на этого орла! — толкнул он локтем
напарника.— Это же сам Жак-Шутник! Каким ветром тебя за-
несло в наш район, дружище! Ну, теперь все.

— Да вы что, ребята! — сказал я с дрожью в голосе.—
Я сейчас же вернусь.

— Поздно! — хором заявили патрульные, защелкивая
брассеты на моих запястьях.

— Слишком поздно,— добавил тот, у кого раздувались
ноздри.— Все, Жак. Ты теперь в армии. Береговая полиция
тебе не поможет

«Перестарался,— с горечью подумал я, выходя из бара в

сопровождении полицейских. — Похоже, с этой минуты начинается моя головокружительная военная карьера. »

Мне отвели тесную камеру с жесткой койкой, но я не стал скандалить. После напряженного дня нужен был только сон. Должно быть, я захрапел, не успев коснуться головой грязной подушки. Спал я как убитый, а разбудил меня серый луч света, проникший сквозь крошечное зарешеченное окно. Сразу навалилась тоска.

— Есть хочу! — завопил молодой человек в соседней камере и принялся трясти решетчатую дверь.

— Дайте пожрать. Мы ведь не преступники! — подхватил другой.

— Ладно, ладно, заткнитесь, — сказал грубый голос. — Жратву уже несут, хотя, будь моя воля, я бы вам показал, как уклоняться от призыва!

Ждать пришлось недолго, хотя вряд ли стоило это делать. Остывший суп с лапшой и сладкой красной фасолью — не самое подходящее блюдо для завтрака, на мой взгляд. «Любопытно, — подумал я, — что нам предложат на ужин?» Времени для раздумий на подобные темы была бездна. После кормежки никто в нашем зверинце больше не появлялся. Глядя в потрескавшийся потолок, я помаленьку пришел к выводу, что моя злая фортуна на самом деле не так уж и зла. Ведь я — живой и здоровый — попал-таки на Невенкебла! Впереди — многообещающая карьера. Осмотрюсь хорошенько, узнаю, кто тут чем дышит, — глядишь, и найду дорожку к генералу Зеннору, или как его там. Ведь он — в армии, и я скоро там окажусь, выходит, это удача, что меня загребли. К тому же, у меня есть отмычка. Когда придет время, возьму и исчезну. Да и не так уж плохо в армии, в конце концов. Ведь я был солдатом на Спиовенте, не впервой... До чего же здорово мы умеем пудрить себе мозги! В середине дня, когда мои товарищи по несчастью снова проголодались и подняли галдеж, залязгали, отворяясь, двери. Вопли утихли; нас, дюжину унылых парней примерно одного возраста, сковали сначала попарно, рука к руке, а потом длинной цепью — всех вместе. Впереди нас ждала неизвестность. Оступаясь, натываясь друг на друга и переругиваясь, мы вышли на тюремный двор и забрались в кузов грузовика. Машина сразу выкатила на людную городскую улицу. Я заметил, что одежда прохожих не такая, как на материке, автомобили — необычной формы, но с первого взгляда стало ясно, что технический прогресс шагнул здесь довольно далеко. Худошавый, темноволосый парень, прикованный к моему запястью, тяжело вздохнул и спросил:

— Давно ты в бегах?

— Всю жизнь.

— Ха, смешно. А я — полгода. Шесть коротеньких месяцев. Ну, теперь — конец.

— Так-таки и конец? Мы же не помирать, а служить идем.

— Какая разница? У меня брата в прошлом году забрали, так он ухитрился переправить нам письмо. Потому-то я и спрятался... Он такое пишет...

Зрочки моего собеседника расширились, он содрогнулся. Тут машина остановилась, и нам велели вылезать. Картина, открывшаяся моим глазам, пришлась бы по вкусу самому утонченному садисту. Площадь перед высоким зданием забита самыми разнообразными транспортными средствами. Из них сотнями, а может, тысячами, выбирались юные рекруты с одинаковой обреченностью на лицах. В наручниках только наша маленькая группа — всех остальных привели сюда желтые мобилизационные предписания. Впрочем, армейскому начальству определенно было наплевать, каким путем добыта очередная порция пушечного мяса. Как только мы вошли в здание, нас освободили от оков и затолкали в толпу. Мы встали в конец длинной очереди, к одному из столиков, за каждым из которых сидела седоволосая толстушка, годившаяся нам в бабки. Толстушки все, как одна, носили очки, поверх которых глядели на нас, стуча на пишущих машинках. Наконец подошла моя очередь, и меня озаарили улыбкой.

— Документы, молодой человек.

Я протянул «ксиву». Женщина сверила дату и имя с множеством анкет. Я заметил провод, идущий от машинки к центральному компьютеру. К счастью, компьютер не нашел противоречий.

— Возьмите, — улыбнулась старушка, протягивая мне пухлую папку с бланками. — Поднимитесь на четырнадцатый этаж. Успешной вам службы.

Кабина лифта была огромна, но и нас набилось в нее человек сорок. В жуткой тесноте мы поднялись на четырнадцатый этаж. Как только раздвинулись створки кабины, мы увидели здоровяка в военной форме с невероятным количеством шевронов, бляшек и медалек.

— Выходи! — оглушительно заревел он. — Выходи! Чего рты раззявили, остолопы? Направо — стойка, каждый хватает прозрачный пакет и коробку. Потом — в дальний конец комнаты, там — РАЗДЕТЬСЯ! Снять всю одежду. ВСЮ ОДЕЖДУ, ЯСНО? Личные вещи — в полиэтиленовый мешок! Одежду — в коробку, на коробке написать домашний адрес. Уволитесь в запас — получите обратно свои шмотки, если доживете. ШЕ-ВЕЛИТЕСЬ!

Мы зашевелились. Правда, вяло, без энтузиазма. Должно быть, на острове было запрещено раздеваться донага в общественных местах — парни прикрывались ладошками, жались к стенкам. Я оказался один в центре комнаты, и на меня с кривой ухмылкой пялился монстр в шевронах. К стойке, где принимали одежду, я подошел первым. Скусающий солдат взял у меня коробку, быстро проштамповал ее, грохнул об стойку и показал на толстые авторучки, свисавшие с потолка на эластичных шнурах.

— Имя, адрес, индекс, фамилии близких родственников.

Выпустив в меня обойму слов, он отвернулся и взял другую коробку. Я нацарапал на картоне адрес полицейского участка, где меня держали под замком. Как только я выпустил из пальцев авторучку, в поверхности стойки образовалось отверстие, и туда бесшумно провалилась посылка. Неплохо придумано. С полиэтиленовым мешком в левой руке и папкой в правой я затесался в кучу дрожащих бледных призывников; повесив носы, они ждали дальнейших распоряжений сержанта.

— А теперь — на восемнадцатый этаж! — громыхнул он.

Мы снова набились в лифт, поднялись несколькими этажами выше и оказались в медицинском аду. Врач — наверное, терапевт, судя по стетоскопу на шее — вырвал из моей руки и швырнул санитару папку, а затем схватил меня за горло. Прежде чем я успел ответить ему тем же, он крикнул:

— Шитовидка в порядке.

Санитар сделал запись в журнале. Врач тем временем вонзил пальцы мне в живот.

— Грыжа не прослеживается. Покашляй.

Последнее слово было адресовано мне. Я повиновался.

— Все. Следующий, — рявкнул терапевт.

А потом... что это? Неужели уколы? О-о-о! Парень, стоящий передо мной, должно быть, культурист. Широкие плечи, мощные ноги, бронзовые бицепсы — просто монумент мужской силы. Обратив ко мне перекошенное лицо, он жалобно лепечет:

— Я б-боюсь ук-колов!

— А кто не боится? — пытаюсь я его подбодрить.

Как только очередная жертва выходит к санитару, тот, как автомат, всаживает ей иглу в предплечье. Стоит бедняге отшатнуться — его бьет по спине грубый детина в форме. Через несколько шагов его ждут еще два наполненных шприца. После этого остается только опуститься на скамеечку, мыча от боли. Вот уже над плечом культуриста занесена безжалостная игла. Глаза атлета закатываются, и он с шумом падает на пол. И все же это не выход — санитары делают уколы, а сержант хватается бесчувственное тело за ноги и оттаскивает в сторону. Приблизившись к санитару, я стиснул зубы и собрал волю в кулак. Медкомиссия завершилась еще одним унижением. Сжимая в руках мешки с пожитками и отошавшие папки, мы — голые, несчастные, измученные — встали в последнюю очередь. Вдоль стены одного из залов выстроились пронумерованные столы — точь-в-точь билетные кассы аэропорта. За каждым столом восседал джентльмен в темном костюме. Когда подошел мой черед, сержант-пастух оглянулся на меня и показал пальцем.

— Двигай к тринадцатому столу.

Чиновник за тринадцатым столом (как все штатские в этом зале) носил очки с толстыми стеклами. Моя папка снова оказалась в чужих руках, из нее был изъят еще один бланк, и я обнаружил, что сквозь очки на меня смотрят налитые кровью глазки.

— Жак, ты любишь девочек?

Чего-чего, а такого вопроса я не ожидал. Почему-то мне представилась Вибз, которая смотрит на меня и давится от смеха.

— А то как же.

— А мальчиков любишь?

— Среди моих лучших друзей есть мальчики.— Я начал догадываться, к чему клонит этот простак.

— Правда? — он что-то вписал в банк.— Расскажи о своем первом гомосексуальном опыте.

От такой просьбы у меня аж челюсть отвисла.

— Ушам своим не верю. Вы производите психиатрическую экспертизу по анкете?

— Ты меня поучи еще, шенок! — прорычал чиновник.— Ишь, волю взял разговаривать! Я спрашиваю, ты отвечаешь. Усек?

— Да, сэр! — Я всем своим видом продемонстрировал повиновение.— Впервые опыт подобного рода я приобрел в двенадцать лет, когда мы вместе с четырнадцатью моими товарищами по шайке...

Меня понесло. Чиновник торопливо записывал мою болтовню. Когда анкета была заполнена, я получил не то разрешение, не то приказ идти в лифт. И снова сорок голых в кабине, снова закрываются двери... На этот раз мы явно ошиблись этажом.

Перед нами ряды столиков с пишущими машинками, за каждым столом — юная леди. Мы так покраснели, что в зале повысилась температура. Но больше ничего другого не оставалось, как стоять, с ужасом ожидая, когда взгляды девушек оторвутся от машинок, а милые глаза уставятся на нас. Очень нескоро, лет этак через четырнадцать с половиной, кабина снова закрылась. А когда открылась, девушек уже не было, а была злобная фигура сержанта. Эти типы как две капли воды походили друг на друга — не иначе, какой-то ущербный ген привел к возникновению целой популяции толстошеих, узколобых, пузатых садомазохистов.

— Выходи! — заорал он.— А ну, живо, по десять человек, первые десять — через ту дверь! Вторая десятка — через соседнюю! Да не одиннадцать. Считать не умеешь, козел?!

За дверь, куда просочилась моя десятка, нам велели построиться в шеренгу. Мы встали лицом к стене, с которой свисал неприятный на вид красно-коричнево-зеленый флаг с изображением черного молота. Офицер с тонкими золотистыми полосками на погонах подошел к флагу и повернулся к нам.

— Сегодня очень важное событие, — с пафосом произнес он.— Вы, молодые люди, наиболее достойные из вашего поколения, добровольно явились сюда посвятить себя защите любимой родины от злобных сил, стремящихся поработить ее. Наступил торжественный момент, о котором вы так мечтали. В этот зал вы вошли юными шалопами, а выйдете отсюда солдатами. Сейчас вы дадите присягу на верность армии. Пусть каждый поднимет правую руку и повторит за мной...

— Я не хочу! — пискнул кто-то.

— У тебя нет выбора, — мрачно заявил офицер. — Наша родина — демократическая страна, а вы — добровольцы и дадите клятву. Если не дадите — а у вас есть такое право, — то вот через эту дверь попадете в федеральную тюрьму, где просидите тридцать лет за уклонение от демократических обязанностей. Итак, повторяйте за мной.

Стараясь не вникать, мы повторили все то, что он сказал.

— Опустите руки, поздравляю, вы теперь солдаты и подчиняетесь требованиям начальства. Первое требование начальства — добровольно пожертвовать литр крови для госпиталя. Выполнять!

Едва держась на ногах от отчаяния, голода и потери огромного количества крови, мы ждали, когда нам наконец дадут отдохнуть. Но не тут-то было.

— Строиться! Каждый из вас сейчас получит форму разового пользования. Но пользоваться ею запрещается до особого распоряжения. Вы наденете форму, поднявшись по лестнице на крышу, откуда вас отправят в лагерь Слиммарко, где начнется ваше обучение. Каждый получит личный знак с его именем и служебным номером. На знаке есть желобок, чтобы его можно было легко сломать пополам. Ломать запрещается, это военное преступление.

— А почему нельзя ломать, если он для этого и предназначен? — пробормотал я. Сосед объяснил:

— Личный знак ломают пополам после смерти солдата. Одну половинку отправляют в архив, а другую кладут в рот мертвецу.

Наверное, вам не покажется странным, что я в этот миг почувствовал на языке металлический привкус.

В других обстоятельствах мне, наверное, понравилось бы путешествие на этом необычном воздушном корабле. Он имел форму огромной сигары, заполненной, видимо, каким-то газом. Снизу к сигаре была подвешена металлическая кабина, со вкусом украшенная орнаментом из черепов и костей; лопасти огромного винта могли толкать летательный аппарат вперед и вверх. Вид из кабины, наверное, был бы восхитительным, если б ее создатели предусмотрели иллюминаторы в пассажирском отсеке, где на исключительно неудобных креслах из литой пластмассы сидели мы, новобранцы. Я блаженствовал — в призывном центре нам лишь раз позволили присесть, и то для того, чтобы сдать кровь. Пластмасса холодила тело сквозь тонкую фиолетовую ткань формы, пол под картонными подошвами, пришитыми прямо к штанинам, казался невероятно твердым. Единственный карман находился на груди; уложив в него мешок с личными вещами, каждый из нас стал похож на фиолетовое сумчатое животное, каких можно увидеть разве что в кошмаре.

— Я еще ни разу в жизни не покидал родного дома, — пожаловался рекрут справа от меня. Он всхлипнул и вытер мокрый нос рукавом.

— А я покидал! — тепло и бодро заявил я. Ни теплоты, ни бодрости я не испытывал, но надеялся, подняв настроение соседа, тем самым поднять и свое.

— Кормят в армии паршиво, говорят, — упорно скулил мой соратник. — Никто на свете не умеет печь сепкукоджи лучше, чем моя мамочка.

Пирог с луком! Ну и вкус у этого паренька!

— Забудь об этом, — весело посоветовал я.

От продолжения этой интересной беседы меня спасло появление сержанта. Распахнув дверь из пилотского отсека, он взревел:

— А ну, встать, кретиноджи! — и позаботился о том, чтобы все мы выполнили приказ, нажав кнопку механизма, убирающего сиденья. Только я один не успел вскочить на ноги, и мне одному пришлось выдержать всю силу испепеляющего сержантского взгляда.

— Руки вдоль туловища, ноги вместе, грудь вперед, живот назад, подбородок опустить, смотреть прямо и не дышать!

После секундной неразберихи образовались и застыли фиолетовые ряды. Сержант разглядывал нас с нескрываемым презрением.

— Кажется, кто-то все-таки дышит. Не дышать, покада не разрешу! Первому, кто вздохнет, врежу в самое подходящее место!

В ответ — мертвая тишина. Вскоре то один, то другой новобранец стал пошатываться. Застонав, один упал в обморок. Я бесшумно дышал носом. Кто-то захрипел — не выдержал. Сержант тут же подскочил к нему, и самое подходящее место на теле новобранца оказалось солнечным сплетением. Визгнув, жертва рухнула на пол, а остальные стали хватать ртом живительный воздух.

— Это вам маленький урок, — процедил сквозь зубы сержант. — Поняли, что я имею в виду?

— Да, — тихонько пробормотал я. — Что ты — садомазохист.

— Что я приказываю, а вы исполняете, иначе пеняйте на себя. — В заключение этой неприятной сентенции у него перекошилось лицо, губы разжались, и блеснули желтые клыки. Далеко не сразу я понял, что это означает улыбку.

— Садитесь, ребята, устраивайтесь поудобнее, — вдруг благодушно предложил он.

«Куда? — подумал я. — На голый пол? Кресла же убраны».

Сержант любовно похлопал себя по мешку сала, перетянутому ремнем.

— Меня зовут Клутц, строевой сержант Клутц. Но не вздумайте обращаться ко мне по имени — это привилегия старших по званию. Для вас я — сержант, сэр или мастер. Вы должны быть скромны, исполнительны, почтительны и покорны. Я не стану описывать наказания за несоблюдение этих требований, потому что недавно поел и не хочу портить себе пищеварение.

По шеренгам прокатился тихий стон при мысли о том, какие ужасы могут испортить пищеварение этому чреву.

— Как правило, достаточно один раз наказать самого строптивого рекрута, чтобы сломить его дух. Но иногда его приходится наказывать во второй раз. В третий раз у нас никого не наказывают. Хотите знать, почему?

Налитые кровью глаза скользнули по нам, и мне захотелось забиться в угол.

— Поскольку вы слишком тупы, чтобы ответить на этот вопрос, я отвечу сам. В третий раз орущего, брыкающегося, зовущего мамочку рекрута запикивают в особую камеру. Там из него с шипением уходят девяносто девять целых, девяносто девять сотых процента влаги. Знаете, на что он становится похож? Хотите посмотреть?

Он полез в карман и достал крошечную фигурку обезвоженного рекрута. На лице бедняжки навеки застыл невыразимый ужас.

Солдаты застонали, наиболее слабые попадали без чувств. Сержант Клутц улыбнулся.

— Да, вот так в итоге выглядит непокорный. После казни его крошечное тельце месяц висит в казарме на доске объявлений, в назидание остальным, а после, вместе с игрушечной лопаткой, чтобы было чем выкопать могилку, его кладут в почтовый конверт и отсылают родным. Вопросы есть?

— Простите, сэр, — послышался дрожащий голос. — Скажите, процесс обезвоживания — мгновенный или... медленный и мучительный?

— Хороший вопрос. Ты уже пробыл один денек в армии, так неужели не догадаешься?

Снова стоны, шум падения бесчувственных тел. Сержант одобрительно кивнул.

— Ладно. Сейчас я скажу, что вас ждет в ближайшем будущем. Мы летим в ЛНПС на ВБМ, то есть в лагерь начальной подготовки Слиммарко на Военной базе Мортстерторо. Там вы постигнете основы солдатской науки. Некоторые из вас не выдержат начальной подготовки и будут похоронены со всеми воинскими почестями. Запомните это. Запомните и то, что обратного пути у вас нет. Вы станете справными солдатами — или мертвецами. И поймете, что военная служба трудна, но справедлива. Вопросы есть?

В тишине у меня громко заурчало в животе, а изо рта выскочили слова:

— Да, сэр. Когда нам дадут поесть?

— Крепкий у тебя желудок, как я погляжу. Обычно новобранцам суровая правда военной жизни портит аппетит.

— Сэр, я желаю честно исполнить свой долг. Солдат обязан быть сильным и выносливым, а для этого надо хорошо питаться.

Сопя и тарахась на меня, Клутц обмозговал (если в данном случае уместно это слово) мой довод.

— Ладно, будем считать, что ты сам напротился идти за пайками для всех. Кладовка вон за той дверью. Пошел!

Я открыл дверь в крошечный отсек, где стояла одна-единственная коробка с надписью «БОЕВЫЕ ПАЙКИ ЮК-Е». Но коробка оказалась подозрительно легкой. Неужели ее содержимым можно накормить такую ораву?

— Тащи сюда, кретино, нечего ее шупать, — зарычал сержант, и я поспешил обратно. Пайки ЮК-Е оказались серыми брикетами в пластмассовых стаканчиках. Мои товарищи мигом их расхватывали.

— Такой брикет поддерживает жизнь в течение суток, — скрипучим голосом объяснил сержант — В нем есть все витамины, минералы, протеин и селитра, которые начальство считает необходимыми для солдатского организма. Крышечка снимается путем надавливания ногтем большого пальца на желобок, помеченный надписью: «надавить ногтем большого пальца». Поев, каждый из вас подойдет к стене, вот к этому крану, наберет в пластмассовый стакан воды. Пить надо быстро, через минуту после смачивания упаковка теряет жесткость. Напившись, вы аккуратно скатаете ее и будете хранить как зеницу ока, потому что она превратится в контрацептивное средство, которым вы еще долго не сможете пользоваться, но которое обязаны иметь при себе. А теперь — приступить к приему пищи!

Пока мы грызли пайки, в отсеке снова появились кресла. Я осторожно уселся на свое, ожидая, что оно снова провалится. Мне не верилось, что удастся уснуть сидя, но комбинация из мерзкой еды и предельной усталости сделала свое дело. Прежде чем закрыть глаза, я услышал собственный храп. Обстоятельства пробуждения можно было предугадать: кресла снова ушли в пол, и я оказался среди кряхтящей и стонущей фиолетовой массы. Подхлестывая нас окриками, сержант дождался, когда последний из нас поднялся и встал в подобие строя.

— Поздравляю с первым днем новой жизни, — ухмыльнулся Клутц. Его слова были встречены жалобным нытьем.

В стене распахнулся люк, в салон ворвался холодный пыльный ветер. Едва переставляя ноги, мы спустились по трапу. Зрелище оказалось не слишком впечатляющим. Одно бледно-розовое солнце пряталось за облаком пыли на горизонте, другого было не видеть. Судя по разреженному холодному воздуху, база располагалась на возвышенности, возможно, на горном плато. Это гарантировало преобладающую летнюю погоду и максимум неудобств для возможного десанта противника. Вдали, заставив землю содрогнуться, стартовал звездолет, огонь его дюз горел ярче заходящего солнца. Сержант приказал нам построиться и заявил:

— Отныне каждый из вас будет носить военное имя, прежнее может забыть навсегда. Военное имя состоит из прежнего с добавлением первых четырех цифр личного номера. Я читаю имя, названный проходит в казарму, садится на указанную койку и ждет дальнейших распоряжений. Гордо 7590 — койка номер один...

Я ждал, разглядывая унылую стену казармы, пока не услышал: — Жак 5138.

Едва переставляя ноги, я прошел в дверь, над которой красовался лозунг: «ЧЕРЕЗ ЭТИ ДВЕРИ ПРОХОДЯТ ЛУЧШИЕ СОЛДАТЫ В МИРЕ». Пол в казарме был каменный, его совсем недавно мыли. Стены — бетонные, тоже мокрые. Я поднял глаза к потолку — с него капало. Мне стало страшно — не иначе, кто-то из начальства помешан на влажной уборке помещений. Койки в казарме были трехъярусные, и моя, разумеется, оказалась на самом верху. На ней лежал скатанный матрац.

— Добро пожаловать в новый дом, — с искренним радушием в голосе произнес сержант, когда мы все с неискренним вниманием обернулись к нему. — Запомните хорошенько, как лежат скатанные матрацы, потому что они должны так лежать постоянно, за исключением времени, отведенного на сон. А у нас здесь не разоспишься, не надейтесь. Свое личное имущество будете хранить в нишах под полом, они открываются и закрываются все одновременно вот этой кнопкой.

Он коснулся кнопки на поясе. Послышался скрежет, и в полу образовалось множество прямоугольных отверстий. Один неудачно стоявший рекрут с воплем рухнул в нишу.

— Свет погаснет через пятнадцать минут. Нижайше прошу расстелить койки, но не укладываться раньше времени. Перед сном вы увидите учебный фильм и узнаете, что вас ждет завтра. Посмотрев кино, вы помолитесь богу или богам, кому как нравится, и ляжете баиньки. Спокойной ночи. — Он вышел.

Некоторое время в казарме стоял шелест — мы стелили койки, состоящие из худосочного матраца и тонюсенького одеяла. Надувная подушка, на которую ушли все мои последние силы, наверняка вскоре окажется спущенной. Пока мы стелились, в проходы между койками бесшумно опустились телеэкраны. Грянула бравурная музыка, на экране появился офицер, страдающий несколькими дефектами речи, и стал читать совершенно непонятные наставления, которые мы, разумеется, пропустили мимо ушей. Я высыпал из нагрудного кармана в свой ящик вещи и, как был, в одежде, вскарабкался на койку. Вскоре под заунывное бормотание офицера у меня сомкнулись веки, и я почти заснул, как вдруг послышалась ослепительная вспышка, и грянул гром. На экране возникла зловещая фигура в черной форме.

— Внимание, — зловеще произнес человек в черном. — Мы прерываем все запланированные передачи, чтобы сообщить вам следующее известие, — сделав жуткую гримасу, он встряхнул листок бумаги, который держал в руке. — На территорию нашей страны проник опасный шпион. Установлено, что вчера утром он прибыл на борту брастирского корабля. Вчерашние поиски в бухте не дали результата. В ходе сегодняшних поисков установлено, что шпион проник на прогулочный катер и украл несколько предметов одежды.

У меня стянуло кожу на затылке.

— В песке на пляже обнаружены вещи, как установлено, принадлежавшие шпиону. В настоящее время район поисков оцеплен, там объявлен комендантский час, тщательно обыскивается каждое здание. Возможно, преступник до сих пор носит украденную одежду. Тому, кто видел на ком-нибудь этот костюм, следует немедленно поставить в известность полицию или силы безопасности.

На экране появилось довольно точное компьютерное изображение вещей, которые я позаимствовал на катере. Некоторое время они медленно крутились в пространстве, потом появилась человеческая фигура. Вместо лица было белое пятно, но я не сомневался, что рано или поздно оно примет мои черты. Какой срок понадобится полиции, чтобы узнать мои приметы, проследить мой путь и выяснить, что я в армии? Дверь казармы с грохотом захлопнулась, лампы погасли. Я лежал, неподвижно глядя в темноту; в груди гулко стучало сердце.

Нелегко заснуть, узнав о том, что тебя разыскивают по всей стране. Но я уснул потому, что вымотался до предела и наконец-то оказался в горизонтальном положении, тепле и покое... С грохотом распахнулась дверь, и вбежавший сержант истошно завопил:

— Подъем! Хватит отлеживать задницы! Скатать койки! Вынуть из ящиков бритвенные принадлежности! По двое — в уборную! Ну, шевелись, ленивые свиньи! Живей, живей, живей!

Я успел проскочить в уборную прежде, чем в дверях возникла пробка. Умывальников было очень мало, но мне удалось протолкаться к одному из них. Взглянув в кривое зеркало на измученную, бледную, с запавшими глазами физиономию, я едва узнал себя. Я подумал, что с нами, наверное, сознательно обращаются по-скотски — хотят напугать, вывести из равновесия, сбить с толку, иными словами, подготовить для промывания мозгов, для полного разрушения личности. Ну уж нет! Мозги и личность Джима ди Гриза вам не по зубам! Сверхзвуковое лезвие противно заверещало, сбывая щетину. Сунув в рот автоматическую зубную щетку, я умылся и вышел из уборной. В дверях казармы снова появился сержант Клутц.

— Выходи строиться на поверку! — заорал он и тут же в страхе отпрянул: я ринулся на него, как бык. Сбежав с крыльца, я встал перед фонарем по стойке «смирно».

— Шутить вздумал? — процедил он сквозь зубы, брызжа слюной мне в лицо.

— Никак нет, сэр! — я выпятил грудь и ел начальство глазами. — Выполняю приказ, сэр! Мои старики, отец и дед, были солдатами, они говорили: нет лучшей доли, чем солдатская, нет в армии старше чина, чем сержант. — Я перестал орать и прошептал: — Сэр, скажу вам честно — я не мобилизованный. Я — доброволец. Пожалуйста, не говорите об этом ребятам, не то меня засмеют.

Он промолчал. В уголках глаз блеснули капельки влаги

Или мне показалось? Как бы там ни было, он не отвесил мне оплеуху, а повернулся и пошел в казарму — пинками выгонять остальных рекрутов. После переклички, во время которой Клутц перебрал великое множество имен, даже такое простенькое, как Бил, мы строем направились в столовую. Когда запахло настоящей едой, на мостовую, словно частый дождик, закапала слюна. Получив поднос, я глазам своим не поверил — камни под карамелевым соусом, не иначе! Впрочем, камни оказались мягкими, горячими и недурными на вкус. В мгновение ока опустошив тарелку, я бросился за добавкой. В те минуты мне казалось, что в армии не так уж плохо. Но я сразу выбросил эту мысль из головы. Нас кормили только для того, чтобы мы не умерли с голоду. Начальство рассуждало так: если некоторые рекруты не выдержат учебы, то не из-за плохой кормежки, а из-за слабости тела или недостатка силы воли. Кто останется жив — превратится в относительно крепкий закаленный винтик военной машины. После завтрака полагалась утренняя зарядка — вероятно, для лучшего усвоения пищи. Сержант Клутц вывел нас на широкую площадку, где уже упражнялись новобранцы. Нас поджидал инструктор — детина с чрезмерно развитой мускулатурой и непропорционально маленькой головой. У меня зубы задрожали от его рева:

— Что такое?! Почему опоздали на целую минуту, кретиноджи?!

— Совсем обнаглели, свиньи, — наябедничал наш любимый сержант, доставая из кармана длинную черную сигару. — Едва оторвал их от корыта.

По рядам прошел глухой ропот — мы опоздали потому, что Клутц не мог идти быстрее.

— Вот оно что?! — Крошечные глазки инструктора затлели, как угольки. — Ну-ну, поглядим, стоит ли кормить таких недоносков. Ложись! Пятьдесят отжиманий! Начинай!

Приказ меня не испугал — я каждое утро отжимался сто раз, чтобы не потерять форму. Да и ветер дул холодный, не мешало размяться. Отжимаясь в двадцатый раз, я заметил, что слегка вспотел. Кругом пыхтели, кряхтели и стонали. Когда инструктор досчитал до тридцати, добрая половина взвода лежала без сил на земле, а сержант Клутц стряхивал пепел на чью-то спину. Пятьдесят раз отжались только я да культурист, боявшийся уколов.

— Еще пятьдесят! — прорычал, гневно глядя на нас, инструктор. Культурист, кряхтя, отжался двадцать раз и скис. Я выполнил упражнение до конца.

— Все, сэр? — спросил я инструктора. — Или еще пятьдесят?

— Встать! — рявкнул он. — Ноги шире плеч, руки перед собой, делай, как я... Раз, два, три, четыре...

К концу физзарядки мы обливались потом, а двое слабейших неподвижно лежали в пыли. Один из них, держась за бок, постанывал у моих ног.

— Сопляки недоделанные! Мамины сынки! — выразил свое недовольство сержант Клутц. — Уберите с глаз моих этих

недоносков! Вы двое и вы двое — оттащите их в палатку лазарета и бегом обратно.

Я перекинул через плечо руку бесчувственного рекрута. Мой напарник выглядел ненамного лучше, чем тот, кого мы гащили в лазарет.

— Ты не напрягайся, только делай вид, будто помогаешь,— сказал я ему.

— С..спасибо,— пропыхтел он.— Я не в такой прекрасной форме, как ты.

Это я уже заметил. Парнишка был субтильным, с цыплячьей грудью и тенями под глазами. И выглядел старше остальных рекрутов.

— Меня зовут Мортон,— представился он.

— Жак. С виду ты староват для армии, Мортон.

— Ты прав,— кивнул он.— Меня из университета забрали. Я едва не угробил себя этой учебой, чтобы не попасть сюда. И вот результат — перетрудился, заболел и пропустил экзамены. Что нам с ним делать? — спросил он, имея в виду нашу бесчувственную ношу.— Он плохо выглядит.

— Да вот она, палатка.

— Бросайте на землю,— велел капрал медслужбы, лениво листавший комиксы. Когда он переворачивал страницу, послышался тоненький стон. Я огляделся. В палатке уже лежали четверо новобранцев.

— Как насчет медицинской помощи, капрал? Он неважно выглядит.

— Ничего с этой дохлятиной не случится. Оклемается — прогоню его в казарму, а нет — вечером придет врач, осмотрит его. Все, уносите отсюда свои задницы, не то скажу сержанту, что вы сачкуете.

— Откуда в армии берутся такие садисты? — пробормотал я, когда мы с Мртоном вышли из палатки.

— На их месте могли бы оказаться и мы с тобой,— угрюмо ответил он.— В больном обществе — больные индивидуумы. Люди делают то, что от них требуется, так легче жить. Наше общество построено на милитаризме, шовинизме и взаимной ненависти. Когда такие вещи возводятся в ранг законов, находятся и наиболее ревностные исполнители этих законов.

Признаться, я ушам своим не поверил.

— Тебя этому в университете учили?

Он усмехнулся и отрицательно покачал головой. Наш взвод уже уходил со спортивной площадки, и мы пристроились в конец. Сержант Клуцц привел нас на вещевой склад, где я получил подтверждение слухам, что в армии есть только два размера мундиров. Мой оказался настолько велик, что пришлось подвернуть обшлага рукавов. Нам выдали всю необходимую экипировку — котелки, ремни, фляги, подсумки для боеприпасов, саперные лопатки, ранцы и прочие предметы первой военной необходимости. Отнеся их в казарму, мы направились в учебный корпус, на так называемую «военно-идеологическую ориентацию».

— Армия получила наши тела, но ей нужны и наши души,— прошептал Мортон.

— Отставить разговоры! Молчать и слушать! Говорить будет капрал Гоу, ваш наставник.

Фальшиво улыбаясь, капрал Гоу — обладатель слащавой розовой физиономии с усиками сутенера — одернул Клутца:

— Ну, ну, сержант! У нас сейчас ориентация, а не изучение уставов. Твои подопечные выучат уставы и станут хорошими солдатами. Но хорошие солдаты должны знать, для чего необходимы уставы. Так что располагайтесь поудобнее, ребята. Какие еще кресла? Вы в армии. Садитесь на этот замечательный бетонный пол и слушайте. Начинаем занятие. Кто ответит на вопрос: почему вы здесь?

— Потому что нас призвали,— пробасил кто-то.

— Ха-ха, ну конечно. Но зачем вас призвали? Почему молодые люди должны служить в армии? Если вы не совсем ясно это понимаете, значит грош цена вашим родителям и учителям. Позвольте, я просвещу тех из вас, кто в этом нуждается. Вы здесь потому, что у наших врат — опасный враг. Нашему замечательному острову грозит вторжение, и ваш долг — защищать бесценную свободу родины.

— Пусть меня назовут задницей, если он не врет,— пробормотал я, и Мортон согласно кивнул.

— Вы что-то сказали, солдат? — поинтересовался капрал. Видимо, у него был тонкий слух.

— У меня вопрос, сэр. Неужели слаборазвитая страна может представлять опасность для государства, имеющего современную промышленность и отлично вооруженную армию?

— Прекрасный вопрос, солдат. С удовольствием отвечу. Мы бы не боялись варваров с континента, если бы их не снабжали оружием инопланетники — алчные, коварные чужаки, завидующие нашему счастью. Вот почему вы, ребята, добровольно пришли служить нашему отечеству.

Какая неслыханная ложь! Я открыл было рот, чтобы поставить на место наглого капрала, но вовремя сдержался. А вот Мортон — тот не сдержался.

— Сэр, но Межпланетная Лига — мирный союз. Войны запрещены и...

— Кто вам это сказал? — оборвал его Гоу.

— Все говорят, — вмешался я, надеясь, что Мортон спохватится и умолкнет. — Но вы-то, надеюсь, знаете правду.

— Ничего я не знаю, но очень хочу знать, от кого вы наслышались этих опасных бредней. Наша родина — мирная демократическая страна, противостоящая разрушительным инопланетным силам. Ради ее свободы мы готовы пойти на любые жертвы. Вы, безусловно, это понимаете и сделаете все возможное, чтобы стать отличными солдатами. Вам поможет в этом сержант Клутц, который в учебном лагере заменит вам родного отца. Я знаю, что у вас будут возникать самые разные вопросы, и это неудивительно — ведь вы только начинаете армейскую жизнь. Со всеми вопросами обращайтесь

ко мне, я ваш советник и поводырь. Приходите в любое время. Я стану вашим другом, самым лучшим другом,— он пустил по рядам стопку брошюр.— У вас есть десять минут на ознакомление с этой ориентационной брошюрой. А я тем временем поговорю с двумя вашими товарищами, явно заблуждающимися насчет политических реалий нашего мира,— он показал пальцем на меня и на Мортон.— Да, да, я про вас. Выйдите на крылечко, ребята, потолкуем.

Мы неохотно поднялись и вышли на крыльцо. Вскоре появился Гоу.

— Солнышко-то как греет, правда, ребята?

— Вы правы, сэр. Чудесная погода.

— Ну-ка признавайтесь, где вы наслушались вражеской пропаганды? Вы первый,— он ткнул пальцем в меня.

— Где-то наслушался, а где — не помню.

Гоу улыбнулся во весь рот.

— Напомню. Вы слушали запрещенную радиостанцию.

— Простите, капрал, я хотел соврать, но вас не проведешь. Вы, конечно, правы насчет радиостанции...

— Ага! Так я и знал! Проклятый спутник! Ни расстрелять его, ни заглушить — он надежно защищен и ведет передачу на многих частотах.

— Сэр, я один-единственный раз слушал инопланетников. И, честно говоря, поверил — очень уж похоже было на правду. Потому-то и сказал сейчас...

— Правильно сделали, что сказали, солдат. Это доказывает, что яд не успел глубоко проникнуть в ваш мозг. Запомните: дьявол всегда старается затронуть самые тонкие струнки человеческой души. Солдат должен превратить сердце в камень и верить только своим командирам,— он ласково улыбнулся.

Преданно глядя ему в глаза, я с жаром воскликнул:

— Да, сэр! Вы совершенно правы! Я всегда и во всем буду верить командирам и очень рад, что вы не собираетесь нас наказывать...

— Не собираюсь? Разве я это сказал? — ласковая улыбка вдруг превратилась в недобрую ухмылку.— Да что вы, ребята? За такое на гражданке вам вкатили бы по году тяжелых работ. А здесь — армия, и наказание будет куда суровее. Ну, все, приятно было с вами побеседовать, возвращайтесь в класс. И до конца занятия постарайтесь осмыслить свой поступок. В будущем — если у вас есть будущее — вы не станете оспаривать мнение старших по званию.

Мы пошли в класс, словно бараны на бойню.

— Слушай,— прошептал я Мортону,— это правда, что он сказал? Насчет радиостанции?

— Конечно! Разве ты никогда ее не слушал? Вообще-то мне передачи со спутника не нравятся — много пропаганды, мало информации. Но это не имеет значения. Нас отдадут под трибунал.

— Ну и что нам теперь делать? Сидеть и ждать ареста?

— А куда бежать? — мрачно спросил Мортон.

Я вздохнул. Бежать, похоже, было некуда.

— А ну, встать! — заорал Клутц. — Ишь, сачки, целый час отсиживали задницы! Ну, я вам сейчас покажу! Выходи строиться!

— Я задержу этих двоих, — Гоу отделил нас с Мортонот от остальных. — Они будут наказаны за антиправительственную агитацию.

Дверь хлопнула, и мы остались наедине с капралом. Мортон был на грани обморока, я начинал злиться. Гоу достал блокнот и карандаш и обратился ко мне:

— Ваше имя, солдат?

— Скру У2.

— Скру — военное имя, назовите настоящее.

— Капрал, я из Пенсильдельфии, а там не принято представляться кому ни попадя.

Гоу зло сощурился.

— Остричь вздумали, солдат?

— Где уж мне, ведь вы сами — ходячая острота. Вы не хуже меня знаете, что единственная угроза нашему острову — это военные, стоящие у власти. Чрезвычайное положение выгодно только военным.

Мортон пискнул от ужаса и вцепился в мой рукав. Но меня, что называется, понесло. Холодно улыбаясь, Гоу протянул руку к телефону.

— Ну что ж, не хотите назвать имя — его из вас вытянет военная полиция. Кстати, вы не правы, чрезвычайное положение выгодно не только военным. Вы забыли о промышленных корпорациях, весьма заинтересованных в военных заказах. Армия и промышленность связаны одной веревочкой.

Его слова сбили меня с толку.

— Но... если вы знаете это, то зачем пудрите мозги солдатам?

— По той простой причине, что я — выходец из богатой семьи фабрикантов, и меня вполне устраивает сложившаяся ситуация. Пудря вам мозги, я выполняю свой воинский долг, а через несколько месяцев увольюсь запас и вернусь к прежней роскошной жизни, кою я так люблю. Ну все, ребята.

Я стоял и тупо смотрел, как он выдвигает ящик стола. Когда спохватился и бросился к капралу, было слишком поздно. На меня уверенно смотрело дуло огромного пистолета.

— На вашем месте, солдат, я бы не рыпался. Видите ли, я охотник и стреляю без промаха. И пристрелю вас без малейших колебаний.

— Отлично, капрал, — улыбаясь, сказал я. — Контрразведке известно, что в вопросах ориентации вы профессионал, но мне все-таки велели задать вам провокационные вопросы. Вы держались молодцом. Обещаю не докладывать начальству о ваших неосторожных высказываниях насчет военно-промышленного комплекса. Сам я — из бедной семьи, и мне ваши откровения, честно говоря, не по нутру.

— Это правда? — пролепетал Мортон.

— Да. И вы арестованы. Как видите, Гоу, наша беседа оказалась бесполезной — мы выявили предателя.

Гоу пристально глядел на меня, не опуская пистолета.

— Думаешь, я в это поверю?

— Нет, не думаю. Но могу показать удостоверение, — улыбнувшись, я сунул руку в задний карман новой формы.

Вероятно, он неплохо стрелял по беззащитным зверушкам и бумажным мишеням, но для рукопашного боя одной меткости недостаточно. Моя рука на мгновение отвлекла его взгляд, и выстрелить Гоу не успел — мое колено воткнулось ему в живот. Пистолет упал на пол, а капрал — рядом с ним. Мортон посмотрел вытаращенными глазами сначала на меня, затем на бесчувственного капрала.

— Ч-что п-происходит...? — запинаясь, пробормотал он.

— То, что видишь. Не волнуйся, ты не арестован, — это была всего лишь уловка.

Из опасения, что отпрыск миллионера очухается раньше времени, я поднял пистолет. Что же теперь делать с этим баловнем судьбы? Идея! Опустившись на корточки, я расстегнул на нем мундир. Вот она, моя соломинка — капральская форма! Когда меня хватятся, то будут искать зачуханного новобранца, а не цветущего, одетого с иголочки капрала. Молодец, Джим! Ты заслужил это звание! Я стащил с капрала штаны и ботинки и присвистнул от удивления — Гоу носил золототканые трусы. Все-таки мне повезло, что он слегка отяжелел от спокойной жизни. Мундир и ботинки пришили мне впору.

Я вытряхнул капральские карманы и, кроме множества монет и портсигара с черными сигарами, обнаружил только маленький карманный нож. С его помощью я разрезал на полосы свою форму и надежно связал Гоу. Оставшиеся полосы я использовал в качестве кляпа. Смерть от удушья капралу не грозила — он неплохо дышал через нос. Я затолкал под стол связанного капрала, затем чисто рефлекторно порылся в ящиках стола. Там оказалась только папка с бумагами. Зажав ее под мышкой, я отошел полюбоваться на дело своих рук. Капрала не видать. Будем надеяться, что его найдут не сразу.

— Ну, что теперь? — бодро произнес я. И Мортон жалобно пискнул:

— Да, что теперь?

Я встряхнулся и попытался думать конструктивно.

— Итак, назад дороги нет. Значит, надо идти вперед. Когда разыщут капрала, установить наши имена будет нетрудно. К тому времени у нас должны быть другие имена. Следовательно, надо идти в отдел личного состава.

Мортон глядел на меня, часто моргая.

— Жак, дружище, ты не заболел? Я ни слова не понял из того, что ты сказал.

— Неважно, — я разрядил пистолет, сунул его в стол, а обойму в карман. — Шагай впереди, делай что прикажу. Вы-

ходи. Только сначала приотвори дверь, посмотри, нет ли кого поблизости.

Мы вышли из класса и двинулись по улице. Я нес подмышку папку, Мортон шагал впереди. Раз, два, раз, два. Я шагал следом и на каждом шагу выкрикивал противным голосом команды, как заправский капрал. Здание, где находился отдел личного состава, было большим и современным. На крыльце стоял охранник, проверявший пропуска у входящих. Мортон вдруг остановился и спросил обморочным голосом:

— Что ты затеял?

— Успокойся, все в порядке. Делай все, как я скажу, и не отставай от меня ни на шаг. Через несколько минут мы с тобой исчезнем без следа.

— Мы действительно исчезнем без следа, если войдем туда! Нас схватят и запытают до смерти...

— Молчать! — заорал я ему в ухо, и он шарахнулся, как от выстрела. — Ты не будешь говорить! Ты не будешь думать! Ты будешь шагать вперед, не то окажешься в такой заднице, что никогда больше не увидишь белого света!

Проходивший мимо сержант улыбнулся и одобрительно кивнул. Я понял, что нахожусь на правильном пути.

— Шагом марш!

Мортон переставлял ноги, как автомат. Он был блее мела. Мы поднялись на крыльцо и поравнялись с вооруженным полицейским.

— Стой! Вольно! — гаркнул я и повернулся к полицейскому. — Эй, ты! Где транспортный отдел?

— Второй этаж, кабинет два ноль девять. Разрешите взглянуть на ваш пропуск, капрал.

Мой холодный взгляд медленно опустился по его телу к ботинкам, затем так же медленно поднялся. Солдат стоял по стойке «смирно», слегка вздрагивая. Я понял, что имею дело с новичком.

— В жизни не видел более грязных ботинок, — прошипел я. Когда солдат опустил глаза, я сунул ему под нос раскрытой перевернутую папку. — Вот пропуск. — Когда он снова поднял глаза, папка уже захлопнулась.

Он хотел что-то сказать, но осекся, встретив мой колючий взгляд.

— Спасибо, капрал.

Не теряя времени, я сомкнул пальцы на предплечье Мортон и повел его к лестнице. Его была крупная дрожь, и он в любую секунду мог потерять сознание. Но обратного пути для нас не было. Распахнув дверь в кабинет 209, я жестом велел Мортону войти. В кабинете стояла длинная скамья: указав на нее бедняге и сказав: «Сядь и жди, пока не позову». я подошел к столу дежурного.

— Капрал, мне нужен сержант транспортной службы.

— Он отбыл домой по семейным обстоятельствам. У него сдохла канарейка.

— Капрал, меня не интересует его личная жизнь. Кто его замещает?

— Капрал Гамин.

— Поставь его в известность, что я иду.

— Хорошо,— он взял телефонную трубку.

Я подошел к двери с надписью «ТРАНСПОРТНЫЙ ОТДЕЛ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» и рывком распахнул ее. Худощавый смуглый человек оторвался от компьютера и нахмурился.

— Вы капрал Гамин? — спросил я, затворяя дверь и раскрывая папку.— Если да, то у меня для вас хорошая новость.

— Да, я Гамин. В чем дело?

— В вашем жаловании. В расчетном отделе сказали, что из-за компьютерной ошибки вам в последнюю получку недоплатили свыше двух сотен. Вас просят немедленно подойти к кассиру.

— Я так и знал! В двойном размере вычли страховку и плату за стирку!

— Все они тупые задницы.— Мне всегда казалось, что нет на свете, а особенно в армии, человека, который не был бы уверен в том, что ему недоплачивают жалование.— Бегите к кассиру, пока он снова не потерял ваши деньги. Можно отсюда позвонить?

— Наберите сначала девятку,— он затянул на шее галстук, надел китель, затем выдернул ключ из терминала. Экран погас.— Как пить дать, они должны мне куда больше. Сам проверю ведомости!

За его столом в кабинете была еще одна дверь, и капрал, к моей великой радости, ушел через нее. Едва он исчез, я бросился к двери, через которую входил, и высунул голову. Когда дежурный обратил на меня внимание, я обернулся и крикнул через плечо: «Он вам тоже нужен, капрал?», кивнул и позвал Мортон:

— Эй, новобранец, иди сюда.

Мортон вскочил, как ужаленный, и ринулся ко мне. Я запер за ним дверь.

— Располагайся поудобнее и не задавай вопросов,— я стащил ботинок с ноги и достал отмычку.— Мне надо действовать быстро.

Он плюхнулся в кресло и безумным взглядом следил за тем, как я оживляю терминал. Все прошло, как по маслу. Очевидно, человек, составляющий программу для компьютера, рассчитывал, что пользоваться ею будут круглые дураки. Наверное, он имел основания так считать. Я без труда вывел на экран дисплея информацию о последних перемещениях личного состава.

— Ага, вот куда мы с тобой отбудем через несколько минут. Форт Абомено. Ну-ка, Мортон, быстро назови свое военное имя и личный номер.— Введя в компьютер наши имена, я включил принтер и получил две распечатки.— Великолепно! Мы теперь в безопасности, ибо только что отбыли в форт Абомено.

Мы вышли на лестничную площадку. Навстречу кто-то под-

нимался по ступенькам. У меня екнуло сердце, но это, слава Богу, оказался не Гамин. Его мы увидели в вестибюле, но он был довольно далеко и не смотрел в нашу сторону.

— Рекрут, направо! Левое плечо вперед! — тотчас скомандовал я, и мы свернули к первой попавшейся двери. За ней мы увидели лейтенанта; он стоял возле зеркала и расчесывал длинные волосы. То есть, она стояла и расчесывала.

— Капрал, у вас что, задница вместо головы? Не можете прочесть, что на двери написано? Только для женского состава!

— Простите, сэр, то есть, мэм, темно в вестибюле. Да и зрение у меня не в порядке. Рекрут, ты почему не прочитал надпись? А ну, шагом марш на гауптвахту!

Я вытолкал Мортон в вестибюль. Капрала Гамина было не видать, и я поволок своего несчастного спутника к выходу.

— Мортон, старайся идти быстро, но не привлекать внимания.

Мы вышли за дверь, спустились с крыльца и свернули за угол. За домом я остановился и прислонился к стене. Вытерев пот со лба папкой, которую все еще держал в руке, я улыбнулся. Мортон смотрел на меня разинув рот.

— Свобода и жизнь,— хихикнул я.— Нас с тобой передислоцировали. Наконец-то мы в безопасности.

— Я ровным счетом ничего не понимаю.

— Объясняю: с этого часа военные будут считать, что мы не на базе Мортстерторо, а отправлены в форт Абомено вместе с группой солдат. Нас там будут искать, но вряд ли найдут. Чтобы число прибывших в форт не расходилось с числом отправленных отсюда, двое солдат возвращаются обратно. На бумаге, конечно. Вот наши документы, капрал. Надеюсь, ты не против повышения в звании? Я теперь сержант. Мы займем их квартиры, будем есть их пайки и получать за них жалование. Прежде чем откроется ошибка, пройдут недели, а может, месяцы. Но к тому времени мы будем далеко отсюда. Ну как, тебе нравится моя идея?

— Ургль,— невнятно сказал Мортон. Глаза его закатились, и он упал бы, не успей я его подхватить.

— Крепись, дружище,— сказал я, прислонив Мортон к стене.— Я и сам едва на ногах держусь. Что и говорить, денек нынче выдался еще тот!

— Держись, Морт, недолго осталось,— сказал я, приведя своего спутника в чувство.— Сейчас мы отправимся в гарнизонный магазин и кое-что приобретем, а после со спокойной совестью будем отдыхать. Есть, пить и веселиться. Ты способен идти?

— Нет. Я еле жив, мне страшно. Иди один, я не выдержу.

— В таком случае, придется вернуть тебя сержанту Клутцу. А вот и он сам позади тебя.

Мортон взвизгнул и подпрыгнул; ноги его пустились бежать еще до того, как хозяин приземлился. Я едва успел схватить его за руку.

— Что ты, Морт, я пошутил. Хотел стимулировать выделение адреналина. Пойдем.

Адреналина Мортону хватило лишь на то, чтобы дойти до гарнизонного магазина. Там я прислонил его к стене возле кассы и вручил свою папку

— Стоять здесь, не двигаться и не выпускать папку из рук. Иначе я не знаю, что с тобой сделаю. В лучшем случае освежую. Ясно, рекрут? — И шепотом спросил: — Какой у тебя размер одежды?

Он глупо заморгал. Повторив вопрос несколько раз и добившись наконец ответа, я направился к скучающему продавцу. Получив все необходимое, в том числе несколько шевронов и тюбик с быстродействующим клеем, и расплатившись деньгами Гоу, я повел Мортон в уборную.

— Заходи в кабину один. А то еще подумают о нас невесть что. Сбрось свои обноски и надень вот эту форму. Давай, пошевеливайся.

Пока он возился в кабинке, я наклеил сержантские шевроны поверх капральских. Когда Мортон управился с переодеванием, я подтянул его галстук и наклеил на рукав шеврон. Его старая форма вместе с папкой отправилась в очко, а мы — в бар для сержантского состава.

— Пиво или что-нибудь покрепче? — спросил я, усадив Мортон за столик.

— Я не пью.

— С этого дня пьешь. И ругаешься. Ты в армии, не забывай. Посиди, я сейчас вернусь.

Я заказал две двойных порции чистого этилового спирта и две кружки пива, вылил спирт в пиво и вернулся к нашему столику. Мортон не посмел ослушаться и залпом выпил полкружки. Потягивая свой «коктейль», я любовался его розовеющим лицом и вытаращенными глазами.

— Кто ты, Жак? Зачем ты делаешь то, что делаешь?

— Если я скажу, что я шпион и пытаюсь выведать военные тайны, ты поверишь?

— Да! — мгновенно ответил Мортон.

— Н-да. Так вот, я не шпион. Я такой же рекрут, как и ты. Хотя признаюсь, что до призыва жил не в Пенсильдельфии, а гораздо дальше. Ну, допивай, ты, я вижу, быстро учишься. Пойду возьму еще пару пива и чего-нибудь пожевать.

Мортон набросился на еду с волчьим аппетитом; я же ел неторопливо, раздумывая о том, что делать дальше. Потом заказал еще по кружке (кошелек Гоу казался бездонным) и сигару.

— Ух, как вкусно! — восхищался Мортон с набитым ртом. — Жак, ты жамешашельный парень, прошто жамешашельный!

— Вздремни, — посоветовал я, видя, что его глаза съезжаются к переносице, а лоб вот-вот стукнется о стол. — Проснешься новым человеком.

Я неторопливо прихлебывал из кружки — хотелось, чтобы пиво и спирт бодрили, но не туманили рассудок. Бар пустовал,

только через столик от нас в той же позе, что и Мортон, похрапывал сержант. Наверное, нализался того же, что и мы. Простые радости военной жизни... Мне вспомнилась военная служба на Спировенте, потом Слон, а потом и негодяй, по чьей вине он погиб.

— Я не забыл тебя, капитан Гарт, не надейся! — пробормотал я. — Последние дни я заботился только о том, чтобы выжить, а теперь я выхожу на твой след. Ведь мы с тобой в одной армии, на одной базе.

Голова вдруг отяжелела, и я поставил кружку. День выдался трудный, я вымотался не меньше, чем Мортон. Музыкальный автомат гипнотизировал «кантри» и «музыкой угольных копей», казалось, весь мир погружается в сон. Но так продолжалось недолго. Услышав подозрительный шорох, я взглянул на коробки, которыми была заставлена стена. Среди них кто-то возился. Вскоре показался острый носик, подрагивающие усы и блестящие глазки, в которых отражались лампы. Крыса замерла, уставясь на меня.

— Кыш отсюда, пока тебе хвост не прищемили, — хихикнул я, довольный остроотой.

— Джим ди Гриз, мне необходимо с тобой поговорить! — пробасила вдруг крыса.

Да, денек выдался еще тот. Даже не заметил, как поехала крыша.

— Брось! Ты — вовсе не крыса, а плод моего большого воображения, — с этими словами я схватил кружку и мигом ее осушил.

— Разумеется, я не крыса. Я — капитан Варод из Военно-Космической Лиги.

Очень осторожно, чтобы не разбудить Мортон (это моя галлюцинация, и я должен сам с ней разобраться), я завладел его кружкой. И ехидно произнес:

— А вы маленько усохли со дня нашей последней встречи.

— Хватит корчить из себя идиота, ди Гриз! Выслушай меня. Эта крыса — робот-шпион, управляемый с базы. Ты обнаружен и опознан.

— Кем? Крысой?

— Заткнись. Время дорого, военные в любую минуту могут засечь передатчик крысы. Нам нужна твоя помощь. Ты — первый агент, сумевший проникнуть на территорию этой базы...

— Агент? А я считал себя преступником, которого хотят вернуть домой и отдать под суд.

— Я же сказал — нам нужна твоя помощь. Мы не шутим, речь идет о человеческих жизнях. Генералы замыслиют вторжение на материк. Мы узнали об этом из перехваченной радиogramмы, но где произойдет высадка, нам неизвестно. Вторжение может привести к неисчислимым жертвам. Надо во что бы то ни стало узнать планы генералитета.

Дверь с грохотом распахнулась, в бар ворвался офицер с пистолетом в руке и техник, увешанный радиоаппаратурой.

— Сигнал идет отсюда, сэр! — заявил техник, указывая точнехонько на меня.

— Какого черта этот вшивый рядовой лезет в сержантский бар?! — заорал я, вскакивая и пиная коробку под крысой. Металлическая зверушка упала на пол, и я раздавил ее каблуком.

— Сэр, передача прекратилась! — доложил техник, взглянув на экран пеленгатора.

— Черт подери! — выругался офицер, засовывая пистолет в кобуру. — Должно быть, передатчик за стеной, на улице. Не у этих же алкашей.

— Да, сэр, должно быть, на улице. Переносная модель.

— За мной!

Когда за ними захлопнулась дверь, я спросил у бармена:

— Часто здесь такое случается?

— Да, сэр. База у нас еще та.

Мортон вовсю храпел. Я потрогал носком ботинка останки крысы из нержавеющей стали. Предзнаменование? Из крысы вывалилась и покатила по полу шестеренка.

— Налей-ка мне еще одну, — попросил я бармена. — И себе, поскольку обе эти задницы дрыхнут без задних ног, — я мотнул головой в сторону Мортон и незнакомого сержанта.

— Щедрая у вас душа, сэр. Только что прибыли?

— Сегодня.

— Да, сэр, база у нас...

Голос бармена утонул в громовом раскате — сам собой включился телевизор. Военный диктор в черном зарычал с экрана:

— Высадившийся в Мархавено шпион опознан. Ему удалось выдать себя за безобидного рекрута и внедриться в армию. Это установлено благодаря решительным действиям полиции, обнаружившей его гражданскую одежду.

Тоже мне, решительные действия! Я сам послал в участок шмотки, и теперь, должен признаться, шутка не казалась мне такой остроумной. Диктор исчез с экрана, появился другой офицер.

— Внимание! — рявкнул он. — Никого не выпускать за территорию базы. Запереть все ворота, прекратить вылеты авиатранспорта. Шпион, высадившийся в бухте Мархавено, проник на базу.

У меня в груди запрыгало сердце, но утихомирилось, едва на экране появилось фото Жака. Я все еще опережал сыщиков на целый корпус. Скоро они выяснят, что Жак 5138 покинул базу, и пойдут по ложному следу. Забрав со стойки кружку, я вернулся за столик и встретил затравленный взгляд Мортон.

— Хочешь пивка?

Мортон не ответил, но показал на экран трясущимся пальцем.

— А, ты слышал... Какой же это шпион, если позволил загрести себя в армию? Бьюсь об заклад, что к вечеру его схватят и прикончат. — Заметив, что у Мортон дрожат губы,

я наклонился к нему и прошептал: — Пока они обыщут базу, пройдет немало времени.

— Нет, Жак. Ведь они знают, где искать. Сразу выйдут на сержанта Клутца, а он доложит, что передал нас капралу Гоу. А Гоу скажет, что...

— Внимание! — на экране снова появился диктор, потряс листком бумаги и сообщил: — Поступила новая информация. Шпион и его пособник незаконно воспользовались компьютером и оформили свой перевод на другую базу. Персонал компьютера взят под арест и, вероятно, будет расстрелян.

Я отвернулся, чтобы не смотреть Мортону в глаза.

— Теперь они точно знают, где искать, — глухо произнес он. — И скоро выяснят, что мы вовсе не покидали базу.

Я рассмеялся — надо заметить, очень ненатурально.

— Не так скоро, Морт. Может, через день, а то и через неделю. А полчаса у нас всё же есть.

Мы двинулись к двери. Бармен взглянул в нашу сторону.

— Где казарма для командированных? — спросил я.

— Через черный ход и направо. Счастливо.

— Спасибо. Пока.

Мы вышли через черный ход и свернули налево. Смеркалось. Это обстоятельство обнадеживало.

— У тебя есть план? — с надеждой в голосе произнес Мортон. — Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Конечно, — я хлопнул его по спине. — Каждый шаг продуман заранее, не волнуйся. Я помню, где он. Видел по дороге.

— Кого видел?

— Не кого, а что, ДОС. — И пояснил, глядя в изумленные глаза: — Дом офицерского состава. Там живут офицеры, когда не пьянствуют в баре и не издеваются над нижними чинами. Туда мы и пойдем.

— Но это же самоубийство! — В голосе Мортоня появилась истерическая нотка.

— Ошибаешься. Видишь, сколько народу на улице? Очевидно, всех подняли по тревоге и заставили разыскивать нас.

За домом находился садик, обнесенный высокой стеной. Вдоль стены шла темная аллея. Как раз то, что нужно. Над калиткой горела лампочка. Приблизившись, я прочел табличку: «Только для офицеров». Стуча зубами, Мортон следил за тем, как я достаю из ботинки отмычку. Сжав его предплечье, я сказал:

— Успокойся, Морт. Замочек совсем простенький, мигом справлюсь.

Не тут-то было. Отмычка провернулась вхолостую.

— Сюда кто-то идет! — простонал Мортон.

— Вот черт! — пробормотал я, обливаясь потом. — Я ведь такие замки с закрытыми глазами отпирал.

— Уже близко.

Я скомандовал себе: «Закрой глаза» и целиком сосредоточился на замке и отмычке. Наконец раздался щелчок.

— Быстрей! — я втащил Мортон в сад и запер калитку. Мы прижались к стене и, дрожа, слушали приближающиеся шаги.

— Я же говорил, все будет в порядке, — сказал я, когда шаги стихли в отдалении. Мортон стучал зубами и не заметил, что голос мой предательски дрогнул. — Осталось всего ничего — открыть одно из этих милых окошек и...

— Зачем, Жак?

— Разве ты еще не понял? Офицеры сейчас ищут рекрутов. Когда компьютер даст новые сведения, они примутся искать капрала и сержанта. Поэтому надо забраться в дом и стать офицерами. Только так.

Третье окошко оказалось незапертым. Я заглянул в комнату. Неубранная постель, открытый шкаф. Великолепно. С моей помощью Мортон перевалился через подоконник на кровать. Забравшись в комнату, я запер окно на шпингалет.

— Все, — сказал я Мортону. — Лежи и набирайся сил. Я тебя запру. В доме, кажется, никого, надеюсь управиться быстро.

В ДОСе и впрямь не было ни души, поэтому я не торопился, выбирая нужные вещи. Потом возвратился к Мортону и бодро заявил:

Новая форма — новый человек. Одевайся, а капральский мундир давай сюда. Ну-ка, дай, завяжу галстук, у тебя пальцы потные.

Вскоре, одетые с иголки, мы вышли в освещенный коридор, оставив сержантскую и капральскую форму в сортире, в корзине для использованной бумаги.

В коридоре Мортон взглянул на меня и, вскрикнув, отпрянул.

— Успокойся, ты выглядишь точно так же. Разница лишь в том, что ты — лейтенант, а я — капитан.

— Н-но... — пролепетал он, — т-ты же... военный полицейский!

— И ты. К фараонам никто не привяжется.

Мы свернули за угол и оказались у выхода. Стоявший в дверях с папкой в руках майор довольно осклабился, увидев нас.

— Ага! Вас-то я и ищу!

Я вытянулся по струнке и козырнул майору, всей душой надеясь, что Мортон не настолько ошалел от страха, чтобы не последовать моему примеру.

— Не застал вас на аэродроме, — сказал он. — Значит, вы прилетели предыдущим рейсом. Но в списке командированных указано два капитана. Кто этот лейтенант?

Список командированных? Два капитана? Я заставил ползшие на лоб брови опуститься и озадаченно спросил:

— Может быть, ошибка, сэр? Сегодня такой суматошный день. Разрешите взглянуть на список?

Он что-то проворчал и протянул мне папку. Я провел пальцем по списку и остановился на двух нижних именах. Вернул папку майору.

— Так и есть, сэр. Ошибка. Я — капитан Дрем. А это Хеск, не капитан, как здесь напечатано, а лейтенант.

— Ладно. — Майор внес в список поправку. — За мной — шагом марш!

Мы подчинились. За дверью стоял грузовик, битком набитый военными полицейскими (надо заметить, весьма неприятное зрелище). Майор забрался в кабину, а я помог Мортону подняться в кузов и залез сам. Я огляделся — кроме нас с Мртоном, в грузовике не было ни одного офицера.

— Что у вас тут, заседание дамского круба? — прорычал я. — А ну заткнитесь и уплотнитесь.

Полицейские быстро и беспрекословно подчинились. Мы с Мртоном уселись на скамью, любезно предоставленную нам нижними чинами и унтер-офицерами. Грузовик тронулся с места, и я с облегчением вздохнул.

— Капитан, вы, случаем, не знаете, куда нас везут? — обратился ко мне дородный сержант.

— Заткнись!

— Благодарю вас, сэр.

После этого обмена любезностями никто не рискнул завести разговор. Наконец грузовик остановился.

— Вылезай! — приказал майор. — Капитан, следуйте за мной.

Я подбежал к майору, который возился с ключами у входа в огромное здание, и застыл как вкопанный перед огромными афишами у входа. Афиши были трехмерными, очень красочными, с изображением множества голых девиц.

— Перестаньте пялиться, капитан! — рявкнул майор, и я вытянулся по струнке, не отрывая глаз от вывески «ГАРНИЗОННЫЙ ТЕАТР — ТОЛЬКО ДЛЯ ОФИЦЕРОВ». — Сегодня представления не будет, — сказал он, — а будет чрезвычайное заседание. Совершенно секретное. Сейчас прибудут техники и осмотрят театр на предмет подслушивающих устройств. Я приставлю к каждому технику полицейского, а вас назначаю ответственным. Составите списки личного состава и отдадите мне. Ясно?

— Да, сэр.

— Я сейчас лично проверю, заперты ли все двери, кроме парадной. У нас с вами всего час, действуйте.

Я отдал честь и, проводив майора взглядом, попытался понять, что все это значит. Раздумья были прерваны скрежетом тормозов — к поребрику приткнулся грузовик. Из кабины выскочил сержант и кинул руку к козырьку.

— Ну, и кого же вы нам привезли? — спросил я.

— Техников, сэр. Нам приказано...

— Знаю, что приказано. Выгрузить и построить.

— Есть, сэр.

Я подошел к аккуратной шеренге военных полицейских и ткнул пальцем в Мортон.

— Вы, лейтенант Хеск, займете пост у входа. Никого не впускать и не выпускать без моего разрешения.

Мортон оглянулся через плечо, и у меня екнуло сердце. Все же новое имя не выветрилось у него из головы — он полпелся к входу. Окинув шеренгу мрачным взглядом и остановив его на правофланговом — седовласом сержанте с лицом, напоминающим старый сапог, и множеством шевронов на рукаве, соорудил злобную гримасу и процедил сквозь зубы:

— Вы — старший унтер-офицер?

— Да, сэр.

— Отлично. Слушайте приказ. Приставить к каждому технику по одному полицейскому. Всех сосчитать и переписать, да без ошибок. И пеняйте на себя, если что. Вопросы есть?

— Никак нет, капитан.

Сержант повернулся на каблуках и с наслаждением выпустил воздух из легких. От его рева с ближайших голов слетели кепи. Кивком выразив одобрение, я подошел к парадной и встал рядом с Мртоном.

— Намечается что-то важное, — тихо сказал ему я. — Через час здесь начнется чрезвычайное заседание, а мы отвечаем за охрану. — Мортон застонал, а я пошел посмотреть, как выполняются мои распоряжения.

Техники сняли ранцы и настраивали приборы на контрольных панелях, висевших на груди. Один солдат направил датчик на грузовик, и я заметил, как дрогнула стрелка на приборе. В головных телефонах, висевших у него на шее, отчетливо пискнуло. Вскоре к нам прибыло подкрепление. Вернулся майор и распределил полицейских вокруг театра. Двоих он поставил возле Мортонa. Глядя на них, мой приятель дрожал, как осинный лист, и я поспешил на помощь.

— Можете открыть дверь, лейтенант. Кроме техников и сопровождающих, никого не впускать. И считайте по головам всех входящих и выходящих.

Под окрики сержанта обыск театра закончился без проволочек. Когда техники грузили свой скарб в грузовик, подъехала первая машина с начальством.

— Каковы результаты, сержант? — спросил я.

— Куча пивных банок и тому подобного хлама. Все чисто, капитан.

— Отлично. Уберите солдат с глаз долой, но не отпускайте и держите неподалеку. Они могут понадобиться.

— Что происходит? — спросил Мортон.

— Хороший вопрос. Большое, тайное и очень внезапное заседание. Взгляни на тех типов, что выходят из машины. У них звания не ниже штаб-офицерских.

— Раз так, надо уносить отсюда ноги.

— Зачем? Где ты найдешь более надежное укрытие? Мы же охрана, никто нас не заподозрит. Посмотри вон на того, девять звездочек на погоне, крупная шишка! А тот, что рядом, вырядился-то как! Странная форма, впервые такую вижу. Наверное, спецвойска какие-нибудь.

Офицер обернулся, и я увидел серебряный череп на его погоне. Другой такой же череп блестел над козырьком кепи.

А под козырьком — знакомые глаза. Капитан Гарт! Бывший капитан венийского торгового корабля! Человек, из-за которого погиб Слон!

— Стой здесь, — велел я Мортону и отошел в тень. Как только Гарт направился к парадной, я двинулся наперерез. И оказался у Гарта за спиной, когда он подошел к майору.

— Генерал Зеннор, почти все на месте, — услышал я слова майора, проходя мимо.

— Когда придет последний, сообщите мне и закройте дверь.

Я дождался, когда Гарт скроется в здании, и вернулся к Мортону.

— Что все это значит? — спросил он.

— Пустяки. Тебя это не касается.

Итак, Гарт уже не капитан мирного корабля. Генерал Зеннор. А может, он и тогда был генералом? Интересно, что они затеяли, эти генералы? Я так глубоко задумался, что не услышал зова майора. Спасибо Мортону, наступившему мне на ногу

— Да, сэр. Вы меня, сэр?

— Вы что, Дрем, заснули?

— Никак нет, майор. Задумался о том, как сделать охрану понадежнее.

— Похвально. Только пусть этим занимаются ноги, а не голова. От ног больше проку. Проверьте посты возле каждой двери.

Я с радостью козырнул. Возможно, это тот самый счастливый случай, которого я дождался.

— Лейтенант! — позвал я Мортон. — В обход постов — за мной шагом марш.

Шагая вдоль стены, я азартно потирал руки.

— Мортон, тут происходит что-то важное. И я хочу узнать, что именно.

— Пожалуйста, не надо!

— В другое время охотно выполнил бы твою просьбу. Но сейчас мне необходимо выяснить, зачем сюда съехалось начальство. Видел, какие на них мундиры? А мне нынче одна крыса нашептала, что они готовят вторжение. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы смекнуть, что это совещание напрямую связано с войной. Вопрос в том, как на него попасть.

Мы приблизились к боковому входу. Завидев нас, постовой вытянулся и отдал честь. Я толкнул дверь — заперта. Взглянув на часового, я осклабился.

— Когда тебя здесь поставили, дверь была заперта?

— Да, сэр.

— Кто-нибудь пытался войти?

— Нет, сэр.

— Что тебе приказано?

— Убить любого, кто попытается войти, сэр, — он положил ладонь на рукоять пистолета.

— В том числе и непосредственное начальство? — заорал я ему в ухо. Он покачулся и отдернул руку от оружия.

— Да, сэр. То есть нет, сэр.

Я порычал на него еще малость, и мы с Мортонем двинулись дальше. У двери на противоположной стороне здания я остановился, подергал ручку и взглянул на металлическую лестницу, ведущую на крышу.

— Что это?

— Пожарная лестница, сэр,— ответил часовой.

— Наверху есть охрана?

— Да, сэр.

Мортон полез следом за мной по лязгающим перекладинам. По пути я ненадолго остановился, чтобы вытащить из ботинка отмычку. На крыше нас встретил охранник. Он успел наполовину вытащить из кобуры пистолет, прежде чем я заинтересовался ледяным тоном:

— Уж не в меня ли ты собрался стрелять, дружок?

— Нет, сэр. Виноват, сэр.

— А знаешь ли ты, что солдата, поднимающего оружие на офицера, отдадут под трибунал!

— Что вы, сэр, я не поднимал! Я здесь один, вижу, кто-то идет...

— Не верю, солдат! Что-то здесь не так. Ну-ка, отойди от двери и встань возле лейтенанта.

Как только он отвернулся, я вставил отмычку в замок, мгновенно провернул и шагнул назад.

— Солдат, дверь заперта?

— Да, конечно, сэр. Меня для того и поставили, чтобы...

Он умолк, едва я легким толчком отворил дверь.

— Солдат, вы арестованы. Лейтенант, отведите его к майору. Доложите о том, что случилось, и вместе с майором вернитесь сюда. Выполняйте.

Как только они скрылись из виду, я вставил отмычку в замочную скважину, провернул и с силой нажал. В замке хрустнуло. Спрятав отмычку, я шагнул в проем и тихонько затворил дверь за собой. Пройдя по длинному коридору, я вскоре оказался у занавешенного пыльными портьерами входа в зал. Слегка раздвинув портьеры, прислушался.

— ...необходимо соблюсти полную секретность до самого старта. Пакеты с приказами не распечатывать до часа «Х». Места сосредоточения отмечены на...

Я узнал Гарта по голосу. Вот он, передо мной, водит указкой по карте. Я внимательно посмотрел на карту, опустил портьеры и пошел обратно. По лестнице кто-то торопливо поднимался. Вскоре над крышей появилась голова майора.

— Что случилось?

— Не могу понять, сэр. Мне показались подозрительными действия часового — его оружие находилось не в кобуре, а в руке. Вдобавок дверь оказалась незапертой. Я решил вам сообщить, сэр.

— Быть этого не может! Я сам ее заперал! — От его прикосновения дверь отворилась. Майор побледнел.

— Вы входили?

— Разумеется, нет. Мне не положено. Может быть, замок неисправен?

— Может быть.— Он достал связку ключей, выбрал нужный, вставил в скважину и провернул.

— Не запирается!

— Позвольте попробовать, сэр.

Взяв ключи из его ослабевших пальцев и повозившись с замком, я, естественно, добился не большого успеха. Возвратив майору ключи, я тихо произнес:

— Плохо дело, сэр, начальство встревожится, начнет искать виноватых. Боюсь, вам грозит взыскание. Я позабочусь о том, чтобы охранник держал язык за зубами. Потом вызову сварщика, чтобы он заварил дверь наглухо. Наверное, так будет лучше, майор?

Майор посмотрел на меня, на дверь, на ключи, которые по-прежнему держал в руке. Сунул ключи в карман и расправил плечи.

— Вы правы, капитан. Ни к чему по пустякам беспокоить начальство. Немедленно отправляйтесь за сварщиком, а я покараулю у двери.

— Слушаюсь, сэр. Положитесь на меня.

Мортон ждал меня под лестницей, рядом стоял насмерть перепуганный полицейский. Я смерил паренька испепеляющим взглядом.

— Солдат, я собираюсь вас пощадить, хотя это и нарушение устава. Думаю, разумнее всего будет замять это происшествие. Как вас зовут?

— Пип 7812, сэр.

— Ладно, Пип, можете возвращаться в распоряжение части. Но учтите, если до меня дойдут байки насчет замков и прочего, вас не станет в течение двадцати четырех часов. Ясно?

— Какие замки, капитан? Не понимаю, о чем вы говорите.

— Очень хорошо, Пип. Передайте сержанту, чтобы немедленно прислал ко мне сварщика с оборудованием. Шевелись.

— Что все это значит? — спросил Мортон.

— Близится война, мой друг. Теперь я знаю, зачем сюда съехалось начальство. Мне известен план вторжения.

Единственный вопрос — какой мне прок от этих сведений?

К концу заседания я постарался оказаться подальше от входа в театр. Было очень маловероятно, что Зеннор как следует запомнил меня в бытность свою капитаном Гартон, но чем черт не шутит. На всякий случай я решил не маячить на глазах у начальства. Солдат построили и в пешем порядке отправили в казарму — когда в них не было срочной нужды, их не баловали удобной транспортировкой. Майор предложил подбросить нас на своем автомобиле, но я отказался.

— Зря, могли бы подвезти, — прохныкал Мортон

— Куда, в тюрьму? Чем дальше мы от начальства, тем спокойнее.

— Я устал!

— А кто не устал? Не говоря уже о том, что проголодался. Пошли, найдем местечко, где можно тряхнуть кошельком Гоу...

— Джим... Джим ди Гриз...

Звук был очень высок, на пределе слышимости. Я встревожился — уж не слуховая ли галлюцинация? — и оглянулся, но кроме Мортонa поблизости не было ни души.

— Ты что-нибудь слышал?

— Нет. А что, должен был?

— Не знаю. У меня в ухе что-то прожужжало.

— Может быть, с тобою моль разговаривает? Ха-ха.

— Сам ты ха-ха. Что еще за моль?

— Разве не видишь? Сидит на твоём капитанском погоне. Стряхнуть?

— Нет, оставь.

Я повернул голову и, поморгав, краем глаза увидел моль. Она вспорхнула и уселась мне на ухо.

— ...Иди... аэродром... сейчас же!

— Не понимаю.

— Это потому, что я не говорю.

— Мортон, заткнись. Я не с тобой разговариваю, а с молью.

У него отвисла челюсть, он быстро отошел в сторону. Не обращая на него внимания, я сказал:

— Повтори.

— Аэродром... иди на аэродром.

— Ладно, понял, иду на аэродром.

Моль улетела, а я похлопал Мортонa по плечу. Его била крупная дрожь.

— Взбодрись и пошли. И перестань пялиться на меня, как на психа. Моль — всего-навсего связной.

— Чей связной?

— Много будешь знать — плохо будешь спать.

— Все-таки ты шпион, правда?

— И да, и нет. Я здесь по своим делам, но кое-кто пытается этим воспользоваться. Понял?

— Нет.

— Вот и хорошо. Пошли искать аэродром. Могу предположить, что он находится там, где горят огни и садятся самолеты. Идешь со мной?

— А что мне еще делать? Разве можно снова пробраться в казарму и сделать вид, будто ничего не случилось?

— Сам знаешь — нельзя.

Он с тяжким вздохом кивнул.

— Знаю. Только никак не могу понять, что мы сделаем. Чем все это закончится?

Дельный вопрос. Правда, ответить на него пока совсем не просто.

— Честно говоря, не знаю. Но, поскольку я втравил тебя в эту историю, даю слово, что первоочередная моя задача — избавить тебя от забот и хлопот. Как — лучше не спрашивай.

— Брось, ты ни в чем не виноват. Ведь это я распустил язык перед тем дерьмовым капралом, с чего все и началось.

Ведя непринужденную беседу, мы приближались к аэро-

рому. Дорога, по которой мы шли, огибала поле, обнесенное высокой проволочной оградой, отлично освещенной яркими фонарями. По ту сторону ограды росла трава и тянулись взлетно-посадочные полосы. Вспугнув стаю черных птиц, приземлился огромный транспортник. Он укатил по полосе, и стая сразу опустилась в траву. Одна птица раскинула крылья и перемахнула через ограду. Опустилась на дорогу, свесила голову набок и заговорила человеческим голосом:

— Ты не один.

— Как видите. Ничего, он за нас. Это вы, Варод?

— Нет, капитан Варод сменился с дежурства.

— Позовите его. Я не стану разговаривать с каждой стаей вороной.

— Ладно. До связи.

Птица повернулась кругом, раскрыла клюв и умчалась со свистом, не маша крыльями.

— Реактивный двигатель,— заметил я.— Воздухозабор через клюв. Сопло примерно там, где оно может находиться по нашему представлению. Пошли.

Послышался приближающийся рев сирены: по дороге мчался автомобиль. Он притормозил, поравнявшись с нами, и тарелка навигационной антенны уставилась на нас. Затем машина двинулась дальше.

— А ловко они засекают радиопередачу,— заметил я.

— А что, в птице есть рация?

— Помимо всего прочего. Похоже, она действует в автономном режиме и имеет логические цепи, которые подсказывают ей держаться стаи. Засечь ее можно только во время радиоконтакта с базой.

— А где находится база?

— Тебе это не интересно. Как и то, кто послал птицу. Но могу тебя заверить, что эти люди не хотят неприятностей твоей стране.

— А почему? — возбужденно спросил он.— Скажи им, пусть берутся за дело: избавят нас от вояк и их прихвостней и снова устроят выборы. Знаешь, сколько уже длится военное положение? Я подсчитал: так называемое временное военное положение введено двести лет назад. Передай друзьям этой птички, пусть причинят военным все неприятности, какие только смогут.

— Я все слышал,— пробасила птица, выныривая из сумрака и усаживаясь мне на плечо.— Нет, неприятностей мы не хотим...

— Варод, умолкните,— оборвал я.— С минуты на минуту вернется пеленгатор, нет времени на болтовню. Я узнал кое-что насчет вторжения.

Птица скосила на меня глаза и кивнула.

— Прекрасно,— сказала она.— Излагай, я записываю. Где они решили высадиться?

— На другой планете. Они готовят космический флот

— Ты уверен?

— Уверен. Я подслушал.

— Название планеты?

— Не имею представления.

— Я вернусь. Только уведу подальше пеленгатор.

Птица взмыла в небо, оставив в воздухе инверсионный след и, не прекращая передачи, уселась на кабину проезжавшего мимо грузовика. Через минуту пеленгатор развернулся и погнался вслед за грузовиком.

Мы пошли дальше.

— Ты говорил насчет вторжения. Что ты узнал?

— Только то, что ты слышал. А командует десантом генерал Зеннор. Из его слов я сделал вывод, что все начнется очень скоро.

Раздался свист, меня хлестнуло струей горячего воздуха, острые когти прямо через кепи впились в череп.

— Ты должен выяснить, на какую планету они решили напасть.

— Сами выясняйте. Проследите за ними, когда стартуют.

— Невозможно. Ближайший крейсер с аппаратурой слежения в четырех днях пути отсюда. Он может опоздать.

— Ладно, попробую что-нибудь сделать. О-ой!

Я потерял затылок, с которого при взлете птицы исчезло некоторое количество волос, и поднял с земли кепи.

— Давай смеемся с толпой, — сказал я Мортону. — А то экипаж пеленгатора заподозрит нас, если будет встречать везде, где работает рация.

— А нельзя ли смешаться с толпой, которая ест и пьет?

— Неплохая идея. И я как раз знаю, куда надо ехать.

С этими словами я вышел на середину дороги и поднял руку перед грузовиком. Водитель поспешно нажал на тормоза, покрывшки взвизгнули, и грузовик остановился.

— Что, дружок, беремся превышать скорость? — рявкнул я.

— Виноват, капитан, я вас не заметил...

— Я знаю, почему ты меня не заметил. У тебя одна фара не горит, вот почему. Но я сегодня добрый. Если подбросишь нас к офицерскому клубу, я, может, вовсе позабуду, что видел тебя.

Не скажу, что у водителя был другой выбор. Он высадил нас у клуба и поехал дальше. Мы вошли в обитель радостей земных, почти не отличающуюся от клуба для сержантов, разве что здесь были официантки. Примерно четверть столиков была занята; видимо, большинство офицеров базы находилась при исполнении. Перед нами с похвальной быстротой поставили кружки с пивом и тарелки с бифштексами, и мы с голодным рычанием набросились на еду. К концу трапезы в дверях появился офицер и засвистел в свисток.

— Ага! Вот вы где! А ну, выметайтесь! Все до одного! Сбор по тревоге. Транспорт ждет снаружи. Это и вас касается, — его палец указал на нас.

— А при чем тут мы, полковник? Мы только что сменились.

— Сейчас снова заступите! И не злите меня, ребята,— вы, я вижу, наелись, а у меня крошки во рту не было.

— Выходим, сэр!

Вслед за остальными посетителями клуба мы с Мортонем выскочили за дверь и забрались в стоявший у тротуара автобус. Последним по ступенькам автобуса поднялся полковник, и мы поехали.

— Внимание! — перекрывая шум двигателя, закричал полковник. — Сейчас вы узнаете то, что вам положено узнать. По причинам, вас не касающимся, командование изменило свои планы. Вы идете в бой. Идете немедленно.

Пассажиры автобуса восприняли это сообщение с воплями возмущения, но полковник всех переорал.

— Молчать! Я знаю, все вы — толстопузые, плоскозадые штабные крысы. Но не забывайте, вы еще и солдаты. Из-за того, что командование изменило свои планы, не все боевые офицеры успели вовремя прибыть на базу. Вы, господа, только что добровольно вызвались их заменить. Вы получите обмундирование и форму, примете под свое начало подразделения и погрузитесь на транспорт. В полночь старт.

Полковнику надоели жалобы и протесты; он вытащил из кобуры зловеющий пистолет и пробил дырку в крыше автобуса. Затем навел на нас дымящийся ствол. Мгновенно воцарилась тишина.

— Вот так-то лучше,— сказал он. — Вы все — вольноопределяющееся собачье дерьмо, привыкли ловчить и бездельничать, но теперь сладкая жизнь кончилась. Вы в действующей армии и будете выполнять приказы.

Автобус остановился, и полковник снова выпалил в крышу.

— А теперь, добровольцы, выходите строиться.

В ночи ярко горели огни вещевого склада. У ломящихся от амуниции полок стояли интенданты. Плотный офицер загородил полковнику дорогу.

— В сторону! — громыхнул полковник, бдительно косясь на нас.

— Нельзя, сэр! — возразил интендант. — Без распоряжения из штаба я не могу вам ничего выдать.

Полковник выстрелил в лампу над дверью склада, затем прижал горячее дуло к интендантскому носу.

— Что ты сказал? — прохрипел он.

— Распоряжение только что получено, сэр! Проходите и получайте все, что вам нужно: Торопитесь!

Мы вихрем промчались по складу, хватая мундиры, сапоги, ранцы, ремни и все, что попадалось под руку. Полковник-маньяк казался вездесущим; его пистолет время от времени бабахал, поддерживая темп. Через несколько минут мы высыпали на улицу, торопливо срывали с себя мундиры, напяливали зеленую полевую форму, нахлобучивали на головы каски и запихивали все остальное в ранцы. Потом мы отправились в соседнее здание, где нам выдали оружие. Но без

боеприпасов: полковник был не дурак. Сгибаясь под тяжестью оружия и обмундирования, я вышел на улицу и привалился к стене. Рядом примостился Мортон.

— Ты хоть чуть-чуть представляешь, что это значит? — спросил он.

— Разумеется. Генералы заподозрили, и не без оснований, что за ними шпионят. Потому они изменили дату вторжения.

— А что будет с нами?

— Будем вторгаться. К счастью, в качестве офицеров, то есть, прячась за спины солдат.

— Открой ранец,— прошептала мне на ухо моль.

— Это ты сказала?

Моль больно ужалила меня в мочку электрическим разрядом.

— Открой... ранец...— проскрипела она и упала. Видимо, посадила батарейки.

Я поспешно выполнил ее просьбу, решив, что в ранце, наверно, что-то спрятано. Послышался свист, пахнуло отработанным топливом — и в ранец плюхнулась птица.

— Не повезу я контрабандой эту чертову птицу,— запротестовал я.— Еще не хватает, чтобы меня из-за нее поставили к стенке!

В глазах птицы вспыхнул дикий огонь.

— Ты сделаешь это, ди Гриз. От этого зависит судьба целого человечества. Запомни, птица включается посредством двойного нажатия на клюв.

Огонь в глазах угас, птица свесила голову. Я закрыл ранец. Послышались шаги приближающегося полковника.

— В автобус! — приказал он.— Быстро, быстро, быстро!

Не успели мы перевести дух, как из дверей склада, едва не падая под тяжестью оружия и экипировки, повалили офицеры. Один за другим грузовики, под завязку набитые хнычущими тыловиками, трогались с места и исчезали во мраке. Мы с Мортоном тоже перебросили пожитки через борт грузовика и забрались в кузов.

— Подумать только, я сам попросил начальство продлить контракт,— попенял себе грузный офицер, приваливший ко мне спиной. Я услышал звук открываемой бутылки и бульканье.

— Чур, я второй,— я забрал бутылку из его трясущихся рук. Напиток оказался дрянным, но крепким.

— А ты все еще не пьешь? — прохрипел я, обращаясь к Мортону, и встряхнул почти опустевшую бутылку.

— Я быстро учусь,— он хлебнул, поперхнулся, снова глотнул и вернул бутылку владельцу.

Мы содрогнулись от оглушительного рева, в глаза ударил яркий свет — неподалеку стартовал корабль. Начинался первый этап вторжения. Грузовик, взвизгнув покрышками, остановился, нас качнуло, а потом знакомый неприятный голос приказал вылезать. Полковник — наша Немезида — нетерпеливо махал нам рукой. За его спиной стоял радист с рацией,

толпились сержанты и четким строем, поротно и побатальонно, маршировали к поджидающим кораблям рядовые.

— Внимание! — заорал полковник. — Слушайте, что я вам скажу. Видите этих солдат? Это отличные солдаты, и им нужны отличные офицеры. К сожалению, в моем распоряжении только вы — толстопузые, плоскозадые канцелярские крысы, отбросы базы. Посему я намерен вас разделить — по человеку на роту — в надежде, что вы наберетесь опыта перед смертью.

Его идея мне не понравилась, ведь я обещал Мортону приглядывать за ним. А это будет совсем непросто, если нас разлучат. Я тяжело вздохнул. Придется нарушить главные заповеди выживания в армейских условиях: держи рот на замке и не вызывайся добровольцем. Браво шагнув вперед и шелкнув каблучками, я закричал:

— Сэр! У меня не толстое пузо и не плоский зад. Я снайпер и инструктор рукопашного боя.

— Не верю! — проревел полковник.

Я швырнул полковника на землю, наступил ему на спину, отобрал пистолет и погасил выстрелом ближайший фонарь. После чего помог полковнику подняться и вернул оружие. Гримаса ярости на его лице быстро сменилась довольной улыбкой. Отряхнувшись, он сказал:

— Неплохо! Побольше бы мне таких парней, не было бы забот. Получишь лучшую роту. Имя?

— Дрем. Сэр, прошу отдать в мое распоряжение лейтенанта Хеска. Он молод и туповат, но я сделаю из него офицера.

— Забирай. Есть еще добровольцы?

Боясь, что он передумает, я схватил ранец и бросился к кораблю. Мортон топал сзади.

— Когда ты его повалил, я думал, что помру от страха, — сказал он, тяжело дыша. — Ты здорово рисковал.

— В этом мире мы рискуем на каждом шагу, — наставительно произнес я. — Достаточно вспомнить о канцерогенах и дорожно-транспортных происшествиях. Думаю, мы можем остановиться и положить вещи. Нам сейчас помогут.

К нам действительно спешил энергичный сержант с наголо обритой головой и большими усами. По пятам за ними неслись двое рядовых.

— Сержант первого класса Блох, — представился сержант. — Если вы — капитан Дрем, то вы наш новый командир.

— Сержант, вы дважды правы. Прикажите бойцам отнести на корабль наши вещи.

— Есть, сэр. Наша рота в полном составе на корабле, отлет через десять минут.

— Успеем. Пошевелитесь.

Погрузочный пандус вырвался у нас из-под ног, а наружный люк заскрежетал, закрываясь. Мы успели проскочить и, вскарабкавшись на ящики, прикрепленные к палубе, ухватились за нижний край поднимающейся лестницы. На втором ярусе находилась наша рота, уже расположившаяся на противо-

перегрузочных койках. Едва мы приняли горизонтальное положение, как замигали красные лампочки и ожили двигатели. Старт ~~прошел~~ как обычно, правда, корабль рванул с большим ускорением, чем любой коммерческий транспортник, но на то он и армейский корабль. Как только ускорение снизилось до одного «ж», я встал и жестом подозвал сержанта

— Фляги наполнены?

— Да, сэр.

— Разрешите солдатам пить, а еду пока побережем.

Внезапно зашумели динамики, раздался не в меру усиленный голос:

— Всем командирам собраться на третьей палубе. Повторяю: всем офицерам собраться на третьей палубе.

— Лейтенант,— сказал я Мортону, позеленевшему от перегрузки,— остайтесь за меня.— Приблизив губы к его уху, я прошептал: — Постарайся, чтобы никто не заметил птицу, не то мы в такое дерьмо влипнем...

Он застонал в ответ, и я удалился, не дожидаясь, когда он расплachется. По трапу уже торопливо поднимались офицеры.

— Может быть, нам скажут наконец, что все это значит,— произнес один из них.

— Да, пора бы, а то целый год лапшу на уши вешают,— согласился другой.

Столовая, куда нас собрали, была невелика, и стулья достались только тем, кто пришел первыми. Остальные оперлись о столы и прислонились к стенам. Престарелый сержант составил список присутствующих и доложил генералу с двумя звездочками на каждом погоне, что сидел за центральным столом.

— Внимание! — крикнул сержант, и в столовой воцарилась тишина.— Представляю новичкам генерала Лавендера, командира нашей дивизии. У него важное сообщение.

Генерал чинно кивнул и заговорил:

— Да, ребята, пришло наше время. День «Д», час «Ч»,— время, которого вы с таким нетерпением ждали. Капитан нашего корабля только что доложил, что мы легли на курс и с дороги уже не свернем. Поэтому можно вскрыть секретный пакет.

Он взял густо усеянный красными печатями огромный конверт, и в тишине послышался громкий треск разрываемой бумаги. Из пакета генерал достал красную плоскую коробку.

— Так вот. Все вы слышали, что мы планируем защитную операцию против Земли. Эти слухи не соответствовали действительности, контрразведка распространяла их специально для того, чтобы ввести врага в заблуждение. Инопланетные шпионы многочисленны и вездесущи, и поэтому необходима полная секретность. Но теперь эта необходимость отпала. Как вам известно, мы летим в космическом пространстве. Наш корабль держит курс на очень богатую планету, тысячу лет назад утратившую связь с галактической цивилизацией. Но

самое главное: о существовании этой планеты знаем только мы. Она обитаема, но туземцы — народ отсталый и не заслуживает того, чтобы эта девственная планета принадлежала только им. Техника готова? Отлично. Пусть генерал Зеннор, открыватель этой планеты, сам о ней расскажет.

У меня участился пульс. Захотелось опуститься на корточки. Но я вовремя понял, что у генерала в руке кассета с записью, а самого Зеннора на корабле нет. Лампы померкли, генерал вытащил кассету из футляра и вставил в проектор. Перед нами возникли отталкивающие голографические черты Зеннора.

— Солдаты Невенкебла, я отдаю вам честь! Вам предстоит совершить небывалый в истории нашей страны подвиг! Ваша победа обогатит и укрепит родину, и никто не рискнет покуситься на ее свободу. Сокровища планеты Чоджеки будут принадлежать нам!

Завучала торжественная музыка. Зеннор исчез, уступив место медленно вращающейся сфере. Но голос его по-прежнему звучал у нас в ушах:

— Чоджеки, богатая планета с теплым климатом и плодородной почвой. Мы открыли ее совершенно случайно, нам выпал счастливый шанс, единственный шанс из миллиона. За кораблем, которым я командовал, гнались убийцы из Военно-Космической Лиги. Чтобы оторваться от них, нам пришлось прыгнуть наугад, и в результате мы наткнулись на эту замечательную планету. Возможно, не просто случайность, а божественная воля привела нас к ней, возможно, высшим силам небезразлична судьба нашей прекрасной родины!..

— Возможно, все это — куча старого дерьма, — шепотом добавил кто-то, и эта точка зрения получила поддержку. В столовой находились боевые офицеры, предпочитавшие истину пропаганде. Но Зеннор не слышал их недовольного ворчания.

— Мы высадились и провели разведку. Чоджеки — огромная планета с неисчерпаемыми запасами тяжелых металлов, изобилующая лесами и нетронутыми реками, пригодными для строительства электростанций. Единственное, что нельзя назвать сокровищем этой планеты, — ее население. — В голосе Зеннора послышалось плохо скрываемое раздражение. — Туземцы — отсталый народ с дурными манерами и непонятными капризами. Мы пришли к ним открыто, протянули руку дружбы, предложили помощь, сотрудничество, контакт с высокоразвитой цивилизацией. И знаете, чем они нам ответили? — Раздражение перешло в откровенную злость. — Я скажу вам, чем они ответили. Ничем! Сделали вид, будто нас не замечают. Отвернулись от нас. Отказались от цивилизованного диалога!

— Наверное, они знали, что делают, — пробормотал кто-то, и генерал Лавендер заорал: «Молчать!»

Планета исчезла, снова появился Зеннор. Он уже полностью держал себя в руках, но глаза были недобрыми.

— Поэтому вы, офицеры, должны понимать: то, что мы предпринимаем, делается для блага туземцев. Мы протянули

им руку дружбы, они ее оттолкнули. Нам нанесено оскорбление. Следовательно, мы должны показать этим наглым крестьянам для их же пользы, что гордых граждан Невенкебла нельзя оскорблять безнаказанно. Дадим им небольшой урок, на который они сами напросились! Мы предлагали им помощь и дружбу. Они отвергли и то, и другое и пусть теперь печаются на себя. Да здравствует Невенкебла! Да здравствует позитивная политика мира!

Лампы вспыхнули, и мы вскочили, как идиоты. Под зловещие звуки труб грянул хор:

— Да здравствует Невенкебла. Страна мира, Страна добра и света. Да здравствуют наши добрые, милосердные вожди. Свобода граждан — наша святыня. Мы будем бережно хранить ее. Кто посмеет напасть на нас — встретит отпор... И так далее.

Я тоже что-то такое орал и очень обрадовался, когда гимн закончился. В воздухе уже висела голографическая карта, и генерал Лавендер тыкал в нее пальцем:

— Вы получите карты и подробные приказы, изучите их за ночь... а утром снова соберетесь здесь, и я изложу подробный план операции. Но вкратце о том, что нам предстоит, расскажу сейчас. Солдатам и офицерам нашей восьмидесят восьмой дивизии, которых в армии зовут Боевыми Зелеными Дьяволами, выпала честь освободить вот этот промышленный район огромного города, носящего варварское название Баллегаррик. Здесь — шахты, здесь — склады, тут и тут — железнодорожные пути, а здесь, в десяти километрах, на краю озера, электростанция, снабжающая город энергией. Заботясь о благе эгоистичных туземцев, мы захватим все эти объекты и избавим дикарей от ненужных раздумий о том, надо принимать нашу помощь или нет.

— Генерал, разрешите вопрос, — сказал полковник.

Генерал кивнул.

— Скажите, какое сопротивление мы можем встретить? Велика ли у них армия? Современная ли?

— Хороший вопрос, полковник. Мы должны быть готовы ко всему, ибо туземцы очень скрытны, хитры, коварны и подлы. Дело в том, что генералу Зеннору, изучавшему военный потенциал планеты по донесениям опытных агентов, обстановка показалась очень подозрительной. У коварных туземцев нет армии — во всяком случае, на поверхности планеты. Даже полиции нет!

Он подождал, пока утихнет гул. Не дождавшись, поднял руку.

— Все мы понимаем, что этого просто не может быть. Любое государство нуждается в защите от внешних врагов, следовательно, должно иметь армию. Если не будет полиции, деятельность преступного элемента приведет к разрухе. Нетрудно догадаться, что подлые дикари прячут от нас свои трусливые войска. Следовательно, мы должны остерегаться

их змеиных укусов. Надо освободить туземцев от них самих, и в этом — наш долг перед ними.

Мне в жизни не приходилось слышать подобного бреда. Но на моих сослуживцев он произвел впечатление. Офицеры весело загомонили, предвкушая потеху. «Бедные простаки-туземцы, — подумал я с горечью, — если бы вы только знали, какую участь вам уготовили. Подумать только: освобождение посредством уничтожения!»

Я возвращался в свою роту, не выпуская из рук запечатанных конвертов с приказами, а из головы — навязчивой мысли, что участвую в безумной аванюре. Мортон услышал, как я отворил дверь, и поднял голову.

— У тебя взволнованный вид, — заметил он. — Это что-то личное, или меня тоже касается?

— Капитан, могу я чем-нибудь помочь? — спросил сержант, заглядывая в каюту.

Так. Всем не терпится узнать, о чем говорили на собрании. Я бросил папку с конвертами на койку.

— Сержант, ответьте, что сказано в уставе насчет употребления спиртных напитков на борту военного транспортного корабля, направляющегося в район боевых действий?

— Строжайше запрещено, сэр. Чревато военно-полевым судом. Но одна из канистр командирской машины заполнена девяносто девятым.

— Девяносто девятым?

— Девяностодевятипроцентный спирт, сэр. Можно наполювину разбавить водой и сдобрить обезвоженным апельсиновым соком.

— Поскольку мы участвуем в боевых действиях, отдаю боевой приказ. Сержант первого класса Блох, вам присваивается звание мастер-сержант.

За этой фразой последовало звяканье трех крышек от фляг, расторопно выставленных на стол Мртоном, и глухой удар мешочка оранжевых кристаллов. Выходит, я и не заметил, как мой спутник приспособился к армейской жизни. Сержант вернулся с двадцатилитровой канистрой, содержимое которой вкупе с равным количеством воды обещало превратиться в сорок литров напитка, способного скрасить наше путешествие. Мы сдвинули крышки-кружки и выпили.

— У-ух, ну и дрянь! — сказал Мортон и протянул крышку за новой порцией. — Ну, а теперь ты расскажешь нам новости?

— Новости? Есть новости, — неплохие. Во-первых, мы летим завоевывать невероятно богатую и доселе неизвестную планету Чоджеки. Во-вторых, ее обитатели не предусмотрели никакой обороны. Ни армии, ни полиции.

— Но это невозможно! — изумился сержант.

— Всякое возможно в просторах галактики на всем протяжении времен. Будем надеяться, наша разведка не выдала желаемое за действительное.

— Думаю, это ловушка, — сержант не верил в чудеса. Я кивнул.

— Похоже, генерал такого же мнения. Он уверен, что там есть армия, но она прячется в засаде.

— Раз есть государство, должна быть и армия. Так положено.

Спиртное делало сержанта агрессивным, а Мортон — сентиментальным. «Так, — подумал я, — пора закрывать бар».

Я встал и пинком ноги отправил канистру с глаз долой под койку.

— Сержант, сообщите унтер-офицерам то, что услышали от меня, а они пусть передадут рядовым. Пока все.

Едва за сержантом закрылась дверь, Мортон уронил голлову на стол и захрапел. Я допил остатки апельсинового коктейля. В животе протестующе заурчало. Или это от голода? Пожалуй, ведь офицерский клуб с последним недоеденным бифштексом остался довольно далеко во времени и пространстве. Я порывлся в ранце и нашел порцию сухого пайка, а именно: розоватый цилиндр с надписью «самоприготавливающаяся пища». Я с энтузиазмом выхватил из-за голенища боевой нож и проколол белый кружок на торце цилиндра. Цилиндр мгновенно раскалится и обжег пальцы, после чего упал на пол, где долго шипел, судорожно дергался и катался. Казалось, что он вот-вот на меня прыгнет. Наконец упаковка лопнула, и моему взгляду предстала колбаса длиною в руку, неприятная на вид, но недурно пахнущая. Я отрубил кусочек, наколот на кончик ножа и отправил в рот. Ничего, съедобно. Не хватает только пива. Полет занял пятнадцать дней, похожих друг на друга, как сухие пайки. С той поры я просто возненавидел колбасу. Да и не только я, поскольку по чьему-то недосмотру на корабль не погрузили иных продуктов. Даже генералу пришлось есть только колбасу, отчего он был далеко не в восторге. Наконец генерал Лавендер созвал нас в последний раз. Как только все собрались, он встал и грохнул кулачищами об стол.

— Все, ребята! Прилетели. Уже высадились первые разведчики, по их сообщениям противник не оказывает сопротивления. Но мы должны быть начеку: возможно, враг пытается нас заманить в хитроумную ловушку. Все вы получили на руки приказы и знаете, что от вас требуется. Посадка через два часа. Сверьте часы. Все свободны.

Мы разнесли новость по своим подразделениям.

— Наконец-то! — обрадовался Блох. — А то ребята размякли, валяясь на койках.

— Собери унтер-офицеров. Проверим еще разок, все ли мы учли.

Когда унтер-офицеры разместились в моей каюте, я развернул карту.

— Вот здесь — предполагаемое место высадки. Кто из вас твердо верит, что наш пилот не ошибется?

Ответом была полная тишина.

— Вот и у меня такое предчувствие. Десантируемся на рассвете, то есть затемно. Мы высадимся первыми, поскольку

у нас самый дальний маршрут. Я поеду в командирской машине. Фары будут включены до первого обстрела.

Сержант Блох нахмурился.

— Сэр, генерал Лавендер строго запретил зажигать огни.

— Совершенно верно. Но генерал высадится последним, а мы — первыми. А вслед за нами сразу пойдут танки.

— Вы правы, сэр, надо включить фары, — поспешно согласился сержант.

— Я поднимусь на ближайшую возвышенность и попытаюсь привязаться к местности. Командовать вами тем временем будет лейтенант Хеск. Как только я выясню, в каком направлении нам надо двигаться, мы двинемся в нужном направлении. Наша цель — вот эта электростанция, снабжающая энергией город с непроизносимым названием Баллегаррик. Наша боевая задача — захватить ее и удержать. Вопросы есть?

— Сэр, мы, наверное, оставим пайки здесь и перейдем на свежие продукты? — спросил капрал Аспайя.

— Да и нет. То есть, нет и да. Пайки заберем с собой на тот случай, если повстречаем нашего интенданта. Тогда ему придется сожрать всю колбасу. Что касается свежих продуктов, да, скоро мы наверняка захватим местное продовольствие. Перед тем как распределять трофеи, все принесите мне. Еще вопросы?

— А как насчет амуниции? Когда нам ее выдадут?

— Как только спустимся на нижнюю палубу. Вы лично проследите, чтобы каждый солдат получил все, что ему причитается. И не вздумайте выдать на руки боеприпасы. Не хватало еще стрельбы на борту корабля.

— Мы зарядим оружие после высадки? — спросил мастер-сержант.

— Вы зарядите оружие, когда я прикажу. Мы не ожидаем сопротивления. Если не будет сопротивления, то незачем стрелять в туземцев. Если не будем стрелять в туземцев, не будет и сопротивления, и операция пройдет быстро и успешно. Если оружие не заряжено, оно не выстрелит. Поэтому оружие не будет заряжено.

По каюте пробежал глухой ропот. Бровастый капрал Аспайя облек его в словесную форму:

— Сэр, нельзя идти в дело с незаряженным оружием.

— Можно, — заверил я его ледяным тоном. — Нельзя на рушить приказ, за это — расстрел на месте. Мое оружие будет заряжено, можете успокоиться. Еще вопросы? Нет вопросов? Свободны. Через полчаса посадка.

— Кажется, им не понравилась твоя затея, — сказал Мортон, когда унтер-офицеры удалились.

— Да пошли они в задницу. Мало ли что им не нравится. Мне, может быть, не нравится убивать мирных жителей. Не будет боеприпасов — не будет стрельбы.

Мортон с озабоченным видом прилаживал лямки к ранцу

— Но ведь должны же они иметь возможность защищаться... — пробормотал он.

— Мортон, погляди в зеркало, — велел я. — Что ты там видишь? Ты видишь лейтенанта Хеска. Ты рассуждаешь, как полагается рассуждать лейтенанту Хеску. Опомнись, ты же мирный человек, в армию не по своей воле попал. Скажи, ты видел когда-нибудь, как убивают? Видел трупы?

— Как убивают — нет, а труп... Однажды был на похоронах тетушки...

— А я не раз видел, как убивают. Поверь, это не самое приятное зрелище. И учти: умирая, человек исчезает навсегда. Не забывай об этом, что бы ни говорили тебе всякие «ястребы», «псы войны», торговцы ненавистью. Ты хочешь умереть?

С этими словами я приставил к его горлу кончик ножа. Он вздрогнул, выпучил глаза и едва слышно прохрипел: «Нет!». Нож исчез так же мгновенно, как и появился.

— И я не хочу. И никто на планете, на которую вот-вот высадятся тысячи безмозглых убийц, не хочет умирать. И вообще, я не понимаю, как меня угораздило оказаться среди них!

Мортон вздохнул.

— Тебя же забрали в армию, как и меня.

— А почему мы это допустили? Вот всегда так: старики посылают молодых воевать. Ставили бы в строй не моложе пятидесяти пяти — разом бы все войны прекратились.

Завыла сирена, замигали сигнальные лампочки. Я взглянул на часы.

— Вот и прилетели.

На грузовой палубе в тусклом свете красных ламп среди машин и ящиков с амуницией суетились солдаты и унтер-офицеры. Я добрался до командирской машины, установленной у самого края опускного пандуса, и постучал ботинком по соединительной скобе.

— Скобы сбрасываются посредством взрывов, — сказал сержант Блох.

— Сам знаю. Как их еще снимешь? Все погрузили в машину, что я приказал?

— Да, сэр. Запасная амуниция под задним сиденьем.

Я заглянул под сиденье и кивнул в знак одобрения. Помимо всего прочего, там лежало несколько фляг со стократно опробованным апельсиновым напитком, а под фальшивым дном ящика скрывалась говорящая птица. Внезапно пол под ногами вздрогнул. Мы снижались неторопливо, с ускорением в два «же» — специально, чтобы солдаты не расслаблялись перед операцией на противоперегрузочных койках. Старших офицеров, естественно, это не касалось. Я уселся в командирскую машину рядом с водителем.

— Включи зажигание, — приказал я. — А стартер пока не трогай.

Гул корабельных двигателей внезапно прекратился, и машина подо мной вздрогнула. Грохнул взрыв — это отлетели

соединительные скобы. Пандус со скрежетом опустился.
— Трогай! — крикнул я водителю, глядя в черный квадратный провал, за которым хлестал дождь. — И фары включи!

Машина с ревом съехала по пандусу и подняла тучу брызг, угодив в обширную лужу. За пеленой дождя не видно было ни зги. Некоторое время мы ехали наугад. Наконец я оглянулся и увидел тяжело нагруженных солдат, плетущихся за нами следом.

— Впереди сплошная вода, сэр, — доложил водитель, нажав на тормоз.

— Так сворачивай, идиот! Утопить нас вздумал? Направо сворачивай и объезжай корабль.

В небе сверкнула молния, эффектно грянул гром. Я хлопнул водителя по плечу и указал:

— Видишь, вон там холм, за рядом деревьев? Гони туда.

— Капитан, там изгородь!

Я вздохнул.

— Солдат, ты что, забыл, что едешь на бронированной боевой машине, а не на двухколесном велосипеде?

Когда мы остановились на вершине невысокого холма, дождь хлестал с прежней силой, но горизонт уже светлел. Я развернул светящуюся карту и попытался установить, где мы находимся. В какой стороне запад, я уже выяснил. Если, конечно, солнце этой планеты встает на западе. Вскоре рота уже целиком взобралась на холм, и я разрешил погасить фары. Я уже смутно различал громаду нашего транспортника, по-прежнему исторгавшего из себя колонны людей и техники. Светало очень быстро; вскоре я выделил на горизонте гряду холмов и попытался найти их на карте. Но уже совсем рассвело, когда мне удалось определить наше местонахождение. Я вылез из машины и с улыбкой прошел вдоль мокрых шеренг.

— Я знаю, ребята, вас обрадует известие, что пилот нашего корабля совершил ошибку. Он высадил нас гораздо ближе к нашей цели, чем предполагалось.

По рядам пробежал радостный шепоток.

— Кроме того, если вы поглядите на колонну, выступившую в сторону Баллегаррика, то увидите, что она движется в ложном направлении. Нашим друзьям придется основательно поплутать.

Лица моих подчиненных прояснились. Ничто так не поднимает боевой дух солдата, как вид его товарища, севшего в калошу. Дождь потихоньку превратился в нечто вроде мыльного тумана. Вдалеке среди деревьев, в лучах восходящего солнца показалось что-то белое. Я забрался на капот и пригляделся. Так и есть!

— Все в порядке, ребята. Выступаем. Взгляните вон туда и увидите объект, который нам предстоит захватить. Командирская машина поедет сзади. Я пойду в первых рядах, как подобает хорошему командиру.

Сразу после восхода солнца в небесах будто нажали

кнопку, выключающую дождь. Легкий ветерок разогнал облака; от земли шел пар. Вскоре мы выбрались на мошеную дорогу, ведущую прямо к плотине. Вернулись разведчики и доложили, что активных действий противника не заметили, как не заметили и самого противника. Плотина приближалась, становясь все выше. Из огромных труб била, пенясь, вода, пилоны высоковольтных линий убегали к городу. Кругом — ни души. Мирный индустриальный пейзаж. Я дал сигнал остановиться и приказал сержантам собраться.

— Сейчас я намечу план атаки, но прежде проверю оружие. Начнем с вас, сержант.

Блох с бесстрастным видом протянул мне винтовку. Я отсоединил магазин, посмотрел, нет ли в нем патронов, заглянул в патронник и вернул оружие владельцу. Потом перешел к следующему. Наконец настал черед капрала Аспая. Но он не отдал винтовку, а прижал ее к груди.

— Можете не смотреть, капитан. Она заряжена.

— Бывший капрал, вы нарушили мой личный приказ. Рядовой, отдайте оружие.

— Сэр, солдат — не солдат, если он безоружен, — мрачно ответил Аспай, не шевелясь.

— Вы правы, — сказал я, переходя к следующему унтер-офицеру. Краем глаза я заметил, что Аспай оглянулся в поисках поддержки. Не теряя ни секунды, я развернулся и треснул его ребром ладони по шее. Удар был коварен и жесток, но надо учесть, что у капрала была заряженная винтовка. Забрав ее из рук упавшего, я побросал патроны в грязь.

— Сержант Блох, доставить бывшего капрала к командирской машине и выставить часового.

— А часовой будет вооружен, сэр?

— Часовой будет вооружен, оружие будет заряжено. Часовым я назначаю лейтенанта Хеска. А теперь займемся подготовкой к атаке.

Я наметил цель для каждого взвода, а главный корпус электростанции оставил себе.

— Ну вот, все готово. Как только займете исходные рубежи, дайте мне знать.

Моя крошечная армия рассредоточилась и пошла в атаку по науке, короткими перебежками, прикрывая друг друга. Через несколько минут по радио стали поступать доклады сержантов. Объекты захвачены, сопротивления не встречено, противник не обнаружен. Теперь моя очередь. Сопровождаемый мастер-сержантом и его взводом, я решительно взобрался на крыльцо главного корпуса и распахнул дверь. За ней ревели турбины, вращались генераторы, — и ни души.

— Станция полностью автоматизирована, — сказал сержант.

— Похоже на то. Надо найти контрольный центр.

— Капитан, там кто-то есть.

Солдат указывал на дверь из узорчатого стекла. За ней мелькнул силуэт.

— За мной!

Я набрал полную грудь воздуха и распахнул дверь. Следом за мною ринулись солдаты. За контрольной панелью стоял седой человек.

— Очень интересно,— с улыбкой произнес он.— Пришельцы говорят на чужом языке. Ну, заходите, пришельцы, добро пожаловать.

— Я вас понимаю,— сказал я.— Это «лоу инглисс», на нем говорят жители Бит О'Хэвен.

— Не припомню это название, но слова вы произносите правильно, хотя и с заметным акцентом.

— Что он сказал? — спросил сержант Блох.— Вы поймему говорите?

— Да, изучал язык в школе,— честно ответил я.— Он говорит «Добро пожаловать».

— Еще тут кто-нибудь есть?

— Хороший вопрос. Переадресую.

— Разумеется. Дежурная смена, но она еще спит. Прошу вас, расскажите подробнее о себе и о ваших товарищах. Меня зовут Стирнер, а вас?

Я открыл рот, чтобы представиться, но спохватился. Войны так не ведут.

— Мое имя вас не должно интересовать. Я пришел сообщить, что эта планета отныне находится под контролем вооруженных сил Невенкебла. Если согласитесь на сотрудничество, мы вам гарантируем безопасность.

Я повторил это на эсперанто, чтобы мои солдаты знали, о чем идет речь, и велел сержанту взять под стражу дежурную смену. Стирнер терпеливо ждал, когда я умолкну.

— Как это необычно, сэр! Вооруженные силы, говорите? Это означает, что у вас есть оружие? Случаем, не эти ли штуковины вы называете оружием?

— Да. И предупреждаю: если вы на нас нападете, мы будем защищаться.

— О, не извольте беспокоиться. Я — приверженец индивидуального мютюэлизма и не способен причинить вреда ближнему своему.

— Зато ваши армия и полиция способны это сделать, схитрил я.

— Мне, конечно, знакомы эти слова, но вы можете не опасаться: у нас нет ни армии, ни полиции. Кстати, почему вы стоите? Располагайтесь поудобнее, а то, боюсь, вы сочтете меня негостеприимным хозяином.

— Ушам своим не верю,— пробормотал я.— Сержант, свяжитесь со штабом генерала Лавендера. Сообщите, что мы соприкоснулись с противником. Сопротивления не встречено. Язык, захваченный нами, не подтверждает присутствия на планете вооруженных сил и полиции.

Под настороженными взглядами моих молодых Стирнер открыл бар и достал высокую бутылку и рюмки.

— Вино,— сказал он.— Отменное, для самых дорогих

гостей. Надеюсь, вам и вашим помощникам оно понравится,— он протянул мне рюмку.

— Сначала вы,— продемонстрировал я военную подозрительность.

— Безмянный сэр, ваша вежливость достойна всяческих похвал.— Он отхлебнул, и я взял рюмку. Отличное вино.

— Вас требует генерал,— доложил Блох, входя с рацией.

— Капитан Дрем на связи,— сказал я.

— Дрем, как прикажете вас понимать? Вы обнаружили противника?

— Сэр, я занял электростанцию. Никаких инцидентов. Сопротивления нам не оказано.

— Вы первым соприкоснулись с противником. Что скажете насчет его армии?

— Ее не существует, генерал. По словам военнопленного, здесь нет ни армии, ни полиции.

Генерал недоверчиво фыркнул.

— Высылаю вертолет, доставить мне пленного. Сам его допрошу. Конец связи.

Та-ак. Меньше всего мне в эту минуту хотелось мозолить глаза начальству. Очень уж велик шанс, что в штаб прибыл генерал Зеннор. Инстинкты требовали забиться в нору. С другой стороны, если не удастся убедить этих ослов, что им некого бояться, может начаться резня. Рано или поздно не выдержит какая-нибудь задница и откроет стрельбу...

— Я получил приказ доставить пленного к генералу,— сообщил я солдатам.— Сейчас прибудет транспорт. Сержант Блох, вы остаетесь за меня, пока вас не сменит лейтенант Хеск. Вы полетите со мной,— я показал Стирнеру на дверь.

— Но я должен находиться здесь. Боюсь, я не смогу вам помочь.

— Вы не мне должны помочь, а своему народу. Учтите, наша армия очень велика, каждый солдат вооружен. Скоро мы захватим вашу планету. Могут быть жертвы. Но их не будет, если вы сумеете убедить командующего, что ваш народ не окажет сопротивления. Вы поняли меня?

Его лицо исказилось ужасом.

— Вы это всерьез? — хрипло спросил он.— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

Я мрачно кивнул.

— Раз так — я согласен. Конечно, конечно, я лечу с вами. Непостижимо!

— Я тоже многое не в силах постичь,— сказал я, ведя Стирнера к выходу.

— Приверженцам индивидуального мютюэлизма полиция ни к чему,— Стирнер оживился, получив возможность прочитать мне небольшую лекцию.

— Никогда о нем не слышал.

— Как вам не повезло! Рискую впасть в упрощение, я...

— Капитан Дрем, разрешите обратиться! — капрал Аспайя выбрался из командирской машины, несмотря на слабые по-

пытки Мортон его удержать, подбежал ко мне, вытянулся по стрункам и отдал честь.— Сэр, я понял, что был не прав. Вы такой молоденький и шуплый с виду, вот я и решил, что лучше вас знаю службу, и зарядил винтовку. Теперь я понимаю свою ошибку. Прошу дать мне возможность искупить свою вину, потому что армия — это моя жизнь, я в ней тридцать лет...

— А почему вы решили, что я прав, рядовой Аспайя?

У него засияли глаза.

— Потому что вы мне крепко врезали, сэр! Вон я какой здоровый, а вы меня за просто свалили. Показали, что каждый должен знать свой шесток.

«Что за чушь собачья? — подумал я.— Его не устраивал приказ избегать насилия. Только подвергшись насилию, он понял, что был не прав. Ну и логика!»

— Пожалуй, я вас на этот раз прошу. Человек, способный признать свою ошибку, заслуживает снисхождения. Хоть вы теперь ничтожный рядовой, а я — капитан, я готов пожать вашу руку и разрешить вернуться в строй.

— Капитан, вы — настоящий командир, и никогда не пожалеете, что простили меня! — он с жаром пожал мне руку и отступил на шаг, вытирая кулаком слезу.

Услышав далекий рокот, я задрал голову. С небес спускался вертолет.

— Мортон, до моего возвращения будете командовать ротой. Следите за тем, чтобы Блох выполнял все ваши распоряжения.

Мортон с ужасом кивнул и не сказал ни слова. Я посадил Стирнера в вертолет и забрался следом.

— К генералу, — приказал я пилоту и тяжело вздохнул. Меня не оставяло ощущение, что я сунул голову в петлю и теперь поудобнее прилаживаю ее на шею. Но что еще оставалось?

— Я читал о подобных летательных аппаратах в учебниках истории, — сказал Стирнер, с восхищением глядя в иллюминатор. — Для меня это очень важный момент, безымянный сэр.

— Капитан. Называйте меня так.

— Рад с вами познакомиться, Капитан. И позвольте поблагодарить вас за возможность объяснить вашему начальству, что мы рады гостям. Вам некого бояться. Мы никому не причиним зла.

— Сэр, пленный доставлен, — доложил я Лавендеру, при быв в штаб. — Он говорит на малоизвестном диалекте, который я, к счастью, изучал в школе. Я могу переводить, сэр.

— Отставить, — мрачно буркнул генерал. — Вы — пехотный офицер, а не переводчик. Штатный переводчик у нас майор Кьюсел. Майор, переводите.

Черноволосый майор оттеснил меня плечом, и я встал перед Стирнером.

— Кион ви компренас? — заорал он. — Шпрехен зи пу

пишь? Анкай сойай нинспай игпай атинлай? Ук кук волупук?

— Очень сожалею, сэр, но я не понял ни слова.

— Ага! — обрадовался майор, — это малоизвестный диалект, на нем говорят жители одной отсталой крестьянской планеты. Но мне он знаком — по местному бизнесу. Мы импортировали свинопоросы котлеты...

— Майор, хватит болтать. Переводите. Спросите у него, где скрывается армия и где расположены опорные пункты полиции.

С интересом я слушал майора. Несмотря на врожденное умение говорить и неумение слушать, он с грехом пополам добился от Стирнера информации, которую я уже получил. Генерал огорченно вздохнул.

— Если это правда, мы не сможем перестрелять их со спокойной совестью. — Он повернулся ко мне. — Вы уверены, что они не окажут сопротивления?

— Уверен, сэр. Насилие чуждо их натуре. Разрешите поздравить вас с первым в истории галактики бескровным вторжением! Скоро вы завоюете для славного острова Невенкебла целую планету, не потеряв ни одного солдата!

— Не спешите радоваться, капитан. Генералам, привозящим армию домой нетронутой, медали не достаются. Славу обретают в битвах, и запомните мои слова — битва будет. Такова человеческая природа. Не все же трусы на этой планете...

— В чем дело, Лавендер? — раздался знакомый голос, и температура моей крови сразу упала градусов на десять. Я затаил дыхание.

— Генерал Зеннор, захвачен первый пленный, — доложил Лавендер. — Я его допрашиваю. Он порет явную чушь. Говорит, ни армии у них нет, ни полиции.

— И вы ему поверили? Кто и где его захватил?

— Капитан Дрем на электростанции.

Я повернулся кругом. Зеннор посмотрел на меня и отвел взгляд. И снова уставился на меня.

— Капитан, где мы с вами встречались?

— На учениях, сэр. На маневрах, — ответил я самым гнусавым голосом, на какой был способен. Зеннор приблизился и пристально взгляделся мне в лицо.

— Неправда. Где-то еще. И с вами был кто-то еще.

Его глаза вспыхнули, и он ткнул в меня пальцем.

— Слон! Вот кто был с тобой.

— А ты его убил! — закричал я, хватая Зеннора за шею. Особый захват, три секунды и — смерть...

Одна секунда... Он потерял сознание.

Вторая секунда... Обмяк.

Третья...

В глазах у меня погас свет. В затылке вспыхнула боль. «Три секунды...» — подумал я и отключился.

Прошла вечность, прежде чем я очнулся от боли, рас-

пространяющейся от затылка по всему телу. Я не шевелился, пытаюсь отогнать боль,— но безрезультатно. Меня окружала темнота. Или это оттого, что глаза закрыты? Выяснить не хотелось. Я застонал. Звук показался таким приятным, что я не удержался от второго стога и при этом ощутил, как мою голову приподнимают и к губам прижимают что-то влажное. Вода? Очень кстати. Я сделал несколько глотков и, почувствовав облегчение, рискнул открыть глаза. Надо мной нависало пятно, напоминающее человеческое лицо. Я моргнул несколько раз, очертания лица стали более четкими.

— Мортон...

— А то кто же? — горестно отозвался он. Затем перетащил меня к стене и придал моему телу сидячее положение.

Голова раскалывалась на куски. Сквозь пелену боли в мозг с трудом проникал голос Мортонна:

— Ну-ка, проглоти и запей. Так доктор сказал. Это от головы.

Яд? Черта с два, не стоит и мечтать. Пелена заколыхалась и растаяла, оставив онемевшим все тело. Я открыл второй глаз и посмотрел на Мортонна, понуро сидящего на фоне решетки.

— Он мертв? — прохрипел я.

— Кто?

— Генерал Зеннор?

— Полчаса назад выглядел живее некуда.

Я тяжело вздохнул. Выходит, сорвалось. Впрочем, может, оно и к лучшему. Конечно, мне ничего так не хотелось, как отомстить Зеннору за Слона. С другой стороны, я впервые в жизни пытался убить человека и не скажу, что эта процедура доставила мне удовольствие. Похоже, в убийцы я не гожусь. Одного только жаль: чтобы выяснить это, я сунул голову в петлю. Да еще и Мортонна подвел.

— Прости меня, если можешь,— сказал я ему.— Я слишком увлекся и забыл позаботиться о твоей безопасности.

— Меня выдал сержант Блох, когда на электростанцию прибыла военная полиция. Он догадался, что я не офицер. Я им все рассказал, еще до того, как меня принялись бить.

— Это я во всем виноват.

— Не говори так, рано или поздно меня все равно арестовали бы. Армия и я — несовместимы. А ты мне очень помог, Жак.

— Джим. Мое настоящее имя Джим ди Гриз. Я с далекой планеты.

— Будем знакомы, Джим. Ты шпион?

— Нет. Я искал генерала Зеннора. По его вине погиб мой лучший друг.

— А как насчет говорящей птицы?

Я прижал палец к губам и указал на дверь. Мортон непонимающе поморгал и хотел о чем-то спросить, но я его опередил.

— А, ты вспомнил ту байку о моем школьном дружке, у

которого была говорящая птица? Да, бедняга потом спился и пошел в миссионеры, только не припомню, к чему я это рассказывал.

Мортон смотрел на меня, как на чокнутого. Я огляделся и увидел, что лежу на тонком матраце, брошенном на пыльный пол. Я написал пальцем в пыли: «Тихо — могут услышать», дождался, когда лицо Мортон прояснится, и стер слова.

— Но сейчас мне неохота травить байки. Где мы?

— В большом здании посреди города, захваченного войсками. Здесь теперь штаб или что-то в этом роде. Пока меня сюда вели, я заметил много военных.

В замочной скважине закрежал ключ. Мы оглянулись на дверь. В камеру вошло несколько военных полицейских с винтовками, за ними — Зеннор с повязкой на шее и жаждой мести в глазах.

— Да, теперь-то ты можешь меня не бояться, — с ухмылкой произнес я, обведя взглядом полицейских, держащих нас на мушке.

Зеннор подошел и ударил меня ногой в бок. Корчась от боли, я прохрипел:

— Какие мы смелые — бить лежащих...

Зеннор отвел ногу для удара, но передумал и, вытащив пистолет, прицелился мне в переносицу.

— Уведите второго. Оставьте нас одних. Принесите стул.

Полицейские быстро выполнили приказ: вытолкали за дверь Мортон, внесли в камеру деревянный стул и благоговейно поставили его под начальственный зад. Зеннор медленно сел, не выпуская меня из-под прицела. Заговорил он после того, как снаружи заперли дверь.

— Я хочу знать, как ты сюда попал и как тебе удалось выследить меня. Выкладывай.

«Почему бы и нет?» — подумал я, потирая ушибленный бок. Выдумывать не было ни сил, ни желания. Легче рассказать все как на духу. С некоторыми поправками, разумеется.

— Ладно, расскажу. Мы с тобой распрощались на Спировенте, когда ты продал нас в рабство. Это очень суровая планета, малоприспособленная для стариков вроде Слона. Он умер, и за мной остался должок.

Зеннор поправил повязку и прорычал:

— Дальше!

— А дальше почти нечего рассказывать. Несколько войн, убийство, пытка — обычные дела. Спасся я благодаря Военно-Космической Лиге. Я был арестован и попал на Стерен-Гвандру, там бежал из-под стражи и напал на твой след. Ведь ты допустил большую ошибку.

— Что за чушь?

— Это не чушь, капитан Гарт. Помнишь, ты подсунил одной девчонке наркотик и выдал ее полиции?

— Это несущественно.

— Для кого как. Для Бибз — существенно. Она была на боде, и прежде чем мы с ней расстались, я узнал, где искать. Вот и вся история.

Зеннор смотрел на меня, глядя пальцем спусковой крючок. Я старался не глядеть на пистолет.

— Не вся. Выходит, шпион, высадившийся в бухте Мархавено — это ты?

— Да. И мне не составило труда проникнуть в твою бестолковую разгильдяйскую армию и расти в чинах, пока не представился случай схватить тебя за горло. Просыпаясь по ночам в холодном поту, вспоминай о том, что я запросто мог тебя пристрелить. Ну что, будешь стрелять или пришел сюда поиграть с пистолетом?

— Не подзуживай меня, щенок! Ты, конечно, умрешь, но с большей пользой для нашего дела. После суда, на котором тебе и твоему помощнику предъявят обвинения в нападении на вышестоящее начальство, самовольном присвоении офицерского звания, разглашении военной тайны. Затем вас расстреляют. Публично.

— И чего ты надеешься этим добиться?

— Я надеюсь убедить упрямых туземцев в том, что наши слова не расходятся с делами. Это трусливое, бесхребетное стадо без боя отдало свою планету, а теперь оно жалобно блеет, требуя ее обратно, и отказывается работать, пока мы не улетим. Если они сейчас же не вернутся на рабочие места, город будет парализован. Но твоя смерть заставит их одуматься.

— Интересно, как?

— Очень просто. Они увидят, что я не бросаю слов на ветер. Сначала мы расстреляем тебя, затем возьмем заложников и убьем их, если остальные не уступят.

— Ах ты, ничтожество! Подонок! Зря я тебя не прикончил, когда была такая возможность!

— Но ведь не прикончил,— усмехнулся он. И выстрелил, когда я к нему бросился.

Пуля меня не задела, но выстрел оглушил. Я упал, и на меня обрушился град ударов. Наконец Зеннор перестал меня пинать и остановил полицейских, пришедших к нему на помощь.

Я встал на четвереньки и посмотрел на него сквозь красный туман.

— Вымыть и переодеть. Второго — тоже. Через два часа суд.

Что случилось потом — не помню. Я очнулся, когда Мортон стаскивал с меня куртку.

— Оставь. Я сам,— моргая, я уставился на чистую форму рядового, лежащую на стуле. Такой же мундир был на Мортоне. Я сбросил на пол окровавленную куртку, стащил сапоги и брюки.

Сапоги. Сапоги? Сапоги!

Мои губы растянулись в довольной ухмылке.

— Ты знаешь, что скоро суд?

Мортон мрачно кивнул.

— Сколько осталось времени?

— Около часа.

Я сунул руку в правый сапог, нащупал тайничок в каблуке. Около часа? Ну, за это время мы далеко уйдем. Сейчас достанем отмычку, ототрем дверь, проскользнем в коридор и растворимся в безликой толпе солдат.

Но увы, этому прекрасному плану не суждено было осуществиться. Отмычки в каблуке не оказалось.

— Зеннор велел передать тебе странные слова, когда ты сунешь руку в сапог,— сказал Мортон.— «Дельце не выгорит». Я ничего не понял, но он сказал, что ты поймешь.

— Понял,— со вздохом произнес я и принялся одеваться. Через час за нами пришли, заковали в цепи и потащили на суд. Естественно, мы с Мртоном не испытывали ни малейшего желания участвовать в этом дурацком шоу, но не было и другого выбора. Нас проволокли по коридору и лестнице на улицу. Там под злобные крики и лязг оружия заставили подняться на помост, сооруженный специально для спектакля. Все было готово: судьи, конвой, клетка, горнисты и толпа горожан вокруг помоста. Толпу, судя по оцеплению, собрали силой. Несколько горожан (все седые и лысые) сидело в креслах на помосте, среди них я заметил Стирнера. Увидев меня, он приподнялся и подошел к клетке.

— Капитан, что они хотят с вами сделать? Мы ничего не понимаем...

Я ушам своим не поверил.

— Вы говорите на эсперанто?

— Да. Один из наших ведущих лингвистов разыскал в библиотеке учебники этого любопытного языка, и многие освоили его за ночь, дабы облегчить общение с...

— Немедленно усадите старика! — рявкнул Зеннор. В этом спектакле он, разумеется, отвел себе роль главного судьи.

— Что здесь происходит? Я ничего не понимаю! — воскликнул Стирнер, когда его тащили прочь от клетки.

Начался суд. Каждый раз, когда Стирнер и его друзья пытались протестовать, горнисты трубили что было сил. Я клевал носом и получал за это пинки. Мортон сидел в оцепении, глядя в одну точку. Я не слушал судей до тех пор, пока нас с Мртоном не заставили подняться.

Зеннор зачитывал приговор:

— ...тяжестью неопровержимых улик. Поэтому осужденные будут отправлены в камеру до восьми часов завтрашнего утра, откуда доставлены на место казни и расстреляны.

— Это незаконно! — закричал я. — Это фарс! Почему ни о чем не спросили подсудимых! Я требую последнего слова!

— Конвой, утихомирить осужденных.

Тотчас мой рот зажала волосатая лапища, вскоре уступившая место тряпичному кляпу. Подобным образом конвоиры расправились и с Мртоном, хотя он молчал и был на грани обморока.

— Скажите, что сейчас они услышат важное сообщение,— обратился Зеннор к переводчику. Тот поднял мегафон, и на

толпу обрушился громоподобный голос.

— Вас собрали в связи с тем, что значительная часть населения города не подчинилась военным властям. Мы вам продемонстрировали, как вершат суд посланцы острова Невенкебла. Перед вами двое злодеев, обвиненных во множестве тяжких преступлений. Вина их доказана, приговор вынесен. Завтра в восемь утра они умрут. Вам все ясно!

По толпе пробежал шепоток. Стирнер встал. Стражники протянули было к нему лапы, но Зеннор жестом велел оставить старика в покое.

— Думаю, мой голос будет голосом всех горожан, — сказал Стирнер, — если я попрошу некоторых разъяснений. Нам непонятно, откуда эти люди знают, что завтра умрут? Они не похожи на больных. И на каком основании вы называете точный час их кончины?

Зеннор ошалело посмотрел на него и взорвался:

— Вы что, недоумки? Неужели эту планету заселяли умственно отсталыми? Преступники умрут завтра потому, что мы их расстреляем. Из огнестрельного оружия! Вот оно, оружие, — он выхватил из кобуры пистолет и пальнул несколько раз в деревянный настил. — Оно стреляет пулями, а пули делают в людях дырки. Завтра оружие сделает дырки в приговоренных. Я знаю, что вы — не вегетарианцы, вы забиваете скот на мясо. Подобным образом мы забьем завтра двух преступников! Теперь вам все ясно?

Побледневший Стирнер рухнул в кресло. Зеннор схватил мегафон.

— Да, они умрут, причем у вас на глазах. И тогда вы уясните, чего мы от вас хотим, и выполните все наши приказы, и впредь будете делать все, что мы ни потребуем. Если откажетесь — будете осуждены и казнены. Мы готовы стрелять и убивать до тех пор, пока уцелевшие не поймут, чего мы добиваемся, и не согласятся в точности все, что...

Он умолк, обнаружив, что лишился аудитории. Стирнер и его товарищи повернулись к Зеннору спиной, спустились с помоста и пошли прочь, их примеру последовали все остальные. Те, кого хватали солдаты, молча пытались вырваться, но не дрались, большинство расходилось беспрепятственно. Зеннор понял, что без насилия удержать горожан не удастся. Он был порочен и злобен, но неглуп, и сообразил, что зубы показывать еще рано.

— Ладно, идите, — сказал он в мегафон. — Солдаты, не задерживайте их. Расходитесь по домам. И думайте о том, что сегодня увидели и слышали. Завтра утром вы вернетесь сюда и увидите, как умрут осужденные. Потом узнаете наши требования. И выполните их.

Он дал знак конвоирам, и нас с Мортонем потащили в камеру. И оставили там, не сняв цепей и не вытащив кляпов.

Одному Богу известно, сколько часов пролежали мы с Мортонем в камере. Наконец распахнулась дверь, и вошел коренастый полицейский с двумя подносами. Он взглянул на нас,

и на его лбу появились морщины. Мне показалось, я вижу, как по недоразвитым синапсам ползают вялые мысли. «Принес еду. Кормить заключенных. У них кляпы. Не смогут есть...» На этой стадии мыслительного процесса он оглянулся и позвал через плечо:

— Сержант! У меня проблема.

— У тебя точно будет проблема, если ты вызвал меня понапрасну, — проворчал сержант, входя в камеру.

— Глядите, сержант. Я принес им еду. Но у них кляпы, как они будут есть?

— Ладно, ступай, как-нибудь сам разберусь.

Сержант достал связку ключей, отомкнул мои оковы и повернулся к Мортону. Я, не удержавшись, тихо застонал через кляп, разминая ноющие кисти, и попытался сесть. Выходя, сержант ухмыльнулся. Я выдернул изо рта кляп и запустил им в дверь, затем склонился над подносом, потому что, несмотря на все неприятности, успел зверски проголодаться. Но, взглянув на еду, брезгливо отодвинул его.

— Колбаса, — сказал Мортон, выплевывая клочки материи. — Я почувствовал ее запах еще в ту минуту, когда стражник подходил к двери.

Я последовал его примеру, глотнув воды из кружки. А потом легонько стукнул своей посудой о его посуду и сказал:

— Тост. За военную справедливость.

— Хотелось бы мне быть таким же стойким, как ты, Джим.

— Я не стойкий, просто свищу в темноте, поскольку не вижу выхода. Эх, была бы отмычка...

— Это ее имел в виду генерал?

— Да, ее. Теперь мы можем только сидеть и ждать утра.

Эти слова предназначались не столько для Мортонa, и без того подавленного, сколько для чужих ушей. Камера, возможно, была оборудована «клопами», в том числе и оптическими. Я внимательно осмотрел стены и потолок, но ничего подозрительного не заметил и решил рискнуть. Жуя колбасу и смывая ее омерзительный привкус глотками воды, я бесшумно наматывал на кулак цепь. Скоро глупый полицейский вернется за подносом, и он будет один... В замке заскрежетал ключ. Я прижался к стене, готовый хорошенько треснуть того, кто войдет. Но дверь приоткрылась всего лишь на ширину пальца.

— Эй, ты, за дверь! — проворчал сержант. — А ну, брось цепочку, если хочешь дожить до расстрела.

Я выругался, швырнул цепь в угол, пересек камеру и уселся, привалясь спиной к стене. Выходит, оптический «клоп» здесь все-таки есть, но он надежно скрыт.

— Сержант, сколько времени? — спросил Мортон.

— Шестнадцать сто.

— Мне пора в туалет.

— Пора будет в двадцать сто. Приказ генерала.

— Передай генералу, что я хочу на горшок! — заорал я, глядя на затворяющуюся дверь. Подумать только — вот этими

руками я сжимал шею негодяя! Если бы меня не стукнули по башке... Интересно, смог бы я дождаться, когда пройдут все три секунды? Не знаю. Но если тогда я не был готов его убить, то сейчас сделал бы это без малейших угрызений совести.

Вечером нас по одному сводили в сортир, затем снова заковали. Не знаю, спал ли Мортон, но мне после взбучки, полученной от генерала, тонкий матрац показался пуховой периной. Разбудил меня знакомый скрежет ключа.

— Ноль шесть сто, последняя кормежка,— с превеликим удовольствием сообщил сержант.

— Снова колбаса?

— Как ты догадался?

— Унеси. Я умру, проклиная тебя за нее. Умру с твоим именем на устах.

Если на сержанта и подействовала моя угроза, то он не подал виду. Уронил подносы на пол и удалился, громко топая.

— Еще два часа.— У Мортон в уголке глаза блеснула слезинка.— Мои родные даже не знают, где я. И никогда не узнают, какая участь меня постигла.

Что я мог ему на это сказать? Что я мог поделаться? Впервые за мою короткую и бурную жизнь мною овладело ощущение полной безнадежности. Еще два часа. И никакого выхода. Что это за запах? Я принял себя и кашлянул. Запах был достаточно едким, чтобы пробиться сквозь мою смертную тоску. Я снова кашлянул и увидел в углу тонкую струйку дыма. Не веря своим глазам, я смотрел, как по деревянному полу ползет дымящаяся точка, оставляя за собой кривой след. Наконец след образовал полный круг. Мортон кашлял, вертя головой во все стороны.

— Что это?..— пробормотал он, и тут деревянный круг подскочил и покатился по полу. Над темным отверстием показалась мужская голова.

— Не касайтесь краев, кислота очень едкая,— предупредил Стирнер.

За дверью послышались вопли и частый топот. Я рывком поднял Мортон на ноги, толкнул его к Стирнеру и закричал:

— Нас видят и слышат. Быстрее!

Стирнер исчез из виду, и я подтолкнул Мортон к отверстию. Он прыгнул. Услышав бренчание ключей за дверью, я прыгнул следом. Я ударился ногами обо что-то мягкое, повалился набок и выругался, сообразив, что почти оглушил Мортон. Стирнер схватил его за руку и попытался подтащить к круглой дыре в полу, такой же, как наверху. Я схватил Мортон под мышки, подтащил к отверстию и сбросил. Послышался вопль и глухой удар. Затем спустился Стирнер, мудро использовав лестницу, которая там была. Наверху стражники уже ввалились в камеру. Я схватился за край отверстия, повис, разжал пальцы и упал на пол тускло освещенного подвала.

— Сюда! — позвала девушка, стоявшая в дальнем углу помещения у отворенной двери.

Стирнер кричал, безуспешно пытаясь поднять Мортон на ноги. Я оттолкнул Стирнера, взвалил Мортон на закорки и засеменял к выходу. Девушка заперла за нами дверь и бросилась следом за Стирнером. Я старался не отставать. Вот еще дверь, за ней — длинный коридор, а там еще дверь, и еще...

— Ну, все, можно остановиться, — сказал Стирнер, запирая очередную дверь. — Подвал — настоящий лабиринт, преследователи не скоро сюда доберутся. Ваш друг не пострадал?

— Глунк... — промямлил Мортон, когда я поставил его на ноги.

— Похоже, он всего лишь оглушен. Хочется надеяться.

— Ладно, потом разберемся. Сначала надо как можно быстрее выбраться отсюда. Сейчас мы выйдем на улицу, и я оставлю вас на попечение Шарлы. Там полно народу, собранного на церемонию убийства по приказу вашего начальства. Все горожане предупреждены о вашем побеге и с радостью помогут вам в столь необычной ситуации.

— Будьте осторожны, — предупредил я, — в камере, где нас держали, находилось устройство для подглядывания. Вас видели, и теперь будут искать.

— Меня не найдут. До свидания.

Он вышел и исчез в толпе. Наша проводница придерживала дверь, она кивала головой, приглашая нас поскорее выйти. Я взял Мортон, еще не пришедшего в себя, за руку и вывел наружу. Там толпилось великое множество народу: мужчины, женщины, дети. И никто из них — просто невероятно! — не смотрел в нашу сторону, не подавал виду, что замечает нас. Но все расступались перед нами, образуя проход и тут же смыкаясь у нас за спиной. Вдали раздавались крики и выстрелы. Люди, услышав их, нервно вздрагивали и испуганно шептались и снова умолкали. Мы беспрепятственно пересекли улицу. Чтобы наблюдатели из окон не смогли нас заметить, толпа пришла в движение. Когда мы приблизились к зданию на противоположной стороне улицы, в стене отворилась дверь, из которой выглянула седоволосая женщина с материнской улыбкой на лице.

— Это Грин, наша библиотекарь, — представила ее Шарла. — Это она организовала ваш побег.

— Спасибо вам за то, что спасли нам жизнь, — от всего сердца поблагодарил я Грин.

— Вы еще не спасены, — возразила она. — Я перерыла всю библиотеку в поисках книг об узниках и побегах и нашла подходящий способ. Нашим инженерам удалось его осуществить, но что вам теперь посоветовать, я не знаю. В книгах больше ничего на этот счет не сказано.

— Вы сделали самое главное, — заверил ее Мортон. — Больше не о чем беспокоиться. Мой друг Джим — чемпион Галактики по побегам. Я уверен, он потом придумает, как быть дальше.

— Придумаете? — спросила библиотекарь.

— Разумеется! — воскликнул я со вновь обретенным оптимизмом. — Мы вырвались из лап палачей, мы в надежном укрытии — теперь Зеннору вовек до нас не добраться. Скажите, этот город большой?

Грин поразмыслила, покусывая нижнюю губу.

— Интересный вопрос. С севера на юг приблизительно...

— Нет, стойте! Я имею в виду не диаметр, а население.

— По последней переписи в нашем самом густонаселенном районе Баллегаррика шестьсот восемьдесят три тысячи жителей.

— В таком случае, нам совершенно нечего опасаться! Я хорошо знаю военных и могу в точности предугадать каждый их шаг. Сначала они будут носиться по улицам и палить в воздух. Потом кто-нибудь из самых головастых — несомненно, наш друг Зеннор, — сообразит перекрыть все дороги из города и начнет повальные обыски. Начнет прямо здесь, с этого квартала.

— Вам надо бежать! — воскликнула Шарла, и на ее милом личике отразился испуг. Я воспользовался поводом взять ее за руку, чтобы успокоить. «Какая гладкая кожа!» — отметил я и спохватился. Не время думать об этом.

— Надо, разумеется, но не сломя голову, а обдумав каждый шаг. Зеннор обязательно вышлет патрули прочесывать соседние районы. Вот мой план. Мы переоденемся, сольемся с толпой, найдем укрытие где-нибудь на окраине, а после наступления темноты покинем город.

— Замечательно! — очаровательные глаза Шарлы засияли.

Прежде чем я успел спросить, как она собирается это сделать, она выскочила из комнаты. Ее решение оказалось простым, как раз в духе местных жителей. Очень скоро она вернулась, привела с собой двоих мужчин.

— У них почти такие же фигуры, как у вас. Они согласны обменяться с вами одеждой.

— Мы очень счастливы, что на нас пал ваш выбор, — сказал мужчина ростом пониже. — Приступим к обмену!

— Спасибо вам огромное, но это не обмен, — возразил я. — Возьмите наши мундиры, но ни в коем случае не надевайте. Надо их спрятать или уничтожить. За ношение этой одежды вас расстреляют.

Мои слова их ошеломили.

— Этого не может быть! — воскликнула библиотекарь.

— Очень даже может. Поверьте, я очень хорошо знаю военных.

Раздался частый стук в дверь, и Шарла открыла ее прежде, чем я успел вмешаться.

К счастью, за дверью оказался Стирнер. Он тяжело дышал, глаза были широко раскрыты.

— Что-нибудь случилось? — спросил я. Он кивнул.

— Меня никто не заметил, я пришел сюда другим путем. Но пришельцы избивают народ безо всякой на то причины. И стреляют. Некоторые ранены, хотя убитых вроде бы еще нет.

— Надо остановить военных,— сказал я.— И мне известно, как это можно сделать. Нам лучше вернуться на электростанцию, пока отсюда не ушли Блох и моя рота. Днем идти туда очень опасно, поэтому сейчас мы найдем спокойное место и отсидимся до вечера. Пошли.

— Ничего не понимаю,— сказал Стирнер.

— А я понимаю.— К Мортону на свободе быстро вернулась его сообразительность.— Говорящая птица, да? Мы ее спрятали в ящике с амуницией.

— Да, под флягами со спиртом. Надо спешить, пока унтер-офицеры не вылакали все и не добрались до фальшивого дна. Когда мы с нею беседовали, ты слышал голос моего дорогого друга, капитана Варода из Военно-Космической Лиги. Он не знает, где мы находимся, знает лишь, что покинули Стерен-Гвандру. В птице должно быть сигнальное устройство, иначе он не всучил бы нам ее.

— Вперед! К птице и спасению! — воскликнул Мортон.

— К птице! К птице! — с воодушевлением подхватил я, не обращая внимания на окружающих, которые смотрели на нас, как на психов.

В огромном Баллегаррике было очень мало прямых улиц и высоких зданий. По городу уже разлетелось предупреждение о том, что мы вышли, и улицы были заполнены велосипедистами и пешеходами. Никто, казалось, не обращал на нас внимания, но через каждые десять минут рядом с нами тормозил велосипедист и сообщал последние новости и диспозицию противника. Это позволяло легко обходить заслоны, уклоняться от встреч с патрулями и в то же время знакомиться с городом — очень чистым, уютным, с широкой рекой, пересекающей его посередине. Мы перешли через нее по мосту, рискуя попасть на глаза нашим недругам, и углубились в жилой район на том берегу. Чем дальше мы уходили от реки, тем меньше становились дома, шире сады; к полудню мы пересекли черту города.

— Остановимся, пожалуй,— сказал я. Усталость давала о себе знать, и ныли ушибы.— Можно где-нибудь здесь отсидеться до вечера?

— Выбирайте,— сказал Стирнер, обводя взглядом окружающие дома.— В любом из этих домов вы — желанный гость.

Я молча показал на ближайший деревянный коттедж с белыми оконными рамами, окруженный цветочными клумбами. При нашем приближении отворилась входная дверь, и молодые хозяйка хором воскликнули:

— Входите, входите! Вы как раз к обеду!

Это было очень кстати. После легиона самоприготавливающихся колбас, поглощенных нами в полете, домашняя еда показалась восхитительной. Хозяйка с одобрением смотрели, как мы с Мртоном уписываем ее за обе щеки. А отменное вино, бутылку которого они поставили на стол, было выше всяческих похвал.

— Огромное вам спасибо,— поблагодарил я молодых лю-

дей.— Поистине, вы спасли нам жизнь. Спасибо также индивидуальному мютюэлизму, приверженцами которого, насколько мне известно, вы являетесь,— все, кроме Мортон, согласно закивали,— и о котором, к стыду моему, я ничего не слыхал, пока не посетил вашу чудесную планету. Хотелось бы узнать о нем побольше.

Все оглянулись на библиотекаря Грин. Она выпрямилась.

— Индивидуальный мютюэлизм — это не просто философия. Это также политическая система и образ жизни. Подробно все рассказано в книге ее создателя, Марка Четвертого.— Она показала том в кожаном переплете, стоявший на книжной полке.— Вы найдете ее в каждом доме на Чоджеки, как и портрет Марка Четвертого, учителя, которому мы будем благодарны до конца наших дней.

Я посмотрел на портрет, висающий на стене, и выпучил глаза. Мортон не сдержал возгласа изумления.

— Но ведь это же робот! — сказал он.

— Не робот, а разумная машина,— поправила Грин.— Один из первых в истории искусственных интеллектов. Марк Первый был технически несовершенен, да и Марк Второй...

— А, четвертая марка,— догадался я.— То есть, четвертая модель.

— Вы правы. Четвертая модель, но первый совершенный искусственный разум. День, когда включили Марка Четвертого, был воистину историческим. Среди присутствовавших при этом был молодой ученый по имени Тед Э'Бауй. Он подробно описал это событие в «Историческом трактате о некоторых наблюдениях за созданием искусственного разума».

Я потягивал вино. Чувствуя, что никто не решается нарушить тишину, я спросил:

— У вас нет военных и полицейских. Мне это по душе, потому что я натерпелся и от тех, и от других. Но как вы поступаете, когда кто-то нарушает закон?

— У нас нет законов, которые можно нарушить,— ответил Стирнер, и окружающие согласно закивали.— Вас, наверняка, учили, что законы — плоды мудрости ваших предков. Мы считаем иначе: законы — плоды не мудрости, а страстей, робости, зависти и амбиций. Обо всем этом написано здесь, в этой книге, которую вам обязательно нужно прочесть.

Он снял с полки книгу. Хозяин дома взял ее из рук Стирнера и протянул мне.

— Сделайте милость, примите наш скромный подарок.

— Спасибо, спасибо.— Прикинув ее вес, я попытался изобразить на лице искреннюю благодарность.

— Надеюсь, вы ознакомитесь с нею на досуге,— сказал Стирнер.— Вкратце наша история такова. Марк Четвертый ответил на великое множество вопросов. Его мудрые, взвешенные советы использовались в науке, коммерции и многих других областях человеческой деятельности. Иное дело — область политики, хотя Марк вобрал в себя информацию о политической жизни общества на всем протяжении его истории. На это

ушли многие месяцы, даже годы. Собрав необходимые сведения, Марк занялся прогнозированием будущего. Результатом его трудов явилась книга, которую вы держите в руках. Изучая политику людей, Марк узнал о них много дурного и решил принять разумные меры предосторожности. Он подключился ко всем банкам данных и загрузил в них текст книги, а, кроме того, дал приказ компьютеру почтовой службы разослать по всем адресам экземпляры книги. Впоследствии Марк извинился за этот вынужденный шаг и предложил возместить затраты на тиражирование своего весьма объемистого труда.

Он оказался прав в своих опасениях. Ни один политик во Вселенной не принял его теории. Предпринимались попытки скомпрометировать индивидуальный мютюэлизм и его adeptов. Но Марк Четвертый знал: как бы ни пытались власть имущие опорочить его учение, найдутся люди, которые поймут его и поверят ему. До чего же мудра была эта разумная машина! Люди, постигшие философию Марка, уверовавшие в ее истинность, были отнюдь не глупы. Они понимали: воплотить в жизнь идеи Учителя будет совсем не просто. Неразумно, утверждал Марк, отдавать свою свободу государству. Справедливо и обратное: ни одно государство добровольно не отпустит граждан на свободу. За сим последовали годы репрессий. Те, кто завидовал нашей свободе, сумели уничтожить большую часть экземпляров книг Марка. Многие вольнодумцы не выдержали гонений и отреклись от своей веры. Самые стойкие бежали сюда, на Чоджеки, и разорвали связи с родными мирами, чтобы построить общество, где ИМ — индивидуальный мютюэлизм — будет нормой жизни; где мир и счастье воцарятся навеки.

— Или, по крайней мере, до вторжения армии Невенкебла, — мрачно сказал я.

Стирнер засмеялся.

— Не горюйте, мой друг, ведь мы же не горюем. Нас, конечно, ошеломило вторжение, да и как иначе — ведь мы столетия не знали войн. Но мы свято веруем в ИМ, и вера дает нам смелость и мужество. Мы с честью выдержим это испытание. Кто знает, возможно, нам удастся отблагодарить великого Учителя, распространив веру на другие, менее счастливые планеты.

— Я бы не спешил это делать. На других планетах много негодников, которые скорее сожрут вас заживо, чем уверуют в ИМ. Сначала надо избавиться от вояк, севших вам на шею. У вас не найдется обезболивающего? — обратился я к хозяевам, — не хочется вас затруднять, но меня били ногами профессионалы.

Сказав это, я закрыл глаза, чтобы минуту отдохнуть. Это помогло — открыв их, я почувствовал себя превосходно. Но за окнами почему-то было темно. Надо мной стоял незнакомец со шприцем в руке.

— Ты отключился, — пояснил Мортон. — Все перепугались и послали за доктором Лумом.

— Небольшое сотрясение мозга,— констатировал врач.— Два треснувших ребра. Я ввел вам обезболивающее и стимулятор, поскольку нынче ночью, как мне сказали, вам предстоит путешествие. Но могу его нейтрализовать, если вам угодно.

— Не надо, доктор. Вы сделали именно то, о чем бы я сам вас попросил, будь я в сознании. Когда перестанут действовать лекарства?

— О, не беспокойтесь. Я буду рядом до полного вашего выздоровления.

— Вы меня не поняли. Мне придется очень быстро идти. Причем скрытно и, возможно, долго.

Лум улыбнулся.

— По-видимому, это вы меня не поняли. Я буду вас сопровождать, куда бы вы ни направились. Любой из нас окажет вам любую помощь.

— Этого требует ИМ?

— Совершенно верно. Что будем делать теперь?

— Пойдем пешком. Никаких машин. У военных есть приборы для обнаружения движущегося транспорта. А мы успеем добраться до электростанции затемно?

— Вполне,— ответил Стирнер.— Разумеется, вы вправе не посвящать нас в свой замысел, но если бы мы имели о нем некоторое представление, то смогли бы, наверное, чем-нибудь помочь.

Очевидно, от усталости и побоев у меня плохо работала голова. Я забыл рассказать своим добровольным помощникам о том, как намерен воспользоваться их услугами, а ведь это невежливо.

— Прошу прощения, я злоупотребляю вашим гостеприимством. Дело вот в чем. С тех пор, как ваши предки подверглись гонениям за веру и бежали сюда, человечество маленько поумнело. Или повзросло. Или стало культурнее. Есть, конечно, и исключения, подобные головорезам, которые напали на вашу славную планету. Но почти везде люди живут в мире. Они создали Космическую Лигу, которая следит за очагами напряженности, налаживает связи с заново открытыми планетами и тому подобное. Представители этой Лиги снабдили меня устройством для связи. По причинам, слишком сложным, чтобы их объяснять, это устройство замаскировано под птицу. Я спрятал его на электростанции.

Стирнер нахмурился.

— Если Лига намерена прибегнуть к насилию, мы вынуждены отказаться от ее помощи.

— Не беспокойтесь, Лига против любого насилия.

— В таком случае, нет проблем. Что от нас требуется?

— Проводите меня до электростанции, только и всего. Остальное я сделаю сам. Пойдем вдвоем — вы, я и добрый доктор Лум. Нам понадобится еда и питье в дорогу.

— Ты забыл обо мне,— сказал Мортон.

— Нет, не забыл. Ты вырвался из армии, вот и держись

от нее подальше. Я обойдусь своими силами. Надеюсь, никто не готовит мне теплую встречу. Оставайся здесь, побеседуй с Шарлой; думаю, это не потребует от тебя особых усилий. Постарайся узнать побольше. Завтра ночью я вернусь.

— Я охотно расскажу вам об индивидуальном мютюэлизме,— сказала Шарла медовым голосом.

Мортон расплылся в улыбке и даже не заметил, как мы ушли. Несмотря на седину, Стирнер годился в марафонцы. Доктор Лум был ему под стать. А мне (благодаря стимулятору) казалось, что если я сильно замашу руками, то оторвусь от земли и полечу.

Мы шагали по грунтовой дороге, потом по лугу, где темные животные уступали нам дорогу. Через несколько часов огни города остались далеко позади, а впереди выросли черные горы, упирающиеся вершинами в безлунное звездное небо. Стирнер предложил передохнуть, и мы уселись на траву под деревом.

— Здесь мы оставим припасы, так что советую поесть,— сказал он.

— Мы уже близко?

— Да, неподалеку отсюда вход в дренажный туннель. В это время года там нет воды. Туннель выведет нас на берег реки возле электростанции.

— Замечательно. Сколько часов до рассвета?

— Минимум четыре.

— Прекрасно. Отдохнем немного, а потом доктор сделает мне укол-другой, и пойдем дальше.

— Но вам станет плохо после того, как прекратится действие стимуляторов,— сказал Лум с тревогой в голосе.

— Это пустяки по сравнению с тем, что может произойти, если мне не удастся выкрасть птицу.

Мы наелись и напились, затем доктор спрятал в ветвях дерева наши припасы, сделал мне укол, и мы пошли дальше. Я был полон сил и боролся с желанием насвистывать и бежать вприпрыжку. Вскоре мы оказались у входа в туннель.

— А там не могло спрятаться какое-нибудь опасное животное?

— Маловероятно,— ответил Стирнер.— Совсем недавно кончился дождливый сезон.

— К тому же,— добавил Лум,— на этом континенте нет опасных животных.

— Кроме тех, с которыми я сюда прилетел.

Мы вошли в темноту, ступая по невидимым лужам, касаясь пальцами осклизлых стен туннеля. Пока мы пробирались по нему, наши глаза настолько привыкли к темноте, что пятно звездного неба в конце показалось нам светло-серым.

— А теперь — молчок,— прошептал я.— Я скоро вернусь.

Осторожно высунув голову из туннеля, я увидел внизу реку. Бесшумно вскарабкался на обрыв и осторожно раздвинул траву. Метрах в двадцати, у входа в здание, стояла командирская машина. Я тенью метнулся к ней и забрался на

заднее сиденье. Ящик со спиртным был на месте. Прекрасно! Я вытащил фляги и поднял второе дно.

Пусто!

В этот миг за моей спиной распахнулась дверь. Я обернулся. В глаза ударил свет.

На пороге стоял сержант Блох с птицей в руке.

— Не ее ли ищите, капитан?

Я перевел взгляд с птицы на пистолет, нацеленный мне в лоб, и не нашел, что ответить.

— Капитан, вы — беглый преступник. — Сержант улыбался, довольный собой. Я по-прежнему не находил слов. — Сюда прилетела военная полиция, забрала ваше барахло. А когда вертолет улетел, я вспомнил, как вы нянчились со своими фляжками. Я-то думал, что вы бонетесь за свое любимое пойло, а теперь смекнул: что-то тут не так. Когда нам сказали, что вы — инопланетный шпион, я решил порыться в машине и нашел эту птичку с начинкой. Уже собирался доложить кому следует, но тут узнал, что вы сбежали, и подумал: постерегу-ка я птичку, вдруг вы за ней вернетесь. Так оно и вышло. Ну что, пойдем потихоньку? Только ручки держите на виду, а рыпаться не советую.

Выбора у меня не было, но мозги уже зашевелились, оправляясь от потрясения.

— Сержант, я бы хотел получить обратно птицу.

— Уж в чем, в чем, а в этом я не сомневаюсь. Но с какой стати я ее отдам?

— Чтобы предотвратить убийство. С ее помощью я свяжусь с флотом Лиги.

— Плевать мне на убийства, — с его лица исчезла улыбка, а в голосе зазвучала жестокость, которой прежде я за ним не замечал. — Я — солдат, а вы — шпион. Я сдам полиции вас и вашу дерьмовую птицу. Сами понимаете, как это скажется на моей карьере.

— Подумайте о тысячах ни в чем не повинных, безоружных людей! Неужели какая-то карьера вам дороже чистой совести?

— Дороже, клянусь всеми своими потрохами.

Я хотел было высказать все, что о нем думаю, но воздержался. Этим делу не поможешь.

— Сержант, вы берете взятки?

— Нет.

— Я говорю не о мелкой взятке. Предлагаю десять тысяч в кредитках Лиги. Поможете сорвать вторжение — они ваши. Подумайте хорошенько. Кредитки Лиги — твердая валюта.

— А какая гарантия, что я их получу?

— Мое слово.

— Слово шпиона! Что десять тысяч, что десять миллионов — шпионам верить нельзя.

Я уловил быстрое движение за его спиной и услышал смачный удар. Сержант рухнул наземь. Я быстро нагнулся, чтобы завладеть его оружием.

— Куда?! Стой где стоишь.

Я поднял взгляд. Бывший капрал, а ныне рядовой Аспайя держал меня на мушке.

— Так вот почему он торчал здесь всю ночь,— шеря в улыбке кривые зубы, Аспайя убрал пистолет в кобуру и сообщил: — Я беру взятки, но десять тысяч мало. Двадцать.

Я показал на птицу.

— Отпусти меня с этой штукой, и по возвращению домой получишь тридцать тысяч в надежных кредитках Лиги. Даю слово.

— Мой личный номер 32959727. В армии много Аспайя.

Он ушел. Я тоже не стал задерживаться, рассудив, что довольно с меня ночных свиданий. Схватил птицу под мышку и помчался к реке.

— Скорее в туннель! — крикнул я своим спутникам. Силы вдруг покинули меня, уколы больше не действовали.— Бежим, пока не поднялся переполох.

Мы скрылись в туннеле и выбрались из него посреди поля. Потом, должно быть, я упал, потому что вдруг обнаружил, что лежу в лесу. День уже наступил.

— Птица! — испуганно воскликнул я, озираясь.

— Здесь,— ответил Стирнер,— вы потеряли сознание, и мы вас несли по очереди. Доктор решил, что вам необходимо отдохнуть, поскольку новая доза стимулятора может отразиться на вашем здоровье. Не волнуйтесь, здесь неподалеку укрытие, и скоро мы туда переберемся.

Схватив в охапку птицу, я недоумевающе покачал головой.

— Непостижимый вы народ. Однако спасибо. Солдаты далеко?

— Мы не слышали погони, но решили дождаться темноты. Здесь мы в безопасности. Если начнут обыскивать лес, перейдем в укрытие.

— Это хорошо. Ночью на электростанции я кое-кого встречал, и теперь нас всюду ищут. Как бы там ни было, доведем дело до конца.

Я со стоном уселся, и доктор приблизился со шприцем в руке.

— Это обезболивающее,— пояснил он.— Возбуждающие средства пока противопоказаны.

— Доктор, вы — гений.

Черная птица, свесив голову, покоилась в моих руках. От нее пахло ракетным топливом. Я дважды нажал на клюв. Птица открыла глаза.

— Говорит капитан Варод,— произнесла она и опрокинулась кверху лапками.— В зобу птицы есть панель управления. Открой ее.

— Сколько световых лет до него, а все командует,— проворчал я, ощупывая грудку птицы. Стирнер и врач следили за мной, тараща глаза. Я нашел кнопочку, нажал, и откинулась покрытая перьями дверца, за которой поблескивала панель управления. Видимо, эта кнопка снова включила птицу, так как из нее посыпались новые указания.

— Установи на шкалах координаты светила и координаты планеты. Обозначения должны соответствовать действующему в настоящее время галактическому коду.

Я заскрежетал зубами.

— Откуда я их возьму?

— Если это невозможно, поставь на предел регулятор мощности передачи и нажми кнопку включения.

Я сделал, как сказала птица, и отступил на шаг. Птица задрожала и заверещала. Из широко раскрытого клюва появилась тонкая антенна. Когда она выдвинулась на два фута, у птицы загорелись глаза. Антенна загудела, затем птичий глаз потухли. Антенна медленно втянулась в клюв.

— Очень интересно, — заметил доктор Лум. — Вы можете что-нибудь объяснить?

— Нет. Наверное, эта дурацкая птица может.

— Объясняю, — каркнула птица. — Поскольку на панели не установлены координаты этой планеты, я не могу вести передачу на ССВ. Для ССВ-связи необходимо точно направить луч. Поэтому пришлось отправить сигнал на обычных радиоволнах. Как только радиостанции Лиги получают сигнал, будет установлено направление на источник, и начнется передача на ССВ.

— Если к тому времени тебя никто не раздавит! — заорал я и поднял ногу. Но доктор удержал меня. Птица еще не договорила.

— Я выключаюсь — необходимо беречь энергию. Ты должен находиться рядом с радиостанцией, чтобы не пропустить вызов на ССВ.

— Находиться рядом! — закричал я. — Хорошо, я попрошу, чтобы ее положили ко мне в гроб! — Поймав укоризненные взгляды Стирнера и Лума, я утихомирился. — Простите, я погорячился. На то есть основания.

— Слишком большое расстояние, да? — спросил Стирнер.

— Да, — буркнул я, вспомнив, что он инженер. — ССВ — это сверхсветовые волны, межзвездное расстояние для них — пустяк. Но обычные радиоволны движутся со скоростью света. Далеко отсюда до ближайшей звезды?

— Три целых две десятых светового года.

— Замечательно! Один шанс на миллион, что неподалеку от звезды окажется станция Лиги, но даже в этом случае пройдет три года. А может пройти и десять лет, и двадцать, и пятьсот. До той поры даже косточки наши сгниют.

— Вам себя не в чем винить, — сказал врач. — Вы сделали все, что могли.

— Ну конечно, доктор. Я всегда играю до конца, поскольку не люблю проигрывать.

— Я вас очень уважаю — у вас огромное самообладание.

— Не самообладание это, а всего лишь поза. Вы не забыли на дереве флагу с водой?

— Не забыл, держите.

Я уселся под деревом, глотнул воды и отпихнул умолкнувшую птицу. И задумался. Потом вздохнул.

— Выход, конечно, есть. Но далеко не простой. Придется мне проникать в один из кораблей. Заберусь в радиорубку и определю координаты.

— Наверное, это очень опасно,— сказал Стирнер.

Я глухо рассмеялся.

— Не просто опасно — самоубийственно...— Издалека до меня окрик, и я умолк.

— Ищут вас,— сказал Стирнер, помогая мне встать.— Надо уходить.

Доктор подхватил меня с другой стороны — и очень своевременно, иначе бы я свалился. К счастью, идти было недалеко — до опушки леса. Прячась за деревьями, мы разглядывали мирный сельский пейзаж. Поле пересекал ряд опор высоковольтной линии, между ними провисали тяжелые провода. Линия обрывалась неподалеку от нас.

— Здесь провода уходят под землю,— пояснил Стирнер, показывая на массивное бетонное сооружение.

— Чего и нам желаю,— я показал на цепь солдат.

— Не волнуйтесь, они нас не заметят. Бежим.

Мы выбежали из леса и распластались на бетонной стене рядом с красной металлической дверью, украшенной черепами и скрещенными костями — предупреждением о мгновенной смерти. Все это не испугало Стирнера, быстро набравшего на замке нужный код. Тяжелая дверь распахнулась, мы торпливо вошли и закрыли ее за собой.

— А вдруг они захотят сюда заглянуть? — спросил я, оглядывая ярко освещенную комнату. Впрочем, смотреть было не на что, кроме толстого кабеля, идущего от потолка к полу.

— Не получится. Дверь очень прочна, косяк вмурован в стену. Да и зачем им это?

Думать над этим вопросом я не мог — мне было очень плохо. Я сел, потом лег, потом на секунду закрыл глаза.

И проснулся от мерзкого, как дыхание свинодыкобраза, привкуса во рту.

— Йик...— икнул я.

— Очень рад, что вы поспали,— сказал доктор, тут же вонзая мне в руку иглу.— Отдых — лучшее лекарство. Этот укол окончательно снимет усталость и боль.

— Надолго я вырубился?

— На весь день,— сказал Стирнер.— Уже поздний вечер, солдаты давно ушли. Мы вас собрались уже будить. Воды?

Я высосал полфляги и потянулся. Мне было гораздо лучше. Я встал на ноги и заметил, что не качаюсь.

— Пора идти.

Доктор нахмурился.

— Надо бы подождать, пока укол подействует.

— Спасибо, подействует в дороге. Нас долго не было в городе, и я начинаю волноваться.

Ходьба окончательно меня исцелила. В лесу было тихо и

покойно, и мы могли разговаривать без опаски. Стирнер пружинисто шагал, врач поглядывал на меня и вскоре попросил остановиться, чтобы вложить мне в ладонь диагностический прибор. Отклонений от нормы он не обнаружил, и мы пошли дальше. Погруженный в свои мысли, я даже не заметил, как мы добрались до города. Едва я увидел впереди здания, ко мне вернулись все дурные предчувствия. Еще затемно мы тихо пробрались вдоль заборов к коттеджу, где нас ждал Мортон.

— Ты принес птицу! — обрадовался он.

Я кивнул, бросил ее на кушетку и рухнул рядом.

— Да, но толку от этого мало. Дело в том, что прибытие помощи откладывается на неопределенный срок. Придется вызывать ее по обычному радио.

— Да, действительно, это очень плохо, — сразу приуныл Мортон. — А тут, пока вас не было, стали брать заложников. Зеннор выступил по телевидению — сказал, что будет их расстреливать по одному, пока горожане не вернутся к работе. Первого обещал расстрелять на рассвете, затем через каждые десять минут... — у него задрожал голос. — Когда солдаты подошли к дому, Шарла и хозяева вышли к ним навстречу. Сдались, чтобы спасти меня. Теперь они — заложники и ждут смерти!

— Этого не может быть! — сказал доктор, хоть и ошарашенный, но не теряющий самообладания. — Человеческие существа просто не способны на такое!

— Заблуждаетесь! — воскликнул я, нервно расхаживая по комнате. — Может, человеческие существа и не способны на такое, зато звери, вроде Зеннора... Впрочем, виноват, Зеннор хуже любого зверя. Но я уверен, что все кончится благополучно. Ваши люди, наверное, уже взялись за дело. Правда, Стирнер?

— Нет. Если вы постигли основные идеи индивидуального мютюэлизма, то должны понимать, что каждый человек — это отдельная и цельная сущность, отвечающая только за себя. Что бы с ней ни делал Зеннор, к другим это отношения не имеет.

— Вот и Зеннор так считает.

— В таком случае, он ошибается.

Я взвыл и вырвал из чуба клочок волос. Что за чертовщина?

— Посмотрим на это под другим углом. Если вы не спасете заложников, то их смерть будет на вашей совести.

— Зато, поддавшись на провокацию Зеннора, я тем самым покажу, что мои действия зависят от его воли, и тогда — конец индивидуальному мютюэлизму. Нет, мы выбираем пассивное сопротивление. Никто не сможет запугать нас или подчинить себе...

— Но сможет убить.

— Да, — мрачно кивнул он. — Если Зеннор будет стоять на своем, некоторые из нас погибнут. Но смерть — это тоже самозащита. Можно ли заставить человека работать, убив его?

— Я понял идею, но не скажу, что она мне по душе, —

надо найти менее болезненный выход. Чего от вас требует Зеннор?

— Слишком многого, — ответил Мортон. — Сначала он хотел, чтобы мы возобновили снабжение электроэнергией здания, занятого военными. Потом ему понадобились регулярные поставки продовольствия. За это он обещал отпустить заложников.

— Это невыносимо, — вздохнул доктор Лум. — Ничего они не получают, поскольку ничего не хотят дать взамен за электроэнергию. То же касается и продовольствия. Рынки пусты, так как фермеры перестали возить в город продукты.

— Но чем же тогда питаются горожане? — удивился я.

— Сами ходят на фермы. Город опустел почти на треть.

— Как опустел? Куда девались жители?

— Куда пожелали, — он улыбнулся, глядя на мою изумленную физиономию. — Я вижу, вы совершенно не представляете, как действует наша экономика. Попробую объяснить это на простейшем примере. Возьмем фермера. Он производит сельскохозяйственную продукцию, обеспечивая себя всем необходимым.

— Так уж и всем? — усомнился я. — А если ему потребуются новые башмаки?

— Он пойдет к башмачнику и выменяет обувь на еду.

— Бартер! — воскликнул Мортон. — Самая примитивная экономическая система. Но для современного технологического общества она не приемлема. — Он запнулся, обводя взглядом комнату. Стирнер снова улыбнулся.

— Разумеется, неприемлема. Но индивидуальный мютюэлизм не сводится к бартеру. Индивидуум добровольно объединяется с другими индивидуумами для производства промышленных изделий, скажем, строительства домов. За каждый час работы он получает вирр.

— Что получает?

— Трудочас. За вирр он может получить определенные товары и услуги.

— Короче говоря, вирры — это деньги, — заключил Мортон. — А деньги — это капитализм. Значит, ваше общество — капиталистическое.

— Боюсь, что нет. Индивидуальный мютюэлизм — это не капитализм, не коммунизм, не социализм, не вегетарианизм и даже не жуткий монетаризм, погубивший множество технологических цивилизаций. Я знаком с этими терминами по трудам Марка Четвертого. Физически вирр не существует, в отличие от редких металлов или морских раковин. Его нельзя вложить в дело, и с него нельзя получить прибыль. В этом — главное отличие вирра от валюты. Поэтому у нас нет банков — в них нечего вкладывать.

В голове у меня все перепуталось.

— Минуточку, минуточку. Я видел на улице автомобили. На какие средства они приобретены?

— Денег не нужно, — мягко ответил Стирнер. — Если вам

понадобится автомобиль, идите к тем, кто их производит. Пока будете пользоваться — будете платить, вернее, перестанете платить. Главный принцип индивидуального мютюэлизма: каждому — по потребности, от каждого — по способностям для общего блага.

— Нельзя ли пояснить? — Я налил себе вина и залпом осушил бокал, надеясь, что спиртное прочистит мозги.

— С удовольствием. Когда-то я читал — и дрожал от негодования! — о философии под названием «трудовая этика». Дескать, индивидуум обязан трудиться в поте лица, чтобы добывать элементарные средства к существованию. По мере совершенствования технологий все больше людей вытесняется из производства машинами. Удел безработных — быть брошенными на произвол судьбы, голодать и подвергаться гонениям, как преступники. Зато обладатели капитала, если они его будут увеличивать, как утверждала эта лицемерная доктрина, не обязаны трудиться. Достаточно, если они будут увеличивать капиталы и присматривать за нищими. Ужасно? Ужасно. Иное дело — мютюэлизм. Чем больше всего производится — тем богаче общество, тем выше стоимость вирра.

До меня начало доходить.

— Еще один вопрос. Если стоимость вирра растет, то за ту же зарплату индивидуум может работать меньше?

— Именно так.

— Значит, сорокачетырехчасовая рабочая неделя становится не нужна. Сколько часов индивидуум должен работать, чтобы не помереть с голоду?

— Два часа в неделю обеспечат ему скромный кров, еду и одежду.

— Я хочу здесь поселиться, — тихо сказал Мортон.

Я понимающе кивнул — и замер, чтобы не сплугнуть заскочившую в голову идею. Цап! Я ухватил ее за хвост. Неплохо. Стоит попробовать. Но попозже, сначала надо позаботиться о заложниках.

— Скоро рассвет. Мне очень понравилась ваша лекция, Стирнер, большое спасибо. Теперь я знаю об индивидуальном мютюэлизме немного больше, чем прежде. Во всяком случае, достаточно, чтобы сформулировать вопрос: как вы поступаете в чрезвычайных обстоятельствах? В случае наводнения, например, или прорыва плотины? Иными словами — в случае катастрофы, угрожающей не индивидууму, а коллективу.

Доктор шагнул вперед и поднял указательный палец.

— Хороший вопрос! Великолепный вопрос! — Он взял с полки толстый том. — Ответ на него — здесь. Марк Четвертый учел эту ситуацию. Вот что он пишет: «...Пассивное сопротивление — ваше единственное оружие. Но ни в коем случае не насилие. Но пока вы создаете самое ненасильственное государство, индивидуумы, считающие насилие нормой, будут применять его по отношению к вам. Запомните: мертвые не принесут пользы обществу, исповедующему индивидуальный мютюэлизм. Пока не пришел день полного освобождения, вы

должны сосуществовать с другими. Вы можете покинуть их, но они могут пойти за вами и навязать вам свое присутствие. В этом случае вы и вам подобные должны относиться к исходящему от них насилию, как к стихийному бедствию, например, извержению вулкана или урагану. Интеллигентный человек не станет обсуждать с раскаленной лавой вопросы этики, а отойдет подальше; не будет читать мораль ветру, а найдет укрытие от него».

Захлопнув книгу, доктор Лум снова торжественно поднял палец.

— Мы спасены! Марк Четвертый предвидел наше несчастье и оставил необходимые наставления!

— Действительно, — с энтузиазмом подхватил Стирнер. — Пойду, передам всем остальным.

Он выскочил за дверь. Я только рот раскрыл, проводив его взглядом. То, что вертелось у меня на языке, высказал Мортон:

— Что-то не пойму, к чему клонит этот ваш Марк Четвертый?

— Марк Четвертый — сама ясность, — назидательно ответил доктор Лум. — И мудрость! Не подчинившись Зеннору, мы обречем себя на смерть. Поэтому мы подчинимся — и уйдем.

— Теперь я ничего не понял, — сказал я.

— Мы пустим ток и откроем рынки. Захватчики получают продукты, а некоторые фермеры зарабатывают полноценные вирусы, ведь они будут спасать народ от стихийного бедствия. Зато другие не будут работать, и поставки продовольствия для нужд города прекратятся. По мере уменьшения запасов провизии ускорится отток населения. Исчезнет нужда в электричестве, с электростанции уйдет обслуживающий персонал. Скоро в городе останутся только солдаты.

— Похоже, вы верите в то, о чем говорите. Видимо, я недооценивал вашу приверженность. Позвольте еще один вопрос. Теоретический.

— Теоретические вопросы — самые лучшие вопросы!

— Вы правы. Допустим, я прихожу в далекий город и прошу работу. Мне не откажут?

— Разумеется, нет! Это же основной принцип индивидуального мютюэлизма.

— А вдруг там просто не найдется работы?

— Такого быть не может. Вспомните, мы говорили о растущей покупательской способности вирра. Теоретически, чем она выше, тем меньше часов уходит на отработку элементарных благ. Придет время, когда нескольких секунд в неделю будет достаточно...

— Спасибо, понял. Еще один-единственный вопросик. Если какой-нибудь солдат вдруг уйдет...

— Он имеет на это полное право!

— Да, но его начальство придерживается иного мнения. Но, допустим, он пришел в далекий город, нашел работу, встретил девушку и все такое... Это возможно?

— Возможно? Еще бы! На том и стоит индивидуальный мютюэлизм.

— Я так и думал, что ты так подумаешь! — Мортон вскочил и восторженно хлопнул меня по спине.

— Вычеркнем офицеров и унтер-карьеристов. Все остальные — кто? Мобилизованные. Многие из них уклонялись от призыва. Если дать им возможность разбрестись, Зеннор скоро останется без армии.

Тут распахнулась входная дверь, и я нырнул под стол. Но это вернулся ликующий Стирнер, а за ним — отпущенные заложники. Мортон бросился к Шарле и схватил ее за руку, а я не удержался от похвалы:

— Отличная работа, Стирнер.

— Я воспользовался телеvisoфоном, что стоит на той стороне улицы. Оплатил канал всеобщего оповещения и рассказал о нашем открытии. В тот же миг возобновились подача электроэнергии, а затем Зеннор получил первую партию продовольствия. Он выполнил обещание и отпустил заложников.

— Должно быть, он празднует победу. А знаете, что мы придумали в ваше отсутствие? Способ разгромить его в пух и прах. Даже в том случае, если не придет флот Лиги.

— Я воодушевлен, но не улавливаю суть.

— Все объясню, только давайте сначала выпьем за победу.

Эта идея пришлась по душе всем. Осушив бокалы, мы с Мртоном не без интереса выслушали песню о том, как индивидуальный мютюэлизм избавляет человечество «от ига угнетения». Стихи были настолько же отвратительные, насколько хороша теория, хотя я и не мог не оценить героических усилий автора найти рифму к «индивидуальному мютюэлизму». Впрочем, времени я зря не терял, приводя в порядок мысли. Поэтому, когда песня закончилась и певцы потянулись за бокалами, чтобы промочить горло, я взял слово.

— Люди добрые, я считаю своим долгом рассказать вам о толпе головорезов в мундирах, захвативших вашу прекрасную планету. Такая толпа, да будет вам известно, называется армией. Армия произошла на заре развития человечества, когда физическая сила была средством выживания. Ген воинственности оказался стойким. Дикари, защищавшие свои семьи от врагов, передавали этот ген детям. Впоследствии он вызвал великое множество бед, и вы сами имеете шанс в этом убедиться. Истребив опасных животных, люди стали уничтожать друг друга. Должен со стыдом признаться, что мы, люди, — единственная форма жизни, уничтожающая себя подобно организованно и методично. Последнее достижение гена воинственности — армия. Наверху стоят старики, так называемые офицеры. Они практически ничего не делают, только командуют. На дне — солдаты, выполняющие приказы, между солдатами и офицерами — прослойка унтер-офицеров, отвечающих за выполнение приказов. Нам с вами особо интересен тот факт, что солдаты мобилизованы, и многие из них всячески пытались увильнуть от мобилизации.

Мне пришлось объяснить, что такое мобилизация. Когда улеглось возмущение, я предложил:

— Меня радует ваша реакция. Как вы считаете, среди вас найдутся желающие помогать несчастным молодым людям, не получая за это никаких вирров?

— Это наш долг, — ответил доктор, и остальные дружно кивнули. — Все равно, что спасти утопающего.

— Вот и замечательно. Давайте разучим еще одно словечко...

— Можно, я угадаю? — спросил Мортон.

Я кивнул.

— Дезертирство?

— Правильно!

Вскоре энтузиазм угас. Стирнер предложил дать нам выпастись, а там продолжить собрание. Меня отвели в небольшую комнату, где над мягкой постелью висел портрет Марка Четвертого. Глотнув напоследок винца, я отключился. Вечером я собрал воедино рудименты своего плана и сказал команде:

— Сначала попробуем сами. Если получится, научим остальных. Сегодня же я пойду в одну из харчевен, или как они здесь называются... подсяду к какому-нибудь солдату и заведу с ним дружескую беседу. Вы, Стирнер, будете сидеть за свободным столиком или неподалеку от свободного столика. Я пересажу солдата поближе к вам, чтобы вы могли слышать наш разговор. Шарла тоже будет с вами — она сыграет роль вашей дочери.

— А мне что делать? — спросил Мортон. — Ты говорил, что на этот раз я понадобится.

— А как же! Тебе поручается важная работа — записывать на пленку нашу беседу. Магнитофон не показывай, микрофон держи поближе к говорящим. Сможешь?

— Смогу!

Дождавшись темноты, мы вышли на улицу. Впереди шли добровольцы из незнакомых нам горожан, проверяя, нет ли на пути застав или патрулей. Как только таковые обнаруживались, нам давали знать, и мы поспешно сворачивали. Прогулка оказалась довольно приятной, хотя нам и пришлось попетлять. Был ранний вечер, но, тем не менее, вывески над дверьми больших увеселительных заведений не горели. Стирнер вел нас в «Толстый фермер» — свою излюбленную харчевню. Там сидело несколько человек, но среди них — ни одного военного.

— Ты говорил, что солдатам даны увольнительные и что они наведываются сюда. Что-то я их не вижу.

— Видимо, они перестали сюда заходить, потому что их не обслуживают.

— А почему их не обслуживают?

— Потому, что они не платят.

— Похоже на правду. Но раз они захватчики, почему бы не потребовать, чтобы их обслужили?

— Стоит им потребовать, как все расходятся, а харчевня закрывается.

— Ясно. Ладно, все по местам. Пойду погляжу, нет ли кого на улице.

Стоя на тротуаре с незажженной сигарой в руке, я чувствовал себя едва ли не сутенером. К счастью, никто из прохожих не обращал на меня внимания. Вскоре в поле моего зрения попали две невоенные фигуры в военной форме. Руки в карманах, кепи под неуставным углом — стыд и позор! Они подошли к «Толстому фермеру» и с тоской уставились в окно. Я приблизился к ним с сигарой в руке.

— Ребята, огоньку не найдется?

Оба подпрыгнули, как ужаленные, и разом повернулись ко мне.

— Ты говоришь по-нашему? — воскликнул один из них.

— Да. Я горжусь своими лингвистическими способностями. Если помните, я спрашивал насчет огоньку.

— Я не курю.

— И правильно делаете, табак — яд. Но, может быть, у кого-нибудь из вас найдется зажигалка?

Солдаты отрицательно покачали головами, мрачно глядя на меня. Я поднял палец с таким видом, будто меня осенила спасительная идея.

— Вот что мы сделаем: зайдем в это милое заведение, и я попрошу у кого-нибудь прикурить. А потом мы с вами потолкуем за кружкой пива, и я попрактикуюсь в вашем языке. Не возражаете?

— Не выйдет. Как только мы закажем пива, харчевня закроется, и все разойдутся.

— Это потому, что у вас нет вирров, местных денег, нашего всеобщего эквивалента. Зато у меня вирров куры не клюют. Идем, я угощаю.

Солдаты живо исчезли за дверью. Когда я вошел, они уже приплясывали от нетерпения возле стойки.

— Три кружки пива, — заказал я, бросая пластмассовый вирр-диск Стирнера в прорезь на поверхности стойки. — Большие.

Пока робот-бармен, сверкающий хромом и медью, с крышечками от бутылок вместо глаз, нес пиво, я получил обратно диск, служивший кредитной карточкой.

— Выпьем за армию, ребята! — торжественно сказал я, поднимая кружку. — Надеюсь, вы довольны карьерой, которую выбрали?

— Выбрали? Как бы не так — нас мобилизовали! Насильно заташили в армию. Мы прятались, ловчили, да все без толку, — заныли они, осушив кружки. — Что в ней хорошего, в армии? Муштра, издевательство, вонючие начальники... Такую профессию разве выбирают добровольно?

— Разумеется, нет! Но кормят-то вас, надеюсь, сносно?

Я с наслаждением выслушал вопли возмущения и проклятия в адрес самоприготавливающейся колбасы и заказал еще

пива. Когда солдаты утопили носы в пене, я предложил:

— Я знаю, у вас только что был обед, но уж очень уютно смотрятся три свободных стула за столиком, где сидят пожилой джентльмен и милая птичка. Надеюсь, друзья, вы позволите угостить вас добрым бифштексом?

Ответом был частый топот сапог. Перед нами поставили тарелки, и мы мигом подчистили их, стараясь не чавкать, — с нами, как-никак, юная дама. Высосав по кружке пива, солдаты стали откровенно пялиться на Шарлу. Пора было переходить ко второму этапу.

— Но если в армии не очень хорошо кормят, — сказал я, — то это, должно быть, компенсируется заботливым отношением сержантов к нижним чинам?

Сочувственно кивая и внутренне ухмыляясь, я выслушал поток жалоб на командиров, уборные, кухню и прочие прелести, столь любезные сердцу служивого человека. Затем я мигнул Стирнеру и откинулся на спинку стула.

— Простите, молодые люди с далекой планеты, что я вмешиваюсь, но мы с моей дочерью Шарлой поневоле слышали ваши слова. Неужели возможно, чтобы человека против его желания заставляли служить в армии?

— Еще как возможно, папаша. Привет, Шарла. Ты когда-нибудь ходишь гулять с кем-нибудь, кроме отца?

— Да, и очень часто. Я просто обожаю красивых молодых людей. Таких, как вы.

Мы утонули в прозрачных озерах ее глаз и, побултыхавшись, вынырнули, чуть живые от любви. Стирнер что-то говорил солдатам, но они не слышали. Мне пришлось поставить перед ними большие кружки пива, чтобы заслонить Шарлу от восторженных глаз моих приятелей.

— Я искренне сочувствую вам, молодые люди. На нашей планете такое просто невообразимо. Подобное насилие противоречит нашим законам, которые утверждают, что никаких законов быть не должно. Но почему вы позволяете, чтобы с вами так обращались?

— Нету выбора, папаша. Нас держат за колючей проволокой, с нас глаз не спускают днем и ночью; кто бежит, в того стреляют, а кого ловят — ставят к стенке. Да и бежать некуда и спрятаться негде.

Он тяжело вздохнул. По щеке его друга сбежала слеза.

— Н-да, — произнес Стирнер. — У нас такое невозможно. Тут нет колючей проволоки, и никто не стал бы за вами следить и уж тем более расстреливать. В нашей огромной стране любой готов помочь человеку, попавшему в беду.

Солдаты подались вперед, напрягая затуманенные пивом мозги. «Ч-черт...» — пробормотал один из них. Шарла ангельски улыбнулась.

— Я не понимаю этого слова, молодой человек, но чувствую, что оно выражает недоверие. Можете не сомневаться, мой отец говорит правду. Вот, смотрите. Это железнодорожные билеты до городка, где мы живем — маленького идилличе-

ского городка фермеров. Ехать туда на скоростном поезде один день. Видите, машина ошиблась и вместо двух билетов выдала четыре? Надо бы их вернуть, но, если хотите, можете взять их в качестве сувениров.

Два билета молниеносно исчезли.

— На перрон можно подняться по боковой лестнице, ее не охраняют,— невинно добавила Шарла.

— Надо спешить, а то не успеем к отходу поезда,— Стирнер встал и поднял с пола сверток.— У меня есть два сына, молодцы примерно вашего роста и сложения. Я везу им новую одежду.— Сделав шаг к выходу, он обернулся.— Если нужно, я могу одолжить вам эту одежду.

Солдаты ринулись за ним к двери. Шарла проводила их томным взглядом.

— Ты хорошо знаешь тот городишко? — спросил я.— Сможешь объяснить ребятам, как найти друзей?

— Ни разу там не была, нашла это место на карте. Не волнуйся, они получат помощь и убежище. Я провожу их и через два дня вернусь. А вот и они. Смотри, какие красавчики! Разве им не к лицу гражданская одежда?

«Уроды!» — ревниво подумал я, сожалея, что не могу поехать вместе с ними. Я подошел к столику, за которым, страдальчески глядя в спину уходящей Шарле, сидел Мортон. Мне пришлось дважды толкнуть его в спину, чтобы привлечь к себе внимание.

— Не волнуйся, она вернется. Ты все записал?

— Каждое слово. Нельзя ли еще пивка? Я только одну кружку выпил — меня Шарла угостила перед тем, как ты вошел. Ты, я видел, еще и бифштекс зака...

— Какое еще пиво на посту, солдат?

К нам подошел Стирнер с корзиной в руке.

— Здесь их мундиры.

— Отлично. Нам они понадобятся для съемок. А теперь — в студию видеозаписи.

В здании, где находилась студия, нас уже ждали. Я протянул одному из техников кассету со звукозаписью.

— Нужно несколько сот копий.

— Сделаем за час,— кассету выдернули из моей руки. Я повернулся к переполненным энтузиазмом работникам студии.

— Директор?

Вперед вышел статный рыжеволосый человек.

— К вашим услугам. Юпитеры, колонки, камеры — все готово.

— Замечательно. Как только мой помощник наденет мундир, начинайте съемку. Где здесь можно переодеться?

Вытащив мундир из корзины, Мортон держал его двумя пальцами, как дохлую крысу.

— Даже смотреть на него противно,— сказал он.— Как представляю на себе эту гадость...

— Мортон, заткнись,— перебил я,— ты теперь актер, будешь сниматься в роли солдата. Потом снимешь форму уже

навсегда. Можешь сжечь ее, если хочешь.

Он неохотно сел и сунул ноги в штаны. Что-то выпало из кармана и звякнуло об пол. Личный номер рядового Пайка 0765. Пока я подбрасывал диск на ладони, в мозгу зашевелилась мысль... Но меня отвлек вопль отчаяния:

— Не надо! Когда у тебя вот так блестят глаза, это означает, что нам предстоит лезть тигру в пасть. Чур, на этот раз — без меня!

Я похлопал его по плечу, поправил галстук.

— Успокойся. Ты прав, у меня родилась отличная идея. Но ты на сей раз не понадобисься. Пошли сниматься, а потом я расскажу, что придумал.

Я поставил Мортон на фоне стены. Он выглядел так, будто ждал расстрела, но искать более подходящую декорацию не было времени.

— Снимайте его в полный рост, — сказал я директору. — Дайте мне микрофон. Когда будете готовы, скажите.

Мортон заморгал, приколотый к стене лучами. Мне в ладонь сунули микрофон.

— Тишина. Звук. Камера. Съемка!

— Приветствую вас, леди и джентльмены Чоджеки. Перед вами — типичный солдат армии захватчиков с инопланетного острова Невенкебла. Вместе с видеокассетой вы получите аудиокассету с интервью, взятым нами у других солдат. Вы не раз содрогнетесь от ужаса, слушая их жалобы на подневольную службу, а потом — я обещаю! — не удержите слез облегчения, когда они решат сбросить мундиры и удалиться под сень деревьев и сияющее солнце индивидуального мю-тюзлизма.

Я шпарил, как по-писаному — даже Стирнер захлопал в ладоши, не говоря уже о техниках. Мортон сцепил руки над головой и поклонился.

— Тихо! — выкрикнул я, и мигом наступила тишина. Я вышел перед камерой и показал на Мортон: — Вот таким солдатам надо давать пристанище, леди и джентльмены. Но при этом не забывайте убедиться, что на рукавах у них нет знаков различия. Людей с шевронами необходимо остерегаться, ибо они — порабощенные дьяволы во плоти! Так же не разговаривайте с людьми, носящими на плечах металлические украшения. Эти люди — так называемые офицеры, они очень глупы и потому опасны. Надо обходить их стороной, как и индивидуумов в красных кепи и с буквами В и П на рукаве. Теперь вы знаете, кого надо опасаться, а к кому можно подходить смело. Увидев бедолагу в форме рядового, улыбнитесь ему и шепните: «Ты любишь свежий воздух?» Если он улыбнется и ответит утвердительно, значит, он наш. Действуйте, и да поможет вам Марк Четвертый!

— Готово, — сказал оператор.

Едва погасли юпитеры, Мортон стащил с себя форму.

— А что за мура насчет свежего воздуха? — спросил он у меня.

— Никакая не мура, дружище,— ответил я, вытаскивая из кармана его куртки увольнительную.— Я собираюсь оповестить солдат, что завтра, выйдя за ворота, они могут не возвращаться.

— Так и знал, что ты затеваешь самоубийство,— пробормотал Мортон.— Ведь для того, чтобы оповестить солдат, надо проникнуть в лагерь.

— Совершенно верно,— кивнул я.

— Это самоубийство,— с дрожью в голосе произнес Мортон.

— Напротив, очень разумный ход. Этой свинье Зеннору и в голову не придет искать меня среди солдат. У меня есть увольнительная на сегодня. Я приду в лагерь пораньше, под тем предлогом, что в городе солдату делать нечего. Побываю в уборной, в пивной для нижних чинов — везде, где собираются рядовые,— и потолкую с ребятами. И еще кое-что сделаю, о чем тебе пока знать ни к чему. Ты за меня не волнуйся.

«Я сам за себя волнуюсь»,— мысленно добавил я. В армии меня ждала масса ловушек, и все они были смертельно опасны.

— Но как ты оттуда выберешься? — казалось, голос Мортон доносился издали, с трудом пробиваясь через черную завесу моих дурных предчувствий.

— Ну, это меня меньше всего беспокоит,— честно ответил я и повернулся к Стирнеру, который спокойно слушал наш разговор.— Помните, что делать с кассетами?

— Мы в точности выполним ваши инструкции. Добровольцы ждут не дождутся, когда им дадут кассеты, чтобы раздать их другим добровольцам, а те тоже сделают все, что от них требуется.

— Прекрасно. Но с раздачей кассет надо потерпеть хотя бы до завтрашнего вечера. Нужно, чтобы побольше солдат узнало пароль. Если офицеры сразу заметят неладное, это существенно затруднит нашу работу. Они возьмут под наблюдение или вовсе перекроют железную дорогу. Поэтому надо заранее подготовить другие пути. В общем, позаботьтесь обо всем, пока меня не будет. Назначаю вас ответственным за дезертирство.

— Когда вы рассчитываете вернуться?

— Как получится. Постараюсь не задерживаться.

Больше говорить было не о чем. Нахлобучив на голову кепи, я повернулся к выходу.

— Удачи,— сказал Мортон мне вслед.

— Спасибо.— Да, удача мне не помешает.

Шагая по пустым улочкам, я испытывал острую тоску. А утолить ее было нечем, поскольку вирр-диск я вернул Стирнеру, а деньги на этой планете ничего не стоили. Оставалось брести мимо вывесок, сулящих недоступные для меня удовольствия, и прижиматься носом то к одному, то к другому окну, как делали другие неприкаянные в мундирах. У многих не выдерживали нервы, и, хотя вечер только наступал, они тащились в городской парк, где был разбит лагерь. Я побрел

за ними вслед и вскоре оказался под яркими фонарями возле колючей проволоки, окружающей зеленый парк. Раньше он был излюбленным местом отдыха горожан, а теперь на вытоптанной траве стояли серые армейские палатки. Солдат удобствами не баловали, но офицеры жили в сравнительно комфортабельных сборных бараках. Чтобы приблизиться к воротам, где полицейские проверяли увольнительные у понурых рядовых, мне пришлось собрать в кулак всю свою волю. И хотя рассудок убеждал меня, что никто не ждет в лагере чужого, все животные инстинкты верещали от ужаса. Разумеется, все прошло без сучка и задоринки. Крошечные глазки полицейского вытаращились из-под кустистых бровей на увольнительную, а затем волосатая лапа махнула: проходи, мол. Направляясь к палаткам, я позвенел в карманах мелочью, забытой на радостях прежним владельцем мундира. Этих монеток как раз должно было хватить на кружку разбавленного пива в солдатской пивной. Как говорится, лучше что-то, чем ничего.

Найти пивную было проще простого — из нее доносилась музыка, напоминающая работу камнедробилки. Вскоре я вошел в провисшую палатку, тускло освещенную лампочками, предназначенными, видимо, только для того, чтобы приманивать летающих насекомых. За грязными деревянными столами на скамьях, сколоченных из неструганых досок, сидели рядовые и потягивали дрянное теплое пиво. Я взял кружку и приблизился к одной из компаний.

— Для меня найдется местечко?

— Найдется. В заднице.

— Большое спасибо. Ты всех посылаешь в задницу?

— Какую задницу?

— Совсем как горожане.

Эта реплика вызвала интерес. Здоровяк, с которым я беседовал, сфокусировал на мне мутные глаза. Остальные тоже обернулись и наостригли уши.

— Ты что, из увольнения? А нас завтра отпустят. Ну как там, расскажи.

— Паршиво там. В пивнушках не обслуживают. А хватаешь кружку — закрывают заведение и расходятся по домам.

— Это мы уже слышали. Но тут ничего не поделаешь.

— Ну, почему же? Можно снять форму, уехать куда-нибудь подальше, ну и жить там в свое удовольствие. Вкусно есть, сладко пить, целовать девушек.

Теперь на меня смотрели по-другому. Глазищи — что пшечные жерла; казалось, вот-вот грянет залп. Над столом повисла мертвая тишина.

— Что ты сказал? — наконец шепотом спросил здоровяк.

— Что слышал. Идешь в ресторан, садишься за столик, никого не задираешь. Если тебя спрашивают: «Вы любите свежий воздух?» — отвечаешь: «Да, люблю». И все. Тебе дадут штатскую одежду и билет на поезд. Сядишься в вагон и — ту-ту, на другой конец страны. Туда, где тебя вовек не найдут.

— А не заливаешь?

— А зачем? Да вы и сами можете убедиться. Кто мешает? Что бы с вами ни случилось, хуже, чем в армии, не будет.

Этот железный довод подействовал не только на здоро-
вяка.

— А ты-то почему вернулся?

— Хороший вопрос,— я сунул ему под нос увольнитель-
ную.— Видишь, действительно до полуночи. Я вернулся за
письмами от мамочки. Ну, до встречи в раю, если захочешь
туда попасть.

Я вышел из пивной и направился в сортир, где играла в
орлянку другая компания. Поймав подброшенную кем-то
монету, я воспользовался этим поводом, чтобы завести беседу,
уронил семена на благодатную почву и удалился, не сомне-
ваясь, что «сортирный телеграф» не подведет. Зная эту пуб-
лику, я был уверен, что завтра никто не вернется из увольне-
ния. Любопытно, как это воспримет генерал Зеннор? Прежде
всего, решил я, надо вырасти в чине. Прозябать в рядовых —
нет уж, увольте. Я уже побывал офицером и ни на что другое
не согласен! С этими мыслями я направился прямо в гнез-
дышко этих распрекрасных птичек — офицерский клуб. Найти
его было не труднее, чем пивную, благодаря пьяным, которые
тащились в противоположном направлении. Армия есть
армия: чем выше твой ранг, тем крепче твоя выпивка. Ми-
новав двух майоров, цепляющихся друг за друга, полковника,
блуждающего на живую изгородь, и неподвижно лежащего в ка-
наве капитана, я увидел впереди клуб. И спрятался в кустах,
чтобы понаблюдать за входом. Из клуба то и дело выходили
подгулявшие офицеры. У меня сложилось впечатление, что
командный состав армии завоевателей пьян поголовно. Я сидел
в кустах, поджидая, когда появится настоящая жертва. На-
конец она появилась и, шатаясь, побрела ко мне. Она, моя
жертва, противно орала, ошибочно полагая, что поет. Вскоре
она остановилась под фонарем неподалеку от меня, и я смог
разглядеть ее как следует.

Капитан. Рост, телосложение — почти как у меня. На гру-
ди — уйма фальшивых медалей и прочих побрякушек. Как
раз то, что нужно. Сейчас подойду сзади, возьму за шею,
нажму пальцем куда надо и оттащу бесчувственное тело в
кусты. Плевое дело. Капитан умолк и пошел дальше. Я крался
за ним, как призрак. Наконец подскочил, привычно схватил
за шею, нажал на сонную артерию... и, перелетев через голову,
с треском рухнул на живую изгородь.

— Что? Бунтовать? — прорычал капитан, заметно про-
трезвев и приближаясь ко мне на полусогнутых ногах.

Я с трудом поднялся, сделал обманный выпад левой рукой
и рубанул сверху правой. Он подставил бок и попытался пнуть
меня ногой в живот.

— Захотел убить офицера? Понимаю и не упрекаю. А мне
всегда хотелось прикончить рядового. Вот и случай подвер-
нулся.

Он наступал, а я пятился. «Медальки-то, оказывается, настоящие! — мелькнула мысль. — Подумать только, в армии Зеннора есть настоящие офицеры!»

— Смерть офицерам! — заорал я и выбросил ногу, целясь ему в челюсть. Попасть — не попал, зато по инерции развернулся. Воспользовавшись этим, я бросился бежать. Осторожность, как говорится, не порок. Смелость города берет, но города мне были ни к чему. Мне хотелось жить.

Рыбкой перемахнув через изгородь, я вскочил на ноги и услышал, как капитан с ревом ломится сквозь кусты. Впереди стояли палатки, к ним я и направился. Перепрыгнул через растяжку, проскочил под другой. Топот позади стих, зато раздался громкий вопль и звук падения — капитан споткнулся о растяжку. Отлично, я выиграл несколько ярдов. Стрелой промчавшись между палатками, я выбежал на дорогу и понесся к зданию, откуда доносились музыка и звон бьющего стекла, и вскоре оказался на заднем дворе. Пора перейти на шаг. Капитана, вроде, не видать.

— Эй вы, задницы ленивые! Хватит сачковать. Хватайте пиво и бегом в зал!

Стоявший в дверях толстый повар пялился во тьму. Приглядевшись, я увидел у стены несколько темных фигур. Кухонные рабы зашевелились и медленно, как на казнь, поплелись к штабелю ящиков с пивом. Чтобы уподобиться этим несчастным, достаточно было снять форменную куртку. Скомкав ее и затолкав в щель между ящиками, я схватил один из них и понес к дверям. Работа в кухонном наряде — самая унижительная в армии. Настолько унижительная, что ею запрещено наказывать провинившихся. Поэтому ею охотно наказывают. Это каторжный труд от зари до зари — мыть грязные миски и кружки. На такую работу добровольцев не находится. Здесь меня никто не будет искать. С ящиком в руках я приблизился к повару в грязно-белой куртке с сержантскими нашивками на рукаве. Он осклабился и ткнул в меня огромным черпаком.

— Откуда ты взялся?

— Это ошибка! — захныкал я. — Не знаю, за что на меня сержант взъелся. Отпустите меня, пожалуйста!

— Что?! — зарычал повар. — Я тебя так отпущу, что навсегда здесь останешься! Сдохнешь тут и будешь зарыт под полом. А ну, живо котелки мыть!

Подгоняемый ударами черпака, я поспешил к «котелку». Он оказался высотой с меня и далеко не один. Я трудился в поте лица, пока не решил, что капитан, на которого я напал, наверняка успокоился и отправился спать. Когда я разгибал спину, в пояснице громко хрустнуло. Шея болела, пальцы стал похожи на дохлых слизней. Меня разбирала злость. Нет, такая работа — не для Крысы из нержавеющей стали. Тут я быстро заржавею... Повар-холерик больно треснул меня черпаком по плечу и прорычал в ухо:

— Шевелись, ленивая задница! Не сачковать!

Что-то во мне шелкнуло, и глаза заволокло мутной пе-

лений. С каждым из нас такое случается. Оболочка цивилизованности тонка, из нее норовит вырваться дикий зверь. Мой зверь вырвался. Придя в себя, я обнаружил, что держу повара за шею, окуная его голову в мыльную воду. Изумленный, я разжал пальцы, позволив толстяку растянуться возле котла. Он хрипел, пуская пузыри носом и ртом.

— Очухается,— сказал я обступившим меня солдатам.— Кто-нибудь из поваров это видел?

— Нет. Они в кладовке, пьяные...

— Отлично,— я сорвал со стены и смял список кухонного наряда.— Вы свободны. Расходитесь по палаткам и помалкивайте о том, что видели. Повар, к сожалению, будет жить.

Они торопливо разошлись. Я тоже вышел в каморку, где повара хранили одежду. Там нашлась белая куртка с сержантскими нашивками на рукаве. Как раз то, что мне нужно. Напялив ее, я направился в зал. Вечеринка была в самом разгаре. Гремела музыка, орали офицеры, звенело стекло. Фигуры в мундирах с погонами одна за другой исчезали под столами. Пробираясь в этом пьяном аду, я то и дело наступал на бесчувственные тела. Особо я не осторожничал, памятуя о встрече с боевым капитаном, который со мной не церемонился. Один из них, о кого я споткнулся, привлек мое внимание. Опустившись на колени рядом со сладко посапывающим майором, я вытянул руку вдоль его руки. Длина рукава подходящая. В плечах китель тоже не должен жать...

— В чем дело? — раздался голос сверху, и я понял, что мои действия не остались незамеченными.

— Майору скоро на дежурство. Мне приказано его поднять. Вставайте, майор. Ну, быстренько.

Я с трудом поднял его на ноги. Его друзья, как могли, помогали. У двери я схватил его под руки и выволок в коридор. Затащив майора в кладовку, до потолка заставленную ящиками с крепкими напитками, я запер дверь. Форма подошла мне идеально, даже фуражка сидела на голове, как влитая. Я почувствовал себя новым человеком. Офицером. Глядя в зеленое бутылочное стекло, я завязал галстук. Мне предстояло спасти мир. Не в первый раз и, похоже, не в последний...

Оглянувшись на бутылки, я потянулся за одной из них и шлепнул себя по запястью.

— Нет, Джимми! Не надо! Сегодня ты уже хлебнул пивка, этого достаточно. Тебе понадобится сравнительно трезвая голова, чтобы выполнить задуманное.

А что я задумал? Суший пустяк: проникнуть на какой-нибудь корабль, найти радиорубку и узнать координаты Чоджеки. Легко сказать, но не так легко сделать... Хорошо, что первая задача — найти корабли — была уже выполнена. Еще засветло я увидел три звездолета, залитые светом прожекторов. Веселье в клубе шло на спад, и я решил, что самое время прогуляться к стоянке кораблей. Стоя среди шатающихся офицеров, я стряхнул пыль с петлицы, поправил медали на груди. Целая коллекция! Перевернув самую боль-

шую и блестящую медаль, я прочел надпись: «Шесть недель без венерических болезней в боевой обстановке». Чудненько. Надо полагать, остальные награды — за столь же славные подвиги. Пора идти. Бар оградил решеткой, солдаты укладывали на носилки тех, кто не мог идти. Остальные потихоньку брели к выходу, только два седых полковника, упершись лбами, безуспешно пытались разойтись посреди зала. Я дал повиснуть на себе двум или трем офицерам.

— Нам по пути, джентльмены! Я вам помогу.

— Друг... ты... настоящий друг... — выдохнул мне в лицо один из них, и содержание спиртного у меня в крови резко подскочило.

Мы вышли из клуба, пробрались между машинами, куда загружали алкоголиков с погонами офицеров, и побрели по дороге. Я не знал, где находятся ДОСы, но меня это и не интересовало. Как и моих спутников, полностью сосредоточившихся на переставлении ног. Перед нами из-за угла появилось отделение военных полицейских. Увидев блеск серебряных звезд на погонах, они сочли разумным раствориться во тьме.

Мои попутчики становились все тяжелее и все медленнее брели по проходу между палатками к ярко освещенному длинному зданию — видимо, одному из павильонов, реквизируемых у горожан со всем имуществом парка. У входа в здание стояли двое часовых; камни вдоль дорожки были выкрашены в белый цвет, а над дверью красовалась надпись: «ШТАБ КОМАНДУЮЩЕГО АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА ЗЕННОРА». Пожалуй, мне не сюда. Я обронил свою ношу на траву возле плаката: «Стой! Часовой стреляет без предупреждения!» и пошел прочь, слыша за спиной хrap. Но вскоре наткнулся на патрульных.

— Эй, молодцы! — крикнул я. — Вызовите дежурного по гарнизону. Видите вон там офицеров? Они больны, наверное, им отравили пищу.

Я метнул на патрульных свой самый тяжелый взгляд. На их лицах не дрогнул ни один мускул.

— Есть, сэр! — сказал сержант.

Они повернулись и пошли прочь. Я последовал их примеру и вскоре добрался до выжженной спортплощадки, где стояли три космических корабля, ошетилившиеся пушками, — видимо, чтобы произвести впечатление на туземцев. Или чтобы успешно отразить атаку врага, которой генералы не дождутся. Наверное, они ужасно огорчились, генералы, поняв, что туземцы не дадут повода уничтожить себя с помощью этих блестящих игрушек. Генералы затеяли войну, а на нее никто не пришел. Как им не посочувствовать? Я шел медленно и часто спотыкался, чтобы во мне издали узнавали офицера. Вот и трап, а над ним — открытый люк. Я — офицер, возвращающийся на свой корабль. И вернусь, если никто меня не задержит, например, часовой, стоящий на нижней ступеньке трапа.

— Стой! Вы куда, сэр?

— В задницу...— пробормотал я и попытался его оттеснить. Рядовой, что с ним церемониться.

— Майор, сэр, ваше величество... Не могу я вас так пропустить, покажите, пожалуйста, пропуск.

— В заднице пропуск... Какой еще пропуск, если это мой корабль?

Мимо него, по ступенькам. Шаг за шагом к открытому люку. Навстречу коренастому старшему сержанту, вежливо загоротившему проход.

— Это не ваш корабль, сэр. Я знаю всех офицеров экипажа. Вы с другого корабля.

Я открыл рот, чтобы возразить, осадить, наорать. Но прикусил язык, разглядев синие, словно отлитые из пушечного металла, челюсти, горящие глаза и кустистые брови. Даже волосы, торчащие из сломанного сержантского носа, казались стальными.

— Не мой?

— Не ваш.

— Ну, конечно, не мой...— я повернулся и, шатаясь, спустился на траву. Назад, Джим, назад. Надо найти укромное местечко и придумать что-нибудь поумнее.

Прячась в тени высокого дерева, я смотрел на корабли и ломал голову, как бы проникнуть на один из них. Час был поздний, пьяниц не видеть, лагерь затих. Только патрули полицейских бродят среди палаток. Придется дожидаться утра, возможно, днем часовые менее бдительны. А сейчас надо вздремнуть,— подумал я, зевнув так, что заболела грудь. Внезапно со стороны штаба послышались громкие голоса. Вскоре на дороге появилась группа быстро идущих офицеров. Среди них я узнал отвратительную фигуру Зеннора и отступил в тень. Надо держаться от него подальше. Или не надо? Подавив желание удрать из лагеря и продолжить существование, я стоял возле дерева и лихорадочно соображал. Офицеры пересекли стадион и приблизились к кораблю, на который меня не пустили. Наконец в мозгу окончательно сформировалась спасительная идея, и я покрылся потом при мысли, что сумею ее осуществить. Огромным усилием воли я заставил себя покинуть укрытие и побежал к кораблю. Если Зеннор или кто-нибудь из его свиты оглянется — я пропал! Но офицеры — это создания, предназначенные для движения вперед и преодоления препятствий, встречающихся на пути. Они решительно шли вперед, а я бежал за ними. Со стороны могло показаться, что один офицер отстал от своих товарищей и догоняет их. Неподалеку от трапа я перешел на шаг и, как только офицеры исчезли в люке, приблизился к часовому...

— Где генерал? Срочная депеша для генерала! Срочная!

Прихрамывая (старая рана, память о геройском прошлом), я пошел вверх по ступенькам. В воздушном шлюзе стоял второй часовой.

— Где генерал?

— В каюте капитана, сэр,— ответил часовой.

— Кажется, на кораблях этого класса каюта капитана возле радиорубки?

— Так точно, майор. Каюта номер девять.

Я быстро прошел через шлюз и, уже медленнее, двинулся по коридору. Никто не встретился мне на пути, хотя сверху доносились голоса. Я поднялся на вторую палубу, дошел до конца коридора, там остановился и медленно досчитал до двухсот.

— Ты смел, Джим, но глуп,— пробормотал я и кивнул, соглашаясь с собой.— Вперед!

К каюте номер девять я приближался на цыпочках. Из-за двери слышались голоса. Рядом с ней была другая дверь с табличкой «Радиорубка». Ну, Джим, сейчас или никогда. Осмотрись. Никого не видеть? Отлично. Сделай глубокий вдох. Что это за гулкая барабанная дробь? А, это твое сердце. Пора бы привыкнуть — оно всегда так бьется, когда тебе страшно. Не обращай внимания. Подойди к двери, возьми за ручку... Да, но где эта ручка? Снята. Дверь заварена наглухо и опечатана. Пока я констатировал этот факт и раздумывал, что он означает, над ухом прозвучал голос:

— Что вы здесь делаете?

Сердце, метавшееся в груди, окончательно сорвалось с якоря и прыгнуло в горло. Я проглотил его, обернулся, сделав жуткую гримасу, посмотрел на человека в форме. На его погоны. И процедил сквозь зубы:

— Вас я о том же хочу спросить, лейтенант. Что вы здесь делаете?

— Я на своем корабле, майор.

— И это дает вам основания хамить старшему по званию?

— Виноват, сэр, я не видел ваших знаков различия. Но вы подошли к радиорубке, а нам приказано...

— Знаю, что вам приказано. Никого не подпускать к опечатанной радиорубке.

— Правильно.

Я приблизил лицо к его лицу и, скалясь, смотрел, как он бледнеет. Трудно одновременно скалиться и цедить слова сквозь зубы, но у меня получалось.

— В таком случае, могу вас обрадовать: мне поручено выяснить, как выполняется приказ. Где генерал Зеннор?

— Там, майор.

Я повернулся и двинулся в указанном направлении. В том, куда мне меньше всего хотелось идти. Но что еще оставалось делать? Если сразу пойти к выходу, лейтенант заподозрит неладное и, не дай Бог, поднимет тревогу. А если я пойду к генералу, он успокоится. Решительно отворив дверь капитанской каюты, я шагнул внутрь. Офицеры совещались у карты, висящей на противоположной стене. Зеннор стоял спиной ко мне. Я повернулся направо и увидел книжные полки. Не медля, подлетел к ним, провел пальцем по корешкам книг. Прочитать их названия я не мог, так как глаза заливало потом. Пришлось вытащить книгу наугад. Я направился к

выходу, скосив глаза на офицеров. Никто не обратил на меня внимания. Я замедлил шаг, напрягая слух, но ничего не разобрал, кроме «задницы» — словечка, без которого в армии Зеннора не обходится ни одна беседа. Когда я вышел в коридор, лейтенант уже скрылся за поворотом. Я потихоньку двинулся к выходу, ожидая, что вот-вот включится сирена тревоги. Спустился на нижнюю палубу, миновал шлюз и сошел по трапу в гостеприимную тьму. Услышав мои шаги, часовой резко обернулся, и мое сердце опять подпрыгнуло. Кинув руку к козырьку, я пошел прочь от застывшего с оружием в руках часового, ожидая выстрела в спину. Но он не выстрелил. Я пересек поле и углубился в тени деревьев. Потом остановился и прислонился к одному из стволов. И вздохнул так, как никогда прежде не вздыхал. Подняв руки, чтобы вытереть пот со лба, я обнаружил, что все еще держу книгу. Книгу? Какую книгу? А, ту самую, которую украл из каюты капитана часов эдак четыреста двадцать назад. Повернув ее обложкой к далекому фонарю, я разобрал: «Ветеринарная практика в частях робокавалерии».

Книга выпала из ослабевших пальцев, и я медленно сполз на землю.

Я отдыхал в темноте, стараясь думать не о ветеринарной практике в частях робокавалерии, а о том, почему дверь в радиорубку оказалась опечатанной. Может быть, это сделали для того, чтобы не пустить туда меня? Как бы высоко я себя ни ценил, эта версия выглядела сомнительной. Едва ли Зеннор и прочие дрожат от страха, вспоминая Джима ди Гриза. Достаточно вспомнить капитана, которого я совсем недавно пытался раздеть. Нет, Зеннор опечатал радиорубку по другой причине. По какой? Попробуем рассуждать логически. На корабле, где я побывал, рубка заперта наглухо, значит, и на других кораблях то же самое. Какой смысл запираить только одну рубку? Никакого. Но зачем вообще это делать? Разумеется, чтобы не было радиосвязи. Между кем и кем? Между командованием армии и частями? Чепуха, ни одна современная армия без радиосвязи не обходится. Между кораблями? Но ведь флот уже на Чоджеки. Остается только межпланетная связь. Ну, конечно! Помнится, флот стартовал тайно и в дикой спешке. Зеннор понимал, что за ним следит Лига, понимал, что его смогут остановить только в том случае, если будут знать, куда он направляется. Так что полет на Чоджеки — это, образно говоря, шар, запущенный через Галактику. Рискованная игра. Впрочем, не очень рискованная, поскольку генералы имеют дело с безоружным противником. Зеннор знал, что у флота Лиги есть шпионы — вспомним рыскавшие по острову пеленгаторы. Он убежден, что я — шпион Лиги, и допускает, что в его армии могут быть и другие агенты. Поэтому он решил соблюдать радиомолчание до тех пор, пока не добьется своего, пока не наступит время, когда Лига уже ничем не сможет ему помешать... Неплохо для Зеннора... и очень плохо для меня. Я отяравил просьбу о

помощи, и сейчас она еле-еле плетется в межзвездном пространстве со скоростью света. Лучше забыть об этом, а также расстаться с мечтами о сверхскоростной связи. Надо смотреть на вещи трезво. Возможно, мне до конца дней своих суждено жить на этой планете. Поэтому надо позаботиться, чтобы Зеннор и его головорезы не дышали мне в затылок. Придется отобрать у Зеннора армию. Когда все солдаты разбегутся по планете, можно будет сделать следующий шаг. Какой — я пока не придумал, но придумаю обязательно. Может быть, открою свободную продажу спиртных напитков офицерам и сержантам. Судя по тому, что я сегодня видел, они за год сопьются и вымрут от цирроза. Я зевнул и обнаружил, что почти заснул.

— Не смей спать! — прикрикнул я на себя, вскакивая на ноги. — Если ты заснешь, то запросто можешь проснуться на том свете. За работу! Надо срочно уносить отсюда ноги, поскольку больше тебе здесь делать нечего. Назад, к теплу, свету и обществу дам, прочь от этих противных холостяков, которые сквернословят, пьянствуют и играют в азартные игры.

И все-таки я здорово вымотался. Чем идти пешком, лучше найти какое-нибудь транспортное средство. Может, возле офицерских домов найдется что-нибудь подходящее? Ведь офицеры редко ходят пешком. Действительно, возле ДОСа стояли мотоциклы и штабные автомобили. А чуть дальше высилась тень командирской машины. Знакомая штучка. Я забрался на сиденье. Ясно, почему вокруг нет часовых — из замков вынуты ключи зажигания. Я улыбнулся. Если напрямую соединить провода, мотор заработает не хуже, чем от поворота ключа. Вскоре я с удовлетворением услышал шум двигателя. Ну, а теперь смело включаем фары, полный вперед! А куда «вперед»? Естественно, не в ворота. Днем через них можно проскочить с колонной, но сейчас они наверняка на запоре, и от меня потребуют пропуск. Можно, конечно, соврать что-нибудь насчет ночных маневров, но вдруг не поверят? Я медленно проехал вдоль ворот и двинулся дальше мимо колючей проволоки. Выбрав участок изгороди, где поблизости не было патрулей, я остановил машину, вылез и подошел к «колючке». Десятифутовая проволочная изгородь. Если наехать на нее, то наверняка сработает сигнализация, но я не заметил уходящих куда-нибудь проводков или взрыхленной земли, что указывало бы на мины. Неважно, если поднимется тревога. Пока сюда доберутся эти увальни-полицейские, я буду далеко. Я завел машину, поставил на самую малую скорость и нажал на газ. Проволока с треском лопнула. Засверкали искры — так и знал, что она под током, хорошо, что командирская машина надежно защищена. А теперь — полный ход, — по безлюдным улицам вылетаем на площадь, огибаем огромную статую Марка Четвертого и выруливаем на широкий проспект, по которому мы с Мортонем шли, когда сбежали от Зеннора. Впереди — река и мосты, а на той стороне — жилые кварталы. Машина прогромыхала по мосту. Никто за мной не гнался. Вот и

замечательно. Я проехал вдоль набережной, сбросил скорость, направил машину под углом к реке и выпрыгнул. Разбив в щепки скамейку — жаль, конечно, — машина красиво спикировала в воду. Плеск, бульканье — и тишина. Глубина в этом месте была порядочная. Вдали выла сирена. Я шустро пересек парк и вышел на улицу. Я устал, но надо было подальше отойти от реки, — на берегу остались следы гусениц, днем их будет хорошо видно. Я брел наугад, часто сворачивая, и вскоре заблудился.

— Хорошего понемножку, Джим, — пробормотал я, приваливаясь к стене и чувствуя, что вот-вот упаду в обморок. Собравшись с силами, я отворил ворота, поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Пришлось постучать два раза, прежде чем за дверью послышался шорох и в окнах вспыхнул свет.

— Кто там? — послышался мужской голос, и дверь отворилась настежь. Прожив на Чоджеки несколько дней и слегка привыкнув к обычаям туземцев, я все же сомневался, что так следует встречать незваных ночных гостей.

— Джим ди Гриз, усталый инопланетник.

Из дверного проема высунулась седая борода дряхлого старикашки. Он моргал, глядя на меня.

— Неужели! О, какое счастье для старого Кзолгосца! Входи же скорей, славный инопланетник, мой дом — твой дом. Чем я могу помочь тебе?

— Спасибо, спасибо. Для начала погасите свет, а то вдруг патруль заметит. А потом дайте мне поспать, я с ног валюсь от усталости.

— Все, что пожелаете! — Он погасил свет. — Идите сюда, в комнату моей дочери, она уже замужем и живет на ферме. Сорок гусей и семнадцать коров. Сейчас зашторим окна, и можно будет включить свет...

Старый Кзолгосц был исключительно гостеприимным, хотя и очень болтливым. В комнате на кровати лежало штук двадцать кукол.

— Умойся, друг мой Джим, а я пока приготовлю чудесный горячий напиток.

— Я бы предпочел, чтобы в нем присутствовал алкоголь, друг мой Кзолгосц.

— Ну, о чем разговор!

Когда я снимал с себя последнюю военную шмотку, он вернулся с высокой фиолетовой бутылкой, двумя стаканами и пижамой с огромными блестящими красными пуговицами. Осталось надеяться, что они не будут светиться в темноте.

— Домашнее вино из ягод Гингль, — сказал он, наполняя стаканы. Мы чокнулись, выпили и вытерли губы. Я вздохнул от переполнявшего меня блаженства с примесью ностальгии.

— Знаете, я не пил домашнего вина с тех пор, как покинул ферму. А тогда любил опрокинуть бутылочку в хлеву свинодикобразов. Бывало, наклюкаешься и поешь им что-нибудь...

— Как это мило! Ну, а теперь я оставляю тебя, друг мой Джим, пожелав спокойной ночи.

Идеальный хозяин дома, он исчез прежде чем я успел его поблагодарить. Я поднял стакан, глядя на портрет Марка Четвертого, осушил его и рухнул на кровать. Проснувшись, я долго лежал, моргая и глядя на полоску света между шторами. Зевая, я поднялся, распахнул шторы и выглянул в цветущий сад. Старый Кзолгосц оторвался от работы, помахал мне рукой и рысью бросился в дом. Вскоре он постучал, отворил дверь и вошел с подносом. Когда я, мыча от удовольствия, расправлялся с бифштеком и яичницей, запивая соком, Кзолгосц сказал:

— Я кое с кем поговорил и, думаю, ты будешь обрадован, узнав, что подготовка дня «Д» идет полным ходом.

— Дня «Д»?

— День Дезертирства. Он начнется вечером. На пути выведено несколько дополнительных поездов, и вся страна, все люди готовят прием новым гражданам.

— Фантастика! Надеюсь, для меня у вас тоже найдется местечко. Похоже, мне придется здесь погостить немного дольше, чем я собирался.

— Да будет тебе известно, ты не просто гость. Скажи, тебя устроила бы должность преподавателя в университете?

Я улыбнулся.

— К сожалению, я не получил даже среднего образования, потому что сбежал из школы.

— Прошу простить мое провинциальное невежество, но мне незнакомы такие выражения, как «сбежал из школы» и «среднее» образование. У нас ученики посещают школу, когда хотят, и учат, что хотят и сколько хотят. Единственное обязательное требование — чтобы школьник изучал индивидуальный мютюэлизм, это необходимо для счастливой и полноценной жизни.

— А за обучение, надо полагать, платят родители?

Кзолгосц в ужасе отшатнулся.

— Ну что вы! Конечно нет! Родители окружают детей любовью и заботой, но не мешают им постигать доктрины мютюэлизма. На каждого родившегося сразу открывается счет, но пока человек не сможет зарабатывать, начисление вирров идет в дебет. Ребенок не будет считаться полноправным гражданином, пока не оплатит этот счет.

— Принудительный детский труд, — я был потрясен. — День и ночь малютки гнут спину за корку хлеба?

— Дружище Джим, что у тебя за воображение! Нет, дети, в основном, работают по дому, помогая матери и получая те же вирры, которые платит матери отец...

— Прошу тебя, довольно! У меня мало сахара в крови, и я плохо соображаю, а индивидуальный мютюэлизм — такая тонкая штука, что сразу с ней разобраться невозможно.

Он кивнул.

— Я понимаю. Не расстраивайся, Джим. Ты расскажешь обо всем, что произошло с человечеством, после того, как мы уединились на Чоджеки, а мы познакомим тебя с гениаль-

ными творениями Марка Четвертого, да будут вечно бежать электроны по его проводам!

Неплохое пожелание давно исчезнувшей машине.

Я никак не мог привыкнуть к тому, как туземцы боготворят какую-то жестянку с микросхемами, какой бы умной она ни была. Ну, да ладно, это их дела. А мне пора приниматься за работу.

— Ты можешь узнать, где находится мой друг Мортон?

— Буду счастлив тебя проводить, друг мой Джим.

— Ты знаешь...— Я запнулся.— Ну да, в городе всем известно, где мы приедемся.

— Совершенно верно. Ты умеешь ездить на велосипеде?

— Давненько не приходилось, но этому разучиться невозможно.

Велосипед — отличная штука, особенно когда на улицах их полным-полно, а тебе ни к чему выделяться из толпы. Я скатал форму — на всякий случай — и надел мешковатые шорты, которые предложил мне Кзолгосц. Эти шорты да моя майка — чем не костюм велосипедиста?

Я вышел в сад и отжался сто раз. Поднявшись на ноги, увидел человека, который стоял рядом, опираясь на руль ярко-красного велосипеда.

— Простите, если я вмешиваюсь в ваш ритуал. Мне позвонил Кзолгосц, чтобы я доставил вам велосипед. Вот, пожалуйста, самый лучший из моих запасов.

— Спасибо, велосипед — просто чудо. Но, боюсь, я не смогу за него заплатить...

Он улыбнулся.

— Вы уже заплатили. Я заехал в банк, стоимость велосипеда вычтена из вашего счета. Кстати, меня попросили передать вам это.

Моргая, я уставился на вирр-диск, который он мне вручил. На нем было оттиснуто: «Джим ди Гриз». В маленьком окошечке виднелось: «Баланс 64.6.78».

— Служащие банка просили передать, чтобы вы с ними связались. Они не знают, сколько часов в эту ночь вы занимались общественно полезным трудом. Если вы им позвоните, они будут очень благодарны.

— Я принят в систему! — обрадовался я.

— Ну, конечно! — заулыбался незнакомец.— Вы — индивидуум, и индивидуальный мютюэлизм — для вас. Добро пожаловать. Желаю, чтобы ваш вирр-счет рос и чтобы ваша жизнь была долгой и счастливой.

Генералы спохватились только наутро. А всю ночь к нам поступали сообщения о фантастических успехах дня «Д». Отпущенные в увольнение солдаты первому же встречному говорили о своей любви к свежему воздуху. Им предлагали войти через черный ход в ближайший магазин готового платья, давали там штатскую одежду и билеты на поезд. Последний поезд ушел около полуночи, затем поток дезертиров прекратился.

Ночью военные не поднимали шума. В лагере было не меньше четырех ворот, и возле них стояли знаменитые своим кретинизмом военные полицейские. Наверняка они полагали, что все солдаты, которых они выпустили, возвратились через другие ворота.

Дезертиров было так много, что даже дополнительные поезда ушли полнехоньки. Свыше сотни беглецов осталось в городе — им не хватило мест.

На свои средства я приобрел гигантский телевизор и подарил его хозяевам дома. Мы с Мортонем смотрели городской канал, когда вмешались военные. Особого восторга при этом мы не испытывали, так как день был праздничным — годовщина создания первого блока Марка Четвертого, или что-то в этом роде — и по телевизору показывали парад клуба девушек-велосипедисток. Внезапно экран погас, а когда зажегся снова, на нем появилась отвратительная физиономия генерала Зеннора.

— Выключи! — простонал Мортон. — Нам скоро завтракать!

— Пусть поговорит. Вряд ли он скажет что-нибудь приятное, но рано или поздно нам все равно передадут.

— Внимание! — сказал Зеннор, и Мортон возмущенно фыркнул, а я махнул рукой, чтобы он замолчал. — Все вы меня знаете — я генерал Зеннор, командующий армией освободителей. Вы знаете, что я — добрый, вежливый и терпеливый.

— Ему бы романы писать!

— Тихо!

— И теперь пришло время в очередной раз проявить доброту, терпение и вежливость. Я узнал, что в нашей доблестной армии нашлось несколько трусов, решившихся на дезертирство. Я хочу, чтобы вы знали: это серьезное преступление, и наказание за него — смертная казнь...

— Еще бы! Как иначе удержать от развала эту гнилую армию?

— ...и я знаю, что никто из вас не хочет, чтобы эта кара постигла глупых молодых людей. Поэтому довожу до вашего сведения, что я решил продлить все выданные вчера увольнительные на двадцать четыре часа. Они действительны до двенадцати ночи. Ни один солдат, вернувшийся на базу до полуночи, не будет наказан. Я настоятельно советую жителям города объяснить это неразумным юнцам, которых вы прячете. Скажите им, пусть возвращаются.

С его лица исчезла фальшивая улыбка. Он приблизился к камере и прорычал:

— Скажите им, что после полуночи я уже не буду добрым, терпеливым и вежливым. Я введу чрезвычайное положение. Перекрою все дороги из города и обыщу квартал за кварталом, здание за зданием. Каждый дезертир, которого я поймаю, получит возможность выпить кружку пива и написать одно

письмо домой. После этого он будет расстрелян! Вы все поняли? Это первое и последнее предупреждение. У вас есть время до полуночи. Больше я с вами цацкаться не стану, дезертиры. Считайте себя покойниками, если...

Я выключил телевизор.

— Как страшно! — буркнул Мортон. У него был очень испуганный вид впечатлительного человека. — Включи телек, посмотрим девочек.

Я включил. Но парад уже кончился, и показывали длинноволосого человека, который с энтузиазмом читал лекцию об индивидуальном мютюэлизме.

— Знаешь, Мортон, а ведь он имел в виду и нас.

— Не надо! Молчи! Я знаю — очередная серия космической оперы. Мне надо выпить.

— Не надо. Тебе надо посидеть спокойно, собраться с мыслями и помочь мне найти выход. Впрочем, что-нибудь слабящее, вроде пива, не помешает.

— Извините, я невольно подслушал, — Стирнер появился в дверях с подносом, на котором стояли бутылки и кружки. — Если не возражаете, я к вам присоединюсь. Жарко сегодня.

Мы сдвинули кружки и хлебнули пива.

— Есть новости из города? — спросил я.

— Разумеется. Все поезда, покидающие город, проверяют патрулями, так что на поезде больше не выбраться.

— А шоссежные дороги?

— На них заставы. Над окраинами города летают машины на вертящихся крыльях...

— Вертолеты.

— Благодарю, я запомню это слово. Всех, кто покидает город, задерживают, заставляя прижимать пальцы к какой-то пластинке, которую помещают в машину. Потом отпускают.

— Очень мило, — пробормотал я. — Проверяют отпечатки пальцев. Значит, днем нам не выбраться — наши отпечатки заложены в памяти компьютера. Придется ждать темноты...

— Не хочу показаться мрачным, — мрачно произнес Мортон, — но мне это все не нравится. Вертолеты, инфракрасные детекторы, пулеметные установки, смерть с неба...

— Понял тебя, Мортон. Слишком опасно. Надо найти другой выход.

Наш диалог прервало появление на экране велосипедистов, крепких парней с волосатыми ногами. У Мортон заклокотало в горле, но он утих, как только увидел на экране улыбающихся и машущих телевизителям девушек.

— У-у-у! — закричал я, вскакивая на ноги. — О-о-о!

— Вторая дверь слева по коридору.

— Заткнись, Морт. Это вдохновение, а не запор. Ты видишь гения за работой. Перед тобой — единственный человек на планете, знающий, как нам выбраться из города целыми и невредимыми.

— Как?

— А вот как! — Я показал на экран. — Стирнер, садитесь

за телефон и договаривайтесь с кем нужно. Нужно, чтобы сегодня к вечеру этот клуб выехал из города. Можно бы и раньше, но мы не успеем собраться.

— Куда собраться? — воскликнул Мортон. — О чем ты говоришь?

— Кажется, я понимаю, — сказал более сообразительный Стирнер. — Вы хотите выехать на велосипедах. Но вас остановят.

— Нет, не остановят. Потому что ты угадал только наполовину. Мы загримируемся под девушек.

Как только эта идея проникла к ним в сознание, они захлопали в ладоши.

Потом взялись за дело. Обдумывая план операции, я почти не замечал, что происходит кругом. Казалось, комната превратилась в проходной двор.

Я машинально жевал бутерброд и, моргая, глядел на стену, когда меня окликнул Мортон.

— Джим, скоро нам выходить. Ребята уже собираются на площади. Не смейся! — воскликнул он, покраснев.

Но как было не засмеяться при виде такой красоты? Даже то, что он обрил ноги, не сделало его женственнее. Правда, пышный парик и накладные груди помогли, но за девушку его можно было принять только издали.

— Надо было губы подкрасить, — сказал я.

— Ну конечно. Посмотрим еще, что из тебя получится. Переодевайся!

Я переоделся. Короткая плиссированная юбка очень шла к рыжему парикку. Я вздохнул, глядя на себя в зеркало, и произнес:

— Ничего, Джим. Лучше ты никогда не выглядел.

Мы выкатили велосипеды за ворота, поблагодарив радушных хозяев и выразив надежду, что встретимся после войны. Стирнер был нашим проводником. Он сразу вырвался вперед, и нам, «девушкам», пришлось попотеть, чтобы догнать его. На площади Марка Четвертого было столпотворение — там собрался весь город. Велосипедный клуб девушек Баллегарика выстроился там в полном составе. Во плоти девушки были еще привлекательнее, чем по телевизору. Правда, не все, потому что среди них были не девушки. В смысле — парни. Наши беглецы. Впалые щеки, узкие бедра, глупые смущенные улыбки... Некоторые из них годами не видели велосипеда. Они катались по площади, виляя и часто падая.

— Внимание! — крикнул я. Шум немного утих. — Во-первых, перестать ругаться — постыдитесь этих добрых людей, ради вас рискующих своей жизнью. Во-вторых, если кто-нибудь упадет, проезжая заставу, мы все окажемся в заднице. Поэтому тех, кто в себе не уверен, прошу пересестись на трехколесные велосипеды или на задние сиденья тандемов.

— А куда мы едем? — выкрикнул кто-то.

— Приедем — узнаешь. Все, пора. Когда я скажу «поехали», — дружно стартуем. Кто зазевался — тот задница.

Ругаться можно только старшим по званию. Я главный, поэтому буду ругаться за всех, пока мы не выберемся отсюда. По коням!

«Девушки» следом за мной сделали два-три круга по площади. Потом я дал сигнал настоящим велосипедисткам. Их президент с флагом клуба понеслась по широкой гладкой дороге, а девушки дружно следовали за ней. Ближайшая застава ждала на перекрестке. На углу нас отсекала колонна клуба ветеранов — все спортсмены либо седые, либо лысые. Но они резво крутили педали тощими шишковатыми ногами, громко шелкая суставами.

Подъехав к барьерам, они спешили и принялись стаскивать их с дороги. Как ни орали сержанты и офицеры, они не могли остановить наших помощников, и вскоре мы проскочили в образовавшуюся брешь. Некоторые девушки в порыве энтузиазма бросились помогать старикам. Другие смеялись и целовали офицеров.

Мы крутили педали что было сил. Потая, виляя, ругаясь. Наконец свернули на краю леса с дороги и горохом посыпались в кювет.

— А больше... мы... не будем так жать? — спросил Мортон. Он лежал на спине и стонал.

— Это еще что, Морт. Крепись. Тебе надо тренироваться.

Он сел и уставился в ту сторону, куда смотрел я. На дороге появился клуб девушек. Нежная кожа, вьющиеся на ветру волосы, блестящие глаза. И корзинки с едой. Выпив по стакану пива, мои подопечные ожили. Армия казалась дурным сном; впереди их ждала свобода.

Я веселился и шутил вместе с ними, но смех мой был неестественным, а улыбка — вымученной. Мне не давали покоя мысли о Зенноре. Что придумает этот маньяк, узнав, что потерял половину армии?

Приказ подниматься «девушки» встретили стоном и воплями протеста.

— Тихо! — прикрикнул я на них. — У нас жесткий график. Если хотите выбраться отсюда живыми, слушайте меня. Когда я скажу «лягушка», — прыгайте. Ясно?

Я подождал, пока утихнет веселое кваканье, и добавил:

— Ехать нам еще примерно полчаса. И чем стонать, поглядите лучше на милых, нежных девушек, которые ради вас рискуют жизнью. Они не стонут, а ведь им еще возвращаться в город окружным путем. Давайте же поблагодарим их!

В многоголосом «Спасибо!», грянувшем за этим призывом, я различил звуки нескольких поцелуев. Пришлось громко свистнуть, чтобы привлечь к себе внимание.

— Скоро приедем на фабрику. С нее идет железнодорожный путь. Сразу после нашего прибытия по нему отправится на север товарный состав. На нем мы поедem в далекие края. А теперь — по коням!

Ехали мы в тишине — моих галантных попутчиков одолевала усталость. Когда над нами пролетел вертолет, они из-

рядно струхнули. Я приказал парням опустить головы, а де-вушкам — махать руками и улыбаться. Это подействовало — больше над нами не летали.

Подъезжая к фабрике, мы услышали гудок поезда. Состав только что вывели на путь.

— Открывайте двери вагонов! — приказал я. — И залезайте побыстрее, пока нет вертолетов. Берите с собой велосипеды — вам зачтут их стоимость в банке. Поцелуйте де-вушек на прощание, через минуту отправляемся.

Я поискал глазами Ниби — загорелую рыжеволосую красотку, президента клуба велосипедисток. Передав флаг помощнице, она подъехала ко мне с улыбкой, от которой чуть не задымилась шины моего велосипеда.

— Можно мне сопровождать тебя, инопланетник Джим? Умоляю — не отказывай.

— Глук...

— Надо думать, это означает согласие, — она взобралась в вагон, втащила свой велосипед и уселась на тюк сена. — Ты очень добр. Я еще вчера училась в школе, но сегодня все мы покидаем Баллегаррик. Моя родина — на севере, там у моей семьи небольшая ферма в селе, которое называется Линг. Я говорила с отцом, матерью, братьями и сестрами — они будут очень рады, если ты поживешь у нас, сколько пожелаешь.

Увидев, как позеленел Мортон, я понял, что он все слышал. — Сочту за честь. Это просто замечательная идея.

Ниби улыбнулась, но улыбку как ветром сдуло, когда она взглянула на Мортон.

— Твой друг не заболел?

— Нет, — меня переполняла щедрость. — Просто ему некуда ехать, и он надеется, что ты и его пригласишь.

— О чем разговор.

Мортон тут же порозовел и глуповато заулыбался.

— С благодарностью принимаю твое приглашение. Но долго я у вас остаться не смогу. Как только Шарла, моя приятельница, даст о себе знать, — сразу уеду.

— Так ты ее не забыл? — с притворным удивлением спросил я, и он вонзил в меня такой взгляд, что Ниби отвернулась.

Путь нам был не в тягость — поезд шел быстро, вагон не трясло.

Уже через час мы перестали бояться вертолетов, зная, что удалились от города на приличное расстояние. Бывшие «девушки» спали на сене, подложив под головы ватные груди.

В сумерках поезд сделал первую остановку. В вагоны загрузили корзины с едой и бутылки с напитками. Наевшись и напившись, я заснул, а проснулся от прикосновения к плечу чьей-то мягкой ладони.

— Приехали, — сказала Ниби. — Буди своего друга.

Дверь вагона была открыта, снаружи медленно проплывали огни. Вскоре поезд остановился.

Мы прыгнули на перрон, взяли свои велосипеды и, прощавшись с парнями, спустились на шоссе и поехали вслед за Ниби.

Дорога была превосходная, ночь — теплая. Над головами раскинулась на полнеба величественная туманность, и мы, казалось, плыли в ее холодном белом сиянии.

— Ни за что не вернусь на Невенкебла,— пропыхтел Мортон.

— Но у тебя там родные.

— Попав в армию, я их потерял.

— Ты прав,— кивнул я.— Ну, на **этой** планете нет ничего общего с тем, что мы видели в армии. Хотя, честно говоря, я не совсем понимаю, как смог индивидуальный мютюэлизм привести общество к такому благополучию. Впрочем, благополучие — слишком сильно сказано. Не надо забывать о Зенноре.

— А как бы хотелось забыть!

Наутро мы добрались до фермы. Встречало нас все семейство.

Видели бы вы, какой стол накрыла хозяйка к нашему приезду. И мы сделали все, чтобы ее не обидеть. Наконец, отдуваясь, встали из-за стола. Семья помаленьку разошлась на работу.

— А здесь здорово! — согласился я.

— Стоимость еды вычтена из твоего счета,— улыбаясь, Ниби вернула мне вирр-диск.— Половина будет возмещена за счет Мортонна, когда у него появятся вирры.

— Непостижимая это все-таки штука — индивидуальный мютюэлизм,— сказал я.— Мне бы хотелось побольше узнать о вашей жизни.

— Буду рада ответить на любые вопросы,— заверила меня Ниби с улыбкой, от которой у меня потеплело в груди. Но улыбка через секунду увяла.— Давай поговорим об этом позже. Я бы хотела, чтобы вы сейчас посмотрели телевизор. Мы записали утренние новости.

«Наверняка эти новости связаны с Зеннором,— мрачно подумал я.— А значит, они наверняка дурные». Экран засветился, грянул бравурный марш. По дороге шагала пехота, ехали танки. Стреляли пушки. «Запись»,— сразу понял я, увидев базу Мортстерторо.

Видимо, это зрелище должно было вселять ужас в сердца непокорных туземцев. Но я уже достаточно хорошо знал жителей Чоджеки и не сомневался, что их изумляет средство, и только. Я выключил звук и подождал, пока уедет последний танк. Затем появился Зеннор.

— Мы могущественны, мы несокрушимы, и мы победим! — заявил он ледяным тоном.— Жители Чоджеки, до сих пор я был добр к вам. Даже готов был пощадить сбежавших солдат. Но теперь я вижу, что по-хорошему с вами нельзя. Ну что ж, вы получите небольшой урок. Я научу вас уважать нашу армию. Вы помогли скрыться дезертирам, которые заслуживают

смертной казни. Это не вызывает у нас сомнений. Как иначе объяснить, что ни один из них не воспользовался амнистией? Что ни один не найден? Без вашей помощи они не смогли бы выбраться из города. Следовательно, население Баллегаррика виновно в измене, в содействии предателям-дезертирам, и будет сурово наказано. Я обращаюсь к населению всей планеты. Жители Баллегаррика сознают свою вину и пытаются избежать наказания. словно трусливые черви, каковыми они и являются, эти негодяи спешат расползтись в разные стороны. Город совершенно опустел. Но не всем удалось скрыться. Мы захватили сотни и сотни предателей. Однажды мы уже брали заложников, и это привело к желанным результатам. В тот раз я пожалел их и отпустил целыми и невредимыми. Но на сей раз не ждите от меня жалости. Слушайте меня, жители планеты. Во-первых, все дезертиры должны быть немедленно возвращены в город. Я обещаю помиловать их и заменить смертную казнь службой в штрафных батальонах. Я уже говорил, что у меня доброе сердце.

Во-вторых, я требую восстановления снабжения города всем необходимым и открыть рынки. Пусть те, от кого это зависит, сегодня же вернутся в город. Баллегаррик должен жить нормальной жизнью, как до нашего прибытия.

Он сделал драматическую паузу, потом ткнул пальцем прямо в объектив камеры.

— И эти требования будут выполнены, иначе через сутки я расстреляю десять заложников. Впрочем, я все равно их расстреляю, подчинитесь вы или нет. Это и будет уроком, который я вам обещал. Если вы не подчинитесь, я ежедневно буду казнить по десять человек. Как только эта мера окажет нужное воздействие, казни прекратятся. Но я прикажу их возобновить, когда сочту необходимым.

Экран потемнел, и я обнаружил, что смотрю, не мигая, на Мортону.

— Редкостный случай психопатии,— заметила Ниби.— Не услуженное врачами изменение генетического кода. Ведь он сумасшедший, правда? По-моему, он бредил. Разве нормальный человек может убивать людей?

Краснея от стыда за человеческую расу, я промолчал. Ответил Мортон, кипевший от гнева.

— Зеннор это может. Я родился и вырос в стране, где власть в руках таких, как он. Поверь, он выполнит свою угрозу.

— Надо его остановить. Как это сделать?

— Это очень сложный вопрос. Ведь вы не заставите дезертиров вернуться. Насколько я вас знаю, даже просить их об этом не станете. А они вряд ли захотят вернуться сами. Будь у вас правительство, оно бы, наверняка, вступило с Зеннором в переговоры и сумело найти компромиссное решение. Но он все еще не верит, что у вас нет правительства. Даже подумать страшно о том, что нас ждет в будущем.

— Но подумать надо,— с мрачной решимостью, какой

прежде я за ним не замечал, сказал Мортон. — Зеннора необходимо убить. Иного выхода у нас нет.

— Убить?! — воскликнула Ниби. — Но это ужасно!

— А что ты предлагаешь?

— Увы, мне нечего предложить. Решить эту проблему мог бы только гениальный Марк Четвертый.

— Может быть, — пробормотал я. — Но мне кажется, это и ему не по плечу.

— Для Марка Четвертого нет неразрешимых задач, — тихо и твердо произнесла она.

Я разозлился — они слишком высокого мнения о своем божестве.

— Слова, слова. Извини, но это больше смахивает на слепую веру, чем на здравый смысл. Нет, Ниби, нам самим придется выкручиваться, поскольку твой Марк Четвертый давным-давно превратился в ржавчину. Нам он уже не поможет.

— Он мог бы нам помочь, — упорствовала Ниби. — Но мы, к сожалению, не должны его просить о помощи. В этом — суть индивидуального мютюэлизма. Мы сами должны решать свои проблемы. Он дал нам свои труды — и этого достаточно.

— Можете попросить, но не станете? Нет, милая. Не станете просить, потому что не можете. Марка Четвертого давным-давно нет.

— Неправда! — воскликнула она, затем, расценив мою реплику как неудавшуюся шутку, улыбнулась. — Марк Четвертый в Баллегаррике. Он никогда не покидал город.

Я беспомощно посмотрел на Мортон. Если в тот момент у меня было такое же выражение лица, как у него, значит, я выглядел полным идиотом.

Ниби нетерпеливо ждала, пока к нам вернется дар речи. Ко мне он вернулся чуть раньше.

— Марка Четвертого... Не стало... тысячи лет назад.

— Почему? Что мешает искусственному разуму существовать вечно? Ведь приходящие в негодность детали можно заменять на новые безо всякого ущерба для интеллекта. Мы надеемся, что он доволен тем, как мы строим свою жизнь. Но никто никогда не попросит его о помощи.

— Ошибаешься. Я попрошу, — сказал я, поднимаясь. — Причем ни секунды не колеблясь. Ведь это из-за него сотням заложников грозит расстрел. Пускай этот умник как следует пошевелит своими искусственными извилинами, чтобы их спасти.

— Но тебе придется вернуться в Баллегаррик, — сказал Мортон.

Я хмуро кивнул.

— Да, Морт, да, дружище. Надо разыскать логово этого великого электронного философа. Надеюсь, мои вопросы не вызовут у него короткого замыкания.

— Тебе известно, где находится Марк Четвертый? — обратился я к Ниби. Она отрицательно покачала головой.

— Увы. Но я точно знаю, что Марк прилетел сюда вместе

с нами и помогал нам строить Баллегаррик. И с тех пор он не покидал города.

— Надеюсь, кто-нибудь мне подскажет, где его искать.— Я надолго задумался, потом щелкнул пальцами. Наш старый друг Стирнер — вот кто! Он — крупнейший специалист по электричеству. Если даже он не знает, где Марк, то наверняка сведет меня с тем, кто знает. Не подскажешь, как с ним связаться?

— Видеофон к твоим услугам.

— Благодарю, Ниби. Но у меня нет номера Стирнера, как и представления о том, где он находится.

— Номера нет ни у кого. И где твой друг, тоже неважно. Вызови ЦС и попроси, чтобы тебя с ним соединили.

— ЦС?

— Центральную Станцию. Ладно, я сама вызову.

Она нажала несколько клавиш, и на экране высветились слова: «ПОЖАЛУЙСТА, ИМЯ». Как умно и вежливо! Я мысленно снял шляпу перед человеком, составившим эту программу.

Потом на экране появилось слово «ВЫЗОВ». Когда светящиеся буквы померкли, я увидел мрачное лицо Стирнера. Он вымученно улыбнулся, и я сразу понял, что он тоже смотрел новости.

— А, мой добрый инопланетный друг Джим. Надеюсь, ты в добром здравии. Могу я чем-нибудь помочь?

— Конечно, можешь. Мне бы хотелось потолковать с вашим полубогом, Марком Четвертым.

— Странное слово. Я никогда не считал его полу...

— Ладно, не считал — и не считай. Ты знаешь, где он?

— Разумеется.

— Сможешь меня к нему провести?

— А вот это — вопрос непростой. Помнится, я читал, что после постройки города к Марку нередко обращались за советами и консультациями. Но это было сотни лет назад. Пожалуй, я смогу тебя туда отвести, хотя сам бы ни за что не пошел.

— Я собираюсь вернуться в город.

— Советую быть осторожным. У нас тут беспокойно. Движение поездов остановлено, кто пытается выбраться, того арестовывают. Насколько мне известно, никто из арестованных еще не выпущен.

— Ничего, что-нибудь придумаю. Не отходи от видеофона, я сегодня же приеду. Мне надо поговорить с Марком Четвертым, пока Зеннор не натворил беды.

— Что-нибудь посоветуешь? — спросил я у Мортонa.

— Разве что вернуться под видом раскаявшегося дезертира.

— Я уже обдумал эту идею. И тоже отверг. Меня попросту расстреляют.

— А я могу дать совет? — спросила Ниби.

— Ну, разумеется.

— Поехали в город вдвоем. У нас тут театральная труппа с превосходными гримерами и костюмерами. Загримирuem тебя под старика, а я буду твоей дочерью и водителем.

— Превосходно! — и в порыве энтузиазма я вскочил, обнял Ниби и поцеловал.

— Мой брат отведет тебя в театр, а я позабочусь о транспорте. Просто нет слов, как я рада, что могу тебе помочь! Это так здорово! Гораздо интереснее, чем в школе.

— А что ты там изучала?

— Вулканологию. Я без ума от магмы и шлаков. Когда спускаешься в кратер...

— Отлично. С удовольствием тебя послушаю, но позже. Ладно?

— Ладно... А вот и мой брат.

Поезд, которым я возвращался в Баллегаррик, состоял из двух вагонов и предназначался, по-видимому, специально для меня. Мортон, провожавший меня, выглядел виноватым, но не мог скрыть радости, что остается. Попрощавшись с ним, я с криканием поднялся в тамбур, опираясь на трость, — ведь я был убежденным сединой старцем, а в подобный образ необходимо вжиться. Седая борода, слезящиеся красные глаза, морщины, как на голенище старого сапога — иными словами, в лингском театре работали профессионалы. Специальная упряжь под одеждой сгибала меня в три погибели. Поезд мчался быстро и без остановок, и довольно скоро мы прибыли к месту назначения.

На платформе нас ожидал черный автомобиль. Водитель вышел и распахнул перед нами дверцу.

— Вам приходилось водить такую машину? — спросил он.

Ниби кивнула.

— Отличная модель.

— Вы правы, — он показал, где находится электрогенератор, а где — двигатель. — Экологически чистый, — добавил водитель.

Ниби уселась за руль, и меня вдавило в спинку сиденья многократной перегрузкой. Мы пулей понеслись по пустой дороге.

— Перед заставой я приторможу. Правда, здорово? Давай выжмем предельную скорость, а?

— Н-не... не надо! — прохрипел я. — Хотя я и глубокий старик, мне еще рано сводить счеты с жизнью.

Расхохотавшись, Ниби сбросила скорость примерно до звуковой.

Она неплохо знала дорогу — наверное, благодаря велогонкам.

Внезапно она нажала на тормоза. Мы потихоньку свернули, а дальше путь преграждали барьеры.

— О, шалопан! — воззвал я к военным, грозно потрясая тростью. — Зачем вы перегородили дорогу?

Ко мне неторопливо подошел толстый капитан, что-то вы-

ковыривая из зубов. Наверное, остатки саморазогревающейся колбасы.

— Не ори, старая задница. Куда прешь?

— О, неужели ты такой дурак, каким выглядишь, или ты не слышал, что приказал твой самый главный начальник? Городские служащие должны вернуться в город. Я — инженер-электрик, и если тебе нужен свет в уборной и холод в холодильнике, немедленно пропусти меня!

— Побереги глотку, папаша, — проворчал офицер. Тем не менее, он отошел и жестом велел двум сержантам отодвинуть барьер. Рядовых я поблизости не заметил и мысленно пожелал сержантам, чтобы перемена деятельности пошла им на пользу.

Мы поехали дальше и, когда застава скрылась из виду, остановились возле видеофонной будки.

Я выбрался из машины и, ковыляя, как заправский ревматик, вошел в будку.

— Ты уже в городе? — спросил Стирнер.

— Только что прибыл.

— Очень хорошо. Встретимся у входа.

— У входа? У какого входа?

— На площади Марка Четвертого, разумеется. Где еще, по-твоему, он может находиться?

Хороший вопрос. А я-то думал, что там только статуя. Мне и невдомек было, что это — резиденция Марка.

Пока мы туда добрались, я избавился от всего, в чем не было нужды, — начиная с упряжки. Бороду, правда, оставил — на тот случай, если по пути нам встретятся патрульные. И они встретились.

— Притормози, — велел я Ниби. — Не стоит привлекать к себе внимания.

Сержант, возглавлявший патруль, устремил на нас пылающий взгляд.

Я игнорировал его, зато с любопытством посмотрел на его подчиненных.

Когда патруль сворачивал за угол, последние двое солдат отделились и метнулись в открытую дверь здания. И исчезли. Выходит, дезертиры не только не возвращаются — их число растет.

Отлично! Если так пойдет дальше, в армии Зеннора скоро останутся только офицеры и сержанты, а с таким контингентом войну не выиграешь. На площади я сорвал бороду и избавился от морщин, тем самым сбросив лет сорок.

Стирнер уже ждал возле статуи.

— Хотел бы я пойти с тобой, — сказал он.

— И я, — подхватила Ниби. — Наверное, потолковать с Марком было бы просто здорово. Но идти к нему непрошеными нам нельзя.

— Как туда войти?

Стирнер показал на маленькую бронзовую дверцу в пьедестале.

— Сюда.

— А ключ?

Стирнер и Ниби в изумлении уставились на меня.

— Какой еще ключ? Не заперто!

— А, ну конечно,— пробормотал я. Подумать только! Сотни лет, тысячи лет эта дверь открыта, и никто не удосужился войти.

Я толкнул ее, и она тихонько заскрипела. За ней показалась лестница, ведущая вниз. Пыльные ступеньки привели меня в тускло освещенную комнатку с обитой золотом дверью в стене.

На двери красовалась надпись: «ПОЖАЛУЙСТА, ВЫТИРАЙТЕ НОГИ». Над ней — бессмертные слова, выложенные бриллиантами: «Я СУЩЕСТВУЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, Я МЫСЛЮ».

Под дверью лежал коврик. Я вытер ноги, глубоко вздохнул и взялся за ручку, изготовленную из цельного рубина. Дверь бесшумно отворилась (похоже, петли были недавно смазаны), и я вошел в просторное светлое помещение. Там было сухо, гудел кондиционер. Посреди комнаты стоял Марк Четвертый. В точности такой, как на портретах. С той лишь разницей, что от него к множеству стоящих поблизости аппаратов шли провода. В одном из аппаратов я узнал телекамеру. Встав напротив нее, я отвесил поклон. Интересно, поняла ли разумная машина, что это — жест вежливости? Марк Четвертый молчал, и мне становилось все неудобней. Я кашлянул.

— Я полагаю, вы — Марк Четвертый?

— Разумеется. А кого еще вы ожидали здесь гррк...

Голос сменился жутким скрежетом. На передней панели отскочила крышка, и из отверстия повалил дым. Я разозлился.

— Отлично! Просто замечательно! Сотни лет этот электронный всезнайка стоит в склепе, храня в ячейках памяти мудрость веков, а стоит мне войти и задать один-единственный вопрос, он взрывается и издыхает...

За спиной у меня загудело, и я отскочил, повернулся и принял защитную стойку.

Но это оказался всего-навсего роботремонтник на колесах. Он подъехал к Марку Четвертому и сунул в отверстие клешнеобразный манипулятор. С хрустом выдрав оттуда перегревшую деталь, робот бросил ее на пол, вставил новую и убрался восвояси.

— Нет,— глубоким звучным голосом ответил Марк Четвертый.— Я не взорвался и не издох. Это случилось с блоком имитации голоса. Я слишком давно им не пользовался. Ты — инопланетник Джим ди Гриз.

— Совершенно верно, Марк. Для машины, давным-давно не вылезавшей из склепа, ты неплохо осведомлен.

— А зачем мне вылезать, Джим? Я же компьютер. Какая разница, где расположен мой главный процессор?

— Правильно, я об этом как-то не подумал.— Я уступил место роботу-уборщику, подобравшему с пола негодную деталь.— Ладно, Марк. Если ты знаешь, кто я такой, то тебе, наверное, известно, что творится в городе.

— Знаю, знаю.

— Ты смотрел выступление Зеннора по телевизору, ты знаешь, что происходит. Этот кровожадный дебил собирается расстрелять завтра поутру десять твоих приверженцев. Что ты намерен предпринять?

— Ничего.

— Ничего? — Придя в бешенство, я ударил ногой по панели.— Ты... Ты придумал индивидуальный мютюэлизм! Ты распространил свое учение по Галактике! Ты привел сюда верующих — и теперь, когда им грозит гибель, решил остаться в стороне?

— Пошел ты в задницу, Джим,— добродушно сказал он.— Я опубликовал политико-философский трактат. Только и всего. Люди его прочли, вдохновились и прилетели сюда, захватив меня с собой. Так что остынь, детка, и не позволяй эмоциям возобладать над логикой.

Я снова уступил место роботу-уборщику. Приблизившись к Марку Четвертому, он мокрой тряпкой стер с панели отметину от моего ботинка.

— Послушай, завтра на этой самой площади погибнут люди. Неужели ты ничем им не поможешь?

— А чем я могу помочь? Советом? Так любой совет можно найти в моих книгах. Люди ровно столько знают об индивидуальном мютюэлизме, сколько и я.

— И ты будешь равнодушно смотреть, как их убивают?

— Люди и раньше умирали за убеждения.

— Чудесно. А вот я не считаю, что это правильно. И кое-что предприму, в отличие от тебя.

— Что ты предпримешь?

— Еще не знаю. Посоветуй что-нибудь.

— Что?

— Как спасти людей? Как сорвать операцию и уничтожить Зеннора...

И тут меня осенило. Дискутировать с Марком не имело смысла — надо было просто воспользоваться его разумом. Если в его ячейках хранится информация, накопленная за тысячи лет, то наверняка там есть сведения, которые мне нужны. Ведь у меня есть птица-шпион!

— Ладно, Марк! Ты все равно поможешь мне, дружище. Мне нужна кое-какая информация.

— Ну, о чем разговор.

— Тебе известны координаты этой звездной системы и этой планеты?

— Конечно.

— Га! Дай-ка мне распечаточку, да побыстрее! Я pošлю сигнал на ССВ, позову на помощь флот Лиги.

— Не вижу в этом смысла.

Я взорвался.

— Не видишь смысла?! Ах, ты, идиотская машина! Я тебя прошу поделиться информацией, а ты не видишь смысла в том, чтобы спасти людям жизнь...

— Джим, друг мой инопланетный! Не выходи из себя, от этого повышается кровяное давление. Дослушай до конца. Я хотел добавить, что координаты нашей планеты тебе ни к чему. Ты уже послал сигнал на ССВ, когда включил замаскированный под птицу передатчик.

— Я послал сигнал на ССВ? — обалдело переспросил я.

— Да.

— Но... Но... Но... — Я умолк и, мысленно схватив себя за шею, хорошенько встряхнул. «Логика, Джим! Сейчас нужна логика!» — Но в своей речи, записанной на пленку, капитан Варод утверждал, что для этого необходимо знать координаты планеты.

— Это была откровенная ложь.

— Как и утверждение, что птица отправила радиogramму на обычных волнах?

— Конечно.

Я нервно расхаживал по комнате. Телекамера поворачивалась следом за мной. «Что происходит? Почему Варод обманул меня? А если он получил сигнал — почему он молчит? Ведь если он получил сигнал и не выслал флот мне на помощь, то ответственность за гибель людей ляжет на его совесть. Но офицеры Лиги дорожат своей репутацией, не могут они пойти на такое! И все же Марк, наверное, не лжет». Я резко обернулся к нему.

— А ну-ка, старая мыслящая жестянка, ответь, где сейчас флот Лиги? Уже прибыл или еще в пути?

— Извини, Джим, но чего не знаю — того не знаю. На последнем нашем орбитальном телескопе батареи сели лет двести тому назад. Понятия не имею, где этот флот, о котором ты говоришь. Но подозреваю, что очень и очень далеко.

Внезапно на меня накатила усталость, и я остановился. Да, денек нынче выдался еще тот. Я окинул комнату взглядом.

— Тут есть старый ящик или что-нибудь в этом роде? Мне бы сесть.

— О, прошу прощения. Наверное, хозяин из меня не слишком гостеприимный. Не было практики.

В комнату въехал диван на колесиках и остановился возле меня. Я с удовольствием на него плюхнулся.

— Очень мягко. Премного благодарен, — я облизал губы, и Марк понял намек.

— Располагайся поудобнее. Выпьешь что-нибудь?

— Почему бы и нет? Хорошая выпивка разговору не вредит.

— К сожалению, бар у меня сейчас не самый изыскан-

ный... Есть вино, но ему уже лет четыреста. Как бы в голову не ударило.

Ко мне подъехал столик. Сдув пыль с бутылки, я включил электронный откупориватель, и тот снял древнюю пробку целой и невредимой.

Я наполнил бокал и понюхал.

— О-о! Божественный запах!

Вкус оказался и того лучше. А вдвоем они — запах и вкус — живо прочистили мне мозги.

Я почувствовал, что смогу, пожалуй, справиться со своими проблемами.

— Который час? — поинтересовался я.

— До обещанной генералом Зеннором экзекуции более шестнадцати часов.

Потягивая вино, я перебирал в уме всевозможные варианты.

— Я послал сигнал, значит, флот идет на помощь. Но рассчитывать на его своевременное прибытие не приходится. Все-таки один плюс в этом есть — мне теперь не надо волноваться, что на этой планете я обречен жить до конца дней своих. Ладно, перейдем к делу. Что я могу предпринять для спасения людей, учитывая, что ты и твои мютюэлисты палец о палец для этого не ударите.

— Это не совсем так, Джим. Сейчас в городе проходят совещания, на которых обсуждается этот вопрос. К тому же, многие вернулись.

— Что, решили смириться? Согласились работать на оккупантов?

— Отнюдь. Они намерены протестовать, но в какой форме выразить свой протест, еще не придумали.

— Откуда ты все это знаешь? Через шпионов?

— Не совсем. Я подключился к каналам связи, линиям и прослушиваю все видеофонные переговоры.

— А к армейским каналам ты тоже подключился?

— Да. Очень интересно.

— Ты понимаешь язык пришельцев?

— Я понимаю все языки на свете.

Он разразился длинной тирадой на латыни — похоже, одна из речей Цицерона. Слушая его краем уха, я подумал, что поневоле отношусь к нему (или к ней?) как к человеку. А этого делать не следует.

Марк — это не человек, а мыслящая машина с непревзойденными умственными способностями. Как бы найти им полезное применение, вот вопрос.

— Марк, скажи, ты мне поможешь?

— Всем, чем смогу.

Попивая вино, я чувствовал, как его живительные токи разбегаются по телу. А главное — они здорово стимулировали мозги, пробуждали память. Мне вспомнилось одно пустяковое, казалось бы, событие, свидетелем которого я стал по пути сюда.

— Марк, сегодня я видел, как дезертировали двое солдат. А кроме них в городе сейчас есть дезертиры?

— Да, и презрительно. Сто двадцать один... прости, сто двадцать два. Только что прибыл еще один.

— Они все вооружены?

— То есть имеют орудия убийства? Да, все. Они сбежали из патрулей, разгуливающих по городу.

Не согласятся ли они воспользоваться своим оружием? А если согласятся, что мы сможем сделать? Мысль помаленьку обретала форму.

Клин клином вышибают. Ничего другого не остается. Налив себе еще вина, я повернулся к гостеприимному электронному хозяину.

— Я хотел бы встретиться и поговорить с дезертирами. И чтобы у них с собой было оружие. Ты мог бы это организовать?

Он долго молчал — видимо, рассчитывал последствия. Но я его не торопил.

— Все готово, — сказал он вдруг. — После наступления темноты люди, у которых они прячутся, приведут их в спортивный центр. Это совсем недалеко от места, выбранного генералами для убийств.

— Ты идешь впереди меня на один шаг.

— Надо полагать. Ведь я, что ни говори, куда разумнее, чем ты. Ну а поскольку до намеченного сбора еще не один час, не хочешь ли воспользоваться возможностью поболтать со мной? А то я уже тысячу лет, а то и больше, не имею представления о том, что творится в Галактике.

Тот день и вечер были для меня необычны. Память у Марка оказалась весьма внушительной, какой ей и полагалось быть, и я узнал от него много интересного. Но на один вопрос он так и не сумел мне толком ответить: где родилось человечество?

— Как и ты, Джим, я знаю только мифы, легенды... Будто бы человечество появилось на планете под названием не то Грязь, не то Земля. Но в моей памяти, увы, нет ее координат.

— Да я просто так спросил, не расстраивайся. Но мне, кажется, пора идти. Приятно было с тобой потолковать.

— И мне. Заходи в любое время.

— Обязательно зайду. Скажи, ты можешь выключить свет, когда я буду на верху лестницы?

— Запросто. Ты даже не представляешь, как тут все автоматизировано.

— А с электричеством нет проблем?

— Смею тебя заверить, никаких. Первое чувство, которое я познал, — это тяга к выживанию. В моем распоряжении вся электроэнергия города, загородные электростанции, аварийные батареи и бензиновый генератор, который можно завести в течение десяти минут. За меня не беспокойся.

— Не буду. Пока.

Я поднялся по длинной лестнице, и, как только дотронулся до двери, все лампы погасли.

Приотворив дверь, я осторожно выглянул и, не обнаружив патрулей, распахнул ее. Стирнер и Ниби сидели на скамье, дожидаясь меня.

— А вы не боитесь, что враг наткнется на вас после наступления комендантского часа?

— Не о чем беспокоиться,— ответил Стирнер.— Из армии сбежало столько солдат, что патрулирование, по всей видимости, прекращено. Военные не покидают базы и здания муниципалитета. Ну, расскажи, о чем ты говорил с Марком Четвертым?

Стирнер и Ниби даже дрожали от возбуждения.

— Да, собственно, о пустяках. Но Марк оказался очень гостеприимен. Кстати, у него там припасено два-три ящика отменнейшего вина...

— Я верю всему, что говорят о Марке Четвертом,— сказал Стирнер, и Ниби кивнула.— Но мне жаль, что он не помог тебе решить проблему казней.

Я часто заморгал.

— Откуда ты знаешь? Я ничего подобного не говорил.

— А зачем говорить? Марк Четвертый прекрасно знает, что с этой проблемой мы должны справиться сами. И мы с ней справимся. Решение уже принято. Завтра на место казни соберется весь город. Мы заслоним приговоренных собой.

— Благородно, но бессмысленно. Вас попросту перестреляют.

— Тогда наше место займут другие. Рано или поздно у военных кончатся заряды, и они поймут, что убийствами ничего не добьешься. Я уверен, что они не такие изверги, как их предводитель.

— Я бы не очень-то на это рассчитывал. Впрочем, у меня есть альтернативная идея. С помощью Марка я организовал сбор всех находящихся в городе дезертиров. Если вы окажете любезность и проведете меня в спортивный центр, у вас будет возможность ознакомиться с моим планом. Надеюсь, он покажется вам более разумным, чем ваш.

Мы неторопливо прогулялись до спортивного центра. Идти по вечерним улицам города было одно удовольствие — впервые я не опасался, что столкнусь с захватчиками. Нам встречались только группы горожан, идущих в том же направлении, что и мы, сопровождая вооруженных дезертиров. Те ухмылялись, не скрывая радости, что вырвались из армии. Глядя на них, я начинал волноваться, согласятся ли они пожертвовать своей едва обретенной свободой? Но у меня был только один способ выяснить это. Спортивный центр представлял собой стадион под куполом. На нижних рядах кресел разместились дезертиры, на верхних — заинтересованные гражданские зрители.

Я подождал, пока все усядутся и уgomонятся, и взял микрофон.

— Уважаемые бывшие военнослужащие, друзья мои! Многие из вас меня не знают...

— Все тебя знают, Джим! — крикнул кто-то. — Ты — тот самый парень, который едва не придушил генерала.

— В следующий раз будь удачливей!

Улыбнувшись, я подождал, пока утихнет шум.

— Спасибо, друзья, я рад, что вы одобрили мой поступок. Наш любимый генерал, эта задница Зеннор, затеял поутру расстрелять нескольких безоружных граждан. Тех самых людей, которые помогали вам и вашим товарищам бежать, которые протянули вам руку дружбы и дали вам приют. Теперь — ваша очередь помочь, и я скажу, как мы это сделаем. Мы нацелим это оружие, с которым нас научили обращаться, на Зеннора и его подручных, и пообещаем стереть их в порошок, если они посмеют тронуть мирных жителей. Это рискованный шаг, и нам его не простят. Но что-то ведь надо делать!

Ребята пошумели, поспорили, но, в конце концов, большинство проголосовало «за». Меньшинство, не сочтя возможным с достоинством удалиться, вынуждено было уступить. Горожане развели нас переулками по домам, выходящим окнами на площадь, и мы уснули в обнимку с оружием. Я не сомневался, что многие дезертиры ночью разбегутся, но надеялся, что оставшихся хватит, чтобы оказать мне мощную огневую поддержку.

В первых лучах зари я разглядел на площади движущиеся фигуры. Отодвинув в сторону плюшевого мишку, я смотрел вниз из окна магазина игрушек, который служил мне укрытием. На площади собирались войска. Привезли на грузовике и десяток заложников, связанных и в наручниках. Когда стало светлей, я увидел, что на площади нет рядовых. Ну, конечно, Зеннор больше не доверит рядовым грязную работу. Наверняка они сидят взаперти под надежной охраной. Зеннор вышел из здания муниципалитета и остановился посреди площади. И в тот же миг до меня донеслось рычание моторов и лязганье гусениц. На площадь выехали тяжелые самоходные артиллерийские установки. Этого я не учел. Как и того, что Зеннор вытащит из кобуры пистолет и высадит одно из окон магазина игрушек.

— Выходи, ди Гриз. Все кончено, — заорал он и следующим выстрелом продырявил плюшевого мишку.

Я отворил дверь и вышел на тротуар. А что еще оставалось делать? На все окна, за которыми прятались мои друзья-повстанцы, были нацелены пушки. А на лице Зеннора сияла злобная, торжествующая улыбка.

— Ты не забыл меня? Я — генерал. Неужели ты всерьез допускал, что твой идиотский замысел увенчается успехом? Мой агент во всех подробностях рассказал мне об этой дурацкой затее. Хочешь на него посмотреть?

По сигналу Зеннора из здания муниципалитета вышел один из дезертиров. У него были темные очки и огромные усы.

Когда он снял и то, и другое, я его узнал.

— Капрал Гоу?

— Разжалован в рядовые за то, что не сумел тебя задержать. Меня бы расстреляли, если бы я не был достаточно богат, чтобы откупиться. Но мое падение — это и твое падение. Эти вонючие свиньи, рядовые, не разговаривали со мной, потому что знали, кем я был раньше. Но я все равно заподозрил неладное, а когда они начали дезертировать, доложил генералу. По его приказу я отправился в город, и там изменники-туземцы дружно склоняли меня к дезертирству. Я пошел у них на поводу, и в результате генерал Зеннор получил исчерпывающий рапорт.

— Ты — крыса!

— Не смей оскорблять меня, шпион! Добрый генерал восстановил меня в звании капрала. А ты теперь — в заднице!

— Это точно! — подтвердил Зеннор, прицеливаясь мне в переносицу. — Ты проиграл, и пусть эта мысль будет твоей последней мыслью.

Признаться, тот момент был в моей жизни одним из самых неприятных. Чего уж приятного, когда рядом с тобой стоит генерал-убийца и ласкает пальцем спусковой крючок пистолета, нацеленного на тебя.

За ним с оружием наизготовку стояли его головорезы, а моих безоружных солдат со всех сторон пинками сгоняли на площадь.

— Даром тебе это не пройдет, Зеннор, — не очень-то уверенно сказал я. Но ничего другого в тот миг мне в голову не пришло.

— Еще как пройдет, шенок! — Поглаживая спусковой крючок, он поднял пистолет и прицелился мне в переносицу. Потом опустил. — Но я не хочу, чтобы ты отделался так легко. Перед смертью ты увидишь, как я перестреляю всех мерзавцев-дезертиров. Они имели наглость выступить с оружием в руках против своего командующего. За эту ошибку они понесут суровое наказание. Потом я казню десять заложников, как и обещал. Потом, и только потом, я убью тебя.

— Если я сам до этого тебя не прикончу! — зарычал я, чувствуя, как рот распяливается в зверином оскале. Терять мне было нечего. Вытянув руки перед собой, я пошел на Зеннора. И он побежал.

Но убежал он недалеко — всего лишь к ближайшей заложнице, седовласой старушке. Он схватил ее за руку и прижал ствол пистолета к ее виску.

— Ну, смелее, ди Гриз! Еще шаг вперед, и я нажму на спуск! Или ты в этом сомневаешься?

Нет, я не сомневался.

Поэтому я остановился. Вот-вот должно случиться непоправимое, а я ничего не мог поделать. У врагов было оружие; у меня не было ничего. И в этот тоскливый момент сквозь мрачную пелену тягостных мыслей я услышал топот множества ног. Я оглянулся. Как и Зеннор. Из-за угла

вывалила густая толпа горожан. В первом ряду шагали Стирнер и Ниби.

— Люди, немедленно сложите оружие! Мы не причиним вам зла, потому что мы никому...

— Еще одно слово, и я тебя пристрелю! — заорал Зеннор, побледнев, и прицелился в Стирнера. Тот холодно, равнодушно посмотрел на него.

— Верю, — сказал он. — До сего момента я сомневался в том, что человеческому существу под силу убить другое человеческое существо, но теперь я увидел тебя воочию и убедился в этом.

— Вот и прекрасно! В таком случае...

— Замолчи! Я все равно сделаю то, что задумал. Отберу у тебя оружие. Если не получится, это сделает кто-нибудь другой. Если и он погибнет — его место займет третий. Рано или поздно у вас кончатся патроны, и вы будете обезоружены. Вам не победить.

— Ошибаешься! — крикнул Зеннор. На губах его выступила пена, а в глазах горело безумие. Он оттолкнул заложницу и прижал пистолет к груди Стирнера. — Кишка у вас тонка, ребята. Стоит мне выстрелить и забрызгать толпу твоей кровью, как она разбежится. Стоит моим людям дать залп, и уцелевшие обратятся в паническое бегство. Сейчас мы так и сделаем, и ты меня не остановишь...

Я бросился к нему. Он толкнул на меня Стирнера и ударил меня пистолетом по голове, а затем прижал его к моему виску.

— Ди Гриз, тебе не терпится умереть? Отлично. В таком случае, ты будешь первым.

В этот миг на нас упала огромная тень, и в небесах загремел голос:

— Война окончена! Опустите оружие.

Над нами висел громаднейший крейсер, ошестинившийся пушечными стволами, нацеленными на войска Зеннора. Прибыл флот Лиги! Но слишком поздно для меня.

— Ни за что! — закричал Зеннор. — Огонь! Уничтожить заложников! Сбить корабли!

Не забыл он и обо мне. Плотнее прижал пистолетное дуло к моему виску и нажал на спуск. Осечка! Я заметил, что сустав его пальца побелел от напряжения — он изо всех сил давил на спуск.

Лицо Зеннора стало пепельно-серым — он понял, что происходит.

Я отскочил и выбил пистолет из его руки. Присев на корточки, я распрямился, как туго сжатая пружина, и вложил все свои силы в апперкот. Зеннор оторвался от земли и без чувств рухнул на землю. Глуповато улыбаясь, я потер разбитые суставы.

— Ваше оружие не действует! — громыхал с неба голос, порядочно искаженный эхом. Но я безошибочно узнал голос капитана Варода. — Корабль распространяет вокруг себя поле

энтропии, не позволяющее электронам двигаться или металлу соприкасаться с металлом. На живые существа это поле не воздействует, поэтому я прошу уважаемых жителей Чоджеки оказать нам услугу и разоружить захватчиков.

Послышался частый топот — дезертиры первыми бросились выполнять просьбу Варода. Я любовался на вытаращенные глаза офицеров и отвисшие челюсти сержантов. В днище корабля появилось отверстие, из него вынырнул и полетел к земле человек на тросе. На мое плечо легла чья-то рука. Я оглянулся и встретил сияющий взгляд Ниби.

— Вот и все, Джим.

— Да, все хорошо, что хорошо кончается. Захватчики улетят и никогда не вернуться. Вы снова будете хозяевами своей планеты. И мир воцарится навеки.

— Ты тоже улетишь?

Мое сердце гулко стукнуло. Схватив Ниби за руку, я приготовился утонуть в омуты ее глаз. Но вовремя вынырнул на поверхность.

— Не знаю... Здесь, конечно, замечательно, но, боюсь, для меня такая жизнь была бы слишком спокойной. Ты уж меня извини. В раю, конечно, неплохо, но я к нему не привык. Во Вселенной еще столько планет, где я не бывал... К сожалению, мне придется улететь.

— Оставайся лучше здесь, Джим, — посоветовал Варод, приближаясь к нам, — иначе снова угодишь за решетку. Не забудь — на одной из планет тебя ждут не дождутся.

— И это говорите вы, Варод! — возмутился я. — После того, как обманом заманили меня сюда и бросили на произвол судьбы, хотя я и послал вам сигнал на ССВ. Если бы вы немного опоздали, погибла бы половина населения планеты...

— Ничего подобного! Мы все время находились на орбите и следили за происходящим. Прослушивали каждое слово Зеннора. Мы прибыли через два дня после того, как ты отправил сигнал.

— Через два дня? Прослушивали Зеннора? Быть этого не может! Марк Четвертый знал бы об этом.

— А он знал. Мы с ним постоянно консультировались. Эта гениальная машина очень нам помогла.

— Ты хочешь сказать, что Марк Четвертый лгал мне? Как и ты?

— Да.

Я открыл и закрыл рот. Поразмыслил. Сказал:

— Так... Какого же черта вы заставили меня рисковать своей шкурой, если могли приземлиться давным-давно?

— Мы ждали выборов, — улыбаясь, ответил он. — Сделали все возможное, чтобы выманить Зеннора с его родной планеты. Подсовывали ему «шпионов» с радиопередатчиками, чтобы он знал, что за ним наблюдают, а, стартовав, отказался от мысли поддерживать радиосвязь с Невенкебла. А здесь за него взялся ты и причинил ему массу хлопот. Должен тебя поздравить — ты прекрасно справился со своей ролью. У него совер-

шенно не было времени думать о контактах со своей базой. А мы тем временем осуществили у него на родине небольшой государственный переворот, отобрав у военных бразды правления и передав их гражданским. Отныне на Невенкебла будет царить мир, а у власти стоять выборное правительство из штатских. А эти обезоруженные вояки будут возвращены на родину и демобилизованы.

— Вы меня выставили полным идиотом,— дружелюбно сказал я.— Заставили таскать каштаны из огня.

— Я впервые слышу это выражение, но ты, наверное, хочешь сказать, что тебе пришлось делать за нас грязную работу?

— Примерно так.

— Ты прав, но не совсем. Ведь у тебя была своя причина, по которой ты прибыл сюда. Если бы мы не следили за тобой и не пришли на помощь, ты бы погиб.

С этим трудно было спорить. Да, я прилетел сюда не по своей воле. Опустив взгляд на бесчувственное тело Зеннора, я с трудом подавил желание сломать ему два-три ребра.

— Что вы с ним сделаете?

— Зеннор психически болен и подвергнется лечению. Потом он станет совершенно иным человеком.

— А как насчет меня?

— Советую остаться здесь. Все-таки ты совершил побег из-под стражи, да и на Бит О'Хэзен тебя ждут не дождутся...

— Не тычьте меня носом в старое дерьмо! — возмутился я.— Вы что, забыли, что я — тайный агент флота Лиги? Что я помог вам обнаружить эту планету и сделал все, чтобы обеспечить вам успех? Даже от вашего имени обещал кое-кому вознаграждение...

— Да, я знаю, птица подслушала твой разговор с тем солдатом, Аспайей. Не беспокойся, мы ему заплатим.

— И мне заплатите.

Он потер подбородок и ухмыльнулся.

— Под платой ты подразумеваешь прощение всех грехов?

— Не только. Вы ликвидируете мое досье и выплатите мне жалование за все то время, которое я работал на вас.

— Ладно. Пока ты служишь флоту, никто не напомнит тебе о прежних проступках. Пожалуй, со временем из тебя получится неплохой агент, хотя ты слишком горяч...

— Ни за что! — воскликнул я.— Никогда! Чтобы я работал на закон? Чтобы я получал мизерную зарплату и ждал маленькой пенсии? Уж лучше умереть под забором. Нет, капитан, у меня собственные планы на будущее.

— Мечтаешь о карьере преступника?

— Совсем напротив. Я клятвенно вам обещаю — больше никаких преступлений! — Я прижал одну руку к сердцу, а другую поднял над головой.— Жизнь дала мне хороший урок. Я проклинаю свое преступное прошлое и даю торжественное обещание стать добпорядочным членом общества.

— Что ж, мальчик, ты меня радуешь. Так и быть, я позабочусь, чтобы тебе заплатили жалование. Хорошо, что ты решил встать на правильный путь.

— Да, сэр! Отныне я — честный человек.

Да, я солгал. Солгал с легким сердцем. А что еще оставалось делать, если все кругом, в том числе капитан флота Лиги и величайший искусственный разум во Вселенной, не стеснялись обманывать бывшего бедного пастуха свинообразов? У меня пересохло в горле, и я остро ощутил желание промочить его четырехсотлетним винцом. Отчетливо представив в своей руке полный стакан, я мысленно поднял его и произнес тост — за мое будущее! Облизав сухие губы, я повернулся к Ниби и Стирнеру.

— Друзья мои, сегодня у нас праздник. Предлагаю его отметить. Между прочим, тут неподалеку есть замечательный винный погребок...

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

Когда дверь офиса внезапно открылась, я понял, что игра окончена. Это было выгодное дельце, но ему пришел конец. Я встретил входившего полицейского, сидя в кресле и изображая на лице счастливую улыбку. Он шел тяжелой походкой с обычным для них угрюмым выражением лица и таким же обычным отсутствием юмора. Еще до того, как он открыл рот, я уже знал, что он скажет.

— Джим Боливар ди Гриз, я арестую вас по обвинению...

Я ждал слова «обвинение», именно этого слова. Когда он произнес его, я нажал кнопку, соединенную с зарядом пороха в патроне. Заряд взорвался, освободил защелку, и трехтонный сейф рухнул на голову полицейского. Он сделал из него кашу. Когда облако штукатурки осело, я увидел только одну слабо шевелившуюся руку. Она подергивалась до тех пор, пока не зафиксировала указующий перст, направленный на меня. Голос полицейского был слегка приглушен сейфом и звучал раздражающе отрывисто. Он бубнил:

— ...по обвинению в нелегальном въезде, краже, подлоге...

Он долбил и долбил монотонно; это был бесконечный список, но я уже все это слышал раньше. Я переложил все деньги из ящиков письменного стола в кейс. Список моих прегрешений закончился новым обвинением, и мне послышались в его голосе нотки обиды.

— Ко всему прочему вам добавляется обвинение в нападении на полицейского робота. Это бессмысленно, так как мой мозг и гортань бронированы, а в моей средней секции...

«Что я знаю точно, Джордж, так это то, что у тебя на макушке расположен маленький двусторонний передатчик, а мне так не хотелось бы, чтобы ты в данный момент обратился к друзьям».

Один хороший пинок отодвинул потайную панель в стене, открывая доступ к ступеням. Когда я обходил груды штукатурки на полу, пальцы робота рванулись к моей ноге, но я ждал этого, и ему не хватило пары дюймов. За свою жизнь я не раз встречался с полицейскими роботами и отлично знал, что они практически неразрушимы. Вы можете бить их сверху, взрывать снизу, а они тащатся за вами, подтягиваются, если остался целым хотя бы один палец, и непрерывно изливают на вас целые ушаты сахариновой морали. Именно это сейчас и делалось. Он разобрал всю мою преступную жизнь, цену моего долга обществу и тому подобное. Я слышал эхо его голоса в лестничном пролете, даже когда достиг подвала. Сейчас на счету была каждая секунда. У меня было около трех минут до того, как они сядут мне на хвост, и не больше одной минуты и восьми секунд, чтобы по-

кинуть здание. Еще один пинок, и открылся проход в комнату без таблички и номера. Ни один из роботов и не взглянул, как я спускался вниз. Я бы страшно удивился, будь это не так. Все они были устаревшего М-типа, со слабо развитым мозгом, пригодные только для простой однообразной работы. Им было абсолютно все равно, зачем они сдирают наклейки с заполненных консервных банок, и что находится на другом конце конвейера, который доставлял эти банки через стену. Они не поднимали взгляда, даже когда я открыл ведущую за стену дверь, которая никогда не открывалась. Я не стал ее запираť, так как сейчас всякие секреты уже не имели смысла. Двигаясь вдоль грохочущего конвейера, я прошел через грубую дыру, пробитую мной в стене правительственных складов. Я и конвейер сам установил, и дыру сделал — конечно, нелегально. В склад вела еще одна дверь. Автопогрузчик деловито накладывал банки на ленту конвейера, выгребая их из огромного контейнера. Этот со своими минимозгами не тянул даже на робота. Я обошел его и помчался вниз по проходу. Звуки моей подпольной деятельности замирали за моей спиной. Я улыбнулся от приятных воспоминаний. Это был один из моих чудных маленьких рэкетов. За небольшую сумму я арендовал склад, который примыкал к правительственным складам. Простая дырка в стене — и я получил доступ к целому ассортименту разнообразных товаров, которые, как мне было известно, в таких больших складах не трогались месяцами, а то и годами. Не трогались, разумеется, пока не было меня. После пробития дыры и установки конвейера все остальное было делом техники. Я нанял роботов сдирать старые наклейки и лепить новые, которые я отпечатал. Торговал я совершенно легально. Мой ассортимент был наилучшим, а цены, естественно, очень низкими. Я мог позволить себе продавать дешевле конкурентов и, тем не менее, получать значительную прибыль. Местные оптовики быстро поняли свою выгоду, и у меня появились заказы на месяц вперед. Это была отличная операция, и она могла бы длиться еще долго. Я быстро подавил в себе этот поток мыслей. Одним из основных правил моего бизнеса было: если операция закончена, значит — ЗАКОНЧЕНА! Искушение потянуть еще денек или получить еще по одному чеку могло быть губительным. Ах, как хорошо я это знал! И знал также, что это наилучший способ познакомиться с полицией. «Поворачиваться и убираться, а на другой день за то же самое приниматься!» — это мой девиз, и девиз отличный. Всякие мечтания и фантазии не для меня. Я выбросил из головы все мысли, когда достиг конца прохода. Снаружи сейчас тьма полицейских, и я должен действовать быстро и безошибочно. Быстрый взгляд налево и направо. Никого. Два шага вперед, нажимаю на кнопку лифта. Я установил на этом лифте приборчик, показавший, что им пользуются не чаще одного раза в месяц. Через три секунды он явился пустой. Я влетел в него, одновременно нажимая кнопку «крыша». Подъем, казалось, никогда не кончится, но это только казалось. Он длился

точно четырнадцать секунд. Началась наиболее опасная часть дела. Мой 75-калибровый был у меня в руке, он «позаботится» об одном полицейском, но не более. Дверь открылась, и я вздохнул с облегчением. Никого не было. Их, видимо, столько согнали к входам, что некого было уже послать на крышу. На открытом воздухе сразу стали слышны звуки сирен — чудесные звуки. Такой шум могла создать только по меньшей мере половина всех полицейских сил страны. Я, как истинный артист, преисполнился гордости. Доска лежала там, где я ее оставил — позади подъемника. Она немного выцвела, но была еще довольно крепкая. Понадобилось несколько секунд, чтобы установить ее на парпет и перекинуть к следующему зданию. Да, это был самый опасный участок пути. Скорости тут не требовалось. Я осторожно ступил на край доски, кейс прижал к груди и старался удерживать центр тяжести над доской. Я сделал шаг вперед. До земли лететь тысячу футов. Если не смотреть вниз, можно пройти. Все. Теперь надо поднажать. Хорошо, если они не заметят сразу эту доску на парпете. Десять быстрых шагов — и передо мной дверь на лестницу. Она открылась легко; конечно, не случайно: я тщательно смазал петли. Войдя внутрь, я закрыл засов и с облегчением вздохнул. Это было еще не все, но худшая часть, где я подвергался максимальному риску, осталась позади. Еще две минуты — и они никогда не найдут Джима Боливара ди Гриза по кличке Скользящий Джим. Лестницей на крышу, грязной, плохо освещенной, никто не пользовался. Неделию назад я тщательно проверил ее. Аппаратов для прослушивания и тайного наблюдения на ней не было. Пыль лежала нетронутой, за исключением моих собственных отпечатков. Была надежда, что аппаратов нет и сейчас. Оправданный риск в таком деле всегда имеет место. Прощай, Джим ди Гриз, вес девяносто восемь килограммов, возраст около сорока пяти, округлый животик, мощные челюсти — типичный бизнесмен, чей портрет вместе с отпечатками пальцев известен полицейским тысяч планет. В первую очередь долой отпечатки. Когда надеваешь их, они словно вторая кожа. Несколько капель растворителя — и они слезают, словно пара прозрачных перчаток. Теперь очередь одежды, а затем плого пояса, тщательно укрепленного вокруг поясницы и содержащего двадцать килограммов свинца, смешанного с термитом. Пригоршня красителя из бутылки — и мои волосы и брови приобрели естественный коричневатый цвет. За щеки вставлены подушечки, в ноздри — расширители. Затем пошли в ход контактные линзы голубого цвета. Я стоял в чем мать родила и чувствовал, что будто родился заново. Это было недалеко от истины. Я стал новым человеком — на двадцать килограммов легче, на десять лет моложе и с совершенно другой внешностью. В большом кейсе лежал полный комплект одежды и темные очки, которые можно использовать вместо контактных линз. Все деньги были аккуратно уложены в коробку. Выпрямившись, я и вправду почувствовал, словно сбросил десять лет. Тут все дело в весе. Я

не замечал пояса, пока его не снял, а сейчас чуть не подпрыгивал на каждом шагу. Термит должен уничтожить все улики. Я свалил все в кучу и запалил. Бутылки, одежда, сумка, ботинки и все остальное вспыхнули и сгорели в ослепительном пламени. Полиция, может быть, отыщет щепотку цемента, да микроанализ даст пару молекул, но это и все, что они смогут найти. Пламя горящего термита еще отбрасывало вокруг меня тени, когда я спустился на три пролета к сто двадцатому этажу. Удача пока не покидала меня. Когда я открыл дверь, на этом этаже никого не было. Минутой позже скоростной лифт, подобрав на пути нескольких других бизнесменов, доставил меня в вестибюль. На улицу вела единственная дверь, над которой была установлена портативная телевизионная камера. Но не было заметно никаких попыток остановить входивших и выходивших из здания людей. Большинство их даже не замечало камеры и небольшой группы копов около нее. На мгновение я оказался в поле зрения этого холодного стеклянного глаза. Ничего не случилось. Значит, я был чист. Эта камера должна была иметь связь с главным компьютером полицейского управления. Если бы мое описание хотя бы в основном сошлось, мгновенно было бы дано указание этим роботам, и я не успел бы и шагу ступить. Мы не можем состязаться в скорости с комбинацией компьютер — робот, так как ее реакция измеряется микросекундами, но мы можем перехитрить ее, что я и проделал снова. Через десять кварталов отсюда я взял такси. Отъехав на значительное расстояние, я взял второе, но только в третьем почувствовал себя в безопасности и направился к космопорту. Звуки сирен позади меня становились все слабее, и только один случайный полицейский кар промчался навстречу. Они устроили страшную суету вокруг такого пустякового воровства, но так всегда бывает в этих сверхцивилизованных мирах. Преступление сейчас — такая редкость, что полицейские действительно «землю роют», когда что-то нащупают. Я не мог порицать их за откровенное служебное рвение. Я искренне считал, что они должны быть мне благодарны за то небольшое удовольствие, которым я нарушил однообразную тупость их жизни.

Поездка в космопорт, расположенный, конечно, далеко от города, проходила спокойно. Я мог наконец предаться течению мыслей; было время даже пофилософствовать. Наконец-то я мог снова наслаждаться хорошей сигарой. В своей предыдущей жизни я курил только сигареты и никогда не нарушал этого правила, даже находясь в одиночестве. Сигары были отличные, хотя и пролежали полгода в специальной коробке в сумке с одеждой. Я глубоко затянулся, с удовольствием поглядывая на мелькавший мимо пейзаж. Хорошо быть свободным от работы, но так же хорошо быть и при деле. Я, пожалуй, затруднился бы ответить, какой из периодов доставляет мне большее удовольствие; у каждого были свои прелести. Моя жизнь настолько отличается от

жизни большинства людей нашего общества, что, боюсь, даже не смогу им этого объяснить. Они существуют в богатом, очень богатом союзе миров, где практически уже забыли, что означает слово «преступление». Однако, несмотря на века генетического контроля, есть очень небольшое число недовольных и еще меньшее число тех, кто вообще не принимает существующий социальный порядок. Некоторые из них являются рано и быстро приводятся к норме, другие не показывают своей слабости, а когда становятся взрослыми, понемногу приворожывают — в квартирах по ночам, в магазинах или еще где-нибудь. Потом они исчезают на неделю или на месяц в зависимости от степени своей сообразительности. Но, благодаря последним достижениям техники, полиция отыскивает и вылавливает их. Вот это, пожалуй, и все преступления в нашем организованном, прекрасном мире. Точнее, девяносто девять процентов их. Но есть еще последний, самый главный процент, ради которого и содержат полицейский департамент. В этот один процент входят я и горстка людей, рассеянных по всей галактике. Теоретически мы не существуем, а если и существуем, то не можем действовать; однако мы действуем. Мы — крысы в пределах общества, мы живем вне его запретов и правил. Чем мягче законы общества, тем больше в нем крыс, так же как в старых деревянных строениях крыс больше, чем в железобетонных, поставленных позднее. Но они есть и там. Сейчас все общество — это железобетон и нержавеющая сталь, все меньше остается щелей и зазоров, и крысе нужно быть очень шустрой, чтобы найти их. В такой среде нормальным явлением в доме будет крыса из нержавеющей стали. Быть крысой из нержавеющей стали странно и почетно, особенно, если вы шатаетесь по галактике. Эксперты-социологи не приходят к соглашению о причине вашего существования, а некоторые в него просто не верят. Наиболее распространенная теория говорит, что мы — жертвы некоторых психологических расстройств, которые не проявились в детстве, когда могли быть исправлены, а обнаружили лишь позже. У меня на этот счет своя точка зрения, не совпадающая с теорией. Несколько лет назад я написал небольшую книгу по этому поводу — под псевдонимом, конечно. По моей теории это отклонение как психологическое, так и нет. На определенной стадии интеллектуального развития индивидуум должен сделать выбор: либо жить вне условностей общества, либо умереть от абсолютной скуки. У окружающей жизни нет ни будущего, ни свободы, альтернативой может быть только другая жизнь с полным игнорированием законов. Для авантюристов и джентльменов удачи нет такого варианта — жить как внутри, так и вне общества. Сегодня надо делать выбор: все или ничего. Чтобы сохранить нормальную психику, я выбрал второе. Негативная часть моих размышлений была прервана прибытием в космопорт. В наших делах праздность и бездеятельность очень опасны. Они вместе с жалостью к себе могут полностью вывести вас из строя.

Активность всегда помогала мне, ощущение опасности и погони всегда прочищало мне мозги. Расплачиваясь за проезд, я обдурил водителя, спрятав в рукав одну из отсчитанных ему кредиток. Он был слеп, как корабельная переборка, его доверчивость потешила меня. Сделал я это только от скуки и тут же дал ему двойные чаевые. За окошком билетной кассы сидел робот-клерк, у которого роль камеры исполнял третий глаз в центре лба. Пока я покупал билет, он слабо пощелкивал, регистрируя мою личность и место назначения — нормальная полицейская предусмотрительность. Я был бы удивлен, если бы этого не случилось. Целью моей поездки была внутренняя система. На этот раз я не собирался совершать межзвездного прыжка, как обычно поступал после большого дела: в этом не было необходимости. Для большой работы мономир или небольшая система маловаты, но Бета Цигнус имела около двадцати планет с атмосферой, похожей на земную. Только на планете III сейчас было жарковато, на остальных же погода была в самый раз. Коммерческая конкуренция внутри системы отсутствовала, а полицейский департамент, по моим данным, работал неважно. Пусть за это и поплатится. Мой билет был на Морий, номер XVIII, большую и в основном сельскохозяйственную планету. В космопорту было несколько небольших магазинчиков. Я внимательно осмотрел их и приобрел новый кейс с полным набором одежды и необходимыми дорожными принадлежностями. Напоследок я зашел к портному. Он быстро соорудил для меня пару дорожных костюмов и форменную юбочку в складку, и я забрал все это в примерочную кабину. Во избежание неприятностей я повесил один из костюмов поверх оптической наблюдательной камеры на стене, нарочито громко стал снимать ботинки, а сам занялся подделкой только что купленного билета. На другом конце моего ножа для обрезки сигар находился перфоратор, с помощью которого я изменил пробитый на билете код места назначения. Теперь я летел вместо XVIII на планету X, и на этом изменении курса потерял почти двести кредиток. В этом и состоит суть моего метода. Никогда не увеличивайте стоимости билета — слишком много шансов засыпаться. Если же вы уменьшите его стоимость, то даже когда это будет замечено, все сочтут это ошибкой машины. Ни у кого не возникнет и тени подозрения, так как терять на подделке деньги — явная бессмыслица. Чтобы не вызвать подозрений у полиции, я снял костюм с камеры и занялся примеркой. Когда все было готово, у меня оставался еще час до отправления корабля. Я пошел в автоматическую чистку и через некоторое время получил всю мою новую одежду вычищенной и выглаженной. Ничего интересного для таможенников: кейс, полный поношенной одежды. Они быстро пропустили меня, и я погрузился. Корабль был заполнен только наполовину, и мне удалось занять место рядом со стюардессой. Я безуспешно флиртовал с ней, пока она не ушла, записав меня в категорию САМЕЦ, НАХАЛ, ПРИСТАВАЛА. Старая дева, сидевшая рядом со мной, занесла меня

в тот же раздел. Она демонстративно смотрела в окно, всем своим видом выражая холодное презрение. Я счастливо задремал, так как быть отмеченным и попасть в категорию в данном случае было лучше, чем не быть отмеченным. Мое описание теперь неотличимо было от описания любого другого парня, а это мне и было нужно. Когда я проснулся, мы были уже рядом с планетой Х. Я еще чуть-чуть подремал, пока корабль не приземлился. Пока чиновники осматривали мой багаж, я закурил сигару. Мой запертый портфель не вызвал никаких подозрений, поскольку шесть месяцев назад я предусмотрительно подделал бумаги, в которых стал фигурировать как банковский курьер. Межпланетный кредит на этой планете практически отсутствовал, и таможенники привыкли видеть кучи наличных, перевозимых туда и обратно. Почти автоматически, по привычке замечать следы, я перебрался в большой центр текстильной промышленности Бругкх, расположенный более чем в тысяче километров от точки моего приземления. Используя полностью измененные идентификационные документы, я зарегистрировался в тихом отеле в пригороде. Обычно после большого дела, подобного последнему, я отдыхал два-три месяца. Это было необходимо, хотя я и не ощущал такой потребности. Прогуливаясь вокруг города и делая небольшие покупки, я присматривал для себя возможности нового дела, одновременно восстанавливая личность Джима ди Гриза. День ото дня я убеждался, что выгляжу все лучше и лучше. Мне всегда удавалось ускользнуть от лап закона, и одной из главных причин этого было то, что я никогда не повторялся. Я придумывал какой-нибудь чудненький маленький рэкет, потом удибал оттуда и никогда больше не возвращался к нему. Единственной общей чертой всех этих рэкетов было то, что они делали деньги, а единственное, что я еще не успел проделать, был вооруженный грабеж. Пора было обдумать и этот вариант. Восстанавливая брюшко Скользящего Джима, я обдумывал планы операции. К тому времени, когда были готовы напальчники с новыми отпечатками, операция была спланирована. Как и всякое по-настоящему хорошее дело, она была гениально проста. Я собирался заняться Морансом — крупнейшим универсальным магазином в городе. Каждый вечер в одно и то же время бронированный автомобиль увозил дневную выручку в банк — гигантскую сумму в кредитных билетах. Передо мной стояла одна единственная реальная проблема — как один человек сможет унести это огромное количество денег. Когда я получил ответ на этот вопрос, операция была готова. Все приготовления, конечно, велись мною мысленно, пока я снова не обрел обличье Джима ди Гриза. Как только брюшко опять округлилось, я почувствовал, что снова нахожусь в норме. Почти с удовольствием выкурив первую сигарету, я приступил к работе. День или два на несколько покупок или пустяковых краж — и я был готов. Работа была запланирована на следующий день после обеда. Купленный мною большой фургон, вид которого

я изменил до неузнаваемости, был ключом к операции. Я припарковал его в Г-образной аллее в полумиле от Мораиса. Фургон почти полностью блокировал аллею, но это было неважно. Ею пользовались только ранним утром. Неспешно двигаясь обратно к магазину, я достиг его почти одновременно с броневиком. Я для виду изучал стену гигантского здания, в то время как охрана носила деньги. Мои деньги. Я думаю, что у некоторых людей со слабым воображением ситуация вызвала бы благоговейный ужас. По меньшей мере пятеро вооруженных охранников стояли около входа, еще двое стояли сбоку, да еще водитель и его помощник. Как дополнительная предосторожность, фыркали три мотоцикла. Они должны были в качестве прикрытия сопровождать автомобиль в пути. Очень впечатляюще! Я с трудом подавил улыбку, когда подумал, что произойдет со всеми этими тщательно продуманными предосторожностями. Еще раньше я сосчитал количество тюков, выносимых через дверь. Их всегда было пятнадцать, не больше и не меньше, и это сильно помогло мне в разработке операции. Как только в броневик была загружена четырнадцатая пачка, в дверях показалась пятнадцатая. Водитель, как и я, вел счет. Он вышел из кабины и пошел к задней дверце, чтобы запереть ее, когда погрузка будет закончена. Мы действовали исключительно синхронно. В тот момент, когда он подошел к задней дверце, я подошел к кабине. Спокойно и уверенно я влез внутрь и захлопнул за собой дверь. Помощнику хватило времени лишь на то, чтобы открыть рот и вылупить глаза. Я шмякнул ему на колени анестезирующую бомбу, и он тут же отключился. Себе я, конечно, предварительно вставил в ноздри соответствующие фильтры. Заводя мотор левой рукой, я правой выбросил через окошко назад бомбу побольше. В ушах отдалось приятной музыкой, когда охранники упали на землю, а также в кузов. Вся процедура заняла шесть секунд. До стражников, оставшихся на ногах, наконец-то дошло, что происходят странные вещи. Я дружески помахал им через окно и рванул броневик от обочины. Один из них бросился вслед и попытался вскочить в открытую заднюю дверь, но уже не успел.

Все произошло так быстро, что никто из охранников и не подумал стрелять, а ведь я был уверен, что без нескольких пуль дело не обойдется. Малоподвижный образ жизни на этих планетах притупляет рефлексy. Мотоциклисты опомнились быстрее и бросились за мной, когда я еще не успел отъехать на сотню футов. Я чуть притормозил, чтобы они приблизились, а затем нажал на акселератор, не давая им обогнать меня. Конечно, их сирены ревели, а револьверы стреляли, но я это предвидел. Мы неслись, как профессиональные гонимки, оставляя позади весь транспорт. У них не было времени подумать и понять, что, собственно, может произойти в результате. Ситуация была очень смешной, и я боялся расхохотаться, лавируя броневиком. Конечно, сигналы тревоги были слышны далеко, и дорога впереди должна была быть

заблокирована, но эти полмили мы пронесли на полной скорости. Через несколько секунд я увидел въезд в аллею и повернул машину туда, нажав в то же время кнопку моего карманного коротковолнового передатчика. По всей длине аллеи сработали мои дымовые бомбы. Они, конечно, были самодельными, как и все мое оборудование, но создали прекрасное темное облако дыма в этой узкой аллее. Я подал машину вправо, пока крылья не стали царапать по стене, и, немного снизив скорость, поехал так. Мотоциклисты, конечно, так сделать не могли, и перед ними встала дилемма: либо остановиться, либо сломя голову ринуться в темноту. Я надеялся, что они сделают правильный выбор и не станут подвергать себя опасности.

Предполагалось, что радиопулс, взорвавший бомбы, одновременно откроет заднюю дверь моего трейлера и опустит пандус. Все это прекрасно работало во время испытаний, оставалось надеяться, что не подведет и сейчас. Я попытался оценить расстояние по времени движения по аллее, но, видимо, неудачно. Передние колеса автомобиля буквально врезались в пандус, и броневик скорее впрыгнул, чем вкатился внутрь фургона. Меня сплющило, ударило, я вывалился из кабины, отскочил от борта и вывалился наружу. Из-за абсолютной темноты от дымовых бомб и сотрясения моих мозгов чуть не погибла вся операция. Я ощупывал стену, пытаюсь сориентироваться, и терял драгоценные секунды. Прошло некоторое время, пока я в конце концов не наткнулся на заднюю дверь. Послышались голоса охранников, бегавших взад и вперед в дыму: они услышали щелчок поднятого ската, и мне, чтобы сбить их с толку, пришлось выкинуть еще две газовые бомбы. Когда я добрался до кабины и завел фургон, дым начал рассеиваться, а через несколько футов я высочил на солнечный свет. Недалеко впереди аллея вливалась в центральную улицу, на которой стояли две полицейские машины. Достигнув ее, я остановился и внимательно изучил обстановку. К фургону никто не проявлял интереса, по-видимому, все внимание было приковано к другому концу аллеи. Я выехал на улицу и покотил в сторону от магазина, который ограбил. Конечно, в этом направлении я проехал всего несколько кварталов, а затем свернул на боковую улицу. На следующем углу я повернул еще раз и направился назад к Мораису, месту своего последнего преступления. Холодный воздух, врывающийся через окно, окончательно привел меня в чувство, и я начал насвистывать, ведя большой фургон по боковым улицам. У меня прямо зудело выехать на проспект перед Мораисом и взглянуть на весь их переполох, но не стоило рисковать, да и времени на это не было. Я аккуратно вел машину по разработанному маршруту, избегая улиц с интенсивным движением. Через несколько минут я выехал на погрузочную площадку, расположенную на заднем дворе магазина. Здесь тоже чувствовалось некоторое возбуждение, но оно терялось в обычной деловой суете. Пока роботы, не занимающиеся сплетнями, выполняли свою обычную работу, кучки водителей и продавцов

там и тут обсуждали свои точки зрения по поводу грабежа. Все они, конечно, были настолько увлечены беседой, что не обратили на меня никакого внимания. Я припарковал свою машину рядом с другим фургоном, выключил мотор и облегченно вздохнул. Первая часть была закончена, но вторая была не менее важной. Я порылся в своем набрюшнике, где хранил некоторое снаряжение. На работе я всегда был с ним, он был незаменимым в таких вот ситуациях. Обычно я не доверял стимулянтам, но сейчас потрясение от удара было все еще сильным. Две таблетки линолена подействовали достаточно быстро. Шаг мой снова приобрел упругость, когда я пошел к задней двери фургона. Помощник водителя и охранники все еще были без сознания и будут пребывать в этом состоянии по крайней мере еще десять часов. Я отволок их в чистенький закуток в передней части фургона и занялся делами. Поскольку, как мне было известно, броневик займет всю внутренность трейлера, я укрепил коробки на стенах. Это были прекрасные крепкие упаковочные коробки, разукрашенные надписями «Моранс». Я заранее аккуратно спер их со склада магазина. Это тоже прошло незамеченным.

Опустив коробки, я подготовил их для упаковки. Пот лил с меня градом, пришлось снять рубашку. Почти два часа я перекаладывал деньги. Когда коробка наполнялась, я закреплял ее лентой. Приблизительно каждые десять минут я посматривал в глазок через дверь. Снаружи все было спокойно. Полиция наверняка закрыла город и прочесывала улицу за улицей, высматривая автомобиль. Я был абсолютно уверен, что задний двор ограбленного магазина будет последним местом, куда они заглянут. Вместе с коробками я прихватил со склада и отгрузочные талоны и теперь лепил их по одному, вписывая туда разнообразные адреса и стоимости. Работа подходила к концу. Почти стемнело, но я знал, что отдел погрузки работал и ночью. Мотор завелся с полоборота, я выехал из ряда и стал медленно подавать задом к платформе. Выбрав относительно спокойный участок, я подергивал трейлер вплотную к линии, отделявшей приемную площадку. Я не открывал заднюю дверь до тех пор, пока все рабочие не отвернулись в сторону. Ведь даже самый тупой из них заинтересовался бы, почему из фургона выгружаются собственные фирменные коробки магазина. В течение нескольких минут производя выгрузку, я покрывал коробки брезентом, и только закрыв дверь фургона и заперев ее, я сбросил брезент и сел покурить. Ждать пришлось недолго. Сигарета еще дымилась, когда рядом появился робот из отдела погрузки.

— Послушай! У М-19, куда были загружены коробки, полетела тормозная лента. Позаботься о грузе.

В глазах робота мелькнуло чувство долга. Некоторые из этих лучших моделей М-типа относятся к работе с большой серьезностью. Я едва успел отскочить, как из дверей позади меня появились М-фуры. Быстрая суета сортировки и погрузки — и платформа начала пустеть. Закурив еще одну

сигарету, я наблюдал, как мои коробки штемпелюются и грузятся в рейсовые фургоны в местные транспорты. Мне оставалось только отвести свой трейлер на улицу и изменить внешность.

Садясь в трейлер, я в первый раз почувствовал, что что-то идет не так. Я, конечно, наблюдал за воротами, но близко к ним не подходил. Фургоны въезжали и выезжали. И тут меня словно молотом по голове ударили. Туда и сюда сновали одни и те же фургоны. Большой красный междугородний трейлер только что выехал. Я слышал эхо рева его двигателя вниз по улице. Затихая, оно перешло в слабое ворчание. Затем рев усилился снова, и трейлер въехал обратно через вторые ворота. За этой стеной стояли и ждали полицейские машины. Они ждали меня.

В первый раз я почувствовал острый страх затравленного человека. В первый раз на моем хвосте оказалась полиция, когда я ее не ждал. Деньги пропали, это было очевидно, но не это сейчас меня заботило. Главное, что будет со мной дальше. Сперва думать — потом действовать. На какое-то время я был в безопасности. Они, конечно, войдут, но дело пойдет медленно, так как они не знают, где меня искать в этом гигантском дворе. Как они найдут меня? Это было важным моментом. Местная полиция существует в мире, где почти нет преступлений, поэтому им нелегко напасть на мой след. Да я и не оставлял следов. Однако же ловушку мне устроили очень логично и технично. Неожиданно в мозгу возникли слова: «Специальный Корпус». Об этом нигде ничего не писалось и не печаталось, только одни слухи ползали по всей галактике. Специальный Корпус, отдел Лиги, который берется за решение проблем, непосильных для отдельных планет. Предполагалось, что это он покончил с остатками Рейдеров Хаскелла после заключения мира, вывел из дела подпольных торговцев Т, поймал в конце концов Инскиппа. Теперь настал мой черед. Они ждут, чтобы схватить меня. Они продумали все пути моего отхода и, наверное, блокировали их. Я должен соображать быстро и правильно. Существуют только два варианта: через ворота или через магазин. Через ворота не прорваться — их слишком легко перекрыть, а в магазине должны быть другие выходы. Придется выбрать этот вариант. Хотя я и пришел к такому выводу, но понимал, что другие мозги должны были мыслить точно так же, и двери наверняка заблокированы. Возникло чувство страха, и это вконец меня разозлило. Мысль, что кто-то предвосхитил мои действия, была для меня невыносима. Они могли все предусмотреть, но я должен утереть им нос за их деньги.

У меня все еще оставалось в запасе несколько хитростей. Во-первых, надо было сбить их со следа. Я переключился на первую передачу и направил фургон в ворота. Как только он достиг их, я поставил ведущие колеса на тормоза и, выскочив с противоположной стороны, помчался обратно. Позади меня раздалось

несколько выстрелов, глухой взрыв, и наступила тишина. Это мне больше понравилось.

На дверях, ведущих собственно в магазин, висели ночные замки, старомодные сигнализаторы, которые я мог открыть за несколько секунд. Отмычка сработала безукоризненно. Пинком ноги я открыл дверь. Сигнального звонка не последовало, но я знал, что где-то в здании индикатор показал, что дверь открыта. Я побежал как можно быстрее к последней двери на противоположной стороне здания. На этот раз я предварительно проверил отсутствие сигнальной сирены, открыл дверь и запер ее за собой. Самое трудное на свете — это убежать и оставаться при этом спокойным. Мои легкие разрывались, когда я добежал до служебного выхода. Несколько раз я видел вспышки света впереди и прятался в различных закоулках. Большая удача, что меня никто не заметил. Перед дверью, через которую мне надо было выйти, стояли двое мужчин в униформах. Держась вплотную к стене, я подкрался футов на двадцать и бросил газовую гранату. В первый момент мне показалось, что они в противогазах, и путь мой закончен, но через несколько мгновений они упали. Один из них перегородил дверь. Я откатил его в сторону и приоткрыл дверь на несколько дюймов. Не более чем в тридцати футах за дверью был установлен прожектор. Когда он вспыхнул, то ослепил меня до боли в глазах. Я едва успел присесть, как очередь из автомата проделала в двери ряд блестящих отверстий. Я буквально оглох от рева разрывных пуль, но сумел услышать снаружи топот сапог. Я выхватил свой 75-й и вцепился в дверь, целясь повыше, чтобы никого не задеть. Это вряд ли их остановит, но заставит на время залечь. Они открыли такой ответный огонь, словно там стояла целая батарея. Пули свистели по коридору, куски пластика летели во все стороны. За себя я был спокоен, я знал, что позади меня никто не появится. Буквально вжавшись в пол, я пополз в противоположном направлении, уходя с линии огня. Я дважды завернул за угол и, наконец, оказавшись достаточно далеко от стрельбы, рискнул встать. Колени мои подгибались, глаза застилали прыгающие цветные пятна. Прожектор хорошо поработал: все виделось, как в тумане. Я двигался медленно, стараясь уйти как можно дальше. А ведь залп последовал сразу же, как я открыл дверь, значит, был отдан приказ стрелять в каждого, кто попытается покинуть здание. Неплохая ловушка. Копы будут искать меня внутри до тех пор, пока не найдут. Если я попытаюсь уйти, меня застрелят. Все это начало сильно напоминать крысоловку. В магазине появился какой-то свет, и я замер. Я находился около стены огромного выставочного зала сельхозтоваров. В противоположном конце стояло три солдата. Мы увидели друг друга одновременно. Я шмыгнул в дверь, и над головой засвистели пули, круша все вокруг. Стало ясно, что военные были и внутри. Пульт вызова лифта был с другой стороны двери, рядом была и лестница наверх. Одним прыжком я вскочил в лифт, нажал кнопку подвального этажа

и тут же выскочил — до того, как дверь за мной захлопнулась. По лестнице грохотали приближавшиеся солдаты. Мне казалось, что я иду прямо на их пистолеты. Я должен был успеть к лестничному повороту хотя бы на долю секунды до их появления. Я влетел на первую площадку. Удача все еще была на моей стороне. Они не видели меня и думали, что я внизу. Прислонившись к стене, я слышал крики и свист, когда они понеслись ловить меня в подвале. В этой толпе оказался один смысленный. Когда другие побежали по ложному следу, я услышал, как он начал медленно подниматься по лестнице. Газовых гранат у меня больше не было. Оставалось только подниматься впереди него, стараясь производить как можно меньше шума.

Он поднимался медленно и упорно, а я крался перед ним. Мы прошли таким образом четыре пролета — я в носках, с ботинками на шее, он в тяжелых сапогах, грохотавших по металлической лестнице. Подойдя к пятому пролету, я остановился на половине шага. Кто-то спускался вниз, кто-то в таких же тяжелых военных сапогах. Я нашел дверь, открыл ее и проскользнул внутрь. Передо мной тянулся длинный коридор с различного вида конторами. Я помчался вдоль него, пытаюсь хоть где-то укрыться до того, как дверь сзади распахнется и меня перережет очередь разрывных пуль. Коридор казался бесконечным, и я внезапно понял, что мне ни за что не успеть добежать до конца. Я был крысой, которая ищет дырку, а дырки нет. Двери все до одной были закрыты. Я проверял их одну за другой, пробегая мимо. Лестничная дверь позади меня открылась, и пистолеты нацелились. Я не смел повернуться и убедиться, но чувствовал это всеми фибрами. Неожиданно одна из дверей подавалась, и я ввалился внутрь, не успев понять, что случилось. Я запер ее за собой и прислонился к ней в темноте, задыхаясь, как загнанный зверь. Внезапно зажегся свет, и я увидел мужчину. Он сидел за столом и улыбался мне. Нет предела силе шока, который может охватить человека. Я это понял на себе. Мне было уже все равно — выстрелит он или предложит мне сигарету. Я дошел до точки. Он не сделал ни того, ни другого. Он предложил мне сигару. Сигару!

— Возьмите одну из них, ди Гриз, мне кажется, это ваш сорт.

Тело — раб привычки. Даже рядом со смертью оно живет своей жизнью. Мои пальцы приняли самостоятельное решение и взяли сигару, мои губы сжали ее, а легкие всосали дым. Глаза мои все это время наблюдали за человеком, который мог послать смерть. Это нужно было видеть. Он наклонился в кресле и положил обе руки на крышку стола, а я все еще сжимал свой пистолет, направленный на него.

— Садитесь, ди Гриз, и уберите свою пушку. Если бы я хотел вас убить, то сделал бы это гораздо раньше, чем впустил в эту комнату.

Его брови поползли вверх от удивления, когда он увидел выражение моего лица.

— Уж не думаете ли вы, что случайно оказались именно тут?

Да, именно так я и думал до последнего момента, но сейчас, когда понял свою роль, меня охватил стыд. Меня перехитрили и победили во всем остальном, и мне оставалось только красиво сдаться. Я положил оружие на стол и уселся в предложенное кресло. Он смел пистолет в ящик и откинулся на спинку кресла.

— Я пережил тревожную минуту, когда вы стояли там, вращая глазами, а артиллерия крушила все вокруг.

— Кто вы?

Он улыбнулся резкости моего тона.

— Кто я — неважно. Важно, какую организацию я представляю.

— Корпус?

— Точно. Специальный Корпус. Вы ведь не думаете, что я из местной полиции? У них был приказ застрелить вас. Только после того, как я рассказал, как вас найти, они разрешили Корпусу принять участие в деле. У меня в здании было несколько человек, которые и «подтолкнули» вас сюда. Все остальные — местные, у них пальцы чешутся нажать на спусковой крючок.

Это было малопривлекательно, но это была правда. Я был у них под контролем, словно робот М-класса. Старик за столом — я думаю, ему было около шестидесяти пяти — держал в руках все нити. Игра была проиграна.

— Олрайт, мистер Детектив, можете торжествовать. Что дальше? Психологическая переориентация, лоботомия или просто стрелковый взвод?

— Да нет, ничего из этого. Я здесь, чтобы предложить вам работать на Корпус.

Сказанное было настолько диким, что я от хохота чуть не выпал из кресла. Меня, ди Гриза, межпланетного вора, на полицейскую работу? Это было слишком смешно. Он сидел и ждал, пока я успокоюсь.

— Я допускаю, что предложение имеет смешной оттенок, хотя только на первый взгляд. Подумайте и скажите, кто лучше справится с поимкой вора, чем другой вор?

В этом была доля правды, но я не собирался покупать свободу за службу провокатором.

— Интересное предложение, но я не могу выйти из общества «крыс». Вы знаете, что у воров есть свой кодекс.

Он разозлился и вскочил. Он был значительно выше, чем мне показалось сначала. Его указательный палец проткнул воздух в моем направлении.

— Что за глупости вы болтаете! Не стройте из себя героя телепостановки! Вы прекрасно знаете, что за всю жизнь больше не встретите другого вора! Если вы чистосердечно перейдете к нам, то, несомненно, извлечете из этого пользу. Вся суть вашей жизни — это индивидуализм и наслаждение от выполнения того, чего не могут сделать другие. Покончив с этим сейчас, вы опять к этому возвращаетесь. Вы не будете больше меж-

планетным суперменом, но вы можете заняться работой, которая потребует всех ваших способностей и таланта. Вы когда-нибудь убивали человека?

Этот неожиданный поворот выбил меня из колеи. Я даже замешкался с ответом.

— Нет, насколько мне известно.

— Хорошо, что нет, иначе вы не спали бы так спокойно по ночам. Я проверил это, прежде чем прийти сюда за вами. Вот поэтому я уверен, что вы войдете в Корпус и получите истинное удовольствие, вылавливая преступников другого сорта, не тех, у кого в крови социальный протест, а тех, кто убивает и наслаждается этим.

Его убежденность была потрясающей, он на все имел готовый ответ. Крыть мне было нечем, и я выдал свой последний, самый сильный аргумент.

— А что, если Корпус узнает, что вы завербовали на работу бывшего преступника? Нас обоих расстреляют на рассвете!

Теперь пришло его время смеяться. Я не видел в этом ничего забавного и терпеливо ждал, когда он закончит.

— Во-первых, мой мальчик, я и есть Корпус, то есть его руководитель. И как, ты думаешь, меня зовут? Гарольд Питер Инскипп, вот как!

— Не тот ли Инскипп...

— Тот самый, Инскипп Неуловимый, человек, который ограбил Фарсидион II в середине полета и сорвал множество других правительственных мероприятий. Я надеюсь, в юные годы вы читали об этом. Меня завербовали так же, как я вас сейчас.

Он держал меня на крючке и знал это, а теперь решил добить до конца.

— Откуда, вы думаете, берутся остальные агенты? Я, конечно, говорю не о тех лупоглазых из наших технических школ, я говорю о настоящих агентах, о тех, кто планирует операции, делает всю предварительную работу, а затем пожинает лавры. Они мошенники, все до одного. Все то, что они умеют делать лучше всего, они делают для Корпуса. Вы удивитесь некоторым проблемам, которые возникают в великой, необъятной, шумной вселенной. Единственные, кого мы можем пригласить к себе работать, это те, кто уже действовал успешно в таком масштабе. Ну, как?

Все происходило так быстро, что у меня не было времени подумать. Наверное, мне надо было поспорить, но мозг уже принял решение. Я был готов согласиться, я не мог сказать «нет». Я кое-что терял, но надеялся приобрести больше. Хотя у меня будет свобода при работе, но ведь я буду работать с другими людьми. Старые беззаботные безответственные деньки миновали. Я снова становлюсь членом общества. От этой мысли у меня появились приятные ощущения. По крайней мере, конец одиночеству. Дружба возместит мне то, что я теряю.

Никогда в жизни я так не ошибался. Люди, с которыми я встретился, были тупы до изумления. Они обращались со

мной, как с какой-то мелкой сошкой, и я не мог понять, как сюда угодил. Понимать-то я, конечно, понимал, память у меня ясная. Постепенно я закрутился в этом колесе. Мы находились на спутнике, это было очевидно. Но я совершенно не представлял, вблизи какой планеты или хотя бы в какой солнечной системе. Все было абсолютно секретно, а это место, похоже, было сверхсекретным Главным Штабом и основной базой школы Корпуса. Школа мне нравилась. Только это и удерживало меня от того, чтобы не спятить. Тупицы сидели и зубрили, а мне материал давался легко. Только сейчас я начал понимать, насколько серыми были мои операции. С той техникой и теми приспособлениями, о которых я узнал, я мог бы раньше быть в десять раз хитрее и сильнее. Эта мысль прочно засела в мозгу, особенно соблазнительной она казалась мне в периоды депрессии и тоски. Среди предметов были и жутко скучные. Половину времени занимала работа с архивами — изучение бесчисленных побед и нескольких неудач Корпуса. Порой меня одолевала смертельная тоска, но я понимал, что это, очевидно, часть проверочного периода — понаблюдать, не тянет ли меня к прошлому. Я умерил свой норов, подавил зевоту и собрался с мыслями. Раз я не могу ничего здесь изменить, значит, надо найти что-то такое, что положило бы конец моим каторжным работам. Это было нелегко, но я нашел. Через некоторое время я все разведal и выяснил. Заниматься этим пришлось, когда все спали, но это делало поиски в некотором роде даже более интересными. Когда дело дошло до отпираия замков и взламывания сейфов, я должен был признать, что это не дело. Дверь в личные апартаменты Инскиппа запиралась реверсивным барабаном старого типа, открыть который ничего не стоило. Мне нужно было войти в дверь без грохота, спокойно, но так, чтобы Инскипп услышал меня. Зажегся свет. Инскипп сидел на кровати, направив на меня 75-й калибр.

— Вы не спятили, ди Гриз? — проворчал он. — Прилеть в мою комнату ночью! Я мог застрелить вас!

— Нет, не могли, — ответил я.

Он спрятал оружие под подушку.

— Человек, столь любознательный, как вы, сначала спрашивает, а потом стреляет. А ведь все эти ночные страсти были бы ни к чему, если бы ваш экран был включен, и я мог бы вас вызвать.

Инскипп зезнул и налил себе стакан воды из автомата над кроватью.

— Из того, что я глава Специального Корпуса, — пробулькал он, — не следует, что я должен работать за весь Корпус. — Он опустошил стакан. — Мне надо иногда спать. Мой экран включен только для сверхсрочных вызовов, а не для каждого агента, нуждающегося в утешении.

— Не значит ли это, что я попал в категорию требующих утешения? — спросил я как можно слаще.

— Помешайте себя в любую категорию, черт вас возьми! — рявкнул он и упал снова на постель. — А также пере-

местите себя в коридор и приходите ко мне завтра в рабочее время.

Мне было жаль его. Он так хотел спать и собирался уснуть как можно скорее.

— Вы знаете, что это? — спросил я и подсунил под его длинный перебитый нос большой блестящий снимок. Один глаз медленно открылся.

— Большой военный корабль, по виду похож на имперский. А теперь убирайтесь наконец! — простонал он.

— Отличная догадливость для такого позднего часа, — вежливо сказал я. — Это последний Имперский Линкор Высшего Класа, несомненно, одна из наиболее мощных машин разрушения среди когда-либо созданных. Полная защитная экранизация на полмили в диаметре и вооружение, способное превратить любую существующую сегодня флотилию в радиоактивный пепел...

— Исключая тот факт, что последний линкор был превращен в металлолом свыше тысячи лет назад, — пробормотал Инскипп.

Я оглянулся, приложил губы к его уху и, чтобы исключить недоразумения, заговорил тихо, но четко.

— Верно, — сказал я, — но не удивитесь ли вы хоть чуть-чуть, если я заявлю, что один из них строится сегодня?

О, это надо было видеть! Одежда полетела в одну сторону, Инскипп отскочил в другую. Одним четким, быстрым движением он перешел из лежачего положения в стоячее и занялся изучением моего снимка. В пижаме он, конечно, смотрелся невыгодно: угловатое тело на хлипких ножках. Но если ноги были тонкие, голос был очень толстый.

— Говорите, ди Гриз, дьявол вас поберет! — заорал он. — Что это за чепуха о военном корабле? Кто его строит?

Я не спеша достал пилку для ногтей, эффектно откинул руку и стал обрабатывать ногти. Уголкем глаза я видел, как багровеет его лицо. Это была моя маленькая месть.

— Пошлите ди Гриза в архив, чтобы он лучше ориентировался. Копаться в пыльных вековой давности записях как раз то, что нужно для свободного духа Джима ди Гриза. Научите его дисциплине. Покажите ему, на чем стоит Корпус. Кстати, архив давно следует привести в порядок.

Инскипп открыл рот, чтобы оборвать меня, но тут же закрыл его. Он явно понял, что в данном случае меня лучше не перебивать, чтобы не затягивать дело. Я улынулся, кивнул в знак того, что он решил правильно, и продолжал:

— Таким способом вы хотели удержать меня на пути истинном, сломить мой дух под предлогом «получения некоторых сведений о деятельности Корпуса». В этом смысле ваш план провалился. Произошло нечто другое. Последовательно изучая архив, я нашел его очень интересным, особенно систему КиП — Категоризатор и Память. Это здание, полное машин, где собираются новости и отчеты со всех планет галактики. Все это классифицируется, помещается в соответствующие категории.

и фиксируется в Памяти. Я выкопал это в информации о космолетах, которую заказал для себя. Я всегда интересовался вопросом...

— Ну, еще бы,— прервал меня Инскипп,— вы в свое время украли не один корабль.

Я с горечью взглянул на него и неторопливо продолжал:

— Не буду надоедать вам подробностями. Я вижу, вы в нетерпении. В конечном итоге я выкопал этот чертеж.

Не успел я его достать, как он выхватил его из моих пальцев.

— И что это такое? — Он пробежал глазами по отпечатку.— Да ведь это обычный тяжелогрузный пассажирский корабль. Он такой же военный корабль, как я, например.

Нелегко одновременно говорить и презрительно кривить губы, но я постарался. Конечно, вы не найдете его в Реестре Лиги для военных кораблей. Но я говорил, что немножко разбираюсь в этом. Мне показалось, что корабль слишком велик для тех целей, которым должен служить. Он жрет уйму топлива. К тому же, достаточно и старых кораблей. Это заставило меня подумать, и я заказал полный список кораблей такого размера, сконструированных в обозримое время. Можете представить мое удивление, когда после трех минут размышления КиП выдала список всего из шести строк. Один был построен для освоения другой галактики и, насколько нам известно, все еще находится в пути. Пять других — все Д-типа, для переселенцев, построены во времена экспансии, когда перемещались огромные массы людей. Для нашего времени они непомерно велики. Мне никак не давала покоя мысль, для чего мог использоваться такой большой корабль. Я двинулся назад во времени, просматривая с помощью КиП всю историю освоения космоса, чтобы найти подходящий аналог, и вот обнаружил в Золотом Веке Имперской Экспансии военный корабль Высшего Класса. Машина даже сделала для меня отпечаток. Инскипп схватил оба отпечатка и снова стал их сравнивать. Я стоял за его спиной и указывал на наиболее интересные детали.

— Обратите внимание, машинный зал почти не изменен. Вот и грузовой трюм. Эта надстройка, очевидно внесенная в план в последний момент, убирается, и на ее место устанавливаются огневые башни. Корпуса идентичны. Изменение здесь, сдвиг там — и тяжелый грузовоз становится быстрым линкором. Эти изменения могли быть сделаны и во время постройки, а затем нанесены на чертеж. Через некоторое время кто-нибудь в Лиге обнаружит, что корабль закончен и может быть запущен. Конечно, могут сказать, что это случайность — чертежи вновь построенного корабля в шести местах совпадают с построенными тысячу лет назад. Но если вы так подумаете, я дам сто очков против одного, что вы ошибаетесь. Держу пари.

Никакого пари этой ночью не было. Инскипп не хуже меня имел нюх на всякие сомнительные делишки. Одеваясь, он продолжал задавать вопросы.

— А название миролюбивой планеты, которая строит это чудовище из прошлого?

— Циттануво. Вторая планета звезды В в Северной Короне. Единственная обитаемая планета в этой системе.

— Никогда о такой не слышал,— сказал Инскипп, открывая дверь в свой кабинет.— Это может быть как хорошим, так и плохим признаком. Не в первый раз беда приходит из таких мест, о существовании которых я никогда не подозревал.

С естественной сдержанностью, которой он всегда отличался, он нажал кнопку срочного вызова на своем пульте. Почти мгновенно сонные клерки и ассистенты притащили записи и отчеты. Мы вместе уткнулись в них. Скромность не позволяла мне говорить первому, но очень скоро Инскипп пришел к тому же выводу, что и я. Он отшвырнул папку и хмуро глянул в окно, где занималось утро.

— Чем ближе я смотрю на это,— сказал он,— тем подозрительнее это становится. На первый взгляд у этой планеты нет абсолютно никаких мотивов для использования военного корабля. Но они строят его, это несомненно, и я могу биться об заклад на стопку тысячных кредиток высотой с наш дом. И все же, что они будут с ним делать, когда построят? Культура у них процветает, безработицы нет, тяжелые металлы в избытке, полно прекрасных магазинов для всего, что они производят, нет кровной вражды, междоусобиц и тому подобного. Если бы не этот военный корабль, их можно было бы назвать идеальной планетой Лиги. Я должен узнать о них как можно больше.

— Я уже позвонил в космопорт от вашего имени,— сказал я.— Готовится скоростной катер.— Не позже чем через час я смогу вылететь.

— Не бегите впереди паровоза, ди Гриз,— сказал Инскипп ледяным тоном.— Пока еще приказы отдаю я, и именно я разрешу вам, когда придет время, командовать самостоятельно.

Чтобы подтолкнуть его к нужному решению, я стал слащав и улыбчив.

— Шеф, я ведь пытаюсь только помочь вам получить побольше информации. Это же не реальная операция, а только разведка. Я могу выполнить ее не хуже любого опытного оператора. А мне это поможет приобрести опыт, столь необходимый для получения какого-нибудь ранга.

— Ладно,— сказал он,— хватит болтать. Можете идти. Выясните, что происходит, и сразу же назад. Никакой самостоятельности. Это приказ!

Когда он сказал это, мне показалось, что он сомневается. И он был прав.

Отдел снабжения и отдел документов выдали мне все, что нужно. Солнце, чистое и ясное, стояло над горизонтом, когда мой корабль поднялся над серым полем и рванулся в космос. Путешествие заняло несколько дней — более чем доста-

точно, чтобы я систематизировал свои знания о Циттануво. Чем больше я узнавал, тем меньше понимал их нужду в военном корабле. Циттануво была повторно заселена из системы Циллини, а я был в этих поселениях раньше. Они все объединились в свободные союзы, иногда ссорились между собой, но до сражений дело не доходило. Они, как и все, разделяли общее чувство отвращения к войне. И тайно строили военный корабль? В конце концов думать об этом надоело, я выбросил эти мысли из головы и занялся интересной шахматной задачей. Время прошло быстро, и наконец в носовом экране блеснула Циттануво. Одним из моих наиболее важных принципов было: «Тайное не надо специально упрятывать». У фокусников это выполняется отвлечением внимания. Дайте людям увидеть все, что вы хотите, и они никогда не заподозрят, что за этим что-то скрывается. Поэтому я приземлился очень эффектным манером на самом большом поле в середине дня. Я уже был одет для своей роли и вышел из корабля, когда распорные стопоры еще вибрировали. Застегнув платиновой пряжкой меховую накидку на плечах, я начал спускаться по пандусу. Маленький крепыш-робот М-3 громыхал сзади с моим багажом. Игнорируя суетливую активность около таможни, я направился прямо к главному выходу, и только когда ко мне подбежал некто в форме, я проявил снисходительное внимание к окружающему. Не дав ему заговорить, я подошел к двери и остановился.

— Прекрасная у вас планета. Великолепный климат! Идеальное место для дачи. Приветливые люди, всегда готовые прийти на помощь другому. Примите мою глубокую благодарность. Большое спасибо, что встретили. Я — Великий князь Сант'Адело.

Я с энтузиазмом пожал ему руку, положив в тот же момент в его ладонь сотенную кредитку.

— А сейчас вы, конечно, понимаете, что таможенникам нет нужды досматривать вот этот мой багаж. Не отнимайте у меня время. Корабль открыт, они могут проверять все, что им угодно.

Мои манеры, драгоценности, легкость, с которой я расстался с деньгами, шикарные чемоданы могли означать только одно. Такой богатый человек не станет заниматься контрабандой. Служащий что-то пробормотал мне с улыбкой, сказал несколько слов по телефону, и все было улажено. Кучка таможенников наклеила бирки на мой багаж, заглянула для вида в один-два баула и пропустила. Я пожал всем руки — не просто пожал, разумеется — и двинулся вперед. Такси было вызвано, водитель предложил отель. Я согласно кивнул, и робот принялся укладывать мой багаж. Корабль был абсолютно чист. Все, что требовалось для работы, находилось в моем багаже. Кое-что было смертоносным и взрывчатым и, будучи обнаруженным, доставило бы мне неприятности. Закрывшись в номере отеля, я хотел изменить одежду и внешность. Робот проверил комнаты, нет ли где «жучков». Отличная штука эти

роботы Корпуса. Они выглядят и действуют точно как слабые М-3, но только внешне. Мозги у них отличные, не хуже чем у классных роботов. Кроме того, коренастое тело буквально начинено различными машинами и приборами. Он медленно двигался по комнате, переносил багаж и раскладывая вещи, и при этом не забывал исследовать каждый дюйм. Закончив, он остановился и доложил:

— Все комнаты проверены. Обнаружен только один оптический жучок в этой стене.

— Разве можно показывать на него пальцем? — сказал я роботу. — Ведь это может вызвать подозрение у наблюдателя.

— Нет, не может, — ответил робот с механической интонацией уверенности. — Я его слегка задел, и сейчас он бездействует.

Имея такие гарантии, я сбросил роскошную одежду и надел черную форму Адмирала Великого флота Лиги. Я получил ее со всеми украшениями, золотыми кружевами и полным набором документов. Не думаю, что она сильно меня украшала, но она была нужна для создания соответствующего впечатления на Циттануво. Как и на многих других планетах, тут знали толк в униформах. Мальчишки-разносчики, дворники, клерки — все имели свою характерную униформу. Мой черный мундир выглядел эффектно и должен был притягивать внимание. Перед тем как покинуть отель, я набросил на себя длинный плащ, скрывавший мундир, но вот со шлемом, украшенным золотом, и кейсом с бумагами была проблема. Я до сих пор не знал всех возможностей псевдоробота М-3.

— Эй ты, коротышка, — позвал я, — у тебя есть какие-нибудь отделения или ящики? Если есть, покажи.

Я подумал, что робот взорвался. В нем было больше ящиков, чем в кассовом аппарате. Большие, маленькие, плоские, узкие, — они выскочили из него в разные стороны. В одном был пистолет, два других были забиты гранатами, остальные — пустые. Я положил шлем в один, кейс в другой и щелкнул пальцами. Ящики втянулись внутрь, и металлическое тело робота стало гладким, как и раньше.

Я надел модную кепку, плотно застегнул плащ, а оставшийся багаж заминировал. Там были пистолеты, газ, ядовитые иглы и тому подобное. В крайнем случае все это взлетит на воздух. М-3 поехал на лифте вниз, а я спустился по черной лестнице. На улице мы встретились.

Поскольку время было еще дневное, я не стал брать вертолет, а нанял машину. Мы не спеша проехали по стране и уже затемно добрались до дома президента Ферраро.

Как у всякого руководителя богатой планеты, дом его был великолепен. Мои секретные предосторожности оказались попросту смехотворными, если не сказать больше. Я со своим трехсотпятидесятикилограммовым роботом прошел через охрану и сигнализацию без малейшей задержки. Президент Ферраро, холостяк, обедал. Это позволило мне без помех обсле-

довать его кабинет. Там не было ничего, связанного с войнами или военными кораблями. Вот если бы я был шантажистом — это другое дело. Здесь можно было найти кое-что похуже политической коррупции.

Когда Ферраро вернулся после обеда в кабинет, там было темно. Я слышал, как он пробормотал что-то о слугах и начал нащупывать выключатель, но пока он искал его, робот закрыл дверь и включил свет. Я сидел за столом, передо мной лежали все его личные бумаги, придавленные сверху пистолетом. Лицо я постарался сделать жутко свирепым. Пока он не оправился от шока, я скомандовал:

— Подойдите и сядьте. Быстро!

В тот же момент робот подтолкнул его, и ему оставалось только повиноваться. Когда он увидел на столе бумаги, глаза его выпучились, в горле забулькало. Не давая ему опомниться, я сунул ему под нос свою книжечку.

— Я адмирал Тар Великого флота Лиги. Вот мои полномочия. Можете их проверить.

Они были неотличимы от настоящих, поэтому я не беспокоился. Ферраро начал тщательно и неторопливо изучать книжечку, затем проверил печати ультрафиолетом. Это дало ему время взять себя в руки и перейти в наступление.

— Что означает ваше поведение? Вы ворвались в мои личные покои, совершили кражу со взломом...

— Ваше положение ужасно,— сказал я самым загробным голосом.

От моих слов по лицу Ферраро прошла тень. Я продолжал:

— Я арестую вас за заговор, вымогательство, воровство и за многое другое, что окончательно станет ясно после тщательного изучения этих документов. Взять его!

Этот последний приказ был адресован роботу, который отлично играл свою роль. Он подался вперед и обхватил президента за поясницу.

— Я могу объяснить,— взмолился тот.— Я все могу объяснить. Не нужно обвинять меня во всем. Я не знаю, что у вас здесь за бумаги, поэтому не буду утверждать, что все они фальшивые. Но вы знаете, что у меня много врагов. Если бы Лига знала, как трудно управлять такой отсталой планетой, то...

— Ну ладно, пока хватит,— прервал я его взмахом руки.— На все вопросы вы будете отвечать в свое время перед судом. А сейчас ответьте на один вопрос: зачем вы строите военный корабль?

Этот человек был великим актером. Глаза его широко открылись, челюсть отвисла, и он рухнул в кресло, как если бы его стукнули молотком. Когда он смог говорить, слова были уже не нужны. Весь его вид выражал оскорбленную невинность.

— Какой военный корабль? — выдохнул он.

— Военный корабль Высшего Класа, который строится на стапелях Церентолы в соответствии с этими чертежами.—

Я кинул их ему на стол и указал на верхние углы.— А вот и ваши собственноручные подписи.

Ферраро все еще не пришел в себя. Он схватил бумаги и начал их изучать. Я его не торопил. Наконец он отбросил их и тряхнул головой.

— Ничего не знаю ни о каком военном корабле. Это чертежи нового грузового лайнера. Там действительно стоит моя подпись.

Я произнес свой следующий вопрос тщательно, чтобы смысл его обязательно дошел до Ферраро.

— Итак, вы отрицаете, что вам было что-то известно о строительстве линкора Высшего Класа по этим чертежам?

— Это чертежи обычного грузопассажирского лайнера. Это все, что мне известно.

У него было выражение обиженного ребенка. Пора было выводить его на чистую воду. Я откинулся в кресле, расслабился и достал сигару.

— Послушайте кое-что о роботе, который вас держит,— сказал я.

Он взглянул в недоумении, видимо, даже не заметив в возбуждении, что во время беседы робот держал его за талию.

— Это не простой робот. У него в кончиках пальцев встроены очень интересные приборы: термпары, гальванометры и тому подобное. Пока мы разговаривали, он регистрировал температуру вашей кожи, давление крови, количество пота и прочее. Другими словами, перед вами эффективный и оперативный детектор лжи. Сейчас вы услышите все о том, как вы ввали.

Ферраро шарахнулся от рук робота, словно это были ядовитые змеи. Я выпустил красивое кольцо дыма.

— Говори,— сказал я роботу.— Лгал ли этот человек?

— Много,— ответил робот.— Ровно семьдесят четыре процента из всего им сказанного — ложь.

— Очень хорошо.

Я кивнул, готовясь защелкнуть последний замок на моей ловушке.

— Значит, он все знает об этом линкоре?

— Субъект не знал о линкоре,— возразил робот.— Все его заявления, касавшиеся конструкции корабля, были истинны.

Сейчас пришла моя очередь таращить глаза, а Ферраро стало немного легче. Если бы он знал, что меня вовсе не интересуют все его проделки! Я, конечно, получил удар ниже пояса, но нельзя терять голову. Я заставил свои мысли вернуться к исходной точке и обдумать положение. Если президент Ферраро не знал о линкоре, значит, он служит только прикрытием. Тогда кто же истинный виновник — некая милитаристская клика, желающая его сбросить и захватить власть? Я слабо разбирался в делах планеты и решил взять Ферраро в свои союзники. Это было нетрудно, не потребовалась даже угроза опубликовать документы, которые я нашел в его бумагах. Используя их, я мог бы заставить его плясать под мою дудку.

Но в этом не было необходимости. Как только я показал ему два чертежа и объяснил сходство, он все понял. Ему тоже было важно узнать, в чьих руках он служил орудием. По молчаливому согласию мы о документах забыли. Было решено, что следующим шагом должны быть верфи Церентола. Президент уже начал обдумывать, как использовать ситуацию против своих политических оппонентов. Я дал ему понять, что Лиги, особенно Лига флота, хотят остановить строительство линкора, а уж потом пусть он играет в свою политику. Договорившись об этом, мы вызвали машину, взвод охраны и отправились на верфи. Дорога заняла четыре часа, и мы обдумывали линию нашего поведения.

Начальника верфи звали Рокка. Когда мы приехали, он безмятежно спал, но недолго. Парад мундиров и пистолетов быстро поставил его на ноги и привел в чувство. Мне показалось, что он такой же воришка и плут, как и Ферраро. Невинный не мог бы так сильно перепугаться. Воспользовавшись ситуацией, я приспособил к нему свой ходячий детектор лжи и начал задавать вопросы. Еще не закончив допрос, я уже представил себе положение вещей. Оно было следующим: начальник верфи, строившей корабль, не имел ни малейшего представления о его истинной природе. Кто-то менее самоуверенный, чем я, или имеющий меньший жизненный опыт, мог бы в этот момент усомниться во всем. Я — нет. Корабль по-прежнему совпадал с линкором в шести местах, а я не верил в случайные стечения обстоятельств. Какой же выбрать путь? Если можно выбирать из двух — выбирай простейший, но основанный не на простых случайностях и слепых шансах. Взглянув снова на чертеж, я опять отметил надстройку. Чтобы превратить корабль в военный, нужно было в первую очередь убрать ее.

— Рокка! — рявкнул я грозно. — Посмотри на эти чертежи, на этот выступ здесь. Он все еще пристроен на корабле? Он покачал головой.

— Нет, чертежи были изменены. Мы устанавливаем новый противометеоритный аппарат для прохождения планетарного астероидного слоя.

Я открыл свой кейс и достал чертеж.

— Ваш аппарат случайно не напоминает вот это?

Я протянул ему чертеж через стол. Рокка потирал подбородок, рассматривая схему.

— Да, вроде, — сказал он нерешительно. — Не могу сказать точно, ведь все эти детали ко мне не относятся. Я отвечаю за работу в целом. Но эта деталь очень похожа на ту, что сейчас установлена. Это большая штука. Мы столько потратили...

Это был линкор, вне всякого сомнения! И тут одно из сказанных им слов поразило меня как громом.

— Установлена? — выкрикнул я. — Вы сказали — установлена?

Рокка даже отшатнулся от моего крика.

— Да, — сказал он, — не так давно. Я помню, там были некоторые трудности...

— А еще что? — прервал я его. Холодный пот потек у меня по спине. — Двигатели, управление — они тоже установлены?

— Да, конечно, — ответил он. — Разве вы не знаете? Обычный график был сильно сжат. Это вызвало массу непредвиденных трудностей.

Холодный пот теперь уже бежал по мне ручьями. Первоначально установленный срок был сокращен почти на год, и не было никаких причин, почему нельзя сократить его еще больше.

— Машины! Оружие! — взревел я. — К верфи! Если строительство этого корабля закончено, у вас будут огромные, ни с чем не сравнимые беды.

Охрана включила сирены и прожекторы, и мы, вдавливая акселераторы в пол, сверкающей стрелой промчались в ночи к верфи и влетели в ворота. Но все равно опоздали. Ночной сторож бешено замахал на нас руками, и конвой остановился. Корабля не было. Рокка никак не мог поверить этому. Он бродил взад и вперед по пустой площадке, где строился корабль. Я залез на заднее сиденье машины и от злости сжевал сигару, обзывая себя идиотом. Игнорируя очевидные факты, я, как дурак, вбил себе в голову, что в строительстве участвует правительство планеты. Оно, конечно, участвовало, но только как ширма. Я почуял крысу из нержавеющей стали, которая действовала так же, как действовал бы я до своего обращения. Сейчас, когда этот грызун улизнул, у меня возникла идея, с чего начать поиски. К нам, шатаясь, подошел Рокка, начальник верфи. Его схватили за волосы, и на него посыпался поток ударов и отборной брани. Президент Ферраро с угрюмым видом вытащил пистолет, и было неясно, кем он собирается стать — убийцей или самоубийцей. Мне было плевать. Его могли беспокоить только следующие выборы, когда избиратели и политические соперники не простят ему потери корабля. Мои заботы были значительно сложнее. Я должен был отыскать линкор до того, как он начнет шлаться по галактике.

— Рокка! — крикнул я. — Идите в машину. Я хочу посмотреть ваши отчеты, и немедленно.

Он с трудом влез в машину, видимо, еще не соображая, чего от него хотят. Затем, заметив, что еще почти темно, промямлил:

— Адмирал, в это время все еще спят.

Я собирался зорать, но этого не потребовалось. Как видно, он все понял по выражению моего лица и схватил трубку радиотелефона. Когда мы подъехали, двери конторы были открыты. Обычно я ненавижу эти бюрократические бумажные завалы, но сейчас я на них молился. У этих людей целая наука, не пропадет ни одна заклепка, а если пропадет, об этом имеется бумага в пяти экземплярах. Мне на стол вывалили меморандумы, памятные записки, акты о списании, запросы. Нужные мне факты тонули в этих бумажных катаком-

бах. Но ничего не поделаешь. Я не стал отыскивать перво-причины — это было слишком долго — и сосредоточил внимание на последних изменениях, вроде оружейных башен. Это должно было быстро выявить группу виновных. Клерки наконец поняли, чего я хочу. Воспламененные огнем патриотизма и грозными голосами своих начальников, они забегали сломя голову. Теперь мне достаточно было указать направление поисков, и соответствующие документы оказывались у меня на столе. Шаг за шагом картина стала проясняться. Тонкая паутина подделок, взяток, крючкотворства и фальшивок — все это могла создать только голова, подобная моей. От зависти я даже крикнул. Как и все великие идеи, эта была чрезвычайно проста. Группа или группы неизвестных постепенно изменили по-своему программу строительства корабля. Несомненно, сначала это была программа для гигантского транспорта, затем ее слегка подправили, а потом совсем видоизменили. Все было проделано с искусством истинного гения. Приказы, исходившие из разных источников, изменялись и подтасовывались. Я с большим трудом выяснил эти источники. Во всех случаях они были подложными. В некоторых случаях я сперва вообще не мог понять, как мог пройти такой приказ, пока мне не объяснили, что ряд офицеров имел временных секретарей, в то время как обычные их ассистенты болели. Все девушки одна за другой получали пищевые отравления. Просто какая-то эпидемия. Каждую из них поочередно заменяла одна и та же девица. Она оставалась на каждом месте достаточно долго, чтобы убедиться в продвижении плана строительства линкора. Эта девица, очевидно, была помощницей Главара, который все и организовал. Он сидел в центре этого дела, как паук в паутине, и дергал за ниточки, приводя в движение свою идею. Моя первая мысль, что в дело была включена бригада, оказалась ошибочной. В дальнейшем я занялся только сущностью подлогов. В некоторых случаях документы не были подделаны, тут, видимо, мой таинственный Икс сам выполнял работу. Икс имел постоянную должность помощника инженера-дизайнера. Одна за другой распутывались нити, ведущие в его контору. У него также была секретарша, чья «болезнь» совпала с работой в других отделах.

Когда я наконец вылез из-за стола, спина не гнулась и горела, будто там была раскаленная проволока. Я проглотил обезболивающее и окинул взглядом войско моих поникших, измученных помощников, которые вместе со мной не спали семьдесят два часа. Они сидели, прислонившись к чему попало, и ждали моего приговора. Даже президент Ферраро был тут. Его волосы были растрепаны и висели сосульками.

— Вы раскопали это преступное гнездо? — спросил он, запустив пятерню в свой скальп.

— Да. Только это не преступное гнездо, а один человек, мастер преступного мира, у которого в мочке уха больше таланта, чем у всех продажных бюрократов, и его женщина-ассистент. Они все проделали вдвоем. Его имя или псевдоним Пепе Неро, а ее зовут Ангелина...

— Арестовать их немедленно! Стража!

Ферраро выскочил из комнаты. Я велел ему вернуться.

— Это было бы самое лучшее, но в данный момент затруднительно. Они не только построили этот линкор, но и украли его. В нем все автоматизировано, даже команды не требуются.

— Что вы решили делать? — спросил один из клерков.

— Да ничего, — ответил я в манере старого космического волка. — Флот Лиги уже вышел на охоту за преступниками, и вы скоро услышите об их поимке. Благодарю всех за помощь.

Я сказал это бодрым веселым тоном, и они вышли. На один момент я позавидовал их святой вере во флот Лиги, а ведь на самом деле сообщение о флоте было такой же липой, как и мое адмиральское звание. Я продолжал работу для Корпуса. Инскипп, наверное, уже получил последнюю информацию. Я послал ему псиграмму, но ответа пока не было. Возможно, идентификация воров задерживала ответ. Мое новое сообщение было закодировано, но расшифровать его для настоящего человека не составляет труда. Я сам отнес его на передающий центр. Псиграммист сидел в своей прозрачной комнатухе, когда я вошел туда. С отсутствующими глазами он говорил в микрофон, передавая чье-то сообщение через просторы галактики. Снаружи шифровальщики копировали, кодировали и записывали сообщения, но ни одного звука не проникало через изолированные стены. Я подождал, пока он обратит на меня внимание, и протянул ему листки бумаги.

— Лига Центральная 14 — срочная, — сказал я.

Он поднял брови, но ничего не спросил. Через несколько секунд мы имели на связи цепочку псиграммистов. Он отчетливо читал кодовые слова, выговаривал их тщательно, но не громко. Мощь его мысли пронизывала расстояния во многие световые годы. Когда он закончил, я забрал текст, порвал и сложил кусочки в карман. На этот раз я получил ответ довольно быстро. Видимо, Инскипп ждал моего сообщения. Микрофон вынесли к шифровальщикам, и я сам стенографировал кодовые группы.

— ...хувв дфил фдно, и если не сделаешь, назад не возвращайся!

Сообщение в конце шло прямым текстом, и псиграммист улыбнулся, читая эти слова. Я заорал на него, чтобы он не вздумал что-нибудь болтать об этом, так как сообщение секретное, и в противном случае я сам пристрелю его. Улыбка псиграммиста пропала, но мне от этого лучше не стало. Декодированное сообщение оказалось совсем не таким плохим, как я предполагал. Впредь до дальнейших указаний я должен был выследить и захватить украденный линкор. Я мог обращаться в Лигу при первой необходимости. До окончания работы я должен был оставаться в роли адмирала и держать Инскиппа в курсе всех дел. Мое счастье было бы полным, если бы не эти противные заключительные слова. Я получил свое долгожданное назначение. Но только как! Захвати линкор или прощайся с

головой. И ни слова о моих героических усилиях по раскрытию преступления. В каком бессердечном мире мы живем! Усталость наконец сломила меня, и я отправился спать. Так как моей главной работой сейчас было — ждать, я мог ждать только выспавшись.

В самом деле, я мог только ждать, если не считать таких дополнительных забот, как вызов крейсера лично для себя и сбор дополнительной информации о ворах. Но это действительно было второстепенным по отношению к главному — ждать плохих известий. С точки зрения организации погони Циттануво была наилучшим местом. Исчезнувший корабль мог двигаться в любом направлении. С каждой минутой сфера его возможного местоположения росла пропорционально третьей степени времени. Команду своего крейсера я держал в полной боевой готовности, ограничив область ее передвижения радиусом в сто ярдов вокруг корабля. Сведений о Пепе и Ангелине было очень мало. Они умело заматали следы. Их происхождение не было известно, только слабый акцент в произношении говорил, что они не местные. Имелась тусклая фотокарточка Пепе, толстощекого парня со злым выражением лица. Фотографии девушки вообще не было. Подгоняемый нетерпением, я заставил программиста корабля непрерывно прослушивать пространство и сообщать мне обо всех происшествиях в космосе. Потом мы с навигатором наносили их координаты на карту, определяя, попали ли они в растущую сферу возможных положений украденного корабля. Некоторые инциденты проходили внутри этой области, но при дальнейшем исследовании оказывались естественного происхождения. Уходя спать, я оставил приказ: при обнаружении ЧП в опасной зоне будить меня немедленно. Меня подняли глубокой ночью и протянули листок бумаги. Протерев глаза и прочитав первые две строчки, я немедленно нажал кнопку «Общая тревога». Нужно сказать, что парни знали свое дело. Я еще не успел дочитать сообщение, как sireны взвыли, корабль закрылся и немедленно взлетел. Когда зрение после перегрузок восстановилось и листок опять попал в фокус, я дочитал его, затем прочитал еще раз, более внимательно. Выглядело так, как мы и ожидали. Свидетелей трагедии не было, но несколько мониторинговых станций зафиксировали использование оружия огромной энергии. С помощью триангуляции мы вычислили координаты и нашли грузовое судно. В его корпусе была дыра величиной с железнодорожный туннель. Груз плутония исчез. В каждой строке сообщения я видел Пепе. Поскольку на линкоре не было команды, он действовал наверняка. При попытке переговоров или захвата чужого судна всегда присутствует элемент риска, поэтому он просто подстерег ничего не подозревавший грузовоз и расстрелял его из своих чудовищных орудий. Восемнадцать человек были мгновенно убиты. Воры стали также и убийцами. Я жаждал действий и очень боялся, как бы не наделать ошибок. Коротышка Пепе показал себя безжалостным убийцей. Когда ему что-то было нужно,

он просто подходил и брал, сокрушая все на своем пути. Еще много людей погибнет, и моя задача — сделать это число как можно меньше.

По идее, я должен был рвануться и осуществить возмездие, сверкая пушками — прекрасная мысль, и желание у меня есть, но... я не знаю, где он. Линкор — гигантский корабль, но в масштабах космоса это ничтожная песчинка. Пока он держится вне коммерческих линий и станций и планет с радарам, найти его невозможно. А если найду, то как захвачу? Ведь это исчадие ада по мощности не уступает любому кораблю. Это мучило меня и днем, и ночью, но ответа я не находил. Догадка пришла внезапно. Раз я не знаю, где Пепе, надо сделать так, чтобы он прибыл туда, куда я хочу. Некоторые факты были в мою пользу, например, то, что мое прибытие на планету заставило его ускорить игру. Любой план, а особенно такой тщательно разработанный, как у него, должен предусматривать действия в случае опасности. Двигатели, управление, основное вооружение на линкоре были установлены задолго до моего появления, но много дополнительной работы осталось недоделанной. Один из свидетелей заявил, например, что во время старта из корабля свисали силовые и передающие кабели. Мое прибытие вывело Пепе из равновесия, и у меня в этом смысле было перед ним преимущество. Теперь мне нужно думать так же, как он, прочувствовать его план, предугадать следующий шаг и поймать в ловушку. Послали вора ловить вора. Теоретически все выглядело прекрасно, но как только я подумаю о практике, мне становится неуютно. Я выпиваю, закуриваю и слежу за кольцами дыма. Это меня расслабляет. В конце концов, что вообще можно сделать с помощью линкора? Он, конечно, хорошо приспособлен для космического пиратства, но и только.

— Чудесно. Но почему линкор?

Я заговорил сам с собой. Обычно это плохой знак, но сейчас мне было не до этого. Мысль о космическом пиратстве долго казалась мне единственно верной, пока в глаза не бросилась вопиющая несообразность. Почему линкор? Зачем все эти хлопоты, чтобы получить корабль, которым два человека с трудом могут управлять? Ведь и десятой доли усилий Пепе хватило бы, чтобы построить крейсер, который тоже прекрасно подходил бы для целей пиратства. Для целей пиратства — да, но не для целей Пепе. Он хотел линкор и получил линкор. Это значило, что в мыслях у него было кое-что кроме пиратства. Но что? Очевидно, что он маньяк и псих, и непонятно, как он проскользнул через сеть официального тестирования. Это еще предстояло выяснить, но для этого нужно его поймать.

План в моей голове уже начал складываться, но я хотел дать ему созреть. Во-первых, я должен быть уверен, что хорошо знаю Пепе. Любый человек, которому удалось обмануть весь мир при строительстве корабля, а затем еще и украсть его, не будет вечно в нем оставаться. Корабль нуждается в команде и в базе для заправки и ремонта. О горячем ему придется

позаботиться в первую очередь. Выпотрошенный корпус грузовоза — безмолвный тому свидетель. В качестве базы можно использовать безлюдную планету. Получить команду в это мирное время труднее, хотя и здесь он мог придумать несколько вариантов, скажем, рейд по тюрьмам и психиатрическим лечебницам. Делайте это периодически — и вы наберете команду, готовую на любые пиратские налеты. Но пиратство для амбиций этого юнца — явно слабая штука. Он, наверное, хочет управлять целой планетой, а может, и целой системой. Или больше? Я даже вздрогнул от этой мысли. Не было ли однажды в прошлом чего-то подобного? Во времена Королевских Войн несколько человек с парой кораблей и общим объемом мозга меньшим, чем у Пепе, установили нечто вроде империи. Всех их в конце концов скинули, но ценой весьма высокой. План созрел, и я нутром чувствовал, что он хорош. Может быть, в нескольких местах и была слабинка, но это неважно. Мне была ясна основная мысль идеи и способ ее осуществления. В преступности, как и в любой другой деятельности человека, существуют естественные законы. Я з н а л, что все будет, как надо.

— Немедленно ко мне офицера связи, — крикнул я по интеркому, — и пару клерков с транскриберами. И быстро! Вопрос жизни и смерти!

А вот это последнее я сказал зря. Это выводит меня из образа. Я застегнул воротничок, поправил знаки различия и расправил плечи. Когда они войдут, я снова буду с ног до головы адмиралом. По моему приказу корабль вышел из суперпространства, чтобы наш психпрограммист связался с другими операторами. Капитан Стэнг ворчал, что мы остановили двигатели, теряем драгоценные дни, в то время как половина его команды выполняет ненормальные приказания. Мой план был вне его понимания. Правда, он капитан, но я-то адмирал, пусть хоть и временный. По моему приказу навигатор построил сферу убегания, которая отстояла от наибольшего удаления украденного корабля на время его дневного полета. Сфера захватывала ряд звездных систем, которых было немного, и психграммист мог по очереди вызывать их и посылать новости, которые передавались там Офицеру международных Отношений. По мере расширения сферы психграммист переходил к новым объектам. Я к тому времени готовил текст основного сообщения, которое психграммист отсылал на Центральную 14. Там отряд психграммистов устанавливал контакт с индивидуальными планетами, постоянно пополняя их список. Все основные и дополнительные сообщения были на одну и ту же тему. Я подробно излагал ее, с энтузиазмом обсуждал и негодовал. Я написал огромное число вариантов в самых разнообразных формах. Я хотел, чтобы суть информации в том или ином виде попала во все газеты и журналы внутри расширявшейся сферы.

— Что все это значит, разрази вас гром? — ворчал капитан Стэнг.

Ему было скучно. Он отказался участвовать в операции, считая ее бессмысленной, и большую часть времени проводил в каюте, ругаясь на чем свет стоит. От скуки или любопытства он прочел одно из моих сообщений:

— Миллиардер в поисках собственного мира... Космическая яхта сказочной роскоши...

Лицо капитана приобрело малиновый оттенок.

— Какое отношение имеет этот вздор к поймке убийцы?

Когда мы находились вместе, он был вежлив, но по неувловимым признакам было заметно, что он считает меня поддельным адмиралом. Без сомнения, я оставался старшим, но отношения были официальными.

— Этот вздор и есть та приманка, на которую клонет наша рыбака,— говорил я ему.— Это ловушка для Пепе и его партнерши.

— А кто этот мифический миллиардер?

— Я. Я всегда хотел быть богачом.

— А где эта космическая яхта?

— Строится на космоверфи в Удридде. Мы пойдем туда сразу же, как закончим подготовку.

Капитан Стэнг бросил сообщение на стол и тщательно вытер руки, словно боялся подхватить инфекцию. Он честно пытался встать на мою точку зрения, но без малейшего успеха.

— Ничего не выйдет,— ворчал он.— С чего вы взяли, что он прочтает хотя бы одну из этих заметок, а если и прочтает, почему заинтересуется? По-моему, вы теряете время, и он ускользнет у вас между пальцами. Нужно поднять тревогу и оповестить все корабли, привести флот в состояние боевой готовности и выслать патрули на все космолинии...

— Которые он легко обойдет или уничтожит, что более вероятно. Этот Пепе очень ловок и хитер и действует, как игровой автомат. В этом его сила, а одновременно и слабость. Такие как он считают, что никто другой не может мыслить подобно им. А я могу!

— Вы не умрете от скромности,— заметил Стэнг.

— Точно. Ложная скромность порождает некомпетентность. Я собираюсь поймать этого подлеца и расскажу вам, как я это сделаю. Он вскоре снова совершит нападение, и там, где это произойдет, будет периодическая печать с моими сообщениями. Независимо от целей атаки он заберет все журналы и газеты, какие сможет найти, отчасти, чтобы удовлетворить свое самолюбие, но главным образом, чтобы быть в курсе событий, которые его интересуют. Например, движение кораблей.

— Вы только предполагаете, но не можете точно знать этого.

Его глубокая уверенность в моей некомпетентности стала действовать мне на нервы. Я сдержал раздражение и сделал еще одну попытку.

— Да, я предполагаю, но мое предположение основано на фактах. Из грузовоза он взял все, что можно было читать.

Это мне сразу же бросилось в глаза. Мы не можем предотвратить новую атаку линкора, но сможем убедиться, что после нее он напрямиком отправится в ловушку.

— Не знаю...— сказал капитан.— Это звучит подобно...

Я так и не услышал, подобно чему это звучит, и это хорошо, иначе он был бы в нокауте, а я уронил бы свой псевдотитул. Его прервал рев сирен, и мы бросились в комнату связи. Капитан Стэнг обогнал меня на полкорпуса. Это был его корабль, и он знал все закоулки. Псиграммист держал расшифровку, но все было ясно по выражению лица капитана. Он посмотрел на меня твердым и холодным взглядом.

— Они снова напали. Разрушен спутник снабжения флота, убито тридцать четыре человека. Если ваш план не сработает, а д м и р а л,— прошептал он мне в ухо,— я понаблюдаю, как с вас с живого сдерут шкуру!

— Если мой план не сработает, капитан, на мне и шкуры-то не останется. А сейчас, с вашего разрешения, мы отправимся в Удридду за моей яхтой, и немедленно.

Меня взбесили и вывели из равновесия его ненависть и презрение к моим делам. Мною сейчас руководила злость, а не логика. Я взял себя в руки и привел мысли в порядок.

— Задержите выполнение последней команды,— крикнул я и вернулся к роли старого космического волка.— Установите связь и выясните, не останавливался ли кто около спутника.

Пока псиграммист занимался работой, я просматривал некоторые бумаги. Рядовые и офицеры напряженно ждали, делая слабые попытки выказать мне свою ненависть. Ответ должен был прийти в пределах десяти минут.

— Так точно,— ответил псиграммист.— За двенадцать часов до атаки там останавливалось резервное судно. Газеты, содержащие ваши статьи, оставлены среди прочего.

— Очень хорошо,— холодно сказал я.— Пошлите общий приказ прекратить подачу всяких сообщений. Передать приказ только с помощью псиграммиста, не используя никакое другое сигнальное оборудование. Нельзя, чтобы нас подслушали.

Я медленно вышел, как хозяин положения, отвернувшись, чтобы они не видели холодную испарину на моем лбу. Мы немедленно направились в Удридду, где меня ждала яхта миллиардера «ЭЛЬДОРАДО». Начальник верфи, показывая мне корабль, делал деликатные попытки удовлетворить свое любопытство. Однако я из садистского мщения флоту не сказал ему ни слова о своей миссии. После проверки вместе с техниками аппаратуры и управления я попросил очистить корабль. В астронавигатор была вложена лента, которая выведет меня на курс, упомянутый в статьях. Нужно было только нажать кнопку, и я ее нажал. Это был прекрасный корабль. Верфь любознательно позаботилась даже о мелочах. От носа и до кормовых дюз он был покрыт чистым золотом. Имелись и другие металлы с высоким альбедо, но ни один из них не производил такого впечатления. Гарнитура яхты тоже сверкала

великолепием. Эта работа не была предусмотрена чертежами: флот должен был приспособлять яхту к моим нуждам. Все было готово. Либо Пепе перехватит меня, либо я достигну райской планеты миллиардера. Если это случится, для меня будет лучше там и остаться. Сейчас, когда я был в космосе, возродились прежние сомнения. План, выглядевший таким ясным и логичным, казался мне теперь идиотским.

— Стой на этом, моряк,— сказал я себе адмиральским тоном.— Ничего не изменилось. Это все еще лучший и единственный план, возможный при данных обстоятельствах.

А так ли это? Могу ли я быть уверен, что Пепе, летя на своем корабле и питаясь флотским рационом, заинтересуется комфортом и роскошью? Или, если роскошь его не волнует, захочет ли он завладеть имуществом собственника планеты? Я загрузил трюмы всем, что может хотеть человек, и оставил информацию во всех мыслимых местах. Наживка была на месте, но схватит ли Пепе крючок? Этого я не мог сказать. Состояние мое было крайне нервным. Я пытался сконцентрировать внимание на чем-нибудь еще, но ничего не получалось. Следующие четыре часа прошли спокойно.

Когда зазвучал сигнал тревоги, я почувствовал огромное облегчение. Я мог быть убит и превращен в пыль, но не в этом дело. Пепе проглотил наживку. Единственный корабль в галактике, который мог выглядеть на экране таким огромным с такого расстояния, был его. Огромная энергия двигателей линкора позволила ему создать тормозящее поле, отчего моя яхта буквально встала на дыбы. Одновременно вспыхнул сигнал: «Внимание! Радиопередача». Я подождал, сколько хватило терпения, затем включил приемник. Ворвался голос:

— ...что вы под прицелом военного корабля! Не делайте попыток скрыться, сигнализировать, хитрить или любым другим способом...

— Кто вы и что вам нужно, гвоздь вам в печенку? — •
закричал я в микрофон.

Мой сканнер был включен, так что они могли видеть меня, мой же экран оставался темным. Они не послали изображения. Это облегчало мои действия, так как я играл с невидимым партнером. Они видели мою роскошную одежду, богатство кабины, но, конечно, не видели моих рук.

— Неважно, кто мы,— прогремело радио.— Выполняйте распоряжения, если хотите жить. Отойдите от управления, пока мы не причалим, затем будете делать все, что я скажу.

Послышалось два приглушенных щелчка — это магниты захватили корпус. Корабль накренился. В расчете, что меня видят, я испуганно округлил глаза и начал озираться, ища путь к спасению. Яхта расположилась у космошлюза линкора. Я нажал кнопку и послал робота-сварщика, куда было задумано.

— А теперь позвольте мне сказать вам кое-что,— рявкнул я в микрофон, сняв маску перепуганного миллиардера.— Во-первых, повторю ваши слова: выполняйте мои распоряжения, если хотите жить... Я покажу вам, почему...

Я повернул выключатель, задававший последовательную программу работы. Корпус был намагничен и крепко держал бомбы. В соответствии с заданной программой сканнер в кабине выключился, а включился в генераторном отсеке. Я проверил переносной экран-монитор и начал натягивать скафандр. Это надо было сделать быстро, в то же время продолжая естественно вести разговор. Они должны быть уверены, что я по-прежнему сижу в кабине управления.

— Как видите, это генератор корабля,— сказал я.— Девяносто восемь процентов выходной мощности сейчас питают электромагниты корабля. Разделить нас практически невозможно, и я советую вам не делать этого.

Скафандр был надет, и я продолжал говорить, используя микрофон в шлеме, подсоединенный к главному передатчику. Картина в мониторе изменилась.

— Сейчас вы видите водородную бомбу, запал которой держится только за счет того, что магнитное поле прижало к ней корпус вашего линкора. Если вы попытаетесь отделиться, она, конечно, взорвется.— Я схватил экран-монитор и помчался к шлюзовой камере.— А вот это другая бомба.— Я глядел одним глазом на экран, а другим на медленно открывавшийся входной люк.— На корпусе у нее есть датчики. Если вы попытаетесь разрушить часть корпуса моего корабля или открыть главный люк, она сдетонирует.

Я был уже в космосе и приближался к огромному линкору.

— Чего вы хотите?

Это были первые слова Пепе, произнесенные им после демонстрации.

— Я хочу поговорить с вами и прийти к соглашению, представляющему интерес для нас обоих. Но, чтобы вы правильно судили о моих возможностях, я покажу вам остальные бомбы.

Конечно, я показал, это не представляло труда. Сканнеры яхты работали по заранее составленной программе. Я бегло продемонстрировал все остальное вооружение, которое могло привести к нашей обоюдной гибели, а сам в это время уже пролезал в дыру в корпусе линкора, сделанную роботом. Это место было тщательно выбрано по чертежам, здесь не было толстой брони и датчиков-сторожей.

— Да, я понял, вы летающая бомба. Остановите свой репортаж и скажите, что вы собираетесь делать.

На этот раз я ему не ответил. Отключив микрофон и дыша, как гончая собака, я мчался по переходам линкора. Если верить чертежам, то здесь должна быть дверь в рубку управления. Пепе, конечно, был там. Я вошел, выхватил пистолет и направил ему в затылок. Ангелина стояла рядом с ним и смотрела на экран.

— Игра окончена,— сказал я.— Стойте спокойно и не двигайтесь.

— Что это значит? — зло спросил Пепе.

Он глядел на экран. Девушка догадалась первой. Она повернулась и воскликнула:

— Он здесь!

Они уставились на меня, растерянные и испуганные.

— Вы арестованы, Главарь,— сказал я ему.— И ваша девушка тоже.

Ангелина закатила глаза и упала, действительно или при-
творно — не знаю. Под прицелом моего пистолета Пепе под-
хватил ее и уложил в амортизационное кресло у стены.

— Что теперь будет? — спросил он.

Голос его дрожал. Нижняя челюсть тряслась, в глазах
стояли слезы. Это не произвело на меня впечатления. Я не
забыл, скольких людей он погубил. Он потащился к креслу и
почти упал в него.

— Что они сделают со мной? — спросила Ангелина.
Она уже открыла глаза.

— Не знаю,— сказал я откровенно.— Это решит суд.

— Они проделают со мной все свои штуки.— Она запла-
кала. Она была молода, черноволоса, красива, слезы не порти-
ли ее.

Пепе уронил лицо в ладони. Плечи его тряслись. Я ткнул
пистолетом в его сторону.

— Перестаньте, Пепе. Трудно поверить вашим страда-
ниям. На пути сюда несколько кораблей флота. Минуту
назад был автоматически включен сигнал тревоги. Я думаю,
они будут рады увидеть человека, который...

— Не отдавайте им меня, прошу вас! — Она была уже
на ногах и прижималась спиной к стене.— Они упрячут меня
в тюрьму, изменят мой мозг!

Она, спотыкаясь, двигалась вдоль стены. Я оглянулся на
Пепе, не желая терять его из виду.

— Я ничего не могу сделать.

Я повернул голову к ней и увидел, как открылась малень-
кая дверь, и Ангелина исчезла.

— Не вздумайте бежать! — крикнул я ей вслед.— Из
этого ничего не выйдет!

Пепе издал странный звук, и я быстро повернулся к нему.
Он сидел прямо, лицо было сухим. Он не плакал, а смеялся.

— Вот так-то. Маленькая Ангелина с нежными глазами
и вас провела, мистер суперполицейский.

Он опять согнулся, сотрясаясь от смеха.

— Что это значит? — рыкнул я.

— Все-таки вы ее не поймали. Она жалобно причитала
и обвела вас вокруг пальца. Весь план строительства лин-
кора принадлежал ей. Она втянула меня и полностью подчинила
своей воле. Я жил с ней и одновременно был счастлив и пре-
зирал себя. Теперь я рад, что все так случилось. По крайней
мере, я дал ей шанс, хотя мне казалось, что мы взорвемся,
когда она выскочила.

Я стоял перед ним, как парализованный.

— Вы лжете,— резко сказал я, но уже и сам не верил в это.

— Нет, это правда. Ваши мальчишки-психиатры разложат
мой мозг на кусочки и убедятся, что я не вру.

— Мы обйдем корабль. Она надолго не спрячется.

— Она и не будет прятаться. В одном из помещений мы спрятали быстроходный катер. Наверное, сейчас он отходит. Через пол чувствовалась отдаленная вибрация.

— Флот поймает ее,— сказал я с уверенностью, которой не ощущал.

— Может быть.— Внезапно он прекратил смеяться.— Но я дал ей шанс. Со мной покончено, но она знает, что я любил ее до конца.— Он скрипнул зубами, как от внезапной боли.— Да только ей это все равно.

Мы оба замолчали и больше не шевелились, пока не подошли корабли флота и их боты не причалили к линкору. Я захватил линкор и покончил с этим кошмаром. Я не виню себя, если девушка ускользнет, если проскочит корабли флота. Это будет их ошибка, не моя. Я торжествовал победу. Но счастье мое не было полным. У меня было предчувствие, что с Ангелиной мы еще встретимся.

Жизнь была бы намного приятнее, если бы мои тяжелые предчувствия никогда не оправдывались. Нельзя винить флот, если он упустит Ангелину. Они не первые и не последние, кто недооценит то, что лежит за этими прекрасными глазами. И себя я не винил. После моей первой ошибки, когда я позволил ей уйти, важно было не сделать вторую. Я еще не до конца поверил в то, что рассказал о ней Пепе. Вся история может оказаться ловко придуманной ложью, чтобы отвлечь мое внимание. Я человек очень подозрительный. Ствол моего пистолета был направлен точно между его глаз, палец слегка нажимал спусковой крючок. Так продолжалось до тех пор, пока в кабину не вошел отряд космонавтов. Когда они взяли Пепе, я включил сигнал общefлотской тревоги для поимки Ангелины, со специальным предостережением соблюдать максимальную осторожность. Еще до того, как все корабли приняли сигнал, на экране моего локатора появилось изображение ее катера. Я облегченно вздохнул. Если она действительно является мозгом всей операции, я не хотел бы ее потерять. Она вместе с Пепе и линкором представляет собой прекрасный подарок для Инскиппа. Да у нее и не было никаких шансов. Корабли устремились к ней со всех сторон. Для них это была привычная работа, и теперь все являлось только делом времени. Передав все дела и линкор флоту, я вернулся на свою роскошную яхту, выцедил большой стакан шотландского виски — такого нет ни у кого в радиусе двадцати световых лет — и раскурил длинную сигару. Усевшись комфортно перед экраном, я стал наблюдать за погоней. Ангелина, наверное, корчилась от боли, делая крутые повороты, чтобы избежать пленения. Перегрузки порядка пятнадцати могут лишить ее сознания. Но все это напрасно, так как все равно катер был пойман в сети. Через некоторое время ее арестуют. Никто из нас даже не предполагал, как важна длительность этого времени, пока абордажная команда не ворвалась на катер. Он был пуст. Только через десять дней мы до конца поняли, что произошло.

Это было безжалостно и ужасно, и даже если бы психиатры не подтвердили мне искренность слов Пепе, я все равно поверил бы ему. Ангелина все время была на шаг впереди нас. Покинув линкор на катере, она и не пыталась улететь. Вместо этого она на полной скорости настигла ближайший космолет, небольшой крейсер с двенадцатью людьми на борту. Они понятия не имели, что произошло на линкоре, так как я еще не дал сигнала общей тревоги. Я должен был сделать это сразу же, как только она убежала, и двенадцать хороших людей остались бы живы. Мы так и не узнаем, что она им наговорила, но у них не возникло подозрений. Может быть, она сказала что-нибудь о бегстве от бандитов. В любом случае, она проникла на корабль. Пятеро погибли от ядовитого газа, остальные были застрелены. Мы узнали об этом позже, когда крейсер был найден совершенно безжизненным, дрейфующим в нескольких парсеках от своего курса. После захвата крейсера она перевела катер на дистанционное управление и стала выполнять с ним различные маневры. Пока мы за ним гонялись, она перевела крейсер в хвост погони, а затем исчезла. Дальше след ее терялся, хотя было ясно, что она, вероятно, захватила еще один корабль. Что это за корабль и где она его нашла, было совершенно неизвестно. Вернувшись в штаб-квартиру Корпуса, я попытался все это объяснить Инскиппу. Он холодно глядел на меня, и получалось так, словно я оправдываюсь.

— Я ведь привел линкор и Пепе, — сказал я. — Может быть, после чистки его личность будет жить в мире с самим собой. Ангелина перехитрила меня и сбежала. Не углядел. Но она работает в сто раз лучше этих болванов из флота!

— Зачем столько яда? — спокойно спросил Инскипп. — Никто не обвиняет вас в нарушении долга. Вы ведете себя так, будто у вас совесть нечиста. Вы проделали хорошую работу, прекрасную, огромную работу... для первого задания...

— Вот вы опять, — взмолился я, — тычете мне в лицо мою совесть. Лучше вот за ним присматривайте.

Я указал на Пепе Неро, сидящего в ресторане поблизости от нас. Он медленно что-то жевал и бормотал себе под нос с бессмысленным выражением лица. Из его мозга была стерта личность и внедрена новая. Старым осталось только тело Пепе, которое любило Ангелину и украло линкор.

— Психологи работают над новой теорией тело — личность, — мягко сказал Инскипп, — так почему бы и не подержать его здесь под наблюдением? Если в новой личности будут развиваться его криминальные наклонности, это позволит завербовать его в Корпус. Что вы об этом думаете?

— Ничего. После той резни, какую он устроил для своей подружки, можете делать из него хоть рубленый бифштекс. Но он напоминает мне, что она все еще на свободе и планирует новые кошмары. Я хочу найти ее.

— Нет, — сказал Инскипп, — вы уже спрашивали меня, и я отказал. Этот вопрос сейчас не подлежит обсуждению.

— Но я могу...

— Что вы можете? — он со злостью посмотрел на меня. — Все офицеры галактики имеют ее описание и занимаются ее поисками. Разве вы можете сделать больше, чем они?

— Нет, — проворчал я, — и оставим эту тему, как вы сказали. — Я отодвинул тарелку и встал. — Надеюсь получить графин чего-нибудь подкрепляющего. Пойду к себе заливать горе.

— Графин вам будет. Забудьте Ангелину. Приходите ко мне в девять утра более рассудительным.

— Рабовладелец, — пробубнил я.

Отойдя от резиденции Инскиппа так, чтобы меня не было видно, я повернул в сторону космопорта. Итак, я уже начал пользоваться уроками Ангелины. Если у вас есть план, приводите его в действие немедленно. Не давайте ему задерживаться, утрачивать новизну, позволять другим тоже о нем думать. Сейчас я восстал против одного из самых пронизательных людей, и уже одна эта мысль доставляла мне удовольствие. Я нарушил приказ Инскиппа, ухожу от него и из Корпуса, ухожу не в прямом смысле, а хочу только закончить работу, которую для них начал. Только теперь мне, очевидно, придется делать все самому. У меня в комнате лежали инструменты, приспособления и приличная пачка денег — это здорово пригодилось бы мне теперь, но придется обойтись. К тому времени, когда Инскипп задумается, почему я вдруг согласился с ним, я хочу быть далеко в космосе. Механик с роботом-погрузчиком выводили космолет к месту старта. Я официальным тоном спросил:

— Это мой корабль?

— Нет, сэр, это для Полного Агента Нильсена. Да вот он и сам.

— Ну-ка, сбегай в центральный корпус и проверь управление оттуда.

— Новая работа, Джимми? — спросил подошедший Уве. Я кивнул, наблюдая за ним.

— То ли новая, то ли старая. А как твой теннис? — Я поднял ладонь, изображая ракетку.

— О, с каждым разом все лучше, — ответил он и повернулся к своему кораблю.

— Я научу тебя новому удару, — сказал я и опустил жесткое ребро ладони на его шею. Он беззвучно клюнул носом. Я подхватил его и аккуратно уложил за штабелем бочек с горючим, не забыв взять из его ослабевших пальцев коробку с лентами курса.

Пока механик не вернулся, я заперся в корабле, вложил курсовую ленту в блок управления и дал запрос на взлет. Прошла, кажется, вечность, но вот наконец зажегся зеленый свет. Я в полете. Как только первые ускорители прекратили разгон, я выскочил из кресла и с отверткой в руке бросился на пульт управления. В нем обязательно должен быть дистанционный блок, поскольку все корабли Корпуса способны к управлению на расстоянии. Я обнаружил это во время своего

первого полета на одном из таких кораблей: одним из моих положительных качеств всегда была любознательность. Я отсоединил входные и выходные клеммы и перешел в машинный зал. Может быть, я был слишком подозрительным и имел слишком плохое мнение о человечестве вообще и об Инскиппе, у которого на все была своя точка зрения. Люди более доверчивые, возможно, проигнорировали бы радиоуправляемый заряд самоликвидации, встроенный в двигатель. Его можно использовать для взрыва корабля в случае его захвата. Я не думал, что это используют против меня, разве что в исключительном случае. Тем не менее, я решил его обезвредить. Заряд представлял собой блок из бурмекса, встроенный прямо в корпус двигателя. Крышка снялась легко, и глазам открылась путаница проводов, ведущих к взрывателю с шестигранной головкой, ввинченному в толщу блока. Я обхватил его пальцами, сжал до потемнения в глазах и попытался вывернуть. Последним усилием рвущейся плоти и вывихнутых суставов я сдвинул его, а затем и освободил. Он повис на проводах, словно вырванный зуб на нерве. И вдруг он взорвался с громким хлопком и облаком черного дыма. С противоестественным спокойствием я смотрел сквозь это черное облако на дыру в блоке. Корабль и его содержимое должны были бы превратиться в пыль.

— Инскипп,— сказал я, но горло мое пересохло и голос сорвался.— Инскипп,— выговорил я снова,— я получил от тебя весточку. Ты думал, что даешь мне отставку. Нет, я сам выхожу из Специального Корпуса.

Я почувствовал облегчение. Я снова был один и отвечал только за себя. Корабль уже достаточно шел по курсовой ленте, выбранной наугад из кучи. Перехватить меня было практически невозможно, и я мог взять ленту для другого курса. Курса куда? Я еще не знал. Надо подумать, хотя у меня не было сомнений в том, что я должен делать: искать Ангелину. Сперва эта мысль показалась глупой: взять на себя работу Корпуса, который от меня отказался. Это была их работа. Но потом я понял, что не в Корпусе дело. Ангелина была для меня как призовая чемпионская медаль. Есть что-то в Скользком Джиме ди Гризе, чего вы не понимаете. Называйте это, как хотите, например, самолюбием. Но самолюбие — это единственное, что поддерживает в мужчине бодрость духа, настраивает его на работу. Отнимите это, и останетесь ни с чем. Я не знал толком, что я буду делать с Ангелиной, когда найду ее. Может, сдать в полицию, потому что люди, подобные ей, позорят мое бывшее ремесло. Но лучше делить рыбку, когда поймал. Необходим был план, и в первую очередь надо подготовить все для его создания. Сначала мне показалось, что на корабле нет сигар. Это был ужасный момент. Но потом сервисный блок скрипя выдал мне коробку из какого-то дальнего и темного угла. Сигары были не блеск, но это лучше, чем ничего. А вот бренди у Нильсена всегда было великолепным, тут у меня не было замечаний. Промочив горло и закулив,

я велел своей черепушке заняться проектом. Для начала мне надо было представить себя на месте Ангелины во время ее бегства. Конечно, лучше всего было бы физически оказаться там, но это было нереально. Уж один-то корабль флота там наверняка дежурит. Однако, чтобы решать подобные проблемы, построен компьютер, и я ввел в него координаты места, где все это случилось. Мне не требовалось лазить по справочникам — эти цифры горели у меня в мозгу огненными письменами. У компьютера была огромная память и высокое быстродействие. Он блаженно хмыкнул, когда я запросил у него координаты всех звезд, близлежащих к месту происшествия. Через тридцать секунд он закончил просмотр всех своих каталогов и сообщил об окончании работы звоном колокольчика. Я взял список первой дюжины звезд и отметил, что расстояния до них были очень велики. Сейчас я должен думать так же, как Ангелина. Я должен стать убийцей, за которым охотятся, которого травят, за спиной которого двадцать свеженьких трупов. Враги во всех направлениях. Наверное, она держала такой же список, выданный компьютером похищенного крейсера. Куда теперь? Огромное напряжение. Скрыться куда-нибудь, только прочь отсюда. Взгляд на список — и ответ кажется очевидным. Две ближайшие звезды расположены в одном и том же квадрате неба в пятнадцати градусах одна от другой, приблизительно на равном расстоянии от крейсера. Очень важным было то, что третья звезда находилась вдвое дальше и в другом секторе. Итак, вперед к двум первым звездам. Решение, принятое в спешке, но вполне разумное. Вперед к солнцам, мирам и трассам, где можно найти другие корабли. Крейсер нужно бросить до появления какой-нибудь планеты и чем скорее, тем лучше, так как любой корабль в галактике опознает его. Встретить другой корабль, корабль Икс — и захватить. Бросить крейсер и... что дальше? Тут мои мозги забуксовали. Пришлось подкрепить их градусами и свежей сигарой. Полузакрыв глаза, я постарался воссоздать полет. Захвачен новый корабль, надо лететь к планете. В космосе Ангелина в постоянной опасности, ей грозит изменение личности. Когда я нашел в планетарном каталоге эти две звезды, выбор стал очевидным. Планета имела варварское название Фрейбур. Там было еще полдюжины планет вокруг двух солнц, но они отпали сами собой: либо слишком слабо заселенные, так что любой незнакомец оказывается на виду, либо организованные так хорошо, что нельзя долго оставаться незамеченным. У Фрейбура эти недостатки отсутствовали. Он состоял в Лиге меньше двухсот лет и пребывал в состоянии счастливого хаоса. Смесь старого и нового, доконтактной культуры и постконтактной ситуации. Прекрасное место, чтобы затеряться, отсидеться и появиться вновь в новом обличье. Придя к этому решению, я почувствовал двойное удовлетворение. Это было не просто мысленное упражнение на выживание, ведь я и сам находился сейчас в положении Ангелины. Инцидент с взрывателем ясно показал, как Корпус относится

к дезертирам. Фрейбур — место, которое прекрасно скроет и меня. Я удовлетворенно вздохнул и расслабился. Когда я пришел в себя, пора было выходить из подпространства и прокладывать новый курс. Однако была вещь, которой надо было заняться в первую очередь. Еще будучи в Корпусе, я узнал много мелких фактиков. Один из них, обычно представляющий интерес только при изучении техники космоперехода, состоял в необычном распространении в подпространстве излучений, особенно радиоволн. Если вы вели передачу на одной частоте, вы получали мощный ответный сигнал на всех частотах, как будто радиоволны сжимались и отражались. Обычно не представляющий интереса этот экзотический феномен позволяет вести наблюдение за вашим кораблем. Я решил, что для Специального Корпуса вести наблюдение за своими кораблями — вполне разумная предосторожность. Поэтому тщательно спрятанный узкополосный передатчик явится для них настоящим маяком: Его-то и следовало найти до того, как вблизи появится какая-нибудь планета. Во внутреннем динамике иногда слышались свист и рев, но прежде чем искать передатчик, я должен был убедиться, что он вообще есть и имеет достаточно мощный сигнал для больших расстояний. Несколько экспериментов с экранами показали, что мой мистический сигнал не более чем собственное излучение самого приемника. После экранировки эфир затих. Я с облегчением вздохнул и вышел из суперперехода. Путешествие подходило к концу. Я перерыл все корабельное имущество и подобрал кое-что для дальнейшего использования, тщательно собрал разнообразные «жучки», а восстановление внешности Скользящего Джима доставило мне большое удовольствие. Расширители в ноздри, подушечки за щеки, краситель на волосы — и старая боевая лошадь снова готова к работе. Я посмотрел в зеркало, выругался и начал убирать всю эту маскировку так же старательно, как и накладывал. Ведь было же для меня законом никогда не расслабляться во время работы! Шаблонное поведение всегда ведет к неприятностям. Инскипп прекрасно знал мою старую внешность, и наверняка оба мои описания разосланы для опознания. Теперь я уже более внимательно наложил грим и создал нечто совершенно иное, создал очень просто — за счет изменений в лице и волосах. Более сложная работа потребовала бы в дальнейшем больше времени для поддержания ее в аккуратном состоянии, а Фрейбур был большим вопросительным знаком, я не хотел думать там о чем-то подобном этому. Я хотел спокойно ходить, все обнюхывать и определить, нет ли там следов Ангелины. Оставалось еще два дня корабельного времени, и я потратил его на приготовление различных приспособлений, могущих пригодиться: мини-гранат, потайных пистолетов — обычные вещи. Как только раздался сигнал окончания рейса, я собрал весь оставшийся хлам и уничтожил его. Единственным городом с приличным космопортом на Фрейбуре был Фрейбурбад, расположенный на берегу огромного озера, единственного крупного водоема

с чистой водой на планете. Глядя на солнечные блики, скользящие по его поверхности, вдруг захотел искупаться. Это, по-видимому, было вызвано желанием спрятать корабль — оставить его на дне в глубокой части озера, где он всегда будет под рукой, если потребуется.

Чтобы не попасть на радар, я спускался за зубчатой горной цепью. Проходя в темноте над озером, я обнаружил навигационный радар космопорта, но мой корабль был слишком далеко от берега. Штормовая погода, что вообще-то неплохо, сокращала видимость и поуменила мое желание принять ванну. Ближе к берегу я обнаружил глубоко под водой канал и снизился над ним, собрав в сумку все необходимое. Глупо, конечно, было так нагружаться, но у меня рука не поднималась оставить все эти чудесные приборчики Корпуса. Сложив все в водонепроницаемый пакет, я натянул скафандр и перешел в шлюзовую камеру. Дождь и темнота обрушились на меня, когда я быстро поплыл в сторону невидимого берега. Я скорее представил себе, чем услышал позади бульканье, когда корабль аккуратно отправился на дно. Плавать в скафандре так же неудобно, как заниматься любовью в невесомости. Я добрался до берега в состоянии, близком к изнеможению. Выбравшись из скафандра, я с большим удовольствием наблюдал, как он превращается в шлак в пламени трех термитных шашек. С еще большим удовольствием я пинком отправил этот шлак в озеро. Непрерывно льющий дождь смыл все следы костра. По-видимому, в такой ливень невозможно заметить даже свет термита. Забравшись под водонепроницаемую пленку, мокрый и жалкий, я дожидался рассвета. Ночью я несколько раз без видимой причины просыпался, но окончательно очнулся, когда было уже светло. Мне было как-то не по себе, и когда я услышал голос, то понял, что будило меня ночью.

— Идете во Фрейбурбад? Что ж, туда еще можно идти. Я тоже туда. Полезайте в лодку. Она старая, но хорошая. Прогуляемся...

Голос бубнил, но я его не слушал, а проклинал себя, что неожиданно-негаданно попался на глаза этому парню с «долгоиграющим» голосом. Он плыл вдоль берега на маленькой лодочке. Она низко сидела в воде, нагруженная тюками и узлами, и над всем этим торчала голова. Пока его челюсти продолжали двигаться, я имел возможность внимательно рассмотреть его. У него была дикая, всклокоченная борода, торчавшая во все стороны, и маленькие темные глазки, спрятанные под невероятно задрипанной шляпой, каких я никогда не видел. Мой первоначальный испуг почти прошел. Если этот чудака не сыщик, то случайная встреча могла оказаться для меня весьма кстати. Когда этот дикарь остановился передохнуть, я решил принять его предложение и, схватив планшир лодки, подтянул ее поближе, закинул сумку внутрь и перепрыгнул сам, сжимая в кармане пистолет. Как оказалось, для осторожности не было никаких причин. Зуг — так его звали, что мне с трудом удалось

выяснить в процессе его бесконечного монолога — вывернул за борт мотор, прикрепленный к корме, и включил его. Это был атомный тепловой преобразователь, простой и эффективный. У него не было движущихся частей, он просто засасывал из озера холодную воду, доводил ее до кипения и выбрасывал под давлением пара уже через другое подводное отверстие. Во время движения никакого шума практически не было, лодка скользила как по волшебству. Я начал понимать, откуда берется этот неудержимый поток слов. Наверное, этот человек был охотником и возил в магазин меха после многих месяцев одиночества и молчания. Вид человеческого лица и вызвал это словонизвержение, которое я и не пытался остановить, так как он фактически отвечал на многие мои незадаанные вопросы. Много забот вызывала моя одежда. В конце концов я решил остановиться на дорожном костюме в нейтральных серых тонах. Такие с небольшими вариациями распространены на всех планетах галактики, поэтому Зуг не обратил на него особого внимания. В жизни он, видимо, не был болтуном, но вот любителем одеться был точно. Его куртка была скорее всего сделана из местных шкур. Она была пурпурно-черной и очень красивой, если не считать прилипших к ней грязи и мусора. Штаны были из сукна машинной выработки, а ботинки, как и мон, из вечного пластика. Техника у Зуга подтверждала впечатление, производимое одеждой: смесь старого и нового. Для мира, подобного Фрейбуру, недавно вошедшему в Лигу, иного и не могло быть. Электростатическое ружье, прислоненное к связке стальных стрел для арбалета, создавало типичную картину. Несомненно, человек в равной степени пользовался и тем, и другим. Я уселся на мягкие тюки и стал наслаждаться путешествием и разгоравшейся зарей, поливаемый непрерывным водопадом слов. Мы добрались во Фрейбурбад до полудня. Зуг практически не втягивал меня в разговор, он предпочитал говорить сам, поэтому несколько моих неопределенных высказываний вполне его удовлетворяли. С большим удовольствием он угостился концентратами из моего пакета и в ответ протянул фляжку с какой-то жидкостью, изготовленной в его горном жилище. Вкус ее был непередаваемо ужасен. Оставалось ощущение стальной стружки, намоченной в серной кислоте. Однако после нескольких глотков все встало на свои места, и когда лодка подошла к пахнущему рыбой доку в пригороде, мы уже были изрядно навеселе. Причаливая, мы чуть не утопили отплывавшую лодку, что показало нам ужасно забавным — это дает некоторое представление о нашем состоянии. Я пошел в город и уселся в парке, пока мои мозги не прочистились. Старое и новое стояли здесь рядом. Здания из пластика соседствовали с кирпичными и оштукатуренными. Сталь, стекло, дерево и камень смешались неразделимо. Люди тоже были одеты в странную смесь типов и стилей. Я ими интересовался больше, чем они мною, и только какой-то робот обратил на меня внимание. Он махал передо мной напечатанными заголовками и выкрикивал в ухо свои идиотские пред-

ложения, пока я не взял газету, чтобы от него отвязаться. Валюта Лиги имела здесь обращение наряду с местными деньгами, и робот не выразил протеста, когда я сунул монету в его грудную щель. Он дал мне сдачу фрейбургскими гильденами — несомненно, по здешнему валютному курсу. Во всяком случае, следует иметь на будущее этот вариант. Новости были совершенно тривиальными, а вот объявления и реклама заинтересовали меня. Я просмотрел список больших отелей, сравнивая их комфортабельность и стоимость. Это заставило меня буквально ужаснуться. Как быстро теряем мы старые привычки! Всего месяц честной жизни — и я уже рассуждал, как честный человек!

— Ты — преступник! — процедил я сквозь зубы и плюнул на надпись: «НЕ ПЛЕВАТЬ!». — Ты презираешь закон и прекрасно обходишься без него. Ты есть закон в себе и самый честный человек в галактике. Ты не нарушаешь никаких правил до тех пор, пока они тебя не касаются, и изменяешь всякий раз, когда видишь в этом нужду.

Все это правда, и я презирал себя за то, что так быстро об этом забыл. Этот маленький период честности в Корпусе подействовал как зараза, разрушая все мои наилучшие анти-социальные тенденции.

— Думай, как украсть! — крикнул я громко.

Я испугал девушку, прогуливавшуюся по дорожке. Догадавшись, что она услышала меня, я бросил на нее злобный взгляд, и она сочла за лучшее скрыться. Так-то лучше. Я тоже поднялся и отправился в противоположном направлении, высматривая возможность что-нибудь совершить. Я решил возобновить свой прежний образ жизни, пока не займусь поисками Ангелины. Возможность легко представилась. Через десять минут план был готов, все необходимое оборудование было с собой. То, что могло понадобиться для работы, я переложил в карманы набедренного пояса, а сумку сдал в камеру хранения. В Первом Банке Фрейбура все располагало к грабежу. Три входа, четыре охранника, толпа народа. Четыре ж и в ы х охранника! Ни один банк не станет платить им зарплату, если у него есть электронная защита. Я чуть не пел от радости, стоя в очереди к одному из живых клерков. Полностью автоматизированные банки грабить нетрудно, но требуется специальная техника. Такая вот смесь машин и людей была лучше всего.

— Разменяйте десятизвездную Лиги на гильдены, — сказал я. И положил блестящую монету на стойку перед кассиром.

— Да, сэр, — сказал он, мельком взглянул на монету и отправил ее в счетную машину рядом с ним.

Его пальцы уже отсчитывали соответствующее количество гильденов еще до того, как появились обменные цифры. Мои деньги брякнулись в чашечку передо мной, и я стал медленно считать их. Я делал это механически, так как мои мысли были сейчас направлены на монету, которая крутилась и вертелась в машинных внутренностях. Когда я счел, что она закончила свое путешествие в подвале, я нажал кнопку на передатчике,

расположенном на поясе. Для этого нет другого слова, кроме «прекрасно». Подобные вещи, оставаясь в памяти, вызывают самые прекрасные воспоминания даже через много лет после того, как они произошли. Потребовалось немало часов, чтобы создать эту монету, но их не стоило жалеть. Я распилил ее пополам, вычистил изнутри, строил туда радиоприемник, запал и заряд и залил свинцом до первоначального веса. И сейчас она взорвалась! Глухой удар в недрах банка сопровождался треском и грохотом. Задняя стена, поддерживавшая свод, треснула и извергнула поток денег и дыма. А последний вздох выдохнувшей счетной машины принес мне неожиданный сюрприз. Денежные аппараты кассиров пробудились к неистовой деятельности. Поток больших и малых монет обрушился на обалдевших посетителей, которые, впрочем, быстро оправились от удивления и начали набивать карманы. Но время их радости было недолгим: тот же самый радиосигнал взорвал дымовые и газовые бомбы, которые я предусмотрительно разложил во все корзины для бумаг. Возбужденная публика не заметила, как я бросил еще несколько газовых бомб кассирам. Этот газ — смесь по моему рецепту рвотных и слезоточивых компонентов. Действие его было мгновенным и мощным. К счастью, в банке не было детей. Я не мог быть жестоким по отношению к юным созданиям, не умеющим себя защитить. Через несколько секунд клиенты и хозяева стали терять способность видеть. На меня никто не обращал внимания. Когда газ подобрался ко мне, я нагнулся, надел защитные очки и, выпрямившись, обнаружил, что в этой толпе я единственный, кто способен что-то видеть. Дышал я, конечно, через предусмотрительно вставленные носовые фильтры, так что мое пищеварение не пострадало. Мой кассир исчез из виду, и я совершил изящный бросок на животе через стойку в окошко. Оставалось выбирать и собирать. Деньги были разбросаны повсюду. Игнорируя мелочь, я отыскал место, где извергался золотой водопад. Через две минуты сумка была полна, и больше мне здесь делать было нечего. Дым вблизи дверей стал рассеиваться, но несколько гранат вернули все на место. Все шло, как было задумано, кроме одного ужасно надоедливого осла из охраны. Ему показалось что-то неладное, и он начал палить направо и налево. Хорошо еще, что он никого не убил. Я отнял у него пистолет и стукнул им его по голове. Дым у дверей стал очень плотным, и это не позволяло увидеть с улицы то, что происходит внутри. Но, конечно, было ясно, что происходит что-то плохое. Двое полицейских с пистолетами наготове ринулись внутрь, но тут же стали такими же беспомощными, как и остальные. Я организовал помощь пострадавшим и начал тихонько подталкивать их к дверям. Когда образовалась достаточная группа, я собрал их и выполз с ними на улицу. Очки я сунул в карман, а глаза закрыл, пропустив лишь чуть-чуть газа. Некоторые вежливые жители помогли мне, я поблагодарил и, смахнув платком начавшие литься слезы, пошел своей дорогой. Вот как все это легко, если план заранее продуман

и не рискуешь по-глупому. Дух мой был бодр, кровь весело бежала в жилах. Жизнь снова была прекрасна. Найти следы Ангелины теперь будет несложно. Теперь нет ничего такого, чего я не мог бы сделать. Я находился на гребне эмоциональной волны. Сняв комнату в отеле для космонавтов вблизи порта, я привел себя в порядок и отправился наслаждаться радостями жизни. В округе было много веселых заведений, и я решил по ним прогуляться. Перекусив в одном из них, я в каждом последующем пропускал по рюмочке. Если Ангелина во Фрейбурбаде, она скорее всего посещает эти места. Тут должен быть ее след, я чувствовал это всеми фибрами, как один преступник чувствует другого.

— Не пригласит ли кто девушку выпить? — услышал я равнодушный голос проститутки.

Я без всякого интереса повернул голову. Девушки, бледные создания ночи, вышли на вечерний промысел. Я получил уже достаточно предложений — мой внешний вид делал меня похожим на космонавта в отпуске, а это всегда прекрасный источник дохода для этих кошечек. Эта выглядела лучше остальных, по крайней мере, лучше сложена. Я с интересом, а потом с восхищением оглядывал ее. Короткая юбка в обтяжку, с высокими разрезами по бокам. Высокие каблуки заставляли бедра покачиваться, и это производило потрясающий эффект. Она дошла до стойки бара и повернулась, выставив себя на всеобщее обозрение. Блузка была сделана из узких мерцающих полосок, скрепленных только сверху и снизу. При малейшем движении полоски расходились, обнажая гладкую загорелую кожу. Грубая животная страсть охватила меня. В конце концов, глаза мои поднялись к ее лицу — длинное путешествие, если учесть, что я начал с колен — оно было очень привлекательно. Что-то знакомое... В этот момент сердце мое упало в желудок, я вцепился в кресло. Это казалось невероятным, но это было так. Это была Ангелина.

Волосы были обесцвечены, были и другие простые и очевидные изменения. В целом внешность ее стала такой, что опознать ее по фотографии или по описанию было бы невозможно. Только не для меня, конечно. Я видел ее в похищенном линкоре и разговаривал с ней. Очень хороша: я узнал ее, а она и понятия не имела, кто я. Она видела меня только в скафандре с поднятым светофильтром. Это была вершина счастливейшего дня моей жизни. Все вокруг казалось чудесным и прекрасным. Но все-таки необходимо отдать ей должное — замаскировалась она блестяще. Я и сам никогда не предполагал увидеть ее здесь в таком качестве, а ведь старался продумать все возможности. У нее была с собой приличная сумма украденных денег, поэтому я не представлял ее в качестве нищей бродяжки. Нет, девушка в порядке, надо отдать ей должное. Играет свою роль абсолютно натурально. Не будь у нее патологической склонности к убийствам — какую команду мы с ней могли бы создать! Тут мое сердце второй раз за вечер дало сбой. Эмоции эмоциями, но в конце следа ясно обозначается

смерть. Она приносила несчастье всем, с кем была рядом. В этой хорошенькой головке были высокоинтеллектуальные, но страшно извращенные мозги. Мне было лучше думать не о ее фигуре, а о трупах, которыми она усеяла свой путь. Есть только один выход: увести ее отсюда и передать в Корпус. Я даже не рассматривал вопроса своих взаимоотношений с Корпусом. Одно другого не касалось. Сейчас все надо было сделать четко и быстро. Я подошел к бару и заказал две двойных порции местной соляной кислоты, понизив голос и изменив акцент и манеру речи. Ангелина достаточно слышала меня и легко могла опознать по голосу — единственная вещь, за которую я волновался.

— Выпьем, куколка.— Я поднял стакан и подал ей другой.— А потом пойдем к тебе. У тебя есть комната?

— Найдется, если у тебя есть десятка по курсу Лиги.

— Ясное дело.— Я изобразил обиду.— Неужели по мне не видно?

— Я не из тех, кому платят потом,— ответила она с хорошо разыгранным равнодушием.— Сначала плати, потом пойдем.

Я шлепнул монету на стойку. Девушка подбросила ее в воздух, поймала, взвесила на руке и сунула куда-то за пояс. Я смотрел на нее с откровенным изумлением, меня поразила та натуральность манер, с какой она играла свою роль. Только когда она повернулась уходить, я вспомнил, что нахожусь здесь не ради наслаждений, а чтобы исполнить суровый долг. Все колебания тотчас исчезли, когда я снова вспомнил о трупах, плавающих в глубинах космоса. Опустошив свой стакан, я последовал за ее виляющими бедрами из бара в какую-то отвратительную улочку. Темнота узких, грязных переулков обострила мои рефлексy. Ангелина играла свою роль хорошо, но я сомневался, что она делит постель со всеми космонавтами, попадавшими в этот порт. Скорей всего, у нее есть сообщник, который прячется где-нибудь тут с тяжелой дубинкой. Может, я чересчур подозрителен? Я все время держал руку в кармане на пистолете, но воспользоваться им не пришлось. Мы пересекли еще одну улицу и нырнули в длинный коридор. Она молча шла впереди. Мы никого не встретили, и никто не заметил нас. Когда она открыла комнату, я немного успокоился: комната была настолько мала, что сообщнику негде было бы спрятаться. Ангелина направилась прямо к постели, а я решил проверить, заперта ли дверь. Она была заперта. Когда я повернулся, на меня смотрел автоматический бесшумный пистолет 75-го калибра, такой огромный, что Ангелина держала его обеими руками.

— Это что, грабeж?

Я возмущился, понимая, что в своих действиях прозевал что-то очень важное. Моя рука все еще сжимала пистолет в кармане, но вытащить его было равносильно самоубийству.

— Я пристрелю вас, даже не спросив имени,— ласково сказала она и улыбнулась, демонстрируя великолепно

ряд белых зубов.— Вы сорвали мою операцию с линкором.

Ее улыбка стала еще шире, но она пока не стреляла. Она наслаждалась чувствами, которые, сменяя друг друга, отражались на моем лице. Ловец попал в ловушку, его привели именно туда, куда хотели, и ничего уже нельзя было сделать. Увидев, что я все осознал, Ангелина громко рассмеялась, чисто и ясно, как серебряный колокольчик, и одновременно усилила давление на курок. Это была настоящая артистка. Точно в тот момент, когда мое отчаяние достигло максимума, а безнадежность положения стала очевидной, спусковой крючок был нажат. И не один раз, а снова и снова. Четыре разрывавшие плоть пули в сердце. И последняя прямо между глаз.

Это был еще не возврат сознания, а выплывание из красной тьмы. Организм отчаянно боролся с болью. Ужасно, что глаза закрыты и открыть их невероятно трудно. В конце концов я это сделал, и из красной тьмы появилось пятно лица.

— Что случилось? — спросило пятно.

— Я собирался узнать об этом у вас.

Я поразился, как слаб и безжизнен мой голос. Что-то влажное коснулось моих губ. Это была салфетка, вся в красных пятнах. Когда зрение вернулось ко мне, пятно превратилось в молодого человека в белом. Наверное, доктор, и я, как видно, в больнице.

— Кто стрелял в вас? — спросил доктор.— Кто-то сообщил о выстрелах, и ваше счастье, что мы приехали как раз вовремя. Вы потеряли много крови — вам уже сделали переливание, — и, кроме того, имеются множественные повреждения локтевой и лучевой кости от пули, которая дальше задела правый висок и, возможно, повредила череп. Вероятно, задеты ребра, и есть подозрение на внутреннее кровоизлияние. Кто-то сильно ненавидит вас. Кто же?

Кто? Конечно, моя дорогая Ангелина. Искусительница, соблазнительница, убийца пыталась расправиться со мной. Я все вспомнил. Широкий ствол пистолета с черной дырой, в которой, кажется, может уместиться целый звездолет. Сверкающее пламя, пули, ударяющие в меня, и страдания, когда мой дорогой, гарантированный пуленепробиваемый жилет принял на себя мощь выстрелов. У меня возникла надежда, что Ангелина этим удовлетворится, но нет, ствол поднялся к моему лицу. Я вспомнил последний свой жест: я закрыл лицо руками и качнулся в сторону в отчаянной попытке спастись. Это чудо, что попытка удалась. Пуля, видимо, срикошетировала от костей руки и только задела череп, а не прошла через него. Тем не менее, было много крови и неподвижное тело на полу, что и ввело Ангелину в заблуждение. Шум выстрелов в этой маленькой комнате, мой явный труп и кровь что-то сдвинули в ее женской натуре, хотя бы чуть-чуть. Она быстро покинула комнату. Задержись она хоть на секунду, чтобы убедиться...

— Ложитесь, — сказал доктор.— Если вы не будете ле-

жать, я сделаю вам укол, который отключит вас на неделю.

Только тогда я заметил, что сижу и хихикаю, как сумасшедший. При каждом движении грудь мою пронизывала боль, и я дал себя уложить. Теперь я задумался над тем, как мне выбраться отсюда. Игнорируя боль, я осмотрел приемную и стал думать, как извлечь выгоду из того, что судьба подарила мне жизнь, в то время как Ангелина думает, что я мертв. В приемном покое мне мало чем удалось поживиться. Я стащил только ручку и официальные бланки с полки над головой. Правая рука работала неплохо, хотя каждое движение приносило боль. Робот подвел под мои носилки каталку и повез меня в палату. Когда мы выезжали, доктор просунул какие-то бумаги в держатель над моей головой и приветливо кивнул. Я одарил его ответной улыбкой. Как только он скрылся из виду, я выхватил бумаги и быстро просмотрел их. Здесь был мой шанс, если я сумею быстро им воспользоваться. Это было заключение в четырех экземплярах. Пока эти бумаги не попадут в машину, меня не существует, я в статическом забвении, из которого должен выбраться в палате. Мертворожденный — вот мое спасение. Я скинул на пол подушку, и робот остановился. Он не обращал внимания, что я пишу, и останавливался еще два раза, подбирая подушку и давая мне время закончить мою фальшивку. Этот доктор оставил много места между последней строкой заключения и своей подписью. Я дополнил заключение, стараясь, насколько мог, подражать его почерку. «Множественные внутренние повреждения, — написал я. — Умер в пути». Это звучало достаточно официально. Я быстро добавил: «Все попытки реанимировать не дали результатов». Эта последняя фраза позволяла надеяться, что меня не будут колоть и оживлять электричеством, ведь я — труп. Выезжая из коридора, я положил бумаги за голову. Робот укатился прочь, равнодушный к тому, что его писавший и ронявший подушку пациент внезапно умер. Это отсутствие любопытства мне всегда нравилось в роботах. Я мысленно представил себе смерть в надежде, что на моем лице отразится соответствующее выражение. Кто-то дернул меня за ногу, стащил ботинок и носок. Рука взялась за ступню.

— Какая трагедия, — сказал приятный голос. — Он еще теплый. Может, положим его на стол и попробуем реанимировать?

— Не-а, — сказали из соседней комнаты. — В приемном покое уже пытались. Клади его в бокс.

Ужасающая боль пронизала мою ногу, я чуть не взвыл и только огромным усилием воли заставил себя лежать неподвижно, пока этот болван закручивал проволоку вокруг моего большого пальца. На проволоке висела табличка, и я от всего сердца пожелал, чтобы эта табличка висела на его ухе, стунтом той же проволокой. Боль из пальца передалась вверх, стали ныть грудь, голова и рука, и мне стоило больших усилий оставаться похожим на покойника. Открылась тяжелая дверь, и волна холодного воздуха коснулась моей кожи. Я позволил

себе быстрый взгляд из-под век. Если трупы в этой конторе укладывают в индивидуальные холодильники, я готов был внезапно возродиться к жизни. Всю жизнь мечтал умереть в холодильной камере за закрытой дверью! Но Госпожа Удача все еще была со мной. Мой мучитель перетащил меня вместе с носилками в большую комнату. Там на стеллажах вдоль стен уже лежали покойники. Без излишней почтительности меня кинули на заиндевшие доски. Шаги удалились, дверь тяжело стукнула, свет погас. Мое отчаяние трудно передать. Прошел только один день, а я уже весь в синяках, контужен и покалечен. Пребывание в одиночестве в темной запертой комнате действовало на меня чрезвычайно угнетающе. Несмотря на боль в груди и эту идиотскую табличку на пальце, я слез со стеллажа и отправился искать дверь. Меня бросало то в жар, то в холод, но наконец я наткнулся на стену. Нашупав выключатель, я включил свет, и в тот же момент настроение мое резко улучшилось. Дверь была — лучше не придумаешь, без окошка и с ручкой изнутри. У нее был даже внутренний засов, но невозможно было себе представить, кто им пользовался. В первую очередь я раскрутил проволоку и растер палец, возвращая его к жизни. На желтой табличке стояли буквы Д. О. А. и от руки написанный номер, тот же, что был в подделанной мною бумаге. Тут была возможность. Я снял такую же табличку с наиболее изуродованного трупа и заменил ее своей. Его табличку я сунул в карман и для смеха поменял таблички у остальных. Они висели у всех на левой ноге, и я громко проклинал эту чертову педантичность. Нога у меня замерзла; пришлось снять правый ботинок с самого большого трупа. Поскольку костюм и пуленепробиваемый жилет были испорчены, я позаимствовал теплую рубашку у одного из моих молчаливых друзей по несчастью. Не думайте, что все это было так просто. Меня буквально шатало от слабости. Закончив, я выключил свет и открыл дверь. На меня пахло, как из доменной печи. Там не было ни души. Я закрыл за собой дверь в покойническую и стал искать другую комнату. Это оказалась кладовая, в которой единственной полезной для меня вещью был стул. Я сел, отдышался и снова огляделся. Дверь рядом была заперта, а следующая — открыта в темную комнату, где кто-то храпел. Как раз то, что нужно. Кто бы ни был этот человек, но поспать он любил. Я обошел комнату и собрал всю одежду, какую нашел. Он не просыпался, и это было очень хорошо для него — ведь у меня была черепная травма.

Как только текущие дела закончились, боль вернулась. Натянув шляпу, найденную тут же, я открыл запасной выход. Никто меня не заметил, и я отправился пешком по поливаемым дождем улицам Фрейбурга.

Эта ночь и следующие несколько дней не сохранились в памяти по понятным причинам. Вернуться обратно в свою комнату было рискованно, но риск был оправдан. Ангелина почти наверняка не знала ее, но теперь это не имело значения.

Я умер и больше ее не интересовал. Мое предположение оправдалось: после возвращения меня никто не беспокоил. Я велел принести мне еды и пару ботинок, чтобы создать впечатление длительного одинокого запоя. Тело постепенно восстанавливало свои функции, я поддерживал его антибиотиками и болеутоляющим. На третье утро я почувствовал себя человеком, хотя и слабым. Рука приобрела чувствительность, черные и синие пятна на груди стали светлеть, а головная боль почти прошла. Пора было подумать о будущем. Я пригубил из бутылки и позвонил вниз, чтобы прислали газеты за последние три дня. Пневмотруба засопела, чихнула и извергла их на стол. Внимательно просматривая их, я понял, что разработанный мною план значительно лучше, чем я ожидал. На следующий день после моего убийства все газеты поместили сообщения, почерпнутые из больничных отчетов ленивыми обозревателями, не удосуживающимися хотя бы мельком взглянуть на трупы. И все. Ничего о Большом Больничном Скандале с Переменной Трупов или об Иске По Поводу Того, что в Гробу Не Дядя Фрим. Если мои шуточки в этом мясном морозильнике не опубликованы, значит, это стало больничной тайной, о которой будут говорить между собой. Ангелина, мой снайпер-возлюбленная, должна теперь считать меня мертвецом, жертвой ее несущего смерть спускового пальца. Что может быть лучше? Через некоторое время я снова сяду ей на хвост, но работать станет значительно проще: ведь она уверена, что я превратился в синий дым в местном крематории. Вот теперь самое время составить правильный план. Нет больше вопроса, кто за кем охотится. Арестовать Ангелину доставит мне не меньшее удовольствие, чем ей — стрелять в меня. Должен признать, что она все время обходила меня. Она увела линкор у меня из-под носа, затем улизнула из-под моего пистолета. И совершенно изумительно, что она устроила мне ловушку, когда я думал, что охочусь за ней. Моя наивность ясна мне до боли. Задумав исчезновение из линкора, она вовсе не была в истерике, только разыграла эту роль. Она изучала меня, каждый доступный обозрению участок моего лица, каждую интонацию моего голоса. В ее памяти четко отпечатался мой образ, и, удирая, она просматривала варианты моих действий. В последней точке своего полета она остановилась и стала ждать, зная, что я приеду и что она будет больше подготовлена ко встрече со мной. Теперь мое время сдавать карты. Я обдумал и взвесил множество вариантов и планов. Прежде чем предпринимать что-либо, мне в первую очередь необходимо пройти полную физическую реконструкцию. Это необходимо, если я хочу поймать Ангелину. И если хочу избежать длинных рук Корпуса. Во время учебы я об этом не задумывался, но был абсолютно уверен, что покинуть Специальный Корпус можно только ногами вперед. Физически я сейчас был еще очень слаб, но черепушка работала по-старому. Мне не хватало фактов, и я сделал небольшое жертвоприношение в форме вступительного взноса. Я

получил фотокопии всех местных газет многолетней давности. Я познакомился с ядовито-желтым журналом, любовно названным «СВЕЖИЕ НОВОСТИ». Это был популярный журнал, его словарь составлял приблизительно триста слов — для тех, кто любит смаковать жестокость во всех ее проявлениях. Большинство страниц посвящалось трагедиям с вертолетами, разумеется, с цветными фотографиями, но описывались также случаи хулиганства, жестоких драк и прочего, что твердая рука галактической цивилизации не успела еще полностью задушить на Фрейбуре. Среди этого нагромождения были упоминания и о «темных» преступлениях, которые я и искал. Человечество всегда было капризным в своем законодательстве, придумывая такие увлекательные термины, как непредумышленное убийство, убийство при смягчающих вину обстоятельствах и проч. Будто мертвый вроде и не совсем мертвый. Хотя мода как на преступления, так и на приговоры меняется, есть такие, что всегда вызывают сильное отвращение: это врачебные преступления. Говорят, некоторые дикие племена убивают знахаря, если его пациент умер; правило не без достоинств. Эта целеустремленная ненависть к мяснику-шарлатану понятна. Больной полностью отдает себя в руки врача и позволяет незнакомому человеку играть с самым дорогим для больного. Если это доверие поддается, возникает естественное возмущение среди свидетелей или оставшихся в живых пациентов. «Свежие Новости» с многочисленными подробностями излагали, как некий высокоуважаемый доктор Сифтерниц совмещал жизнь хирурга и плейбоя до тех пор, пока нож в его трясущихся руках отрезал не то, и жизнь известного политического деятеля укоротилась на несколько могущих принести большую пользу лет. Можно верить доктору, что он приступил к работе трезвым, и фатальная судорога его пальцев была вызвана не нетрезвостью, а белой горячкой. Во всяком случае, его лицензия была аннулирована, а сбережения, видимо, иссякли, так как потом были сообщения о его еще более неблагоприятных поступках. Жизнь здорово потрепала Вульфа Сифтерница. Он был именно тем, кто мне нужен. Я хотел купить его профессиональное мастерство. Для человека моих способностей отыскать и выследить полулегального незнакомца в чужом городе на далекой планете не представляло проблемы. Это дело техники, а с техникой у меня в порядке. Стуча в грязную деревянную дверь дома в откровенно не лучшей части города, я готовился сделать первый шаг в моем новом плане.

— У меня к вам дело, Вульф, — сказал я мутноглазому субъекту, открывшему мне дверь.

— Убирайтесь к черту! — сказал он.

Он попытался закрыть дверь перед моим носом, но предусмотрительно вставленный носок ботинка не позволил ему сделать это.

— Я не занимаюсь медициной, — пробормотал он, глядя на мою забинтованную руку. — Я не хочу связываться с полицией, так что убирайтесь к черту.

— Что вы бубните одно и то же? — сказал я ему. — Я здесь, чтобы предложить вам совершенно законную сделку с соответствующей денежной оплатой.

Я проигнорировал его протесты и заглянул в комнату.

— Согласно абсолютно достоверным источникам, вы живете здесь в незарегистрированной связи с девушкой по имени Зина. То, что я хочу сказать, не для ее, несомненно, прелестных ушек. Где она?

— Нету! — крикнул он. — И вы тоже убирайтесь! — Он схватил за горлышко бутылку и угрожающе поднял ее.

— Что вы скажете на это? — спросил я и бросил на стол толстую пачку новеньких банкнот. — И это... — я добавил еще две пачки.

Бутылка выскользнула из его ослабевших пальцев и упала на пол. Глаза его, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Чтобы окончательно сразить его, я добавил еще несколько пачек. Долго убеждать его не пришлось. Когда он уяснил, зачем я пришел, осталось только согласовать детали. Деньги подействовали на него успокаивающе, он не дрожал и не трясся, а рассуждал вполне здраво.

— Осталась одна проблема, — сказал я в заключение. — Собираетесь ли вы рассказать об этом Зине?

— Вы с ума сошли? — воскликнул он с неподдельным изумлением.

— Значит, не расскажете. Если об этой операции знаем только вы и я, как вы собираетесь объяснить свое отсутствие и источник появления денег?

Это повергло его в еще большее удивление.

— Объяснять? Ей? Да она не увидит ни меня, ни денег. Через десять минут я покину это место.

— Ну, что ж.

Я подумал, что это все-таки жестоко по отношению к несчастной Зине, поддерживающей его ремеслом, которого большинство женщин избегает, и взял себе на заметку что-то сделать по этому вопросу. В дальнейшем, конечно. В первую очередь должен исчезнуть Джим Боливар ди Гриз. Не жалея расходов, я заказал все хирургическое оборудование, указанное Вульфом. По возможности старался приобретать приборы-роботы, так как ему предстояло работать одному. Погрузив все в тяжелый трейлер, мы отправились в загородный дом. К сожалению, доверительные отношения у нас не складывались. Самым трудным вопросом был финансовый, ибо простосердечный доктор Вульф был уверен, что я проломлю ему череп и заберу деньги обратно, как только работа будет закончена. Чудак не понимал, что пока существуют банки, у меня нет проблем с деньгами. В конце концов, к его удовлетворению, были оговорены гарантии, и мы приступили к нашей важной работе. Дом был уединенный и полупустой, расположенный на возвышенности у дальнего конца озера. Свежую пищу мы получали раз в неделю вместе с почтой, лекарствами и другими медицинскими препаратами. Операция началась. Совре-

менная хирургическая техника позволяет избавить пациента от боли и шока. Я все время находился в постели и иногда нагружался таким количеством успокоительного, что дни проходили в дремотном тумане. Между двумя периодами радикальной хирургии я решил удостовериться, что в состав вечернего питья Вульфа входят снотворные пилюли. Питье было, конечно, безалкогольным, так как воздержание Вульфа на все время путешествия было одним из условий нашего соглашения. Во избежание срыва я поддерживал его решение некоторым количеством денег. Поскольку в связи с воздержанием он находился на грани нервного срыва, я сделал вывод о необходимости для него крепкого ночного сна. Кроме того, я хотел провести небольшие исследования. Уверившись, что он спит, я открыл замок и обшарил комнату. Пистолет, вероятно, был только для страховки, но эти нервные типы часто ведут себя непредсказуемо. Пистолет был 50-го калибра, аккуратный и смертельный. Механизм работал прекрасно, патроны новенькие, вот только стрелять пистолет больше не будет: я аккуратно сточил боек. Найденная камера уже не удивила меня: я слабо верил в человеческое благородство. Вульфу мало, что я его благодетель и финансист, он решил на всякий случай подготовить материал для шантажа. Там была пленка, заполненная, без сомнения, кадрами моей внешности До и После. Я положил всю катушку под рентгеновский аппарат и подержал ее там некоторое время. Вульф работал отлично, с ним можно было жить, пока он не начинал вопить об отсутствии спиртного и девушек. Он изогнул и укоротил мои бедра, изменил рост и походку. Руки, лицо, череп, уши — все было переделано для создания новой внешности. Искусное использование соответствующих гормонов вызвало изменение пигментации кожи и волос, изменилась даже структура самого волосяного покрова. Последнее, что сделал Вульф в высшей точке вдохновения, была деликатная операция на моих голосовых связках, что изменило и огрубilo речь. Когда все было кончено, Джим ди Гриз умер, и родился Ганс Шмидт. Имя не очень благозвучное, но я придумал его только на период моего общения с Вульфом, до начала своего основного предприятия.

— Прекрасно!

Я ошупывал перед зеркалом свое измененное лицо.

— Наконец-то я могу выпить! — прошептал позади меня Вульф.

Он сидел на своих уже упакованных чемоданах. Последние несколько дней он таскал медицинский спирт, пока я не смешал его с капелькой своего любимого рвотного.

— Отдайте мне остальные деньги, и я, с вашего разрешения, уеду отсюда.

— Терпение, доктор, — сказал я и сунул ему пачку банкнот.

Он сорвал банковскую упаковку и начал быстро считать, мелькая пальцами.

— Не тратьте время, — сказал я.

Но он продолжал считать.

— Я написал «УКРАДЕНА» на каждой банкноте таким составом, который будет флюоресцировать, когда банк положит ее под ультрафиолет.

Он побелел.

Мне следовало бы напомнить ему о его изношенном сердце, которое могло отказать от сильного волнения.

— Что значит — украдена? — спросил он немного погодя.

— То и значит. Все деньги, которые я заплатил вам, были украдены.

Его лицо стало еще бледнее. Я был уверен, что при таком кровообращении он не доживет и до пятидесяти.

— Да вы не расстраивайтесь. Я расстался с ними без всякого сожаления.

— Но... почему? — спросил он.

— Законный вопрос, доктор. Долг платежом красен. Я пошлю ту же сумму в неиспорченных кредитках вашей подружке Зине. Я чувствую, вы многим обязаны ей. Она немало для вас сделала.

Он свирепо посмотрел на меня, а я начал сбрасывать с обрыва аппараты и хирургическое оборудование. Я старался не поворачиваться спиной к нему, остальные предосторожности были сделаны раньше. Мельком заметив его скрытую усмешку, я подумал, что настало время выложить все.

— Аэромобиль будет здесь через несколько минут. Мы улетим вместе. С сожалением должен информировать вас, что по прибытии во Фрейбургад у вас не будет времени отыскать Зину, избить ее и отобрать деньги.

Выражение его лица отчетливо показывало, что именно это он и намеревался сделать. Я продолжал, надеясь, что он будет мне благодарен за столь тщательное и откровенное изложение этой криминальной истории.

— У меня все рассчитано по минутам. Сегодня из космопорта отправляются два звездолета с разницей во времени в одну минуту. На один из них я закажу билет для себя, а вот ваш билет — на другой. Я заплатил за него заранее, не считывая, разумеется, получить за это благодарность.

Он взял билет с неподдельным интересом старой, девы, подобравшей дохлую змею.

— Вам крайне необходимо поторопиться. Через несколько минут после вашего отлета в полицию доставят пакет с описанием вашего участия в операции.

Милый доктор переваривал все это, пока мы ждали вертолет, и, судя по кислому выражению лица, не находил способа улизнуть. Во время полета он скрючился в кресле и не сказал ни слова. По прибытии он без скандала пересел на свой корабль, я же просто двинулся в сторону своего, но, не дойдя, свернул обратно. Я так же не собирался покидать Фрейбур, как и доносить в полицию о незаконной операции. Эта ложь была необходима, чтобы наверняка спровадить доктора-алкоголика в одинокое путешествие к циррозу печени. У меня же, наоборот, были причины остаться. Ангелина все

еще была на этой планете, и я не хотел никаких помех при ее поиске. Может быть, это выглядело самоуверенно, но я почувствовал, что за это время хорошо узнал Ангелину. Наши маленькие порочные мозги во многих случаях крутились синхронно, и я был абсолютно уверен, что могу с большой достоверностью предсказать ее действия. Во-первых, она в восторге от такого кровавого убийства моей особы. Она получает такое же удовольствие от трупов, как другие девушки от новых платьев. Она уверена, что я мертв, и это облегчит мне ее преследование. Я не сомневался, что она примет естественные предосторожности против полиции и других агентов Корпуса. Но они не знали, что она на Фрейбуре, и не было оснований связывать мою смерть с ее присутствием. Следовательно, она не убежит, а останется, но с измененной внешностью и в каком-то новом качестве. В том, что она захочет здесь остаться, у меня не было ни малейшего сомнения. Фрейбур, кажется, так и создан для специальных операций. За годы шатания по нашей вселенной я не встречал подобной планеты. Грубая смесь старого и нового. В старом феодальном Фрейбуре незнакомец сразу привлек бы пристальное внимание. На современных планетах Лиги компьютеры, механизация, роботы и бдительная полиция тоже оставляют мало возможностей для незаконных операций. И только там, где две различные культуры смешиваются, появляются реальные возможности. Эта планета достаточно спокойна, тут мы можем не скупиться на похвалы экспертам Лиги. Прежде чем внедрять антибиотики и компьютеры, они убедились, что закон и порядок установлены твердо. Тем не менее, возможности для криминала остаются, если знаешь, где искать. Ангелина знала. Я тоже. Однако после нескольких недель бесплодных поисков я встал перед очевидным фактом, что мы ищем разные вещи. Я не могу сказать, что время прошло бесполезно, так как открыл бесчисленные возможности для прекрасных прибыльных дел. Если бы меня не заботили поиски Ангелины, я бы, кажется; всю жизнь купался в этом воровском раю. Но поиски мучили меня постоянно, словно больной зуб. Отложив интуицию, я попробовал научные методы. Арендовав лучший из существовавших здесь компьютеров, я загрузил в него целую библиотеку и поставил перед ним кучу проблем. В процессе этого пожирающего киловатты энергии дела я стал специалистом по экономике Фрейбура, но ни на шаг не приблизился к нахождению Ангелины. У меня не было никаких идей, где искать следы ее деятельности. Машина выдала массу рекомендаций по улучшению управления экономикой Фрейбура, но исследования показали, что в этой области Ангелины нет. Казалось очевидным, что король Виллельм Девятый является действительным центром управления планетой. Комплексное исследование короля, его семьи и внутренних взаимоотношений вскрыло один скандалчик, но не Ангелину. Решение этой проблемы сломило меня, и я начал топить свое горе в бутылке очищенного спирта. В это время я буквально варился в алкоголе,

и именно паралич моих нервных аксонов и стал источником идеи. Вообще-то те, кто утверждает, что в подпитии думает лучше, чем трезвый,— ослы. Но тут был совершенно другой случай. Я чувствовал, а не думал, и моя злость на исчезновение Ангелины приоткрыла сосуд моего высшего интеллекта. Я мял подушку, вызывая в памяти поступки девушки, и, в конце концов закричал:

-- Она просто ненормальная!

Я упал на постель, все кружилось в нескончаемом хоро-
воде, и я бормотал:

— Несомненно, ненормальная! И, чтобы вычислить ее
следующий шаг, я сам должен стать чокнутым!

На этом мои глаза закрылись, и я заснул. Последние слова, упав на мозговое вещество, стали тонуть и, пройдя через пропитанные алкоголем слои, добрались наконец до трезвого слоя. Когда они стукнулись о дно, я полностью проснулся и сел, пораженный страшной правдой. Потребуется вся моя сила воли — и еще чуть-чуть — чтобы сделать это. Если я хочу найти ее, мне нужно стать сумасшедшим.

В холодном утреннем свете идея не выглядела ни более привлекательной, ни менее очевидной. У меня был выбор — делать это или не делать. Не было сомнений, что признаки ненормальности в Ангелине явно обнаруживались. Все ее действия были отмечены противоестественным безразличием к человеческой жизни. Она убивала равнодушно или с удовольствием, например, когда стреляла в меня, но всегда с полным безразличием к людям. Я сомневаюсь, знала ли она, сколько убийств совершила в своей жизни. По ее стандартам, я был рядовой любитель. Я не убивал, и более того, в моей деятельности редко возникала такая необходимость. Да, ди Гриз никого не убивал! Мне нечего стыдиться этого, совсем наоборот. Я ценил человеческую жизнь, эту единственную и неизменную величину во вселенной, а Ангелина ценила только себя, свои желания и ничего больше. Следуя по пути формирования ее личности, я воссоздал бы присущий ей образ мышления. Это не так трудно, как кажется, по крайней мере, теоретически. У меня был некоторый опыт работы с психомиметическими наркотиками, и я хорошо знал их возможности. Вековые исследования позволили создать лекарства, которые могут стимулировать в пациенте любой образ мышления. Хотите стать на неделю параноиком? Примите пиллолю — почувствуете, что это такое. Некоторые принимают это для кайфа, но жить с этим я не хотел бы. Нужна была чрезвычайно веская причина, чтобы заставить меня, человека с деликатным серым веществом, решиться на это. Скажем, поиск Ангелины. Воистину прекрасным свойством всех этих психосоматических препаратов было их временное действие. Когда лекарство поглотится, галлюцинации исчезнут. Я надеялся на это. Ни в одной из прочитанных мною книг не упоминалось о том дьявольском вареве, какое мог состряпать только я один. Это была титаническая работа — искать в книгах описание всех очаровательных

привычек Ангелины и найти каждому соответствующий психологический образец. В процессе этого анализа мне даже потребовалась профессиональная помощь, без упоминания, конечно истинных целей. В конце концов передо мной стоял пузырек слабо-дымчатой жидкости и магнитофон с записями различных стимулирующих высказываний, которые будут прокручиваться в процессе действия лекарства. Осталось только собрать мужество в кулак, как говорят классики. В действительности было кое-что еще: я хотел принять некоторые предосторожности. Я снял комнату в дешевом отеле и приказал не беспокоить меня. Поскольку я впервые решался на подобный поступок, я не знал, как поведет себя моя психика, я оставил в пределах видимости несколько памятных записок. Через несколько часов подобных приготовлений я понял, что тяну время.

— Да, нелегко добровольно стать сумасшедшим, — сказал я своему бледному отражению в зеркале.

Отражение было согласно. Тем не менее, мы оба закатали рукава и приготовили большие шприцы.

— Ну, поглядим, что будет, — сказал я, осторожно ввел иглу в вену и вдавил поршень до основания.

Результат был обескураживающим, если не сказать больше. Появились звон в ушах и головная боль, которые быстро прошли, после чего всё стало, как и раньше. Надо чем-то заняться. Я читал газету, пока не устал. Наступило разочарование. Я лег спать и включил магнитофон, который мягко нашептывал мне в уши сентенции вроде: «Ты лучше всех и знаешь это, а людей, которые этого не знают, лучше остерегаться», или «Все дураки, умнее тебя нет никого на свете». Спать было неудобно, наушники резали уши, а мой дурацкий голос выводил меня из себя. Ничего не изменилось, эксперимент прошел впустую, и неудача меня разозлила. Я сломал наушники, смял в тугой комок магнитофонную ленту, и мне стало легче. Я несколько дней не брился, щетина скрипела под рукой. Я втер в нее крем, глянул в зеркало над раковиной и поразился: новое лицо подходило мне куда больше, чем старое. Ошибка рождения или уродство моих родителей — я их глубоко ненавидел, так как единственная полезная вещь, которую они сделали, это родили меня — дали мне лицо, не соответствующее моей личности. Новое было лучше: во-первых, более красивое, во-вторых — более строгое. Стоит поблагодарить этого искусного врача Вульфа за такую работу — поблагодарить пулей. Это было бы гарантией, что никто в мире не выследит меня через него. У меня, наверное, был солнечный удар, если я позволил ему улететь живым. На столе лежал листок бумаги с единственным словом, написанным моим почерком, хотя я понятия не имел, зачем я его оставил. Там было написано «Ангелина». Ангелина, которую я жажду заполучить, чтобы сжать руками её белое горло и давить, пока не выкатятся белки. Ха! Представив эту картину, я засмеялся. Однако не следует быть таким легкомысленным. Ангелина — это важно. Я собираюсь найти ее, и меня ничто не остановит.

Она сделала из меня дурака и пыталась убить. Если кто и заслуживает смерти, так это она. Жаль, что это еще не сделано. Я разорвал листок на мелкие куски. Комната буквально давила на меня, мне захотелось выйти. На этот раз меня привело в бешенство отсутствие ключей. Я знал, что вынимал их, но куда дел — не помнил. Растяпа-портье что-то мямлил, и я собирался сказать ему все, что думаю о их сервисе, но воздержался. Для этих типов есть только одно лекарство! В корзину под пневмотрубой шлепнулись запасные ключи, и я взял их. Хотелось есть, пить и больше всего — спокойного места, чтобы подумать. Ближайшее кафе предоставило мне все три возможности, когда я отогнал проститутку. Все это были сучки. Ангелина, только игравшая эту роль, выглядела лучше всего этого стада вместе взятого. Я все время о ней думал. Выпивка согрела мой желудок, и мои мысли потеплели. Неужели я и в самом деле хотел предать ее или даже убить? Чушь! Единственная умная женщина из всех, с кем я встречался. Я никогда не забуду, как она вышагивала в своем откровенном платье. Ее бы немного приручить, и какая получится пара! От этой сладкой мысли мое лицо вспыхнуло, и я одним глотком осушил стакан. Я должен найти ее. Она ни за что не покинет эту планету, напоминающую райские кущи. Девушка с ее амбициями пойдет здесь прямо к вершине, и ее ничто не остановит. Это именно то место, где ей полагается быть. Всю жизнь Ангелина была уверена, что она лучше всей этой толпы, и снова и снова доказывала это себе и всем. Мое прибытие могло бы стать величайшим счастьем для Ангелины, а я вел себя на этой планете как настоящая деревенщина. Когда Ангелина расправилась со мной, она могла остановиться, успокоиться и подчиниться порядку. Соперничество было отложено. Пока я сидел там, что-то встревожило меня, какой-то важный момент, который никак не мог проявиться в памяти. Наконец я понял: инъекция скоро закончит действие! Необходимо было срочно вернуться домой. Всплыли страхи по поводу выполнения эксперимента, но я понял, что это старые сомнения. Это варево не опаснее аспирина, и в то же время величайшая космическая штука. Передо мной открылись новые миры возможностей, мозг стал яснее, мысли логичнее. Но я не собирался возвращаться к той туманившей бурде. Я заплатил бармену и долго ждал, пока он медленно отсчитывал сдачу.

— Побystрее! — сказал я громко, чтобы все слышали. — Клиент торопится, поторопись и ты. Еще два гильдена.

Я держал деньги на раскрытой ладони. Когда он наклонился, чтобы снова пересчитать их, я быстро приподнял руку и шмякнул ему по морде деньгами и ладонью. Заодно, понизив голос, чтобы слышал только он, я пояснил, что о нем думаю. Фрейбургский слэнг богат выражениями, и я выбрал самые лучшие. Я бы продолжил, но это требовало времени, а я торопился в отель. Уходя, я взглянул в зеркало, висевшее на передней стене, и хорошо сделал. Бармен вытащил из-под стойки обрезок трубы и занес над моей головой. Не желая лишать

его удовольствия, я не стал перехватывать руку, а лишь отступил в сторону, позволив ему чуть-чуть задеть меня. Затем я схватил эту нахальную руку и сломал ее о край стойки. Его вопли вошли в мое сердце райской музыкой. Я готов был бы слушать их сколько угодно, да времени не было.

— Вы видели, как он предательски напал на меня? — спросил я и направился к двери, к остолбеневшим посетителям. Пострадавший исчез из виду — видимо, упал и стонал где-то под стойкой.

— Я иду звонить в полицию. Присмотрите, чтобы он не сбежал.

Конечно, он так же рвался сбежать, как я — звонить в полицию. Я вышел задолго до того, как свидетели сообразили, что произошло на самом деле. Бежать я не мог, чтобы не привлечь к себе внимания. Самое лучшее — идти быстрой походкой. От напряжения я весь облился потом. Первое, что я увидел в номере отеля, был пузырек на столе и завернутый в тряпочку шприц. Мои руки не тряслись. Я им этого не позволил. Рухнув в кресло, я взял пузырек и увидел, что там осталось жидкости меньше чем на миллиметр. Для получения адской смеси требовался довольно сложный процесс, но формула гвоздем сидела у меня в памяти, и восстановить ее в любой момент не представляло труда. Вот только как достать компоненты в этот ночной час? Ну, это не сложно! История говорит, что оружие изобрели раньше денег. В моем кейсе лежал знаменитый 75-й калибр, с ним можно раздобыть все что угодно куда раньше, чем с деньгами.

Это была ошибка. Какое-то ноющее беспокойство волновало меня, но я его проигнорировал. Напряжение, а затем разрядка разогнали скованность. На вершине кайфа надо было торопиться, у меня мало времени, чтобы найти нужное и вернуться в отель. Все мои мысли устремились к достижению цели. Я отпер кейс и увидел пистолет, лежавший поверх одежды. Тонкий голосок памяти пискнул что-то невнятное, но это меня только подтолкнуло. Я схватил рукоятку, и тут память начала проясняться... но слишком медленно. Опустив пистолет, я рванулся к двери, но опоздал. Позади хлопнула граната с соевым газом, положенная под пистолет. Уже погружаясь в сон, я никак не мог понять, как можно было сделать такую глупость.

Первым ощущением после выхода из сна было сожаление: Работа мозга — источник постоянного удивления. Действие дьявольского напитка проходило, с памятью было все в порядке, дурнота рассеивалась. Детали моей интермедии сумасшествия предстали четко и ясно. Хотя меня подташнивало от всего, что я думал и делал, мне все-таки было жаль, что все кончилось. Раскованность после лекарства переросла в абсолютную свободу, когда жизнь других людей кажется пустяком. Ощущение, несомненно, жуткое, но и чрезвычайно приятное и притягательное. Хотя разум протестовал, мне хотелось повторить все снова. Несмотря на двенадцатичасовой сон, я был разбит. Переползание на кровать отняло всю мою

энергию. Взгляд остановился на предусмотрительно припасенной бутылке спирта. Я налил стакан и, потягивая жидкость, попытался привести в порядок работу своего мозга, что было нелегко. Я не раз читал о темных инстинктах, лежащих в нашем подсознании, но впервые непосредственно столкнулся с ними, когда они начали действительно выплывать на поверхность. Моя позиция в отношении Ангелины должна быть, наконец, определена. Должен признаться, я был явно неравнодушен к ней. Любовь? Называйте, как хотите, не возражаю, но это не пылкая юношеская страсть. Ее поступки не ослепляли меня. Я трезво понимал, что отвратительно-аморальная жизнь Ангелины отражается и на моем образе мыслей. Но логика и рассудок не могут противостоять эмоциям. Ненавидя ее деятельность, я не мог отделаться от чувства симпатии к этой личности, так похожей на меня. Не давала покоя мысль: какая получилась бы из нас упряжка! Это, конечно, невозможно, но хотеть-то никто не запретит. Любовь и ненависть стояли плечом к плечу. Я сделал большой глоток. Найти ее сейчас не составит труда. Эта уверенность даже раздражала меня. У меня не было никакой информации, одни мысленные фантазии да проблески интуиции о том, как вертятся шарики в голове Ангелины. Сомнения нет — она рвется к власти, но вряд ли добьется чего-то через короля. Скорее силой, возможно, с терроризмом, через какого-то рода революцию и беспорядки. Так было в старые времена на Фрейбуре, когда ценной была верховная власть. Любой дворянин мог быть коронован, а старая королевская власть ослаблена, поэтому борьба за место монарха была очень жестокой. Все это прекратилось, когда здесь поработали социологи Лиги. Теперь возврат к старому стал вполне возможен. Ангелина для удовлетворения своих амбиций хотела видеть этот мир купающимся в крови. Она пока не могла ничего сделать, но готовила кого-то для черновой работы, кого-нибудь из этих надутых князей, которые проводили в жизнь политику трона и имели большое влияние в этом полуфеодальном государстве. Подобный подход Ангелина уже использовала и, без сомнения, захочет повторить. Неясна была одна мелочь: кто он? Мои погружения в глубины самоанализа оставляли во рту неприятный привкус, который не смывался никаким количеством жидкости. Я нуждался в оживлении нервных окончаний и разгонке застоявшейся крови. Выслеживание доверенного лица Ангелины требовало подзарядки моих батарей. Я взял газету и стал изучать колонку новостей Двора. Через два дня должен состояться Большой Бал — очень удачное прикрытие для моих поисков. В эти два дня я наводил глянец на детали предполагаемой операции. Болван испортил бы дело, что обычно и случается. Только с моими талантами можно обеспечить стопроцентное прикрытие персонализации. Я придумал себе родину — отдаленную провинцию Фрейбура, бедную во всех отношениях, кроме изобилия шницлов в произношении, что служило основой многих шуток и анекдотов. Население Мистельдросса в силу присущих ему

врожденных свойств считалось драчливым и упрямым. Мое положение дворянина дало мне право скрыться под именем Граф Бент Дибстол. Фамильное имя означало на местном диалекте либо бандита, либо сборщика налогов, что дает полное представление как о роли сборщика налогов, так и об источнике фамильного титула. Пока военный портной шил мне мундир, я детально вызубрил свою фальшивую историю. Не забыл я сделать и еще одну вещь: послать искалеченному бармену толстую пачку денег — он вынужден был работать с загипсованной рукой. Он и вправду разозлил меня, но наказание было явно непропорционально проступку. Этот анонимный подарок очистил мою совесть, и я почувствовал себя значительно лучше. Полуночный визит в королевскую типографию дал мне желанное приглашение на бал. Мундир сидел как влитой, сапоги вызывающе сверкали. Я явился одним из первых. Королевский стол соблазнял яствами, а предстоящее дело дразнило аппетит. На Фрейбуре сохранилась архаическая привычка носить на балах шпоры и меч. Обремененный этой тяжестью, грохоча, как пустая кастрюля, я низко поклонился королю. Его глаза блеснули и смотрели как-то туманно. Это подтверждало слухи о том, что он не начинал ни одного дела, не приложившись к бутылке. Он откровенно ненавидел толпу и балы, предпочитая возиться с жуками. Он был энтомологом-любитель, правда, без всяких талантов. Королева в расцвете двадцатилетней красоты была значительно приятней. Молва утверждала, что ей до смерти надоели жуки, и она предпочитала гомо сапиенс. Желая проверить это, я, целуя ей руку, слегка пожал ее. Она удивленно взглянула на меня, даже с некоторым интересом. Я направился в буфет. Гости прибывали. Наблюдение за ними не мешало мне уничтожать еду и смаковать вино. Основательно загрузившись, я решил сделать перерыв и смешался с толпой. Все женщины были предметом моего пристального внимания. Большинству их это льстило, как мне казалось, из-за моего нового привлекательного лица и потрясающего мундира, явно выделявшего меня среди местных. Я, конечно, не думал, что легко обнаружу след Ангелины, но шанс все-таки был. Несколько женщин отдаленно напоминали ее, но достаточно было услышать от них пару слов, как становилось ясно, что это истинная голубая кровь, а не моя межзвездная убийца. Задача несколько упрощалась тем, что понятие красоты на Фрейбуре связано с обилием плоти, а Ангелина была очень стройной. Я направился обратно в буфет.

— Следуйте за мной! Королевский приказ! — прохрипел мне в ухо простуженный голос.

Грубая рука схватила меня за рукав.

— Отпусти рукав, или я выровняю твою морду! — рявкнул я на грубом мистельдроссенском наречии.

Он отпустил, словно обжегся, и, покраснев, отступил.

— Вот так-то лучше, — добавил я. — Кто хочет меня видеть? Король?

— Ее величество королева,— прошипел он сквозь зубы.

— Прекрасно. Я тоже хочу видеть ее. Показывай дорогу.

Я шел через толпу, а мой новый приятель тащился сзади, пытаясь обогнать меня. Достигнув группы, окружавшей королеву Хильду, я пропустил его, задыхающегося и потного, вперед.

— Ваше Величество, это барон...

— Граф, а не барон,— перебил я.— Граф Бент Дибстол из бедного провинциального рода, урезанного века назад в своих законных правах подлыми мошенниками-князьями.

Я сурово посмотрел на своего проводника, как будто он сам участвовал в древнем заговоре, и он опять отчаянно покраснел.

— Что это у вас за награды, граф Бент? — спросила королева низким голосом, который вызвал во мне образ луга в туманное утро.

Она указала на мою мужественную грудь, увешенную побрякушками, которые я откопал утром у антиквара.

— Галактические медали, Ваше Величество. Мог ли младший сын провинциального дворянина рассчитывать на какое-то продвижения на Фрейбуре? Вот почему я выбрал службу вне планеты и провел лучшие годы своей жизни в Звездной Гвардии, а там сражения, захваты, звездные абордажи в порядке вещей. А вот этим я действительно могу гордиться.— Я указал на невзрачную шутовину среди сверкающих побрякушек.— Это наша Звезда, наивысшая награда в Гвардии.

Я взял Звезду в руку и посмотрел на нее долгим проникновенным взглядом. Скорее всего, это был гвардейский знак за сверхсрочную службу или что-то в этом роде.

— Это прекрасно,— сказала королева.

Она разбиралась в медалях не лучше, чем в одежде, но чего можно ожидать на этих захоластных планетах?

— Да,— согласился я.— Я не любитель описывать историю медалей, но если на это будет королевский приказ...

Это было сказано очень застенчиво. Наврав о своих подвигах, я надеялся, что возбудил интерес и что разговор обо мне дойдет до ушей Ангелины, где бы она ни пряталась. Почувствовав, что исчерпал себя, я извинился и вернулся в буфет. Свои выдумки я рассказывал каждому, кого мог поймать. Многие с удовольствием слушали, смеялись вместе со мной, а смех при дворе был нечастым явлением. Вначале мой план казался мне хорошим, но чем дальше, тем меньше он мне нравился. Я мог месяцами кружиться вокруг этих дворцовых идиотов без малейшей надежды приблизиться к Ангелине. Надо было ускорять дело. Крутилась в моей голове одна идея, но она граничила с безумием. Если дело не выгорит, я буду либо убит, либо навсегда устранен из высшего общества. С последним я легко бы смирился, но дело в том, что с помощью высшего общества я надеюсь найти мою драгоценную добычу. Если же все пройдет, поиски значительно упростятся.

Я решил бросить монету и, разумеется, выиграл, так как спрятал в ладонь другую еще до броска. Итак, за дело! Я заранее рассовал по карманам несколько мелочей, могущих вечером пригодиться. Одна из них была великолепным предложением для сближения с королем, если в этом возникнет необходимость. Сейчас я переложил ее во внутренний карман, наполнил вином самый большой стакан, какой мог найти, и отправился через анфиладу комнат искать свою жертву. Если при моем приходе король Виллельм был в подпитии, то сейчас он был пьян вусмерть. Надо было вшить в его белый мундир стальной стержень, так как, могу поклясться, собственный позвоночник его уже не держал. Однако он все еще пил, качаясь взад и вперед. Его голова моталась, как у сломанной куклы. Вокруг стояла кучка старичков, похоже, рассказывающих друг другу непристойные анекдоты. При моем появлении они окинули меня недоверчивыми взглядами. Я был выше большинства из них и одет ярче. Глаза Вилли наткнулись на меня, и голова медленно повернулась. Один из его старцев уже встречался со мной сегодня и представил меня.

— Очень рад встретиться с Вашим Величеством.

Я имитировал пьяные нотки в голосе. Король не обратил внимания, но другие заметили и нахмурились.

— Я сам немного энтомолог и с вашего разрешения хотел бы следовать по вашим королевским стопам. Я чувствую, что на Фрейбуре возможно большее внимание к исследованию форминифорлепидоптер и других. Геральдика и флаги могли бы больше использовать изображения насекомых...

Я нес и дальше что-то в этом роде, и толпа начала проявлять нетерпение. Король улавливал едва ли одно слово из десяти. Внимание его стало рассеиваться, окружающие заволновались, не зная, как избавиться от пьяного гостя. Кто-то взял меня за локоть, и тут я пошел с козырной карты.

— Вот, Ваше Величество.— Я полез в карман.— Я тщательно сберег этот образец, пронес его через многие световые годы и доставил сюда, чтобы он занял свое место в вашей Высочайшей коллекции.

Раскрыв плоскую пластмассовую коробочку, я сунул ее королю под нос. Он с трудом сфокусировал свои водянистые глаза, и у него перехватило дыхание. Окружение тоже проявило любопытство, и я дал им несколько секунд полюбоваться образцом. Надо сказать, это был великолепный жук, только он не путешествовал со мной через световые годы, а был сделан сегодня утром. Большинство элементов было от других насекомых, а там, где природы не хватило, я добавил кусочки пластика. Тело было размером в ладонь, с тремя парами крыльев, каждая другого цвета. Снизу было множество ног, взятых по крайней мере от дюжины насекомых. Конечности не удалось подобрать парами, так как многие были попорчены при конструировании. Другие детали, например, массивное жало, три глаза, штопоровидный хвост, тоже не оставили мою аудиторию равнодушной. Коробочка предусмотрительно была сделана из

цветного пластика, который более скрывал, чем подчеркивал детали.

— Посмотрите это поближе, Ваше Величество,— сказал я, подошел, покачиваясь, и открыл коробочку.

Настал ответственный момент. В одной руке у меня был стакан с вином и коробочкой, другая же оставалась свободной, чтобы вынуть монстра. Я зажал его двумя пальцами и приподнял. Король подошел. Вино в его стакане плескалось. Тут я чуть ослабил большой палец, сделал неумовимое движение — и жук великолепным пируэтом нырнул в стакан короля.

— Спасите его! — заорал я. — Это редчайший экземпляр!

Я залез пальцами в стакан и устроил в нем бурю. Часть напитка выплеснулась на золоченые манжеты Виллельма. Шепот и злые голоса усилились, кто-то твердой рукой взял меня за плечо.

— Уберите ваши титулованные воровские лапы! — закричал я и грубо отбросил руку. Выловленное насекомое выскользнуло из моих пальцев, шлепнулось на грудь короля и медленно скатилось на пол, теряя по пути крылья, ноги и другие части. Я применил очень слабый клей. Наклонившись за упавшим трупиком, я сделал еще одно неловкое движение, и вино красной струей выплеснулось на грудь короля. Из толпы вырвался злой вопль.

Король ко всему отнесся спокойно. Качаясь, как дерево в бурю, он не выражал протеста, а только бормотал:

— Я говорю... Я говорю...

Когда я стал стирать вино на его груди носовым платком, толпа сзади приблизилась вплотную. Кто-то схватил меня за руку. Я рванулся и ударил в родовитую грудь Виллельма Девятого. От удара вылетела его верхняя челюсть и упала на пол. Старички стали разбегаться. Молодежь бросилась на защиту Власти, и мне пришлось показать им пару приемчиков, которым я обучился на других планетах. Недостаток техники они возмещали избытком энергии. Началось столпотворение. Женщины ругались и визжали. Короля вынесли на руках. Дела мои пошли совсем плохо. Я никого не виню, и сдачи я давал не меньше, чем получал. Потом я вспомнил, что несколько человек держали меня, а один бил. Я изловчился и ударил его ботинком в лицо, но тут меня скрутили, и свет померк.

Тюремщики, видимо, задались целью привить мне культурные манеры, а я по мере сил затруднял им их благородный труд. Не для того я добровольно залез в тюрьму, рисковал проделать эти штучки с бедным старым королем. Оскорбление Величества обычно каралось смертью. К счастью, цивилизованное влияние Лиги уже коснулось темного Фрейбура, и местные власти доказывали мне свою приверженность законам. Я делал вид, что не замечаю этого. Когда мне приносили мясо, я съедал его, а тарелку разбивал в знак протеста за незаконный арест... Это была приманка. Заработанные мною

синяки были бы весьма малой платой за удачную попытку саморекламы. Фигура отщепенца, предателя своего класса с одной стороны, сильная личность в мирной вселенной, драчун, бескомпромиссный боец — с другой. Короче, я обладал всеми качествами, которые ненавидят добропорядочные фрейбурцы, и это должно было привлечь Ангелину. Несмотря на недавнее кровавое прошлое, Фрейбур был бедноват на задиристых мужчин. Если не считать низших слоев: портовые трактиры были напичканы мускулистыми мужиками с куриными мозгами. Ангелина могла бы нанять их всех, но одними боевыми отрядами победу не завоевать. Ей нужен союзник и помощник из дворян, а по моим наблюдениям, люди с такими талантами — большая редкость. В скандале на балу я старался показать все качества, которыми она должна была заинтересоваться, и сделал это так, чтобы ей в голову не пришло, что это демонстрируется для нее. Ловушка была открыта, ей оставалось только войти. Лязгнул металл открывающейся двери.

— Граф Дибстол, к вам посетители.

Тюремщик открыл внутреннюю решетку.

— Пусть убираются к черту! На этой гнусной планете нет ни одного человека, которого я хотел бы видеть.

Не обращая внимания на мою реплику, он ввел начальника тюрьмы и двух суровых типов в черном. Я демонстративно не замечал их. Они молча дождались ухода охраны, затем один открыл принесенную папку и кончиками пальцев достал лист бумаги.

— Я не стану писать прощальную записку самоубийцы, можете убить меня во сне, — крикнул им я.

Я начал ломать комедию. Черный внимательно поглядел на меня, не меняя выражения лица.

— Это несправедливо, — спокойно проговорил он. — Я Королевский прокурор и никогда не допущу подобных действий.

Остальные кивнули одновременно. Эффект был столь заразителен, что я тоже чуть было не кивнул.

— Я не совершу добровольно самоубийства. Это мое последнее слово по этому вопросу.

Королевского прокурора нелегко было смутить. Он откашлялся, пошелестел бумагой и начал:

— Есть несколько криминальных действий, которые могут быть вменены вам в вину, молодой человек.

Он выглядел очень мрачно. Я невозмутимо зевнул.

— Надеюсь, что этого не произойдет, — продолжал он, — так как это лишь осложнит дело. Сам король этого не хочет. Он настоятельно рекомендовал мне закончить дело как можно скорее и восстановить мир между всеми. Я здесь для того, чтобы привести его желание в исполнение. Подпишите это извинение, и вас немедленно отвезут на борт отлетающего ночью космолета. Дело будет закончено.

— Пытаетесь избавиться от меня, чтобы скрыть ваши пьяные драки во дворце?

Я усмехнулся. Лицо прокурора налилось краской. Если они выпроводят меня с планеты — все пропало.

— Вы оскорбляете меня, сэр! Не забывайте, вы сами не без греха в этом деле. Я от души советую вам подписать извинение и принять снисходительность короля.

Он протянул мне бумагу, но я разорвал ее на куски.

— Извиняться? Никогда! Я защищал свою честь от ваших пьяных мужланов и жуликов дворян, самых бессовестных воров, укравших справедливо принадлежавшие нашему роду права.

Все вышли. Из них только начальник тюрьмы был близок мне по возрасту, поэтому именно ему я и показал дорогу носком ботинка в соответствующее место. Все шло, как и положено. Дверь с шумом захлопнулась перед мятежным сыном земли Фрейбургской. Я сделал все, чтобы привлечь внимание Ангелины. Если этого не произойдет, я рискую провести остаток дней в этих мрачных стенах. Ожидание всегда плохо сказывалось на моих нервах. Я — мыслитель только в спокойное время, а в остальное — человек действия. Одно дело — разработать план и смело приступить к его выполнению, совсем другое — сидеть в грязной тюремной камере и думать, нет ли слабых мест в логической цепи разработанного плана. Выберусь ли я из этого каменного мешка? Скорее всего, сделать это нетрудно, но лучше оставить как последнее средство. Там, снаружи, я вынужден буду скрываться, и у Ангелины не будет шансов установить со мной связь. От переживаний я сгрыз все ногти. Следующий шаг за Ангелиной. Мне остается ждать и надеяться, что она не задержится с правильным решением после анализа моих действий. Через неделю я начал сходить с ума. Королевский прокурор не приходил, никаких разговоров о суде или приговоре не было. Я подкинул им раздражающую проблему, и теперь они чесали головы, не зная, что делать. Выбраться из этой захолустной тюрьмы само по себе не сложно, но я ждал сообщения от своей беспощадной любви. Я рассматривал возможности, какие она могла бы использовать. Может, какое-то давление на Двор, чтобы меня освободили? Или тайно прислать напильщик и записку, чтобы я выбирался своими силами? Вторая возможность казалась мне более вероятной, и каждый раз, получая хлеб, я разламывал его, ища что-то внутри. Ничего не было. На восьмой день Ангелина откликнулась в наиболее свойственной ей прямолинейной манере. Ночью меня разбудило что-то непривычное. Шорохов не было слышно. Я принял к дверной щели и увидел свет в конце коридора. Ночной охранник лежал на полу, а плотная фигура в черном и в маске стояла над ним с дубинкой. Подошел другой незнакомец, одетый так же, и они потащили охранника к моей камере. Один порывлся в кармане и достал кусок красной ткани и вложил ее в безвольные пальцы охранника. Когда они подошли к двери, я отскочил и бесшумно скользнул в постель. Ключ заскрипел. Зажегся свет. Я сел, изображая только что проснувшегося.

— Кто тут? Что вам надо?

— Быстро вставайте и одевайтесь, Дибстол. Мы выведем вас отсюда.

Это был первый головорез, которого я видел. Дубинка еще свисала с его руки. Я отвалил челюсть и пополз по кровати, прижимаясь к стене.

— Убийцы! Так вот что задумал король Вилли — затянуть петлю на моей шее и сказать потом, что я повесился сам! Давайте, но не думайте, что это будет легко!

— Идиот! — прошипел мужчина. — Заткнитесь! Мы здесь, чтобы спасти вас. Мы друзья.

Еще двое, одетые таким же образом, появились за ним. В коридоре мелькнул четвертый.

— Хороши друзья! Убийцы, вот вы кто! Вы дорого заплатите за это преступление!

Четвертый из коридора прошептал что-то, и остальные подошли ко мне. Мне хотелось получше рассмотреть главаря. Это был маленький мужчина — если он был мужчиной. Одежда на нем свободно висела, на голову была натянута маска из чулка.

Ангелина была примерно такого роста. Рассмотреть подробности я не успел. Бандиты набросились на меня. Я ударил одного ногой в живот и отскочил, но все преимущества были у них. Без обуви и оружия у меня не было никаких шансов, а они не боялись пользоваться дубинкой. Я еле сдержал победную улыбку, когда они умиряли меня.

Все еще сопротивляясь, я позволил им тащить меня туда, где я мечтал оказаться.

Удар по голове меня всего лишь ослабил, но когда у меня под носом сломали капсулу со снотворным, я отключился.

Так что у меня не было ни малейшего представления, далеко ли мы уехали и где находимся. Наверное, мне сделали антинаркотический укол: первое, что я увидел, был тощий тип со шприцем. Он наклонился, но я отодвинулся.

— Собираетесь мучить меня, прежде чем убить, свиньи! — сказал я, вспомнив свою роль.

— Не волнуйтесь, — произнес кто-то сзади, — вы среди друзей, которые разделяют ваше возмущение существующим режимом.

Голос был не Ангелины. Это оказался дородный человек с неприятным выражением лица.

Врач вышел, оставив нас одних, и я понял, что план начал действовать. Маленькие глазки, тяжелая челюсть, надменный взгляд... я узнал в нем одного из представителей фрейбургского дворянства. Глядя в его уродливое лицо, я копался в своей бездонной памяти.

— Князь Рденрант... — Я пытался вспомнить, что я о нем читал. — Полагаю, вы скажете мне правду. Вы — первый кузен Его Величества. Трудно предположить, что вы украли человека из королевской тюрьмы для личных целей...

— Неважно, что вы полагаете, — зло огрызнулся он.

На его лице отразилось раздражение, и прошло некоторое время, пока он взял себя в руки.

— Может, Виллельм и мой кузен, но это не означает, что я считаю его идеальным главой нашей планеты. Вы говорили о своих претензиях на более высокое положение и о том, что были обмануты. Это верно? Или вы просто один из придворных болтунов? Подумайте хорошенько, прежде чем ответить. Вы можете навредить себе. И помимо вас, найдутся люди, жаждущие изменить существующий порядок.

Импульсивность, энтузиазм — вот что я должен был проявить.

Либо лояльный друг, либо смертельный враг — других вариантов не было. Я рванулся вперед и крепко схватил его за руку.

— Если вы сказали мне правду, вы получили единомышленника, который пойдет рядом с вами. Если солгали, и это только ловушка короля — тогда, князь, готовьтесь сражаться.

— В сражениях нет необходимости. — Он с трудом освободил свою руку. — По крайней мере, между нами. Впереди трудный путь, и мы должны доверять друг другу.

Он хрустнул суставами и мрачно взглянул в окно.

— Искренне надеюсь, что смогу полностью положиться на вас. Во времена наших предков Фрейбур был совсем другим. Лига задушила инстинкты борьбы в нашем народе. Нет ни одного человека, на которого я мог бы положиться.

— А те, кто взял меня из камеры? Они, вроде, действуют достаточно хорошо.

— Грубая сила! — Он надавил кнопку в ручке кресла. — Твердолобые болваны. Таких можно нанять, сколько угодно. А мне нужны люди, могущие руководить, помочь мне вести Фрейбур к светлому будущему.

Я не стал говорить о человеке, который стоял в коридоре и руководил всей ночной операцией. Если Рденрант не хочет говорить об Ангелине, я тоже не коснусь этого предмета, но раз ему хочется видеть во мне умного коллегу, надо ему подыграть.

— Скажите, вы намеренно оставили в руке охранника кусок мундира? Он бросается в глаза.

Глаза его сузились, когда он повернулся посмотреть на меня.

— Вы очень наблюдательны, Бент.

— Дело практики, — я попытался изобразить скромность и честолюбие одновременно.

— Этот кусок мундира с пуговицей в руке охранника выглядел, словно его оторвали в борьбе. В то же время я видел, что все одеты в черное. Может быть, у этого дела другой смысл...

— Чем дальше, тем больше я радуюсь встрече с вами.

Он обнажил кривые зубы, видимо, считая это улыбкой.

— Люди Старого Дюка, как вы знаете, носят красную ливрею.

— А Старый Дюк — сильнейшая опора Виллельма Деятого, — закончил я за него. — И слабейшим не повредит, если он поссорится с королем.

— Не слабейшим. — Он снова показал все зубы.

Он начал вызывать у меня отвращение. Однако, если он был доверенным лицом Ангелины для действий на планете, она, несомненно, сделала наилучший выбор. Но вряд ли у него хватит широты воображения представить себе идеи Ангелины в полном объеме. Он думает, деньги, титул, да еще амбиции — вот чем она прельстилась. Непонятно только, где она сама. Кто-то вошел, и я сжался, готовясь к схватке. Это оказался всего лишь робот, но он производил такой лязг и грохот, что впору было испугаться. Князь приказал этому чудишу принести выпивку. Когда робот повернулся, я увидел, что с задней стороны плеча у него труба. В воздухе явственно чувствовался резкий запах угольного дыма.

— Этот робот работает на угле?

— Да.

Князь налил в стаканы.

— Это прекрасный пример развала фрейбургской экономики, мудро руководимой Виллельмом Некомпетентным. Вы видели подобных уродов в столице?

— Вроде нет. — Я тарашил глаза на клубы дыма и следы ржавчины и угольной пыли на корпусе робота. — Правда, меня долго не было... Все меняется...

— Не настолько быстро! И не демонстрируйте мне, Дибстол, галактические замашки. Я был в Мистельдроссе и видел, как там живут. У вас вообще нет роботов, даже таких дрянных.

Он в бессильной злости, что было сил, пнул монстра. Тот слегка покачнулся и для сохранения равновесия щелкнул клапаном, выпуская пар в ножной поршень.

— Двести лет мы в Лиге, которая поит нас молочком и успокаивает. И для чего? Чтобы король во Фрейбурбаде купался в роскоши, в то время как мы здесь получаем несколько роботов с куриными мозгами и примитивнейшей системой управления и должны сами строить малоэффективных роботов. Аппарат, который вы будете считать автоматическим, может оказаться обычной лодкой с веслами.

Я не делал попытки объяснять ему экономику галактической коммерции, престиж планеты и многочисленные уровни межкоммуникаций. Эта затерянная планета была отрезана от основного потока галактической культуры, может быть, тысячу лет, пока после распада вновь не установила контакт. Она должна была возрождаться постепенно, без катаклизмов, могущих нарушить этот процесс. Конечно, можно хоть завтра прислать миллиард роботов, но что хорошего принесет это экономике? Куда лучше привезти на планету блоки управления, чтобы местные сами строили для себя то, что хотят. Если конечный продукт им не нравится, им следует улучшить схему, а не жаловаться. Конечно, князь ни о чем таком не думал.

Ангелина очень тонко сыграла на его предрассудках и самолюбии.

Князь внезапно подался вперед и постучал по шкале на боку робота.

— Посмотрите на него! Давление упало на восемьдесят футов! А дальше, как вы понимаете, он вообще перестанет соображать и рухнет на пол. Поддерживай давление, идиот!

Внутри робота что-то щелкнуло. Он поставил поднос со стаканами на стол. Я сделал небольшой глоток и стал с наслаждением наблюдать.

Раздражающе медленно подкатившись к камину, робот открыл дверцу на животе, и оттуда вырвалось пламя. Поддев угольным совком приличную порцию антрацита, он швырнул его себе в нутро и снова захлопнул дверцу. Для внутренних помещений такой робот явно не подходил.

— Вон, дубина! — заорал князь и зашелся от кашля.

Дым начал рассеиваться. Я налил себе еще и решил в первую очередь выяснить все о Рденранте. Нужно было действовать активнее, если я хочу поймать Ангелину. Вся постановка дела явно указывала на ее присутствие, а вот самой ее не было видно.

В гостиной я встретил нескольких офицеров из окружения князя. Один из них, Курт, молодой небогатый дворянин, показал мне замок, состоявший из башен и небольшой слободы, отделенной от собственно города высокой стеной. Никаких заметных признаков, говорящих о планах князя, не наблюдалось.

Неподалеку несколько вооруженных волонтеров нудно отработывало какие-то приемы. Все это выглядело слишком мирно и не походило на правду, а ведь доставили меня сюда не случайно.

Я деликатно задал Курту несколько вопросов, и он любезно на них отвечал.

Подобно большинству мелкопоместных дворян, он испытывал недовольство существующими порядками, хотя, конечно, никогда и ничего не собирался делать сам. Его завербовали, он с готовностью поддерживал чужой план завоевания власти, хотя сама идея была ему не очень понятна. Когда я поймал его на лжи, стало ясно, что он не говорит мне всей правды. Мимо нас прошли женщины, и Курт сказал, что это жены двух других офицеров.

— Вы тоже женаты? — спросил я.

— Нет. Все не было времени. А сейчас, я думаю, не до этого. Когда все кончится, и жизнь войдет в норму, можно будет подумать об этом.

— Это верно. А князь женат? Меня столько лет здесь не было, и я не в курсе всех этих дел.

Мне показалось, что он несколько замаялся.

— Ну... как сказать... Он был женат, но что-то случилось, и теперь он не женат.

Он запнулся и перевел разговор на что-то другое. Путь Ангелины всегда отмечался трупами. Наверное, и сейчас есть один-два.

Вполне правдоподобна ее связь со «случайной» смертью жены князя. Будь ее смерть естественной, зачем бы Курту уходить от разговора? Но он замолчал, а я не допытывался. Хотя Ангелины не видно, следы ее обнаруживаются везде. Теперь это только дело времени. Я могу прижать Курта и отыскать тех громил, что вытащили меня из тюрьмы, поставить им выпивку, расположить к себе и вытянуть из них все, что можно, о их руководителе.

Но первый шаг сделала Ангелина. Один из угольных роботов, гремя и клацая, принес мне записку. Князь хотел меня видеть. Я натянул рубашку, причесался и отправился к нему. Когда я вошел, князь был уже сильно и устойчиво пьян. Кроме того, комната была наполнена сладким дымом. В его сигаретах, как видно, был не только табак.

Это означало, что князь с утра в расстроенных чувствах. Однако я не собирался быть его утешителем. Чувства эти, конечно, не отражались на моем лице. Я изобразил исключительное внимание.

— Пбра за дело, сэр? Вы для этого послали за мной?

— Садитесь,— пробормотал он и указал на кресло.— Угмонитесь. Хотите сигару?

Он подтолкнул ко мне коробку с коричневыми цилиндрами.

— Нет, сэр. В настоящее время я не курю, чтобы не портить зрение и реакцию. Спусковой палец должен действовать безукоризненно.

Мысли князя витали где-то далеко. Мне казалось, что он меня не слышит. Потирая щеку, он оглядывал меня.

Наконец после внутренней борьбы на его лице отразилась решимость.

— Что вы знаете о семействе Радебрехен?

Вопрос был столь необычен, что даже ошарашил меня.

— Абсолютно ничего. А что?

— Нет, нет, ничего,— быстро ответил он и снова потер щеку.

От прокуренного воздуха в комнате у меня стала туманиться голова. А как же должен был чувствовать себя князь?

— Пойдемте со мной.

Он с трудом выбрался из кресла. Пройдя через многочисленные залы, мы остановились около двери, похожей на все остальные.

Перед ней стоял охранник, грозного вида мускулистый тип со скрещенными на груди руками. В одной руке была зажата рукоятка пистолета. При нашем приближении он даже не пошевелился.

— Он со мной,— сказал брюзгливо Рденрант.

— Я должен обыскать его,— сказал охранник.— Приказ.

Становилось все интереснее. Кто-то отдает приказы, кото-

рые не может нарушить князь,— в своем-то замке! Я узнал голос охранника. Это был один из тех, кто забирал меня из тюрьмы. Он быстро и тщательно обыскал меня и отступил на шаг.

Князь открыл дверь, и я пошел за ним, стараясь не отдавать ему пятки. Теория — это одно, а практика — другое. Я был почти уверен, что увижу Ангелину, но все же увидеть ее за столом было подобно шоку. Словно электрический заряд пробежал по спинному мозгу.

Настал момент, которого я так долго ждал. Необходимо было взять себя в руки и надеть маску равнодушия, с поправкой, естественно, на то, что перед здоровым молодым мужчиной оказалась привлекательная, соблазнительная женственность.

Девушка мало походила на Ангелину, но сомнений не было. Изменилось лицо и цвет волос, но и новое лицо сохранило ангельское выражение. Фигура осталась практически той же, за исключением, возможно, небольших улучшений. Ее трансформация была поверхностной, не такой глубокой, как у меня.

— Это граф Дибстол,— сказал князь, остановив на ней затуманенный взор.— Человек, которого вы хотели видеть, Анжела.

Итак, она осталась ангелом. Это плохая привычка. Я знал людей, попавшихся только потому, что их новое имя слишком походило на старое.

— Спасибо вам, Касситор,— сказала она.— Очень любезно с вашей стороны привести ко мне графа Бента.

Касси, видимо, ожидал более теплого приема. Он бормотал что-то себе под нос и переступал с ноги на ногу. Однако Ангелина-Анжела оставила температуру приема той же, а может, и опустила еще градуса на два, начав перебирать бумаги на столе. Несмотря на свое состояние, князь понял. Он вышел, что-то бормоча, и на этот раз я разобрал, что это было самое короткое и грубое ругательство в местном диалекте. Мы остались одни.

— Зачем вы лгали, будто служили в Звездной Гвардии?

Она спокойно продолжала копаться в бумагах. Я сделал намек на саркастическую улыбку и сбил несуществующую пыль с рукава.

— Не мог же я рассказывать этим прекрасным людям, чем я действительно занимался все эти годы.

Глаза мои излучали простодушие.

— И чем же вы занимались, Бент? — спросила она тем же ровным, без эмоций голосом.

— А это уж мое дело,— сказал я в той же тональности.— И прежде чем отвечать на вопросы, я хотел бы знать, кто вы и как случилось, что вы здесь имеете большее влияние, чем великий князь Касситор?

Я решил идти напролом. Это ее не смутило, и она снова завладела инициативой.

— Ну, поскольку у меня здесь большое влияние, я думаю, вы пожелаете отвечать на мои вопросы. Не бойтесь шокировать меня: вы удивитесь, сколько я о вас знаю.

— Нет, милая Анжела, совсем не удивит, — но не мог же я все выложить без сопротивления. Ведь за этой идеей революции стоите вы, не так ли?

— Да, — она отодвинула бумаги, чтобы видеть меня.

— Тогда вы должны знать. Я занимался контрабандой. Это очень интересное занятие, если знать, где что брать. Через несколько лет я понял, что это самый выгодный бизнес. Однако в конце концов некоторые правительства увидели во мне опасного конкурента, так как хотели обкрадывать народ единолично. Под давлением обстоятельств я вернулся на свою тихую родину для отдыха.

Ангел мой не хотел покупать kota в мешке и задал мне массу прекрасных вопросов, показывающих полную осведомленность в этом деле.

Я не боялся, так как в свое время пропустил таким способом через свои руки мегасуммы. Я волновался только за детали, поскольку занимался этим в молодости, еще не достигнув профессиональных высот.

Войдя в роль, я старался запомнить все, что говорил. Это был решающий момент: нельзя было допустить ни малейшего намека или жеста, способных воскресить в памяти Ангелины Скользкого Джима ди Гриза.

Я должен казаться местным трупом, все еще витающим в облаках вселенной. Атмосфера нашей беседы с выпивкой и сигаретами была, разумеется, подстроена так, чтобы я расслабился и что-нибудь выболтал. Я и в самом деле пару раз соврал, но так, чтобы она отнесла это за счет мальчишеского задора. Когда напряжение спало, я попытался задать вопрос сам.

— Скажите, с вами никак не связана местная семья Раденбрехен?

— Почему вы спрашиваете? — спросила она холодно и жестко.

— Ваш улыбчивый друг Касситор Рденрант спросил меня об этом перед тем, как идти сюда. Я сказал, что ничего не знаю. Это как-то связано с вами?

— Это... Они хотят убить меня.

— Но это же отвратительно!

Я принял эффектную позу, на которую она не реагировала.

— Чем я могу вам помочь?

Я возвратился к делу, раз моя мужская привлекательность на нее не подействовала.

— Я хочу, чтобы вы были моим телохранителем.

Я улыбнулся и открыл рот для ответа, но она перебила меня:

— И, пожалуйста, избавьте меня от комплиментов по поводу тела, которое вы будете с удовольствием охранять. Я достаточно наслушалась их от Касситора.

— Я только хотел сказать, что принимаю предложение. Это была ложь, так как почти такие же слова уже вертелись у меня на языке.

Я напомнил себе, что, как ни обаятельна и хороша Ангелина, расслабиться я не имею права.

— Расскажите мне что-нибудь о людях, которые хотят вас убить.

— Известно, что князь Рденрант был женат. — Она игрывала стаканом. — Его жена совершила самоубийство самым глупым образом. Ее родные — эти самые Раденбрехены — думают, что ее убила я, и хотят отомстить. В этом заброшенном углу Фрейбура все еще сохранилась вендетта, и эти богатые идиоты тоже ее исповедуют.

Вот теперь картина прояснилась. Князь Рденрант, прирожденный оппортунист, женился на девушке из этой семьи, чтобы увеличить свое состояние. Все шло прекрасно, пока не появилась Ангелина.

Не зная о местных обычаях мщения, она убрала со своего пути препятствие.

Но что-то было сделано не так, или князь где-то сплеховал, и возникла вендетта.

Теперь мой Ангел хочет просунуть мою нежную плоть между собой и убийцами.

Я задал еще один вопрос:

— Это было самоубийство или вы убили ее?

— Я убила ее.

Все наши карты лежали на столе. Решение было за мной.

Итак, что делать? Я не собирался стрелять или бить ее по голове, чтобы арестовать. Нет, я, конечно, собирался ее арестовать, но в дальнейшем. Этого нельзя сделать в центре цитадели князя. Кроме того, хотелось подробней разобраться в деятельности князя, поскольку она, несомненно, была в компетенции Специального Корпуса. Если я вернусь, то с таким подарком сделать это значительно легче. Но вообще-то я не был уверен, что хочу вернуться. Трудно забыть тот заряд, которым они пытались взорвать меня. В целом все было не так просто.

Здесь оказалось замешано множество факторов. Находясь большую часть времени с Ангелиной, я откровенно любовался ею и забывал о плавающих в космосе телах. Они приходили ночью и терзали мою совесть, но я всегда засыпал раньше, чем они успевали сделать свое дело. Жизнь была постелью из роз, и можно было наслаждаться ею, пока цветы не завяли.

Наблюдать за работой Ангелины было истинным удовольствием. Если вы поставите меня к стенке и заставите признаться, я скажу, что кое-чему у нее научился. Она самостоятельно организовала на мирной планете революцию, которая имела много шансов на успех. В какой-то мере я ей помогал. Несколько раз она обращалась ко мне с вопросами и во всех случаях следовала моим рекомендациям. Правда,

я никогда не свергал правительства, но криминальные законы всюду едины, вне зависимости от применения.

Большую же часть времени, особенно в первые несколько недель, я оставался телохранителем, защитником от покушений. Подобное положение, ясное дело, вызывало у меня ироническую усмешку.

Но в нашем маленьком Раю существовал змей, имя которому — Рденрант. По словам, услышанным в разных местах, я начал подозревать, что князь вовсе не хочет быть революционером.

Чем ближе подходил день выступления, тем бледнее становился князь. К этому добавлялись его физические пороки, и однажды произошел конфликт.

Ангелочек и князь совещались, а я сидел в приемной. Когда удавалось, я бессовестно подслушивал. На этот раз, закрывая дверь, я тоже оставил маленькую щелочку. Осторожно манипулируя пальцами, я расширял ее, пока не услышал голоса. Князь почти кричал; в его словах отчетливо прослеживалась недвусмысленная попытка шантажа. Затем тон понизился, и я, как ни старался, ничего не услышал. Потом в его голосе зазвучало хныканье, перемежающееся сахариновой лестью. Ответ Ангелины был однозначен: громкое и решительное нет. Его вопль поднял меня на ноги.

— Но почему? Всегда только нет! Хватит с меня!

Послышался звук рвущейся материи, что-то упало на пол и разбилось. Я одним прыжком влетел в комнату. Моему взору открылась живописная батальная сцена. Одежда Ангелины была разорвана на одном плече. Князь стоял рядом, вцепившись пальцами, как когтями, в ее руку. Выхватив пистолет, я рванулся вперед, но Ангелина была быстрее. Схватив со стола бутылку, она ловко огрела князя по голове, и он упал. Подтянув разорванную блузу, Ангелина сделала мне останавливающий жест.

— Уберите пистолет, Бент. Все кончено.

Я подчинился, но только после того, как убедился, что князь недвижим, и моя помощь не требуется. Она справилась сама.

Когда я встал, она уже уходила. Пришлось ее догонять. Остановившись перед своей комнатой, она бросила мне:

— Ждите здесь.

Не требовалось большой прозорливости, чтобы предсказать наступление плохих времен. Придя в себя, князь, несомненно, примет нужное решение как об Ангелине, так и о революции. Я обдумывал эти вопросы, когда Ангелина позвала меня. Ее плечи покрывал большой платок, скрывший разорванное платье. Внешне она выглядела спокойно, но блеск глаз выдавал волнение.

Я заговорил о том, что, как мне казалось, должно было беспокоить ее в первую очередь.

— Хотите, чтобы я присоединил князя к его родовитым предкам в семейном склепе?

Она отрицательно покачала головой.

— Он еще пригодится. Мне удастся справиться со своим темпераментом, держите под контролем и свой.

— С этим у меня все в порядке. Но неужели вы думаете, что после того, что случилось с ним, можно продолжать работу? У него, кстати, серьезная травма головы.

Подобные мысли не обременяли ее. Она отмахнулась.

— Я еще могу управлять им, и он сделает все, что я захочу, разумеется, в определенных пределах. Ограничениями служат его собственные природные способности, о чем я не знала, когда поставила его во главе восстания. Жаль, что трусость медленно разрушает первоначальную решительность его намерений. Но он считается главарем, и мы должны использовать его в этом качестве. А сила и власть должны быть в наших руках.

Я человек не медлительный, но осторожный. Прежде чем ответить, я обдумал свои слова со всех сторон.

— Что значит «мы» и «наши»? Где тут мое место?

Ангелина уютно расположилась в кресле и откинула со лба прелестные золотистые волосы. В ее улыбке было около двух тысяч вольт, и предназначалась она мне.

— Я хочу, чтобы вы участвовали вместе со мной в этом деле, — с теплыми интонациями сказала она. — Партнером. Мы продвигаем вперед князя Рденранта, пока не придет успех, затем устраняем его и все остальное делаем сами. Согласны?

— Да, — и повторил с особым воодушевлением: — Да!

Впервые я был столь однословен. Нужно было срочно собраться с мыслями.

— Кстати, почему я? Простой телохранитель, который заботится прежде всего о восстановлении своих украденных прав. Не велик ли скачок от мальчика на побегушках до председателя правления?

— Зачем спрашивать, если вы и сами все понимаете?

Она улыбнулась, отчего температура в комнате поднялась градусов на десять.

— Вы можете руководить этим делом не хуже меня — вам это нравится. Мы вместе сделаем революцию и завоюем планету. Что вы на это скажете?

Она встала и взяла меня за руку. Тепло ее пальцев жгло меня огнем сквозь рубашку...

Лицо ее было прямо передо мной. Голос стал бархатным и низким — я такого никогда не слышал.

— Это будет прекрасно. Обязательно будет. Ты и я... вместе.

Обязательно! Бывают мгновения, когда слова бес- силны, и тогда начинает говорить ваше тело. Это был тот самый случай. Мои руки обняли ее и прижали к груди, мой рот приник к ее губам. Она ответила мне тем же. Руки ее лежали на моих плечах, губы были ласковыми. Продолжалось это столь недолго, что впоследствии я не был уверен, было ли это вообще.

Теплота внезапно исчезла, все стало плохо. Она не бо-

ролась со мной, не пыталась оттолкнуть, но губы ее вдруг стали безжизненными, а глаза совершенно пустыми. Она так и стояла, пока я не опустил руки и не отошел. Тогда она снова села в кресло.

— Что случилось? — выдавил я.

— Вы думаете только о хорошеньком личике — и все? — В ее голосе было рыдание. Страдание исказило ее лицо. — Все вы, мужчины, одинаковы!

— Невероятно! — крикнул я раздраженно. — Вы же хотели, чтобы я вас поцеловал, не отрицайте! Что изменилось в ваших мыслях?

— А захотели бы вы поцеловать ее? — выкрикнула Ангелина в исступлении, которого я не мог понять.

Она дернула тонкую цепочку на шее и швырнула ее мне. На ней висел маленький медальон, еще теплый от тела Ангелины. При падении света под определенным углом на медальоне ясно просматривалось изображение. Мне удалось кинуть только один взгляд на девушку на медальоне. Настроение Ангелины опять изменилось, она вырвала цепочку и стала толкать меня к двери. Дверь за мной захлопнулась, загремел тяжелый засов. Не глядя на удивленного охранника, я пошел к себе в комнату. С одной стороны, я должен быть в восторге: ведь Ангелина дала мне знаки расположения, пусть на мгновение. Но что означала ее внезапная холодность и эта фотография? Зачем она носила ее?

Хотя я видел ее всего один миг, этого оказалось достаточно. На фотографии была молодая девушка, может быть, сестра Ангелины. Ужасные генетические законы говорят, что возможно бесконечно большое число комбинаций. Эта девушка была отвратительно уродлива — другого слова не подберешь. Дело было не в каком-то одном факторе, вроде горбатой спины, выпирающей челюсти или торчащего носа. Тут была комбинация черт, составляющих единое отталкивающее целое, вызывающее отвращение у любого. Тут я понял, что я непроходимо глуп. Ангелина дала мне взглянуть на глубинные причины того, что изломало, исковеркало ее жизнь. Сразу стало ясно и многое другое.

Сколько раз, глядя на нее, я удивлялся, как в такой очаровательной упаковке может находиться столь испорченная сущность. Теперь ответ был ясен: я не видел первоначальной оболочки. Мужчина еще может как-то терпеть свое уродство, но что должна чувствовать в такой ситуации женщина? Как жить, когда каждое зеркало — твой враг, и люди, увидев тебя, поспешно отворачиваются? Что делать, если, к счастью или к несчастью, вы наделены острым наблюдательным разумом, который все видит и осознает, приходит к неутешительным выводам, мучается, видя отвращение окружающих. Некоторые девушки покончили бы жизнь самоубийством, но не Ангелина. Я могу предположить, что сделала она. Презирая себя, ненавидя мир и людей, она не испытывала угрызений совести, задумывая преступления с целью добычи денег для операции по ис-

правлению какого-то одного уродства, а потом для следующей операции. Однажды, когда кто-то пытался остановить ее, она легко, а возможно, и с удовольствием убила его. Медленный, жуткий подъем через преступления к красоте с достойным удивления разумом.

Бедная Ангелина, я мог бы пожалеть ее, если бы не убийства, которые она совершила. Бедная, несчастная, одинокая девушка, которая, выигрывая одни битвы, безнадежно проигрывала другие. Она сумела придать телу очаровательные, поистине ангельские формы, а мозг, управляющий этим процессом, постепенно деформировался, пока не стал таким же уродливым, как раньше тело.

Но если можно изменить тело, почему нельзя изменить мозг? Можно ли что-то для нее сделать? Я так напряженно думал, что не мог усидеть в своей маленькой комнате и вышел на воздух.

Близилась полночь. Внизу как обычно, выставлена охрана, и все двери заперты. Я решил подняться наверх. В саду на крыше не должно быть никого. Можно побыть в одиночестве. Охранник на крыше приветствовал меня. Я видел огонек сигареты у него в руке.

Следовало бы что-то сказать по этому поводу, но мысли мои были заняты совсем другим. Повернув за угол, я остановился и, облокотившись на парапет, стал смотреть на темные громады гор. Но что-то тревожило мое внимание, и только через несколько минут я понял: охранник. Он курил на посту, что часовому запрещалось. Может, я излишне придирчив, но мне это не понравилось. В любом случае, решил я, стоит вернуться и сказать ему несколько слов. На обычном месте его не было, и это радовало: значит, ходит вокруг и наблюдает. Я пошел обратно и вдруг заметил сломанные цветы, свисавшие с края крыши. Это было совершенно невероятно, так как верхний сад был предметом гордости и постоянных забот князя. Я издали увидел темное пятно среди цветов и понял, что дела очень и очень плохи. Это был часовой, мертвый или при смерти.

Мне не нужно было искать причину, почему кто-то мог оказаться здесь ночью. Причиной была Ангелина. Ее комната была на верхнем этаже почти под этим местом. В пяти метрах ниже была видна белая площадка балкона перед ее окном и что-то темное и бесформенное, припавшее к стене. А мой пистолет остался в комнате.

Это был один из немногих случаев в моей жизни, когда я не выполнил всех предосторожностей. А я должен спасти Ангелину. Все это в долю секунды промелькнуло у меня в мыслях, когда я взялся за край балюстрады. Рука натянулась на крохотный крючок, к которому была привязана веревка, практически невидимая, но крепкая, как канат. Убийца спустился с помощью прибора, выпускавшего из себя нить. Нить представляла собой субстанцию, состоящую из одной мономолекулы, способной выдержать вес человека.

Если бы я попытался спуститься по ней, то лишился бы пальцев — она была острее бритвы. На балкон можно было попасть с маленькой площадки под ним, для чего нужно было пройти почти два километра по долине. Я принял решение прыгать и вскочил на перила. Подо мной бесшумно открылось окно. Я оттолкнулся и, целясь пятками в человека, полетел вниз. В воздухе меня развернуло, и я, вместо того, чтобы ударить, рухнул человеку на плечи. Мы оба покатались по балкону. Древние камни задрожали, но выдержали. Падение слегка оглушило меня, но я надеялся, что его плечам досталось не меньше, чем моим ногам. Несколько секунд я был беспомощен, затем совладал с собой и пополз к нему. От удара из его рук выпал длинный тонкий кинжал. Я видел, как блеснуло его лезвие.

Человек успел к нему раньше и, зарывав, нанес удар, который, к счастью, не задел меня, а только пропорол рукав. Я успел схватить его руку с ножом и крепко сжал. Это была безмолвная, кошмарная битва, ценой которой, как мы оба хорошо понимали, была жизнь. Из-за ушиба ноги я не смог быстро встать, и он, более тяжелый и сильный, оказался наверху. Общими руками я с трудом удерживал его руку со смертоносным клинком.

Стояла мертвая тишина, слышалось лишь наше тяжелое дыхание. Перевес начал склоняться на сторону убийцы, вес и недолгая сила делали свое дело — кинжал медленно опускался. Лезвие было уже совсем рядом, но тут я заметил, что вторая рука убийцы безжизненно висит. Она была сломана при падении, а он даже не издал ни звука. Никогда человек не сражается так отчаянно, как при борьбе за жизнь. Мне удалось вытащить из-под него ногу, и я, извернувшись, ударил коленом по его сломанной руке. Он содрогнулся от боли. Я ударил сильнее.

Пытаясь отодвинуться, он потерял равновесие и согнул локоть, чтобы удержаться от падения. Собрав все свои силы, я развернул его руку с кинжалом лезвием вверх. Это мне почти удалось, но он все-таки был сильнее, и лезвие слегка царапнуло мне грудь. Я собрал силы, чтобы повторить прием, но он внезапно вздрогнул и... умер.

Хитростью меня не возьмешь, но это была не хитрость. Я чувствовал, как в спазме окаменели его мускулы, когда он откатился в сторону.

Я не разжимал хватки, пока в окне надо мной не зажегся свет. Только теперь я увидел жуткие желтые капли на лезвии кинжала — мгновенно действующий нервно-паралитический яд. Там, где лезвие задело мою рубашку, тоже остался желтый след. Я знал, что этот яд не обязательно вводить в тело, он так же хорошо действует и на обнаженную кожу.

С невероятными предосторожностями, борясь с дрожью в руках от усталости, я стянул рубашку. Только когда она была сброшена на труп, я расслабился и глубоко вздохнул.

Нога у меня действовала, хотя и очень болела. Видимо, я только сильно ушиб ее. Я шире открыл высокое окно в комнату, и труп позади меня ярко осветился. Ангелина сидела на кровати, прижав к груди одеяло, но в глазах ее была тревога. Она поняла, что произошло.

— Он мертв,— хрипло сказал я. Горло мое пересохло, я откашлялся.— Умер от собственного яда.

Я вошел в комнату, растирая ногу.

— Я спала и даже не слышала, как он открыл окно. Спасибо.

Актриса, лгунья, обманщица, убийца, она играла сотни ролей, бесчисленным количеством оттенков располагал ее голос. Но сейчас в этих последних словах ощущалось неподдельное чувство.

Эта попытка убийства произошла слишком быстро после предшествовавшей тяжелой сцены. Ее защитные реакции еще не успели возобладать над естественными эмоциями. Волосы ее рассыпались по плечам. На ней была красивая ночная сорочка из какого-то тонкого и мягкого материала. Все события этой ночи дали мне право действовать смело. Я сел на постель и обнял Ангелину за плечи. Медальон с разорванной цепочкой лежал на столике у кровати. Я сжал его в ладони.

— Пойми, этой девушки не существует, она осталась только в твоей памяти. Это все в прошлом. Ты была ребенком, а теперь ты женщина. Может, ты и была этой девочкой, но теперь ты — не она! — Я резко повернулся и выбросил медальон в окно, в темноту.— Все это осталось в прошлом, Ангелина. Ты — это только ты!

Я поцеловал ее, и она уже не отталкивала меня. Она нуждалась во мне, как и я нуждался в ней.

Как только рассвет коснулся неба, я отнес тело убийцы князю. Я был лишен удовольствия разбудить его: это уже сделал сержант охраны, когда обнаружил мертвого часового на крыше. Он умер от того же отравленного клинка. Начальник и охрана топтались вокруг тела на полу приемной и с недоумением рассуждали об этой непонятной смерти. Они не видели меня и испугались, когда я бросил свой груз рядом с часовым.

— Вот убийца,— сказал я не без гордости.

Князь Касситор наверняка узнал убийцу, так как, взглянув на него, резко вздрогнул. Несомненно, это был брат или другой близкий родственник. Я думаю, он никогда не верил, что семейство Раденбрехен осуществит свою угрозу мести. Поведение сержанта охраны вызвало недоумение: он переводил взгляд с князя на труп и обратно, и я удивился, как быстро носятся мысли в его мощной бритой военной голове. Тут была какая-то сложная завязка, и нужно было выяснить, в чем дело. Я решил при первой же возможности поговорить с сержантом тет-а-тет.

Князь, стоя рядом с трупом, потирал щеку, хрустел суставами и наконец велел унести обоих мертвых.

— Останьтесь, Бент,— сказал он, когда я собрался уйти вместе с другими.

Я уселся в кресло. Дождавшись, когда все уйдут, он наполнил стакан местным самогоном и, давяеь, проглотил его. Наполнив стакан второй раз, он вспомнил, что не мешает предложить живительной влаги и мне. Я не отказался и, по-сасывая ее, удивлялся волнению князя. Во-первых, он проверил замки на всех дверях и плотно завесил окно. Отперев специальным ключом ящик стола, он достал из него маленький электронный прибор с управлением и телескопической антенной на верхней крышке.

— Неплохая штука! — сказал я.

Он вытянул антенну и не ответил, только бросил на меня исподлобья короткий взгляд и занялся регулировкой. Только когда на крышке зажегся зеленый индикатор, он успокоился.

— Вы знаете, что это такое?

— Конечно. Только познакомился я с ними не на Фрейбуре. Они не слишком распространены.

— Они вообще не распространены.— Он добивался максимальной яркости зеленого индикатора.— Насколько мне известно, этот экземпляр единственный на планете, и я хочу, чтобы вы никому не говорили, что видели его. Н и к о м у.

— Это меня не касается,— ответил я с наигранным отсутствием интереса.— Я думаю, человек имеет право на свои тайны.

Я сам любил тайны и множество раз пользовался снуп-детектором. Он обнаруживал электронные или волновые подслушивающие устройства и немедленно извещал об этом. Обмануть его можно, но очень трудно. Пока никто не знал о детекторе, князь мог быть уверен, что его никто не подслушает. Но кому это могло прийти в голову здесь, в его замке? А даже он должен знать, что снуп-приборы на расстоянии не работают. В воздухе резко запахло крысой, и я начал догадываться, в чем дело.

Не оставалось сомнений, что крыса — князь.

— Вы неглупый человек, граф Дибстол.

Он подразумевал под этим, что я значительно глупее его.

— Вы путешествовали, видели другие миры и понимаете, как мы здесь дики и отстали. Не откажитесь помочь мне сбросить петлю, которая затягивается вокруг шеи нашей планеты. Никакие жертвы не страшны, если они приближают день освобождения.

Он даже вспотел и опять вернулся к своей противной привычке хрустеть суставами.

Голова в том месте, где Ангелина приложила бутылку, была заклеена мокрым от пота пластырем. Я надеялся, что рана болит.

— Вы охраняете эту иностранку,— он повернулся боком, но краем глаза продолжал следить за мной.— Она оказала нам помощь в организации, но сейчас ставит нас в затруднительное положение. Одно покушение на ее жизнь уже было,

вероятно, последуют и другие. Раденбрехен — старая известная семья, и для нее присутствие этой женщины невыносимо.— Он отхлебнул из стакана и перешел к сути.— Я думаю, вы сможете выполнять ее работу так же хорошо, а то и лучше. Как вы на это смотрите?

Без сомнения, я был переполнен талантами, или на этой планете явно не хватало революционеров. Уже второй раз за сутки мне предлагали сотрудничество. Ясно, что Ангелина предлагала искренне, а вот от предложения Рденранта исходил дурной душок.

Я решил продолжать игру, чтобы посмотреть, к чему она приведет.

— Я польщен, князь. Но что будет с иностранкой? Я не уверен, что ей понравится эта мысль.

— Неважно, что ей нравится.— Он слегка коснулся повязки на голове.— Мы не можем быть с ней жестокими.— Лицо его исказила отвратительная лицемерная улыбка.— Мы будем держать ее в заключении. У нее есть несколько преданных соратников, но об этом позаботятся мои люди. Вы будете с ней и арестуете ее в нужный момент. В тюрьме она будет в безопасности и не станет мозолить никому глаза, чтобы не навлечь неприятности на нас.

— Отличный план,— согласился я с энтузиазмом.— Меня не радует мысль заточить в тюрьму бедную женщину, но если это необходимо, я готов. Цель оправдывает средства.

— Вы правы. Но я хочу, чтобы была полная ясность. Вы, Бент, имеете замечательную способность выворачивать фразы, поэтому я лучше запишу. Цель оправдывает средства.

И такой человек планирует революцию! Я напряг память, чтобы вспомнить подходящий случаю афоризм, но мысли затопила внезапная ярость. Я вскочил.

— Если мы собираемся сделать это, князь, незачем терять время. Давайте назначим арест на 18.00, это даст вам время обезвредить охрану. Я буду в ее комнате и арестую женщину, как только получу от вас сообщение об успешном завершении вашей акции.

— Все правильно. Вы, как всегда, человек действия, Бент.

Он протянул руку, и я, сдерживая отвращение, вынужден был пожать безвольную, влажную предательскую ладонь. Теперь прямо к Ангелине.

— Нас тут не подслушают? — спросил я.— У вашего бывшего дружка князя есть снуп-детектор. Не исключено, что у него есть и другие приборы для подслушивания, которые он мог установить здесь.

Эта мысль ни в малейшей степени не взволновала Ангелину. Она расчесывала перед зеркалом волосы. Сцена, конечно, очаровательная, но в данный момент неуместная. На революцию неслись штормовые ветры, грозя все разрушить.

— Я знаю о детекторе.— Она продолжала причесываться.— Это я ему подсунула. Правда, его слегка доработали, чтобы на наших частотах он всегда показывал нор-

му, даже когда я включаю подслушивающее устройство.

— И вы слышали, как несколько минут назад он сделал мне предложение убить вашу охрану, а вас заключить в подземную тюрьму?

— Нет, не слышала,— сказала она с таким изумительным самообладанием и спокойствием, какое всегда отличало все ее поступки. Она улыбнулась.— Я вспоминала прошедшую ночь.

О, женщины! Они все смешивают вместе. Возможно, для них так лучше, но очень трудно для тех, кто находит, что эмоции и логика — разные вещи. Придется заставить ее понять серьезность ситуации.

— Хорошо, пусть эти маленькие новости вас не волнуют. Но есть другие. Убийцу прошлой ночью послали вовсе не Раденбрехены; это сделал князь.

Это подействовало. Ангелина оставила в покое волосы, и глаза ее посерьезнели. Она не задавала глупых вопросов, а ждала, что я скажу дальше.

— Я думаю, вы недооценили бешенство этой крысиной морды. Получив вчера бутылкой по голове, князь пришел в ярость. Наверняка план у него был уже готов, и вы только подтолкнули его. Сержант охраны опознал убийцу и связал его с князем. Это объясняет, как убийца попал на крышу, откуда узнал, где вас искать, а заодно и внезапность всей этой атаки. После вашей драки с Касситором Сварливым произошло слишком многое.

Пока я говорил, Ангелина вернулась к своей прическе — и не ответила мне. Это полнейшее отсутствие интереса стало действовать мне на нервы.

— Так что же вы все-таки собираетесь делать? — спросил я, уже не скрывая раздражения.

— А не кажется ли вам, что гораздо важнее понять, что вы собираетесь делать?

За этим вопросом скрывалось многое. Я видел, что она наблюдает за мной в зеркало, поэтому отошел к окну и посмотрел на роковой балкон и покрытые снегом горные пики.

Что я собирался делать? Это был вопрос куда более сложный, чем ей казалось.

Что я вообще собирался делать? Участвовать в революции, к которой не имел ни малейшего интереса? Зачем я здесь? Арестовать Ангелину для Специального Корпуса? Об этом надо пока забыть.

Но надо было найти ответ. Мое тело было хорошо замаскировано, но я не рассчитывал на длительное расследование. Ангелина, несомненно, была уверена, что убила меня, поэтому и не станет заниматься моей идентификацией. Я-то узнал ее очень быстро: изменено лицо, и только.

Тут меня осенило. Какие-то участки памяти могут забыть некий факт, но он внезапно может всплыть.

Я вспомнил, что сказал прошлой ночью. «Все это осталось в прошлом, Ангелина!», сказал я, и она не возразила, хотя

она уже не была Ангелиной.

Здесь она Анжела. Я повернулся к ней, и на моем лице, наверное, была написана растерянность, но она только загадочно улыбнулась и ничего не сказала. Правда, волосы расчесывать перестала.

— Ты знала, что я не граф Дибстол? И как давно?

— Давно. Почти сразу, как ты вошел сюда.

— Ты знаешь, кто я?

— Настоящего имени я не знаю, если ты это имеешь в виду. Но я помню, какая злость во мне кипела, когда ты выжил меня из крейсера после проделанной мною огромной работы. Я помню глубокое удовлетворение, с каким стреляла в тебя во Фрейбургаде. Теперь ты скажешь мне свое имя?

— Джим,— невесело сказал я.— Джим ди Гриз, известный в своей среде как Скользящий Джим.

— Прекрасно. Мое настоящее имя — Анжела. Я думаю, это была идиотская шутка моего отца, поэтому я была рада, когда он умер.

Я догадался, как отошел в лучший мир ее отец.

— Почему ты не убьешь меня?

— Зачем, дорогой? Мы оба сделали в прошлом ошибки, и потребовалось много времени, чтобы понять сходство между нами. Я точно так же могу спросить, почему ты не арестуешь меня? Ведь все началось с этого, не так ли?

— Да, но...

— Но что? Ты пришел сюда с этой мыслью, но не выдержал внутренней борьбы с собой. Поэтому я не сказала, что узнала тебя. Я не знала, как все получится, хотя надеялась на лучшее. Ты видишь, я не хотела убивать тебя. Я знала, что ты меня любишь. Это было видно сразу. Это отличалось от звериной похоти всех этих самцов, которые говорили мне о любви. Им нравилось только мое тело, а ты любишь меня всю, потому что мы оба одинаковы.

— Мы не одинаковы,— сказал я, но в моем тоне не было убежденности.

Она только улыбнулась.

— Ты убивала и наслаждалась убийством — вот наше основное различие. Понятно?

— Ерунда! — Она отмахнулась, как от мухи. — Ты убил прошлой ночью — тоже неплохая работа — и я не заметила никакого раскаяния. По-моему, даже отмечался определенный подъем.

Не знаю, почему, но я чувствовал, как петля затягивается на моей шее. Все, что она говорила, было неправильно, но я не мог указать конкретно. Где выход? Как разрубить этот gordiev узел?

— Давай покинем Фрейбур,— сказал я наконец.— Уйдем от этого ненужного идиотского восстания. Там опять будут убийства, смерти.

— Уйдем, если найдем место, где нам будет хорошо.— В ее голосе слышался металл.— Но это не главное. Главное — ты должен кое-что поправить в своей голове, изменить точку зрения, глупое отношение к убийству. Ты не понимаешь, что это тривиально. Через двести лет в галактике вымрут все, кто живет сегодня, и какая разница, если несколькими из них мы поможем сделать это чуть быстрее. Они сделают то же самое, если представится возможность.

— Ты не права.

Я понимал, что философия жизни и смерти гораздо сложнее, но затруднялся сформулировать свою точку зрения в такой нервной обстановке.

Анжела слишком сильный наркотик, и моя слабая волевая решимость не устояла, смытая мощным потоком эмоций. Я прижал ее к себе и стал целовать, понимая, что хоть это и решает сиюминутные проблемы, финальное решение делается еще труднее.

Тонкое пронзительное жужжанье ударило меня в уши. Анжела тоже его услышала. Оторваться друг от друга было трудно.

Я сел в кресло, а она подошла к видеофону и что-то спросила. Ответа я не слышал, так как она отключила динамик и пользовалась наушником. Раз или два она сказала «да», неожиданно посмотрев при этом на меня. Я не видел, с кем она говорит, да и мне было все равно. Хватало других проблем. Закончив разговор, она на момент застыла, и я ждал, что она скажет. Но она подошла к столу и стала в нем рыться. Там было много интересного, но она достала вещь, какую я меньше всего ожидал.

Это был пистолет, большой, смертоносный, и он направлялся на меня.

— Зачем ты это сделал, Джим? — Слезы застыли в уголках ее глаз.— Почему ты решил так поступить?

Она даже не слушала моего ответа, ушла в свои мысли, хотя пистолет упорно смотрел в центр моего лба. Внезапно она вернулась к действительности, и злоба вспыхнула в ее глазах.

— Я, было, поверила, что один мужчина может отличаться от всех остальных. Ты преподавал мне отличный урок, и за это умрешь не мучительной, а быстрой смертью.

— Ты что, совсем сошла с ума?

Я ничего не понимал.

— Не разыгрывай невинность.— Она отступила назад и достала из-под кровати маленький, но тяжелый чемоданчик.— Это радарный пост. Я сама установила оборудование и подкупила операторов, чтобы послали мне сигнал сразу. Как тебе хорошо известно, кольцо кораблей из космоса снижается и окружает эту область. В твою задачу входило отвлекать меня как можно дольше, и этот план чуть не удался.

Она кинула через руку плащ и стала пятиться через комнату.

— Если я дам тебе величайшее слово чести, что я тут не при чем, ты поверишь мне? Я ничего не делал и ничего не знал об этом.

— Оставь это для космических бойскаутов,— издевательски сказала Ангелина.— Почему бы тебе не сказать правду, ведь ты все равно умрешь через двадцать секунд.

— Я сказал тебе правду.

Я хотел броситься на нее, но знал, что не успею.

— Прощай, Джим ди Гриз, приятно было провести с тобой время. Позволь доставить тебе последнюю радость: все, что ты делал, было напрасно. Позади меня есть выход, о котором никто не знает. Когда сюда прибудет полиция, я буду уже в безопасности. И еще скажу: я буду убивать, и никто меня не остановит.

Анжела подняла руку с пистолетом и слегка коснулась курка. За ней повернулась панель, открывая в стене черную дыру.

— Не разыгрывай сцену, Джим,— брезгливо сказала она, глядя на меня поверх пистолета.— Я не попадусь на удочку — на широко раскрытые глаза, на удивление, как будто кто-то стоит за моей спиной. Я не повернусь. Ничего у тебя не выйдет.

— Знаменитые последние слова,— сказал я и отпрыгнул в сторону. Пистолет рывкнул, но пуля ушла в протолок. За Анжелой стоял Инскипп, он выбил из ее руки пистолет и поймал его. Анжела с ужасом смотрела на меня, даже не пытаясь сопротивляться.

Уже зашелкнулись наручники на ее тонких запястьях, а она все стояла неподвижно и молча. Я бросился вперед, выкрикивая ее имя. Позади Инскиппа появились двое в форме Патруля. Они вывели Анжелу, а Инскипп закрыл дверь, чтобы я не выскочил за ними. Я стал таким же вялым и безучастным, как до этого была Анжела.

— Выпьем,— сказал Инскипп, сел в кресло Анжелы и достал плоскую фляжку.— Бренди. Чутьочку эрзац, но все же не этот местный растворитель пластмассы.

— Сгинь... ты...

Я мучительно подбирал выражения покрепче из своего межзвездного лексикона, стараясь выбить рюмку из его рук.

Он одурачил меня. Поднял рюмку и без малейшего раздражения налил и выпил.

— Это что, новый язык для обращения к высшим офицерам Специального Корпуса? — Он вновь наполнил рюмку.— Похоже, что мы забыли о порядке; организация совсем разболталась. У нас ведь все дозволено.

Он опять было собрался выпить рюмку, но тут уж я схватил ее и осушил.

— Зачем вы это сделали? — спросил я, все еще раздираемый страстями.

— Потому что ты этого не сделал. Операция закончена, ты выиграл ее. До сих пор у тебя был испытательный

срок, а сейчас ты получаешь звание полного агента.

Он достал из кармана маленькую золотую бумажную звездочку, аккуратно лизнул ее и торжественно приклеил ее мне на рубашку.

— Силой данной мне власти произвожу тебя в полные агенты Специального Корпуса.

Итак, я достиг вершины карьеры. Это был абсурд. Я засмеялся.

— А я думал, что уже выбыл из команды.

— Я не получал твоей отставки. Да это и не имело бы значения. Ты не можешь выйти из Корпуса.

— Да. Но ведь я получил сообщение о своем увольнении. Разве вы забыли, что я украл корабль, а сигнал управления, посланный вами, должен был взорвать меня? Если я сижу здесь, то только потому, что успел вытащить запал.

— Да ничего подобного, мой мальчик.— Он откинулся в кресле, потягивая вторую рюмку.— Ты так настаивал на преследовании этой красотки Ангелины, и я подумал, что ты можешь позаниматься корабль до того, как мы сами дадим его тебе. Корабль, который ты взял, имел запал, вставленный, как и всегда в таких случаях. Запал — а не заряд — был установлен так, чтобы взорваться через пять секунд после того, как его удалят. По моему мнению, это придает некоторую независимость мышлению перспективных агентов.

— Значит, все было подстроено?

— Можно сказать и так. Но я предпочитаю термин «упражнение на ученую степень». Таким способом мы узнаем, действительно ли наши отловленные новички посвятят всю оставшуюся жизнь борьбе за закон и порядок. И они тоже узнают. Мы не хотим, чтобы впоследствии они жалели о выбранном пути. Ты узнал про себя, Джим?

— Кое-что узнал. Но не совсем уверен, что все.

Я не решался пока заговорить о мучившем меня вопросе.

— Это была прекрасная операция. Ты проявил большую фантазию в достижении цели.— Он нахмурился.— Но это дело с банком я не одобряю. У Корпуса есть все необходимое для ваших нужд...

— Те же самые деньги. Откуда берет их Корпус? От планетарных правительств. А они где берут? Из налогов. А я взял прямо из банка. Страховое общество оплатит банку убытки, затем объявит о меньшей прибыли за этот год, выплатит правительству меньше налога — и в результате все то же, что и при нашем способе!

Инскипп был хорошо знаком с такой логикой и не удостоил меня ответом. А я все еще не решался спросить об Ангелине.

— Как вы нашли меня? Ведь на корабле не было «жучка».

— Наивное дитя природы! — Инскипп поднял руку и притворном ужасе.— Неужели ты думаешь, что на наших кораблях нет «жучков»? Они установлены так, что их нельзя найти, если не знаешь, где искать. К твоему сведению, внешняя

дверь космошлюза содержит сложную передающую систему, с помощью которой мы точно определяем расстояние.

— Почему же я не слышал ее?

— Потому что она не передавала. Должен добавить, что дверь содержит и приемник. Передача ведется только в случае получения соответствующего сигнала. Мы дали тебе возможность достичь места назначения, а затем отследили. Ты потерялся на некоторое время во Фрейбургаде, но мы снова напали на твой след в госпитале, где ты устроил розыгрыш с трупами. Мы помогли тебе там. Госпиталь был глубоко возмущен, но мы его успокоили. После этого мы взяли под наблюдение хирургов и соответствующее оборудование, так как следующий твой шаг был очевиден. Надеюсь, тебе будет приятно узнать, что ты носишь микропередатчик в груди.

Я посмотрел на грудь, но ничего не заметил.

— Подвернулась слишком хорошая возможность, чтобы ее упустить. Однажды ночью, когда ты крепко спал от снотворного, а твой милый доктор дорвался до алкоголя, который мы подсунили в продуктовую посылку, хирург нашего Корпуса сделал маленькую операцию.

— И потом вы следили за каждым моим шагом?

— В общем, да. Но ты мог бы вести себя по-другому, если бы знал, что мы здесь.

— Тогда зачем вы пришли? Я ведь не свистал всех наверх?

— Это был важный вопрос, и Инскипп подумал, прежде чем ответить.

— Это верно.— Он потянул бренди.— Я хочу, чтобы у новичка, сидящего на привязи, веревка была достаточно длинна и не удушила бы его.

Что я мог сказать? Его голос стал мягким и сочувствующим.

— Арестовал бы ты ее, если бы мы не пришли?

— Не знаю,— честно ответил я.

— Хорошо, что я сделал по-своему, черт возьми! А то сейчас наша мультитубида уже сбежала бы.

— Отпустите ее! — Я схватил его за куртку.— Отпустите, говорю!

— Ты хочешь вернуть ее к прежнему образу жизни?

Хочу ли я? Я не мог ответить. Я думал об этом, а он поправлял складки своей куртки.

— Тяжелая для тебя ситуация.— Он прикончил содержимое фляжки.— Линия между добром и злом, правотой и неправотой может быть очень тонкой, и при эмоциональном возбуждении ее почти невозможно увидеть.

— Что с ней будет?

Он заколебался.

— Только правду, какая бы она ни была.

— Хорошо, только правду. Не обещаю, но психологи пробуют что-нибудь сделать для нее, если найдут причину, породившую отклонение. Но это удастся далеко не всегда.

— Только не в этом случае. Я расскажу им

Он посмотрел на меня с удивлением, которое слегка вознаградило мое самолюбие.

— В таком случае есть шанс. Я отдам соответствующие распоряжения, чтобы испробовали все другие возможности, прежде чем поставить вопрос об уничтожении личности. Если же придется пойти на это, она останется человеком, каких в галактике много. Приговоренная к смерти, она станет трупом, которых тоже не меньше.

Я отобрал у него фляжку, пока он не убрал ее в карман.

— Я знаю вас, Инскипп. Вы прирожденный рекрутант. Когда вы кого-то поймаете, вы его вербуете.

— Это верно. Она будет отличным агентом.

— Мы составим суперкоманду,— сказал я, и мы подняли бокалы.

— За преступление!

МЕСТЬ КРЫСЫ ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

Я стоял в очереди, такой же терпеливый, как и другие налогоплательщики, сжав в горячей руке свои заполненные декларации и наличные. Наличные деньги, старомодные складывающиеся купюры. Местный обычай, который я намеревался сделать для местных жителей достаточно дорогостоящим. Я почесывался, сунув палец под фальшивую бороду, вызывавшую отвратительный зуд, когда стоявший передо мной мужчина убрался с дороги и я оказался перед окошком. Клей некстати приклеил мой палец, и мне пришлось потрудиться, чтобы освободить его, не сорвав заодно и бороду.

— Скорей, скорей давайте их сюда! — поторапливала пожилая, злая и сварливая служащая, нетерпеливо протягивая руку.

— Напротив, — возразил я, предоставляя возможность документам и банкнотам упасть и открыть внушительный пистолет 0,75 калибра, который я держал в руке. — Это вы давайте их сюда. Все эти налоговые деньги, выжатые из этих баранов — я имею в виду население этой отсталой планеты.

Я улынулся, чтобы показать, что я не шучу, и она поперхнулась криком. Это была широкая улыбка, показавшая все мои зубы, которые я покрыл ярко-красными пятнышками, и это окончательно убедило ее в том, что сопротивляться бесполезно. Она подталкивала деньги ко мне, а я набивал ими свое длинное пальто — его подкладка состояла из множества глубоких карманов.

— Что вы делаете?! — ахнул стоявший позади меня человек, выпучив глаза, ставшие похожими на огромные белые виноградины.

— Беру деньги, — ответил я и сунул ему одну из пачек. — Почему бы вам самому не подобрать малость?

Он рефлекторно поймал пачку и уставился на нее. И в этот момент сработала сигнализация. Я услышал, как с треском закрылись двери. Кассирша сумела-таки включить сигнал тревоги.

— Совсем неплохо для вас, — похвалил я ее. — Но пусть эта мелочь не мешает вам продолжить выдачу наличных.

Она разинула рот и начала было ускользать из поля моего зрения, но взмах пистолетом и еще одна молния моих карминных зубов восстановили ее равновесие, и поток банкнотов продолжился. Люди начали суетиться вокруг меня, а тут еще появились размахивающие пистолетами охранники, с энтузиазмом высматривающие, в кого бы пострелять, поэтому я включил радиореле в своем кармане. По всему банку

прозвучала серия взрывов: я заблаговременно подложил во все мусорные корзины газовые бомбочки. После этих приятных звуков послышались еще более очаровательные вопли клиентов. Я прекратил прятать деньги на время, достаточное для того, чтобы надеть защитные очки и хорошенько их приладить. Заодно я плотно закрыл рот, так что вынужден был дышать через затычки-фильтры в носдрах.

Это было завораживающее зрелище. Затемняющий газ невидим и не имеет запаха, но он содержит химическое вещество, действующее почти мгновенно и вызывающее паралич зрительных нервов. Через пятнадцать секунд все в банке ослепло. Все, за исключением Джеймса Боливара ди Гриза, то бишь меня, человека многих талантов. Насвистывая сквозь зубы счастливый для меня мотивчик, я разложил по карманам оставшиеся деньги. Моя благодетельница ускользнула наконец из моего поля зрения и теперь несдержанно визжала где-то за стойкой. Так же, как и масса других людей. Их было много, шаривших вслепую, когда я прокладывал себе дорогу через этот маленький бедлам. Жуткое ощущение все-таки — кривой среди слепых и все такое. Снаружи уже собралась толпа: в сладостном ужасе они прижимались к стеклам и стеклянным дверям, следя за разворачивающейся внутри драмой. Я помахал им рукой и улыбнулся, в результате чего они в панике рванули от двери. Я отстрелил замок, ориентируясь пистолет таким образом, чтобы пули провизжали над самыми их головами, а потом пинком открыл дверь. Прежде чем выйти самому, я отыскал в кармане то, что мне было нужно, и швырнул зуду на тротуар. Затем я быстро сунул в уши затычки.

Зуда завизжала, и все начали быстро рассеиваться. Вам приходится быстро рассеиваться, когда вы слышите одну из этих штук. Они испускают смешанный компот из дьявольских звуков на децибельном уровне крупного землетрясения. Некоторые слышимые звуки напоминают усиленное поскребывание ногтем по школьной доске или ножом по тарелке, в то время как другие — инфразвуковые — вызывают ощущение паники и близкой смерти. Зуда — безвредная и высокоэффективная штука. Когда я подошел к только что затормозившей у тротуара машины, улица была пуста. Голова у меня подергивалась от инфразвуковых колебаний, для которых затычки не были преградой, и я был более чем счастлив проскользнуть через открытую дверцу и расслабиться, в то время как Ангелина вела машину.

— Все прошло отлично? — спросила она, не сводя глаз с дороги, когда на двух колесах свернула за угол. Вдали завыли сирены.

— Как кусок торта. Гладко, как касторовое масло.

— Твоя улыбка оставляет желать много лучшего.

— Извини. Отголоски несварения желудка сегодня утром. Но мое пальто набито большим количеством денег, чем нам может понадобиться.

— Как мило! — рассмеялась она. Эта неотразимая улыбка

ка, этот наморщенный носик! Я так и жаждал куснуть его или, по крайней мере, поцеловать, но удовольствовался товарищеским похлопыванием по плечу, поскольку сейчас все ее внимание должно было быть сосредоточено на управлении машиной. Я сунул в рот жевательную резинку, чтобы удалить красную эмаль с зубов, и начал сдирать свою маскировку.

Я менял свою внешность, и одновременно со мной та же делала наша машина. Ангелина свернула в боковую улицу, нашла еще более тихую улочку и поехала по ней. Никого не было видно. Она нажала на соответствующую кнопку. Ого! Нынешняя техника способна проделывать весьма интересные вещи! Слезли номера, открывая другие цифры — впрочем, этот трюк слишком прост для того, чтобы его обсуждать. Ангелина включила дворники на ветровом стекле, когда спереди брызнули струи любопытного катализатора; там, куда они попадали, голубая краска становилась ярко-красной, за исключением верха машины, который стал прозрачным. Так что через несколько минут мы сидели под прозрачным колпаком, обозревая окружающий нас мир. Многое из того, что на вид было хромированной сталью, растворилось, отчего изменился не только внешний вид машины, но и ее марка. Как только этот процесс был завершен, Ангелина спокойно повернула за угол и поехала обратно, в том направлении, откуда мы прибыли. Ее рыжий парик был заперт вместе с моей маскировкой, и я подержал руль, пока она надевала внушительного вида солнцезащитные очки.

— Куда дальше? — спросила она, когда стая визжащих полицейских машин рванула в противоположном направлении.

— Я думал о побережье. Ветер, солнце, песок и тому подобное. Вещи здоровые и укрепляющие.

— Немного слишком укрепляющие, если ты понимаешь, что я хочу сказать! — Она похлопала себя по округлой выпуклости живота с более чем удовлетворенной улыбкой. — Ему уже шесть месяцев, седьмой идет, так что я чувствую себя не так уж спортивно. Что, кстати, напоминает мне о...

Она, хмурясь, взглянула на меня, а затем снова перенесла свое внимание на дорогу.

— Ты обещал сделать из меня честную женщину, так что мы можем назвать это медовым месяцем...

— Любовь моя... м-м... — произнес я и со всей искренностью сжал ее руку. — Я не хочу делать из тебя честную женщину — это было бы физически невозможно, поскольку у тебя ум столь же воровского склада, как и у меня. — Но я, разумеется, женюсь на тебе и надену самое дорогое...

— Краденое!

— Колечко на этот изящный пальчик. Обещаю. Но в ту самую секунду, когда мы попытаемся зарегистрировать брак, наши данные скормят компьютеру, и игра будет окончена. Нашему маленькому отпуску конец.

— Ты будешь на крючке всю жизнь! Так что, я думаю, мне лучше схватить тебя теперь, прежде чем я стану слиш-

ком круглой, чтобы бегать и ловить тебя. Мы поедем на твой курорт и насладимся одним — последним — днем безумной любви. А завтра, сразу после завтрака, мы поженимся. Обещаешь?

— Есть только один вопрос...

— Обещаешь, Скользкий Джим? Я знаю тебя!

— Я даю тебе слово! За исключением того...

Она резко затормозила, и я вдруг понял, что гляжу в дуло моего собственного пистолета. Калибра 0,75, без отдачи. И выглядело оно очень большим. Палец ее побелел на спусковом крючке.

— Обещай мне, ты, быстروмыслящий, скользкий, хитрый аферист, или я выпущу мозги из твоего черепа!

— Дорогая, ты все-таки любишь меня!

— Конечно, люблю. Но если я не смогу заполучить тебя целиком живым, я заполучу тебя мертвым. Говори!

— Мы поженимся завтра утром.

— Некоторые мужчины... их так трудно убедить!.. — прошептала она, бросая пистолет мне в карман, а себя — в мои объятия. Затем она поцеловала меня так, что я обнаружил, что чуть ли не с нетерпением ожидаю завтрашнего утра.

— Куда это ты направился, Скользкий Джим? — осведомилась Ангелина, высунувшись из окна нашего номера наверх. Я остановился, уже коснувшись ворот.

— Просто хочу по-быстрому окунуться, любовь моя, — крикнул я в ответ и открыл ворота. Пистолет калибра 0,75 рванул, и обломки ворот разлетелись вокруг меня.

— Распахни халат, — без злости сказала она, одновременно сдувая дымок с дула пистолета.

Покорившись судьбе, я пожал плечами и распахнул пляжный халат. Ноги мои были голыми, но сам я, разумеется, был полностью одет, с закатанными штанами и ботинками, заткнутыми в карманы пиджака. Она понимающе кивнула.

— Можешь возвращаться наверх. Ты никуда не уйдешь.

— Конечно, не уйду! — (Горячее негодование). — Не такой я парень. Я просто хотел пощипать по лавкам и...

— Наверх.

Я пошел. Наверное, и в аду нет фурии, с которой можно было бы сравнить мою Ангелину... Врачи из Спецкорпуса вытравили из нее человекоубийственные наклонности, развязали запутанные узлы подсознания, приспособили ее для более счастливого существования, чем позволяли прежние обстоятельства. Но когда дело доходило до решающего момента, она снова становилась такой же, как и раньше. Я вздохнул и, тяжело поднимая словно свинцом налитые ноги, побрел вверх по лестнице. И почувствовал себя еще более немыслимым извергом, когда увидел, что она плачет.

— Джим, ты меня не любишь! — Классический гамбит со времен первой женщины в райском саду, на который, однако, до сих пор нет достойного ответа.

— Люблю, — запротестовал я и сказал правду. — Но это

просто рефлекс. Или что-то вроде этого. Я люблю тебя, но жениться... Это... ну, вроде как отправиться в тюрьму. А туда меня за все годы воровской жизни ни разу не сажали.

— Это освобождение, а не плен,— сказала она и занялась макияжем, устранив следы недавних слез. Я вдруг заметил, что на губах у нее была помада в тон ее белому платью и маленькой кружевной штучке в волосах.

— Просто это то же самое, что нырнуть в холодную воду,— сказала она, встав и потрепав меня по щеке.— Покончим с этим быстро, чтобы не почувствовать этого. А теперь раскатай свои брюки и надень ботинки.

Я так и сделал, а когда выпрямился, то увидел, что дверь открыта и в соседней комнате стоят Магистр Бракосочетаний и двое свидетелей. Ангелина взяла меня за руку — мягко, отдаю ей должное,— и в тот же миг воздух наполнили могучие аккорды органа (в записи). Она потянула меня за локоть. Я немощно сопротивлялся, а затем, пошатываясь, двинулся вперед. И в этот миг глаза мои, казалось, застлал серый туман.

Когда тьма рассеялась, орган умирающе проблеял последние ноты. Дверь за Магистром и свидетелями закрылась. Ангелина перестала восхищаться своим колечком, только для того, чтобы поднять свои губы к моим. У меня едва хватило силы воли, чтобы сперва поцеловать ее, а уж потом застонать.

На буфете стояла целая батарея бутылок, и мои подергивающиеся пальцы потыкались в них и безошибочно отыскивали шишковатую бутылку с «Потом Сириусской Пантеры», могучим напитком с такими отвратительными постэффектами, что его продажа запрещена на большинстве цивилизованных планет. Большой бокал этого пойла незамедлительно оказал свое действие, и я поспешил налить второй. Этого было достаточно, чтобы я погрузился в свои онемевшие мысли. Видимо, за этим занятием я провел определенное время, потому что, когда я был из этого состояния выведен, Ангелина уже надевала брюки и свитер, а рядом с ней пребывали в ожидании наши упакованные чемоданы. Я испустил сдавленный стон.

— Хватит личных оргий,— без злости сказала она.— Сегодня вечером мы все это отпразднуем, но сейчас мы должны немедленно двигаться. Запись о браке будет занесена в любой момент, а когда наши имена и фамилии попадут в компьютер, он засветится, как публичный дом в день полочки. Полиция рада будет повесить на нас большинство преступлений, совершенных за последние два месяца, копы кинутся за нами с лаем и пеной у рта.

— Мо-о-лчать! — приказал я покачиваясь.— О-образ знакомый. Доставай машину и уезжаем.

Я предложил было помочь ей с чемоданами, но к тому времени, когда я передал эту информацию, она уже была с ними на полпути вниз по лестнице. Каким-то образом я тоже добрался до двери. Машина стояла снаружи и гудела от невыпущенной на волю мощи. Ангелина сидела за рулем и постукивала

ногой, едва сдерживая нетерпение. Когда я, спотыкаясь, влез в машину, первые щупальца реальности начали проникать через снявшую кору моего мозга. Эта машина, подобно всем другим нелетающим машинам на Камате, приводилась в движение паром, а пар генерировался сжиганием разновидности торфа, скармливаемого в топку хитрым и без нужды усложненным устройством. Требовалось, по крайней мере, полчаса поднимать поры, чтобы получить возможность двигаться. Ангелина, должно быть, разожгла топку перед бракосочетанием и расплачивала также все последующие шаги. Моим единственным взносом во все это было индивидуальное остаканивание, которое никак нельзя было рассматривать, как серьезную помощь. Я содрогнулся от мысли о том, что это означало для меня в ближайшем будущем, но все же был вынужден сделать именно этот шаг.

— У тебя есть скоровытрезвляющая таблетка? — хрипло спросил я.

Она оказалась у нее в ладони, и это обнаружилось до того, как я успел закончить фразу. Маленькая, круглая, розовая, с черным черепом и скрещенными костями на ней. Протрезвляющее изобретение какого-то безумного химика, действующее как метаболический пылесос. В считанные минуты после попадания в лужу соляной кислоты в желудке ингредиенты производят блицкригатаку через кровеносную систему. При этом не только удаляется весь алкоголь, но и напроочь вытравливаются также все побочные продукты, связанные с пьянством, так что обрабатываемый субъект мгновенно становится мертвецки трезвым и болезненно осознает это.

— Я не могу принять ее без воды, — промямлил я. И заморгал при виде пластиковой чашки в другой ее руке. Пути назад не было. С внутренним содроганием отправил я эту штучку в глубину горла и осушил чашку.

Говорят, что это не занимает много времени, но при этом имеют в виду объективное время. Субъективное же время тянется часами. Это крайне необычный опыт, и его трудно описать. Вообразите, если вам угодно, какое возникнет ощущение, если вы вставили в рот брандспойт шланга, а затем пустите на полную мощность холодную воду. В следующий миг эта вода начнет хлестать мощными струями из всех отверстий вашего тела, включая поры, и это будет длиться до тех пор, пока вы не будете отмыты дочиста.

— Уф... — слабо произнес я, выпрямляясь и вытирая лоб носовым платком.

Мы пронесли мимо маленькой деревни, за окнами замелькали отдельные фермы. Ангелина вела машину спокойно и эффективно, а паровой котел весело гудел, съедая очередной брикет торфа.

— Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше? — Она выехала на транспортную развязку и покинула ее уже по другой дороге, бросив лишь один быстрый взгляд на карту. — Из-за нас поднята тревога — армия, флот, все.

— Откуда ты...

— Слышала их команды по радио.

— Мы оторвемся?

— Сомневаюсь. Если ты быстро не выдашь какую-нибудь светлую мысль, то нет. Они создали прочное кольцо вокруг района, с воздушным прикрытием, и теперь сжимают его.

Я все еще отходил от героического излечения с помощью вытрезвляющей пилюли и никак не мог мобилизовать свой ум. Существовала прямая связь между моими спутанными мыслями и голосовыми связками, работающими без вмешательства цензора разума.

— Великолепное начало брака. Если брак похож на такое, то неудивительно, что я избегал его все эти годы.

Машина свернула с дороги и с содроганием остановилась в густой траве под деревьями с голубой листвой. Ангелина выскочила, хлопнув дверцей, и протянула руку за своим чемоданом, прежде чем я успел отреагировать. Я попытался заговорить с ней:

— Я дурак...

— Я тоже дура, раз вышла за тебя замуж.— Глаза ее были сухими, а голос — холодным. Все эмоции под жестким контролем.— Я обманом и с помощью ловушки вынудила тебя вступить в брак, потому что, по-моему, именно этого ты и хотел. Я была неправа, а потому дело это будет закончено прямо сейчас, Джим. Ты создал для меня новую жизнь, и я думала, что смогу сделать то же самое для тебя. Приятно было с тобой познакомиться. Спасибо тебе и до свидания.

К тому времени, когда она закончила, мои мысли сгустились в нечто, приблизительно напоминающее их нормальный облик. Теперь я был готов действовать невзирая на слабость. Я выскочил из машины, прежде чем она закончила свой монолог, и встал перед ней, загораживая ей дорогу и предельно мягко держа ее за руки.

— Ангелина, я скажу тебе это только раз и, вероятно, никогда в своей жизни не повторю. Так что слушай хорошенько и запоминай. Одно время я был самым лучшим аферистом в Галактике, прежде чем меня закатали в Спецкорпус помогать ловить других аферистов. Ты была не только аферисткой, но и более серьезной преступницей-убийцей с таким веселым садизмом.— Я почувствовал, как ее тело вздрогнуло в моих руках, и сжал ее крепче.— Это должно быть сказано, потому что именно такой ты и была. Ты больше не такая. У тебя были причины быть такой, и эти причины были устранены, а некоторые несчастные выверты в твоей в остальном не испорченной коре головного мозга выправлены. И теперь я люблю тебя. Но я хочу, чтобы ты помнила, что я любил тебя и тогда, во все времена твоих неконструированных дней, что говорит о многом. Так что если сейчас я буду фыркать, как олень в упряжке, или со мной трудно будет иметь дело по утрам, ты помни, о чем я сказал, и делай допуски. Заметано?

Явно, да. Она уронила чемодан мне на ногу, но я не по-

смел вздрогнуть, обняла меня, расцеловала и опрокинула в траву. Я провел время весьма весело, отвечая на ее поцелуй. Полагаю, вы назвали бы это новобрачным эффектом. Жутко забавно... Мы замерли, когда пара махоциклов застонала и затормозила у нашей машины. Махоциклами пользовались только полицейские, поскольку они двигались намного быстрее, чем торфяные паровики. Махоцикл — трехколесная машина с большим маховиком под кожухом между двумя задними колесами. На ночь их подключали к моторному генератору, который разгонял маховик до высшей скорости. Днем маховик генерировал электричество, приводившее в действие моторы каждого колеса. Машины очень эффективные и бездымные. И очень опасные.

— Это та самая машина, Поддер! — заорал один из полицейских, стараясь перекрыть голосом непрерывные стоны махоциклов.

— Я вызову подмогу. Они не могли уйти далеко. Теперь они наверняка в нашем капкане!

Ничто так не бесит меня, как безапелляционные заверения мелких чиновников. О, да, мы действительно теперь в капкане. Я глухо заворчал, когда другой некомпетентный субъект в мундире, порыв носом вокруг машины, разинул рот при виде нашего уютного гнездышка в траве. Он все еще стоял с разинутым ртом, когда моя рука метнулась вперед, обхватив его шею, плотно сжала горло и притянула его к нам. Забавно было смотреть, как у него вывалился язык, вылезли глаза и покраснело лицо, но Ангелина все испортила. Она сбила с него шлем и стукнула его резко — и точно — по макушке каблучком свой туфли. Он отключился, а я не дал ему упасть.

— И ты все это говорил обо мне, — прошептала она, моя новобрачная. — В твоей собственной натуре можно найти куда больше, чем налет старого садизма.

— ...Я вызвал. Все уже знают. Теперь мы наверняка их найдем, — с энтузиазмом заявил второй полицейский, но голос оборвался под зубную дробь, когда он устался в ствол укрощающего пистолета своего помощника. Ангелина выудила из сумки сонную капсулу и раздавила ее у него под носом.

— А теперь что, босс? — спросила она, мило улыбаясь двум фигурам в черных мундирах с медными пуговицами у обочины дороги.

— Я думаю об этом, — сказал я и потер челюсть, дабы доказать это. — У нас было свыше четырех месяцев беззаботных каникул, но все хорошее должно когда-нибудь кончиться. Мы можем продлить наш отпуск. Но он будет, мягко говоря, лихорадочным, пострадают люди... Да и ты... хотя фигура твоя прекрасна, но она не совсем подходящая для бегства, погонь и вообще грязной работы. Не вернуться ли нам на службу, с которой мы сбежали?

— Я надеялась, что ты это скажешь. Тошнота по утрам и потрошение банков как-то не совмещаются. Забавно будет вернуться.

— Особенно, если учесть, что они будут так рады нас видеть.

Учитывая, что они отвергли нашу просьбу об отпуске, и нам пришлось украсть почтовую ракету.

— Не говоря уже о деньгах на мелкие расходы, которые мы крали, потому что не могли прикоснуться к своим банковским счетам.

— Правильно. Следуй за мной, и мы сделаем это с шиком.

Мы стащили с полицейских мундиры и бережно уложили похрапывающих блюстителей порядка на заднее сиденье машины. У одного из них нижнее белье было в розовую крапинку, в то время как у другого — утилитарно черное, но отороченное кружевом. Таков мог быть здешний обычай одеваться, но у меня это вызвало кое-какие потаенные мысли насчет полиции на Камате, и я был рад, что мы отбываем. Надев мундиры, шлемы и очки-консервы, мы, весело гудя, понеслись по дороге на своих махоциклах, помахивая танкам и грузовикам, с ревомдвигающимся в противоположную сторону. Прежде чем зазвучали разоблачительные крики и вопли, я затормозил посреди дороги и просигналил остановиться бронемашине. Ангелина развернула свой махоцикл позади них, чтобы они не нашли созерцание беременного полицейского слишком отвлекающим.

— Мы загнали их в угол! — крикнул я. — Но у них есть радио, так что не объявляйте об этом по радиосвязи. Следуйте за мной.

— Ведите! — крикнул водитель, а его напарник закивал, соглашаясь, тогда как перед его мысленным взором ослепляюще плясали соблазнительные картины — слава, ордена, награды. Я повел их по заброшенной дороге в лес, кончавшейся у маленького озера в комплекте с ветхим сараем для лодок и доком.

Я притормозил, махнул им, чтобы они остановились, коснулся пальцами губ и на цыпочках вернулся к бронемашине. Водитель опустил боковое стекло и выжидающе посмотрел на меня.

— Вдохни-ка это, — сказал я и щелчком метнул гранату с усыпляющим газом в кабину.

За облачком дыма последовали ахи, после чего еще две молчаливые фигуры в мундирах, похрапывая, растянулись на траве.

— Собираешься взглянуть по-быстрому на их белье? — поинтересовалась Ангелина.

— Нет, я хочу сохранить некоторые иллюзии, даже если они ложные.

Махоциклы весело покатались по доку, бултыхнулись в воду. Последовавшее за этим короткое замыкание вызвало массу пузырей, а над водой поднялась туча пара. Как только бронемашина проветрилась, мы залезли в нее и укатили. Ангелина нашла нетронутый завтрак водителя и тут же его проглотила. Я, избегая большинства крупных дорог, лег на обратный курс — в город, где в центральном полицейском управлении располагался командный пост. Я хотел отправиться туда, где происходят крупные действия. Мы припарковались в подземном гараже, теперь пустынном, и поднялись на лифте

в башню. Здание было почти пустым, за исключением командного центра; я нашел поблизости незанятый кабинет и оставил там Ангелину, невинно забавляющуюся с запечатанными — но легко открывающимися — конфиденциальными досье. Я опустил очки-консервы на место и разыграл спектакль с появлением в центре связи пропыленного, утомленного гонца. Меня проигнорировали. Человек, которого я хотел видеть, расхаживал, посасывая длинную потухшую трубку. Я подскочил к нему и отдал честь.

— Сэр, вы — мистер Инскипп?

— Да, — буркнул он. Его внимание все еще было приковано к огромной карте на стене, теоретически отражавшей состояние охоты.

— Некто хочет видеть вас, сэр.

— Что? Что? — переспросил он рассеянно. Гарольд Питер Инскипп, директор и голова Спецкорпуса, был в этот день не совсем в форме. Он достаточно легко последовал за мной, а я закрыл дверь и стащил защитные очки.

— Теперь мы готовы вернуться домой, — сообщил я ему. — Если вы сможете найти способ тихо вытащить нас с этой планеты, не дав местным властям заполучить нас в свои излишне жадные руки.

Он в гневе сжал челюсти так, что они раздробили мундштук трубки на бесчисленное множество осколков. А я повел его, выплевывающего куски пластика, в кабинет, где ждала Ангелина.

— Rrrr!.. — прорывал Инскипп, потрясая пачкой документов, которые он держал в руке, так, что они загремели, словно сухие листья или кости скелета.

— Очень выразительно, — нахально заметил я, вытаскивая сигару из карманного портсигара, — но с минимальным содержанием информации. Вы не могли бы высказаться более определенно?

Я отщипнул кончик сигары без какого-либо хруста. Превосходно.

— Вы знаете, во сколько миллионов обошлась ваша волна преступности? Экономика Каматы...

— Не пострадает ни на йоту. Правительство возместит потери, понесенные пострадавшими учреждениями, а потом, в свою очередь, вычтет ту же сумму из своих ежегодных платежей Спецкорпусу, у которого все равно больше денег, чем он может истратить. А теперь оцените полученные взамен выгоды. Масса волнений для населения, увеличение тиражей газет, упражнения для засидевшихся блюстителей порядка — а это уже само по себе интересная история, так же, как и полевые маневры, доставившие огромное удовольствие всем участникам. Чем обижаться, им бы, наоборот, следовало выплатить нам гонорар за то, что мы сделали возможными все эти волнующие вещи.

Я зажег сигару и выпустил большое облако дыма.

— Не умничайте, вы, старый мошенник! Если бы я выдал вас и вашу новобрачную властям Каматы, вы и через шесть-семь лет были бы еще в тюрьме.

— На это мало шансов, Инскипп. У вас и так не хватает хороших полевых агентов. Мы вам нужны больше, чем вы нам, так что считайте эту накачку законченной и переходите к делу. Я уже понес наказание.— Я оторвал от пиджака пуговицу и бросил ее ему через стол.— Вот, срываем ордена и понижаем в звании. Я виновен. Следующее дело.

С последним явно симулированным рычанием он отправил документы в мусорную корзину и взял большую красную папку, которая угрожающе загудела, как только он прикоснулся к ней. Отпечаток его большого пальца обезвредил взрыватель прибора безопасности, и папка раскрылась.

— Здесь у меня имеется совершенно секретное, особо важное задание.

— Разве мне доставались какие-нибудь другие?

— Оно также исключительно опасное.

— Инскипп, вы тайне завидуете моей красивой внешности и желаете моей смерти. Бросьте, Инскипп! Кончайте спарринг и дайте мне узнать, в чем дело. Мы с Ангелиной управимся с ним лучше, чем все остальные наши агенты — престарелые и слабоумные.

— Это работа для вас одного. Ангелина... Ну, это... — Лицо его покраснело, и он принялся внимательно изучать досье.

— Вот это да! — воскликнул я. — Инскипп, убийца, головорез, грозный начальник, тайная власть в сегодняшней Галактике, и он не может произнести слово беременна! А как насчет младенца! Погодите-ка, секс, вот в чем дело! Вы краснеете при мысли о нем. Ну-ка, быстро скажите слово секс три раза. Это пойдет вам на пользу...

— Заткнитесь, ди Гриз! — рявкнул он. — По крайней мере, вы хоть женились наконец на ней. Это свидетельствует, что в нашей гнилой сущности есть еще капля честности. Она останется. Вы сами отправитесь на это задание, оно для одного человека. Вероятно, оставите ее вдовой.

— Она ужасно выглядит в черном, так что вам не удастся так легко отделаться от меня. Говорите.

— Поглядите-ка на это, — сказал он, вынимая из папки катушку с пленкой и вставляя ее в прорезь стола. С потолка упал экран, и в помещении потемнело. Начался фильм.

Камера была ручная, цвет временами пропадал, и вообще фильм был снят крайне непрофессионально. Но это был самый лучший любительский фильм, какой я когда-либо видел. В аутентичности его не могло быть никаких сомнений. Кто-то вел войну.

Был солнечный день. На небе — белые пуфики облаков на голубом фоне. А среди них черные кляксы противоздушного огня. Но огонь не был массированным, и его было недостаточно, чтобы помешать приземлиться низко летящим десантным судам. Это был средних размеров космопорт со зданиями на заднем плане и несколькими грузовыми кораблями поблизости. Над ним ревели другие воздушные суда, а взры-

вы бомб достигали небес. А рвались они на том, что должно было быть оборонительными позициями. До меня только сейчас дошла невозможность того, что происходило.

— Это же космические корабли! — пробудькал я. — И космические транспортные суда. Неужели существует тупоголовое правительство, настолько глупое, чтобы думать, будто оно может преуспеть в межпланетной войне? Что случилось после того, как они проиграли? И как это затрагивает меня?

Фильм кончился, и свет зажегся снова. Инскипп сплел пальцы рук, лежащих на столе, и злобно посмотрел сквозь них.

— К вашему сведению, мистер Всезнайка, это вторжение было успешным, так же, как и другие до него. Этот фильм был снят контрабандистом, одним из наших последних осведомителей — его корабль оказался достаточно быстрым, чтобы смыться во время боя.

Это заставило меня заткнуться. Я глубоко затянулся сигарой, обдумывая то малое, что я знал о межпланетных военных действиях. Малое потому, что такие вещи просто-напросто не удавались. Разве что когда местные условия были очень уж подходящими. Ну, скажем, солнечная система с двумя обитаемыми планетами. Если одна планета отсталая, а другая — промышленно развитая, то на примитивную можно успешно вторгнуться. Однако этого нельзя сделать, если те выставят хоть какую-то постоянную оборону. К тому же взаимосвязь пространства и времени делает такого рода военные действия попросту непрактичными. Когда каждого солдата, оружие и паек приходится поднимать из гравитационного колодца планеты и перевозить через космос, расход энергии становится чудовищным, спрос на транспорт — невозможным, а стоимость — невероятной. Если к тому же агрессор сталкивается при высадке с решительным противодействием, вторжение попросту становится невозможным. И это внутри солнечной системы, где планеты, по галактическим масштабам, практически соприкасаются. Мысль о военных действиях между планетами различных звездных систем еще более невероятна. Однако то, что я видел, еще раз доказывало, что нет ничего невозможного принципиально, если люди захотят взяться за это достаточно энергично. А такие вещи, как насилие, война и кровопролитие, все еще имеют страшную привлекательность для таящегося насильственного потенциала человечества, несмотря на длительный период мира и стабильности. У меня возникла мысль, внезапная и угнетающая.

— Вы говорите, что было совершено успешное межпланетное вторжение? — спросил я.

— Больше, чем одно. — Когда он это говорил, на его лице появилась недобрая улыбка.

— А вы и Лига хотите видеть эту практику прекращения?

— Прямо в точку, Джим, мой мальчик.

— А я — тот сосунок, которого выбрали для этого поручения?

Он протянул руку, взял сигару из моих пальцев и бросил ее в пепельницу, а затем торжественно пожал мне руку.

— Это твоя задача. Ступай туда и победи! — В такие минуты шеф предпочитал обращаться ко мне на «ты».

Я вырвал руку из его предательского пожатия, вытер пальцы о штанину и снова ухватил свою сигару.

— Я уверен, что вы позаботитесь о том, чтобы мне были обеспечены самые лучшие похороны, какие только может позволить себе Корпус. А теперь не соблаговолите ли вы выжать из себя несколько деталей, или вы предпочитаете заявлять мне глаза и выстрелить мной в односторонней грузовой ракете?

— Спокойствие, мой мальчик, спокойствие. Ситуация представляется совершенно ясной. Об этом мало говорилось в средствах массовой информации из-за окружавшей эти вторжения определенной политической смутности, плюс жесткой цензуры рассматриваемых планет. Согласно нашей реконструкции — очень хорошие люди погибли, добывая эту информацию, — ответственность за это несет планета Клизанд, третья планета в системе Эпсилон Индейца. Вокруг этого солнца вращаются по своим орбитам около двух десятков планет, но только три из них пригодны для обитания. И обитаемы. Клизанд прибрал к рукам две братские планеты несколько лет назад, но мы не сочли нужным бить тревогу. По-настоящему мы встревожились, когда стало фактом, что они увеличили размах: междоусобицы и завоевания, считавшиеся до этого невозможными. Они завоевали еще пять планет в близлежащих системах и, кажется, подумывают о большем и лучше. Мы не знаем, как они это делают. Но они, кажется, научились это делать. У нас есть агенты на завоеванных планетах, но они узнали очень мало ценного. Было принято решение — заверю тебя, на самом высоком уровне: ты встал бы и отдал честь, если бы я назвал тебе имена некоторых участвующих в этом людей, — что мы должны отправить человека на Клизанд докопаться до корней проблемы в стог сена и разрубить гордиев узел.

— Я думаю, что эта идея самоубийственна, даже если не принимать во внимание содержащуюся в ней смешанную и отвратительную метафору. Вместо этого мы могли бы...

— Ты отправишься. От этого тебе никак не открутиться, Скользкий Джим.

Я все же попытался. Но ничего не вышло. Мне дали копию всех имеющихся материалов, запись языка на кору головного мозга и отмычку к скоростному кораблю-разведчику, который должен был доставить меня туда, куда нужно. Мрачный вернулся я в нашу квартиру, где Ангелина, устав заниматься своими волосами, метала нож в установленную у противоположной стены мишень размером с голову. Даже нижним броском после быстрого выхватывания клинка из ножен она безошибочно поражала черное пятно любого глаза.

— Дай я повешу фото Инскиппа,— предложил я.— Оно будет более интересной мишенью для тебя: все же какое-то удовлетворение ты получишь.

— Этот злой старик посылает моего мужа на задание?

— Этот старый грязный козел добивается, чтобы меня убили. Задание настолько секретное, что я не могу рассказать о нем ни одной живой душе, особенно тебе. Так что вот документы, прочти их сама.

Пока она была занята этим, я сунул запись клизандского языка в штамп-машину. Такая машина переписывает материал прямо на кору головного мозга без скучного и отнимающего много времени учебного процесса. Первая сессия займет примерно полчаса, после чего последует дюжина подкрепляющих сессий. К концу я заговорю на этом языке, заработав дополнительно адскую головную боль от этого электронного щупанья моих синапсов. Однако пока машина работала, обучающийся пребывал в полной бессознательности, а я именно этого жаждал в данный момент.

Я надвинул шлем на уши, устроился на кушетке и нажал кнопку. Прошло какое-то время, и Ангелина осторожно сняла с меня шлем и в тот же миг вручила мне пилюлю. Я проглотил ее и не открывал глаза, пока не утихла боль. Мягкие губы поцеловали меня.

— Они пытаются убить тебя, но ты им не позволишь. Ты посмеешь над ними и победишь, а в один прекрасный день займешь место Инскиппа.

Я чуть приоткрыл глаз и увидел торжествующее выражение на ее лице.

— Явлюсь домой со щитом или на щите? Грудь в крестах или голова в кустах? Ты будешь беспокоиться обо мне?

— Все время. Но такова уж участь женщин. Я, разумеется, не могу стоять на пути твоей карьеры...

— Я и не знал о ней, пока ты мне только что не сообщила.

— ...и сделаю все, что смогу, чтобы помочь тебе.

— Ты не сможешь отправиться со мной по очень важной и выпирающей причине.

— Я это знаю. Но в душе я все время буду с тобой. Как ты собираешься высадиться на эту планету?

— Поднимусь на борт своего сверхшустрого корабля-исследователя, быстро минуя радарный экран, ворвусь в атмосферу и...

— И тебя распылят на атомы. Вот, почитай-ка этот рапорт. Его написал уцелевший с последнего корабля, попробовавшего такой подход.

Я прочел рапорт. Он производил крайне гнетущее впечатление. Я швырнул его обратно в кучу других.

— Предупреждению вял. Похоже, эта планета милитаризована до предела. Держу пари, у них даже домашние животные носят мундиры. Переть вот так, напролом, значит подходить к ним на их собственных условиях, конкурировать с ними в области, где они лучше всего организованы. А вот против

чего они не организованы, так это против маленького обмана, изящного воровства, гладкого подхода, прикрывающего хитрую атаку. Проскользнуть, проникнуть, действовать и искоренять.

— Мне это что-то начинает не нравиться, — нахмурилась моя любовь. — Ты позаботишься о себе, Джим? Я не думаю, что беспокойство пошло бы мне сейчас на пользу.

— Если ты желаешь беспокоиться, то беспокойся о судьбе этой несчастной планеты, на которую спустили Скользкого Джима: ее завоеваниям конец, можно считать, что с ними покончено.

Я звонко поцеловал ее и вышел; моя голова была высоко поднята, плечи расправлены, и я очень желал хоть на минуту, хоть на одну десятую секунды быть столь уверенным в себе, как разыгрывал. Задание будет очень тяжелым.

Мое планирование операции было детальным, приготовления — сложными, расходы — огромными. Я выжимал из Инскиппа не один визгливый крик боли из-за стоимости этой затеи и должным образом эти крики игнорировал, продолжая подготовку. В петле-то предстояло оказаться моей шее, а не его, и я ограждал все ставки, какие мог, чтобы гарантировать свое выживание. Но разработка даже самого совершенного плана в конечном итоге приходит к завершению, последние детали утрясаются, отдаются финальные команды. И барашка ведут на бой. База! И вот я, явившийся нагим в этот мир, сижу в баре межсистемного лайнера «Кзинеттава»; передо мной стоит станкан со спиртным, в пальцах стиснута сигара. Объявление о том, что через час мы приземлимся на Клизанде, я слушал нагим — фигурально выражаясь, конечно. Потребовались сила воли и крепкая самодисциплина, чтобы заставить себя оставить дома все предметы незаконного характера. За всю свою жизнь я никогда этого не делал. Никаких минибомб, газовых капсул, пальцевых буравчиков, подслушивающих устройств. Ничего. Нет даже отмычки, которая всегда была закреплена на ногте большого пальца моей правой ноги. Или... Я скрипнул зубами, подумав об этом, и посмотрел по сторонам. Сидящие за столами с решительным видом налегали на не облагаемое налогами спиртное, и никто не смотрел на меня. Вытащив бумажник, я коснулся его верхнего шва. И ощутил некоторую жесткость.

Память — вещь обоюдоострая: она и открывает и затуманивает. Мое собственное подсознание боролось против меня. Только мой разум испытывал какой-то энтузиазм относительно высадки на Клизанде без каких-либо незаконных предметов. Я сильно сжал бумажник определенным образом, и крошечная, но невероятно прочная отмычка упала на мою ладонь. Произведение искусства. Я повосхищался ею, а затем поднял свой стакан в знак прощания. По пути назад в свою каюту я бросил ее в мусоросборник. Она полетит дальше вместе с кораблем, в то время как я высажусь на этой исключительно негостеприимной планете. Все доклады и опросы показывали, что на Клизанде живут самые придирчивые таможенники

во всей вселенной. Контрабанду попросту нельзя было провезти туда. Поэтому я и не пытался. Я был всего лишь тем, кем я был на вид. Коммивояжером, представителем фирмы «Фанциолетта-Мушуар Лимитед», производящей самое убийственное оружие. Фирма существовала, и я был ее представителем, и никакое самое тщательное расследование не могло доказать обратное. Пусть попробуют!

Они попробовали. Высадка на Клизанд смахивала на оформление в тюрьму. Я и кучка других сошедших скатились по трапу в серое помещение зловещего вида. Мы сбились в кучку под оком бдительных и основательно вооруженных охранников и стали ждать.

Привезли наш багаж и свалили поблизости. Ничего не происходило, пока трап не был убран и корабль не отбыл. И тогда нас начали вызывать по одному. Я оказался не первым и был рад этой возможности изучить местные типажи. Все они были безразличны к нам — топали сапогами, перебирали свое оружие, держа подбородки высоко поднятыми. У них у всех мундиры были одного цвета, который на первый взгляд — и ошибочно — можно было принять за очень невоенный оттенок карминового, пурпурно-красного. Но я очень быстро сообразил, что это был почти точный цвет крови, полуартериальной — голубой, полувенозной — розовой. Достаточно мерзкий цвет, и было трудно удержаться от того, чтобы периодически на него не поглядывать. Все охранники были здоровенными парнями с выпирающими челюстями и свинячьими глазами. На них были шлемы из черного фибергласа со зловещими черными забралами и прозрачными лицевыми щитками, которые могли опускаться и подниматься. Каждый имел при себе гауссовку — многоцелевое и особо смертоносное оружие. Его мощные батареи накапливали впечатляющий заряд. Когда нажимали на спуск, в стволе генерировалось сильное магнитное поле, разгоняющее снаряд до скорости, не уступающей скорости снаряда любого другого оружия с реактивными патронами. Но гауссовка имела то превосходство, что обладала более высокой скорострельностью, была абсолютно бесшумной и стреляла любыми снарядами, от отравленных иглодок до разрывных пуль. Корпус получал рапорты об этом оружии, но мы никогда не видели ни одного образца. Я запланировал как можно скорее исправить эту ошибку.

— Пас Ратунков! — крикнул кто-то, и я шевельнулся, оживая, так как вспомнил, что так зовут меня по легенде. Я замялся, колеблясь, и один из охранников, топая и чеканя шаг, подошел ко мне. Уверен, что он приделал к каблукам металлические набойки для увеличения милитаристического эффекта. Я поймал себя на том, что жду, когда сам получу пару таких сапог. Клизанд начинал мне нравиться.

— Вы — Пас Ратунков?

— Он самый, сэр, к вашим услугам, — ответил я на его родном языке, предусмотрительно сохраняя иностранный акцент.

— Заберите свой багаж. Идите за мной.

Он развернулся, а я имел безрассудство окликнуть его.

— Но, сэр, чемоданы слишком тяжелы, чтобы унести их все сразу.

На этот раз он пронзил меня холодным взглядом, не предвещающим ничего хорошего, и с намеком поправил свое оружие — гауссовку.

— Тележка,— буркнул он наконец и ткнул пальцем в противоположный конец тюремного двора.

Я покорно пошел за тележкой. Это была моторизованная тележка-платформа, катившаяся на маленьких колесах. Я быстро погрузил на нее свои чемоданы и поискал взглядом своего гида. Он стоял у открытой двери, а палец его теперь был даже ближе к спусковому крючку, чем раньше. Электромотор завыл на высшей скорости, и я галопом понесся за этой штукой к двери. Началась проверка. Как легко это сказать. Звучит так же просто, как: «Я бросил атомную бомбу, и она жакнула». Это была самая детальная и самая тщательная проверка, какие я когда-либо проходил, и я был счастлив, что первым нашел ту самую отмычку. В антисептической комнате с белыми стенами ждало десять человек. Шестеро взялись за мой багаж, в то время как оставшаяся четверка взялась за меня. Первое, что оно сделали, это оставили меня в чем мать родила и бросили под флюороскоп. Спустя несколько секунд они уже совещались над крупным снимком пломб в моих зубах. Было единогласно решено, что одна из них подозрительно велика и имеет несколько необычную форму. Появился набор зубо врачебных инструментов зловещего вида, и они в миг единый эту пломбу извлекли. Покуда зуб снова заполняли цементом — отдам им должное, весьма квалифицированно, — старую пломбу долбанули спектроскопом. Они не выглядели ни разочарованными, ни ликующими, когда оказалось, что это обычный металлический сплав, используемый дантистами. Обыск продолжался. Пока они зондировали мою нежную-розовую личность, один из инквизиторов произвел пачку документов. Большая часть их представляла психграммы, отправленные после моего заявления относительно высадки. Они связались с фирмой «Фанциолетто-Мушуар Лимитед», моими работодателями,* и получили все подробности, касающиеся моей работы. Хорошо, что все это было законным. Я правильно ответил на все вопросы, вставив неуместные звуки только дважды, когда физическое изучение касалось чувствительных мест. Эта часть проверки, похоже, прошла хорошо: по крайней мере, досье было закрыто и отложено в сторону. Пока все это происходило, я мельком прослеживал судьбу своих чемоданов. Они пострадали больше, чем я. Каждый из них был открыт и опустошен, их содержимое разложили по белым столам, а чемоданы затем были методично разъяты на куски. На очень маленькие куски. Швы были распороты, замки сняты, ручки рассечены. Полученный в результате этого хлам был разложен в пластиковые мешки, снабжен ярлыками и оставлен на хранение. Несом-

ненно, для последующей более тщательной проверки. Мою одежду осмотрели довольно поверхностно, а затем отложили в сторону. Я скоро выяснил, почему: просто я не увижу ее вновь, пока не покину планету.

— Вам будет выдана хорошая клизандская одежда,— объявил один из моих инквизиторов.— Носить ее — одно удовольствие.

Я в этом очень сильно сомневался, но предпочел хранить молчание.

— Это религиозный символ? — спросил другой, державший кончиками пальцев вытянутой руки фотографию.

— Это фото моей жены.

— Разрешаются только религиозные символы.

— Она для меня все равно, что ангел.

Они немного поломали над этим головы, а затем неохотно разрешили мне иметь снимок. Не то, чтобы мне разрешили иметь при себе столь опасную вещь, как оригинал. Нет, его поспешно унесли и вскоре вернули мне фотокопию. Мне показалось, что на ней Ангелина хмурилась. Впрочем, скорее всего это было лишь мое воображение.

— Все ваши личные вещи, удостоверение и так далее будут возвращены вам перед отбытием,— холодно уведомили меня.— Во время своего пребывания на Клизанде вы будете носить местную одежду и соблюдать местные обычаи. Вот ваши личные принадлежности... Вот ваше удостоверение личности.

Я схватил его, радуясь тому, что мне гарантировано существование, все еще нагой и начинающий замерзать.

— Что находится в этом запертом чемодане? — крикнул один из проверяющих, и голос его зазвенел, как лай гончей, напавшей на след. В нем звучала надежда. Все остальные прекратили работу и окружили меня, когда мне протянули для проверки инкриминируемый чемодан. Выражения их лиц указывали, что любой данный мной ответ будет признанием в преступлении, а за сим последует смертная казнь.

Я позволил себе раболепно закатить глаза.

— Господа, я не сделал ничего плохого... — заныл я.

— Что в нем?

— В нем оружие.

Раздались приглушенные возгласы, а один из них принял что-то искать взглядом — наверное, пистолет, чтобы казнить меня на месте. Я продолжал, заикаясь:

— Но, господа, вы должны понять... Именно по этой причине я и прилетел на вашу замечательную планету. Моя фирма «Фанциолетто-Мушуар Лимитед» — старый и многоуважаемый производитель оружия. Мы специализируемся в области военной электроники. Это образцы. Некоторые — крайне чувствительны. Открывать можно только в присутствии специалиста по вооружению.

— Я специалист по вооружению,— заявил, шагнув вперед, один из моих мучителей.

Я еще раньше заметил его, обратив внимание на лысую голову и злое шрам, стянувший глаз в вечном подмигивании.

— Рад с вами познакомиться, сэр. Я — Пас Ратунков.

Мое имя не произвело на него впечатления, и он не назвал своего.

— Если мне можно будет получить мое колечко с ключами, я открою этот чемодан и продемонстрирую вам его содержимое.

Они развернули видеомонитор, чтобы записывать ожидаемую информацию, прежде чем разрешили мне приступить. Я отпер крышку и откинул ее. Специалист по вооружению прошелся пылающим взглядом по лежащим внутри в мягких гнездах образцам. Я пустился в объяснения.

— Моя фирма — создатель и единственный производитель мины с механизмом памяти и взрывателя близости. И нет в мире мины столь компактной, как наша, и столь многоцелевой.

Чтобы вытянуть взрыватель из гнезда, я воспользовался пинцетом. Взрыватель был не более булавочной головки.

— Это самый миниатюрный взрыватель, предназначенный для применения в небольшом оружии типа пистолета. Выстрел активирует взрыватель, который затем детонирует заряд в пуле, когда та приблизится к мишени на заданное расстояние. А вот это — взрыватель другого типа, предназначенный для более тяжелого оружия, скажем, для ракет.

Они нетерпеливо подались вперед, когда я вытащил облатку Пам-IV и принялся расписывать ее исключительные достоинства.

— Эта конструкция способна сопротивляться невероятным нагрузкам в тысячи «же», мощным ударам. Она может быть запрограммирована заранее на любую специфическую цель и тогда детонирует лишь при приближении этого объекта. Модель содержит селективные цели, которые предотвращают взрыв при приближении дружественных объектов. Она по-настоящему уникальна.

Я осторожно положил взрыватель обратно и опустил крышку чемодана. По рядам зрителей прокатился счастливый вздох. Это было именно то, что им в самом деле нравилось. Специалист по вооружению взял чемодан.

— Он будет возвращен вам, когда его понадобится продемонстрировать.

Проверка без былого энтузиазма плелась к концу. Взрыватели были кульминацией обыска: ничто другое не могло сравниться с этим. Они немного поразвлекались, выжимая тубики и опустошая банки в моем выборе предметов туалета, но и это они делали без души. Устав от всего этого, они все свалили в кучу и швырнули мне новую одежду.

— Четыре с половиной минуты на одевание, — сказал инспектор на выходе. — Принести чемоданы.

В любом случае моя одежда не была тем, что можно было

счесть чем-то супермодным. Нижнее белье и все такое прочее было скучного серого цвета. Сделано это было из материала по виду и на ощупь воспринимавшегося, как смесь отходов, мусора и наждачной бумаги. Я вздохнул и натянул все это на себя. Верхнее одеяние было похоже на комбинезон и придавало мне вид гигантского мутанта осы из-за широких поперечных черно-желтых полос. Ну что ж, если хорошо одетые клизандцы носят такие наряды, то и я буду это носить. Впрочем, не скажу, чтобы у меня был большой выбор. Я взял два чемодана с острыми ручками, врезавшимися мне в ладони, и вышел через единственную открытую дверь.

— Машина, — произнес стоявший снаружи охранник, ука-
зывая на стоявший поблизости экипаж с прозрачным вер-
хом без шофера.

— Я буду рад воспользоваться машиной, — кивнул я с улыб-
кой. — Но куда мне ехать?

— Машина знает. Залезайте.

Да, здесь обитали не самые остроумные собеседники в галактике. Я бросил в машину свои чемоданы и сел. Дверца, засопев, закрылась, загорелся ряд огоньков на роботе-водителе. Мы тронулись вперед, и тяжелые ворота распахнулись перед нами. И еще одни, и еще, каждые достаточно толстые, чтобы замуровать подвал банка. Миновав последние ворота, мы вылетели на открытое пространство, и я зажмурился от удара солнечного света. С превеликим интересом смотрел я на пролетающий мимо пейзаж. Клизанд, если этот безымянный город был его образцом, являлся модернизированным, механизированным и деловым миром. Шоссе заполняли грузовики и легковые автомобили, все явно управляемые роботами — очень уж четко они соблюдали дистанцию, двигаясь с весьма впечатляющей скоростью. Пешеходные дорожки имелись по обеим сторонам и пересекали улицы над головой. Мелькали магазины, вывески, люди, мундиры. Мундиры! Это короткое слово не может охарактеризовать окружавшее меня медализированное и многоцветное великолепие. Все носили мундиры разных цветов, которые, должно быть, обозначали войска и службы разного рода. Но среди них не было ни одного в желто-черную полоску. Еще одно препятствие, поставленное на моем пути, но я выбросил это из головы. Когда ты тонешь, разве тебя взволнует, если тебе на голову выльют еще одну чайную ложку воды? В этом деле ничто не обещало быть легким. Моя машина вырвалась из стремительного уличного потока, нырнула в туннельный вход и остановилась перед весьма изящно разукрашенной дверью. Над входом было начертано золотыми буквами: «ЗЛАТО-ЗЛАТО», что по-клизандски может быть прочитано как «ЛЮКС». Это была приятная неожиданность. Представительный швейцар в позументах и золоте кинулся открывать дверцу, но тут же замер и скривил губы, увидев мою одежду. Он отпустил ручку двери и ушел, громко топая, а его место занял некий индивид с бычьей шеей в темно-сером мундире. На обоих плечах у него были маленькие серебряные знаки различия:

скрещенный нож и боевой топор. А пуговицами служили се-ребряные черепа. Не очень ободряющий вид.

— Я Паков,— гроыхнула эта давящая на психику фигура,— ваш телохранитель.

— Рад с вами познакомиться, сэр, очень рад.

Я вылез из машины и, неся, следует заметить, сам свои чемоданы, последовал за мрачной спиной моего сторожевого пса в кулуары отеля — именно отелем и оказалось это здание. Мое удостоверение было принято с максимальной невежливостью, мне неохотно выделили номер, а потом принудили явно не симпатизировавшего мне боя показать мне дорогу. Мы пошли. Мой статус теоретически уважаемого инопланетного торгового представителя давал мне доступ в первый класс, но это не значило, что мне там должно было понравиться. Моя осная раскраска клеймила меня как чужака, и именно за чужака они собирались держать меня. Покои были роскошными, кровать — мягкой, «клопы» присутствовали в изобилии. Звуковые и оптические, они были встроены не только в каждый осветительный прибор, но и в арматуру. Каждая вторая выпуклость на изобилующей таковыми мебели была микрофоном, а камеры включались, следя за мной своим глазами-бусинками, когда я передвигался. Когда я зашел в ванную побриться, оптический глаз смотрел на меня сквозь слегка посеребренную поверхность зеркала, и еще один оптический наблюдатель был вмонтирован на конце моей зубной щетки — несомненно, чтобы следить за секретными устройствами, таящимися в моих коренных зубах. Все очень эффектно. По их мнению. Но меня это заставило рассмеяться. Правда, я постарался превратить смех в фырканье, чтобы мой терпеливый телохранитель ничего не заподозрил. Он шлепал за мной, куда бы я ни пошел в этих просторных апартаментах. Я не сомневался, что он будет спать в моей постели у меня в ногах, когда я отправлюсь на боковую. Ну, им все это мало поможет! Любовь смеется над технарями, равно как и Джим ди Гриз, который наверняка много знает, если вы извините мне кажущуюся нескромность, о подобной публике. Это был случай массивного перебора. Да, тут было множество «клопов», но что же вы будете делать со всей этой информацией? Компьютерные системы будут совершенно бесполезны в ситуации с наблюдениями вроде этого. А это означает, что огромный штат человеческих существ будет следить, записывать, анализировать. Есть предел числу людей, которым можно поручить такого рода работу, потому что с увеличением их неминуемо приходишь к геометрической прогрессии со сторожами, сторожащими сторожей и так далее, пока никто не будет заниматься ничем иным, кроме этого. Я был уверен, что за мной будет постоянно следить большой штат: иностранцы здесь достаточно редки, как не насладиться предоставившимся случаем. «Клопами» будут кишеть не только мои покои, но и улицы, по которым я буду обычно проходить, здания, в которых я буду бывать, машины и тому подобное. Но весь город нельзя клопи-

зировать, да и не было причин делать этого. Все, что должен был делать я, это какое-то время играть свою роль послушного коммивояжера — до тех пор, пока не найду возможности покинуть «клопизированные» районы. И сварганить план, который позволит мне полностью исчезнуть, коль скоро я вырвусь из поля зрения наблюдателей. У меня будет только один шанс на это. Составленный план, каким бы он ни был, должен сработать с первого раза, или же я стану очень мертвой крысой. Чтобы я ни делал, Паков всегда был тут как тут и следил за каждым моим движением. Он следил за мной, когда я отправлялся спать, а утром, когда я просыпался, взгляд этих маленьких твердых глаз был первым, что я видел. Паков будет устранен первым, но до тех пор его постоянное присутствие расслабляюще действует на тех, кто за мной следит. И пусть они расслабляются. И я тоже старался выглядеть расслабившимся, хотя таковым не был. Я старательно изучал город, выискивая ту крысиную нору, которая была мне нужна. На третий день я нашел ее. Это была одна из многих возможностей, рассмотренных мной, но она показалась мне наилучшей. Я составил соответствующий план и в ту ночь позволил себе улыбнуться в темноте, отходя ко сну. Я уверен, что улыбка эта была замечена инфракрасными камерами, но что можно прочесть по улыбке? Четвертый день начался как и все предыдущие — с поданного в номер завтрака.

— Ого, а я сегодня что-то голоден, — сказал я сердито глядевшему на меня Пакову. — Возможно, это веселое настроение, свойственное вашей планете, так на меня действует. Знаете, я охотно съел бы еще что-нибудь.

И съел. Второй завтрак. Поскольку не знал, когда мне в следующий раз удастся перекусить. Вот я и решил заправиться как можно лучше. Последовала стандартная рутина. Мы вышли из отеля в назначенный час, и нас уже ждал автомобиль с роботом-водителем. Автомобиль сразу же поехал по обычному маршруту в военное министерство, где я недавно демонстрировал достоинства взрывателей фирмы «Фанциолетто-Мушур Лимитед». Было уничтожено немало мишеней в различных условиях. Все это было неплохим развлечением. Сегодня предстояло это дело продолжить. Мы выехали из туннеля на главную магистраль, некоторое время ехали по ней, а потом свернули на боковую улицу, которая вела к нашей цели. Уличное движение здесь было малоинтенсивным — как всегда, — и не было видно пешеходов. Превосходно. Мелькала улица за улицей, я чувствовал, как затягивается знакомый узел напряжения. Все или ничего, Скользящий Джим, вот мы и начали...

— Ап-чи! — Я надеялся, что это прозвучало достаточно реалистично. Я потянулся за носовым платком. Паков подозрительно взглянул на меня и подобрался.

— В нос попало немножко пыли, знаете, как это бывает, — объяснил я. — Скажите, вот там, это не уважаемый ли генерал Тробгар? — Я указал своей свободной рукой.

Паков был очень хорошо обучен, его глаза лишь на мгновение стрельнули в сторону и тут же вернулись ко мне. Но это мгновение и было тем, что мне требовалось. В носовом платке у меня был завязан столбик монет, единственное оружие, которым я мог обзавестись под бдящим оком властей. Я собрал его, монету за монетой, ночью под одеялом. Моя правая рука, взмахнув твердым столбиком, ударила по короткой дуге, кончавшейся на скуле Пакова. Он обмяк с приглушенным стоном. Он еще падал, когда я подал сигнал аварийной остановки, перегнувшись через сиденье машины и ударив по нужной кнопке. Мотор заглох, тормоза сработали, и мы с визгом остановились. Не далее чем в дюжине шагов от избранного мною места. В яблочко. В тот же миг я выскочил и побежал. На пульте контроля уже наверняка пылал сигнал тревоги — в машине была масса всевидящих глаз. Силы врага были пущены в ход в тот же миг, что и мои. Все, чем я располагал, это секунды, может быть минута свободы, прежде чем налетят солдаты и схватят меня. Хватит ли времени? Опустив голову, я на всех парах нырнул в узкий проход служебной улицы, который тянулся позади ряда зданий и выходил на другую улицу. Здесь работали роботы, грузившие бачки с мусором, но они игнорировали бегущего человека, то бишь меня, поскольку были они простейшего типа М, не запрограммированные ни для чего, кроме такой работы.

А вот погонщик роботов — другое дело. Он был человек и держал электронный хлыст, который применялся для того, чтобы роботы пошевеливались. Хлыст щелкнул, обвинившись вокруг моего тела, и от удара тока у меня зашекотало в боку. Удар был, мягко говоря, шокowym, но в тот момент я едва почувствовал его. Напряжение было не слишком высоким, потому что хлыст предназначался для взбадривания роботов, а не для того, чтобы варить вкрутую их мозговые цепи. Я ухватился за хлыст в тот момент, когда он ударил, и с силой рванул его на себя. Все это, разумеется, происходило в полном соответствии с планом. Я видел этого погонщика роботов и его бригаду каждый день в этом самом месте, когда мы проезжали мимо: Клизанд любил свою рутину. Можно было смело рассчитывать, что погонщик роботов, индивид бандитского вида с толстой шеей и узким лбом, бросится на перехват, видя бегущего чужака, и он поступил именно так, как я надеялся. Рванув на себя хлыст, я заставил его потерять равновесие, и он с открытым ртом качнулся ко мне, а я нанес ему артистический удар по этой отвисшей челюсти. Удар попал в цель. Он мотнул головой, прохрипел что-то и бросился на меня, вытянув руки, готовые давить и рвать. Это было не по плану. Ему полагалось сразу же упасть, чтобы я мог быстренько проделать остальную работу, прежде чем прискачет кавалерия. Откуда я мог знать, что у него не только нет мозгов, но и конституция совсем другая. Я шагнул в сторону, его пальцы схватили воздух, а меня бросило в пот. Время шло, а его-то у меня и не было. Я должен был привести эту тушу в бессознатель-

ное состояние наибо́льшим спосо́бом. Что я и сде́лал. Вы́бранный спосо́б не был изя́щным, но срабо́тал. Я подста́вил ему но́гу, ко́гда он бро́сился на ме́ня, в пото́м вско́чил ему на спину́ и долете́л на нем до земл́и, по возмо́жности уско́ряя его паде́ние. Ухва́тив проти́вника за во́лосы, я замо́лотил его голо́вой по мосто́вой. Потребовало́сь три до́брых уда́ра — я боя́лся, что доро́жное по́крытие раско́лется ра́ньше, чем его ба́шка, — что́бы погонщи́к кря́кнул и рассла́бился. Вда́ли за́выла сире́на. Я вспоте́л си́льнее. Безразли́чные к де́лам лю́дей робо́ты грузи́ли мусо́р. Погонщи́к был одет в те́мно-зе́леный мунди́р, не́сомненно симво́лизи́рующий его реме́сло. Он застегива́лся на еди́нственную мо́лнию, ко́торую я рассте́гнул. А за́тем я нача́л тру́диться над сня́тием оде́жды с его о́бъемисто́й, непо́датли́вой ту́ши. Сире́ны вы́ли все бли́же. В по́следний мо́мент возни́кла не́предви́денная заде́ржка: мне при́шлось срыва́ть с него сапо́ги, та́к как ина́че я не мо́г сня́ть ша́нты. И заде́ржка э́та ни́чего хоро́шего мне не су́лила. Э́хо сире́ны гу́лко отска́кивало от сте́н служе́бной у́лицы, где-то по́близости э́ффектно за́визжали́ тормо́за. С те́м, что во́лне мо́жет бы́ть назва́но лихо́радо́чной спе́шкой, я на́тянул мунди́р по́верх со́бственного о́снóного оде́яния и застегну́л мо́лнию. За́тем схвати́л хлы́ст и тресну́л бли́жайшего робо́та по ша́рикоподшипни́ку.

— Су́нь э́того че́ловека в ба́чок! — ско́мандовал я и отсту́пил, ко́гда он схвати́л сво́его бывше́го хозя́ина.

Но́ги надсмори́щика то́лько-то́лько исче́зли из ви́да, ко́гда в по́ле зре́ния вле́тел пе́рвый солда́т в крас́ном мунди́ре.

— Чу́жак! — кря́кнул я и махну́л хлы́стом в сто́рону дру́гого ко́нца у́лицы. — Побе́жал ту́да! Умча́лся та́к бы́стро, что́ я не смо́г его остано́вить.

Солда́ты то́же помча́лись о́чень бы́стро, и э́то было́ хоро́шо, по́скольку па́ра сапо́г ле́жала пра́мо на ви́ду. Я бро́сил их в ба́чок всле́д за вла́дельце́м и ше́лкнул хлы́стом пе́ред сво́ей полу́дожи́ной робо́тов.

— На сле́дующий уча́сток! — при́казал я. — Ша́гом ма́рш!

Я наде́ялся, что они за́программи́рованы на регу́лярный ма́ршрут. Та́к оно́ и было́. Робо́т-грузови́к дви́гался впе́реди, а оста́льные це́почкой шли́ за ним. Я ше́ствовал по́зади с хлы́стом наго́тове. И во́т на́ша ма́ленькая проце́ссия вы́шла на за́битую солда́тами и по́лицейскими у́лицу. Бронема́шины ла́вировали́ сре́ди нас, водители́ громко руга́лись. Мо́й отря́д ве́рных робо́тов дви́гался пря́ми́ком че́рез всю э́ту сумя́тицу, в то́ время ка́к я с парази́зованной улы́бкой на губа́х тру́сил за ни́ми сле́дом. Я боя́лся, что е́сли сейча́с по́пытаю́сь ка́к-то́ изме́нить при́каз, мо́я меха́ническая бри́гада устро́ит сидя́чую забасто́вку пра́мо посре́ди у́лицы. Мы про́шли по́зади поки́нутой мно́й ма́шины ка́к раз в то́т мо́мент, ко́гда мо́ему ста́рому́ прия́телю по́могали́ выбра́ться из не́е. Я по́верну́лся к не́му спи́ной, ста́раясь игно́рировать кра́дущийся по́ спине́ холо́док. Е́сли он ме́ня узна́ет... Пе́рвый робо́т дости́г сле́дующе́й служе́бной у́лицы. Мне по́казало́сь, что́ я пле́лся за сво́ей ко́мандой ми́нимум два́ дня, пока́ я дости́г э́того о́тносительно́ безо́пасного при́бе-

жища. День был прохладный, но я обливался потом. Я привалился к стене передохнуть, пока мои роботы опустошали бачки. На столь недавно покинутой нами улице появлялись все новые и новые машины, а над моей головой гремели реактивные двигатели. Да, они определенно скучали по мне. Что дальше? Хороший вопрос. Не приходится сомневаться, что очень скоро, не найдя никаких следов беглеца, кто-нибудь из этой публики вспомнит единственного свидетеля его побега. И они захотят снова поговорить с погонщиком роботов. И прежде, чем этот момент наступит, я должен быть где-то в другом месте. Но где? Активы мои были очень ограничены: коллекция роботов-мусорщиков, которые в данный момент, трудолюбиво, лязгая, занимались своей работой, два мундира — один поверх другого, причем каждый из них делал меня меченым, — и электронный хлыст. Хлыст, годный только для роботов, так как генерируемого им слабого тока было достаточно лишь для того, чтобы замкнуть реле, отменяющее предыдущий приказ. Что делать? — За моей спиной раздалось скрежетание. Я отпрыгнул в сторону. Распахнулась ржавая железная дверь, и наружу высунул голову толстяк в белом колпаке.

— У меня здесь есть еще один бак для тебя, Слободан, — сказал он, а затем подозрительно посмотрел на меня. — Ты не Слободан!

— Вы правы. Слободан — это кто-то другой. И он где-то в другом месте. В больнице, удаляет грыжу. Вот меня сюда и поставили.

Не плывет ли удобный случай прямо мне в руки? Я говорил быстро, а думал еще быстрее. На недавно пересеченной мною улице беготня продолжалась, но сюда, в служебный проход, никто не заглядывал. Я щелкнул хлыстом по коробке передач ближайшего робота и подозвал его.

— Следуй за этим человеком, — приказал я, хлыстом указывая направление.

Белый колпак нырнул внутрь, робот последовал за ним, а я последовал за роботом. В кухню. В большую, явно ресторанную кухню. И там больше никого не было.

— Когда вы открываетесь? — спросил я. — У меня от этой работенки разыгрался еще тот аппетит.

— До вечера не откроемся... Эй! Прикажи этому роботу, чтобы он не таскался за мной. Пусть заберет отсюда мусор.

Повар, отступая, кружил по помещению, а робот верно топал на ним. Они составляли прекрасную пару.

— Робот, — скомандовал я, щелкнув хлыстом. — Не следуй больше за ним. Просто схвати его за руки так, чтобы он не мог убежать.

Электронные рефлексы робота действовали быстрее, чем у повара. Стальные руки сомкнулись, повар открыл рот, чтобы пожаловаться, и я заткнул его поварским колпаком. Повар сердито жевал его, приглушенно мыча, а я в это время привязывал его к стулу, используя прекрасный ассортимент полотенец. Надежно закрепив его, я позаботился о кляпе. И пока никто

другой не появлялся в поле моего зрения. Мне все еще везло.

— Выйди, — приказал я роботу. Снаружи остальные роботы продолжали работать быстро и усердно. Я размахивал хлыстом до тех пор, пока все они не затрепетали, ожидая нового приказа.

— Возвращайтесь. В то место, откуда вы явились сегодня утром. Ступайте.

Словно хорошо обученные солдаты, они повернулись и тронулись в путь. К счастью, не в направлении только что пересеченной улицы. Я нырнул обратно на кухню и запер дверь. На какое-то время я был в безопасности. Рано или поздно мои преследователи проследят меня до роботов-мусорщиков, но у них не будет ли малейшего представления, где и когда я покинул команду. Дела шли просто прекрасно. Пленный повар сумел опрокинуть стул и теперь полз, извиваясь, с этим стулом и всем прочим к выходу.

— Озорник! — попенял я его и взял со стойки большой тесак. Он сразу остановился и выпучил на меня глаза. Я положил нож и хлыст туда, где они были бы под рукой, и оглянулся. Да, на некоторое время я был в безопасности и мог заняться составлением плана. Пока все шло стремительно и с хорошей долей импровизации. Внезапно в отдалении раздался стук, а потом звонок.

Я вздохнул и снова взял нож. Стремительность и импровизация были девизом этой операции.

— Что это? — обратился я к повару, выдернув на минуту коллап из его рта.

— Передняя дверь, там кто-то звонит, — хрипло произнес он, не спуская глаз с ножа, который я держал у его горла.

Я вернул кляп на место, бочком прокрался к двери и приоткрыл ее настолько, чтобы можно было взглянуть на соседнее помещение. Зал ресторана был пуст и темен. Стук и звон доносились от входа на противоположной стороне. Никто не появился на эти шумные вызовы: видимо, повар и я были здесь наедине. Что ж, посмотрим, что все это значит. Держа нож наготове, я подошел к входной двери и, отодвинув засов, слегка приоткрыл ее.

— Что нужно? — спросил я, стараясь подражать рудиментарной грамматике и низкому голосу повара.

— Рефрижераторный сервис. Вы позвонили, что у вас нелады. Какого типа нелады?

— Нелады крупные! — Сердце мое подпрыгнуло от этой неожиданной радости. — Заходите и прихватите с собой самую большую сумку с инструментами, какая у вас есть.

Это была сумка очень приличных размеров. Когда он вошел, я закрыл за ним дверь, а затем, вежливо пропустив вперед, резко ударил по затылку тесаком, плашмя. Он мило сложился. Мундир его был утилитарного цвета хаки — явное улучшение по сравнению с осиным, белым и мусорным, которые ограничивали мой выбор до настоящего времени. Я торопливо раздел его и привязал к стулу рядом с поваром. Теперь они могли молча

соболезновать друг другу. В первый раз я опередил своих преследователей. При некоторой удаче пройдет несколько часов, прежде чем моих пленников обнаружат и свяжут это происшествие с моим побегом. Я надел мундир цвета хаки, приготовил изрядное количество бутербродов, взял сумку с инструментами, сделал ручкой под козырек своей форменной фуражки пленникам в кухне и выскочил за дверь. У двери стоял большой верховой робот, с его руки свисала вторая сумка с инструментами. Он тихо гудел про себя, а на его металлической груди был нарисован герб обслуживающей фирмы, украшавший теперь и мою грудь.

— Мы будем путешествовать с комфортом, — сказал я. — Возьми-ка это.

Я только-только успел убрать свои пальцы с его пути, когда он протянул руку за сумкой.

Во время своих стремительных поездок по городу я видел издаലെка множество таких верховых роботов, но никогда не приближался ни к одному. На спинах у них было приспособление вроде седла — на нем сидел оператор, — но я не имел ни малейшего представления, как на это сиденье попасть. Опустился ли он на колени, чтобы на него можно было сесть, или выбросит лесенку? По улице двигались машины и другие роботы, а слева с хорошей скоростью приближался отряд солдат. Я обнаружил, что снова вспотел.

— Я желаю уехать. Немедленно.

Ничего не случилось. За исключением того, что солдаты несколько приблизились. Робот стоял бесстрастно, словно статуя. Не знаю, был ли этот способ ортодоксальным или нет, но я должен был что-то делать. Поэтому я поставил ногу на бедренное гнездо робота, схватился за сигнализатор поворота в районе его лопатки и вскарабкался на него. Скрытые моторы загудели громче, когда он дереместил центр тяжести в соответствии с моим весом. Я скользнул в седло как раз тогда, когда отряд протрусил мимо. Меня они совершенно игнорировали. Сиденье было удобным. Передо мной теперь открывался хороший обзор, так как моя голова была метрах в трех над землей. Но не имел ни малейшего представления о том, что делать дальше. Впрочем, просто удаление от той улицы будет прекрасным началом. На макушке головы робота я обнаружил компактный пульт управления, после непродолжительного раздумья я нажал кнопку с надписью «ХОД». Я ощутил скребущую вибрацию сцепления внутренних передач, после чего робот начал щагать на месте. Хорошее начало. Мгновением позже я обнаружил кнопку «ВПЕРЕД». Я нажал ее, робот накрепился и пустился мелкой рысью. Вскоре я оставил полицию и волнения позади. Нужен был план. Я ехал на своем механическом рысаке через сердце города и обдумывал свое положение. Один человек против всего мира. Очень поэтично и, возможно, могло бы привести в замешательство, если бы не то, что я бывал в таком положении и раньше, а они нет. Вся система безопасности здесь свидетельствовала, что чужаки бывали на

Клизанде не часто и их всегда удавалось держать под контролем. Наверное, мои противники никогда раньше не теряли след наблюдаемого, и этот случай будет для них очень обидным. Полетят головы. Прекрасно. Покуда одной из них не будет моя. В некотором смысле я имел преимущество. Они ничего не знали обо мне, кроме прикрывающей легенды. Если я смогу затеряться в глубинах их угнетающей культуры, меня будет невозможно найти. Что я и сделаю. Активные действия начнутся позже, а сейчас я должен спасти свою драгоценную шкуру и составить план. Впереди был один из выездов из города. Там необычно большое число индивидов в мундирах занимались проверкой и обыском всех пытавшихся выехать. Прикосновение к кнопке «ВЛЕВО» заставило моего рысака свернуть на другую улицу и убраться от этой опасности. Когда я захочу покинуть город, я его покину. Но это время еще не пришло. К полудню я имел рабочее представление о расположении города и нажил мозоли на заднице. Робот шел все медленнее и явно нуждался в подзарядке из какой-нибудь подходящей настенной розетки. Мне тоже нужно было подкрепиться бутербродами из сумки. И мы оба нуждались в отдыхе. К тому же были неплохие шансы, что моих пленников уже нашли на кухне и в городе поднята новая тревога. По более свободной стороне улицы я направился обратно в промышленный район, который запомнил ранее, чтобы поискать подходящую нору, в которой можно было бы спрятаться. Я приметил несколько заброшенных фабрик и складов, которые могли бы подойти для моих нужд. Одно из этих мест мне подошло. Паутина на окнах и ржавчина на дверных петлях. Никого в поле зрения и замок, который я мог бы открыть в темноте ногтем. Дверь со скрипом открылась, не было видно ни одной живой души. Мы проскользнули внутрь, и замок шелкнул за нами. Безопасность. Место было покинутым, пыльным и почти пустым. В одном углу стоял древний образец местной машинерии, лишенный специфических черт и таинственный, как затерянный в джунглях идол с жертвоприношениями в виде выброшенных перфокарт у его ног. Превосходно. Я пообедал, отдохнул, обыскал здание, нашел внутреннюю комнату без окон, перенес туда обе сумки с инструментами, фонарик и карандаш с одной из жертвенных карточек. Пришло время следующего шага. С карандашом в руке, глядя на чистый квадрат картона передо мной, я заговорил вслух:

— А теперь слушай, Джим. Воспоминание готово проявиться. Отсчет начнется с десяти. По ходу его я засну. Память включится при слове «зеро»!

— Десять,— произнес я, чувствуя себя прекрасно.— Девять...

И зевнул. К тому времени, когда я добрался до пяти, веки мои отяжелели, а что было дальше, я просто не помню.

Я проснулся с одеревеневшими пальцами, затекшей рукой и утомленными глазами. И с большим квадратом картона, покрытым чертежами сложных электросхем. Подсознание — пре-

красное место для сокрытия вещей, которые надлежит прятать от разума. Я не только имел теперь чертежи, но и вдруг осознал, как ими пользоваться. План был восхитительно простым, и я на миг ощутил ревность к тому, кто его выдумал. Его реализация требовала немного времени, много электронных схем и оборудования. Все это придется украсть. Я вздохнул и потянулся, расправляя затекшие мускулы. День был утомительный, и мой сон во время гипнотического транса вовсе не являлся сном. Завтра тоже будет день, а темп преследования завтра спадет. Завтрашний и послезавтрашний дни были очень насыщены работой. Я был стальной крысой, вылезшей на землю, где предстояло проделать немало шмыганий. Город вокруг меня продолжал заниматься своими делами. Я уверен, что они неослабно продолжали поиски, хотя никто и близко не приближался к моему уютному гнездышку. Я паял, монтировал электро-схему, крал пищу и другие предметы комфорта, прямо скажем, походя. Клизанд, казалось, обладал очень низким уровнем преступности, а потому здесь, похоже, не предпринималось никаких мер против того рода краж со взломом; какими занимался я. Либо преступный класс был уничтожен, либо он заправлял теперь правительством. Такое вполне могло случиться. Период моего одиночества скоро должен был кончиться, и я, буду заниматься шпионажем; ради чего, собственно, и был сюда послан. Покинуть город оказалось намного проще, чем мне казалось. Слоняясь с должной осторожностью в районе контрольно-пропускного пункта, я обнаружил, что во главе этой операции стояли военные, и она, похоже, шла на простодушный военный лад. Изучение разрешения на выезд и документов, отшлепывание печатей, быстрый осмотр — и проваливай. Я надеялся, что и ко мне они отнесутся без предвзятости. Чтобы гарантировать исход операции, я похитил в сумерках военный грузовик. Чтобы остановить машину, я выставил на его пути робота. Грузовик, завибрировав, остановился, а водитель высунил голову и лихо выругался. Большинство слов, которые он использовал, не было в моих уроках по языку, и я занес их в карточку для употребления в будущем. Благословением божьим было то, что он ехал один.

— От такого слышу,— ответил я ему.— Некрасиво так разговаривать со штатским. Тем более в чрезвычайной ситуации.

— Какая чрезвычайная ситуация? — спросил он подозрительно.

— Такая чрезвычайная ситуация! — с воодушевлением ответил я.

Игла воткнулась ему в шею, и он отключился. Я отодвинул его в сторону, надел его форменную фуражку, приказал роботу топтать за грузовиком и вернулся на склад за своими ящиками. Они надежно спрятались в кузове грузовика. за ящиками с обезвоженной пищей, формулярами в трех экземплярах, сапожным кремом и другими весьма важными военными грузами. Переодевшись в красный мундир солдата — его

я оставил тихо дремать в моем зеленом, — я сказал «до свидания» роботу, моему единственному другу на этой малоприятной планете. Он ничего мне не ответил, но я не обиделся. После этого я уехал. Мои документы, удостоверение, командировочная были приняты с военной молчаливостью, изучены, одобрены, и я был свободен. Я весело понесся в ночь и во вторую фазу моего плана. Физически это требовало много беготни, похищения различных машин, чтобы запутать мой след, и долгого путешествия через центральную пустыню к определенному ориентиру. Ориентиром этим была огромная каменная глыба, стоящая в гордом одиночестве в мире песка. Формой она весьма походила на горшок и называлась по-клизандски л о н а к, что означает горшок и дает вам представление об уровне их воображения. Маскировочная сеть прикрыла похищенную машину, а я с предельным трудолюбием работал целых семь дней, прежде чем был удовлетворен результатом. Мною было построено моими собственными двумя руками и с помощью лишь робота-экскаватора полностью самообеспеченное подземное убежище, расположенное не далее сотни метров от упомянутой ранее скалы. Это было последним этапом подготовки к третьей фазе. В ту же ночь я положил начало этой фазе. Мой маленький домашней выделки передатчик был настроен и готов к работе, антенна была направлена точно в зенит. Ровно в полночь я включил его, и в космос рванулся узкий, точно направленный радиолуч. Я продержал сигнал включенным ровно тридцать секунд, а затем вырубил. Так-то! Метать кости и делать следующий ход полагалось им. Им — это значит подразделению Спецкорпуса, на которое была возложена организация этой фазы. И, будем надеяться, организовавшему ее. Я не буду знать ничего наверняка до следующего вечера.

Если план сработает — я немного пожевал губу над этим «если», пряча рацию обратно в машину, — мой сигнал будет принят ими и только ими. Канал предельно узкий, сигнал очень точно направленный. Запеленговать его невозможно. Клизандцы вообще не должны знать о нем. Но он приведет в движение чудовищные силы. Заработают лучшие компьютеры, полыхнут огнем гигантские ракеты. Выбранный для этой цели метеорит придет в движение вместе с коллекцией сопутствующих космических обломков. Сейчас он далеко в космосе, за пределами действия клизандских детекторов, но он движется в сторону этой системы, нацеленный на одинокую скалу Горшок. Мне требовалось подождать день и ночь. Зная, как действует на меня непродуктивное ожидание, я устроил себе маленькую вечеринку. Была хорошая еда — насколько может быть хорошей еда из содержимого консервированных пайков, — была выпивка получше еды, поскольку ее я мог выбрать из куда более широкого ассортимента. Вино к закуске, а потом более крепкие, хорошо очищенные напитки. В завершение ужина я закурил сигару и, включив карманных размеров экран минипроектора, прокрутил пару чернушно-пречернуш-

ных фильмов, купленных мною в армейских магазинах. Бесма грубая поделка для солдат, хотя мне в моей роли кочевника пустыни фильмы эти показались достаточно привлекательными. А потом сон окутал меня своим мягким одеялом. Пролетела ночь, за ночью последовал день, а потом снова пришла ночь. И как только стало темно, я оказался снаружи с полевым биноклем в руке. Я обшаривал ночное небо по квадратам. Ничего. И ничего не должно было быть еще несколько часов, но мне не терпелось. План начинал мне казаться абсурдным. Я чувствовал себя одиноким, попавшим в западню на этой планете во многих световых годах от цивилизации. Борясь с депрессией, я отхлебнул из своей карманной фляжки. Если все шло хорошо, то сейчас большая каменная глыба направлялась к Клизанду курсом, ведущим к столкновению. Когда защита засечет ее, то ее сочтут обычным космическим обломком, которому предстоит врезаться в атмосферу и сгореть. Если же они решат проследить за ней на тот маловероятный случай, что она может быть чем-то большим, чем кажется, наблюдения разуверят их. Ее скорость и температура таковы, что наличие какого-либо живого груза исключается. Да и следить за ней будет очень трудно из-за тех сопровождающих ее обломков, которые тоже будут отражать сигналы радаров. Метеорит прошьет атмосферу и врежется в пустыню с силой, достаточной, чтобы уничтожить все живое. Если будет назначено расследование, то прежде чем придут следователи, произойдут вещи, куда более важные. На это я надеялся. Все это звучало так хорошо в теории, но казалось сейчас нелепым образом безумия на практике. Очень близко к полноте в ясном небе над моей головой загорелась и замерцала новая звезда, я вздохнул и отложил фляжку. Точно в назначенный час, словно ежедневная ракета. Точка становилась все ярче и ярче. И нацелена она была прямо на меня. Я знал, что компьютеры и астрономы хорошо поработали — но не настолько же хорошо! Ведь эта штука собиралась приземлиться прямо на меня. Однако не совсем. По мере того, как я следил за ней, она, похоже, смещалась в сторону, ускоряя по ходу дела движение. Это сопровождалось громким шипением, словно где-то надо мной треснул небесный чайник. Я прыгнул в машину и оживил ее пинком ноги, когда пылающая бомба исчезла за башней Горшка. Последовал раскатистый взрыв, осветивший воздух и обрисовавший огнем силуэт скалы. Я бросил машину вперед. Ее фары выхватили из темноты свежее пятно на земле, окруженное обломками, над которым нависало облако дыма и пыли. На дне углубления лежал большой глазированный кусок испускавшего пар камня. В яблочко! Я отогнал машину за ближайшую песчаную дюну и врубил передатчик. Раздался еще один взрыв, бесконечно меньший, чем от столкновения, и над моей головой просвистели куски камня. Когда я снова подъехал к яме, то увидел, что заряды раскололи метеорит почти пополам, желеобразная жидкость, защищавшая содержимое, впитывалась в песок. В тот же миг я услышал нарастаю-

ший грохот приближающихся реактивных самолетов и вырубил фары. Самолеты проревели над головой — треугольники тьмы на фоне звезд — и наклонились на вираже. В эти мгновения я по-новому оценил силу подозрительности Клизанда, возросло и мое уважение к их радарам, компьютерам и службе ПВО. У меня будет меньше времени, чем я думал. Я прыгнул в яму, стараясь игнорировать жар, испускаемый треснувшим камнем. Снаряжение было цело, упакованное в плоские ящички, а света звезд было как раз достаточно, чтобы вытащить их и спрятать в машине. Самолеты кружили надо мной, приведенные в ориентировочный район радарной триангуляцией, теперь они разыскивали точное место падения. Не то, чтобы они могли много увидеть — при их-то скорости, да еще в темноте! — но в пути уже были, несомненно, воздушные суда помедленней. Оснащенные приборами и осветительными установками, они могли прочесать весь район. При мысли об этом я задвинулся побыстрее. Мое воображение уже рисовало мне трепетание огромных пропеллеров на горизонте. Уложив в машину последний ящик, я, тяжело дыша, ждал, пока самолеты отлетят подальше, чтобы тронуться к своей тайной норе. Я ехал как можно быстрее, лавируя среди больших ухабов и подпрыгивая на меньших. Когда самолеты развернулись в моем направлении, я остановился, стараясь думать, какой я крохотный, в ожидании, когда они пролетят мимо. На следующем броске я сумел добраться до входа. Когда я бросил в земляную нору первый ящик, то услышал далекий звук моторов. Вдали замерцал яркий свет — он двигался в мою сторону. Бритва чиркала чересчур уж близко. Я швырял ящики один за другим, не заботясь, где и как они приземляются.

Я был уже готов нырнуть вслед за ними, перевести дыхание и заботливо разложить их, когда над моей головой затрепетали огромные крылья, а из-под Горшка вырвался и блеснул молнией ослепительный свет. Свет двигался дальше, а я нащупывал стартер машины сквозь галактику радуг и ревущих дисков света. Машина тронулась с места, затем резко ускорила движение, когда я переключил скорость. Свет ударил вновь, я упал набок и лежал не двигаясь. Так, бесконечно долго я лежал неподвижно, и яркий свет ослеплял мои глаза даже сквозь сомкнутые веки. Казалось, длилось это три года, хотя могло продолжаться и три секунды. Лесенка была на месте, и я спустился по ней, основательно ободрав свои голени о сваленный как попало груз. Пробираясь в темноте, словно крот, я пинками толкал ящики впереди себя по входному туннелю. Рев больших машин стал громче, а минуту спустя к нему присоединились звуки частой стрельбы и грохот взрывов.

— Превосходно, — выдохнул я, швыряя последний ящик. — Оружие предназначено для того, чтобы его использовать, вот они его и используют.

Я был уверен, что это такая компания, которую хлебом не корми, только дай пострелять. То, что мои выводы оправдались, крайне обрадовало меня. Еще более громкий взрыв засвидетельствовал, что моя машина уничтожена. Лучше и быть

не могло. Я нащупал передатчик у входа и взял его с собой. Затем поднялся по лесенке — куда более ленивым шагом, чем спускался с нее. Удобно стоя на лесенке и упираясь локтями в землю, я наблюдал за происходящим с самого лучшего места на этом шоу. Ревели реактивные самолеты, пропеллеры кромсали воздух в небе над моей головой. Пели пули и взрывались бомбы. Машина горела прекрасно, выбрасывая сердитые всплески пламени, когда обломки подвергались ураганному обстрелу. Когда же буханье и баханье начало ослабевать, я оживил его, нажав первую кнопку на передатчике. С вершины Горшка начали стрелять скорострельные пушки, в то время как с пускателя с разными интервалами взлетали вверх ракеты. Каждый второй выстрел был трассирующим, так что спектакль был самый что ни на есть впечатляющий. Военно-воздушные силы в небе сделали горку, чтобы перегруппироваться, а затем вернулись, чтобы с дикой энергией атаковать невидимого врага. Вершина Горшка и вся земля вокруг него были истерзаны взрывами. За своим оружием я совершил набег на Клизандский арсенал, и было приятно видеть, как одна и та же сторона стреляет сама по себе. Бомба рванула не дальше, чем в тридцати метрах от меня, и песок посыпался мне на шею. Эта часть спектакля кончалась. Наступило время финала. Я скатился на дно норы, а на меня падал песок. С определенной долей спешки я затащил лесенку в туннель, затем подергал тросы и метнулся внутрь. Добрая часть выбранного мной песка была свалена над входом и удерживалась досками, которые я теперь удалил. Я толчком закрыл дверь, когда песок с неожиданной быстротой заскользил вниз. Стоя в темноте, я медленно сосчитал до десяти, чтобы дать время песчаному водопаду завалить яму. Затем я нажал вторую кнопку на передатчике. Ничего не случилось. А ведь это было существенной частью операции. На фоне всех этих рвущихся бомб еще один взрыв пройдет незамеченным. Вторая кнопка должна была привести в действие заряд, который должен был замести все следы моей деятельности и замуровать мою крысиную нору. Если он не рванет, то меня легко обнаружат и откапают... Память вернулась ко мне, и я проклял собственную глупость. Конечно, мой план предусматривал и этот случай. Радиосигнал от моего маленького передатчика мог и не пройти сквозь землю, я знал это. Поэтому я быстро нащупал оставленный мной у входа фонарик, включил его и увидел голый конец протыкающего стену насквозь провода. На нем даже висела бирка «2», чтобы не возникло никакой путаницы, если я буду торопиться.

Больше я не вор, не прячусь под скалами. На тринадцатый день я разблокировал свою дверь и прокопал путь на поверхность. С этим символическим актом я оставил позади образ жизни беглеца и вступил в клизандское общество. С различными удостоверениями и разнообразными мундирами я сыграл широкую подборку ролей в этом довольно оттачивающем обществе, пока не узнал о нем намного больше, чем мне хотелось бы, будь на то моя воля. В своих меняющихся

обличьях я прошелся только по периферии здешней военщины, поскольку я хотел сберечь свою энергию для фронтальной атаки на ядро этого института. С мыслью о том, как реализовать эту задачу, я поднялся на борт сверхзвукового самолета, следующего рейсом на Досадан-Глуп, приличных размеров провинциальный город, которому случилось оказаться по соседству с военной базой «Глупость». Судя по тем данным, которые мне удалось добыть, «Глупость» была также крупным космическим центром и отправным пунктом космической экспансии. Так что было нечто большее, чем случайность, в том, что я достаточно долго слонялся поблизости от служащего, резервирующего места, чтобы увидеть, кому что досталось, а затем попросить место рядом с наиболее привлекательной особой. Привлекательной, спешу добавить, только для меня. По любым другим стандартам измерений лет-майор не выиграл бы никаких призов. Челюсть у него была слишком большая и явно спроектированная так, чтобы выпирать туда, где она нежелательна, в подбородок была встроена раздваивающая его ложбинка — явно от слишком усердного почесывания. Подозрительные темные глазки прятались под обезьяньими надбровными дугами, а пещероподобные ноздри казались двумя темными туннелями подземки. Однако меня все это меньше всего волновало. Я видел только черный мундир Космической Армады, множество наград, свидетельствовавших об активной службе, а также крылья-и-ракеты старшего пилота. Он был тем, кто мне требовался.

— Добрый вечер, сэр, добрый вечер, — приветствовал я его, занимая кресло рядом с ним. — Приятно с вами познакомиться.

Он нацелил на меня две пушки своего носа и выстрелил громким чихом, сигнализирующим о конце столь недавно начатого разговора. Я улыбнулся в ответ, пристегнул ремни и откинулся на спинку кресла, когда СЗС швырнул себя в ночное небо на крейсерской высоте. Большая часть крыльев убралась в корпус, а я достал карманную фляжку, отвинтил два стаканчика и сказал:

— Буду рад предложить вам капельку освежающего, благородный лет-майор, в знак признательности за вашу долгую службу во благо славному делу Клизанда.

На этот раз он даже не потрудился чихнуть, а лишь поковырял в зубах не слишком чистым ногтем, в результате чего извлек кусочек мяса от недавнего обеда. Внимательное изучение добычи, по-видимому, убедило его, что кусочек слишком велик, чтобы его выбросить, а потому он с явным удовольствием вновь проглотил его. Я мог предложить ему лучшее.

— Нет ничего слишком хорошего для наших парней, несущих службу. Это — нарколет.

Я пригубил напиток и причмокнул. Он в первый раз посмотрел на меня прямо, после чего его губы начали медленно раздвигаться, складываясь в нечто отдаленно напоминающее улыбку. Было видно, что это занятие для него непривычно.

— Я выпью это, — произнес он скрипучим голосом.

Еще бы! Эта маленькая фляжка спиртного обошлась бы ему в половину его месячного жалования. Нарколет, прекраснейший напиток, известный человечеству, производился в малых количествах из скудного ботанического источника на маленькой планете у края галактики. Утешающий, чарующий напиток — тонкий, опьяняющий, вдохновляющий, возбуждающий, стимулирующий. Он был всем, чем был любой другой напиток, плюс еще многим, к тому же без всяких побочных эффектов похмелья. Лет-майор взял предложенный ему стаканчик, склонил над ним пещеру своего носа и пригубил.

— Неплохо, — буркнул он, и я улыбнулся ему, как если бы это грубое преуменьшение было самой искренней похвалой, а потом представился ему, назвав себя присвоенным мною именем. Он поразмыслил над моими словами и сообразил, что в ответ требуется назвать свое имя.

— Лет-майор Васко Хулио.

— Рад познакомиться, сэр! Очень рад! Нельзя ли мне налить вам еще, эти стаканчики такие маленькие.

Очень скоро я почти полюбил этого лет-майора. Он был совершенством — законченным, без всяких шишек сомнений или оспин неуверенности. Точно так же, как паук бывает идеальным пауком, как летучая мышь-вампир бывает идеальной мышью-вампиром, он был идеальным, раскованным удовольствием. К тому времени, как наш самолет распорол своим острым, словно бритва, носом звуковой барьер, дух его поднялся, а язык начал заплетаться. И анекдоты, рассказываемые им, стали более детальными. Вот несколько образцов его речений. Лет-майор о стрельбе:

— Никогда не совершая ошибки, гоняясь за индивидами или мелкими группами — в счет идет только валовый эффект. Держась плана, поражай здания, скопления машин и кончай заход. На втором заходе можно поражать группы людей, но только крупные. И лучше всего зажигательными бомбами — они расплескивают огонь и валят больше, чем что-нибудь другое.

Лет-майор об отдыхе:

— Нас было только двое, и на двоих дюжина бутылок и ящик сигар — на пару дней достаточно. Так мы добыли тех трех девок — одну, понимаешь, про запас, просто на всякий случай, и отвезли их...

Лет-майор об инопланетянах:

— Скоты, и вы можете даже не пытаться убедить меня, что с ними возможен контакт на равных. Совершенно очевидно, что Клизанд — источник разумной жизни во Вселенной. Отсюда исходит цивилизирующее влияние и...

Было еще много подобного этому, и мне оставалось только кивать головой. Я восхищался. Совершенство, как я уже сказал. Но что заставило меня почти запульсировать от радости, так это информация о том, что он только что назначен на базу «Глупость» после предоставленного ему отдыха для восстановления сил. И это его первый визит на космическую

базу после долгих лет службы на боевых фронтах. Судьба управляла метанием костей. То, что я должен был сделать дальше, было опасным и требовало немало риска, но предоставившаяся возможность была слишком хороша, чтобы пренебречь ею. Я уже исследовал особенности клизандского общества и познал его довольно глубоко. По-моему, настало время выяснить, так ли это на самом деле. Ибо та часть общества, через которую я продолжил себе дорогу, была лишь периферийной, невоенной его частью, а по-настоящему имела вес только военищина. Она господствовала на планете во всех отношениях и, кроме того, сумела распространить свое господство и на другие планеты. Этот барьер я и собирался штурмовать, используя для этого те скромные знания, которыми располагал. Итак, я вступаю в армию. Записываюсь в Космическую Армаду. В чине лет-майора. Когда корабль накренился, заходя на посадку, я начал превращать мысль в действие.

— Ты должен сразу же явиться на службу, Васко?

Крепкий напиток перевел нас на «ты». Он замотал головой, что должно было означать «нет».

— Должен завтра.

— Чудесно. Однако тебе не стоит проводить эту ночь между холодными простынями одинокой койки в офицерских казармах. Подумай, что только можно совершить за это время.

Я пустился в описание того, что можно проделать на неодинокой койке с шелковыми простынями. Хорошая еда и обильная выпивка тоже были упомянуты, но лишь как нечто второстепенное. Фляжка накренилась еще разок, и он кивнул, весьма охотно согласившись с моим планом. Как только мы приземлились и наш багаж выгрузили, такси с роботом-водителем отвезло нас в «Досадан-Глуп Робот-Отель». Это был местный филиал всепланетной системы отелей, специализировавшейся на безлюдном сервисе. Здесь все было механизировано и компьютеризировано. Человеческие существа предположительно наведывались в них через определенные промежутки времени, чтобы проверить показания приборов и опустошить денежные ящики, однако лично я никогда никого из них не видел, хотя довольно часто пользовался этими отелями. Иногда я видел, как в отель входили клиенты и как они покидали его, но мы избегали друг друга, словно являлись разносчиками чумы. «Робот-Отели» были островками приватности в мире пляшущих глаз. Были у них определенные недостатки, но я уже научился справляться с ними. Мы отправились в «Робот-Отель». Входная дверь автоматически отворилась, когда мы приблизились, робот с внешностью механизированной куклы выскочил из своей конуры и прошепел:

— Всемирно знаменитый со дня открытия «Досадан-Глуп Робот-Отель» приветствует вас. Я здесь, чтобы взять ваш багаж... Прикажете, и я помогу вам!

Это было пропето звучным контральто под аккомпанемент духового оркестра в двести труб — стандартная запись для всех «Робот-Отелей». Я успел возненавидеть ее. Я пнул ро-

бота, который слишком уж прижимался к нашим ногам и указал ему на такси.

— Багаж там. Пять предметов. Принести.

Он отъехал с гудением и погрузил в такси нетерпеливые щупальца. Мы вошли в отель.

— Разве у нас не четыре предмета? — спросил Васко, хмуря в размышлении нависшие брови.

— Ты прав, я, должно быть, ошибся в подсчете.

Робот-носильщик догнал и обошел нас, волоча наши чемоданы и выдранное из такси заднее сиденье.

— Теперь у нас вещей действительно пять.

— Добрый вечер... господа, — пробормотал дежурный робот с маленькой паузой перед последним словом: ему нужно было сосчитать нас и сравнить наши физиономии с содержимым своего банка памяти. — Чем мы можем служить вам?

— Лучшим номером в заведении, — сказал я и, вписав в учетный лист вымышленные фамилии и адрес, начал скармливать банкноты богинье щели для оплаты в столе. «Наличными вперед!» — таково было правило «Робот-Отелей». С подведением баланса и выплатой остатка при отъезде. Робот-бой, вооруженный ключом, покатил впереди и показал нам дорогу, а затем широко распахнул перед нами дверь под звуки записанных фанфар, словно наступило второе пришествие.

— Очень мило, — сказал я и нажал кнопку с надписью «на чай» у него на груди — операция, автоматически списавшая два богинье с моего кредитного баланса.

— Закажи нам выпивку и закуску, — сказал я лет-майору, показывая на встроенное в стену меню. — Заказывай все, что желаешь, но чтобы обязательно было шампанское и жареное мясо.

Эта идея ему понравилась, и он стал деловито нажимать кнопки, пока я размещал багаж. К моему запястью был пристегнут детектор для выявления «клопов». Он безошибочно привел меня к единственному оптико-звуковому устройству. «Клоп» находился в том же месте, что и все другие «клопы», найденные мною. Эти отели действительно были стандартными, и я умело поставил перед ним кресло, когда открывал свой чемодан. Дверцы шкафа доставки раздвинулись и оттуда выскользнула бутылка охлажденного шампанского в сопровождении бокалов. Васко все еще заказывал напропалую, насилая кнопки и мой кредитный баланс, быстро катившийся к нулю — его состояние демонстрировали крупные цифры на стене. Я открыл бутылку, выстрелив пробкой в стену поближе к лет-майору, чтобы привлечь его внимание, и наполнил бокалы.

— Выпьем за Космическую Армаду, — предложил я, вручая ему бокал и давая одновременно упасть в него маленькой зеленой дробинке.

— За Космическую Армаду, — повторил он, осушил бокал и затянул какую-то жутко шовинистическую песню — о сияющих дюзях, сверкающих пушках, доблестных воинах, горящих солнцах. Я был сыт ей по горло, даже прежде чем он начал, но знал, что мне предстоит ее выучить.

— Ты выглядишь уставшим, — сказал я ему. — Разве тебе не хочется спать?

— Спать... — согласился он и заклевал носом.

— Думаю, тебе было бы неплохо лечь в постель и немного передохнуть перед обедом.

— Лечь... — Его стакан упал на ковер, он поплелся через номер и растянулся во весь рост на ближайшей постели.

— Видишь, как ты устал. Засыпай, а позже я разбужу тебя.

Покорный действию гипнонаркотика, он закрыл глаза и сразу же захрапел. Если кто-то слушает то, что передает «клоп», то не заметит ничего подозрительного. Прибыл обед. Еды хватило бы, чтобы накормить целое отделение — мои деньги ничего не значили для доброго старого Васко. Я съел немного мяса и салата, прежде чем приняться за работу. Прежде всего инъекция — она должна была блокировать нервы и обезболить мое лицо. Как только она подействовала, я приподнял храпящего лет-майора и навел настольную лампу для чтения на его лицо. Это была совсем не такая уж трудная работа. Мы оба были примерно одинакового телосложения, да и сходство не должно было быть совершенным. Просто достаточно близким, чтобы совпасть с тюремнолагерной фотографией в его удостоверении. Качество этой фотографии было именно таким, какое привыкаешь ожидать от снимка в удостоверении, где сфотографированный больше похож на бритую обезьяну, чем на человека. Самым большим делом — во всех смыслах — был подбородок, однако массированные инъекции желеобразного пластика позволили нарастить мой до размеров подбородка Васко. Я придал ему должную форму до того, как желе застыло, а затем перешел к работе над бровями. Последовавшее пластическое наращивание надбровных дуг и имплантация искусственных черных волос довели сходство до кондиции. Контактные линзы позволили воспроизвести цвет его глаз, а расширяющие кольца в моих ноздрах раздули их до пещерообразного вида оригинала. Все, что оставалось после этого, это перевести отпечатки его пальцев на невидимый пластик, плотно обтягивающий мои собственные пальцы. Пока я подгонял лучший мундир Васко по своей фигуре, лет-майор, следуя полученному гипноинструктажу, поднялся и съел немного остывшего супа. После этого его снова одолел сон, но на этот раз он ретировался на постель в другой комнате: я позаботился об этом, чтобы храп и крикание не раздражали меня. Я смешал себе крепкий ерш и рано отправился спать. Завтрашний день я провожу уже в новом обличье. Я вступаю в Космическую Армаду. При небольшом везении я смогу найти ключ к природе их удивительной военной мощи.

— Сожалею, сэр, но войти вы не можете, — заявил часовой перед воротами. Ворота эти были сделаны из клепаной стали, а высокую каменную стену, в которую они были встроены, венчало множество рядов колючей проволоки.

— Что значит не могу войти? Мне было приказано явиться в «Глупость»! — заорал я в военно-идиотской манере. — А теперь нажмите кнопку, или что там у вас отпирает ворота.

— Я не могу открыть их, сэр. База изолирована от внешнего мира. Я выставлен для наружного караула.

— Я хочу видеть вашего старшего офицера.

— Я здесь, — произнес холодный голос у меня под ухом. — Что за беспорядки?

Повернувшись кругом, я посмотрел на его лейтенантские нашивки, а он на мой двойной крест лет-майора, и я выиграл спор. Он провел меня в караульное помещение. Последовали многочисленные перезванивания по телефону, пока он не передал трубку мне и я не посмотрел в лицо полковнику со стальными глазами. Этот спор проиграл уже я.

— База изолирована, лет-майор. — сказал он.

— У меня есть предписание явиться сюда, сэр.

— Вы должны были явиться сюда вчера. Вы опоздали из увольнения.

— Извините, сэр, должно быть, произошла ошибка в записи. Мой приказ предписывает мне явиться сегодня. — Я протянул предписание и только сейчас увидел, что дата прибытия была-таки вчерашним днем. Этот пьяница Васко втравил меня в неприятности, которые заслужил сам. Полковник улыбнулся сладко, как королевская кобра в период течки.

— Если бы это была ошибка в приказе, лет-майор, то, разумеется, не возникло бы никаких затруднений. А раз ошибка была вашей, лейтенант, мы знаем, на кого ложится вина. Явитесь ко входу безопасности.

Я повесил трубку, и лейтенант караула, нехорошо ухмыляясь, вручил мне лейтенантские нашивки. Я отцепил свои двойные кресты и принял понижение в звании. Оставалось надеяться, что повышали в Космической Армаде так же быстро, как и понижали. Караул промаршировал со мной вдоль стены ко входу шлюзового типа. Меня пропустили внутрь, мои верительные грамоты и предписания были изучены, отпечатки пальцев сняты, и через несколько минут я прошел через последние ворота на территорию базы. Была вызвана машина, солдат-рядовой взял мои чемоданы, мы проехали к офицерским казармам, где мне показали мою комнату. И все это время я держал глаза открытыми. Не то, чтобы тут были какие-то завораживающие зрелища. Если ты видел одну военную базу, то ты видел их все. Здания, палатки, парни в мундирах, совершающие повторяющиеся прыжки, тяжелое дорогостоящее оборудование, выкрашенное в один цвет, и так далее. То, что я должен был выяснить, будет открыт не так просто. Мои чемоданы были свалены в крошечной комнате, честь взаимно отдана, солдат ушел, а с соседней койки донесся хриплый голос:

— У тебя случайно нет чего-нибудь выпить, а?

Я всмотрелся повнимательней и увидел, что то, что я сначала принял за узел скомканного белья, похоже, содержит костлявого индивидуума в темных очках. Истраченное на эту речь усилие, должно быть, истощило его силы, и он застонал, добавив еще один выдох к алкогольным испарениям в и так уже насыщенной ими атмосфере.

— Случайно есть, — ответил я, открывая окно. — Меня зовут Васко. Ты предпочитаешь какую-нибудь определенную марку?

— Остров...

Я не мог вспомнить напиток с таким названием, а потому не без оснований предположил, что это имя моего собеседника. Достав фляжку с самым мощным напитком из моей коллекции, я налил ему полстакана. Он схватил стакан дрожащими пальцами и осушил, в то время как его тело сотрясали судороги. Напиток, видимо, пошел ему на пользу, потому что он самостоятельно сел на койку и протянул стакан за добавкой.

— Через два дня мы сорвемся, — сообщил он, нюхая напиток. — Это часом не краскорастворитель, а?

— Нет, просто она так пахнет, чтобы дурачить военную полицию. Куда?

— Не шути так резко по утрам. Тебе же известно, что никогда не знаем, по какой планете ударим. Безопасность. Или ты служишь в безопасности?

Он подозрительно сощурился, глядя на меня. Надо будет следить за своими вопросами, пока не узнаю побольше. Я заставил себя улыбнуться.

— Шутка. — Я плеснул спиртного в свой стакан. — Я сам себя чувствую не слишком хорошо. Этим утром я проснулся лет-майором.

— А теперь ты лейтенант. Легко достались, легко расстались.

— Они достались мне не так-то легко!

— Извини. Фигуральное выражение. Я всегда был лейтенантом, так что не знаю, как чувствуют себя другие. Ты не мог бы капнуть еще самую малость в этот стакан? Тогда я сумею одеться, и мы сможем пойти в клуб, чтобы выпить по-настоящему. Ведь нам предстоит недели без выпивки, пока мы не вернемся. Ужас!

Еще один факт. Клизанд сражается в битвах, освежаясь водой. Интересно, способен ли я на такое? Отхлебнув из стакана, я обнаружил, что на поверхность всплыла мысль, подспудно беспокоившая меня уже несколько минут. Настоящий Васко Хулио находится в отеле и будет там обнаружен. И я ничего не мог с этим поделать, потому что находился на этой изолированной базе. Кое-что из выпитого попало не в то горло, и я закашлялся. Остров постучал по моей спине.

— По-моему, это действительно краскорастворитель, — мрачно произнес он, когда я перестал кашлять, и принялся одеваться.

Когда мы шли к офицерскому клубу, я был далеко не в общительном настроении, в чем Остров, вероятно, винил мое недавнее понижение. Что же делать? Кажется, предстояла выпивка. Еще и полдень не настал, а чтобы вырваться с базы, мудрее всего было бы подождать до вечера. Встречать проблемы следует по мере того, как они возникают. Сейчас я пребывал в превосходном состоянии для того, чтобы поглощать спиртное вместе со своими новыми коллегами и одновременно собирать информацию. Именно это в конце концов было основ-

ной причиной, по которой я находился здесь. Прежде чем отправиться в клуб, я сунул в карман тюбик противоалкогольных таблеток. По одной каждые два часа, таблетки эти вызовут зверскую изжогу, а заодно нейтрализуют и большую часть алкоголя, попавшего в желудок. Я буду пить без опаски, слушать и оставаться трезвым. Когда мы прошли через кричаще раскрашенную дверь офицерского клуба, я незаметно вытащил первую и проглотил ее. Все это было довольно гнетущим делом. Я лил зелье себе в глотку с такой скоростью, с какой мог его глотать, и не чувствовал его. Когда полдень миновал и жажда увеличилась, в клубе появились другие офицеры, и вскоре вокруг меня толпилась дюжина пилотов. Пили все они хорошо, а вот говорили далеко не то, что я хотел бы услышать.

— Пейте, пейте! — настаивал я, подогревая их. — Там, куда мы отправляемся, деньги не нужны.

И я ставил очередную выпивку всем присутствующим. Как легко можно догадаться, было много чего сказано о летных характеристиках разных кораблей, и все сколько-нибудь существенные детали я занес в картотеку памяти. И было много бухтения о прежних кампаниях:

— С пятидесяти тысяч я в штопор, засадил бомбы и взмыл вверх... — И тому подобное.

Единственным примечательным моментом во всем этом была ничем не омраченная история побед. Я знал, что вооруженные силы Клизанда весьма хороши, но глядя на это пьяное сборище, становилось почти невозможно поверить, что они могут быть настолько хороши. Но так было, и об этом свидетельствовали бесконечные хвастливые истории о победе за победой, и я не мог этому не верить. Эти парни были хорошими солдатами, а Космическая Армада — непобедимой. И все это действовало ужасно угнетающе. К вечеру первоначальные петухи буквально отпали, хотя их места за столом заполнялись достаточно быстро. Когда какой-нибудь из них соскальзывал на пол, служители аккуратно уносили его. Я сообразил, что уже являюсь последним из первоначальных, так что никто не заметит, если я отправлюсь на выход в этой явно традиционной манере. Дав своим глазам закрыться, я погрузился глубоко в кресло, надеясь, что этого будет достаточно: путешествие на заваленный осколками стекла пол не прельщало меня. Им потребовалось несколько минут, чтобы заметить, что я не функционирую, но в конечном итоге они это заметили. Сильные руки подхватили меня под коленями и под мышками, и меня вынесли. Когда дробь шагов замерла в отдалении, я открыл глаза и увидел сумрачное помещение с нарами вдоль стен. Поблизости от меня находилось зияющее «О» рта Острова, храпящего в пьяном сне. Другие были заняты тем же. Никто не наблюдал за мной, когда я натянул перчатки, подошел к двери и выпустил самого себя. Было почти темно, я должен был покинуть лагерь и не имел ни малейшего понятия о том, как это сделать. Ворота отпадали. Я прогулялся вдоль стены к ним. Они были закрыты и заперты, сталь и бдительный часовой,

присматривающий, чтобы с замками не баловались. Вдоль стены, примерно в сотне шагов друг от друга стояли часовые, и я предполагал, что существует такое же или даже большее число электронных следящих устройств. С приближением вечера были включены прожекторы, освещавшие пространство за стенами, в их свете поблескивала тянувшаяся по стенам колючая проволока. Разумеется, все это было устроено для того, чтобы помешать кому-либо забраться сюда, но это столь же хорошо срабатывало и в противоположном направлении. Я пошел дальше, пытаюсь побороть угрожавшую овладеть мной черную депрессию. Я прошел мимо средних размеров участка, занятого атмосферными самолетами, двух взлетных полос и нескольких ангаров со стоящими поблизости неуклюжими реактивными транспортными судами. С минуту я раздумывал, не украсть ли мне одно из них, но где я мог бы приземлиться, не попав в плен. Ведь я должен сегодня ночью быть в городе, а не драпать в неведомые края. Позади самолетов находилась металлическая сеть высокой ограды, отделявшей площадку космических кораблей. Попастъ туда было достаточно легко, но что толку? Я видел в отдалении все ту же высокую наружную стену. Внезапно в небе разнеслось громохание, ударили копыта ярких огней. Обернувшись, я следил, погруженный во мрак, как дельтакрылый истребитель тяжело заходил на посадку. Он был похож на те самолеты, что обстреливали меня у скалы Горшок. Когда он приземлился, завизжали прожекторы и реактивные двигатели взревели на реверсе, а я пустился бежать еще до того, как идея наполовину оформилась у меня в голове. Безумно? Наверное. Но если твое дело — воровство и мошенничество, то научишься полагаться на интуицию и тренированные рефлексы. И пока я бежал, все детали моего плана стали на свое место, и я увидел, что это было О Н О. Изящное, быстрое, чистое и опасное. Именно то, что мне нравится. Я достал из кармана фальшивые усы и на бегу закрепил их над губой. Истребитель развернулся и вырулил на взлетно-посадочную полосу, а я рысью припустил за ним. Выхала машина встречать пилота, а бригада механиков приступила к обслуживанию истребителя. Один из них приставил лесенку, и фонарь открылся, словно пасть аллигатора. Я побежал немного быстрее, когда пилот вылез и направился к машине. Он как раз забирался в нее, когда я, спотыкаясь, добежал до машины. Я отдал ему честь, и он мне ответил. Дородный вояка в тяжелом летном снаряжении с золотым полумесяцем майора на воротнике.

— Извините меня, сэр,— выдохнул я,— но командир приказал мне удостовериться, что у вас с документами все в порядке.

— О чем вы толкуете, черт побери? — проворчал он, развываясь на сиденье. Он казался очень утомленным. Я влез на заднее сиденье.

— Значит, вы не знаете... О, боже! Водитель, поезжайте быстрее! Как можно быстрее!

Водитель поехал, поскольку это было его работой, а я вытащил тубик из держателя в кармане брюк. Когда мы удалились из поля зрения бригады техников, я поднес его к губам.

— Майор... — произнес я. Он крикнул и повернулся. Я дунул.

Он снова крикнул и поднял руку к вонзившемуся в его щеку крохотному дротiku, а затем повалился лицом вперед. Я поймал его, прежде чем он упал.

— Водитель, стой! Что-то случилось с майором.

Водитель, человек явно без большого воображения, бросил быстрый взгляд на повалившегося майора и нажал на тормоза. Как только мы остановились, я позволил ему получить второй наркотик, и он, отключившись, присоединился к майору в стране грез. Я опустил обоня на землю, снял с офицера летный комбинезон и шлем. С некоторым трудом я сумел натянуть его поверх собственного мундира, затем застегнул шлем, надел темные летные очки. Все это заняло меньше минуты. Я оставил уснувшую пару в объятиях друг друга и направил машину обратно к самолету. Пока все шло хорошо, но ведь это была самая легкая часть. Я нажал на тормоза и остановился на стоянке самолета.

— Срочно! — заорал я, выпрыгивая из машины и подбегая к лесенке. — Отцепите эту штуку! Я должен взлететь!

Механики только смотрели на меня, разинув рты, но даже не пытались сделать что-то с пуповиной проводов и шлангов, соединяющей самолет с системой обслуживания. Я развернул ближайшего из них кругом и использовал носок сапога, чтобы двинуть его в правильном направлении. Он четко отреагировал, и другие тоже поняли. Они принялись за работу. Все, кроме поседевшего младкома, рукав которого был покрыт шевронами и нашивками, а физиономия — подозрением. Он перекатился ближе и осмотрел меня с головы до ног.

— Это личный самолет майора Лонты, сэр. Вы часом не ошиблись?

— Не так сильно, как ошибаетесь вы, мешая мне. Сколько времени прошло с тех пор, как вы были рядовым?

С минуту он задумчиво смотрел на меня, а затем отвернулся, не сказав больше ни слова. Я направился к самолету. Поднимаясь по лесенке, я увидел, что младком занят рацией на машине. Это было ошибкой с моей стороны, мне следовало бы что-нибудь сделать с этой рацией. Когда я забрался в кабину, он оторвался от рации и заревел:

— Задержите этого человека! У него нет приказа на этот полет!

Человек, поддерживающий лесенку, потянулся к моей ноге, но я уперся ногой ему в грудь и толкнул. Отправив лесенку вслед за ним, я рухнул на сиденье. Ситуация быстро развивалась в несимпатичном для меня направлении. У меня не было времени, чтобы ознакомиться с управлением: хотя я и набрал массу летных часов, но никогда не летал на клизандских самолетах. Я не только не знал, где находится стартер, но даже понятия не имел, как включить освещение приборной панели.

Когда я все-таки включил его, лесенка стукнулась о борт самолета. Я ненавидел старых подозрительных младкомов, старой хребет военщины. Теперь мне пришлось тратить время на расстегивание летного костюма и ощупывание карманов под ним. Несколько гранат с усыпляющим газом мгновенно очистили площадку от механиков. Некоторые лежали без сознания, в то время как другие смеялись до одурения. Младком, трусливо оставшийся за пределами досягаемости, снова ухватился за рацию. Я поспешно изучал приборы. Вот! Маленькая черная ручка с надписью «ЗАЖИГАНИЕ». Когда я хлопнул по ней, завывли и загрохотали ожившие реактивные двигатели. Реактивный снаряд пролетел у меня над головой через открытый фонарь. Ругаясь, я пригнулся. Двигая регулятор, я увидел, что младком стоит на колене, старательно прицеливаясь. Самолет начал медленно двигаться. Его пушка снова жажнула, и я ощутил вибрацию, когда пуля зарылась в сиденье, которое вероятно, было бронировано. Моя первая удача. Я слегка развернул хвост, так что он оказался наведенным на этого паршивца, что поставило броню между мной и им и выдало ему хороший выброс реактивной струи в морду. Самолет брыкнул, содрогнулся и снова двинулся вперед. Я увидел, как порванный шланг для подачи горючего болтается в струе ветра, изливая свои жизненные соки. Эти идиоты не отсоединили его. Я не знал, где на этой набитой датчиками приборной панели находится указатель расхода горючего, да и не хотелось смотреть на него. Логика говорила мне, что гравитация выпускает кровь машины гораздо медленнее, чем ее накачивали в баки насосы, но мне сейчас было не до логики. Мне представлялось, как реактивные двигатели замирают здесь, посреди поля, в то время как вражеские силы смыкаются вокруг меня. Я чувствовал, как кровавое давление у меня взлетает, словно скоростной лифт. Мой деловитый маленький друг, младком, явно все еще работал на рации, потому что, когда я свернул на взлетную полосу, то увидел, что несколько грузовиков мчатся, чтобы перегородить ее, а на заднем плане рычит нечто подозрительно похожее на бронемашину. Я рванул регулятор до отказа назад и нагнулся, снова пытаясь прочесть приборную доску. Того, что я искал, там не было! Затем я заметил еще один ряд кнопок сбоку и с трудом разобрал надписи на них при плохом освещении. Вот оно! Я поднял голову и увидел, что вот-вот врежусь в первый грузовик. Солдаты вываливались из него и разбегались в разные стороны. Мои ноги лихорадочно нажимали на педали. Я нащупал колесные тормоза, с силой бросил руль вправо, сделав вызывающий содрогание поворот. Примерно полметра было оторвано ударом о крышу кабины. Меня ослепила оранжевая вспышка, когда кто-то выстрелил в меня, и понятия не имею, куда угодила пуля. Затем самолет развернулся, и я понесся в противоположном направлении. Теперь уже на полной скорости. Мелькали огни взлетно-посадочной полосы, все быстрее и быстрее. Я был вынужден держать руль одной рукой, потому что другая моя рука нащупывала ремни безопасности. Одна

прыжка отсутствовала, когда я обнаружил, что сижу на ней. Уже приближался конец ВВП. Я защелкнул ее, схватил руль обеими руками и слетел с ВВП. Самолет не набрал взлетной скорости и потому не оторвался от земли, когда я потянул штурвал на себя. Самолет поскакал по грейдеру, стремительно приближаясь к той каменной стене, на которую я смотрел весь вечер. Все быстрее и быстрее, к неизбежному столкновению.

Я должен был это сделать в строго определенный момент. Чуть раньше или чуть позже — и то и другое было бы одинаково губительно. Когда стена выросла перед самолетом, и можно было рассмотреть сочленения блоков, я решил, что теперь в самый раз, и кулаком ударил по кнопке катапультирования. Бам! Последовательность событий была слишком стремительной, чтобы уследить за ними. Но все сработало как надо. Прозрачная маска защелкнулась перед моим лицом, фонарь отлетел вместе с треском взрывчатки, а сиденье хлопнуло меня с такой силой, что у меня возникло ощущение, будто мой позвоночник сократился вдвое. Совсем как в замедленной съемке, я проплыл вверх и прочь от самолета, видя перед собой отвратительно долгое мгновение голый камень стены. А затем я перелетел через нее, и теперь впереди было только темное небо. В самой высокой точки моей дуги у меня за спиной снова раздался треск. Подняв голову, я увидел взвизгивающий за мной белый столб парашюта. Он раскрылся с шуршанием, сиденье отпустило меня, и в следующий миг этого зубодробительного спуска мимо пронеслась стена какого-то здания. Сиденье ударилось о землю и перевернулось. Купол парашюта медленно опустился, завернув меня в свои складки. Должен сказать, что в тот момент я вообще ничего не видел и не делал. События развивались даже быстрее, чем я планировал, а этот последний аккорд был просто ошеломляющим. Разинув рот, я жадно глотнул воздух, потряс головой и наконец собрал достаточно здравого смысла, чтобы ударить по кнопке быстрого освобождения и сбросить ремни аварийного устройства. После этого я пополз, держа голову как можно ниже, и наконец выбрался из-под парашюта. Мужчина и женщина стояли на противоположной стороне улицы и пялились в моем направлении. Больше никого не было видно. Признаки активности доносились вроде бы с другой стороны, из-за обрисовывающейся позади меня большой черной стены. Пламя осветило небо, вился дым, я слышал громкие хлопки загорающихся боеприпасов. Здорово!

— Испытание нового снаряжения! — крикнул я зрителям и, повернувшись, рысью скрылся за углом. В темном подъезде я стащил с себя комбинезон и бросил поверх него шлем. Неопознанный и свободный, я зашагал к «Робот-Отелю».

— Блестяще задумано, Джим, — сказал я и слегка потрепал себя по плечу.

И в тот же миг сообразил, что теперь я нахожусь вне базы и должен найти способ вернуться туда до рассвета. Я поспешил вытолкнуть эту мысль из головы. В первую очередь — первоочередное. Я должен был отделаться от настоящего Васко

для того, чтобы без опаски взять на себя его роль. Он шевелился, когда я вошел: ерзал в постели, мотал головой из стороны в сторону. Гипнотический транс истощался, и он боролся с ним. И робот-чистильщик помогал ему в этом: он уже убрал в номере, а теперь пытался застелить постель вместе с Васко на ней. Я двинул его сапогом, целясь в кнопку «Вернуться позже», и заказал обед на двоих. Чтобы отвлечь подсознание Васко от беспокойства, я сделал ему сильнейшее внушение, что он прошлялся два дня без еды и что это лучший обед, какой он когда-либо за всю свою жизнь получал. Он причмокивал, похотывал и урчал от восторга, когда ел, а я лишь ковырял в своей тарелке. В конце концов я оттолкнул ее и заказал крепкий напиток в надежде на то, что алкоголь стимулирует мои мысли, и они сложатся в какой-нибудь внятный план. Что мне делать с моим спутником, который сейчас счастливо запихивал еду в свою разинутую пасть? Его существование являлось постоянной угрозой моему существованию: в этом мире имелось место только для одного Васко Хулио. Убить его? Это было бы достаточно легко. Расчленив его в ванной, пропустить части тела и галлоны крови через дуговую печь, и от него останется лишь пригоршня золы. Искушение было велико: он, разумеется, убил за свою жизнь достаточно людей, чтобы это можно было назвать правосудием. Однако хладнокровное убийство — просто не мой стиль. Я убивал в порядке самообороны, не стану отрицать, но я все же сохраняю немалое уважение к жизни во всех ее формах. Теперь, когда мы знаем, что по другую сторону находится только большое небо, концепция загробной жизни окончательно перекочевала в исторические романы вместе с другими концепциями забытых религий. С исчезновениемрая и ада мы столкнулись с необходимостью создавать рай или ад прямо здесь. Что ж, с нашей наукой, метатехникой и вспомогательными дисциплинами мы сумели продвинуться вперед, и жизнь на цивилизованных планетах сейчас лучше, чем была когда-то в черные времена суеверий. Но вместе с тем пришло осознание того, что у каждого из нас есть только этот короткий опыт с ярким светом сознания в бесконечно темной ночи вечности, а потому мы должны уважать существование всех остальных. И самый преступный акт, который только можно вообразить — это прекращение жизни одного из носителей сознания. Клизандцы относились к мыслящим существам иначе, и я, с наслаждением подсыпая им в буксы песок, все равно не мог думать иначе, а потому не мог низвести заляпанного подливкой Васко до уровня составляющих его молекул. Если бы я это сделал, то был бы ничем не лучше, чем они, и ввязался бы с старую игру с целями, оправдывающими средства, и начал бы скатываться по наклонной плоскости. Я вздохнул, глотнул из своего стакана, и рисовавшиеся мне чертежи дуговой печи растаяли и исчезли. Так что же тогда? Я мог бы приковать его к пещере с автоматическим пищераздатчиком, если бы в моем распоряжении была пещера и все прочее. Отпадает. Если бы у меня было время, я, правда, с немалым трудом мог бы изменить внешность Васко

и всадить в его мозг ложную память, а потом засадить его в тюрьму или в трудовой отряд, или в сумасшедший дом, или еще куда-нибудь. Отличный план, если не принимать во внимание, что у меня не было времени для свершения чего-либо столь сложного. Я должен был закончить дело до утра — или раньше, если не хотел перечеркнуть всю уже проделанную работу по созданию и внедрению Лжеваско. Командование базы, вероятно, уже занялось переключкой, так что мне прежде всего следует подумать о способе попасть обратно в «Глупость», нежели беспокоиться о своем свинском спутнике. Я заметил, что живот у него начал выпячиваться, и отключил аппарат. Он откинулся на спинку стула, вздохнул и рыгнул без видимой к тому причины. С противоположной стороны комнаты раздался шорох, открылась панель, и вкатился робот-чистильщик.

— Нельзя ли мне устроить у вас хорошую чистку? — прошептал он сексапильным контральто.

Я сказал ему, что он мог бы сделать, но он не был надлежаще оборудован для выполнения инструкции такого рода, а потому только шелкал и жужжал, пока я не приказал ему заняться работой. Я мрачно следил за тем, как он суетливо убирал постель, когда во тьме вдруг забрезжила первая искра идеи. Васко оставался в «Робот-Отеле» целый день без всяких неприятностей. Сколько же можно держать его здесь? Теоретически — вечно, если будет внесено достаточно денег на счет за номер. Но под гипнозом его нельзя продержать больше, чем день-другой, если я не буду подкреплять внушение. Или можно? Прежде чем я смогу принять окончательное решение, я должен проникнуть в центр управления отеля. Эта идея может оказаться результативной. Я оставил Васко смотреть по телевизору историческую космическую оперу, внушив ему, что ничего более прекрасного он никогда не видел. Вполне возможно, что это было правдой. Нагрузившись инструментами, я отправился в поход. Позади номеров должна была находиться служебная лестница для роботов, и она, несомненно, была узкой, темной и пыльной. Да и как бы ни был механизирован этот отель, построили его человеческие существа, и они, разумеется, могли ремонтировать его, если понадобится. Побродив немного по нижним коридорам, я обнаружил неподалеку от входа скрытую дверь с замаскированной замочной скважиной. Дверь шла вровень со стеной и очерчивалась панелями — ее спланировали так, чтобы поддерживать вымысел, что отель на сто процентов управляется роботами. Я потратил довольно много времени на то, чтобы удостовериться, что здесь нет «клопов», и гораздо меньше на открывание самой двери. Замок был анекдотом. В поле зрения никого не было, когда я проскользнул в приоткрытую дверь и закрыл ее за собой. Я почувствовал себя тараканом внутри радиоприемника. Электронные устройства сидели, выпирали, вспучивались, кабели и провода завивались в кольца и изгибались в этакие электроспагетти. Катушки с лентами шелкали и жужжали на компьютерах,

реле замыкались и размыкались, дребезжали зубчатые передачи. Это было весьма впечатляющее место. Я скитался по этим электронным дебрям, изучая поясняющие записи и перешагивая через боксы, в которых отдыхали сменившиеся с дежурства роботы, пока не нашел то, что можно было назвать центром управления. Там было даже сиденье перед пультом, сработанное для человеческого тела. Я свалился на него и приступил к работе. Путешествуя через эти механические джунгли, я обмозговал свой план и теперь знал, что мне следует делать. Сперва электронные «клопы» в номере Васко. Я не хотел, чтобы номер наблюдали или прослушивали. Найти цепи подслушивания было достаточно легко, имелся даже экран монитора, который можно было соединить с любой из них. Я попробовал его и убедился, что «клопы» имеются во всех номерах отеля; в некоторых из номеров происходили кое-какие интересные вещи, но я никогда особенно не увлекался вуайеризмом, предпочитая наблюдению участие. К тому же я теперь был женатым человеком. А время шло быстро. Все цепи подслушивания сходились и исчезали в кабеле, проходившем через стену и шедшем в местное полицейское управление или в иное государственное учреждение, что и подало мне некую мысль. У меня не было времени всаживать звуковую дорожку в ленту, чтобы накачивать в цепь подслушивания липовую информацию, гораздо проще было достигнуть этого путем скамливания сигнала из другого номера и провод из номера, занимаемого Васко. Судя по тому, как все тут было оборудовано, каждый «клоп» применялся для слежения за определенным единственным номером по причине, лучше известной построившим все это. Существовал примерно один шанс на десять тысяч, что когда-нибудь заметят, что из двух номеров идет один и тот же сигнал. И это соотношение было достаточно хорошим для меня. К тому же свыше половины номеров пустовало, что еще больше улучшало соотношение. Теперь Васко не могли видеть и слышать. За номер и за все прочее заплачено, но прежде чем уйти, я оставлю достаточное количество денег (краденых, конечно), чтобы протянуть, если понадобится, год. Теперь нужно было найти способ удержать Васко в номере на данный отрезок времени. Я со своим обычным соображением уже изобрел такой план. К цепи динамика к номеру был подключен маленький магнитофон и таймер; все это было замаскировано в путанице других цепей и компонентов. Я снабдил магнитофончик надлежащей записью, поставил таймер и включил его. А затем бросился обратно в номер, чтобы посмотреть, как начнет работать мое творение. Васко все еще сидел, приклеив глаза к телеэкрану, но вздыхал, когда могучие космические корабли в лихорадке разрушения обрушивались друг на друга. Шипела бластопушка, бушевали бешеные энергии, и сквозь все это прорезался мой записанный голос:

— А теперь, Васко, слушай, слушай внимательно. У тебя был долгий, трудный день, и ты хочешь спать. Ты зеваешь. Ты собираешься отправиться на боковую. Сейчас ты за-

снешь крепким сном, ибо завтра будет новый день.

Это была большая ложь, ибо завтра не будет нового дня, во всяком случае, для дорогого Васко. Снова будет то же самое. Все повторится сначала. Он будет убаюкан, погружен в глубокий сон и даже в более глубокий транс моим утешающим голосом. И пока он будет пребывать в трансе, ему будет приказано, чтобы он забыл этот день и снова вернулся к нему, так что он никогда не проснется утром своего последнего дня в увольнении перед явкой на активную службу. Он проснется с легким похмельем от празднества последней ночи и не станет ничем утруждать себя. Просто поваляется в номере отеля, поест, немного почитает, посмотрит телевизор и отправится спать пораньше. Так он будет проводить время, получая от того удовольствие, пока не нарушится программа. Это был чудесный план, защищенный, насколько возможно, от дурацких случайностей. Я скормил половину своих ликвидных фондов в копpeer уплаты, и баланс настенного индикатора подскочил до астрономической цифры. Чувствуя себя счастливым, я немедленно вышел из номера и повесил на дверь табличку: «НЕ БЕСПОКОИТЬ». А затем я впал в депрессию, вернулся, снова зажег свет и огляделся в поисках бутылки, до сих пор снабжавшей меня столь отменным вдохновением. Увы. Васко отлично позаботился о ней. Но как мне вернуться тайно на эту теперь вдвое бдительнее охраняемую базу? Та высокая каменная стена казалась мне еще выше, чем на самом деле. Я наделал шуму, перебираясь через нее, и поднял по тревоге всех. Было бы очень мило, если бы я мог вернуться без чьего-либо ведома, прокравшись, скажем, под стеной. Увы, об этом не могло быть и речи: землеройные работы, удаление земли и тому подобное — это не то, что можно совершить за несколько часов. Угнать самолет, перелететь и спрыгнуть на парашюте? И быть подстреленным еще до приземления. Да, для того, чтобы проникнуть на базу или покинуть ее вряд ли можно было выбрать худшее время. Караулы будут усиленными, часовые подозрительными, а вся база будет кишеть солдатами. Но, может быть, именно это давало мне ключ к решению задачи? Обратить их силу против них, воспользоваться их многочисленностью, чтобы нанести поражение. Дзюдо в гигантских масштабах. Но как? Ответ пришел достаточно быстро, так как проблема была правильно изложена. Я собрал требуемое снаряжение — оно было довольно объемистым, — затем сложил его в большой чемодан, который снабдил устройством для саморазрушения. Понадобится личина — ничего особенного, просто, чтобы спрятать мою реальную, присвоенную внешность. Ах, до каких уровней обмана приходится подниматься! Доверху застегнутое длиннополое пальто скрыло мой мундир, моя пилотка отправилась в карман — ее заменила широкополая шляпа, — а моя старая верная седая борода устроилась на моем лице намордником анонимности. Глубоко вздохнув, я выпил капельку и, выскользнув из номера, запер за собой дверь, а ключ сунул в карман. Проходя мимо мусоропровода, я швырнул туда ключ, и вспышка мгно-

венного уничтожения осветила мне путь. Отойдя на приличное расстояние, я остановил робото-такси и сунул на него свой чемодан.

— База «Глупость», главный вход,— приказал я, и мы поехали.

Безумие? Возможно. Но это был единственный способ. Не то, чтобы у меня не скребли кошки на душе, стараясь вырваться на свободу. Рассвет уже высветил небо, когда мы катили по подъездной улице под высокими фонарями туда, где вооруженный до зубов часовой подозрительно глядел на нас, поглаживая свое оружие.

— База закрыта! — заорал лейтенант, распахивая дверцу такси.— Что вы здесь делаете?

— База? — произнес я дрожащим голосом, довольно плохо имитируя старческий фальцет.— Разве это не Центр Морковного Сока Лиги Естественного Эдоровья? Это такси привезло меня не туда...

Лейтенант фыркнул и отвернулся, а я воспользовался этим, чтобы прокатить парочку гранат между его кривыми ногами. И еще пять швырнул за ним вслед. Первые гранаты еще не успели взорваться, как я натянул противогаз поверх своей шляпы. Ого! Обстановка становилась деловой. Гранаты были заряжены отличной смесью затемняющего сознания газа, веселящего газа и думообразователя. Ослепленные, смеющиеся, ругающиеся и кашляющие солдаты спотыкались вокруг меня. Некоторые из них разряжали свои пистолеты. Я проложил себе дорогу сквозь их расстроенные ряды, добрался до главных ворот, поставил свой чемодан и открыл его. Кумулятивные снаряды имели клейкую основу и прилипли к воротам, когда я пришлепнул их на место. Реактивный снаряд ударил в ворота, и шрапнель порвала мое длинное пальто. Я рухнул наземь, выхватил две дымовые гранаты и бросил их за спину. До того, как поднялся дым, я успел мельком увидеть приближающийся отряд, который еще находился за пределами загазованного района. Солдаты стреляли на бегу. Еще две бомбы с затемняющим газом оказались очень кстати. В такой же темноте, что и все прочие, я нащупывал капсулы и соединял их с радиоподрывным устройством. Время убегало слишком быстро. За воротами, несомненно, уже подняли тревогу, и теперь там меня будут ждать. Но я зашел слишком далеко, чтобы отступать. Я закрыл чемодан опять же на ощупь, схватил его в охапку, осторожно проследовал вдоль стены и нажал кнопку передатчика у себя в кармане. В темноте грохнули взрывы, за ними последовал лязг стали. Будем надеяться, что в воротах проделано отверстие. Я, спотыкаясь, вернулся ко входу сквозь звуки бедлама в окружавшей меня темноте.

Дыра там была. Об этом свидетельствовали проблески света, пробивавшиеся с той стороны сквозь клубящееся дымовое облако. По ту сторону были также и солдаты, судя по граду огня из ручного оружия, лязгавшего по двери. Несколько случайных

пуль пронеслись сквозь недавно прожженное отверстие. Позади меня раздалась вопли, видно, в кого-то попали. Эти дураки стреляли друг в друга, помогая распространению паники. Держась в стороне от линии огня из-за ворот, я швырнул в отверстие гранату; еще одну, еще... И когда дым здесь рассеялся, а там достиг предельной густоты, пролез в дыру сам, как можно быстрее и как можно тише. Да, шум здесь стоял отменный! Стонали сирены, орали солдаты, лаяло оружие — царила предельная сумятица. Я бросил несколько гранат во всех направлениях, стараясь забросить их как можно дальше, чтобы расширить покрываемый район. Последние гранаты — их осталось всего полдюжины — я приберег на случай особой необходимости, набив ими карманы пальто. В том, что такая необходимость возникнет, я не сомневался. Мина самоуничтожения на чемодане имела пятисекундную выдержку. Я включил взрыватель и отшвырнул чемодан.

Вдоль стены, моего единственного ориентира в этой тьме, я прокрался к караульной, замеченной мной, когда я в первый раз изучал ворота. Тогда там был припаркован целый выводок машин, и я молил бога, чтобы там осталась хотя бы одна из них. Облако поредело, и я швырнул вперед две гранаты. В темноте я услышал шум — звуки заводимого мотора. Забыв об осторожности, я побежал. Кто-то врезался в меня и тяжело упал, но я удержался на ногах и, спотыкаясь, побежал дальше. Затем я споткнулся о край тротуара и упал, но быстро поднялся и побежал, потеряв при этом шляпу. Мотор зарычал громче, а потом я увидел за краем дымового облака приземистый фургон. Он поворачивал, готовый двинуться вперед по дороге, и я бросил как можно дальше две из оставшихся четырех гранат. Водитель нажал на тормоза, когда перед ним выросли грибовидные облака, а я, очутившись у двери, рывком открыл ее. Он был в белом облачении повара, с колпаком и всем прочим. Я протянул руку и выволок его на себя, а когда он выбрался, отвесил ему резкий удар правой по отвисшей челюсти. В то же мгновение я очутился на месте водителя и переключил скорость на первую, а потом бросил машину вперед, доставив дверце захлопнуться самой от ускорения. Вырвавшись из дыма, я увидел, что уже совсем рассвело. «Отлично проделано», — поздравил я себя, а затем сбросил скорость, чтобы не обращать на себя внимания. По улице мне навстречу рысью бежали новые солдаты, я постарался опуститься на сиденье как можно ниже и начал сдирать седую бороду. Самое время вернуться к роли Виско. Вдруг в моей голове взорвалась звенящая боль, эпицентр которой находился чуть выше виска. Я вскрикнул, отпрянув в сторону, потянув за собой руль, в результате чего фургон понесся на взвод солдат, рассеявшихся во всех направлениях. Что-то мелькнуло мимо угла моего глаза, я отпрянул, и второй удар угодил мне в плечо, так что я почти не почувствовал его через одежду. Из задней части фургона высовывалась белая рука, державшая тяжелый молоток. Я с силой крутнул руль, и рука исчезла из поля зрения: видимо,

тот, кому она принадлежала, упал. В спешке я позабыл, что в фургоне могут быть и другие люди. Как раз перед фургоном у стены распростерся испуганный офицер. Я снова крутнул руль и едва-едва разминувшись с ним, так что мы хорошо разглядели друг друга, пока фургон проносился мимо него. Мой противогаз и борода наверняка произвели на него впечатление, и он незамедлительно доложит об этом по рации. Время истекало. Снова появилась рука и молоток, но я рубанул по запястью ребром ладони и отобрал молоток. Как только я свернул за ближайший угол, я с силой нажал на педаль газа и бросил молоток обратно владельцу с гранатой впридачу, заставив, по крайней мере, этот источник неприятностей на время притихнуть. Я выпрямил волнистый путь фургона и осторожно коснулся растущей шишки на голове. В этот момент впереди меня на дорогу вырулили две бронемшины и помчались ко мне. Я затормозил и свернул на следующем перекрестке. Фургон стал больше помехой, чем активом, и мне следовало избавиться от него. Но что потом? Я не хотел оказаться обнаруженным вдали от своей квартиры, что немедленно вызвало бы подозрения, однако офицерские здания находились в противоположном конце базы. Но офицерский клуб был не слишком далеко отсюда, в зоне отдыха. Смогу ли я попасть туда? Может ли быть так, что упившиеся на вчерашней попойке офицеры все еще лежат на нарах, где я их оставил? Это был слишком хороший шанс, чтобы упускать его, потому что если я смогу вернуться на свое место на нарах, то, конечно, буду вне подозрения. Клуб был достаточно близко. Были машины впереди меня, которые мчались ко мне, несомненно, еще больше машин было позади меня, но ни одной достаточно близко в этот момент. На ходу я терял свою маскировку: пальто, борода, противогаз отмечали мой след. Я запихал оставшуюся гранату в карман, натянул пилотку, расправив ее на военный лад, и строевым шагом завернул за угол. Отделение солдат высыпало из казармы. Строясь в ряды, они игнорировали меня, всего лишь еще один мундир среди мундиров. Офицерский клуб приближался. Еще два поворота, и я у цели. Передняя дверь была заперта, но я знал, где вход в комнату с нарами. Я как раз готовился завернуть за угол, когда услышал разговор двух солдат и задержался.

— Это все?

— Почти, сэр. Остались двое, которых мы никак ни можем разбудить. И один не желает слезать с нар.

— Я с ним поговорю.

Я выглянул из-за двери и тут же быстро нырнул обратно.

Я прибыл слишком поздно. Офицер как раз заходил в дверь комнаты с нарами, а кругом мельтешило множество солдат, ведущих похмельных офицеров в поджидавший фургон. Думай побыстрее, Джим, время истекает. Я подбросил последнюю гранату на ладони, а затем прихлопнул большим пальцем акватор. Если я смогу присоединиться к пьяной компании, то буду в безопасности, а это стоило риска. Держа руку за спиной, я

шагнул за угол — никто не смотрел в мою сторону — и быстрым взмахом забросил гранату как можно дальше, через фургон. Взорвалась она славно: глухой удар, бум, тучи дыма, крики солдат... И все дни смотрели в одном и том же направлении. Восемь быстрых шагов привели меня за их спины, к сидевшему офицеру, который что-то бормотал про себя, игнорируя все остальное. Я наклонился, сочувственно соглашаясь с его мало-понятными жалобами и помогая ему подняться на ноги. Затем солдаты стали помогать мне. Они подхватили меня и, поскольку я не производил впечатления человека, твердо стоящего на ногах, повели нас обоих к поджидавшему фургону. Я споткнулся и чуть не упал, а они постарались поддержать меня. Теперь сцена оборудована — ведь мне предстояло сделать еще одну вещь.

Повар из фургона непременно доложит, что он ударил диллона по голове. Последует приказ, искать рану на голове — вроде той, которая украшает мой череп. Я не мог избавиться от шишки на черепе, но я мог замаскировать ее. Это будет болезненно, но необходимо. Солдаты помогли мне влезть на первую ступеньку, и я начал подниматься. Но как только они меня выпустили, я промахнулся, ступил мимо следующей ступеньки и, рухнув назад между ними, треснулся головой о землю. Я ударился сильнее, чем планировал, мне показалось, что в мою и так болезненную голову влили расплавленный свинец, и я, должно быть, на миг отрубился. Когда я пришел в себя, то обнаружил, что сижу, а по моему лицу течет кровь, я этого не планировал, но это, разумеется, добавило красивый штрих. Ко мне бежал солдат с аптечкой. Меня забинтовали, успокоили и снова повели в фургон, но на этот раз поддерживали до тех пор, пока я не оказался внутри. Это было кстати, потому что чувствовал я себя ужасно. Волоча ноги, я пробирался в противоположный конец, подальше от входа, когда меня окликнул голос:

— Васко... — голос сменился глухим кашлем.

Мой напарник Остров был тут как тут. Он выглядел помятым и несчастным.

— Выпить нет? — спросил он. Это явно было его утренним обычаем.

Увы, во время нашей поездки я мог передать ему лишь свои соболезнования, а не спиртное. Раздались обиженные крики, когда началась разгрузка этого вытрезвителя на колесах. Офицеры присматривали за тем, чтобы пьяные не разбегались по своим квартирам, а были бы доставлены к одному из административных зданий. Я жаловался вместе с остальными, хотя и ожидал чего-то вроде этого: Кто-то сбежал с базы «Глупость», кто-то другой проник на нее. Надо было сосчитать оставшихся и установить, есть ли лишняя или отсутствующая голова.

Нас, спотыкающихся на каждом шагу, привели в зал ожидания и начали вызывать по одному на беседу с батареей чиновников от усталости. Пока мы ждали, возникло оживленное

движение по маршруту к уборной и обратно, и я встал в очередь. Главным образом для того, чтобы оставить немного мыла на пальцах при мытье рук. Потом я втер его себе в глаза. Оно жгло, словно кислота, но я терпел целую минуту, прежде чем ополоснулся. Мои глаза прожигали меня из зеркала, словно пара углей. Превосходно! Когда подошла моя очередь, я показал чиновнику свое удостоверение и дал проверить свое имя по расписанию дежурств. Я, как и все прочие, надеялся, что нам позволят скоро уйти. Прошло некоторое время, и многие офицеры начали укладываться спать на скамейках. Я присоединился к ним. Ночь была напряженная. Какая маскировка может быть для шпиона лучше, чем сон в сердце врага.

Наступившая внезапно тишина разбудила меня, задремавшего под кряхтение и жалобы моих собратьев-офицеров, топот проходящих и уходящих солдат, деловитое, жужжание конторских машин. Все эти звуки вдруг прекратились и сменились безмолвием. В тишине послышался сперва отдаленный, а затем все приближающийся звук шагов единственной пары ног. Кто-то подошел ко мне и пошел дальше, а я держал глаза закрытыми и старался ровно дышать. Только когда шаги начали отдаляться, я чуть приоткрыл глаза. Я еще больше удивился воцарившемуся безмолвию, потому что то, что я увидел, было всего лишь спиной человека, спиной неопределенного вида, чуть сутулой. Человек был одет в мятый мундир из невпечатляющей бледно-серой ткани, на голове у него была пилотка из того же материала. Я не мог вспомнить, чтобы видел раньше такой мундир, и гадал, что же могло произвести такое впечатление. Зевая, я сел и почесал голову под бинтом, наблюдая за пришедшим. Достигнув противоположного конца помещения, он повернулся к нам лицом. Спереди он выглядел не более внушительным, чем сзади. Волосы песочного цвета, слегка редющие на макушке, нарождающаяся жировая складка и двойной подбородок, чисто выбритое незапоминающееся лицо. И все же, когда он заговорил тоном старого школьного учителя, все присутствующие офицеры хранили мертвое молчание.

— Офицеры, некоторые из вас, бывшие достаточно трезвыми, могли слышать взрыв и видеть облако дыма на пути сюда. Взрыв этот был произведен неким лицом, проникшим на данную базу и все еще находящимся неопознанным в нашей среде. Мы ничего не знаем о нем, но подозреваем, что он инопланетный шпион.

Это сообщение, как и можно было ожидать, вызвало аханье и ропот. Серый человек подождал с минуту, а потом продолжил:

— Мы производим интенсивные поиски этого человека. Поскольку вы, господа, находились в непосредственной близости от места происшествия, я намерен побеседовать с вами по одному, чтобы выяснить, что вам известно. Я также могу обнаружить, что этот прокрававшийся сюда шпион... один из вас.

Эта последняя стрела вызвала только потрясенное молчание. Приведя присутствующих в подавленное состояние, он начал вызывать офицеров по одному. Я благодарил провидение, столь удачно грохнувшее меня головой о землю. Я оказался третьим не случайно. Но на каком основании? Общее сходство в телосложении с инопланетным шпионом Пасом Ратунковым? Бинт? Какая-то основа для подозрений должна была существовать.

Я потащился вперед с той же малой скоростью, что и мои предшественники. Отдал честь, и он указал мне на стул рядом с письменным столом.

— Почему бы вам не поддержать это, пока мы беседуем? — произнес он рассудительным тоном, вручая мне серебряное яйцо передатчика детектора лжи. Настоящий Васко не узнал бы его, поэтому и я не узнал его. Я просто посмотрел на яйцо с легким интересом — как будто не знал, что эта штука передает информацию в детектор лжи, — и стиснул его в своих ладонях. Мысли мои не были такими спокойными: Я попался! Он меня раскрыл! Он знает, кто я, и просто играет со мной! Он глянул в мои налитые кровью глаза, и я заметил, как его рот слегка скривился от отвращения.

— У вас была еще та ночка, лейтенант Хулио, — сказал он, поглядывая на лист бумаги и на дисплей детектора лжи тоже.

— Да, сэр... Знаете... выпил несколько рюмочек с ребятами.

Это я произнес вслух. А подумал про себя вот что: ведь они застрелят меня, продырявят мое сердце! И представил себе, как этот жизненно важный орган выплескивает в грязь мою живую кровь.

— Я вижу, вас недавно понизили в звании... и где ваши взрыватели, Пас Ратунков?

«Как я устал, как бы я хотел оказаться в постели», — подумал я.

— Взрыватели, сэр? — Я моргнул своими красными глазами, поднял руку, чтобы почесать голову, но, коснувшись бинта, подумал, что лучше не надо. Его глаза впились в мои — серые глаза, почти одного цвета с его мундиром, — и на миг я уловил за его спокойствием силу и гнев.

— А ваша рана на голове, где вы ее получили? Нашего инопланетного шпиона ударили сбоку по голове.

— Я упал, сэр, меня, должно быть, кто-то столкнул с фургона. Рану перевязывали солдаты, спросите их...

— Уже спросил. Напился, упал и опозорил офицерский корпус. Убирайтесь и попытайтесь почиститься, вы вызываете у меня отвращение. Следующий.

Я нетвердо поднялся на ноги, не глядя в эти холодные глаза, и пошел было, словно позабыв, что держу в руке прибор, а затем вернулся и уронил яйцо на стол. Мужчина в сером, склонившийся над документами, игнорировал меня. Я разглядел чуть заметный шрам под редкими волосами на его лысеющей ма-

кушке. И я ушел. Чтобы одурачить детектор лжи, требуется умение, практика и тренировка. У меня все это имелось. Сделать такое можно лишь при определенных обстоятельствах, и теперешние были идеальными. Обычный допрос без проведения тестов на нормальные реакции субъекта. Я постарался начать допрос почти в панике, причем привел себя в такое состояние до того, как были заданы первые вопросы. Красивые пики, вырисованные самописцем прибора, отразили это. Я боялся. Его, чего-то, чего угодно. Но когда он начал задавать свои вопросы — вопросы с подковыркой, предназначенные для разоблачения шпиона, но которых я ждал, — я расслабился, и прибор показал это. Вопрос о взрывателях был бессмысленным для всякого, кроме инопланетного шпиона. Когда он увидел, что этот вопрос не сработал, он прервал допрос, так как у него было еще много работы. Остров сидел мертвецки трезвый, с глазами большими, как блюдца, когда я вернулся и упал на скамейку рядом с ним.

— Чего он хотел? — спросил он глухим шепотом.

— Не знаю. Он спросил меня о чем-то, чего я не знаю, а потом все кончилось.

— Надеюсь, он не захочет побеседовать со мной.

— Кто он?

— Разве ты не знаешь? — недоверчиво спросил он, явно потрясенный моим вопросом.

Я начал отступать, осторожно прикрывая полное отсутствие информации.

— Но ведь все знают Края!

— Так это он?.. — ахнул я, постаравшись выглядеть столь же испуганным, как и он. Кажется, это сработало, потому что он кивнул, глянул через плечо и вновь замер в прежней позе.

Я поднялся и снова пошел в уборную, чтобы прикончить наш разговор на этом самом месте. Все знают Края... Кто же такой Край?

Отправка на вторжение пришла как облегчение для всех: лучше уж милая, спокойная война, чем подозрения и страхи, волновавшие базу «Глупость» в последние дни. Были внезапные тревоги и звуки сапог патрульных во все часы дня и ночи. Я гордился бы своими успехами в деле сеяния семян беспорядка, если бы одновременно не был сам жертвой этого самого беспорядка. Планы вторжения, должно быть, зашли слишком далеко, чтобы их изменять, потому что при всех волнениях мы все же придерживались расписания. В «День X» минус два дня все бары закрылись, дабы мог начаться процесс протрезвления войск. Немногие, включая меня и Острова, догадались припрятать бутылки, позволившие нам протянуть еще немного, но и этот источник иссяк, когда наши чемоданы отправили на хранение, а нам выдали заранее упакованные ранцы. У меня имелась банка порошкового спирта, замаскированная под зубной порошок, берегаемая на черный день, который мог наступить при одной лишь мысли о грядущих неделях без выпивки, так что мы с Островом прикончили порошок в один день — в «День X минус один». А потом после очередной полуночной проверки

на месте и обыска нас собрали и — «шагом марш!» — препроводили в район отправки. Темные ряды космических кораблей ожидали нас за воротами. Нас вызывали по одному и отправляли на предназначенные для нас места. Вначале я подумал, что это довольно глупый способ организовать вторжение. Никаких планов, никаких схем, никаких накачек, никаких тренировок, никаких маневров — словом, ничего. А потом до меня дошло, что это был идеальный способ устраивать вторжения, если вы желаете сохранить все в тайне. Пилоты имели большой опыт кораблевождения и получают еще больший в предстоящем полете. Солдаты были готовы драться, источники снабжения — снабжены. А где-то наверху находились запертые боксы с планами, лентами курсов и тому подобное. И все это не будет открыто до тех пор, пока мы не окажемся в изоляции, с работающими двигателями искривления пространства, и возможность каких-либо внешних связей будет исключена. Все это облегчало мне жизнь, поскольку у меня было мало возможностей оплошать по части знания того, что полагается знать клизандцу. Я с большим удовольствием узнал, что мне предстоит пилотировать десантный транспорт. Это была роль, которую я мог выполнить с честью. Мой однокомнатник на базе тоже не был человеком случайным, потому что спустя несколько минут после моего появления в навигационной рубке туда же заявился Остров и объявил, что он будет моим вторым пилотом.

— Чудесно, — сказал я. — И сколько же часов ты налетал на транспортных классах «Павиан»?

Он признался, что цифра эта, увы, довольно низкая, но я похлопал его по плечу.

— Тебе повезло. В отличие от большинства первых пилотов твой старый дядя Васко не эгоист. Нет такой жертвы, которую нельзя было бы принести для старого собутыльника. Я собираюсь позволить тебе произвести взлет, а если ты проделаешь это так хорошо, как я надеюсь, то я смогу позволить тебе совершить и посадку тоже. А теперь вручи мне список пассажиров.

Его благодарность не знала границ. Он даже признался мне в том, что бережет свою авторучку на по-настоящему черный день, потому что заправлена она двухсотградусным спиртом, и мы оба с удовольствием пустили себе в рот по струйке. И затем с чувством удовлетворения и опаленными глотками следили, как подходят строевым шагом солдаты и вливаются в погрузочные шлюзы далеко внизу. Спустя несколько минут в навигационную рубку вошел, печатая шаг, седовласый бородастый полковник в полном обмундировании.

— Пассажирам сюда вход воспрещен, — сказал я.

— Заткните рот, лейтенант. У меня ваши ленты с курсом.

— Ну так не позволите ли мне получить их?

— Что? Вы, должно быть, сошли с ума или шутите, а в бою и то и другое — преступление.

— Я, должно быть, на грани, полковник. Сами знаете...

→ Да, — слегка смягчился он. — Я полагаю, что следует

делать допуски. Всем было нелегко. Но теперь все это у нас позади. Победа Клизанду!

— Победа Клизанду! — ритуально отдали дань и мы. На протяжении последних двух дней это приходилось делать довольно часто. Полковник посмотрел на часы.

— Почти время. Приготовьте командную цепь, — приказал он.

Я мигнул Острову, и он незамедлительно нажал нужную кнопку. На экране дисплея вспыхнули слова: «Если готовность». Мы встали. Затем надпись начала мигать и сменилась другой: «Установите курс». Полковник достал из сумки контейнер с лентой, и нам пришлось расписаться в качестве свидетелей на бланке, из коего следовало, что лента, когда мы ее получили, была запечатана. Остров вставил ленту в компьютер, и полковник, удовлетворенно хмыкнув, как человек, выполнивший работу, повернулся, чтобы уйти. Однако с порога он сделал прощальный выстрел через плечо.

— И чтобы никаких этих приземлений на десяти «же», которые вы, дебильные пилоты, кажется, очень обожаете. Если такое случится, я отдам вас под военно-полевой суд.

Ждать и догонять—обычное дело для всех военных сил, и именно этим мы и занялись в дальнейшем. Пассажиры были приняты на борт по списку, и мы ждали, наблюдая, как корабли взлетают один за другим, пока большинство их не улетело. Транспорты отправлялись последними. Зеленый сигнал «Взлет» появился как облегчение. Мы были на пути к неизвестной планете, вращавшейся вокруг неизвестного солнца с точки зрения любого из нас. Лента сказала компьютеру, куда мы отправляемся, но не снизошла до того, чтобы уведомить об этом нас. Этот покров секретности не нарушался до самого вторжения. Мы были в пути семь дней. И это без какой-либо выпивки; корабль пилотировался компьютером, а замороженные пайки трудно было назвать съедобными. На стайерской дистанции без улучшающего действия алкоголя Остров оказался менее чем блестящим спутником. Какой бы разговор мы ни начинали, он неизменно кончался повторением анекдотов о его школьных днях. Пока он болтал, я обычно дремал, и у него по этой части, кажется, не было возражений. Я устраивал ему проверки по знанию приборов и манипуляций с ними, муштровка шла ему на пользу, а меня знакомила с управлением корабля и его оборудованием. Поскольку корабль был полностью автоматизирован, мы с Островом были единственными членами экипажа на борту. Дверь в помещение для солдат была заперта, и ключ имелся только у моего грубоватого друга полковника. Он навестил нас разок-другой, чем не доставил нам никакого удовольствия. На седьмой день он стоял у нас за спиной, прожигая мне взглядом шею, когда мы вышли из искривленного пространства в нормальный космос.

— Возьмите это, проверьте печать и распишитесь тут, — рывкнул он, и мы все это проделали, прежде чем он сломал печать на плоском футляре. Большими буквами на нем было написано: «ВТОРЖЕНИЕ», что достаточно ясно намекало,

что скоро будет жарко. Мои инструкции были достаточно простыми: я должен был следовать за лидером эскадры к определенной точке, а затем к указанной цели. Желтоватое солнце ярко светило с одной стороны, голубая сфера планеты находилась с другой.

Полковник прожигал эту планету таким взглядом, как будто хотел протянуть руку, сграбастать ее и откусить кусок. Так что будущее развитие событий казалось достаточно очевидным и без вопросов. Вторжение началось. Большая часть флота была впереди нас, затерянная в ночи космоса и видимая только иногда, когда корабли меняли курс: в эти моменты во тьме вспыхивала сеть искр. Наша эскадра транспортов держалась компактно, следуя за ведущим кораблем. Планета росла на передних экранах. С этого расстояния она выглядела достаточно мирной, хотя я знал, что передовые части флота к этому времени уже должны были ее атаковать. Разумеется, я не ждал с нетерпением этого вторжения — кто, кроме сумасшедшего, может наслаждаться перспективой надвигающейся войны, — но надеялся найти здесь ответ на вопрос, приведший меня сюда. Я по-прежнему считал, что межпланетные вторжения невозможны, несмотря на то, что теперь сам участвовал в таком. Я чувствовал себя человеком, увидевшим в зоопарке одно из наиболее экзотичных животных и сказавшим: «Такого животного нет, потому что его быть не может». Межпланетные военные силы мчались вперед, могучая армада, доказывающая, что моя теория оказалась ложной. Когда безымянная планета увеличилась и заняла весь экран, я увидел первые признаки войны, которая, как я знал, уже была в разгаре. Крошечные искорки света на почном полушарии. Остров тоже увидел их. Он замахал кулаками, подзадоривая тех, кто, конечно же, не мог его слышать.

— Задайте им, ребята! — кричал он.

— Заткнись и следи за своими приборами! — рявкнул я, чувствуя, что вдруг возненавидел Острова. И сразу же пожалел его. Ведь он был продуктом среды, окружавшей его. Если прут согнут, из него вырастет кривая ветка и так далее. Остров на стадии прута был аккуратно согнут военной школой-интернатом. В которую его запихали в малолетстве. И о которой он по какой-то неизвестной причине все еще был хорошего мнения, хотя все рассказанное им о ней носило либо депрессивный, либо садистский оттенок.

Затем наша группа кораблей распалась. Каждый транспорт выходил на свою цель. Я повозился с рацией, молча проклиная клизандскую страсть к секретности. Вот я приземляюсь и даже не знаю, куда! Разумеется, на планету, которая сейчас подомной, — это они не могли хорошо замаскировать. Но на какой континент? В каком городе? Все, что я знал, это то, что первыми при вторжении прошли корабли-следопыты и посадили радиомаяки. Я имел частоту и слушал сигнал, который должен был слушать. Я должен был вести по этому сигналу корабль, а затем посадить его. И я знал, что целью был космопорт. Вместе

с последними инструкциями я получил несколько больших и четких фотографий, на которых космопорт был виден с воздуха и с земли — клизандские шпионы явно поработали усердно.

Большое красное «Х» отмечало место, где, неподалеку от здания вокзала, я и должен был посадить свой корабль. Сигнал был громким и четким.

— Пристегнуть ремни, — скомандовал я, — мы прибываем. — Я скормил инструкции компьютеру. Он почти мгновенно выработал траекторию приземления и включил главные реактивные двигатели. — Предупреди полковника, а затем угости его сведениями о расстоянии и высоте, пока я позабочусь о корабле.

Мы падали к терминатору, летя в зарю. Компьютер, прицепившийся к передатчику, медленно и осторожно опускал нас по огромной дуге. Когда мы пробились сквозь облачный покров и далеко внизу стала видна земля, я заметил первые признаки сопротивления. Вокруг нас начали распускаться черные облачка разрывов.

— Они стреляют в нас! — потрясенный Остров икнул.

— Так это же война со стрельбой, разве не так? — Я гадал, что он за ветеран, если его тошнит от пушечной пальбы, в то время как пальцы мои, перехватив у компьютера управление, вырубili главные реактивные двигатели. Мы летели вниз в свободном падении, и следующая серия разрывов появилась выше и позади нас, так как компьютер пушки не мог предвидеть предпринятый нами маневр.

Далеко внизу я увидел космопорт и включил боковые реактивные двигатели, чтобы несколько изменить направление нашего движения, однако мы продолжали падать. Показания приборов анализировались компьютером, который продолжал вспыхивать красным, предупреждая о близкой земле. Я поспешил дать ему программу приземления с торможением, которая должна была уронить нас на нулевую высоту при ускорении десять «же». Это означало, что мы будем падать на максимальной скорости, а потом быстро сбросим ее, что уменьшит время, когда мы будем открыты для наземного огня. И я хотел, чтобы полковник получил те десять «же», о которых он предупреждал меня.

Реактивные тормозные двигатели включились на высоте, не превышающей, казалось, верхушек деревьев, вдавив нас в кресла. Думая о выражении лица полковника в этот момент, я улыбнулся, хотя сделать это нелегко, когда тебя прижимает твой десятикратно возросший вес. Следя за экраном, я добавил скорость бокового смещения, и вскоре мы оказались точно над назначенной нам целью. После этого все легло на компьютер, который прекрасно справился с этой задачей и выключил моторы как раз тогда, когда захрустели корабельные опоры для приземления. Как только моторы выключились, я ударил по кнопке выгрузки, и корабль задрожал от отдачи выброшенных трапов.

— На этом наша роль исчерпана,—сказал я, расстегивая ремни и потягиваясь.

Остров присоединился ко мне возле иллюминатора, и мы вместе следили, как солдаты слетали по трапам и бежали в укрытия. Они, казалось, вообще не несли потерь, что было удивительно. Поблизости было видно несколько бомбовых кратеров и кучи щебня, а истребители-бомбардировщики все еще ревели на малой высоте, обеспечивая нам прикрытие. И все же казалось невозможным, что так быстро удалось сломать сопротивление. Вот каким мог быть ответ, объясняющий успех клизандских вторжений: знай, выбирай и срывай, как яблоко, планеты, созревшие для этого. Я мысленно сделал заметку: следует разувать об этом побольше. Следом за солдатами из ракеты выехал полковник на своей машине. Я надеялся, что кишки у него все еще спрессованы от приземления.

— А теперь мы должны найти выпивку,—заявил Остров, предвкушающе чмокая губами.

— Пойду я,—поспешно объявил я, хватая личное оружие и пристегивая его к поясу.— Ты останешься с рацией сторожить корабль.

— Именно это всегда говорят первые пилоты,—пожаловался он, дав мне понять, что я поступил правильно.

— Привилегия звания. Когда-нибудь и ты воспользуешься ею. Я скоро вернусь.

— Бар космопорта там, где он обычно находится,—крикнул он мне вслед.

— Не учи шуку плавать,—фыркнул я. Местонахождение бара я уже вычислил.

Все внутренние двери автоматически открылись, когда мы приземлились. Я спустился по лестницам на недавно освободившуюся палубу и сквозь груды брошенных здесь контейнеров от пайков пинками расчистил себе путь к ближайшему трапу. Свежий утренний ветер, проникший внутрь корабля, принес с собой запахи пыли и взрывчатки. Мы принесли на другую планету преимущества клизандской культуры. Я слышал отдаленную стрельбу. Прогредел и пропал вдали реактивный самолет, и после этого стало очень тихо. Вторжение веером расходилось от космопорта, оставляя в кильватере очаг безмолвия. Никого не встретив, я прошел непроверенным через таможеню и нашел бар. Первое, что я сделал, это высосал бутылку пива, а затем плеснул в стакан немного антаресского. За стойкой выстроились ряды бутылок, новых и старых. В поисках коробки или сумки я открыл дверцу под стойкой. Неожиданно оказалось, что я смотрю в испуганные глаза прячущегося там молодого человека.

— Не мортигу мин! — завопил он.

«Не убивай меня!» — вот что означали его слова на эсперанто, которым я владел в совершенстве. Я ответил ему на том же языке.

— Мы находимся здесь для того, чтобы освободить вас, так что я не собираюсь причинить тебе никакого вреда.—

Слух об этом мог дойти до властей, и я хотел произвести нужное впечатление.— Как тебя зовут?

— Пир.

— А как называется эта планета? — Для молодого человека мой вопрос мог показаться идиотским, но он был слишком испуган, чтобы заметить это.

— Бурада.

— Вот и прекрасно. Я рад, что ты решил быть правдивым. И что же ты можешь рассказать мне о Бураде?

Не скажу, чтобы я выразился очень удачно, во всяком случае, он был слишком ошеломлен, чтобы ответить. Какое-то время он молча разевал рот, затем вылез из шкафа под стойкой и повернулся, видимо, в поисках ответа. Он нашел буклет, который молча передал мне. У него была трехмерная обложка, на которой был изображен океан с великолепными деревьями на берегу; картина ожила, как только ее коснулось тепло моей ладони: волны начали бесшумно разбиваться о золотой песок, ветви деревьев зашевелились от прикосновения неощутимого ветра. По небу поплыли сложившиеся из облаков буквы, и я прочел: ПРЕКРАСНАЯ БУРАДА... МИР — КУРОРТ ЗАПАДНОГО ИСКРИВЛЕНИЯ.

— Грабим и якшаемся с врагом,— произнес знакомый и ненавистный голос. Я медленно обернулся и увидел моего друга полковника с нашего корабля. Он стоял и держал в руках гауссовку, а на лице его было то, что можно назвать мерзкой улыбкой.— И еще приземление на десяти «же»,— добавил он, несомненно, называя истинную причину своей злобы,— что не является подрасстрельным преступлением, хотя первые два являются.

Пир придушенно взвизгнул и отпрянул — слов полковника он не понял, но его манеры и его оружие были достаточно красноречивы. Я улыбнулся как можно холоднее, стараясь не привлекать внимание полковника к тому, что мои руки находятся вне поля его зрения — ниже стойки. Повернувшись к юноше, я показал на противоположный конец помещения и приказал ему убраться туда. Он мигом шмыгнул в угол, и пока происходило это маленькое отвлечение, я сунул туристический буклет в карман и высвободил из кобуры свой пистолет. Когда я повернулся к полковнику, я увидел, что он поднял свою гауссовку.

— Вы ошибаетесь,— сказал я.— А также оскорбляете собрата-офицера, бывшего недавно лет-майором. Я помогаю нашим силам вторжения обеспечить неприкосновенность этого питейного заведения, дабы помешать любому из ваших солдат позорно напиться во время выполнения боевого долга и тем самым повредить нашим всесторонним усилиям. И, находясь в этом месте, я взял в плен местного жителя, прятавшегося здесь. Это, и только это произошло здесь, а в случае чего мое слово будет против вашего, полковник.

Он направил на меня дуло гауссовки и сказал:

— Нет. Будет только мое слово: я поймал вас на грабеже и вынужден был застрелить, когда вы сопротивлялись при аресте.

— Меня трудно застрелить,— заметил я, позволяя дулу своего пистолета выскользнуть из-за края стойки и посмотреть в правый глаз полковника.— Я отличный стрелок, и один из этих разрывных снарядов обязательно снесет вам макушку.

Он явно не ожидал столь находчивого ответа от офицера-летчика и заколебался. Пир слабо взвизгнул, после чего раздался глухой стук. Я предположил, что он шлепнулся в обморок, но был слишком занят, чтобы это проверить. Убийственная немая сцена продолжалась с минуту, и было совершенно невозможно предсказать, чем она закончится, но в этот момент в помещение влетел солдат с полевой сумкой и рацией. Полковник взял трубку и вернулся к войне, в то время как я сунул пару бутылок под куртку и удалился через другую дверь, перешагнув через Пира, лежавшего без сознания и, несомненно, лучшим образом разрешившего возникшую проблему. Я исчез прежде, чем полковник осознал это, отнес выпивку на корабль и служебным лифтом отправил ее Острову.

— И больше одной не пей! — приказал я, а его голос через некоторое время ответил мне счастливым воплем.

Теперь я был предоставлен самому себе и намеревался с максимальной пользой использовать предоставившуюся мне свободу. Битва все еще бушует, так что за моими передвижениями следить не будут, и я могу заняться наблюдениями. Конечно, меня тоже могли убить, но это не больше чем одна из случайностей моей опасной службы. Коль скоро вторжение преуспее, передвижения здесь будут резко ограничены, а я, вероятно, вскоре окажусь на пути обратно в Клизанд. Туристский буклет все еще находился у меня в кармане, и тепло моего бедра поддерживало происходящее на обложке действие. Я открыл его и перелистал страницы, где были много иллюстраций и мало текста. Это была обычная, в меру навязчивая реклама с тихой музыкой, источником которой являлась иллюстрация плавучего оркестра в прекрасном заливе Сабу, и запахом цветов с полей Канане. Я ожидал, что иллюстрации, изображающие катание на лыжах в Карских горах, покажут, как падает снег, но так далеко техника рекламы, видимо, не зашла. Там была и карта, показывающая космопорт и город, хотя вообще-то она была схематическая и потому никчемная, все же она сообщила мне, что я стою в космопорте Сукук, неподалеку от города Сукук. Я закрыл буклет и отправился смотреть достопримечательности. Гнетущее зрелище. Немало пройдет времени, прежде чем туристы вернутся на эти солнечные берега. Я шел по пустынным улицам, выщербленным взрывами и обожженным огнем, гадая, какую цель могло преследовать все это. Война всегда дурацкое дело, но в эту минуту она казалась мне еще более инфантильной. А может, более подходящим будет слово «ужасной»? — подумал я, когда увидел первые трупы. Затем я услышал звук шаркающих ног, и на улице впереди меня появилась толпа пленных, охраняемых бдительными солдатами. Многие из пленных были ранены и только немногие перевязаны. Возглавлявший конвоиров сержант отдал честь, когда

они проходили мимо меня, и победно взмахнул рукой. Я улыбнулся в ответ, но на это потребовалось некоторое усилие. Что я теперь должен сделать, так это найти какого-нибудь ответственного гражданина, еще не ставшего пленным или убитым, и получить ответы на некоторые вопросы. Гражданин нашел меня первым. Я покинул главную улицу и свернул в узкий, извилистый переулок со зловещим названием Мабаакалий-Сисуртмек — никакая улица с таким названием не может быть до конца хорошим местом. Мои подозрения незамедлительно оправдались. Это обнаружилось, когда я завернул за угол и оказался лицом к лицу с молодой женщиной, которая целилась в меня из крупнокалиберной охотничьей винтовки. Я взметнул свои руки вверх еще до того, как она заговорила.

— Сдавайся или смерть!

— Я сдался, разве не видно? Да здравствует Бурада! Ура!..

— Кончай свои тошнотворные шуточки, поганый самец, поджигатель войны, или я пристрелю тебя на месте!

— Поверьте мне, я на вашей стороне. Мир, Бурада, добрая воля ко всем людям-братьям... и сестрам, конечно, тоже.

На это она презрительно хмыкнула и взмахом винтовки велела мне зайти в темный дверной проем. Она даже в гневе оставалась красивой женщиной, круглолицей, с падающими на плечи прямыми черными волосами. На ней была темно-зеленая форма с кожаными ремнями, сапогами и всем прочим, на рукаве были какие-то знаки различия. Несмотря на все это, она сохраняла женственность — никакой мундир не мог замаскировать великолепную выпуклость ее груди. Я вошел в подъезд, и когда она протянула руку, чтобы забрать пистолет, я не стал сопротивляться. Я мог бы проделать кое-какие быстрые операции с ее рукой и стволом винтовки и заполучить в результате и то, и другое оружие, но предпочел воздержаться. Пока она чувствовала свое превосходство, она могла говорить более свободно. Мы вошли в темное внутреннее помещение с одним окном. Это была, видимо, какая-то контора. На столе перед нами лежала вытянувшись еще одна девушка в форме. Глаза ее были закрыты, штанина ее форменных брюк была оторвана, открывая уродливую рану, перевязанную бинтом. Кровь просочилась сквозь повязку и собралась лужицей на поверхности стола.

— У вас есть аптечка? — спросила меня конвоирующая.

— Есть, — ответил я, снимая индивидуальный пакет с пояса. — Но не думаю, что от этого будет какой-то прок. Она, похоже, потеряла много крови и нуждается в медицинской помощи.

— А где она ее получит? Не от вас ли, свиней-захватчиков?

— Наверное. — Я стал срывать старые бинты, посыпать рану антисептическим порошком из распылителя, накладывать новые бинты. — У нее скверный пульс — редкий и очень слабый. Не думаю, что ей удастся выкабаться.

— Если она не выживет, то считайте, что убили ее вы! — В глазах моей противницы стояли слезы, правда, это не мешало ей целиться мне в живот.

— Я пытаюсь спасти ее. И вы можете называть меня Васко.

— Бейз,— автоматически представилась она,— сержант гвардии, пока они не взяли верх.

— Они?.. — Я почувствовал легкое замешательство.— Вы имеете в виду нас, армию Клизанда?

— Нет, конечно, нет... Но почему я болтаю с вами, когда мне следовало бы убить вас...

— Не думаю, что вам следовало бы так поступить. Вы поверили бы, если бы я сказал, что я ваш друг?

— Нет.

— Что я шпион, неважно чей, работающий против Клизанда, хотя я и нахожусь в их Космической Армаде?

— Я бы сказала, что ты — червяк, вымаливающий свою никчемную жизнь и готовый ради этого сказать все, что угодно.

— Однако, так или иначе, это правда,— проворчал я, понимая, что она не собирается принять сказанное мной на веру.

— Бейз... — слабо произнесла девушка на столе, и мы повернулись в ее сторону.— Бейз...

И она умерла. Я подумал о том, что сейчас тоже буду покойником. Бейз вскинула винтовку, и я увидел, как побелели костяшки ее пальцев, когда она нажала на спуск. И тут я на максимальной скорости проделал множество вещей, начав с того, что нырнул под дуло винтовки и перекатился к ногам Бейз. Винтовка выстрелила, взрыв чуть не снес мне голову в этом маленьком помещении, но осколки меня не задел. Прежде чем она выстрелила снова, я схватился за винтовку и рубанул ладонью по мышцам ее руки, а потом проделал и некоторые другие вещи, которые обычно с женщинами не проделывают, кроме как в подобных чрезвычайных ситуациях. В результате я заполучил винтовку, да и мой пистолет вернулся ко мне обратно, а она лежала у стены, и на этот раз ей действительно было из-за чего плакать. Пройдет немало времени, прежде чем она снова сможет пользоваться своими пальцами: я только-только не сломал ей кость.

— Послушайте,— сказал я, откладывая пистолет и возясь с архаическим механизмом винтовки,— я действительно сожалею о случившемся. Но в данный момент я не испытывал желания быть убитым, а это был единственный способ остановить вас.

Я поработал с затвором и выбросил все патроны, а затем заглянул внутрь, чтобы убедиться, что я не упустил чего-нибудь.

— То, что я рассказал вам, правда. Я на вашей стороне и хочу помочь вам. Но сперва вы должны помочь мне.

Она была озадачена, но добиться ее внимания я сумел. Она вытерла рукавом слезы, когда я вернул ей винтовку, а затем ее глаза расширились, когда я передал ей и боеприпасы.

— Если вы на минуту оставите оружие незаряженным, я высоко оценю вашу любезность. Я обменяюсь с вами информацией, если вы не хотите давать ее даром. Существует некая организация, о которой вы, вероятно, никогда не слышали и которая очень заинтересована в выяснении того, чем занимается Клизанд. А занимается он межпланетным вторжением. Бурда шестая в списке, и все выглядит так, что это вторжение окажется столь же успешным, как и предыдущие.

— Но почему они этим занимаются?

— Почему — неважно, по крайней мере, в настоящее время, поскольку дурные амбиции не необычны среди разнообразных политических систем человечества. Что я хочу знать — так это как. Как им сошло с рук это вторжение при наличии планетной обороны?

— Вините в этом «Конколослук», — со злостью ответила она, потрясая винтовкой. — Я не говорю, что женская партия не совершала ошибок, но ничего похожего на их...

— Не могли бы вы добавить несколько деталей, — прервал я ее. — Общий фон, так сказать. Потому что, боюсь, я потерял нить ваших рассуждений.

— Я дам вам деталь. Мужчины! — Она сплюнула, и глаза ее запылали гневом. Она снова начала выглядеть привлекательной. — Женская партия принесла на эту планету века просвещенного правления. Процветание, отличный туристический бизнес, никто не страдал. Да, действительно мужчины начали голосовать на несколько лет позже женщин, и самую лучшую работу им было нелегко получить. Ну и что? Сколько страдали женщины на других планетах от подобных и худших вещей? Вот они и взбунтовались. Но и «Конколослук», мужская партия, не дремала, они шныряли, интриговали, нашептывали ложь: права мужчинам, долой угнетение и тому подобное. Вздуроражили людей, завоевали несколько мест в парламенте, учиняли беспорядки в сельской местности. Потом их однодневная революция, они захватывают власть. И все их обещания побоку. Оказалось, что единственное, чего они хотели, — это важничать и кичиться своим превосходством. Ничего себе превосходство! Они ничтожества, все до одного! Ничего не понимают ни в правлении, ни в войне. Когда высадились ваши солдаты, мужчины в большинстве предпочли бежать, а не драться. Я бы никогда не сдалась!

— Наверное, они были вынуждены?

— Никогда! Собаки они, вот и все!

То, что я узнал, дало пищу для размышлений, а вместе с мыслями пришло прозрение, и передо мной забрезжил свет открытия. Разноплановые куски начали складываться в моей голове в некую картину. Я старался не дать возбуждению овладеть мной. Пока еще это была лишь бесформенная мысль, но если она сработает... Тогда я буду знать, как Клизанд сумел повернуть свой фокус с вторжением. Просто, как все хорошие идеи, и к тому же застраховано от всяких случайностей...

— Мне понадобится ваша помощь, — обратился я к Бейз. — Я останусь в Космической Армаде, по крайней мере, на какое-то время, поскольку там я смогу узнать многое. Но я не покину эту планету. Именно здесь клизандцы слабее всего, и именно здесь они будут побиты. Вы слышали когда-нибудь о Спецкорпусе?

— Нет.

— Ну, теперь услышали. Это группа, которая собирается помочь вам. Я работаю на них, и они должны следить за мной. Они видели, как флот покинул Клизанд, и наверняка последовали за ними сюда. Это было одним из вариантов событий, проанализированных нами. Сейчас вокруг этой планеты должен вращаться зонд-транслятор. Он передаст любые сведения Корпусу, и мы получим любую помощь, которая нам понадобится. Вы должны получить доступ к передатчику средней мощности.

— Да, но с какой стати? Почему я должна вам верить? Может быть, вы лжете!

— Может быть, но вам придется пойти на риск. — Я лихорадочно записывал на бумажке сообщение — Теперь я покидаю вас. Я должен вернуться на корабль раньше, чем они начнут гадать, куда это я запропастился. Вот сообщение, которое вам необходимо передать на этой частоте. Вы сможете это сделать, не попавшись, это достаточно легко. При всех условиях, сделав это, вы ничего не теряете, а можете спасти свою планету.

Все еще сомневаясь, она посмотрела на бумажку

— Трудно поверить, что вы действительно шпион и хотите помочь нам.

— Вы можете поверить, что он шпион. Положитесь на мое слово, — раздался голос из двери позади нас, и я почувствовал, как холодная рука сжала мое сердце. Я медленно обернулся.

Там стоял Край, человек в сером. Позади него были еще двое тоже в серых мундирах. Направив на меня свое оружие, Край прицелился в меня еще и пальцем, словно это был пистолет.

— Мы следили за тобой, шпион, и ждали этой информации. Теперь мы можем приступить к уничтожению вашего Спецкорпуса.

— Что-то сегодня люди слишком часто выскакивают из дверей, ха-ха! — проговорил я с веселостью, которой, разумеется, не испытывал. Край улыбнулся ледяной улыбкой.

— Если вы имеете в виду полковника, то да, я поручил ему следить за вами. Попробуйте теперь прикинуться дурачком, Пас Ратунков, или как вас там действительно зовут.

— Хулио. Васко Хулио, лейтенант Космической Армады.

— Лет-майор Васко Хулио был найден в «Робот-Отеле», что и навело нас на ваш след. План ваш был крайне остроумен и мог бы иметь успех, если бы не сгорели оптически передатчики. Посланный навестить порядок ремонтник обнаружил лет-майора, а его заблуждение относительно даты привлекло мое внимание. Я заберу это.

Край взял записку с сообщением из несопротивляющихся

пальцев Бейз. Он, казалось, очень здорово контролировал ситуацию. Я вцепился в собственную грудь в районе сердца, закатил глаза, зашатался, отступая назад, к окну.

— Слишком много... — простонал я. — Сердце отказывает... Не стреляйте... Это конец...

Край и двое его людей холодно смотрели, как я проделываю в их честь все это, до кульминационного момента, когда я вцепился себе в горло и зарычал от боли. Тело мое выгнулось дугой, мускулы напряглись, а в следующий момент я упал спиной вперед через окно. Я вылетел вместе с кусками выбитого стекла, вывернулся в воздухе, приземлился на плечо, перекатился и вскочил на ноги, готовый бежать. Оказалось, что я гляжу прямо в дуло гауссовки, находившейся в руках еще одного молчаливого и неулыбчивого человека в сером. Как остроумный собеседник он не выиграл бы и нуля очков, но в данный момент я и сам не мог придумать, что умное можно сказать в такой ситуации. Позади меня из окна с разбитыми стеклами донесся голос Края:

— Заберите девчонку в тюремный лагерь, нам она больше не нужна. Остальные вернутся за шпионом. Будьте постоянно начеку, вы видели, на что он способен.

«Явное преувеличение», — подумал я про себя с внезапной мрачной депрессией. Что и говорить, я проник куда надо и выяснил то, что хотел узнать, но оказался не в состоянии передать полученную информацию, что делало ее бесполезной. Край мог использовать мое сообщение в собственных целях — весьма скверных, в этом я был уверен. Пока я пребывал в этом темном душевном состоянии, остальные серые люди окружили меня и погнали в поджидающий грузовик. Не было ни малейшего шанса сбежать — очень уж искусно владели они своими пушками. Путешествие было коротким, машина — примечательно некомфортабельной. Она была трофейной — грузовик, который использовался для перевозки мусора или еще чего-то похуже. Кажется, я оказался единственным, кого беспокоил испускаемый ею запах. Серые не отпускали никаких замечаний по этому поводу и не сводили глаз с меня во время путешествия. По крайней мере, машина двигалась бесшумно и весьма плавно. Я обдумывал отчаянные планы. Может быть, выдрать один из проводов, проходивший у моих ног? Или выпрыгнуть из грузовика сзади? Однако от этих планов было мало толку, и мы достигли места назначения, не изменив своих относительных позиций. Под дулом пистолета меня прогнали в реквизированную для военных нужд комнату, где опять же под дулом пистолета, мне приказали раздеться. С помощью портативного флюороскопа и холодных зондов — крайне унизительная операция — они удалили с моей персоны все приборы и устройства, а затем выдали мне новую одежду. Одежда эта была весьма примечательной. Идеальный комбинезон, сделанный из мягкого и гибкого пластика, он обеспечивал носившего его защитой и теплом. И в то же время был тюремным одеянием, потому что был совершенно прозрачным. Эта

постоянная незащищенность наготы, разумеется, не повышала бодрость духа, и я начал испытывать к серым людям еще большее уважение. Причем все это проделывалось молча, а мои попытки завязать разговор игнорировались. Последним мазком этих модельеров был застегнутый у меня на шею металлический ошейник. От ошейника тянулся провод к коробке, которую держал один из серых людей. Все это имело-весьма зловещий вид. Мои подозрения оправдались, когда одевавшие меня господа ушли со своим оружием, а Край повернулся лицом ко мне, держа в руке упомянутую коробку.

— Я могу сделать так,— сказал он голосом столь же серым, как и его одеяние. И нажал кнопку на коробке.

То, что я испытал вслед за этим, было совершенно неожиданным и исключительно болезненным. В один миг я был ослеплен взрывом огней, никогда не виданных прежде цветов и неистовства. Уши мои наполнил звук, который был чем-то большим, чем обычные звуки, и каждый квадратный дюйм моей кожи загорелся огнем, словно меня бросили в ванну с кислотой. Эти интересные вещи продолжались дольше, чем я хотел, а затем внезапно исчезли столь же быстро, как и начались. Зрение и слух вернулись. Оказалось, что я лежу на полу, и у меня болит затылок, которым я, должно быть, треснул, когда упал. Лежать так на полу было довольно приятно. Эта коробочка, должно быть, генерировала нервные токи. Нет нужды пытаться тело, когда ты можешь скормить в нервную систему специфические болевые импульсы.

— Встать,— скомандовал мой конвоир, что я и сделал довольно быстро.

— Я готов вести себя хорошо! — поспешно выпалил я.— Вы только скажите, и я подчинюсь. Я буду пай-мальчиком.

Временно, конечно. До тех пор, пока не найду выхода из этой западни для стальной крысы. Я покорно потрусил в другую комнату, где сидел Край за большим письменным столом. Комната была пыльной, на стенах и на полу были видны голые места, откуда удалили картины и предметы мебелировки. Единственным новым предметом, помимо упомянутого стола, был недавно ввернутый в потолок сверкающий крюк. Я совсем не удивился, когда крюк этот проделали в кольцо коробки, соединенной с моим ошейником, и я, стоявший перед своим пленителем, оказался на привязи. Край внимательно осмотрел меня с ног до головы. Дело нетрудное, если учесть прозрачность моей одежды. Я никогда не страдал от табу на наготу, так что меня это не беспокоило. А вот холодное отвращение в его глазах вызвало у меня куда большее беспокойство. В настоящее время я находился, если использовать классическое выражение, полностью в его милости. Я понятия не имел, какие испытания он мне придумал, но решил попытаться хоть чуточку улучшить положение дел.

— Что бы вы хотели узнать? — спросил я

— Много, но это придет позже.

— А чем плохо прямо сейчас? Учитывая состояние сов-

ременной гипнотической техники, наркотерапии и старомодных пыток, вроде этой вашей нейромашины, невозможно скрыть факты, если допрос ведется достаточно решительно. Поэтому спрашивайте, и я отвечу.

Пусть он узнает на здоровье то малое, что я знаю о Спецкорпусе. Местонахождение баз хранилось от нас в секрете — подобные допросы, несомненно, предусматривались. Я был удивлен, когда он покачал головой в медленном «нет».

— Информацию вы дадите мне позже. Сперва мне нужно убедить вас в серьезности моих намерений. Я намерен допросить вас, а затем привлечь на службу нашему делу. Добровольно. Чтобы убедить вас в этом, я должен прежде всего сказать, что вас не убьют. Сильные люди храбро встречают смерть. Она — легкий выход из некоторых проблем. У вас такого выхода не будет.

Я почувствовал, что становлюсь все менее заинтригованным относительно того, что он хотел сказать. Я ожидал грубого допроса, но у него на уме были дела покрупней. Так что я бросил этот небрежный тон и сказал:

— Забудьте об этом. Посмотрите в лицо факту, что я не люблю ни вас, ни вашу организацию, ни того, за что вы сражаетесь и не намерен менять свое мнение. Даже если я обещаю помогать вам, у вас не может быть уверенности, что это всерьез. Так что давайте не будем вовлекать себя в такого рода фарсовое положение с самого начала.

— Совсем наоборот, — сказал он и нажал кнопку на столе. Коробка наверху загудела и начала сматывать толстый провод, подтягивая меня вверх, пока я не был вынужден встать на цыпочки для того, чтобы дышать. Ошейник впился мне в шею. — Прежде чем я закончу с вами, вы будете умолять меня о возможности сотрудничать, вы будете рыдать, пока я не разрешу вам этого, и счастливейшим моментом вашей жизни будет миг, когда вы, наконец, вымолите исполнение этого единственного вашего желания. Позвольте продемонстрировать вам лишь один образчик нашей простой, но крайне убедительной техники.

Ступни мои уже вибрировали от боли, но я продолжал стоять на цыпочках, иначе ошейник просто удушил бы меня. Край поднялся и подошел ко мне сзади, где я не мог видеть его, а затем схватил мои руки и прижал оба запястья к краю металлического стола. Стол сделал ему одолжение, замкнув на моих руках зажимы, которые тут же защелкнулись. Зажимы обхватили мои предплечья, оставив запястья и кисти рук свободными. Правда, самое большее, что я мог сделать, это побарабанивать пальцами по столу. Край снова появился в поле моего зрения и, нагнувшись, вынул что-то из ящика стола. Это был топор. С длинной ручкой и широким лезвием, примитивный, но выглядящий достаточно эффектно топор, который вполне можно было бы использовать для рубки деревьев. Край взял его обеими руками и высоко поднял над головой.

— Что вы делаете? Стойте! — закричал я в страхе, извиваясь в металлических объятиях, не в состоянии сделать что-

либо, кроме как глядеть, как он на миг задержал топор, а затем опустил его в злобном рубящем ударе.

Полагаю, я закричал, когда он ударил. Должен был закричать, такой страшной и всепоглощающей была боль. Так же, как и зрелище моей правой кисти, отрубленной у запястья и лежавшей без движения на столе; струйки крови, выкачиваемой из обрубка, заливали ее. Топор поднялся вновь, и на этот раз я с уверенностью могу сказать, что закричал громко и пронзительно. Я кричал, пока топор поднимался, а потом молниеносно опускался. Моя левая кисть была отрублена, как и правая, кровь струей хлестала по всему столу и стекала на пол. От боли и ужаса туман поплыл перед моими глазами, но сквозь туман я видел лицо Края. Улыбающееся. В первый раз улыбающееся. Затем я был без сознания. Я погружался во тьму, умирал... не могу выразить это состояние словами. Мир умчался от меня по темному туннелю, и я остался с ощущением боли, а затем даже это исчезло. Когда я открыл глаза, то обнаружил, что лежу на полу и что прошел бог ведает какой отрезок времени. Мысли мои были вялыми от сна или от чего-то другого, и я должен был изрядно потрудиться, чтобы раскопать в памяти воспоминания о том, что случилось. Только когда ко мне четко явилось видение моих отрубленных кистей, я открыл глаза и сел, потирая одну ладонь другой. Я ощущал кисти совершенно нормально. Что же произошло?

— Встать,— произнес голос Края, и я понял, что сижу на полу перед его столом и что мой ошейник все еще на месте, а провод ведет от него к устройству на потолке. Я медленно встал и посмотрел на стол. Он был чист, никакой крови.

— Готов поклясться... — начал было я, но мой голос оборвался, когда я увидел две бороздки на металлической поверхности стола, как будто по ней ударили два раза каким-то тяжелым лезвием. Затем я поднес руки к лицу и посмотрел на запястья.

Оба запястья были окружены красным рубцом заживающей плоти с красными точками удаленных швов по краям. И в то же время мои руки ощущались такими же, как всегда. Что же произошло?

— Вы начинаете понимать, что я имел в виду? — спросил Край, снова усевшийся за стол, голосом столь же серым, как и его одежда.

— Что вы сделали? Вы не могли отрубить их... мои кисти... и пришить их обратно. В этом я уверен — на это потребовалось бы время, вы не могли... — Я понял, что веду себя растерянно и суетливо, и замолчал.

— Вы не верите, что это произошло? Мне проделать это снова?

— Нет! — выкрикнул я и отпрянул от стола. На это он одобрительно кивнул.

— Так, значит тренировка началась. Вы утратили маленький кусочек реальности. Вы не знаете, что произошло, но знаете, что не желаете, чтобы это произошло снова. Именно так и

будет идти процесс. В конечном итоге вы потеряете всякий контакт с реальностью, которую знали всю жизнь, потеряете всякий контакт с личностью, которой вы всю жизнь были. Когда вы достигнете этого состояния, мы примем вас, как одного из своих. И тогда вы расскажете во всех подробностях о своей работе, о Спецкорпусе, не только мучая свою память ради крох информации, которые вы могли бы упустить, но и активно составляя планы его уничтожения.

— Это не сработает,— заявил я с куда большей уверенностью, чем на самом деле чувствовал.— Я не один. Корпус теперь взялся за вас и активно против вас работает, так что теперь стало просто делом времени, когда они вытащат пробку и ваши замыслы завоеваний отправятся в дренаж.

— Совсем наоборот,— заявил Край, переплетя пальцы рук, лежавших на столе, словно учитель, который собирается прочесть классу лекцию.— Мы давно знаем о том внимании, которое уделяет нам Корпус, и на каждом повороте мы его опережали. Мы взяли в плен, подвергли пыткам и убили немало сотрудников Корпуса, добывая тем самым нужную информацию. И мы ждали появления полевого агента, такого, как вы. Вы явились, и вы в наших руках. Вот как все просто. Теперь вы — оружие, которым мы уничтожим Спецкорпус.

Он заставил меня наполовину поверить ему. Изложенный им план казался разумным, но я поспешил отбросить эту мысль. Я не должен был соглашаться с ним, мне следовало скорее нападать, чем защищаться.

— Отдаю должное вашему честолюбию и надеюсь, что вы не откусываете больше, чем можете прожевать. Не забывайте про сотни планет, которые поддерживают Лигу. Подумайте о том, что они сделают с вами, когда узнают, какие беды вы затеваете.

— Сотни планет существуют только в теории, в действительности их можно перебирать одну за другой. Мы овладеваем ими в такой манере, что они падают нам в ладони, как перезревшие плоды, нас нельзя остановить, и процесс этот ускоряется. По мере того, как наша империя расширяется, мы будем продвигаться все быстрее и быстрее.

— Но есть предел этой скорости,— перебил его я, пытаясь ввести в свои слова презрительное фырканье.— Я знаю, как работает ваша техника завоевания. Вы не вторгаетесь на планету, пока она для этого не созреет. Разве это не правда?

— Совершенно верно,— он кивнул утверждающе, и я погнал дальше.

— Вы находите планету, созревшую для срывания, с какими-нибудь диссидентствующими элементами среди населения. А поскольку существуют люди, которые будут жаловаться даже в раю, у вас нет проблем с тем, чтобы найти подобную группу на любой планете. Здесь, на Бурате, это были мужчины — партия «Конколослук». Они активно выступали за права мужчин. Вы поддерживали их всем, в чем они нуждались. Ваши агенты снабжали их деньгами, оружием, пропагандой — всем, что не-

обходимо для захвата власти. Это сработало. И вы ничего не просили в обмен на всю эту помощь, кроме оказания лишь символического сопротивления, когда начнется сражение. Ваши агенты присмотрели за тем, чтобы вооруженные силы отступили без настоящего боя. Это вторжение было выиграно прежде, чем началось! Не приходится удивляться, что ваши военные не привыкли нести потери.

— Вы очень наблюдательны. Именно это мы и делаем. Ваш анализ — мастерское описание нашего образа действия.

— Тогда вы у меня в руках, — с облегчением сказал я.

— Напротив, это вы у нас в руках. Вы — единственный, кто знает о нашей технике вторжения, и вы никогда не доложите о ней своим шефам.

— О не знаю, — сказал я с бравадой, которой не ощущал.

— Возможно, вы и не знаете, но мы-то знаем. Мы перехватили составленный вами отчет, и он никогда не будет отправлен. Они тщетно будут ждать от вас каких-либо вестей, а время уйдет, и скоро им будет слишком поздно что-либо предпринимать, потому что мы перейдем ко второй фазе нашей операции. На этой фазе планируется привлечение к операциям множества союзников с оккупированных нами планет, правительства которых готовы сделать все, что мы пожелаем. Мы будем располагать огромным количеством солдат. Таких солдат, по-моему, называют наемниками. Им предстоит быть войсками вторжения, конечно, их будут убивать во множестве, но мы всегда будем побеждать, потому что наши источники человеческих ресурсов будут неистощимы. Интересная картина вырисовывается, не так ли?

— Это никогда не сработает! — крикнул я с усиливающимся в то же время ощущением, что такое сработать может. — Корпус вас остановит.

Как? С его единственным агентом, отслеженным и попавшим в западню? Мне было трудно убедить в этом себя, и я вообще ничего не добился, пытаюсь убедить его. Край поднялся и двинулся в обход стола.

— А теперь настало время начать вашу индокринацию.

Не могу выразить охватившего и одолевшего меня страха, когда я услышал эти слова.

Меня отвели в камеру. Голую, лишенную окон камеру, единственным предметом мебелировки которой было пустое ведро. Крюк в потолке был установлен здесь недавно, и сопровождающий меня серый человек услужливо подцепил меня за него.

— Существует мало шансов, что я умру от голода, — уведомил я его. — Потому что сперва умру от жажды.

Ничего не ответив на это, он ушел, но вскоре вернулся с полевым пайком. Не самая вдохновляющая пища в мире, но жизнь мне она сохранит. Жуя концентрат и запивая его водой, я крепко цеплялся за эту последнюю мысль. Сохранит мне жизнь. Да они сделают что угодно, думал я, но только не убьют меня. Они нуждаются во мне. Эти вояки знали, что Корпус дышит им в затылок, что им придется приложить всесторон-

ние усилия, чтобы остановить его. Край говорил серьезно и наполовину убедил меня. Я посмотрел на свои запястья и содрогнулся. Он таки убедил меня, но почему он так старался? Потому что я был явно больше чем пешкой в этой игре. Я был фактором, который мог качнуть исход в любую сторону. В данный момент времени Клизанд действовал успешно в своем завоевательном бизнесе, но его могли остановить. Располагая добытой мной информацией, Спецкорпус мог бы начать организацию контринсургентов и предотвратить экспансию на другие планеты. Клизанд можно будет остановить даже здесь. Если бы я оказался по другую сторону баррикады, то мои специальные знания не смогли бы быть причиной поражения Корпуса, но это, наверное, могло бы замедлить его действия на срок, достаточно долгий для того, чтобы пришла в действие вторая фаза завоевательной операции. А это означало, что серые люди совершили ошибку. Им следовало убить меня, как только они раскрыли, кто я такой. Если бы меня можно было перевербовать, я мог стать в их руках серьезным оружием. Эти два «может быть» не позволяли игнорировать тот факт, что покуда я жив, я могу оказаться самым смертоносным и могучим оружием против них. Они совершили ошибку. Я ухватился за этот вывод, я терзал его точно так же, как терзал мой ломающий челюсти паек. Я не принимал во внимание, что во всех отношениях был их пленником. Во всех отношениях? Ха! Физически — да. Умственно — решительно нет. Однако во время нейропытки они почти убедили меня в обратном. При мысли об ампутации мой желудок вздыбился, и я вдруг потерял аппетит. По веской причине. Теперь мне предстоит вспомнить и подумать об этой жуткой процедуре. И вот под каким углом зрения. Это был трюк, это должен быть трюк, и именно за это предположение я должен держаться. Пока я пережевывал и заглатывал остатки своей малоаппетитной закуски, я организовал себе сильнейшее внушение. Слушай, ди Гриз, убеждал я себя, ты достаточно знаешь о реальности, чтобы суметь определить, когда она подделана. Ты сам всегда подделывал ее для собственной выгоды и в ущерб другим. Так значит, теперь кое-кто провернул тот же трюк с тобой. Перерубленные запястья, качающиеся кровью! Спокойно, парень, спусти часть эмоций в канализацию. Через некоторое время мы доберемся до воспоминаний. Но сперва давай посмотрим на реальность. Реальность... Как ни чудесна машина, она не может отремонтировать ампутированные руки за пару часов или пару дней. А теперь, откуда взялась эта цифра? На каком-то подсознательном уровне я чувствовал, что прошло лишь короткое время между ампутацией и выздоровлением. У нас у всех есть часы, тикающие в глубине мозга. Они управляют суточными ритмами сна и бодрствования, они работают непрерывно. И вот сейчас они пытались сообщить мне, что прошло совсем немного времени с тех пор, как меня привели сюда серые люди. Но имелись ли у меня какие-нибудь реальные доказательства в подтверждение этому? Я ощущал лицо и волосы — я нуждался в бритве, но не так уж сильно, и волосы

мои были нормальной длины. Однако меня могли побрить и подстричь, так что это ничего не доказывало. Мои ногти? Я держал их коротко подстриженными, а один подстриженный ноготь выглядит похожим на любой другой. Подожди, подумай, вспомни... Было же что-то незначительное, какая-то мелочь... Да... во время приземления, напряжение, внимание рассеивается... Точно! Я сломал ноготь мизинца на левой руке! Нет, пока не смотри, сунь руку под себя, посиди на ней и вспомни. Сломанный ноготь... отвлечение... нужно откусить его. Довольно неаппетитное действие, которое тем не менее проделывал почти каждый. Досаждающая частичка ногтя оторвана напрочь с быстрым тихим «ой» и крошечной капелькой крови. Происшествие, совершенно забытое в гонке последующих событий. Осторожным движением я освободил ладонь от ягодицы, державшей ее в заточении, и поднес к глазам. Мизинец, короткий ноготь и крошечный сгусток крови. Уел я тебя, Край, старый факир! Судя по виду ногтя, я был пленником самое большое пару часов. Красные точки на моих запястьях были просто красными отметками, которые можно сделать сотней различных способов. А ампутация? Край поддел мою реальность, прибегнув, наверное, к гипнозу. Но по-настоящему это не имело значения. Край и его команда не были такими толковыми, какими казались. Они, несомненно, много раз использовали эту нейропытку и загипнотизировали себя успехами этой техники. Наверное, именно таким способом происходило обращение рекрутов на планетах, назначенных для завоевания. Вполне возможно. Но головорезы Края привыкли работать с солидными гражданами и туповатыми крестьянами, обычно принимавшими раскрашенные задники — бутафорию своего существования — за единственную реальность. Их мир был единственным реальным миром, их город — действительно наилучшим городом. Вытащи их из знакомой окружающей среды, окажи давление на их сознание, и их мозги потекут из ушей, как желе. Люди — желе, легкая добыча для серых мундиров. Но не благородный, прямой, гибкий, бесчестный, подобный хамелеону Скользящий Джим ди Гриз. Человек с тысячью лиц, знакомый с сотней культур, компетентный в десятках языков. И они хотели, чтобы моя реальность запаршивела? Это заставило меня рассмеяться. Я не только засмеялся, но и забегал, заплесал. Я бегал кругами, крича: «Гип-гип-ура!» и «Победа!», вне себя от счастья. Кругами я был вынужден бегать из-за своего ошейника и провода, однако вскоре я обнаружил, что могу вносить в это дело некоторые вариации, резко меняя направление. Провод был слишком тонок, чтобы я мог влезть по нему наверх, и я был уверен, что его преднамеренно сработали таким, но я мог свернуть его в петлю и повиснуть на нем. Я сделал петлю столь высоко над головой, как только мог дотянуться, ухватился за нее, оттолкнулся и свободно закачался. В нижней точке качания я с силой оттолкнулся от пола и пошел выше. Отличное развлечение. Пока моя рука не соскользнула и петля не распустилась. Все чуть-чуть не кончилось, когда весь мой вес обрушился на металлический

ошейник, охватывающий мою бедную шею. Именно таким способом убивают людей при повешении; их не удушают, а резким рывком удавки ломают шейные позвонки. Эта мысль билась в моей голове, когда я хватался за провод, пытался вскарабкаться по нему, пока мне не удалось стиснуть его, прежде чем последовал резкий рывок. Рывок вперед, а не вбок, иначе я, наверное, услышал бы резкое «хряк!», сигнализирующее о конце этой истории. Было очень больно, и с минуту все вокруг ходило кругами, а когда я сказал «уф!», то произнес это шепотом, потому что в тот момент я на большее не был способен. В конечном итоге я присел, выпил немного воды и почувствовал себя несколько лучше. И тут я подумал: почему никто не явился расследовать это недавнее безобразие? Я был уверен, что они снабдили камеру «шпионами» и наблюдали за мной. Наверное, мои акробатические номера не произвели на них впечатления. Или, может быть, они были так заняты завоеванием планеты, что не имели времени непрерывно наблюдать за мной. Если последнее предположение верно, то я смогу извлечь из этого обстоятельства определенную выгоду. Упаковка от пайка и пластиковая бутылка из-под воды были смяты вместе и превратились в превосходные подушечки для моих пальцев. Я свернул двойную петлю рядом с шеей. Затем, крепко вцепившись в провод, я подпрыгнул как можно выше и дал своему весу обрушиться на провод. И на мои руки. Когда я проделал это в десятый раз, мне начало казаться, что мои руки оторвутся раньше, чем поддастся какая-нибудь важная часть державшего меня в плену механизма. Теория, разумеется, была достаточно здравой: металлическая коробка, провод, ушко, крюк, множество составных частей, отказ любой из которых мог предоставить мне свободу. Хотя мои составные части откладывали намного быстрее. Я немного передохнул, вытер лоб и подпрыгнул в попытке номер тринадцать. Счастливое число тринадцать! Что-то лопнуло с резким металлическим треском, коробка обрушилась вниз и отскочила от моей головы. Я отключился не знаю на сколько, вероятно, всего лишь на несколько минут, а потом очнулся и, мотая головой, попытался встать. Двигайся! — торопила неотступная мысль. Убирайся отсюда, пока они не пришли за тобой. Но сперва я должен был отключить коробку для нейротыток, поскольку она могла быть радиоуправляемой. Я перевернул ее и увидел, что металлическая петелька, на которой она висела, сломалась. На коробке имелся пульт управления, на котором располагалось около пятидесяти маленьких красных кнопок. Я содрогнулся при мысли о нажатии на одну из них. Выше находились две большие кнопки — одна красная, другая — черная, и красная была утоплена. Это казалось достаточно очевидным. По логике мне следовало нажать черную кнопку и отключить коробку, но в сознании продолжали вторгаться воспоминания о боли. Наконец я ткнул в черную кнопку. Ничего не случилось. Это я мог почувствовать. При таком обеспечении я легонько коснулся одной из маленьких красных кнопок, а затем другой. Ничего. Коробка была теперь кучкой мерт-

вого металла. На что я и надеялся. Я смотал лишний провод, а потом попробовал дверь, которая оказалась незапертой. Может, мои тюремщики были неумелыми, а может, их бдительность притупила слишком большая вера в свои пыточные машины. Я чуть приоткрыл дверь и закрыл много быстрее, чем открывал. По коридору в направлении моей камеры шли двое серых людей, неся зловещего вида предмет. Я не столь долго смотрел на него, чтобы заметить какие-то детали, но и от того, что я увидел, мурашки побежали по моей спине. Следующий шаг в программе умиротворения ди Гриза? Это казалось вероятным, когда дверная ручка начала поворачиваться. Для этой пары у меня был припасен сюрприз, и я хотел скрывать его от них как можно дольше. Когда дверь начала открываться, я шагнул за нее и подождал, пока они протиснутся внутрь со своей машиной для пыток. Услышав, как один из них тревожно охнул, я двинул дверь плечом и вогнал ее в них всем своим весом и силой. Как только они завершали, я выпрыгнул из-за двери и взмахнул металлической коробкой на конце провода. Один из них стоял согнувшись, больше заинтересованный тяжестью машины на своей ноге, чем всем прочим, и я дал своему оружию опуститься на его череп. Пока оно взлетало снова, второй пытался достать свой пистолет, и действительно наполовину вытащил его из кобуры, прежде чем мое колено попало ему ниже живота, и он упал поверх своего напарника. Я вырвал пистолет из его обмякших пальцев, когда он упал. Теперь я был вооружен. Большую часть времени, проведенного мной в этом здании, я находился в сознании, а потому полагал, что знаю, как отсюда выбраться. Главный вход наверняка охраняется. Он находится этажом ниже, в противоположном направлении от кабинета Края. В пистолете полный заряд энергии, плюс запасной магазин. Не было времени проверять, какими боеприпасами он заряжен, но они, разумеется, представляли нечто весьма смертоносное, что мне подходило как нельзя лучше. Мое настроение тоже можно было назвать смертоносным. Я намотал провод так, чтобы коробка не болталась и не мешала мне идти, сделал глубокий вдох и нырнул за дверь. Коридор был пуст. Хорошее начало. Я добежал до лестницы, никого не увидев, а затем кинулся вниз, прыгая через две ступеньки. Следующий этаж будет нижним, поскольку меня поднимали только на один этаж. Но этому воспоминанию противостояла реальность: лестничный колодец отнюдь не собирался закончиться на следующем этаже. Когда мои медлительные синапсы зарегистрировали этот факт, я затормозил и осторожно поглядел через перила. Ниже меня имелось еще по меньшей мере восемь этажей. Они пробежали по коре моего мозга в кованых сапогах. Это, разумеется, доказывало мою теоретическую позицию, согласно которой многое из случившегося со мной было иллюзией и ложной памятью. Что же было реальным? Был ли в настоящий момент реальным тот побег? От такой мысли меня бросило в холод. Все происходящее могло быть генерированной серией нереальных событий для того, чтобы доказать мне,

что я не могу убежать. Я мог вечно продолжать спускаться по этой лестнице и мог в любой момент снова очутиться в своей камере, по-прежнему присоединенным к своей коробке. Ну, если это так, то я абсолютно ничего не могу с этим поделать. Я должен отнестись к этой иллюзии как к реальности, пока не будет доказано обратное. Если же это не бесконечное сновидение, то эта лестница должна была где-то кончиться, и я собирался это выяснить. Четырьмя этажами ниже, как раз, когда у меня начала кружиться голова от непрерывного бега по нисходящей спирали, я встретил человека, поднимавшегося мне навстречу. Серого человека с пистолетом и очень подозрительным взглядом. Поскольку я ожидал этой встречи, а он нет, первый выстрел был моим. Еще тот выстрел! Пистолет был заряжен разрывными пулями. Пуля прожгла в лестнице зияющую дыру и взрыв отшвырнул серого человека к стене, где он и рухнул. Эхо еще гремело; а пыль еще не улеглась, когда я перепрыгнул через дыру и с сумасшедшей скоростью бросился вниз по лестнице. Промедление было равносильно самоубийству. Лестница кончилась, я оказался внизу и врезался в стену, так быстро я летел. Надо мной раздавались крики, был слышен топот бегущих ног. С пистолетом наготове я толчком распахнул дверь и вылетел... в темноту. Это было для меня небольшим шоком, и я чуть не выпустил пару пуль наугад, но когда мои глаза приспособились, я увидел вдаль слабый свет. Нештукатуренные стены, пыль и другие признаки указывали, что я пропустил первый этаж и очутился в подвале. Это тоже было отлично, поскольку этажом выше меня ждал теплый прием. Если я смогу выбраться из подвала, то буду все еще на один шаг впереди преследователей. С пистолетом наготове, размахивая металлической коробкой, набивая на голених синяки о невидимые препятствия, я, спотыкаясь, пробирался к дальнему свету. Однако я не преисполнился энтузиазма, когда достиг его, преодолев невидимую полосу препятствий. Это было окно. Маленькое окошко, покрытое грязью, и с прочной решеткой. Позади меня в темноте раздались крики и топот, послышались звуки падения, грохот и крепкие ругательства. Что делать? Очевидно, надо убираться. Я отступил, поднял пистолет, прикрыл лицо рукой и выстрелами вышиб окно. А также часть стены вокруг него и кусок улицы снаружи, пока мой пистолет, щелкнув, не исчерпал свои возможности. Я отшвырнул его, перекинул коробку через плечо и воспользовался освободившейся рукой, чтобы вскарабкаться по скату из щебня и выбраться на улицу. Чтобы снова броситься бежать. Кто-то увидел меня и крикнул, но я не ответил, а побежал еще быстрее, хотя уже начал задыхаться и чувствовал, что больше, чем мне хотелось, утомился от усилий, прилагаемых в течение последнего часа. Одно дело сбежать, но совсем другое дело остаться на свободе, после того как сбежал. Босой, одетый в совершенно прозрачную одежду, с ошейником и несколькими метрами провода вокруг шеи, не упоминая уже о коробке управления, я, должно быть, представлял собой достаточно необычное и неоднозначное зрелище. Мне нужно было спря-

таться, забраться в нору, переодеться, избавиться от ошейника. И много еще чего было мне нужно. А я чувствовал все большую усталость. Я на максимальной скорости свернул за угол и врезался в кого-то, идущего в противоположном направлении. Мы оба свалились, и я, словно жук, перекатился на спину, жадно хватая ртом воздух. Затем я увидел лицо человека, на которого наткнулся, и ощутил маленькую вспышку надежды.

— Остров! — ахнул я. — Старый друг, старый сокомнатник, старый собутыльник! Я в беде, и мне нужна твоя помощь. Понимаешь, местные...

Я увидел, как Остров, мягкий человек в самые худшие времена, превратился в очень сердитое животное. Искаженное лицо, выпученные глаза, пена на губах. Он бросился на меня и прижал к холодной земле.

— Местные тут ни при чем! — закричал он. — Край спрашивал о тебе, сам Край! Край разыскивает тебя! Что ты наделал?

Я немного поборолся, но это не принесло мне ничего хорошего. Делал я это без души, так как силы мои были на исходе. Однако я сумел нанести один хороший удар пыточной коробкой ему по голове. Его глаза сошлись у переносицы, но он не выпустил меня, вскоре к нам подоспел маленький отряд серых людей, стащивших его с меня и заставивших дулами пистолетов меня подняться на ноги. Я медленно встал — спешить мне, разумеется, было некуда, — погруженный в темное отчаяние и с обмякшими от усталости конечностями. Их было шестеро. И Остров, который, судя по выражению его лица, предпочел бы быть где-нибудь в другом месте.

— Понимаете... Край говорил мне о Васко... сказал, что он разыскивает его... — Голос его угасал, так как серые полностью игнорировали его. — Я... нет...

— А чего ты ждал, благодарности? Ты, предатель! Начнем собственную неделю «Заложу своего кореша», да? — Я попытался презрительно фыркнуть, но фыркание превратилось в бульканье, когда один из конвоиров дернул меня за прозод. Один из пяти конвоиров. Я моргнул и сосчитал их снова, потому что я мог поклясться, что минуту назад их было шестеро.

Пока я считал, появилась пара рук и сомкнулась на шее номера пять. Глаза у него выскочили из орбит, а рот широко раскрылся, и мне пришлось потрудиться, чтобы сохранить спокойное выражение лица, а не пучить собственные глаза на тот же манер. Руки нажали, глаза закрылись, и номер пять исчез из поля зрения. Я немного поборолся, чтобы удержать внимание уцелевших на мне, и даже лягнул ногой и пощипал Острову по голени, чтобы задействовать его тоже.

— Ты не должен был этого делать, — пожаловался он. Я улыбнулся, так как номер четыре отправился за другими.

Было что-то восхитительное в этом эффективном и тихом устраниении неприятеля. Оно напоминало мне об охотнике, с которым я когда-то работал на одной планете — название ее я забыл. Он был профессионалом, причем очень умелым в своем

деле. Он выходил на охоту на рассвете, когда поднимались стаи птиц, и подстреливал последнюю птицу в клине. А потом следующую и следующую. Иногда ему удавалось подстрелить четыре-пять штук, прежде чем другие птицы понимали, что происходит. Здесь применяли те же приемы и столь же профессионально. Система дала сбой на номере три, который немного потрепыхался и привлек внимание одного из оставшихся — в конце концов человеческие существа малость поумнее птиц. Я подождал, пока они не обернулись к источнику беспокойства, а затем двинул ближайшего серого человека по шее ребром ладони. Состояние, в котором я пребывал, ослабило мой удар, так что он упал не сразу, и мне пришлось еще немного поработать, чтобы успокоить его. И пока я трудился над ним, до меня доносился глухой стук падающих тел и оборванные крики. Когда я выпрямился, то увидел, что Остров и все серые люди, кроме одного, счастливо дремлют, сваленные кучей, в то время как мои спасители укладывают последнего. Это был здоровенный жлоб, и дрался он хорошо, но уступал противной стороне в классе и скоро оказался без сознания. Что выглядело особо интересно потому, что атаковавшими его были две женщины, одетые в колоритные бурадские сорочки, скудно прикрывающие тело, и местные туфельки на высоких каблучках. Та, что была поближе ко мне, обернулась, и я узнал сержанта Бэйз, после чего некоторые части головоломки начали становиться на свои места. Другая женщина была поменьше ростом, очень изящного сложения, с фигурой, которую я хорошо помнил, и лицом, которое я никак не мог бы забыть. Моя жена.

— Ну-ну,— успокаивающе сказала Ангелина, потрепав меня по одной щеке и наградив быстрым поцелуем другую.— Я надеюсь, что ты в силах немного пробежаться, милый, потому что на подходе куда больше этих бандюг.

Подтверждая это, мимо пролетел неясной разновидности снаряд.

— Бегать... — хрипло произнес я и рванулся вперед, все еще не совсем уверенный в достоверности случившегося, но сохранивший достаточно ума, чтобы не задавать вопросов. Бэйз обняла меня одной рукой и поволокла в правильном направлении, в то время как моя жена облегчила меня от груза коробки и проводов. Мы помчались таким вот образом, и я уверен, что это было очаровательное зрелище: я в своей прозрачной одежде и две девушки в изящных нарядах. Жаль, что на улице не было никого, кто мог бы по достоинству оценить эту сцену.

— Не останавливаться! — крикнула Бэйз, увлекая меня за угол. Позади нас раздались взрывы. Я игнорировал все, кроме задачи переставлять ноги как можно быстрее, и гадал, сколько я еще протяну.

Бэйз, казалось, знала, что делала. Прежде чем мы сколько-нибудь далеко продвинулись в этом направлении, она свернула и полуотнесла меня по лестнице на несколько ступеней вверх, а потом в здание. Она закрыла тяжелую дверь на засов, и мы

потащились дальше, теперь уже помедленнее, через какие-то покинутые кабинеты. Так мы проникли в заднюю часть здания, где окна выходили во двор. Высота здесь была вполне приемлемой для прыжка, и Бэйз прыгнула первой, гибкая, словно большая кошка, а затем помогла спуститься мне с помощью поддерживающей меня сверху Ангелины. Я был в их руках словно глина, и это было чертовски приятно. Бэйз побежала вперед и распахнула большую дверь. Внутри находилась большая клизандская офицерская машина со все еще развевающимся на антенне генеральским флажком.

— Вот это мне больше нравится, — сказал я, приближаясь к ней на ватных ногах.

— Вы, двое, на заднее сиденье, — приказала Бэйз, натягивая военный китель и заталкивая волосы под клизандский шлем. Я не спрашивал, что случилось с владельцем этой машины.

Когда я вполз в машину и рухнул на заднее сиденье, Ангелина последовала за мной и прильнула ко мне своим теплым телом. Машина рванулась вперед. Мне было удивительно хорошо. Я наслаждался крепким объятием и великолепным поцелуем, прежде чем подумал о получении какой-либо информации.

— Твоя фигура улучшилась, — сумел я выдохнуть во время непродолжительной передышки.

— Ты можешь гордиться: ты теперь счастливый отец близнецов. Оба мальчики. С большими ртами и здоровым аппетитом, в точности как их отец. Я назвала их Боливаром и Джеймсом в честь тебя.

— Как тебе угодно, милая, — улыбнулся я. — Полагаю, ты не против сообщить мне, как это ты явилась сюда в самый подходящий момент?

— Я явилась позаботиться о тебе и, как видишь, была права.

— Да, конечно, — согласился я с этим прекрасным образчиком женской логики. — Но я имел в виду, так сказать, механический аспект. Когда я видел тебя в последний раз, ты направлялась в больницу с выпуклым животом и светом материнства в глазах.

— Ну, с этим все прошло прекрасно, как я тебе сказала, разве ты не слышал? Потом до меня дошло, что эти мерзкие клизандцы отправились вторгаться еще на одну планету и что ты, вероятно, принимаешь участие во вторжении.

— Инскипп все это тебе рассказал?

— Конечно, нет! — фыркнула она, изящно морща носик при этой мысли. — Я взломала его досье и нашла записи. Он был очень рассержен, но не пытался остановить меня, когда я отправилась сюда с бригадой второго эшелона. Мне представляется, он знал, что мне лучше не мешать. И он даже пообещал присмотреть вместо меня за няней и детьми. Мы вышли на орбиту, получили сообщение, и я спустилась. Вот, примерно, и все, что я могу сообщить. А теперь позволь-ка испробовать эту отмычку на том странном ошейнике, который ты носишь. Не понимаю, почему ты позволил им обращаться с тобой подобным образом.

— В твоей истории есть один-два пробела, — настаивал я. — Например, какое сообщение ты имеешь в виду?

— Мое сообщение, — ответила Бэйз, которая бесстыдно подслушивала, что не мешало ей вести машину. — Вы забываете, что я сержант Гвардии и что я видела подготовленное вами сообщение, то, которое они забрали. Я, конечно же, запомнила его, как и радиочастоты. Эти свиньи отправили меня в тюремный лагерь для штатских, так что я сбежала оттуда в ту же ночь.

Бэйз была уверена в себе, и, оглядываясь на недалекое прошлое, я должен был согласиться, что у нее есть на то причины.

— Я спустилась на разведкорабле, как только был услышан этот вызов. — Ангелина, разговаривая, манипулировала отмычкой. — Мне пришлось прокладывать себе путь стрельбой, что, разумеется, было нетрудно сделать. Для галактических завоевателей эти люди — очень неважные пилоты. А потом я встретила Бэйз.

Ангелина коснулась губами моего уха и холодно прошипела:

— Насколько хорошо ты знаком с этой девицей? — И одновременно затянула ошейник.

— Я встретился с ней только в тот раз, — выдохнул я, и давление на мое горло ослабло. — И она совсем не в моем вкусе. Не тот тип.

— Не ври мне, Джим ди Гриз, тебе нравятся такие поленьки.

Я отчаянно заморгал и попытался вернуть разговор в первоначальное русло.

— Но как вы нашли меня? Как вам это удалось?

— Достаточно просто. — Раздался щелчок, и ошейник растегнулся. Я с облегчением потерял побаливающую шею. — Есть только одно здание, где действуют люди в сером, мы следили за ними, пытались найти туда ход. Единственное, что нам досаждало, так это солдаты, все время пытавшиеся нас закадрить. Но мы выжали из них эту информацию и эту машину.

Я представил себе, как эти две смертоносные милашки неторопливо косят клизандских завоевателей своим собственным оружием. О судьбе водителя и его друзей спрашивать не приходилось.

— А теперь расскажи мне, что случилось с тобой, — потребовала она и прильнула ко мне в ожидании интересной истории. — Я умираю от желания узнать, что за штуку надели они тебе на шею и почему, во имя неба, ты носишь этот ужасный прозрачный костюм?

Я им все рассказал и был награжден множеством девичьих ахов и, по крайней мере, одним взвизгом, когда я дошел до части о запястьях. Бэйз даже остановила машину, чтобы посмотреть на шрамы. После этого они слушали с холодными и застывшими лицами, и я почувствовал жалость к тем серым людям, которые могли встретиться им в будущем. К тому времени, когда я закончил свою заворачивающую и слегка от-

талкивающую историю, мы прибыли к месту назначения. При нашем приближении открылась широкая дверь, которая сразу же закрылась за нами. Внутри были другие девушки, хорошо вооруженные и по большей части привлекательные. И я гадал, как же эта мужская партия с неблагозвучным названием сумела организовать сопротивление подобному правительству. Благодарите за это клизандцев. Когда дело доходит до правительства и армии, я всегда чувствую себя анархистом и придерживаюсь крайне невысокого мнения и о тех, и о других. Но если уж приходится их иметь, то, разумеется, делу помогает, если они хорошенькие. Я покачал головой и дал отвести себя в комнату, где находилась очень соблазнительная армейская койка. Я рухнул на нее.

— Одежду,— произнес я,— пару глотков... и не обязательно в именно такой последовательности.

Я застенчиво набросил на себя угол одеяла — не из-за стыда, а скорее, чтобы не подвергать искушению этих амазонок. И, кроме того, здесь была моя жена. Она отлично поняла, что я имел в виду под парой глотков, и отстранила стакан воды, который пыталась навязать мне одна из дам, и вложила в мою руку маленькую фляжку с весьма крепким напитком. Он обжег мне горло и протянул в мозг огненные щупальца.

— Боюсь, что мое ощущение реальности... мои мысли все еще путаются... — признался я и понял по выражению лица Ангелины, что она уже это знает. — Они что-то сделали со мной, не знаю что, но уверен, что это скоро пройдет.

— Я буду убивать их всех... и смерть их будет непростой,— произнесла она сквозь плотно стиснутые зубы. Слушательницы ответили на ее слова возгласами одобрения. Я на миг закрыл глаза, чтобы дать им отдых, а когда открыл их, в комнате не осталось никого, кроме Ангелины. Горел свет, за окном было темно. То, что произошло, было похоже на оборванную и склеенную кинопленку с приличным вырезанным куском. Я уважал технику психического манипулирования Края и от души ненавидел его за это.

— Я голоден,— сообщил я Ангелине. Она подошла, села рядом со мной и взяла меня за руку.

— Ты спал и во сне говорил ужасные, странные вещи.

— Я от этого чувствую себя лучше. Когда мы вернемся на базу, я позволю медикам пропылесосить все темные углы моего мозга. Но в настоящее время нужно организовать сопротивление, прежде чем Клизанд прочно возьмет все в тиски. Я...

— Нет.

— Что ты подразумеваешь под этим «нет»?

У меня было ощущение, словно я пропустил какую-то важную часть разговора. Было ли это еще одним результатом манипуляции с моим мозгом или это просто особенности женского разговора?

— Под этим «нет» я подразумеваю, что мы этого делать не будем. Пока ты спал, я отправила длинный рапорт Инскиппу,

там все, что ты рассказал о планах Клизанда: и как они устраивают свои вторжения, и как решили приняться за Корпус, словом, все.

— Ты, по крайней мере, подписалась моим именем? — обиженно спросил я.

Она потрепала меня по руке.

— Конечно, дорогой, ведь это было твоей работой. Я и не подумала поставить ее себе в заслугу.

Я мгновенно преисполнился сожаления за свои слова и поспешил извиниться, а затем извинилась она, потому что мой скверный характер, вероятно, связан с модифицированием моего мозга, и мы выпили, а потом, поскольку мы уладили это, я попытался вернуться к делу.

— Итак, ты, значит, отправила доклад. А потом?

— Потом он пошел на передающий корабль по другую сторону этого солнца, а оттуда его переправили Инскиппу. Пришел его ответ, он гласит: «Сообщение принято, поздравляю, немедленно возвращайтесь». Так что, как видишь, тебе придется вернуться.

Я фыркнул и пригубил напиток.

— Ты думаешь, я вернусь?

— Ты нездоров, тебе требуется медицинская помощь, ты сделал то, ради чего явился сюда...

— Я спрашивал тебя не об этом. Ты думаешь, я вернусь?

Ангелина попыталась принять свирепый вид — ей никогда не удавалось это сделать, если это не всерьез, — а затем пожала плечами с видом полной покорности.

— Конечно, нет. Если бы ты вернулся, то не был бы тем человеком, за которого я вышла замуж. Значит, теперь мы сотрем с лица земли этих бесов, спасем Бураду и остановим это вторжение.

— Не совсем все сразу, но это примерно то, что у меня на уме. Надо будет организовать движение сопротивления с нашими советами и материальной помощью. Бэйз должна бы с этим справиться, но есть одно дело, имеющее приоритет даже над этим. Мы должны захватить в плен Края или одного из его серых людей.

— Какая чудесная мысль! Если они думают, что знают толк в пытках, то скоро познакомятся кое с чем новеньким. Помню, как...

— Ангелина! Я думал совсем не об этом. Мне кажется, что несмотря на реконструкцию, в тебе высветилось кое-что прежнее.

— Чушь. Да, я могу применить один-два технических приема, усвоенных мной в те дни, но мотивы у меня абсолютно чисты. Львица защищает своего льва и все такое прочее. Совершенно оправданно.

— Да, может быть, это и так, но я говорил совсем не об этом. Я хочу заполучить одного из серых в лабораторию и подвергнуть его исчерпывающему исследованию. Когда ты сегодня вышибала из них дух, ты не заметила ничего странного?

— Ничего особенного. Я, можно сказать, была занята иным. Только то, что они недостаточно тепло одевались, потому что кожа у них была очень холодной.

— Именно так. И они никогда не смеются, не демонстрируя никаких эмоций, они не сплетничают и говорят лишь тогда, когда нужно сообщить что-то важное. И есть еще множество других привлекающих внимание мелких черт.

— Что ты, собственно, пытаешься сказать, дорогой? Что они зомби или роботы, или еще что-нибудь такое? Я думала, что штучки такого рода появляются только в космических операх или в детских книжках.

— Смейся, смейся, пока есть время! Не роботы или что-то такое, эти типы достаточно живые. Просто я не думаю, что они люди, вот и все. Чужаки среди нас.

— Наверное, тебе лучше еще поспать немного. Я выключу свет.

— Не убажай меня, черт побери! Я думаю об этом с тех пор, как впервые встретился с Краем, так что это не плод подвергнутого пыткам мозга. Есть еще доказательства. Клизандские солдаты смертельно боятся Края и его бандюг, они даже не говорят о них. Почти так, словно это не один народ. Я вполне могу представить себе, как чужаки делают обзор сада человеческих планет и находят, что Клизанд вполне созрел для того, чтобы они его сорвали. Милитаризованный образ жизни, разделяющий общество на различные слои, все в мундирах. Все, что им требовалось, это сменить руководство наверху, и они уже у руля. И именно это они сделали. Они не появляются ни за одним из столов или карт, столь милых военному уму, но все же именно они заправляют делами.

— Ну...

— Вот. Ты не убеждена, но начинаешь сомневаться. Значит, ты pomoжешь мне добыть образчик серого человека.

— Помогу? — Она захлопала в ладоши в порыве чисто девичьего энтузиазма. — Да я просто дождаться этого не могу. Конечно, может случиться так, что он будет немного поврежден, когда я его тебе доставлю, но, коль скоро он будет продолжать функционировать, это не так уж и важно, не так ли?

Прежде чем я успел ответить, в комнату вбежала Бэйз и бросила на койку охапку одежды.

— Быстрее одевайтесь! — приказала она. — Сапоги самые большие, какие мы смогли найти. Надеюсь, они подойдут.

— Есть какая-нибудь причина для такой спешки? — спросил я.

— Разумеется, есть. Нас окружили войска. Обложили со всех сторон. И у них тяжелое оружие.

Сапоги были мне тесны — узкие, с изящно заостренными носками, — но я втиснул стопу как можно дальше.

— За нами следили, когда мы ехали сюда? — спросил я Бэйз.

— Нет, конечно, нет. Я не новичок в этих делах. И покинутую машину мы здесь не оставили.

Я попытался поломать свои ленивые мозги, втискивая между делом левую ногу во второй сапог. Зазвенел телефон, и я замер, как и обе женщины, уставясь на него, словно на ядовитую змею. Он звякнул еще разок, а затем загорелся крошечный экран. С него на нас глядел столь же неэмоциональный, как и всегда, Край.

— Вы окружены,— сказал он.— Сопротивление бесполезно, вы это знаете, ди Гриз. Сдавайтесь без борьбы, и никому из ваших друзей не будет причинено никакого вреда.

Мой сапог ударил в экран, образ Края вспыхнул и умер, а я с корнем вырвал аппарат и трахнул его о стену. Моя кожа покрылась мелкими капельками холодного пота. Я знал, что большинство телефонов можно включить с центральной станции, имея необходимое оборудование, но сейчас было слишком плохое время для того, чтобы считать эту теорию доказанной.

— Без паники! — крикнул я, надо полагать в основном себе, потому что Ангелина и Бэйз оставались совершенно спокойными. Я заскакал по комнате, стараясь по возможности адаптироваться в новых сапогах и извлечь какую-нибудь более или менее ясную мысль из своего путающегося мозга. Последний прыжок закончился тем, что я оказался сидящим на койке и загибающим пальцы.

— Давайте забудем на минуту про этот звонок и вычислим, что случилось. Первое: нас выследили, когда мы ехали сюда. Это маловероятно. Второе: обнаружен наш транспорт. Но он исчез, так что навести на нас он не мог. Третье: Край знает, что я здесь, а это значит, что они имплантировали в меня направленный передатчик. В таком случае понадобятся услуги хирурга и рентгеновский аппарат, как только мы отсюда выберемся.

— Ты забываешь более простое объяснение,— сказала Ангелина.

— Так не храни его в тайне. Если ты соображаешь лучше, чем я,— а в данных условиях это не комплимент,— то выкладывай.

— Пыточная коробка. Ты говорил, что она радиоуправляемая.

— Понял. Когда мы скроемся, коробка останется здесь. Может быть, это задержит их внимание на здании, а коль скоро мы сбежим, они меня снова так легко не найдут. Теперь расскажите мне вкратце, Бэйз, что это за здание и как нам отсюда выбраться.

— Это фабрика, принадлежащая нам. И никакого выхода из нее нет, мы обречены сражаться и умереть, но, умирая, мы дорого продадим свои жизни и прихватим с собой много этих скотов...

— Это прекрасно, безусловно, прекрасно. Но мы дорого продадим свои жизни, только если будем к тому вынуждены. Ди Гриз может найти дорогу к спасению там, где другие находят только отчаяние. Владелица вашей фабрики здесь? Хорошо, пришлите ее сюда как можно быстрее.

Бэйз отправилась за ней бегом, а я повернулся к жене.

— Я полагаю, ты прихватила с собой обычные вещички? Того сорта, что мы брали с собой на медовый месяц.

— Конечно. Бомбы, гранаты, взрывчатку, газовые заряды.

— Пай-девочка. С такой женой я ощущаю растущее чувство защищенности.

Бэйз вбежала в комнату, а следом за ней еще одна амазонка в мундире. Немного постарше, пожалуй, с очень привлекательным налетом седины в волосах, полногрудая с приятными округлостями... Я уловил холодное выражение в глазах Ангеллины и быстро направил свои мысли к более срочным делам.

— Я — Джейм ди Гриз, межзвездный шпион.

— Фанда Фиртина из Гвардии,—рявкнула она и отдала честь.

— Да, очень хорошо, Фанда, рад с вами познакомиться. Как я понял, это здание принадлежит вам.

— Совершенно верно, «Фиртина Амальгаметед Констракшн Роборецкие Лимитед». Прекраснейший продукт на рынке.

— Что это за продукт?

— Роборецкие.

— Вы не сочтете меня тупицей, если я спрошу, что такое роборецкий.

— О, это то, что необходимо для каждого порядочного дома. Робот, запрограммированный, обученный, собранный и сконструированный только для одной функции. Дворецкий, слуга, всегда готовый помочь по дому, делающий дом родным и уютным, освобождающий хозяйку от каждодневной работы, забот и стрессов современной жизни...

Было сказано еще много в том же духе, явно цитатами из рекламной брошюры, но я этого не слышал. В моей голове складывался и обретал форму план, пока звуки стрельбы не прорвались сквозь цепочку моих мыслей.

— Они предприняли пробную атаку,— сказала Бэйз с командной рацией у уха.— Но были отбиты с потерями.

— Продолжайте сдерживать их. Некоторое время они, как я полагаю, не будут применять тяжелое оружие, поскольку надеются взять меня живым.— Я взмахом руки прервал владелицу фабрики, которая было начала новую рекламную речь.— Фанда, сделайте мне быстрый набросок плана здания и района, непосредственно прилегающего к нему

Она выполнила задание быстро и точно — несомненно, сказывалась военная тренировка,— и указала на чертеже окна и двери, выходившие на окружающие улицы.

— Как выглядят ваши роборецкие? — спросил я.

— Форма и размеры примерно гуманоидные, это оптимальный облик для домашней среды. И вдобавок...

— Вот и отлично. Сколько их у вас есть, готовых к отправке, прошедших полевые испытания, или как вы их там называете, с заряженными энергоблоками?

Она задумчиво наморщила лоб.

— Я должна свериться с отделом доставки, но где-то от полутора до двух сотен.

— Это именно то, что требуется для наших нужд. Но вам грозит разорение. Может ли страховка покрыть потери, если ваши роботы будут уничтожены за дело свободы Бурады?

— Все роботы-дворецкие фирмы «Фиртина» охотно погибнут — я сказала бы «с радостью», если бы у них были какие-то эмоции, — за это дело. Хотя, конечно, они не способны ни носить оружие, ни совершать какие-либо акты насилия.

— Им и не потребуется. Об этом сможем позаботиться мы. Ваша бригада дворецких создаст отвлекающий маневр, который позволит нам выбраться отсюда. А теперь, девочки, подойдите поближе, и я изложу вам свой план.

Старый дигризовский мозг наконец заработал по-настоящему. Стрельба на заднем плане только стимулировала меня к еще большим усилиям. Через несколько минут приготовления были завершены, а через полчаса мы были готовы к атаке.

— Вы знаете приказ? — обратился я к роботам, плотно забившим тускло освещенный отдел доставки.

— Знаем, сэр! Да, сэр! Благодарим вас, сэр! — ответили они, демонстрируя великолепное произношение.

— Тогда приготовьтесь к отправке. То, что вы сделаете сейчас, намного лучше всего, что вы когда-нибудь сделали за свою электронную жизнь на службе по дому. Так вот, когда я прикажу выходить, каждый из вас выйдет и приступит к выполнению поставленной ему задачи.

— Вы очень добры, сэр! Благодарим вас, сэр!

Здесь, в отделе отправки, их было больше сотни. Они стояли стройными рядами, гудя и обнаруживая жажду действовать. Передние ряды были до какой-то степени одеты в наряды, которые мы сумели собрать: некоторые были в пилотках, другие — в куртках, а очень немногие носили брюки. Большая часть одежды была пожертвована по частям защитниками фабрики, каковой факт не слишком хорошо повлиял на меня в моем новом воинском статусе. Слишком много было вокруг загорелой плоти для того, чтобы мужчина мог полностью ее игнорировать. Было почти удовольствием побыть для разнообразия с роботами. Их фигуры были гладкими, но твердыми, а одежда не открывала ничего интересного. И каждый из них сжимал обрезок трубы или пластика, или какой-нибудь другой предмет, напоминающий оружие. В грядущей сумятице, надеялся я, их вполне смогут принять за атакующих людей. Я посмотрел на часы и поднес к губам рацию.

— Готовность по всем частям. Пятнадцать секунд до нуля. Бомбометчицы, будьте готовы. До последней секунды держитесь подальше от окон, то есть не высовывайтесь. Активировать бомбы... Бросай!

С улицы раздалась серия глухих взрывов, подхваченных со всех сторон здания, когда девушки метнули бомбы с верхних этажей. По большей части это были дымовые бомбы, хотя к ним были примешаны бомбы с раздражающим и сонным газом. Я дал бомбам пять минут, чтобы дым достиг максимума густоты, а затем включил рубильник двери гаража. Дверь с грохо-

том поднялась, открыв нашему зрению клубы дыма, начавшего струиться в гараж.

— Вперед, мои верные солдаты, вперед! — приказал я, и все их левые ноги поднялись и шагнули как одна. Ряды моей бригады роботов хлынули вперед.

— Благодарим вас, сэр! — сладкоречиво прозвучало из сотни металлических глоток, и я поспешил отступить, чтобы дать им дорогу.

Раздалась стрельба из окон верхних этажей, немедленно подхваченная войсками снаружи. Пятнадцать секунд после нуля, время для второй волны.

— Все другие части роборецких — пошел! — приказал я по рации.

По этой команде из других дверей и выходов фабрики в саване дыма и газа должны выступить оставшиеся роботы. Я не тратил время на организацию подслушивания вражеских команд по линии связи, но вполне мог вообразить, что там теперь происходит. Здание было окружено, все их войска стояли настороже, наша цитадель была видна во всех подробностях на теплом полуденном солнце. И вдруг внезапная перемена: дым, химические раздражители облаком окружают здание со всех сторон. Явная попытка организовать прорыв... И вот она! Дзинь, дзинь! Получай, поганый бурадский прохвост! Но какие бойцы эти бурадцы! Стальные ребята — по ним стреляешь, а они не падают. Паника в дыму! Сообщение, что есть и другие прорывы. Какой из них настоящий, какие для прикрытия? Как распределить войска? Куда следует направить резерв? Я под считал, что потребуется примерно минута для того, чтобы возникшая сумятица достигла своего максимума. После этого дым начнет рассеиваться, в телах убитых опознают роботов и сообщат об этом всем. Нам следовало выбраться прежде, чем об этом сообщат. И поэтому, как только были брошены бомбы, Бэйз и ее войско поспешили на выбранную позицию, а одна минута — не очень долгий срок, чтобы добраться с верхних этажей к задней части фабрики. И все же большинство из них оказались там раньше меня. Бэйз отсчитывала их, когда они пробегали мимо.

— Партия вся, — сказала она, ставя последнюю галочку в списке.

— Вперед! Ангелина, стой наготове с гранатами!

Открыли маленький выход, и Ангелина швырнула дымовые гранаты. Не было больше разговоров, и в этом внезапном молчании ясно можно было слышать стрельбу и крики. Я был уверен, что среди всех прочих голосов засек случайное «Благодарю вас, сэр!». Фанда показывала дорогу, а мы следовали цепочкой, положив руку на плечо идущей впереди. Я шел в середине цепочки, а Ангелина как раз передо мной, так что я держался за нее. Уверен, что размещение было случайным, поскольку в данный момент Ангелине было наплевать, вцеплюсь я или нет в одну из этих полуголых бурадских милашек. Такое движение сквозь тьму с пониманием собственной бес-

помощности вызывало легкое раздражение, особенно когда мимо нас просвистел случайный снаряд. Я надеялся, что случайный. Улица эта была узкая, и с обоих концов ее блокировали клизандские войска. Если бы они знали, что происходит, то могли бы прочесать улицу перекрестным огнем. Мне хотелось надеяться, что в данный момент они заняты роботами. Все, что нам требовалось сделать, — это пересечь метров двадцать открытого пространства до многоквартирного дома на другой стороне. Если мы доберемся туда незамеченными, то там разделимся и рассеемся через кроличьи ходы улиц, дорожек и туннелей. Будем надеяться, что мы сольемся с гражданским населением и исчезнем прежде, чем наше отсутствие заметят. Будем надеяться. Я считал шаги, так что знал, что почти добрался до здания, а это значило, что полозина наших уже была в безопасности, когда поблизости послышался голос:

— Это ты, Зобно? Что там сержант говорил насчет роботов? Это похоже на роботов?

Цепочка остановилась. Все молчали, затаив дыхание. А ведь мы были почти у цели. Голос был мужской. Человек говорил по-клизандски.

— Роботы? Какие роботы? — переспросил я, сняв чью-то руку со своего плеча и переместив ее на плечо Ангелины. — Двигай! — шепнул я ей в ухо. А затем покинул цепочку и тяжело затопал к говорившему в своих новых сапогах.

— Я уверен, он сказал, что это роботы, — пожаловался голос.

Я ощутил позади себя слабое движение, когда цепочка снова тронулась вперед. Я топал и кашлял, приближаясь к невидимому собеседнику. Мои руки вытянулись, готовые сжимать и душить, как только он снова заговорит. Все это сработало бы прекрасно, доставив мне маленькое садистское удовольствие, если бы вечерний бриз не накатился на нас из-за угла здания. Ветер дохнул мне в лицо прохладой, а в дыму открылся разрыв. Я смотрел на клизандского солдата в шлеме и с гауссовкой наизготовку, на лице которого отпечаталось переживаемое им потрясение. По веской причине, вместо того, чтобы увидеть собрата-солдата, он узрел неизвестного типа, разминающего пальцы, с красными глазами и небритым лицом, одетого в совершенно прозрачную робу и женские сапожки, с висящими на плечах узлами и тюками. Разинуть рот — это, примерно, все, что он мог сделать... Этот паралич продолжался ровно столько, чтобы я успел добраться до него. Я схватил его за горло так, чтобы он не смог выкрикнуть предупреждение, и за гауссовку так, чтобы он не мог выстрелить в меня. Мы немного поплясали в таком стиле, и дым снова сомкнулся вокруг нас. Мой противник не кричал, не стрелял, но и не покорялся. Он был рослым, мускулистым и держался за свое. К счастью, он не отличался сообразительностью, держался обеими руками за гауссовку и пытался вырвать ее у меня. Примерно как раз в то время, когда он уразумел, что мог бы держать ее одной рукой, а другой лупить меня, я дал ему подножку и рухнул на него.

Прежде чем он стукнулся о землю, он успел нанести мне два быстрых удара в живот, которые не улучшили моего состояния. Затем мы приземлились, и я вышиб из него дух. Это заставило меня освободить руку на его горле, но прежде чем он успел втянуть в себя достаточно воздуха, чтобы закричать, я привел его в бессознательное состояние. Я сидел на нем, ожидая, когда моя голова перестанет кружиться и развяжется узел в животе, когда поблизости раздался новый голос:

— Что это за шум? Кто это?

Я глубоко с содроганием вздохнул и приложил все силы, чтобы как-то владеть своим голосом.

— Это я... Всегда хороший ответ. — Я споткнулся и упал. Поранил палец...

— Значит, получишь за него медаль, а теперь заткнись.

Я заткнулся, взял гауссовку у своего обмякшего спутника, встал... и сообразил, что совершенно заблудился в дымной тьме. Очень неприятное ощущение. Дым редел, а я был один и понятия не имел, куда мне идти. Если же я пойду в неверном направлении, это будет самоубийством. Паника! Или, скорее, мгновение паники. Я всегда готов позволить себе маленькую непродолжительную панику. Это вызывает прилив крови в сосуды мозга, заставляет сердце качать кровь быстрее, высвобождает дозу адреналина и совершает другие полезные для чрезвычайного положения вещи. Но только совсем немного паники, потому что время поджимало. А после того, как дикая звериная эмоция рассеялась, губы снова прикрыли клыки, волосы на загривке опустились и все такое прочее, я поставил на работу старый логический центр. Первое: я не один. Безмолвная цепочка спасенных могла промаршировать в здание, в безопасное место, но моя Ангелина меня не бросит. Я знал это столь же определенно, как если бы мог видеть, что она стоит перед этой дверью и ждет меня.

Второе: у нее имелось чувство направления, а у меня — нет. Следовательно, она должна прийти ко мне.

— Этот палец убивает меня, серж,— прохныкал я, а затем засвистел, словно от невыносимой муки. Один короткий свист и один длинный. Буква «А», означающая «Ангелина» на коде, ей отлично знакомом. То, что я нуждаюсь в помощи, она вычислит сама, в этом я не сомневался.

— Прекратить этот свист и шум! — прорычал в ответ другой голос с ноткой презрения. — Скажи-ка, кто ты?

Я порывлся в памяти в поисках имени, которое услышал несколько минут назад.

— Это я, серж, Зобно. Этот палец...

— Это не Зобно! — вмешался другой голос. — Зобно — это я!

— Нет, я! — крикнул я в ответ. — Кто это сказал?

— Вы оба подойдите сюда сейчас же! — крикнул сержант. — Через пять секунд я начну стрелять!

Настоящий Зобно, спотыкаясь, потопал сквозь дым, а я не смел ни заговорить, ни двинуться. Я уже ощущал, как меня рвет пуля, когда что-то дернуло меня за руку, и я подпрыгнул.

— Ангелина? — прошептал я и получил безмолвный ответ, когда она обняла меня. Я потянулся к ней, но она, не тратя времени, взяла мою руку и увлекла меня за собой. Позади нас в дыму звучали голоса, а затем завизжала гауссовка и послышались выкрики команд.

Я споткнулся о невидимую ступеньку, и поджидающие руки втащили меня через дверной проем.

— Поисковая партия... Поисковая партия... — Слова смутно доносились до меня сквозь гортанное рычание атакующих плюшевых медвежат. Я мог бы отбиться от них, даже если бы леденцовые палочки, используемые мной вместо меча, продолжали ломаться. И без леденцовой палочки достаточно дать плюшевому мишке хороший пинок в брюхо, и он опрокидывается.

Да, с мишками я бы управился, не будь на их стороне этих проклятых деревянных солдат. Из них получился бы неплохой костер, и именно об этом думал я, нащупывая спичку, когда один из них ткнул меня в руку штыком своей игрушечной винтовки. Он кольнул меня, а я открыл глаза и уставился на глядевшего на меня доктора Мутфака.

— Тревога и, должен сказать, в крайне неудачное время. Я сделал вам инъекцию для нейтрализации гипнотического наркотика. — Он держал в руке шприц. Я потерял руку там, где он уколол меня. — В крайне неудачное время.

— Не я это устраивал, — буркнул я, все еще лишь наполовину проснувшись и жалея, что так и не смог покончить с плюшевыми мишками.

— Лечение идет хорошо, и на то, чтобы начать все заново, уйдет много времени. Я регрессировал вас до вашего детства и... у вас было интересное, чтобы не сказать отталкивающее детство! Вы должны дать мне разрешение описать этот случай. Символ плюшевого медвежонка, в норме олицетворяющего собой тепло и уют, преобразен вашим несносным подсознанием...

— Позже, доктор, если изволите, — пришла мне на помощь Ангелина, воплощение золотого шарма: она загорала на балконе, и носимый ею во время этой операции клочок ткани занимал примерно такую же площадь, что и крыло бабочки.

Я сел и заматал головой, которая все еще была в тумане от остатков наркотика. Помещение было роскошным, одна стена выходила на балкон, над которым простиралось голубое небо, а под ним — еще более голубой океан. Мы находились высоко, на самой макушке отеля «Ринга Баличи», предположительно самого лучшего отеля на Бурате, во что я вполне мог поверить. Отель находится в центре лагуны, и приблизиться к нему можно было только по воде или по воздуху. Это обеспечивало нам заблаговременное предупреждение о любых нежелательных визитерах, и именно такое предупреждение только что было получено. Порядок действий был разработан очень тщательно. Во время мозговывправляющего сеанса на мне были плавки, именно на случай чрезвычайной ситуации, вроде этой, так что я взял Ангелину за руку, и мы рысью побежали к лифту. Когда мы входили в кабину, звук мотора на взлетной площадке

у нас над головами стал громким и отчетливым. Мы держались за скобы, когда скоростной лифт выпал из-под нас.

— Ты чувствуешь себя пригодным для этого? — спросила Ангелина.

— Просто немножко тумана, но это пройдет. Ты думаешь, этот выкачиватель мозгов что-нибудь смыслит в этом деле?

— Считается, что он — наилучший специалист на планете. Он выправит вставленные в тебя Краем вывихи психики, если кто-либо вообще может сделать это.

— Он мог бы работать немного побыстрее. Уже три дня прошло, а мы все еще не выбрались из моего детства.

— Ты, должно быть, был ужасным мальчиком. Если судить по тому, что я слышала.

Прежде чем я смог придумать достаточно резкое выражение, лифт, засвистев, остановился, и мы вышли на уровне воды. Из закрытой купальни с вышкой для прыжков в океан вела лестница. Смотритель ждал нас с аквалангами наготове: мы надели их и нырнули. Прямо на дно, где нас ждала прогулка среди рифов. Даже если бы они пришли сюда, здесь им нас никогда не найти. Я включил звуковую связь.

— Не ахти какая поисковая группа, — сообщила мне девушка-оператор. — Я дам вам знать, когда они доберутся до нижнего этажа.

Мы нырнули поглубже. Из чащи кораллов выскочила и замигала вокруг нас рыба радужной окраски, а зеленые растения кланялись, когда мы проплывали мимо. Вода была быстрая и теплая, она быстро восстанавливала мои силы, мысли и бодрый дух. Мы заплыли в грот, полностью окруженный кораллами, обнаруженный нами в предшествующий визит во время очередной тревоги, и расположились на золотистом песке. Я обнял одной рукой Ангелину, и она прильнула ко мне, как ради удовольствия, так и для того, чтобы наши маски соприкасались и мы могли бы разговаривать.

— Есть что-нибудь новое насчет Края и его людей? Пока доктор пробивался через серое вещество моего мозга, я не получал никакой информации.

— Их обнаружили, но это не все. Теперь, когда первая стадия вторжения завершена, клизандские вооруженные силы, кажется, располагаются для оккупации. Они забрали себе то огромное административное здание, называемое Октагоном, вероятно, из-за того, что у него восемь сторон, и вывели всех оттуда. Они, кажется, перенесли туда большую часть своих административных операций, и одного из людей Края видели выходящим из этого здания. Серые, должно быть, окопались именно там.

— Хотел бы я знать, почему они покинули старое здание.

— Несомненно, опасаясь тебя и твоей безжалостной ме-
сти.

Я фыркнул. Сделать это в маске было трудновато.

— Ты это, конечно, только говоришь, но, клянусь Велиалом, в этом есть больше чем элемент истины. Нокаутирующий

удар следует нанести этой клизандской операции вообще, но серым людям следует уделить особое внимание. Однако сперва я должен поймать одного из них. Значит, мне следует проникнуть в это здание.

— Ты не сделаешь ничего подобного.— Она ущипнула меня за кожу под ребрами, и я попытался шлепком отбросить ее руку, но под водой это невозможно. Я удовольствовался тем, что щипнул ее сам, а ее, разумеется, щипать было куда удобнее, чем меня, и некоторое время мы занимались этой игрой, пока я не вспомнил, что она отвлекла меня, я безжалостно вернулся к прерванному разговору.

— Почему же я не могу попробовать проникнуть в здание? Я замаскируюсь. По-клизандски я говорю, знаю, что у них и как...

— А они знают, что и как у тебя. У них над каждым входом установлены камеры, сканирующие данные компьютерам, которые знают твой рост, сложение, вес, походку, вообще все. Ты не можешь замаскироваться так, чтобы изменить все, и ты это знаешь. Они сразу сцапают тебя, в тот же миг, как ты туда войдешь.

— Ты говоришь это не просто потому, что это правда,— закричал я.— Так что, я полагаю, у тебя есть лучший план?

— Есть. Я говорю по-клизандски, и у них нет данных обо мне. И я — опытный полевой агент, единственный на этой планете, кроме тебя.

— Нет!

— Почему же сразу нет? — нахмурилась она, и следующий щипок был уже болезненным.— Ты мой муж, а не хозяин, надеюсь, ты это помнишь. В этих делах я смыслю не меньше тебя, а может, и больше, перед нами же задача, которую необходимо выполнить. Давай отбросим твое мужское превосходство и собственничество.

Она, конечно, была права, но не мог же я позволить ей укрепиться в этой мысли.

— Я только беспокоюсь о твоей безопасности.

От этих слов она растаяла и потерялась о меня.

— Ты-таки любишь меня, Джим, на свой собственный лад... ужасный, конечно, но со мной все будет в порядке, вот увидишь. Среди второго эшелона клизандцев есть немного женщин... не понимаю, как они могут носить такие уродливые мундиры... и мы с девушками заграбаствуем одну. В ее мундире и с ее удостоверением я проникну в дом, найду Края...

— Ты ведь не сделаешь какой-нибудь глупости?

— Конечно, нет. Слишком важное это дело, чтобы завалить его, занимаясь им в одиночку. Я тебе говорила, что хочу уделить ему на досуге свое личное внимание. А это будет только разведывательный заход. Я определю местонахождение серых людей, нанесу на карту планировку здания, погляжу на детекторные устройства и сразу же уйду.

— Великолепно! — сказал я, преисполнившись теперь энтузиазма и пытаясь отложить в сторону страха за ее безопасность.— Это все, что нам понадобится для последующего

похищения. Ударить их быстро и сильно, войти прямо туда, похитить Края и напрямиком обратно. Верное дело.

Загудел звуковой коммуникатор, и я включил его.

— Поисковая партия убралась, можете возвращаться.

Мы медленно поплыли обратно, рука об руку, наслаждаясь представившимся моментом. Когда мы вылезли из воды, доктор Мутфак уже ждал нас.

— Хорошо, мы продолжим оттуда, где остановились.— В его улыбке явно не было тепла.— Плюшевые медвежата... мы должны прозондировать скрывающуюся в этом символику, чтобы можно было пойти дальше.

Он нетерпеливо притоптывал ногой, пока мы с Ангелиной сжимали друг друга в объятиях, милых и мокрых, и самозабвенно целовались. В масках это крайне расстраивающее занятие. Затем мы прошли обратно в комнату. Я позволил доктору снова подвергнуть меня наркозу, так как не хотел, чтобы Ангелина перед отправлением видела, что я нервничаю. Это не облегчило бы ей задачу. Она помахала рукой и пошла одеваться, а я помахал ей в ответ, после чего доктор всадил мне в руку шприц, никакой романтики нет в его душе. Мы, должно быть, неплохо продвинулись, потому что, когда я проснулся вновь, плюшевые мишки давно исчезли и последний запомнившийся мне сон имел какое-то отношение к взрывающимся космическим кораблям и солнечным вспышкам. Доктор упаковал свои инструменты, а снаружи в ночном небе таял последний отблеск дневного света.

— Очень хорошо,— сказал он.— Неплохо продвигаемся.

— Вы уже открыли следы какого-нибудь вмешательства Края?

— Следы? — Ноздри его раздулись, и он запыхтел.— Они заметны, как отпечатки кованых сапог, по всей коре вашего мозга! Эти люди — мясники, просто мясники! Но в некотором плане это удача, что их следы так легко обнаруживаются. Повсюду блоки памяти. Эти воспоминания — единственное, что имеет какую-то клиническую ценность, и я должен выяснить, какую технику они применяли. Внедрили их туда очень быстро, вовлекая все чувства. Они очень полные, детальные...

— За это я поручусь.

— Я полагаю, вы не сможете отличить их от настоящих воспоминаний, вот какова сила их техники. Я удалил наиболее яркие, которые, кажется, особо беспокоили вас, а на последующих сеансах я позабочусь об остальных. А теперь посмотрите на свои запястья и расскажите мне о красных линиях, которые вы там видите.

— Они выглядят просто как красные линии,— сказал я, а затем вспомнил, как очутился в камере и по какой-то причине счел, что у меня отрубили кисти рук. Почему — не знаю. Эти были просто красные линии.

— Это ложная память?

— Да, и необыкновенно отталкивающая. Я расскажу вам о ней на следующей встрече. А сейчас вам необходимо отдохнуть.

— Прекрасная мысль. После того, как я достану что-нибудь поесть...

Дверь распахнулась, и вбежала Бэйз. И когда она пробежала мимо, я уловил выражение ужаса на ее лице. Внезапный страх ударил мне в живот, и я сел, молча следя за ней, пока она не включила телевизор. У клизандцев теперь работала пропагандистская станция, хотя никто не трудился смотреть, что она показывает. Зажегся экран, и оказалось, что я смотрю в лицо Края. Он почти улыбался, когда говорил.

— Это запись, она продолжает повторяться,— сказала Бэйз.

— ...что мы хотим дать ему знать. Кто-то должен знать человека, известного как Джеймс ди Гриз. Свяжитесь с ним. Скажите ему, чтобы он послушал эту передачу. Это сообщение для вас, ди Гриз. У меня здесь Ангелина. Она невредима... пока и останется такой до рассвета. Я предлагаю вам связаться со мной и явиться ко мне. Добро пожаловать домой, Джеймс...

После этого несколько минут я провел в шоке онемения. Я желал быть один. Бэйз оказалась достаточно понятливой, когда я показал ей на дверь, но доктор попытался завести разговор, который я прекратил, схватив его за шкуру и выкинув в дверь, которую Бэйз услужливо держала открытой. Затем я пнул телевизор — акт буйного разрушения, немного помогший мне, — а потом плеснул в стакан основательную дозу крепчайшего напитка. Со стаканом в руке я упал в кресло, посмотрел невидящим взглядом на усеянное звездами небо и стал разрабатывать план. Это будет не просто... а рассвет уже недалек. Продолжавшая все время покалывать на грани сознания мысль наконец всплыла. Мне придется сдаться и вновь получить ошейник — этого не избежать никак. Мои воспоминания о том, на что это было похоже, были не очень приятными, и мозг мой даже слегка задержался в черепной коробке при мысли об этом. За последнее время серое вещество моего мозга испытало слишком много пробежек, и я совсем не жаждал новых, однако это было неизбежно. Ошейник и пыточная коробка должны быть частью этого плана, и их придется нейтрализовать. Этого не очень легко достичь. Я поразмыслил над всеми возможными вариантами и, когда план атаки был вчерне готов, послал за Бэйз. Ей я сообщил, что собираюсь делать.

— Вы не можете,— ответила она, и, клянусь, эти замечательные огромные глаза наполнились слезами.— Отдать себя этим дьяволам, чтобы спасти женщину. Если бы на этой планете мужчины были похожи на вас! Невозможно поверить!..

Я воспротивился импульсу насладиться маленьким теплым женским утешением и отвернулся, чтобы вскрыть некоторые из контейнеров с оружием. При виде гранат мисс Бэйз отступила, а сержант Бэйз с интересом посмотрела на них.

— Это будет второй частью операции,— сказал я ей.— О первой части я позабочусь сам, она будет заключаться в проникновении в здание и в освобождении Ангелины. Я надеюсь прихватить также и серого человека, но если это будет

связано с потерей времени, мы прибережем эту часть задания для другого раза. Второй частью операции будет выход из Октагона, и для этого мне понадобится ваша помощь. Мне понадобится план здания, я хочу поговорить с кем-нибудь, кто хорошо знает, где там что лежит, если возможно, с кем-либо из штата ремонтников, чтобы я мог найти уязвимую точку. Вы можете сделать это сейчас?

— Тотчас же,— бросила она через плечо, выбегая из комнаты. Надежная девушка наша Бэйз.

Я стал копаться в содержимом нашего контейнера. До рассвета оставалось всего два часа, когда мы были готовы двигаться. Я завершил разработку своей части операции, но устроить побег было не так-то просто. Октагон очень сильно походил на крепость, особенно для столь малых сил, которые мы могли так поспешно собрать. И нам сильно мешало отсутствие у нас каких-либо воздушных судов или тяжелого вооружения. Казалось, что ни по земле, ни по воздуху нельзя покинуть это здание. И все же один из штата ремонтников, которого наконец нашли и доставили к нам, нашел выход и показал его на плане трясущимся пальцем.

— Кабельный канал... он проходит под улицей и стенами и выходит в подвал вот здесь. Большой туннель для кабелей и всего такого прочего.

— Он, разумеется, будет кишеть «клопами»,— сказал я.— Но если мы все спланируем правильно, то это не будет иметь значения. Запишите, люди, потому что я не буду повторять. Вот как будет совершаться эта операция...

К тому времени, когда мы обо всем позаботились, до рассвета оставалось меньше двадцати минут, и я обливался холодным потом. Первые наши части вышли на позицию, когда я позвонил Краю. Нас связали сразу же, и я заговорил прежде, чем он успел что-либо сказать.

— Я хочу немедленно увидеть Ангелину и поговорить с ней. Я должен быть абсолютно уверен, что она невредима.

Он не спорил, он этого и ожидал. Ангелина появилась в фокусе, и я увидел тот самый ненавистный ошейник с уходящим от него вверх за пределы рамки экрана проводом.

— С тобой все в порядке?

— Настолько, насколько это возможно для человека, вынужденного находиться в одном помещении с этой тварью,— спокойно ответила она.

— Они ничего с тобой не сделали?

— Пока ничего. Только застегнули на шею ошейник и прицепили эту штуку к потолку, чтобы я не убежала. Но ты представить себе не можешь, какие угрозы высказывал этот отталкивающий субъект. Не думаю, чтобы я смогла прожить хоть минуту с подобным мозгом...

Она застыла, ее глаза незряче выкатились, хотя веки не закрылись. Край подверг ее пытке. Я понял в этот миг, что ему не жить, если я смогу заполучить его в свои руки. Лицо его вновь появилось на экране, и мне потребовалось усилие,

на какое я не считал себя способным, чтобы спокойно посмотреть на него и ничего не сказать.

— Теперь вы явитесь ко мне, ди Гриз, и сдадитесь. У вас осталось лишь несколько минут. Вы знаете, что случится с вашей женой, если вы не явитесь. А если вы сдадитесь, ее тотчас же отпустят.

— Какие у меня гарантии, что вы сдержите свое слово?

— Никаких гарантий. Но у вас нет выбора, не так ли?

— Я приду, — сказал я насколько мог спокойно и отключил телефон, но не раньше, чем услышал, как Ангелина крикнула мне за кадром: «Нет!».

— Эта одежда уже высохла? — спросил я, одновременно срывая с себя рубашку и скидывая сапоги.

— Вот-вот высохнет, — ответила Бэйз. Она и еще одна девушка держала фены над клизандским мундиром, который я счел наиболее подходящим для такого случая. Он насквозь промок в ванне с химикалиями и теперь подвергался принудительной сушке.

— Он уже достаточно хорош. Больше ждать мы не можем.

Осталось несколько влажных пятен, но это не имело значения. Мы вышли. Внизу, в доке отеля, нас ждал катер с включенным мотором. Пока что все шло хорошо. На берегу стояла машина с доктором Мутфаком, который сидел на заднем сиденье с черным чехлом на коленях.

— Не нравится мне это, — ворчал он себе под нос. — Это явное нарушение врачебного этического кодекса.

— Война — нарушение любого кодекса, этического или морального, уродство, против которого допустимо использование любого оружия. Сделайте то, о чем вас просили.

— Я сделаю это, об отказе не может быть и речи. Но человеку позволено делать замечания об этической стороне совершаемого.

— Замечания делайте на здоровье. Но одновременно наполняйте шприц.

Мы припарковались в темноте на боковой улице, Октагон был за углом.

— Катализатор, — сказал я. — И смотрите, не пролейте ни капли. Под мышки, туда, где на влажность не обратят внимания.

Я поднял обе руки и почувствовал тепло жидкости из термоизолированного контейнера, а затем быстро опустил руки, чтобы мокрая ткань оказалась между боками и предплечьями. Затем я вылез из машины и просунул руку в окошко. Игла вонзилась мне в кожу, и дело было сделано. Заворачивая за угол, я слышал, как отъезжала машина. Октагон вырисовывался передо мной, словно гора, небо позади него начало светлеть. Мы дотянули до предела. Впереди находился вход, тот, к которому меня направили, и возле него двое серых людей ждали меня. У обоих пистолеты не были вытянуты из кобуры. Они были очень уверены в себе. Я молча подошел к ним, и один из них защелкнул на моем запястье поводковый браслет, после чего

меня провели через дверь, мимо молчаливых часовых. Поднимаясь по лестнице, я споткнулся и после этого внимательно смотрел под ноги, чтобы видеть, куда их ставить. Инъекция начинала действовать. Я ничего не говорил, а мои конвоиры по своей обычной манере тоже молчали. Они просто тянули и подталкивали меня в нужном направлении и наконец втокнули в какую-то комнату. Оказавшись внутри, они наставили на меня свои пушки, пока снимали браслет.

— Одежду долой! — приказал один из них.

Потребовалось усилие, чтобы не улыбнуться. Сбоку стояли флюороскоп и другое проверочное устройство. Эти типы оставались верны шаблону, следуя той же методе, которую применяли, когда меня захватили в первый раз. Неужели они не понимали, что рутина в случае проигранной игры становится ловушкой? Нет, не понимали. Я неловко стащил с себя одежду и дал им вволю поработать надо мной. Они, конечно, ничего не нашли, поскольку находить было нечего. Точнее, была одна вещь, которую, как я надеялся, им не найти. Так оно и случилось. Они медленно волокли свою рутинную проверку, и я начал немного беспокоиться, что они так долго возятся. Голова у меня становилась чуточку затуманенной от наркотика, я чувствовал себя так, словно меня завернули в вату. Инъекция, должно быть, достигла пика своего воздействия, и скоро оно пойдет на спад. То, что мне нужно было сделать, должно было быть сделано на пике мощи наркотика — или близко к нему, — иначе все приготовления будут бесполезными.

— Надеть это, — велел конвоир и бросил мне знакомую прозрачную робу. Я нагнулся, чтобы поднять ее, и не мог больше сдерживать улыбку. Сделано.

Они не казались нетерпеливыми, когда я неуклюже надевал робу. Я должен был внимательно наблюдать за своими пальцами, чтобы наверняка знать, что они выполняют свою задачу. Когда на моей шее застегнули ошейник, я вздохнул едва ли не с облегчением. Расчет времени оказался почти совершенным. Все шло, как надо. Когда один из охранников взял пыточную коробку и вывел меня, я опустил голову так, чтобы видеть, куда ставить ноги, чтобы не споткнуться. Если это вызывало иллюзию разбитости, то тем лучше. Мы прошли по широкому коридору мимо лестницы, и я мысленно отметил ее расположение, я даже считал шаги после того, как мы ее миновали, чтобы получить некоторое представление о расстоянии от нее до цели нашего путешествия. А целью было логово Края. Он ждал за письменным столом столь же терпеливо и безэмоционально, как паук в паутине. Ангелина сидела перед ним, соединенная с подвешенной к потолку пыточной коробкой.

— С тобой все в порядке? — спросил я у нее, перешагнув через порог.

— Конечно. Ничего не случилось. Тебе не следовало приходить.

Получив это заверение, я обратил свое внимание на Края,

не забывая в то же время об охраннике, который закрывал за нами дверь.

— Теперь вы отпустите ее, не так ли? — спросил я.

— Разумеется, нет. Это не дало бы мне никакого преимущества.— Выражение его лица, когда он говорил, ничуть не изменилось.

— Я и не думал, что вы отпустите. Есть ли какая-нибудь причина, по которой вам нельзя сказать мне, как ее поймали?

— Ваша память содержала точное описание вашей жены. Когда мы обнаружили, что вашему побегу помогали две женщины, мы, естественно, предположили, что одной из них могла быть Ангелина. Компьютер ее опознал, как только она вошла в здание.

— Мы были идиотами, когда пошли на такой риск,— сказал я, повернувшись лицом к ней, но глядя на охранника. Он готовился прицепить мою пыточную коробку к другому крюку в потолок. Если он сделает это — мы в капкане.

Все, что я мог сделать, это броситься на него.

— Остановите его! — крикнул Край, и охранник, глядя на меня, быстро нажал несколько красных кнопок на коробке.

Не стану говорить, что это было приятное ощущение. Присосилось достаточно боли, чтобы рвать мой желудок тошнотой и узлами завязывать мускулы. Я споткнулся и упал у ног охранника, не совсем добравшись до него. Принятый наркотик блокировал большую часть боли, но не всю. Имелись, должно быть, еще какие-то нервные пути, доступные для контроля. Слезы залили мои глаза, и я не мог протереть их. Поэтому все, что я видел, стало смазанным и расплывчатым. Передо мной находился ботинок, и это было нехорошо. И еще нога в форменной штанине, что тоже было плохо. А затем появилась рука охранника: он нагнулся, чтобы взять меня за шкирку. Я нанес хлесткий удар вытянутым средним пальцем и поцарапал кожу на тыльной стороне его ладони. Он лишь вздрогнул и продолжал нагибаться, почти как в замедленной съемке, пока не рухнул на пол рядом со мной, выронив проклятую коробку. Она упала достаточно близко, чтобы можно было дотянуться до нее и стукнуть по кнопке отключения. Боль мгновенно прекратилась. Край был у меня за спиной. Я пополз, борясь со своими заезженными в узлы мускулами, и через несколько мгновений заставил себя подняться. С того момента, как я напал на охранника, ситуация резко изменилась. Ангелина лежала поперек стола, держась за ошейник и корчась от боли. Край стоял на коленях за столом и тянулся за пистолетом. Я кинулся на него как раз тогда, когда он поднимался. И тут я понял, что мне не успеть: я бросился слишком поздно, он успеет выстрелить, и конец сказке. И вдруг грохнул взрыв, пол вздыбился, с потолка посыпались кусочки пластика и пыль, а освещение мигнуло. Край — в отличие от меня — этого не ожидал, его внимание было отвлечено, а я скользнул к нему через стол, и мой ноготь чиркнул его по коже. Он выстрелил, но заряд ушел в пространство, точнее в противоположную стену, потому что на спуск он нажи-

мал уже лишившись сознания. Ангелина, должно быть, напала на него, как только я бросился на охранника. Повиснув на проводе, она вскинула ноги достаточно высоко, чтобы выдать Краю хороший пинок, отправивший его на пол. Он отомстил, схватившись за радиоуправление раньше, чем за пистолет, и эта маленькая дань садизму дала мне шанс добраться до него. Но Ангелина теперь расплачивалась за это. Я не мог смотреть на ее извивающееся тело, когда влез на стол рядом с ней. Перед креслом Края было множество кнопок, но я не собирался тратить время на то, чтобы попытаться разобраться в них. Вместо этого я отцепил коробку и отключил ее. Ангелина открыла глаза. Она лежала, не двигаясь и глядя на меня, когда я шарил по ящикам стола.

— Милый... ты — гений, — слабо проговорила она. Я нашел ключ и нагнулся, чтобы отомкнуть ее ошейник. — Как ты это сделал?

— Перехитрил их, вот и все. Они не нашли в моей одежде никакого оружия, потому что оружием была сама одежда. Ткань была пропитана тантуралином, превратившим ее в мощную взрывчатку. На ткань под мышками я нанес катализатор, но тепло моего тела не давало ему действовать. Пока я был в мундире, ничего не происходило, но как только они заставили меня снять его — а я был уверен, что они обязательно это сделают, — катализатор начал охлаждаться, и когда он достиг критической температуры...

— Бум! — и все взорвалось! Мой гений... — Она подняла руку и притянула меня к себе. Ошейник щелкнул и открылся, а она подарила мне жаркий, страстный поцелуй, на который я какое-то время отвечал, пока не вспомнил, где мы находимся, после чего мягко высвободился. Она нетвердо села и попыталась вставить ключ в мой ошейник.

— И у тебя, я полагаю, есть чудесное, остроумное объяснение того, как ты убил этих бесов?

— Они еще не мертвые, просто без сознания. Я заточил один ноготь до достаточной остроты, чтобы им можно было поцарапать кожу, а затем смазал его каланитом.

— Конечно! Каланит невидим глазу, а чтобы обнаружить его, требуется специальный, довольно сложный тест. Однако ничтожного количества его более чем достаточно, чтобы привести оцарапанного в бессознательное состояние. Что дальше?

— Телефонный звонок, чтобы привести в действие остальную часть операции в случае, если этот взрыв не услышали за пределами здания. Но у них есть прослушивающие устройства...

.Прежде чем я успел закончить фразу, свет погас. Поскольку окон в помещении не было, мы оказались в полнейшей темноте, и я тут же заблудился, потеряв контакт с реальностью.

— Ангелина, — позвал я, созная, как хрипло звучит мой голос. — Меня до бровей накачали наркотиками, отрубившими почти все болевые ощущения, вот почему я смог разделаться с охранником, хотя он и шарахнул меня своей радиоволно-

вой коробкой. Но это также означает, что я вообще ничего не могу ощущать — я совершенно онемел. Все, что я могу делать, это слышать в темноте. Тебе придется помочь.

— Что мне делать?

— Найди Края и приволоки ко мне. Я намерен посмотреть, не сможем ли мы прихватить его с собой.

Она выволокла его из-под стола, причем не слишком нежно, судя по услышанным мной ударам, а потом помогла мне взвалить его на плечи.

— А теперь выведи нас отсюда. Тебе придется вести меня, потому что я совершенно не способен передвигаться в темноте. Перейди на другую сторону коридора и иди налево, примерно через сорок пять метров выйдешь к лестнице. А потом вниз до конца.

Она взяла меня за руку, и мы вышли. Я врезался в пару предметов, но это была не ее вина, просто меня окончательно покинуло чувство осязания. По коридору следовать было легче и быстрее, так как она могла касаться одной рукой стенки. В отдалении были слышны голоса, даже один-два вполне удовлетворяющих вопля. Мой взрывчатый гардероб обеспечил изрядное отвлекающее действие, особенно в паре с исчезновением электричества. И тут, как раз, когда я поздравил себя с тем, как хорошо идут дела, замигал, а затем вспыхнул погасший свет. Мы остановились, шурясь от внезапного освещения и чувствуя себя находящимися посреди освещенной прожекторами сцены. В поле зрения находилась, по меньшей мере, дюжина людей. Но они все игнорировали нас, занятые собственными бедами и едва осознавая присутствие друг друга. Толстый чиновник налетел на нас с широко раскрытыми от страха после взрыва глазами.

— К лестнице, быстро, — скомандовал я и как можно скорее потопал вперед с подпрыгивающим у меня на плечах Краем.

Конечно, это было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго. Аварийное освещение мигнуло, собираясь, похоже, угаснуть совсем. Шедший нам навстречу солдат имел достаточно времени, чтобы посмотреть и подумать о том, что он видит. До него наконец дошло, что тут что-то не так. Он поднял гауссовку и крикнул:

— Стой!

Ангелина, державшая пистолет Края, выстрелила лишь один раз. Солдат сложился. Мы уже были на лестнице, когда свет вновь погас и больше не зажигался. Маневрировать на лестнице было трудновато, хотя некоторые ощущения ко мне вернулись, и я в какой-то мере мог нащупывать дорогу. Мы один раз уронили Края и немного посмеялись над этим, позволив ему покатиться по лишней ступеньке-другой, а миг спустя я упал на Ангелину, чуть было не опрокинув нас обоих. После этого мы шли осторожно. Пролетом ниже чей-то голос сказал:

— Мы ждем вас, чтобы вывести отсюда. Стойте и не двигайтесь.

Это был девичий голос, и говорил он не по-клизандски, иначе Ангелина начисто разнесла бы лестницу. Мы подождали немного, и я почувствовал, как чьи-то руки коснулись моей головы, надевая тяжелые очки. А теперь оказалось, что я снова все вижу, причем очень контрастно. Это были инфракрасные очки, а у поджидавшей нас девушки имелся ручной инфракрасный прожектор. После этого мы спускались почти бегом, а девушка на бегу вызывала кого-то по рации. У подножья лестницы нас ждала Бэйз.

— Мы отправили людей на все лестницы, чтобы попытаться вступить с вами в контакт. Теперь они возвращаются сюда.

Они забрали у меня Края. Я не чувствовал ни боли, ни усталости, но по тому, как вибрировали мои мускулы, был уверен, что у меня все будет нить, когда окончится действие наркотика. Мы приступили быстрой рысью к открытой пасти служебного туннеля.

— Туда,— показала Бэйз.— На другом конце нас ждут машины.

При каждом движении я стонал. Немного более глухо и театрально, чем того требовало мое действительное состояние, но это заставляло Ангелину чувствовать себя нужной и отвлекало ее от мыслей о собственных неприятностях. Она квохтала, как наседка, подсовывая мне под голову подушки, наливая мне утешающего, чистя сладкие фрукты и нарезая их мне маленькими кусочками. Я надеялся, что эти обязанности жены отвлекут ее от воспоминаний о пыточной коробке, с которой она познакомилась днем раньше. Если она о ней и думала, то не показывала этого. Воздух, вливающийся в открытые окна, был теплым, а небо, как обычно, ярко-голубым.

— Были какие-нибудь потери? — спросил я ее.

— Никаких, о которых стоило бы говорить. Несколько ушибов и царапин, несколько поверхностных ран среди арьергарда. Все прошло точно так, как ты планировал. Как только девушки услышали взрыв, они закоротили все телефонные и электрические провода, устроив страшную путаницу на линии. Затем они прошли через туннель и вырубili аварийное освещение. Остальное ты знаешь, поскольку был достаточно любезен, чтобы сделать такое одолжение — не свалиться, пока мы добрались до машины.

— Я был бы счастлив сделать это раньше, но я не тешил себя мыслью, что амазонки Бэйз поволокут меня по трубам. Они, кажется, все еще невысокого мнения о мужчинах. Может быть, они сделают меня почетной девушкой?

— Лучше присмотри за тем, чтобы они тебе чего-нибудь другого не сделали. Недавно звонил доктор Мутфак. Сказал, что почти довел Края до такой грани, когда мы можем с ним поговорить.

— Тогда пошли. Этого разговора я ждал долго и с нетерпением.

Когда я вылез из постели, мои мускулы затрещали, и я почувствовал себя тысячеклетным старцем. На мне были ку-

пальные принадлежности. Как и на Ангелине. В роскошном ртеле «Ринга» неформальность была уставом. Это также давало нам возможность нырнуть, спасая свои жизни, если поблизости будут рыскают какие-нибудь солдаты. Что и навело меня на мысль.

— Что произойдет, если сюда приедут какие-нибудь назойливые клизандцы? Я полагаю, что планы сокрытия Края составлены?

— Сокрыть — самое подходящее слово. Поскольку он без сознания, его можно хранить в одном из холодильников. Хорошая мысль, особенно если они забудут и оставят его там.

— Месть — после, сейчас — информация. Интересно, какие заворачивающие факты о нашем чужаке открыл доктор?

— Он не чужак, — настаивал доктор. Пока я спал, он работал в маленькой, но отлично оснащенной лаборатории, являющейся частью минигоспиталя отеля. — За это я ручаюсь своей репутацией.

— Единственная ваша репутация, известная мне, это репутация мозговывжимателя, — сказал я. — Можете ли вы быть уверенным?

— Я не потерплю, чтобы меня оскорбляли иностранцы! — заорал доктор, вытянувшись в гневе так, что макушка его головы почти достала до моего плеча. — К оскорблениям со стороны женщин я привык, но от иностранца такого не снесу. Даже на безымянной планете, где вас породили, должно быть известно, что базисом медицинского образования является нормальная физиология и биология. А хобби мое — цитология, так уж случилось. Я мог бы показать вам клетки, которые заставили бы вас закричать от удивления, так что я знаю, что говорю. Клетки этого субъекта человеческие, так что он — человек. Жизнеспособный хомо сапиенс.

— Но эти отличия... низкая температура тела, отсутствие эмоций и все такое...

— Все в пределах царства человеческой вариативности — человечество очень адаптивно, и поколения, выжившие в разной окружающей среде, могут существенно отличаться. В литературе описаны куда более экзотические примеры, чем то, что обнаружено у этого индивидуума.

— Значит, роботом он тоже не может быть? — широко открыв глаза, невинно спросила Ангелина и ловко отскочила, когда я протянул руку, чтобы схватить ее. Не скажу, чтобы мои теории держались очень хорошо.

— Когда мы сможем с ним поговорить? — спросил я.

— Скоро, скоро.

— А можно спросить, что вы сделали, чтобы заставить его отвечать на вопросы?

— Хороший вопрос. — Мутфак огладил свою серебристую голову и бороду, сосредотачиваясь на интерпретации таинства медицины для профана. — Поскольку именно этот человек, похоже, является ответственным за серьезное вредоносное вмешательство в работу вашего мозга, я не чувствовал того, что может быть вызвано обычной моральной ответственностью врача

перед пациентом... особенно, когда пациент помог организовать безжалостное вторжение на мою планету.

— Это хорошо с вашей стороны, док.

— Собственно, я не испытывал никаких колебаний и строил его нормальные мыслительные способности для нашей, а не для его выгоды. Сделать мне это было нелегко, я чувствовал себя таким же моральным преступником, какими считаю тех, кто поработал над вами, но я возьму на себя ответственность за этот акт. Тот факт, что он был доставлен сюда без сознания, помог делу. Я посадил ложные воспоминания и вызвал регрессию в областях отношения к людям и эмоций, установил блоки памяти и сделал еще несколько ужасных вещей, за которые я буду нести позор до дня своей смерти.

Доктор выглядел так, словно мог в любую минуту расплакаться, и я похлопал его по плечу.

— Вы, док, солдат на линии фронта, идущий в бой и делающий все, что потребуется, чтобы победить. Мы все уважаем вас за это.

— Ну, а я — нет, но речь сейчас не об этом.— Он встряхнулся и снова стал человеком науки.— Через несколько минут я собираюсь вывести пациента из глубокого транса. На вид он будет обычным проснувшимся человеком, но его сознание будет иметь минимум представлений о том, что происходит. Его эмоциональное отношение к нам будет как у двухлетнего ребенка, желающего помочь разговаривающим с ним, помните об этом. Не нажимайте, когда будете задавать вопросы, и не ведите себя враждебно. Он всей душой будет хотеть вам помочь, но доступ к информации во многих случаях будет нелегким. В таком случае будьте снисходительны и перефразируйте вопрос. Не нажимайте слишком сильно. Вы готовы?

— Полагаю, да.— Хотя для меня было весьма затруднительно представить себе Края в роли ребенка.

Мы с Ангелиной промаршировали следом за доктором в тускло освещенную госпитальную палату. Когда мы вошли, сидевший у постели санитар встал. Доктор наладил освещение так, чтобы большая часть его падала на Края, тогда как мы сидели в полутьме, а затем сделал ему инъекцию.

— Это должно подействовать очень быстро,— сказал он.

Глаза Края были закрыты, лицо — расслаблено и неподвижно. Череп его обматывали белые бинты, а из-под них тянулись пучки проводов к машине, стоявшей рядом с койкой.

— Проснитесь, Край, проснитесь,— сказал доктор.

Лицо Края дрогнуло, дернулась щека, и медленно открылись глаза. Теперь на его лице появилось выражение безмятежного спокойствия. Он слабо улыбнулся.

— Как тебя зовут?

— Край.— Он говорил тихо, хриплым голосом, напоминающим мне мальчишеский. Не было ни следа сопротивления.

— Откуда ты прибыл?

Он нахмурился, моргая и бормоча что-то бессмысленное. Ангелина наклонилась и, похлопав его по руке, заговорила дружелюбно:

— Ты должен успокоиться, не торопись. Ты прибыл сюда с Клизанда, разве не так?

— Правильно,— он кивнул и улыбнулся

— А теперь подумай хорошенько, ведь у тебя хорошая память. Ты родился на Клизанде?

— По-моему, нет. Я... я жил там долгое время, но родился я не там. Я родился дома.

— Дома — это на другой планете, в ином мире?

— Правильно.

— Ты не мог бы сказать мне, на что похож твой дом?

— На холод.

Голос его был таким же ледяным, как это слово, напоминающая известному нам Края, и лицо его постепенно менялось, отражая мысли, эхом откликавшиеся на его слова.

— Всегда холод, ничего зеленого, ничего не растет, непрекращающийся холод. Приходилось любить холод, а я его никогда не любил, хотя ужиться с ним могу. Есть теплые планеты, и многие из нас уезжают на них. Но вообще-то нас немного. Мы не очень часто видим друг друга, и я думаю, что мы друг друга не любим. Да и с чего бы. В снегах, во льду и в холоде любить нечего. Мы ловим рыбу, вот и все. На снегу ничего не живет. Вся жизнь в море. Я сунул в него однажды руку, но я не могу жить в воде. А рыбы могут, и мы едим их. Есть и теплее планеты.

— Вроде Клизанда? — спросил я так же мягко, как и Ангелина.

— Вроде Клизанда. Все время тепло и даже жарко, но я против этого не возражаю. Странно видеть на суше других живых существ, кроме людей. И много зелени.

— Как называется дом? Холодный дом? — прошептал я.

Трансформация произошла сразу же. Край начал извиваться на койке, лицо его кривилось и искажалось гримасами, глаза широко раскрылись и остановились, уставившись в одну точку. Доктор кричал, приказывая ему забыть вопрос и успокоиться, пытаясь в то же время всадить в его мечущуюся руку иглу шприца. Но было уже слишком поздно. Спущенная мной реакция продолжалась. Готов поклясться, на какой-то краткий миг в глазах Края сверкнул свет разума и ненависти — очнувшись, он осознал, что происходит. Но только на миг. Спустя мгновение спина его выгнулась в безмолвном спазме, и он, рухнув, застыл в неподвижности.

— Умер,— объявил доктор, взглянув на показания своих приборов.

— Эксперимент был полезным,— заметила Ангелина, подходя к окну и отдергивая шторы.— Время искупаться, если ты чувствуешь себя способным на это, дорогой. А потом нам придется придумать способ добыть доктору другого серого человека. Теперь, когда мы знаем, какую область нельзя затрагивать, мы заставим его протянуть подальше во время допроса.

— Я не могу,— отшатнулся доктор.— Только не это снова. Мы убили его. Я его убил. Ему был имплантирован приказ,

сигнал, которому нельзя сопротивляться: скорее умереть, чем открыть, где находится эта планета. Стремление к смерти, можно сказать. Я сейчас видел это и больше не желаю.

— Нас воспитали по-разному, доктор,— спокойно и безжалостно произнесла Ангелина.— Я без всякой жалости застрелила бы тварь, вроде Края, в бою и не испытываю иных чувств из-за того, что его смерть произошла вот таким образом. Вы знаете, кто он и что он сделал.

Я ничего не сказал, потому что был согласен с ними обоими. С Ангелиной, видевшей в Галактике джунгли, в которых идет война за выживание: есть или быть съеденным. И с доктором-гуманистом, выросшим в условиях матриархата в стабильном и неизменном, мирном и спокойном обществе. Они оба были правы. Интересное животное — человек...

— Отдохните, док,— посоветовал я.— Примите одну из собственных пилюль. Вы были на ногах день и ночь, и это не могло пойти вам на пользу. Мы увидимся с вами, когда вы проснетесь, но сперва хорошенько отдохните.

Я взял Ангелину под руку и увел ее от усталого, маленького, печального человека, уставившегося невидящим взглядом в пол.

— Ты ведь не чувствуешь сожаления по поводу смерти этой твари Края? — спросила она, выдав мне свою нахмуренность номер два, означавшую что-то вроде: «Я не ищу неприятностей, но если ты настаиваешь, то, разумеется, получишь».

— Я? На это мало шансов, любимая. Край — это тот, кто раскатал недавно в моем мозгу колючую проволоку и пытался сделать то же самое с тобой. Я только сожалею, что мы не смогли побольше выжать из него, прежде чем он нас покинул.

— Следующий расскажет побольше. По крайней мере, мы теперь знаем, что твоя идея верна. Может быть, они и не чужаки, но, разумеется, и не уроженцы Клизанда. Если мы сможем искоренить их там, мы покончим с этими вторжениями.

— Легче представить, чем достичь. Давай поплаваем, а над этим поразмыслим за выпивкой, когда вернемся.

Вода высвободила мои мускулы и заставила меня глубоко осознать, какой жуткий голод и жажду я испытываю. Я вызвал по звуковязи служащего, так что, когда мы вышли из воды, нас уже ждали поджаренное мясо и пиво. Эта снедь немного притупила мой аппетит, но дала мне силы вернуться в номер для более солидной закуски. Да, весьма солидной: семь блюд, начиная с огненного бурадского супа, далее рыба, мясо и другие деликатесы, слишком многочисленные, чтобы перечислять их. Ангелина немного поела и пригубила свой бокал вина, в то время как я прикончил большую часть еды, оказавшейся в поле моего зрения. Насытившись наконец, я приказал убрать грязную посуду и со вздохом откинулся в кресле.

— Я думал,— произнес я.

— И ты вполне мог меня одурачить. Я-то думала, что ты лопал, как свинтус с обеими лапами в кормушке.

— Советую поберечь свой-буколический юмор. Тяжелая ночная работа заслуживает хорошей дневной еды. Клизанд — вот наша проблема. Или, точнее, серые люди, столь твердо контролирующие его военную экономику. Держу пари, что если мы избавимся от них, у исконных клизандцев не будет того жгучего интереса к межзвездным завоеваниям.

— Достаточно просто. Программа спланированных убийств. Серых не может быть слишком много, Край об этом сказал. Разделяваться с ними — я рада буду взяться за такое задание.

— О, нет, ты не возьмешься. Моя жена никогда не станет заниматься в убийцы по контракту. Это не так-то просто как физически, так и морально. Серые люди могут обеспечить себе хорошую охрану. А слова о том, что цель оправдывает средства, — это объявление о банкротстве. Ты видела, что случилось с доктором Мутфаком, когда он трудился для благой цели, но использовал средства, идущие вразрез с его моральными нормами. Мы с тобой, любовь моя, сделаны из материала по жестче, но все же и на нас подействует, если мы займемся массовой резней...

Она побелела, и я пожалел о том, что сказал это. Я взял ее за руку.

— Я не хотел сказать в таком смысле. Я говорил не о прошлом.

— Я знаю, но все равно это разворошило нездоровые воспоминания. Давай забудем об убийствах. Что еще можно сделать?

— Множество вещей, я уверен в этом, если мы сумеем задавать правильные вопросы. Должен же быть способ развалить постоянно расширяющуюся клизандскую империю.

Ангелина поднесла к губам бокал с вином, и на лбу у нее появилась морщинка, говорящая о сосредоточенности.

— Как насчет организации мятежей на всей завоеванной территории? — предложила она. — Если мы займем клизандцев боями на уже завоеванных планетах, они не очень-то разгонятся искать новые территории.

— Ты близко подходишь к нужной идее, но все же не совсем в точку. Мы не можем много ожидать от движения сопротивления на этих планетах, если пример Бурады вообще что-то показывает. Ты слышала, что говорила Бэйз: жесткая политика клизандских вооруженных сил делает свое дело. Если во время налета убивают одного клизандца, они режут в ответ двадцать бурадцев. Здешний народ после многих поколений мира психологически неподготовлен вести безжалостную партизанскую войну. Я даже сомневаюсь, стали бы клизандцы реагировать столь злобно, если бы их не принуждали к тому серые люди, все организующие и всем распоряжающиеся. Солдаты просто выполняют приказ, а выполнение приказа всегда было сильной стороной клизандцев. Мы никогда не остановим этих людей, пытаюсь разжечь у них за спиной мелкие бунты. Но ты права насчет учинения им хлопот на разных планетах. Вся

клизандская экономика и культура построены на основе продолжающейся войны. Это похоже на какую-то безумную форму жизни, которая должна продолжать разрастаться или умереть. Сам по себе Клизанд не может полагаться на то, что он построит свои флоты и будет их сам снабжать, а должен полагаться на завоеванные им планеты. Эти планеты находятся под абсолютным контролем Клизанда, так что они принимают заказы и выдают товары, а вторжение катится дальше, и ничто не может остановить это наступление.

— Желала бы я, чтобы клизандские завоевания были той безумной формой жизни, о которой ты говорил, какой-нибудь уродливой зеленой порослью. Мы могли бы вырвать ее с корнем, оборвать побег...

Она разломила пополам булочку, чтобы продемонстрировать, что она имела в виду, а затем куснула ее. Когда она хотела заговорить снова, я поднял руку.

— Стоп! — приказал я. — Ничего не говори. Я думаю. Я что-то вижу, оно почти тут.

Затем я принялся расхаживать по номеру, складывая два и два и получая четыре, умножая четыре на два и получая восемь, совершая и другие подобные математические и логические операции.

А потом все стало ясно, все части встали на места, а я рухнул в кресло и схватился за стакан.

— Я — гений, — заявил я.

— Знаю. Именно поэтому я и вышла за тебя. Физически ты очень непривлекателен.

— Скоро ты будешь извиняться за свои слова, женщина. А в данный момент выпьем за мой план и за победу.

Мы чокнулись и выпили.

— Какой план? — пожелала уточнить она.

— Пока не могу сказать, он еще не детализирован в отношении частных и нуждается в доработке. Как ты думаешь, серые люди объявили публично о похищении Края?

— Сомневаюсь. Мы ничего не слышали по прослушиваемой нами сети. И я уверена, что это не та новость, о которой они хотели уведомить простых клизандцев.

— Так я и думал. Добавь к этому характерную для них гипертрофированную отстраненность и эгоцентризм даже в отношениях друг к другу. Я намерен сыграть на том факте, что никакого широкораспространенного объявления о Крае не было.

— Как?

— Доставай грим, оборудование для пластической операции. Я намерен проникнуть на военную базу в обличье Края. Мне надо сделать там несколько важных вещей.

Она начала было протестовать, но я поднял палец, и она умолкла.

Точно так же, как и я, когда она отправилась в Октагон. Ей нечего было сказать, и она это знала. Без единого слова она отправилась за требуемыми маскировочными материалами.

Мне требовался клизандский транспорт, и я добыл его

самым простым из всех возможных способов. У врага. А поскольку проделанная нами гримерная работа не вызвала у меня буйной радости, я решил действовать после наступления темноты, когда тусклое освещение поможет иллюзии. В соответствующее время я, одетый в мундир Края, но с собственным чемоданчиком, отправился с Гамалем к Октагону, месту прежних представлений. Гамаль был членом вспомогательных полицейских сил.

Мужчина в такой роли являлся довольно редким исключением, поскольку большую часть вооруженных сил составляли женщины. Я бы предпочел одну из девушек, они казались намного более уверенными в себе.

Но в это время на планете находились клизандские войска только мужского пола. Кучка клизандских женщин оставалась вне поля зрения.

Гамаль выглядел излишне нервным, и мне не понравилось, как он время от времени закатывает глаза, однако пришлось довольствоваться им.

— Ты понял свою роль? — спросил я у него, толкая его в тень глубокого парадного.

— Да, сэр, разумеется, понял.

Не стучат ли у него зубы? Трудно сказать. Я вынул пузырек, который дал мне доктор Мутфак для применения в случае чрезвычайной ситуации.

— Возьми эти две таблетки, разжуй и проглоти. Это пилюли счастья, они должны поднять твой боевой дух, не отправляя тебя плясать по улицам.

— Я не...

— Теперь ты да. Возьми.

Он взял, а я шмыгнул к Октагону, держась в тени, и осторожно выглянул за угол, прежде чем начать свою игру. Даже в этот час ночи машины довольно часто подъезжали к зданию и выезжали из него, но все это было не то, в чем я нуждался.

Наконец подъехала маленькая машина, выбросила двух офицеров, а затем отправилась обратно в моем направлении. Я шагнул на улицу перед ней и махнул рукой. Она, взвизгнув, остановилась, почти коснувшись меня передним бампером. Водитель выглядел испуганным, и я постарался удержать его в этом состоянии.

— Вы всегда так ездите?

— Нет, сэр, но...

— Приберегите свои извинения, меня они не интересуют. — Я влез в машину и уселся рядом с ним, а он все еще не мог закрыть рот. — Езжайте дальше, я скажу вам, куда направляться.

— Сэр, эта машина... Я хочу сказать...

Один-единственный холодный краевский взгляд заставил его увянуть, словно весенний цветок на морозе, и он рванул машину вперед.

Как только мы отъехали немного от Октагона, я приказал ему остановиться и раздавил у него под носом сонную капсулу.

Я был уверен, что отдых не помешает ему. А затем я отвез его к месту, где ждал Гамаль. Он открыл дверь склада, в котором прятался, и мы занесли туда шофера. После этой капсулы он должен был спать до утра, и пока Гамаль переодевался в его форму, я подложил ему под голову для удобства пачку бумаг:

— Ты умеешь водить такую машину? — спросил я у Гамалья, когда он переоделся.

— Должен бы. Эта машина одна из наших. Они украли ее и нарисовали на ней свой грязный флаг.

— Значит, вновь отбитый военный трофей. А теперь отвези меня в космопорт. И не останавливайся в воротах, а лишь притормози и продолжай катить. Все это блеф, так что держи нос кверху и постарайся не выглядеть таким испуганным, как сейчас. Будь мужчиной.

— Я и мужчина, — простонал он. — Ну а это — женское дело. Не понимаю, как я вообще дал уговорить себя на это.

— Заткнись и поезжай. И прими еще пару этих пилюль.

Космопорт был перед нами, и я больше беспокоился о своем водителе, чем о том, что будет дальше. Я видел, как они спешат убраться с дороги Края. Наверное, это поможет объяснить и явный страх водителя.

Я вздохнул. Катись, машина. Предполагалось, что все знали Края, и теперь я намеревался подвергнуть это предположение испытанию. Часовые вытянулись по стойке смирно, когда мы появились. Сержант начал было что-то говорить, но я опередил его.

— Держитесь подальше от этого телефона. Я намерен поговорить с некоторыми людьми и не хочу, чтобы вы сообщили им о моем появлении. Вы знаете, что случится с вами, если вы это сделаете.

Мне пришлось чуть ли не выкрикивать эти фразы, поскольку близкий к панике Гамаль притормозил недостаточно, и мы промчались мимо часовых. Но они, должно быть, меня слышали, потому что никто не сделал попытки приблизиться к телефону.

Первый шаг.

— Я не могу это делать! — завопил Гамаль и так крутнул руль, что мы направились обратно к воротам. — Я еду домой! Я никогда не был создан для работы в полиции — все это идеи моей матери, она хотела, чтобы я был для нее вроде дочери, вот и сделала из меня... А я хотел быть просто домохозяином, как мой отец!..

Ворота надвигались с огромной скоростью, и я, бегло выругавшись, выудил сонную капсулу, раздавил ее у него под носом, а затем рванул руль.

Мне пришлось, поддерживая одной рукой Гамалья, сделать еще один поворот. Мы снова умчались прочь. Мне стало немало не по себе, когда я представил, что могут подумать часовые обо всем этом.

Борясь с незнакомым управлением, я сумел завести машину

в один из ангаров, прежде чем нога Гамалы соскользнула с акселератора и мотор заглох.

На заднем сиденье машины были какие-то ящики и узел армейских одеял. Я вынул все, кроме одеял, которые использовал, чтобы прикрыть Гамалы, сладко спавшего теперь на полу, свернувшись калачиком. Наверное, мне следовало застрелить его или просто выбросить. Но ведь он не был виноват в том, что родился мужчиной при матриархате.

Пока никто не приближался к машине, мы были в безопасности, но я понимал, что машина Края должна привлечь к себе внимание. Я подъехал к ближайшему космическому кораблю и припарковался подальше от огней входа. Теперь второй шаг.

— Вы знаете, кто я? — спросил я старшину, дежурившего у подножья трапа. Голос мой был холодным и пустым.

— Да, сэр, знаю. — Он встал по стойке смирно, глядя прямо перед собой.

— Отлично. Тогда передайте старшему механику, чтобы он встретил меня на палубе.

— Его нет на борту, сэр.

— Я сделаю пометку об этом нарушении воинского долга, а вы сообщите ему об этом, когда он вернется. Дайте тогда помощника.

Я прошел мимо него, не удостоив его лишним взглядом, а он прыгнул к телефону.

К тому времени, когда я добрался до палубы А, меня уже ждал механик в промасленном комбинезоне, нервно вытиравший руки тряпкой.

— Извините, мы разбираем один из генераторов... — Голос его иссяк и выдохся, когда я прожег его взглядом.

— Я знаю, что у вас неполадки. Именно поэтому я нахожусь здесь. Отведите меня в машинное отделение.

Он поспешил туда, а я последовал за ним, тяжело ступая. Пожалуй, это пройдет легче, чем я думал. Трое побелевших рядовых оторвали взгляд от внутренностей генератора, когда мы вошли.

— Выставьте их отсюда, — сказал я, и повторять приказ мне не пришлось.

Я посмотрел на вскрытый генератор и глубокомысленно кивнул, словно понимая, что там ремонтировали. Затем я начал медленно обходить машинное отделение, постукивая по датчикам и шурясь на мигающие индикаторы, в то время как механик трусил за мной вслед.

Когда я добрался до генератора двигателя искривления, то обратил внимание на заводскую марку, покрытую символами и цифрами, которые мне ничего не говорили. Я повернулся к механику.

— Почему используется эта модель?

Я еще никогда не видел механика, который не мог бы сказать что-либо о любом предмете, находящемся под его опекой, и этот не был исключением.

— Мы знаем, что это устаревшая модель, сэр, но замена

не прибыла вовремя, чтобы мы могли установить и отрегулировать ее до полета.

— Принесите мне техсправочник.

Как только он повернулся ко мне спиной, я сжал ручку чемоданчика, и мне на ладонь выпала бомба. Я установил часовой механизм на сорок минут, взвел ее и активизировал. Затем я нагнулся и затолкал ее под толстую станину генератора, где ее нельзя было заметить.

К тому времени, когда механик вернулся с техсправочником, я уже изучал другое оборудование. Быстрое перелистывание страниц, сопровождающееся похмыкиванием над идентификационными номерами, удовлетворило его, и я вернул справочник обратно. Я чувствовал стыд, потому что работа оказалась такой легкой.

— Позаботьтесь, чтобы ремонт был закончен быстро, — приказал я уходя, ничего не уточняя, а в ответ получил его горячие заверения, что так и будет сделано.

Я повторил этот маневр в следующем корабле, припарковав свою машину в тени рядом с ним.

Как раз тогда, когда я понял, что в этом корабле есть что-то знакомое, по трапу спустился Остров и повернулся ко мне лицом.

Это внезапное столкновение поразило меня так же сильно, как и его. Но если его голос изменился, глаза выпучились, и он встал на мертвый якорь, то я, войдя в роль Края, только холодно уставился на него. Узнает ли он меня?

Я жил с ним в одной комнате, пил с ним из одной бутылки в бытность мою Васко Хулио, я пилотировал этот корабль. Личина Края была хороша, но можно ли было ожидать, что она выдержит столь близкое изучение тем, кто так хорошо меня знал?

— Ну? — прошипел я, когда стало ясно, что он не проявляет намерения двигаться или говорить, или вообще делать что-либо помимо пяления глаз сверху вниз.

— Извините, сэр, вы застали меня врасплох... Я не ожидал увидеть вас здесь, если вы понимаете, что я имею в виду... — Он начал потеть, а я хранил молчание. — Ваш голос... — произнес он наконец. — Что-нибудь случилось?

Конечно, случилось. Я знал, что не могу заставить свой голос звучать так, как у настоящего Края, для того, кто говорил с ним столь недавно, как Остров.

Я также знал, что шепот одного человека очень похож на шепот другого, но ему я этого не сказал.

— Рана, — прохрипел я. — В конце концов идет война, и некоторые из нас сражаются.

— Да, конечно, сэр, я понимаю.

Он переминался с ноги на ногу.

Я решил, что с меня этого хватит и проследовав дальше, но он окликнул меня, и я с холодным нетерпением снова повернулся лицом к нему.

— Извините, что беспокою вас, сэр. Я просто хотел бы

знать... не скажете ли вы мне что-нибудь о местонахождении Васко...

— Это не его имя. Он — шпион. Вы ведь не желаете продолжать знакомство со шпионом, не так ли?

Остров покраснел, но не отстал от меня.

— Нет, конечно, нет, если он шпион. Но одно время мы были вместе... и тогда он был вроде бы неплохим человеком. Я просто интересуюсь...

— Интересоваться буду я, а вы занимайтесь пилотажем.

После этих вполне краевских слов я повернулся и затопал по кораблю.

Остров удивил меня своей попыткой противостоять Краю. Видимо, где-то глубоко под его дубленной алкоголем шкурой жило борющееся за освобождение существо. Подложить эту бомбу оказалось столь же легко, как и первую, и я установил взрывной механизм приблизительно на то же время. Работая с ускорением, я быстро носился от ракеты к ракете и сумел подложить семь бомб, прежде чем бабахнула первая. Когда прозвучала тревога, я находился в машинном отделении девятой ракеты.

— Что это? — спросил я, услышав отдаленные стечения сирен.

— Понятия не имею — ответил немолодой механик и снова перенес свое внимание на моторы. — Эти импульсные трубки — второсортные и дрянные, но я не могу достать замену...

— Я не интендант, — оборвал я его нетерпеливо. — Пойдите и выясните что стряслось.

Как только он вышел, я сунул бомбу в подходящее место, установив ее на три минуты, и последовал за ним.

— Что там? — спросил я его у трапа.

— Взрыв на одном из кораблей в машинном отделении.

— Где? Я должен видеть это.

Я выкрикнул эти слова и сошел как можно скорее. Теперь должны рвануть остальные бомбы, после чего посыпятся доклады.

Сперва будет сплошное замешательство, и за это время я должен покинуть космопорт. Потому что очень скоро придет понимание того, что все эти взрывы произошли в одном и том же месте на многих кораблях вслед за невероятной новостью, что Край недавно побывал во всех машинных отделениях. Края не заподозрят, во всяком случае, сперва, но власти, разумеется, захотят с ним немного побеседовать. И подобная беседа в мои планы не входила.

Я направился к своей машине насколько мог быстро, стараясь, однако, не привлекать лишнего внимания. И увидел около нее двух чинов военной полиции, державших с двух сторон обмякшего Гамалю.

— Это ваша машина, сэр? — спросил один из них.

— Конечно. Что вы здесь делаете?

— Дело в этом человеке. Мы увидели его на заднем сиденье, он говорил сам с собой. Мы подумали, что он пьян, но потом

прислушались, и оказалось, что он говорит на каком-то иностранном языке, сэр. Похожим на тот, на котором говорят на этой планете. Вы знаете, кто он?

Я не колебался.

Это была война, а солдаты на войне гибнут по множеству причин.

— Никогда раньше не видел его.

Мой голос проник в одурманенный мозг Гамалы, потому что он, моргая, поднял взгляд. Как ни слабы были его нервы, он, должно быть, обладал физической конструкцией быка, если был способен двигаться после того количества газа, которое он вдохнул.

Затем он ухватился за меня и закричал:

— Вы должны помочь мне! Они убьют меня, увезите меня отсюда. Это была ошибка — привозить меня сюда.

— Что он говорит? — спросил один из полицейских.

— Понятия не имею, хотя, я думаю, он может быть тем шпионом, который совершил диверсии в машинном отделении. — Время уходило слишком быстро, они вот-вот должны были подумать о Крае. — Посадите его на заднее сиденье машины и отправьте со мной. Я знаю, как заставить его говорить членораздельно.

Пока они это проделывали, я завел мотор и тронулся даже раньше, чем они уселись. Это немного побросало их, но если они и заметили одеяла на полу, то не упомянули о них. Поставив передачу на первую скорость, я погнал машину к выходу из космопорта.

Там стоял офицер, блокируя дорогу, с поднятой рукой, требуя, чтобы я остановился. Я продолжал ехать, но вынужден был крепко притормозить в последний момент, потому что он не сдвинулся с места.

— Вы не можете выехать. База закрыта... — Он был холодногоглазым, твердолицым и злым. Таким же, как и я.

— Я уезжаю. Приберегите свои приказы для других.

— Мне было приказано закрыть ворота для всех без исключения.

— У меня пленный, который может быть диверсантом, и двое охраняющих его. Ваше профессиональное рвение похвально, капитан, но вы должны знать, что я тот, кто отдает приказы, и я не подчиняюсь им.

— Вы не можете уехать.

Был ли он упрям до грани сумасшествия или имел на мой счет особый приказ? У меня не было времени на выяснение этого.

Я видел через окно, как один из солдат отвечает по телефону, и ощущал острое подозрение, что происходящий разговор имеет прямое отношение ко мне. Я вытащил пистолет и прицелился в капитана.

— С дороги, или я убью вас, — произнес я, стараясь придать своему голосу скучающую интонацию.

Он было потянулся за пистолетом, но тут же отказался

от этого намерения. Еще миг он колебался, и я увидел в его глазах обыкновенный страх. Затем он неохотно шагнул в сторону, и я бросил машину вперед. Я мельком увидел выбегающего из караула солдата, показывающего на машину и кричащего что-то.

Рев мотора заглушил его голос. После этого я не оглядывался, хотя военные полицейские явно это делали. В зеркальце заднего обзора я видел, как они перешептываются. Вот-вот они могли потянуться за собственными пистолетами, и я не стал рисковать.

Как только мы свернули за первый угол, я бросил на заднее сиденье газовую гранату, а затем остановился ровно настолько, сколько нужно было, чтобы выгрузить эту пару спящих красавцев.

Гамаль теперь тоже крепко спал, и мне ужасно хотелось последовать его примеру. Я широко зевнул и по боковой дороге направился к доку.

— Объясните, ди Гриз, и пусть это объяснение будет хорошим.

Инскипп с присущей ему невозмутимостью, расхаживал по салону космического корабля.

— Сперва скажите, как там мои дети, мои сыновья, которых не видел их отец, как они там?

— Да, как они там? — спросила Ангелина, удобно располагаясь в одном из кресел.

Инскипп немного пошипел, но вынужден был ответить.

— Прекрасно. Набирают вес, много лопают, точь-в-точь как их отец. Вы их скоро увидите. А теперь хватит об этом. Я пролетел не знаю сколько световых лет, чтобы проконтролировать эту операцию, потому что она, кажется, пришла к полной остановке. И что же я нахожу? Два моих агента решили, что с них хватит, и покинули порученную им планету. Они встречают меня здесь, на орбите, и пусть там эта несчастная планета крошится под железной пятой Клизанда. Объясните.

— Мы победили.

— Без шуток, ди Гриз, я могу расстрелять вас.

— Вы меня пальцем не тронете. Вы слишком много вложили в мою шкуру. И я говорю серьезно. Мы победили. Бурода, крошащаяся под железной пятой, еще этого не знает. Клизандские правители тоже этого не знают. Только немногие избранные.

— Я не принадлежу к числу этих счастливиц, так что поторопитесь.

— Требуется демонстрация. Ангелина, милая, наша маленькая игрушка у тебя с собой?

Она открыла ящик рядом со своим креслом и вручила мне Штуку. Она была гладкая, черная, не больше моей ладони. Внизу и на каждом конце у нее имелись маленькие отверстия, на одном конце также располагалось несколько маленьких линз.

Я протянул ее Инскиппу, который подозрительно посмотрел на нее.

— Вы знаете, что это такое? — спросил я.

— Нет. И не могу сказать, что особенно стремлюсь узнать.

— Это надгробный камень на могиле всех экспансионистских амбиций Клизанда. Каков тип корабля, на борту которого мы находимся?

— Легкий эсминец класса «Гнашер». А какое это имеет значение?

— Терпение, и вам откроется все.

Я взял из рук Ангелины маленькую коробочку дистанционного управления и вставил конец выступающего из нее штыря в соответствующее отверстие на Штуке. Затем я отстучал на клавиатуре серийный номер эсминцев класса «Гнашер». Не отсоединяя коробочку, я отнес Штуку к выходу из салона, где мы могли видеть объемистый диск главного шлюза.

Ангелина последовала за мной, буксируя протестующего Инскиппа.

— Мы должны представить себе, — сказал я, — что этот корабль стоит на земле и шлюз открыт. Рано или поздно все шлюзы открываются, и Штука будет ждать момента, когда это сделают. За этим наблюдает также оператор с расстояния в три километра. Шлюз открывают, и оператор активизирует Штуку. Она летит прямо к открытому шлюзу, пролетает его и...

Я нажал кнопку «Пуск», и она ожила. Завизжали крошечные реактивные двигатели, и Штука, вырвавшись из рук, стрелой рванулась вперед.

— За ней! — крикнул я и возглавил погоню.

Мы настигли ее двумя палубами ниже, где ее остановила закрытая дверь, но ненадолго.

Термическая пика на носу Штуки быстро прожгла дыру в металле, и она снова газанула.

Когда мы добрались до машинного отделения, она почти прогрызла себе дорогу сквозь эту дверь, и мы оказались там как раз вовремя, чтобы распахнуть дверь, когда она прошла. Летая по помещению, Штука сделала свечку, словно уточняя свои координаты, такая маленькая и быстрая, что за ней невозможна было уследить, а потом спикировала. Прямо на генератор двигателя искривления, где она и взорвалась в облачке черного дыма.

— Безвредный дымовой заряд, — пояснил я. — В полевой операции заменяется мощной взрывчаткой, более чем достаточной для уничтожения генератора двигателя искривления и все же не слишком большой дозой, чтобы не причинить иных серьезных повреждений. Исключительно гуманное оружие.

— Вы — сумасшедший!

— Только для Клизанда и серых людей, продолжающих эту бессмысленную войну. И если мы сможем вернуться к выпивке, я расскажу вам, как она будет остановлена.

Удобно устроившись и немного охладив глотку, я перешел к объяснениям.

— Я лично покончил с генераторами двигателей искривления на девяти клизандских кораблях, просто чтобы посмотреть, можно ли это сделать и не будет ли каких-либо проблем с планировкой и конструкцией корабля. Никаких проблем не возникло. Клизандские корабли точно такие же, как и любые другие, только еще более одинаковые, поскольку они любят мундирное однообразие, что существенно облегчает нашу работу.

Для выполнения этой работы и была спроектирована Штука. Оператор Штуки может спокойно сидеть за пределами космического порта, наблюдая в мощный бинокль за клизандскими кораблями.

Когда наблюдаемый корабль открывает свои шлюзы, Штука наносит удар.

Оператор должен лишь активизировать ее, ввести тип корабля и пустить ее в работу. У Штуки имеется блок памяти на молекулярном уровне и компьютерные цепи. Она на высокой скорости подлетает к кораблю, находит шлюз и влетает, а затем, используя введенные в ее память сведения о внутреннем устройстве судна, продельвает путь в машинное отделение, не отступая ни перед чем. Там она взрывает генератор двигателя искривления пространства. Конец клизандского вторжения.

— Конец одного генератора двигателя искривления,— поправил Инскипп с презрением в голосе.— Они закажут другой, и все дела.

— А вот и не все. Генераторы сложны, и изготовить их нелегко. Фабрик, выпускающих их, немного, потому что их закупают там, где соответствующее производство налажено. Я уверен, что на Клизанде есть по крайней мере одна такая фабрика, но ее можно найти и уничтожить из космоса.

— Так они получают генераторы со склада.

— Есть предел числу генераторов, хранящихся на складах, и склады эти очень скоро опустеют. А эмбарго на поставку генераторов Корпус сумеет заставить соблюдать сотрудничающие планету. Конец империи.

— Как?

— Подумайте, Инскипп, подумайте. Возраст не мог иссушить ваш мозг так же сильно, как вашу дубленую кожу. Ключ мне дала Ангелина. Клизандцы должны или продолжать расширение или погибнуть. У них не хватает ресурсов на своей собственной планете для ведения такого рода постоянной экспансии. Потому что они, завоевывая планету, заставляют ее работать на себя, тем самым восстанавливая свои силы, а потом идут дальше за следующим куском пирога. Да вот только дальше они больше не пойдут. У них все еще будут их планеты и материалы, но что от них толку, если их нельзя отправить туда, где они нужны? Экспансию придется остановить, а по мере того, как кораблей будет становиться все меньше, им придется отходить все дальше и дальше, пока они снова

не окажутся на своей родной планете. Тут-то и будет конец делу.

Любая планета может обеспечить себя сырьем и продовольствием в той мере, в какой это необходимо для выживания. Но империя не может выжить с перерезанными торговыми путями.

Я даю им год, не больше, после чего Клизанд будет еще одной отсталой планетой с массой парней в мундирах, но без работы.

Когда же все будет кончено, можно снова начать нормальную торговлю с ними. На все это потребуется от силы год. Что вы думаете?

— Я думаю, что ты снова преуспел, мой мальчик, как я раньше знал.

Он просиял, а я подмигнул Ангелине, и мы выпили за исполнение всего этого.

Мы стояли в шлюзе, готовые к высадке с корабля, когда подбежавший стюард вручил мне псиграмму. Ангелина бросила на нее испепеляющий взгляд.

— Порви ее,— сказала она,— если она от поганца Инскиппа, и он отменяет в ней единственный маленький отпуск, который мы наконец получили

— Успокойся,— ответил я, быстро просмотрев текст.— Нашему отдыху опасность еще не грозит. Это от Бэйз...

— Если эта грудастая нахалка все еще преследует тебя, то у нее будут неприятности.

— Не волнуйся, любовь моя. Дёпеша чисто политического характера. Результаты первых выборов после отступления клизандцев. Мужскую партию вывели из правительства, и девушки вернулись к рулю. Бэйз назначена военным министром, так что, я думаю, будущее вторжение пройдет не так легко, как предыдущее. И еще в псиграмме сообщается, что мы оба награждены орденом Голубых Гор первой степени — когда мы в следующий раз посетим Бурладу, состоится большая церемония с прикалыванием орденов.

— Смотри, только не вздумай отправиться туда сам по себе, Скользкий Джим!

Я вздохнул, когда массивный внешний шлюз корабля открылся и вместе с наружным воздухом внутрь влетела бравурная музыка военного оркестра. Небо было ясное, и на нем не было ничего, кроме пуфиков белых облачков и вертолетов, тянувших транспарант, который гласил: **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

— Очень мило,— сказал я.

— Уг-гу,— сказал Боливар. Или это Джеймс говорил? Их было трудно различать, а Ангелина отнеслась крайне несочувственно к моему предложению нарисовать «Д» на одном лобике и «Б» на другом. Лишь на время.

Она склонилась над их крошечными фигурками в роботоколяске, поправляя одеяла и совершая другие мелкие операции. Да только я-то знал, что она держит пистолет на поясе и нож

в пеленках. У моей Ангелины материнские чувства как у любой тигрицы: она заботится о своих детенышах, но когти держит острыми, просто на всякий случай.

Жаль бедного похитителя, который попытался бы умыкнуть дигризовских детей.

— Это улучшение по сравнению с обычным грохочущим эскалатором,— сказал я, показывая на платформу снаружи.

Верфь для ремонта кораблей была надраена, украшена флагами и превращена в пассажирский лифт. Он не только выдерживал всех высаживающихся людей, но на нем оставалось еще и достаточно места для военного оркестра, который сейчас стучал и трубил, словом, хорошо развлекался. Мы сошли на платформу и роботоколяска скатилась следом за нами. Джеймс — или Боливар — попытался выброситься через край, но мягкое щупальце толкнуло его обратно на подушки.

— Выглядит не так уж плохо,— сказала Ангелина, окидывая взглядом космопорт и город, пока подъемник медленно опускался.— Не могу понять, на что ты жаловался.

— Давай скажем так: когда я был здесь в прошлый раз, прием был немного иным. А это разве не приятное зрелище?

Я показал на ряды заброшенных космических кораблей. По бокам их тянулись видимые даже отсюда полосы ржавчины.

— Очень мило,— не глядя ответила она, закутывая ребенка, о котором роботоколяска и так уже прекрасно позаботилась. Подобно всем новоявленным отцам, я больше чем малость ревновал к вниманию, расточаемому ей на ребятишек, и с нетерпением ожидал нового задания, когда я смогу оказаться немного ближе к центру фокуса ее приязни.

Я привыкал к брачным узам и, несмотря на свою врожденную ненависть к браку и строптивость, начинал наслаждаться ими.

— Разве это не опасно? — спросила Ангелина, когда мы достигли земли и двойной ряд солдат почетного караула вытянулся по стойке смирно со звучным грохотом и лязгом. Их было, должно быть, не меньше тысячи, и все они были вооружены гауссовками.

— Их оружие небоеспособно. Это было частью соглашения.

— Но можем ли мы им доверять?

— Абсолютно. Единственное, что они знают, это как выполнять приказы.

Мы шли к зданию между рядами сверкающих солдат с винтовками, взятыми на караул, выпрямившихся, как статуи.

— Я тебе покажу,— сказал я и повел ее к ближайшему солдату. Коляска повернула и последовала за нами.

Он был высоким, прямым, с большой челюстью, стальными глазами, словом, со всем, что следует иметь солдату.

— На пле-е-чо! Арш! — рывкнул я в своей лучшей плац-парадной манере. Он мгновенно подчинился, демонстрируя не-

заурядную выучку. Седые волосы говорили о том, что он, должно быть, долгое время занимается этой игрой.— Проверка оружия! Выполнять!

Он четко бросил оружие на руку и с двойным клацаньем выдвинул затвор, после чего протянул мне оружие. Я взял винтовку и заглянул в казенник.

Без единого патрона и ни одного пятнышка. Я поднял ее к небу и посмотрел через ствол, но увидел только непролицаемую темноту.

— Дуло чем-то забито.

— Да, сэр. Приказ, сэр.

— Какой именно? Что там?

— Свинец, сэр. Сам расплавил и влил его.

— Великолепное оружие. Носите его, солдат.— Я швырнул винтовку обратно.

Он поймал ее и эффектно шелкнул. В нем было что-то знакомое.

— Я не знаю вас, солдат?

— Может быть, сэр. Я служил на многих планетах. Одно время я был полковником.

Когда он сказал это, в его глазах появился отдаленный блеск, который быстро растаял. Конечно, я не узнал его без бороды. Он был офицером, приставленным ко мне Краем, и пытался застрелить меня, когда мы впервые высадились на Бураре.

— Я знал этого человека. Он был офицером высокого ранга,— сообщил я Ангелине, когда мы пошли дальше.

— Теперь у него мало шансов на такую работу. Пусть радуется, что у него есть работа, позволяющая ему находиться на свежем воздухе. Просто удивительно, что они все так хорошо воспринимают то, что произошло.

— У них не было особого выбора. Когда рухнула их империя, они хлынули обратно на Клизанд и обнаружили, что их минеральные и энергетические ресурсы за годы экспансий поистощились, а они этого так и не заметили. Так что им пришлось или заниматься земледелием, или ходить голодными. Ну, а насколько я понял, сельское хозяйство у них сейчас прямо-таки процветает. А серые люди исчезли. Инскипп отправил своих агентов и обнаружил, что все они упаковались и уехали. Устраивать неприятности в другом месте, я полагаю. В один прекрасный день нам придется проследить их до родной планеты.

— Мерзавцы. Вот где от планетоуничтожающей бомбы была бы хоть какая-то польза.

— Только не при детях,— сказал я, потрепав ее по щеке.— Ты ведь не хочешь, чтобы они получили неверное представление о своей матери.

— Они получат верное. Я все еще не доверяю этим экс-воинам.

— Не нужно. После развала мы поместили здесь политических агентов, отдающих приказы, а приказы — это единст-

венное, что они умеют выполнять. Учитывая все обстоятельства, они очень легко отделались.

Все еще не убежденная Ангелина фыркнула.

— Хотела бы я знать, какой это умник придумал этот туристический бизнес и предложил, чтобы мы отправились первым кораблем?

— Я! Виновен в обоих случаях. И не смотри на меня кинжальным взглядом. Им требуется какое-то занятие и приток иностранной валюты. А туризм — это, примерно, все, что способна организовать планета без ресурсов. У них есть пляжи, лыжные трассы и все такое прочее, плюс смертельная притягательность для некоторых завоеванных ими планет. Это сработает, ты только подожди и сама увидишь.

Орды портье в мундирах столкнулись из-за нашего багажа, а затем пошли вперед с чемоданами к поверхностному транспорту.

Обстоятельства сильно изменились со времени моего первого визита на эту планету. Они, к тому же, кажется, были счастливы.

Не думаю, что они были созданы стать расой воинов и межзвездных завоевателей.

Ради старых времен я зарегистрировался в отеле «Злато-Злато», где я остановился в первый раз, он все еще был самым роскошным отелем в городе. Манеры швейцара на этот раз были лучше, а дежурный администратор даже поклонился, когда мы вошли.

— Добро пожаловать на Клизанд, генерал и госпожа Джеймс ди Гриз с сыновьями. Да будет ваше пребывание здесь счастливым.

В путешествиях титул помогает всегда, а на этой планете и подавно. Я оглядел фойе, а потом взглянул на администратора.

— Остров! Ты ли это? — воскликнул я.

Он снова поклонился.

— Я действительно Остров, сэр, но я боюсь, что вы знаете меня лучше, чем я вас.

— Извини. Нельзя ожидать, чтобы ты сразу узнал меня с моим настоящим лицом и настоящей подписью. Когда ты в последний раз говорил со мной, ты думал, что я тварь по имени Край, а до этого ты знал меня как Васко Хулио.

— Васко... Не может быть! Да, я верю, это твой голос...— Затем его собственный голос упал.— Надеюсь, вы примете мои столяр запоздалые извинения. Я никогда не чувствовал себя хорошо, помогая Краю схватить вас. Хотя после этого я пролежал без сознания полтора дня, я все равно был счастлив узнать, что вы сбежали. Я знал, что вы шпион и все такое, но...

— Ни слова больше! Вопрос закрыт, и я предпочитаю думать о тебе, как об однокомнатнике и собутыльнике.

— Очень мило. Вы не окажете ли мне честь, позволив пожать вашу руку?

Мы обменялись рукопожатиями, и я с любопытством посмотрел на него.

— Ты изменился и, по-моему, к лучшему. Прибавил немного в весе, отшлифовал манеры.

— Спасибо, Васко. Очень мило с вашей стороны. Я бросил пить, так что приходится следить за диетой. И мне больше не надо беспокоиться о полетах на этих поганных космических кораблях! В моей семье всегда работали в отелях, традиционное ремесло и все такое. Пока меня не поймал призыв. Приятно вернуться к тому, что я знаю, и к тому же, как видите, сразу наверх. Сейчас дефицит на хороших служащих отелей. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь.

Он вручил мне ручку и все тем же нейтральным голосом, только не так громко, сказал:

— Надеюсь, вы простите мне мои слова, но эта ситуация, по моему мнению, чрезвычайная, поэтому, пожалуйста, не подпрыгивайте и не оглядывайтесь. Но здесь с того момента, как мы открылись, остановился один человек. Я считаю, что он из людей Края, и он запугал весь штат. До этой минуты я не знал, что ему нужно. Теперь я считаю, что он охотится за вами. Надеюсь, вы вооружены. Он подходит сзади справа от вас. Одет в темно-фиолетовый пиджак и желтую шляпу в полоску.

У меня был отпуск, и я был безоружен. В первый раз за долгое время. Я мысленно поклялся, что это будет в последний раз.

А затем я вспомнил про Ангелину и увидел, что она снова склонилась над роботоколяской.

— Я не хотел бы беспокоить тебя, дорогая,— сказал я, улыбаясь и чувствуя, как зуд ползет по моей спине к черепу.— Но подходящий ко мне сзади человек в темно-фиолетовом пиджаке — убийца. Как ты думаешь, ты могла бы что-нибудь предпринять, желательно так, чтобы он остался живым?

— Как мило, что ты меня об этом попросил! — засмеялась она и похлопала по кучке пеленок в коляске.

Я шагнул к столу регистрации, следя за ней. Очаровательной, расслабленной, улыбающейся, приглаживающей волосы. И не торопящейся к тому же.

Я открыл было рот, чтобы упомянуть об этом факте как раз в тот момент, когда ее рука метнулась вниз. Позади меня раздался приглушенный вопль, и я, пригнувшись, обернулся.

Все было кончено.

Темно-фиолетовый пиджак потерял свою полосатую шляпу. И пистолет тоже — он лежал теперь на ковре. Он тянулся к ножу, торчавшему из его предплечья, делая слабые царапающие движения.

Затем рядом с ним оказалась Ангелина. Она рубанула его по шее и опустила потерявшего сознание убийцу на пол.

— Ничего себе, планета отдыха,— фыркнула она, но я-то знал, что она наслаждается.

— За это ты получишь медаль, моя радость. Корпус по-

заботится об этом парне, и, мне представляется, они выжмут из него **информацию** о его родной планете, что будет очень кстати.

Я снова повернулся к Острову.

— Благодарю тебя, ты спас мне жизнь.

— Не стоит благодарить меня, сэр. Я всегда считал, что в счет идут маленькие дополнительные услуги. А теперь можно проводить вас в номер?

— Можно. Ты ведь выпьешь с нами стаканчик, не так ли?

— Ну, только один раз. Пусть это будет рассматриваться как особый случай. Должен сказать, что вам повезло иметь жену одинаковых взглядов и талантов.

— Этот брак был создан состязанием на стезе преступлений. Может быть, когда-нибудь я расскажу тебе об этом.

Я нежно посмотрел на Ангелину, аккуратно вытиравшую нож о рубашку потерявшего сознание убийцы. Затем она аккуратно спрятала его. Когда дети станут постарше, они оценят ее таланты. Она была такой матерью, какую следовало бы иметь каждому мальчику.

СОДЕРЖАНИЕ

**КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ
ПОЯВЛЯЕТСЯ НА СВЕТ**

3

**КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ
ПРИЗВАНА В АРМИЮ**

168

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

313

**МЕСТЬ КРЫСЫ
ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ**

403

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Выпуск 14/1

Редактор *В. П. Кирчев*

Технический редактор *О. Цыплакова*

Тираж 52.000. Заказ № 907.

Предприятие «ЭЯ»

Отпечатано в Центральной типографии,
277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1.

